

2018. gada 07. decembrī

**Baltijas Starptautiskā akadēmija
Rīgas Stradiņa universitāte
Daugavpils Universitāte
Uniwersytet Przyrodniczo Humanistyczny w Siedlcach**

VII starptautiska zinātniska praktiska konference
**Transformācijas process tiesībās, reģionālajā
ekonomikā un ekonomiskajā politikā:
ekonomiski - politisko un tiesisko attiecību
aktuālās problēmas**

VII Международная научно-практическая конференция
**Трансформационные процессы в сфере права,
региональной экономики и экономической
политики: актуальные экономико-политические
и правовые проблемы**

VII International Scientific Conference
**Transformational Processes in Law, Regional
Economics and Economic Policies: Topical
Economic, Political and Legal Issues**

“Transformācijas process tiesībās, reģionālajā ekonomikā un ekonomis-kajāpolitikā: ekonomiski-politisko un tiesisko attiecību aktuālās problēmas” 2018. gada. 7. decembra VII Starptautiskās zinātniski-praktiskās konferences rakstukrājums. – Rīga: Baltijas Starptautiskā akadēmija, 2019. – 473. lpp.

VII Starptautiskās zinātniski praktiskās konferences „Transformācijas process tiesībās, reģionālajā ekonomika un ekonomiskajā politikā: ekonomiski-politisko un tiesisko attiecību aktuālās problēmas” rakstu krājumā apkopoti zinātnieku, praktiķu un studējošo konferencē nolasītie referāti. Konferencē piedalījās referenti no Čehijas, Gruzijas, Igaunijas, Kazahstānas, Krievijas, Latvijas, Lietuvas, Nīderlandes, Polijas, Ukrainas, Uzbekistānas. Krājumā iekļauti 84 raksti, kuros analizēta tiesību, reģionālās ekonomikas un ekonomiskas problemātika.

Konferences organizatoriskā komiteja:

Dr. oec., asoc.prof., S. Buka (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Dr.iur.prof. V. Reingolds (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

PhD doc. Ing. Zdenek Sadovsky, (Sting Academy, Czech Republic)

Dr.oec.prof. I. Stecenko (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Dr.psyh. prof. I. Plotka (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Doc. V. Silineviča (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Dr.Phil, prof. Mannov Abdurhim (Tashkent State Institute of Oriental Studies, Uzbekistānas)

Zinātniskā un redakcijas kolēģija:

Dr. oec., asoc.prof., S. Buka (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

PhD in Economics, asoc. prof. M. Drazhanova (Sting Academy, Czech Republic)

Dr.oec., Prof. T. Golubkova (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Dr.biol.asoc.prof. I. Kočina (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Dr.psyh. prof. I. Plotka (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Dr.iur.prof. V. Reingolds (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Dr.oec. S. Stradiņa (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Dr.oec.prof. I. Stecenko (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)

Phb.in BA, prof. M. Zineldin (Linnaeus University, Zviedrija)

Dr.iur.prof. A.Vilks (Rīgas Stradiņa universitāte, Latvija)

Dr.habil.sc.pol.prof. J. Zielinsky (Uniwerytet Przyrodniczo Humanistyczny w Siedlcach, Polija)

Ph.D. Ch.K. Husanov (Tashkent State Institute of Oriental Studies, Uzbekistānas)

Makets:

Olga Petrova

© Baltijas Starptautiskā akadēmija, 2018

Lomonosovaiela 4, Rīga LV–1003

ISBN 978-9984-47-162-4

Par tēžu saturu atbild to autori

EKONOMIKA UN VADĪBA

Andrejs Aleksejevs

Rūpniecības politikas īstenošanas salīdzinošā analīze Baltijas valstīs.....22

Aleksandrs Averins, Valentīna Grigorjeva

Publisko pakalpojumu kvalitātes novērtēšanas metodes mazo un vidējo uzņēmumu atbalsta un attīstības jomā.....26

Jeļena Borisova

Modernās mākslas investīciju pievilcība: izsoles pārdošanas analīzes pieredze.....31

Sergejs Boļšakovs

Sociāli-ekonomisku stratēģiju monitorings kā pārvaldības instruments municipālo iestāžu attīstībā (piemērs - Komi Republika).....35

Žanna Černoštan

Privāto universitāšu finansēšana Latvijā.....44

Jūlija Finaškina

Mārketinga komunikāciju izmantošanas iespējas mazajā biznesā Lietuvā un Latvijā.....49

Alla Iljina

Kultūras produktu virzīšanas īpatnības sociālajos tīklos.....55

Isamuhamedova Guļčehra

Uzbekistānas Republikas dalība Šanhajas Sadarbības organizācijā (ŠSO) un Zīda ceļa ekonomiskās jostas loma kā ŠSO dalībvalstu daudzpusējās ekonomiskās sadarbības katalizators.....59

František Janáč, Martin Pernica, Roman Horák

Ražošanas uzņēmuma vadība enerģētikas nozarē.....64

Vladimirs Jefremovs

Latvijas mazumtirdzniecības nozares attīstības perspektīvas.....71

Andrejs Jonkins

Ēnu ekonomikas definīcija un būtība.....74

Zulaykho Kadirova

Uzbekistāna pasaules darba tirgū.....77

Ataul Karim Rukon

Inovāciju ietekme uz Bangladešas ekonomisko izaugsmi.....81

Mašhura Kamilova, Džasur Nijazalijev

Uzbekistānas Republikas inovatīvās attīstības faktori un apstākļi.....85

Romans Kiseļčuk

Mūsdienu līderības teorijas menedžmentā.....89

Aleksandrs Koposovs, Andris Pūpols, Jānis Grens

Mūsdienu mārketinga tehnoloģijas kā efektīvs līdzeklis uzņēmumu konkurētspējas uzlabošanai.....93

Andrejs Kostins

Gaisa satiksmes prognozēšanas problēmas, ko izraisa ārējo faktoru izmaiņas.....97

Aļona Kozačuk

Mazo un vidējo uzņēmumu attīstība Eiropā.....107

Dauids Krals	
Personas datu aizsardzība mazā un vidējā biznesa segmentā.....	114
Kristina Mahareva	
Mūsdienu e-komercijas metožu analīze un to pielietojums lauku tūrisma pakalpojumu izplatīšanā Latvijā.....	119
Valērijs Ņikiforovs, Ņikita Ņikiforovs	
Latvijas Republikas ekonomikas transformācijas scenāriji pēcpadomju period.....	128
Nadežda Novožilova, Marina Plise	
Latvijas apdrošināšanas tirgus šodien.....	136
Antons Parhimovičs	
Globālā aviācijas pakalpojumu tirgus pārskats.....	148
Olga Pavuk	
Mazo uzņēmumu loma palielināšanās Latvijas tautsaimniecībā.....	157
Olga Piterina, Aleksandrs Mašarskis	
Ātrgaitas dzelzceļa transporta ietekmes uz tūrismu reģionālā aspektā novērtējums: pašreizējais empīriskais pētījums.....	161
Tatjana Ptasica	
Bezdarba ietekme uz aizdevumu sniegšanas līmeni komercbankās Kiprā.....	173
Zdenek Sadovski, Marianna Dražanova, Zdenek Karpišek	
Inovāciju menedžments mazā un vidējā biznesā: sistēmas izveide un attīstība.....	178
Aleksandrs Sakovskis	
Novecojuša dzīvojamā fonda atjaunošana Latvijā: iespējamie risinājumi.....	186
Viktorija Sičak	
Darbaspēka migrācijas ietekme uz Ukrainas ekonomiku.....	190
Nikolajs Sulima	
Metodiskā pieeja komerciālas dronu kompānijas cenu noteikšanas pakalpojumiem, ņemot vērā reģionālās īpatnības (piemēram, Kostarika).....	195
Ilona Terane	
Latvijas sociālās politikas īstenošana iedzīvotāju dzīves ilguma pieauguma apstākļos.....	203
Aleksejs Šipuljins, Aleksandrs Mašarskis	
Riska vadības attīstības perspektīvas maziem un vidējiem uzņēmumiem Latvijā.....	207
Lada Širjajeva, Tatjana Golubkova	
Riska kapitāla ietekme uz biznesa dinamiku Eiropā un Latvijā.....	211
Edgars Štāls	
Efektivitātes novērtēšanas aktualitāte publiskajā sektorā.....	221
Olga Trankale, Ludmila Verovska	
Veidi, kā uzlabot uzņēmuma finansiālo ilgtspēju.....	226
Aleksejs Uljanovs, Tatjana Golubkova	
Mārketinga stratēģiju uzlabošana mārketinga kompleksā uzņēmuma „A” konkurētspējas pilnveidošanā Latvijas radošās industrijas tirgū.....	231
Diļara Usmanova	
Inovāciju ieviešanas pārvaldības problēma organizācijās.....	237

Mehri Vohidova

Starptautiskās ekonomikas globalizācijas ietekme uz jaunattīstītu valstu ekonomiku
(no Uzbekistānas viedokļa puses).....242

Tatjana Veselova

Alternatīvās enerģijas jomas attīstības problēmas un ekonomiskās pārmaiņas
globalizācijas apstākļos (piemērs - Latvija).....247

Eva Vincencova

Eiropas Savienības ATAD direktīvas transponēšana uzņēmumu peļņas nodoklī
Čehijas Republikā.....257

Renāte Zujeva

Mazo un vidējo uzņēmumu loma Baltijas valstu un Eiropas Savienības ekonomikā.....264

Vjačeslavs Žilinskis, Karine Mančurjana, Jeļena Uzbekova

Abiturientu lēmumu pieņemšana, izvēloties universitāti un mācību programmu,
pamatojoties uz metodēm un faktoru modeļu analīzi.....269

Edmundas Vaitiekus, Olga Pavuk

Reģionālās attīstības perspektīvas.....275

Jautrīte Akermane	
Biometrisko datu aizsardzība.....	280
Kristīne Alpēna, Tatjana Jurkeviča	
Iepirkumu līgumu apstrīdēšana privātpersonu tiesību aizsardzības kontekstā.....	284
Guna Boževniece, M.Ļūļa –Frankēvica	
Datu apstrādes un aizsardzības tiesiskie aspekti.....	287
Irina Cvetkova	
ES pēckrīzes pasākumi, lai nodrošinātu finanšu iestāžu kontroli.....	291
Božena Dziemidok –Olszewska, Marta Michalczuk	
Polijas Republikas prezidenta referenduma tiesiskais regulējums.....	298
Olga Finogentova, Natālija Aleksejeva	
Transformācijas procesi augstākās izglītības jomā globalizācijas nosacījumos.....	303
Māris Gabrāns	
Aizturētā kratīšana, pamatojoties uz aizdomām par nozieguma izdarīšanu: teorijas, normatīvā regulējuma un prakses problēmas.....	308
Mihails Gončarovs	
Daži atbildības apdrošināšanas aspekti mājokļu sektorā.....	312
Agnese Grība, Māris Rungulis	
Mantojuma tiesību attīstība un Civillikuma modernizācijas nepieciešamība.....	318
Dace Gudēna	
Nepamatoti lēts piedāvājums publiskajā iepirkumā.....	322
Līga Ķirsone	
Fizisko personu datu aizsardzība darba tiesiskajās attiecībās.....	325
Andrejs Loškarevs, Arsenijs Šļinkovs, Alla Pavlušina	
Tiesību transformācija: sistēmas noturība vai kvalitātes maiņa.....	328
Andrejs Mažuks	
Operatīvās darbības reforma Latvijā.....	334
Alla Medvedjeva	
Bērnu tiesību aizsardzība aizgādniecības ietvaros.....	339
Tatjana Repina, Mihails Gončarovs	
Laulības šķiršanas institūcijas tiesiskie aspekti Latvijas Civillikumā.....	343
Olena Savchuk, Anna Liubchych	
Meža zemes nodošanas ģeoloģiskās izpētes urbumiem juridiskas problēmas.....	349
Sofiya Shvelidze, Elda Kazara-Belja	
Kuģu aizturēšana saskaņā ar Latvijas likumiem.....	352
Arina Umjarova	
Pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesiskā problemātika.....	355
Vita Upeniece	
Valsts pašaizsardzības tiesību izmantošanas ilgums.....	365
Sandra Ziediņa	
Bāriņtiesas atzinums par saskarsmes tiesības īstenošanas kārtību.....	370

Aleksandra Boļšakova

Veselīgu vai neveselīgu pārtikas produktu preferenču izpēte, izmantojot netiešu asociācijas testu un pašnovērtēšanas procedūras.....375

Karina Bonekate

Pētījums par saistību starp studentu panākumu pašvērtējumu un personības trauksmi.....381

Viktors Dvorjančuk

Pētījums par subjektīvas vientulības sajūtas un depresijas stāvokļu saistību 30-45 gadu vecām sievietēm.....385

Aļona Falkovskaja

Dažādu mācību formu ietekme uz spēju regulēt emocijas jaunākā skolas vecuma bērniem.....389

Svetlana Jevlampijeva

Saistība starp dzīves apmierinātību, veselību un personības patoloģiskām iezīmēm.....396

Rīta Kalniņa, Ilze Skrinda

Attieksmes pret kriminālo vardarbību un piesaistes stilu sakarības izpēte.....401

Rīta Kalniņa

Vidēja ranga vadītāju vadības stila un psiholoģiskā klimata kolektīvā saikne organizācijā.....406

Vjačeslavs Kregers

Pētījums par studentu koping-stratēģijām un pašefektivitātes saistību.....409

Ilona Kudrjavceva

Hiperaktivitātes fenomena izpētes pieeju teorētiska analīze.....413

Dmitrijs Maksimenko

Emocionālā intelekta izpēte dažādās vecuma grupām.....418

Irina Markeviča

Pusaudžu no ģimenēm ar dažādu veidu vecāku attiecībām emociju izziņas spējas – atšķirību pētījums.....422

Aleksandrs Ņikitins

Pētījums par noturības un koping-stratēģiju saistību cilvēkiem ar profesijām, kas saistītas ar risku.....426

Uldis Ozoliņš

Sasniegumu motivācijas un pašvērtējuma saikne pusaudžiem.....433

Ieva Pelīte

Sakarību izpēte starp mobingu un stresa pārvarēšanas veidiem medicīnas personāla darbiniekiem.....437

Olga Rimkus

Pētījums par saistību starp personības negatīvām rakstura īpašībām un pašmonitoringu pārdošanas menedžeriem.....440

Ilja Semenovs

Pētījums par profesionālās izdegšanas savienojumu ar empātiju vidusskolu skolotāju vidū.....445

Sholpan Zhanalina

Sociālās politikas veidošana un galvenie aspekti sociāli neaizsargāto ģimeņu atbalstam pasaules praksē (piemērs - ES valstis un Kazahstāna).....449

Ilona Šargova

Pētījums par psiholoģiskas labklājības un personiskās kreativitātes saistību pieaugušiem cilvēkiem.....453

Natālija Volkova

Pētījumi par bezdarbnieku koping-stratēģijām un pašefektivitātes saistību.....458

Jūlija Zalgaucka

Studentu-vīriešu orientācijas uz nākotni saistībā ar akadēmiskajiem sasniegumiem.....462

Iveta Pastva

Laulāto personības vērtības izvēles sakarības ar apmierinātību laulībā.....465

Андреев Алексей	
Сравнительный анализ реализации промышленной политики в странах Балтии.....	22
Александр Аверин, Валентина Григорьева	
Методы оценки качества государственных услуг в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства.....	26
Елена Борисова	
Инвестиционная привлекательность современного искусства: опыт анализа аукционных продаж.....	31
Сергей Большаков	
Мониторинг стратегий социально-экономического развития муниципальных образований как инструмент управления (на примере Республики Коми).....	35
Жанна Черноштан	
Финансирование частных Вузов Латвии.....	44
Юлия Финашкина	
Особенности использования маркетинговых коммуникаций в малом.....	49
Алла Ильина	
Особенности продвижения продуктов культуры в социальных сетях.....	55
Исамухамедова Гулчехра Салиховна	
Участие Республики Узбекистан в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и роли Экономического пояса Шелкового пути (ШРБ) в качестве катализатора многостороннего экономического сотрудничества государств-членов ШОС.....	59
František Janáč, Martin Pernica, Roman Horák	
Управление производственным предприятием в энергетике.....	64
Владимир Ефремов	
Перспективы развития отрасли розничной торговли Латвии.....	71
Андрей Ионкин	
Дефиниция и сущность теневой экономики.....	74
Кадирова Зулайхо	
Узбекистан на мировом рынке труда.....	77
Атаул Карим Рукон	
Влияние инноваций на экономический рост Бангладеша.....	81
Машхура Камилова, Джасур Ниязалиев	
Факторы и условия инновационного развития республики Узбекистан.....	85
Роман Кисельчук	
Современные теории лидерства в менеджменте.....	89
Александр Копосов, Андрис Пуполс, Янис Гренс	
Современные маркетинговые технологии как эффективный инструмент повышения конкурентоспособности предприятия.....	93
Андрей Костин	
Проблемы прогнозирования авиаперевозок, вызванные изменениями внешних факторов.....	97
Алёна Козачук	
Развитие малых и средних предприятий в Европе.....	107

Давид Крал	
Защита персональных данных в сегменте МСП.....	114
Кристина Махарева	
Анализ современных методов э-коммерции и их применение при агрегированной дистрибуции услуг сельского туризма в Латвии.....	119
Валерий Никифоров, Никита Никифоров	
Сценарии трансформации экономики Латвийской Республики в постсоветский период.....	128
Надежда Новожилова, Марина Плисс	
Латвийский страховой рынок сегодня.....	136
Антон Пархимович	
Обзор мирового рынка авиауслуг.....	148
Ольга Павук	
Роль малого бизнеса в народном хозяйстве Латвии растёт.....	157
Ольга Питерина, Александр Машарский	
Оценка регионального аспекта влияния высокоскоростного железнодорожного транспорта на туризм: современное состояние эмпирических исследований.....	161
Татьяна Птасица	
Влияние Уровня безработицы на уровень исполнения по кредитам в коммерческих банках Кипра.....	173
Зденек Садовски, Марианна Дражанова, Зденек Карпишек	
Инновационный менеджмент в МСП: формирование и развитие системы	178
Александр Саковский	
Обновление устаревшего жилого фонда в Латвии: возможные решения	186
Виктория Сичак	
Влияние трудовой миграции на экономику Украины.....	190
Николай Сулима	
Методический подход к ценообразованию услуг коммерческой дронной компании с учетом региональной специфики (на примере Коста-Рики).....	195
Илона Теране	
Реализация социальной политики Латвии в условиях увеличения продолжительности жизни населения.....	203
Алексей Шипулин, Александр Машарский	
Перспективы развития риск-менеджмента малых и средних предприятий в Латвии.....	207
Лада Ширяева, Татьяна Голубкова	
Влияние венчурного капитала на динамику бизнеса в Европе и Латвии.....	211
Эдгарс Шталс	
Актуальность оценки эффективности в государственном секторе.....	221
Ольга Транкале, Людмила Веровская	
Пути повышения финансовой устойчивости на предприятии.....	226
Алексей Ульянов, Татьяна Голубкова	
Совершенствование маркетинговых стратегий в комплексе маркетинга для улучшения конкурентоспособности предприятия «А» на Латвийском рынке творческой индустрии бизнесе в Литве и Латвии.....	231

Диляра Усманова	
Проблема управления внедрением инноваций в организации.....	237
Вахидова Мехри Хасановна	
Влияние международной экономической глобализации на экономику развивающихся стран (с точки зрения Узбекистана)	242
Татьяна Веселова	
Проблемы развития сферы альтернативной энергетики и экономические изменения в условиях глобализации (на примере Латвии).....	247
Eva Vincencová	
Транспонирование ATAD директивы ЕС в корпоративный налог на прибыль в Чешской Республике.....	257
Renāte Zujeva	
Mazo un vidējo uzņēmumu loma Baltijas valstu un Eiropas Savienības ekonomikā.....	264
Вячеслав Жилинский, Каринэ Манучаряна, Елена Узбекова	
Принятие решений у абитуриентов при выборе университета и учебной программы с точки зрения методов и моделей факторного анализа.....	269
Эдмундас Вайтекус, Ольга Павук	
Перспективы регионального развития.....	275

Яутрите Акермане	
Защита биометрических данных.....	280
Кристине Алпена, Татьяна Юркевич	
Оспаривание договоров о закупках в контексте защиты прав физических лиц.....	284
Гуна Божевнице, М.Люля-Франкевица	
Правовые аспекты обработки и защиты данных.....	287
Ирина Цветкова	
Посткризисные меры ЕС по обеспечению контроля над финансовыми институтами.....	291
Bożena Dziemidok –Olszewska, Marta Michalczuk	
Правовое регулирование референдума Президента Республики Польша.....	298
Olga Finogentova, Natālija Aleksejeva	
Transformācijas procesi augstākās izglītības jomā globalizācijas nosacījumos.....	303
Марис Габранс	
Личный обыск задержанного по подозрению в совершении преступления: проблемы теории, нормативного регулирования и практики производства.....	308
Гончаров Михаил	
Некоторые аспекты страхования ответственности в жилищно-коммунальной сфере.....	312
Агнесе Гриба, Марис Рунгулис	
Развитие наследственного права и необходимость модернизации гражданского права.....	318
Даце Гудена	
Необоснованно дешевый тендер по госзакупкам.....	322
Лига Кирсоне	
Защита персональных данных в трудово-правовых отношениях.....	325
Андрей Лошкарев, Арсений Шлиньков, Алла Павлушина	
Трансформация права: устойчивость системы или смена качества.....	328
Андрейс Мажукс	
Реформа оперативной деятельности в Латвии.....	334
Алла Медведева	
Защита прав детей в рамках опеки.....	339
Репина Татьяна, Гончаров Михаил	
Правовые аспекты института расторжения брака в Гражданском праве Латвии.....	343
Olena Savchuk, Anna Liubchych	
Правовые проблемы при передаче лесных земель для бурения геологоразведочных скважин.....	349
Sofiya Shvelidze, Elda Kazara-Belja	
Арест судов в соответствии с законодательством Латвии.....	352
Арина Умярова	
Правовая проблематика временной защиты от насилия.....	355
Вита Упенице	
Продолжительность права государством на национальную самооборону.....	365
Сандра Зиединя	
Мнение Сиротского суда о порядке реализации права на доступ.....	370

Александра Большакова	
Исследование предпочтений здоровой или вредной пищи с использованием имплицитного ассоциативного теста и само оценочных процедур.....	375
Карина Бонекате	
Исследование связи между самооценкой своей успешности и личностной тревожностью у студентов.....	381
Виктор Дворянчук	
Исследование связи субъективного ощущения одиночества и депрессивных состояний у женщин 30-45 лет.....	385
Алёна Фальковская	
Влияние различных форм обучения на умения регулировать эмоции у детей младшего школьного возраста.....	389
Светлана Евлампиева	
Связь между удовлетворенностью жизнью, здоровьем и патологическими личностными чертами.....	496
Рита Калныня, Илзе Скринда	
Изучение взаимосвязи между отношением к криминальному насилию и стилями привязанности.....	401
Рита Калныня	
Коллективная связь между стилем руководства среднего звена и психологическим климатом в организации.....	406
Вячеслав Креггерс	
Исследование связи проактивного копинг - поведения и самооффективности у студентов.....	409
Илона Кудрявцева	
Теоретический анализ подходов к изучению феномена гиперактивности.....	413
Дмитрий Максименко	
Исследование эмоционального интеллекта в различных возрастных группах.....	418
Ирина Маркевич	
Исследование различий в способности распознавать эмоции подростками, из семей с разным типом родительских отношений.....	420
Александр Никитин	
Исследование связи жизнестойкости и копинг – стратегий у людей, имеющих профессии, связанные с риском.....	426
Улдис Озолыньш	
Связь между мотивацией и самооценкой достижения подростков.....	433
Иева Пелите	
Исследование взаимосвязей между типами управления мобильностью и стрессом для медицинского персонала.....	437

Ольга Римкус

Исследование связи негативных черт личности с самомониторингом
у менеджеров по продажам.....440

Илья Семёнов

Исследование связи профессионального выгорания с эмпатией
у учителей средней школы.....445

Шолпан Жаналина

Формирование и главные аспекты социальной политики и поддержки социально
уязвимых семей в мировой практике (на примере стран ЕС и Казахстана).....449

Илона Шаргова

Исследование связи психологического благополучия и личностной креативности
у взрослых людей.....453

Наталья Волкова

Исследование связи копинг-стратегий и самоэффективности у безработных.....458

Юлия Залгауцка

Связь между ориентацией студента-мужчины на будущее в связи с академическими
достижениями.....462

Ивета Паства

Связь между выбором личностной оценки супруга и удовлетворенностью браком.....465

Andrey Alekseyev	
Comparative Analysis of Implementing Industrial Policy in the Baltic States.....	22
Aleksander Averin, Valentina Grigoryeva	
Methods for Quality Assessment of Public Services in the Field of Small and Medium-sized Enterprises' Support and Development.....	26
Jelena Borisova	
Investment Attractiveness of Contemporary Art: Auction Sales Experience Analysis.....	31
Sergey Bolshakov	
Monitoring Strategies for Social and Economic Development of Municipalities as a Management Tool (in the Case of the Komi Republic)	35
Zhanna Chernoshtan	
Financing of Private Universities in Latvia.....	44
Julia Finashkina	
Marketing Communications Applying Features in Small Businesses in Lithuania and Latvia.....	49
Alla Iljina	
Promotion Features of Cultural Products in Social Networks.....	55
Gulchehra Isamukhamedova	
The Participation of the Republic of Uzbekistan in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Role of the Silk Road Economic Belt (SREB) as a Catalyst for Multilateral Economic Cooperation of the SCO Member States.....	59
František Janáč, Martin Pernica Roman Horák	
Management of Manufacturing Firms in the Energy Sector.....	64
Vladimir Jefremov	
Development Prospects for the Latvian Retail Industry.....	71
Andrey Jonjin	
Definition and Concept of a Shadow Economy.....	74
Zulaykho Kadirova	
The Participation of Uzbekistan in the Contemporary International Labour Market	
Ataul Karim Rukon	
The Influence of Innovations in the Economic Growth of Bangladesh.....	81
Mashkhura Kamilova, Jasur Niyozaliev	
Factors and Conditions for Innovative Development in the Republic of Uzbekistan.....	85
Roman Kiselchuk	
Modern Theories in Leadership Management.....	89
Aleksander Koposov, Andris Pupols, Janis Grens	
Modern Marketing Technologies as an Effective Tool to Improve Enterprises' Competitiveness.....	93
Andrey Kostin	
The Problems of Forecasting Air Transportation due to Changes in External Factors.....	97
Aljona Kozacsuk	
The Development of Small and Medium-sized Enterprises in Europe.....	107

David Král	
Personal Data Protection in the of Small and Medium-sized Enterprises.....	114
Kristina Mahareva	
A Case Study of Modern E-Commerce Techniques and their Application for Aggregate Service Distribution in the Latvian Rural Tourism Sector.....	119
Valery Nikiforov, Nikita Nikiforov	
A Blueprint for Transformation of the Economy in the Republic of Latvia During the Post-Soviet Period.....	128
Nadezhda Novozhilova, Marina Pliss	
The Modern Latvian Insurance Market.....	136
Anton Parhimovich	
The Global Aviation Services Market Overview.....	148
Olga Pavuk	
The Increasing Importance of Small Businesses to the Latvian Economy.....	157
Olga Piterina, Aleksandr Masharskiy	
A Regional aspect of the Impact of High-speed Rail Transport on Tourism: The Current State of Empirical Research.....	161
Tatjana Ptasica	
The impact of the Unemployment Rate on the Level of Non-performing Loans in Commercial Banks in Cyprus.....	173
Zdenek Sadovski, Marianna Drazhanova, Zdenek Karpishek	
Innovation Management in SMEs: System Formation and Development.....	178
Aleksandrs Sakovskis	
Renewing an Outdated Housing Stock in Latvia: Possible Solutions.....	186
Viktoria Sichak	
The Impact of Labour Migration on the Economy of Ukraine.....	190
Nikolay Sulima	
Methodical Approach to Price Formation for a Commercial Drone Company's Services with a Local Context (A Case Study of Costa Rica).....	195
Ilona Terane	
Implementation of the social policy of Latvia in the state of populations' increasing life expectancy.....	203
Aleksey Shipulin, Aleksander Masharskiy	
The Development Prospects of Risk Management for Small and Medium-sized Enterprises in Latvia.....	207
Lada Shirjayeva, Tatyana Golubkova	
Venture Capital Impact on Business Dynamics in Europe and Latvia.....	211
Edgars Shtals	
Efficiency Assessment Relevance in the Public Sector.....	221
Olga Trankale, Ludmila Verovska	
Ways to Improve Enterprises' Financial Sustainability.....	226
Aleksey Uljanov, Tatyana Golubkova	
Improving Marketing Strategies in the Marketing Mix to Improve an Enterprise's Competitiveness in the Latvian Creative Industry Market.....	231

Diljara Usmanova	
Management Problems in Establishing Innovations in Organizations.....	237
Vohidova Mehri Khasanovna	
The Impact of International Economic Globalization on the Economies of Developing Countries (From the Point of View of Uzbekistan).....	242
Tatjana Veselova	
Development Problems in the Field of Alternative Energy and Economic Changes caused by Globalization (A Case Study of Latvia).....	247
Eva Vincencová	
Transposition of the ATAD EU Directive into Corporate Income Tax in The Czech Republic.....	257
Renate Zujeva	
The Role of Small and Medium-sized Enterprises in the Economies of the Baltic States and the European Union.....	264
Vjacheslav Zhilinskiy, Karine Manucharjana, Jelena Uzbekova	
Prospective Student Decision Making While Choosing a University and Study Programme in Terms of Factor Analysis Methods and Models.....	269
Edmundas Vaitiekus, Olga Pavuk	
Regional Development Prospects.....	275

Jautrite Akermane	
Biometric Data Security.....	280
Kristine Alpena, Tatyana Jurkevich	
Challenging Procurement Contracts in the Context of Individuals' Rights Protection.....	284
Guna Bozhevniece, M.Liulia-Frankevica	
Legal Issues of Data Processing and Protection.....	287
Irina Cvetkova	
EU Post-crisis Measures for Ensuring Control over Financial Institutions.....	291
Bożena Dziemidok –Olszewska, Marta Michalczuk	
Legal Regulations for a Referendum held by the President of the Republic of Poland.....	298
Olga Finogentova, Natalia Alekseyeva	
Transformation Processes in Higher Education Under Globalisation.....	303
Maris Gabrans	
Body Search of a Detainee Suspected of a Crime: Theory, Regulation and Internship Problems.....	308
Mikhail Goncharov	
Some Issues of Liability Insurance in the Housing and Communal Sphere.....	312
Agnese Griba, Maris Rungulis	
The Development of Inheritance Law and the Necessity to Modernize Civil Law.....	318
Dace Gudena	
Unreasonably Cheap Tenders for Public Procurement.....	322
Liga Kirsone	
Personal Data Protection in Labour and Legal Relations.....	325
Andrey Loshkarev, Arseniy Shlinkov, Alla Pavlushina	
Transformation of Law: Sustainability of System or Change of Quality.....	328
Andrejs Mazhuks	
Operational Reform in Latvia.....	334
Alla Medvedjeva	
Children's Rights Protection Under Guardianship.....	339
Tatiana Repina, Mikhail Goncharov	
Legal Issues for the Institution of Divorce in Latvian Civil Law.....	343
Olena Savchuk, Anna Liubchych	
Legal Problems Arising from the Transfer of Forest Land for Geological Exploration by Digging Boreholes.....	349
Sofiya Shvelidze, Elda Kazara-Belja	
Issues of Arrest of Ships Under Latvian Law.....	352
Arina Umjarova	
Legal Issues of Temporary Protection from Violence.....	355
Vita Upeniece	
The Duration of the State's Right to National Self-Defense.....	365
Sandra Ziedinia	
Orphans' Court Opinion on the Procedure for Exercising the Right to Access.....	370

Aleksandra Bolshakova	
The Study of Preferences for Healthy or Unhealthy Food Using an Implicit Associative Test and Self-Assessment Procedures.....	375
Karina Bonekate	
The Study of the Connection between Students' Self-Esteem and Personal Anxiety.....	381
Viktor Dvorjanchuk	
The Study of the Connection between 30-45-Year-Old Women's Subjective Feelings of Loneliness and Depression.....	385
Alyona Falkovskaja	
The Impact of Various Forms of Education on the Ability to Regulate Emotions Among Primary School-Age Children.....	389
Svetlana Jevlampiyeva	
The Connection between Satisfaction and Life, Health and Pathological Personality Traits.....	396
Rita Kalninya, Ilze Skrinda	
The Study of the Connection Between the Attitude Towards Criminal Violence and Attachment Styles.....	401
Rita Kalninya	
The Collective Connection between Middle Management Style and an Organization's Psychological Climate.....	406
Vyacheslav Kregers	
The Study of the Connection between Students' Proactive Coping Behaviour and Self-Sufficiency.....	409
Ilona Kudrjavceva	
The Theoretical Analysis of Approaches to Investigating Hyperactivity Phenomenon.....	413
Dmitriy Maksimenko	
Emotional Intelligence in Various Age Groups.....	418
Irina Markevicha	
The Study of the Differences in the Ability of Teenagers to Recognize Emotions in Families with Different Types of Parental Relationships.....	422
Aleksander Nikitin	
The Study of the Connection between Resilience and Coping Strategies Among People Having Risk-Related Professions.....	426
Uldis Ozolinsh	
The Connection between Teenagers' Motivation, Achievement and Self-Esteem.....	433
Ieva Pelite	
Mobbing Relevance with Stress Coping ways for Mid-level Medical Staff.....	437
Olga Rimkus	
The Study of the Connection between Negative Personality Traits and Sales Managers' Self-Monitoring.....	440

Ilja Semenov

The Study of the Connection between Professional Burnout and Empathy Among
Secondary School Teachers.....445

Sholpan Zhanalina

Formation and Main Aspects of Social Policy and Support for Socially Vulnerable
Families in World Practice (Based on Examples from EU Countries and Kazakhstan).....449

Ilona Shargova

The Study of the Connection between Adults' Psychological Well-Being and
Their Personal Creativity.....453

Natalia Volkova

The Study of the Connection between Coping Strategies and Self-Sufficiency
of the Unemployed.....458

Julia Zalgaucka

A Male Student's Orientation Towards his Future in relation to Academic Achievements.....462

Iveta Pastva

The Connection between Personal Evaluation of the Choice of Spouse and
Marriage Satisfaction.....465

ЕКОНОМІКА UN VADІВА

**ЭКОНОМИКА И
УПРАВЛЕНИЕ**

**ECONOMICS AND
MANAGEMENT**

Сравнительный анализ реализации промышленной политики в странах Балтии

Андрей Алексеев,

докторант программы «Региональная экономика и экономическая политика»,

Научный руководитель: проф. Инна Стеценко,

Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье автор проводит анализ реализации промышленной политики в странах Балтии. Внимание автора уделено теоретическому пониманию «промышленная политика» при формировании единой экономической политики стран ЕС. Рассмотрена стратегия реализации программы Европа 2020 и проведен анализ макроэкономических показателей стран. Особое внимание уделено индикаторам, характеризующим реализацию промышленной политики в странах Балтии.

Ключевые слова: промышленная политика, стратегия Европа 2020, страны Балтии.

ABSTRACT

In this article the author carry out the analysis of the implementation of the industrial policy in the Baltic States. The attention of the authors is paid to the theoretical understanding of the “industrial policy” in the formation of a unified economic policy of the EU countries. The strategy of the implementation of the Europe 2020 program is considered and the analysis of the macroeconomic indicators of the countries is carried out. The author paid special attention to the indicators, characterizing the implementation of the industrial policy in the Baltic States and the Czech Republic.

Keywords: the industrial policy, the strategy Europe 2020, the Baltic states.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Для проведения анализа реализации промышленной политики в странах Балтии, следует определить дефиницию «промышленная политика», поскольку в плановой экономике понятие экономической политики почти полностью сливалось с понятием промышленной политики. В тот период основным инструментом разрешения проблемы продуктовых дефицитов являлся маневр государственными капитальными вложениями. Вероятно поэтому, призывы к активной промышленной политике в первой половине 1990-х годов и в определённой степени до сих пор воспринимаются многими как призыв к реанимации системы централизованного планирования.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ /SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ/ BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Анализ экономической и справочной литературы показывает, что экономическая и промышленная политика понятия далеко не идентичные. Нередко наряду с термином «промышленная политика» упоминаются понятия «индустриальная политика» и «научно-техническая политика». Рассмотрим содержание этих дефиниций подробнее.

«Industrial policy» означает также политику государства по содействию выхода промышленности из структурного кризиса за счет: 1) преодоления несоответствия между возникающей новой технико-экономической парадигмой промышленного развития и институциональной структурой общества, 2) завершения структурной перестройки промышленности в рамках единства технологической, отраслевой и институциональной перестройки как важнейшего этапа циклического развития

структуры промышленности. промышленная политика» относится к 30-м годам XX века и связано с возникшей острой необходимостью разработки программы борьбы с кризисом, охватившим английскую и американскую экономики [1].

Paul Krugman, (1999) предлагает следующее определение промышленной политики: «попытка государства содействовать притоку ресурсов в отдельные сектора, которые государство считает важными для будущего экономического роста» [2], NaJoon Chang, 1984 [3], - «промышленная политика направлена на отдельные сектора (и фирмы, как их составляющие) для достижения таких результатов, которые воспринимаются государством как эффективные для экономики как целого», Victoria Price, (1981) промышленная политика - в общем виде совокупность государственных мер по содействию или предотвращению определенных структурных сдвигов» [4], Howard Pack, Kamal Saggi, 2006; Ken Warwick, (2013) [5], промышленная политика – это государственная политика, которая направлена на улучшение бизнес-среды или улучшение структуры экономической активности по секторам, технологиям и, как ожидается, обеспечит за счет вмешательства лучшие перспективы для экономического роста и общественного блага по сравнению с отсутствием такого вмешательства.

Еврокомиссия разработала приоритетные 7 направлений деятельности [6], среди которых, напрямую влияющих на индустриальную политику стран, по мнению автора, являются следующие:

1. «Инновационный Союз». Задача этого направления – перенацелить исследования, разработки и инновации на сегодняшние основные проблемы общества, такие как изменение климата, целесообразное использование энергии и ресурсов, демографические проблемы и проблемы здравоохранения.
2. «План развития цифровых технологий в Европе». Целью этого направления является получение устойчивой экономики и социальных благ путем создания Общего Цифрового Рынка ЕС, основанного на высокоскоростном интернете и совместимых приложений с возможностью широкополосного доступа для всех граждан ЕС к 2013 году, а также обеспечение увеличения скорости пользования интернетом к 2020 году, а кроме того увеличение на 50% и более количества частных лиц, подключенных к интернету со скоростью более 100 Мбит/с.
3. «Индустриальная политика, направленная на глобализацию». Европейская Комиссия намерена работать с заинтересованными сторонами (в бизнесе, профсоюзах, учреждениях науки, организациях, защищающих права потребителей) для разработки общих принципов современной индустриальной политики, поддержки предпринимателей, чтобы направить и помочь промышленности успешно перенести предполагаемые проблемы и изменения.

Итак, в преддверии подготовки документов по реализации программных документов Европа 2020 и поиска путей решения данных проблем, проведем анализ реализации промышленной политики стран Балтии.

Начнем с рассмотрения макроэкономических показателей (таблица 1)

Таблица 1. Сравнительный анализ макроэкономических показателей и индикаторов программы Европа 2020 стран Балтии, составлено автором [7], [8]

Показатели	Эстония	Латвия	Литва
Затраты ВВП на исследование и развитие, % от ВВП в 2016	1,28 цель -3,0	0,44 цель – 1,5	0,85 цель -1,9
Высшее образование в возрастной группе от 30-34 лет, % 2016	48, 4 цель -40	43,8 цель – 34	58 цель - 48,7
Безработные, %, 2017	5,8	8,7	7,1
Население, чел в 2017	1315634	1950116	2847904

Покупательская способность, ВВП на душу населения, евро, 2017 год	23 100	20100	23 400
Уровень инфляции, (гармонизированный индекс) среднегодовой темп изменения (%), 2017	3,7	2,9	3,7

Источник: European Commission, Eurostat

Итак, данные, представленные авторами в таблице 1 показывают, что из стран Балтии Латвия тратит меньше всего средств на исследование и развитие, так в 2016 году было потрачено только 0,44% от ВВП, хотя к 2020 году цель – расходувать on R&D – 1,5%. Литва и Эстония в несколько раз опережают затраты Латвии на исследовательскую деятельность, без которой, как указывалось ранее невозможно развитие индустрии.

При этом цель для показателя «высшее образование для людей в возрасте 30-34 лет» к 2020 году для стран ЕС составляет 40%. Из стран Балтии лучший показатель «высшее образование для людей в возрасте 30-34 лет» – в Литве 58% в 2016 году, Эстония 52%, в Латвии этот показатель составил 43,8%, хотя цель намечалась только 34%. В Латвии самый низкий из стран Балтии уровень ВВП на душу населения – 20 100 евро. Уровень инфляции по-прежнему на высоком уровне в Латвии - 8,7%, тогда как в Литве – 7,1% в Эстонии 5,8%.

Итак, нами проведен анализ выполнения программы Европа 2020 и исследованы макроэкономические показатели. Далее рассмотрим, как страны реализуют промышленную политику в государстве таблица 2.

Таблица 2. Сравнительный анализ экономических показателей промышленной отрасли стран Балтии и Чехии, в 2017 году. Составлено автором [8]

Показатели	Эстония	Латвия	Литва
Вклад рабочей силы в промышленность, %	113,6	114,7	119,1
Уровень заработной платы и производительности труда ¹ ,%	152,3	172,9	173,6
Текущая производительность труда по NACE Rev. 2 в 1 000 EUR на 1 чел	26,3	18	19,6
Патентные заявки в Европейское патентное ведомство, шт	33	21,64	19,15
Демография бизнеса: основные переменные	9066	19003 ²	37132

Source: Eurostat

Итак, данные приведенные ЕС свидетельствуют, что в Латвии регистрируется незначительное количество патентов – 21,64. Расчет Еврокомиссия ведет следующим образом - общее количество заявок на европейский патент относят к запросам на защиту изобретения, направленным либо непосредственно в Европейское патентное ведомство (ЕПВ), либо поданным в соответствии с Договором о патентной кооперации и обозначающим ЕПВ (Евро-РСТ) независимо от того, предоставлены они или нет. Данные показывают общее количество заявок на страну. Если одно изобретение имеет более одного изобретателя, приложение делится поровну между всеми из них, а затем между их странами проживания, тем самым избегая двойного подсчета.

Далее рассмотрим показатель производительности труда в Литве самый высокий из стран Балтии – 173,6%, в Латвии 172,9%, а в Эстонии 152,3% (за базу взят 2015г = 100%). Увеличилось и количество работников в промышленной отрасли – в Латвии в 2017 году работало на 14,7% больше, в Литве на

¹ <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tin00153&plugin=1>

² Eurostat, in 2015

19,1% больше, в Эстонии – на 13,6% больше, чем в 2015 году. Таким образом данные свидетельствуют, что производственной сфере государства уделяют больше внимания и в сфере производства отмечается рост. Однако недостаток финансирования в сфере исследований и разработок, как например в Латвии, сопряженный с недостатком целостной программы по созданию рабочих мест приводит к нестабильности на рынке труда и высокому уровню безработицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Проведенный авторами анализ реализации промышленной политики в странах Балтии, свидетельствует, что, к сожалению, в странах Балтии финансирование сектора R&D находится на низком уровне. Однако интеллектуальные ресурсы в странах Балтии показывают значительные результаты: так в Литве 58% людей в возрасте от 30-34 лет имеют высшее образование, в Эстонии – 48,4%, в Латвии -43,8%, а в Чехии 34,2%.

Позитивной тенденцией в развитии исследуемых государств является тот факт, что странах отмечается рост работающих в индустриальной отрасли и отмечается рост производительности труда. Однако, по мнению автора, недостаток финансирования сферы R&D является значительным тормозом в развитие индустриальной отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/ LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

- [1] OSIPOV VS, SMOTRITSKAYA II Actual problems of institutional economics: Theory and practice: textbook, Unity-Dan, 2015, p. 127 ISBN: 978-5-238-02693-0
- [2] KRUGMAN, PAUL (1999). "The Return of Depression Economics", pp. 70–77. W. W. Norton, New York ISBN - 9780393071016
- [3] HAJOON CHANG The political economy of industrial policy, St. Martin's Press; 1996, p.184 ISBN 978-0-333-58862-8
- [4] VICKY PRYCE, Policy Fellow. Retrieved 31 July 2013.
- [5] HOWARD PACK, KAMAL SAGGI, Regional Cooperation and Free Trade Agreements in Asia, Brill – Nijhoff, 2006 , p.410 ISBN - 9004279857
- [6] EUROPE 2020, <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> [cit. 15.10.2018].
- [7] EUROPEAN COMMISSION https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=t2020_20&plugin=1 [cit. 24.11.2018].
- [8] EUROSTAT http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_gind&lang=en [cit. 23.10.2018].

Методы оценки качества государственных услуг в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства

*Александр Аверин, Россия, г. Москва,
докторант программы «Региональная экономика и экономическая политика»,
Балтийская Международная академия, Рига, Латвия
к.филос.н, доцент,*

Финансовый университет при Правительстве РФ, E-mail: AVAverin@fa.ru

*Валентина Григорьева, Россия, г. Москва, к.э.н.,
преподаватель отделения национальная экономика РАНХиГС,
E-mail: vallsheff@mail.ru*

Научный руководитель: профессор, Инна Стеценко

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы, задачи и методы оценки качества услуг, оказываемых государственными учреждениями субъектам малого и среднего предпринимательства города Москвы. Авторами в период с 2016 по 2017 гг. на базе территориальных подразделений Государственного бюджетного учреждения г. Москвы «Малый бизнес Москвы» были апробированы следующие методики оценки качества государственных услуг в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства: индекс удовлетворенности предпринимателей (CSI) и индекс лояльности предпринимателей (NPS); методика «Тайный посетитель» и методика «SERVQUAL».

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, оценка качества государственных услуг, CSI, NPS, методика «Тайный посетитель», методика «SERVQUAL».

ABSTRACT

The article deals with the problems, tasks and methods of assessing the quality of services provided by public institutions to small and medium-sized businesses in Moscow. In 2016-2017 at the State Government-Financed Institution "Small Business of Moscow", the authors tested the following indices and methods of evaluating the quality of public services in the sphere of small and medium-sized business support and promotion: the Customer Satisfaction Index (CSI) and Net Promoter Score (NPS); the "Mystery Diner" method in order to evaluate the work of the employees at the local subdivision, and the "SERVQUAL" method in order to provide a full assessment of the quality and efficiency of performance at the local subdivisions of the organization.

Key words: small and medium-sized entrepreneurship, evaluating the quality of public services, Customer Satisfaction Index (CSI), Net Promoter Score (NPS), "Mystery Diner", "SERVQUAL".

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Эффективное развитие предпринимательства города Москвы сдерживается отсутствием системы комплексного мониторинга и контроля качества оказываемых государственными учреждениями услуг для малого и среднего предпринимательства. Анализ и решение проблем оценки качества государственных услуг в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства являются наиболее значимыми областями научных исследований, поскольку сектор малого и среднего бизнеса выступает приоритетным стратегическим направлением экономического развития, критерием стабильности и индикатором развития экономики, одним из ключевых звеньев в реализации задач модернизационного развития, инновационных преобразований городской среды и повышения качества жизни граждан [6, 8,9,11, 14,16,18].

Существующие модели оценки качества государственных услуг не ориентированы на учет мнения и ожиданий предпринимателей. Отсутствие единой системы комплексного мониторинга и контроля качества оказываемых государственных услуг сдерживает формирование эффективных каналов коммуникаций с субъектами предпринимательства, и не позволяет в полной мере анализировать и учитывать их реальные потребности, оперативно и своевременно реагировать на изменения в среде малого и среднего предпринимательства и проводить необходимые корректирующие действия по улучшению ситуации. [7,10,12,13,15,19,20]

Несмотря на то, что вопросам повышения качества государственных услуг по развитию малого и среднего предпринимательства уделяется значительное внимание стоит отметить отсутствие системного подхода к изучению данного вопроса.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Задачей данного исследования выступает определение основных инструментов оценки качества государственных услуг в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства.

Авторами впервые апробированы в 2016-2017 гг. в Государственном бюджетном учреждении «Малый бизнес Москвы» и использованы для системы мониторинга следующие методы оценки качества услуг по поддержке МСП:

- Индекс удовлетворенности предпринимателей (Customer Satisfaction Index — CSI) качеством предоставленных консультаций. Ключевыми индексами CSI являются: надежность организации, стоимость услуг, ассортимент, качество услуг, работа персонала организации, наличие технической документации, кредитная линия, сервисное обслуживание [1,2,3];
- Индекс лояльности предпринимателей (Net Promoter Score — NPS) для определения приверженности (лояльности) потребителя к деятельности государственного учреждения [4].
- Методика «Тайный посетитель» для оценки качества и эффективности работы сотрудников территориальных подразделений. Метод исследования, который направлен на оценку потребительского опыта, полученного гражданином в процессе оказания государственной услуги [17].
- Методика «SERVQUAL» для комплексной оценки качества и эффективности работы территориальных подразделений. Цель данной методики состоит в измерении расхождений между тем, чего ожидают клиенты, и их оценкой реально оказанной услуги. Величина этого расхождения указывает, какие именно улучшения необходимо осуществить, что позволяет преодолеть сложность перевода абстрактных рассуждений о качестве услуг в плоскость конкретных управленческих решений по улучшению качества обслуживания потребителей. Базовая модель SERVQUAL определяет удовлетворенность получателей услуги, предоставляемых организацией, в расчёт берутся пять основных параметров, из которых состоит «идеальный сервис»:
 - Tangibles (Физическое состояние) - внешний вид помещений, внешний вид сотрудников, интерьер и чистота внутри помещений и пр.
 - Reliability (Надёжность) – качественное обслуживание, быстрая и точная переадресация звонков и пр.
 - Responsiveness (Отзывчивость) – оперативность обработки обращения, доброжелательность и пр.
 - Assurance (Уверенность) – визуальные показатели профессионализма (внешний вид, униформа), создание обстановки безопасности и пр.
 - Empathy (Эмпатия) - желание пойти на уступки получателю услуги, изменить собственные действия, чтобы тот остался доволен [3].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целях определения уровня удовлетворенности предпринимателей качеством предоставляемых консультаций (Customer Satisfaction Index — CSI) в 2016-2017 гг. был проведен опрос 5422 (2965 - в 2016 г. и 2457 - в 2017 г.) предпринимателей, получивших консультационную поддержку в территориальных подразделениях Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Малый бизнес Москвы». Опрос проводился на основании разработанной авторами «Анкеты оценки удовлетворенности предпринимателя качеством предоставляемых консультаций», согласно которой предпринимателям предлагалось оценить предоставляемые сотрудниками территориальных подразделений Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Малый бизнес Москвы» консультации по 10 балльной шкале.

По сравнению с предыдущим годом, в 2017 году наблюдается преимущественно положительная динамика повышения качества предоставляемых Государственным бюджетным учреждением города Москвы «Малый бизнес Москвы» консультаций для предпринимателей, значительный прирост показали подразделения Юго-Западного и Центрального административных округов, т.к. руководители подразделений оперативно провели корректирующие мероприятия, обеспечили необходимую ротацию кадров и повысили исполнительскую дисциплину сотрудников, а также лично участвовали в предоставлении консультаций субъектам малого и среднего предпринимательства.

В рамках апробации методики NPS в 2016 году было опрошено 2116 предпринимателей, в 2017 году – 2456 предпринимателей, обратившихся за консультацией в Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Малый бизнес Москвы». Среднее значение индекса NPS в 2016 году составляло 77,2%, в 2017 - на 16,7% выше - 93,9%, что говорит о повышении уровня качества консультаций. Сравнительный анализ квартальных показателей 2016-2017 гг. показывает положительную динамику индекса лояльности предпринимателей к Государственному бюджетному учреждению города Москвы «Малый бизнес Москвы».

В 2016 году было организовано 158 очных посещений территориальных подразделений по методу «Тайный посетитель» на платной основе. Самые низкие показатели зафиксированы по следующим критериям: активное слушание, приветствие/установление контакта, работа с паузами. Рекомендовано организовать обучение консультантов по направлениям, получившим низкие показатели.

Если сравнить территориальные консультационные подразделения по результатам оценки качества работы сотрудников по методу «Тайный посетитель», то на протяжении всего отчетного периода наивысшие показатели – 90% - зафиксированы в подразделениях Юго-Восточного и Северо-Западного административных округах. Самый низкий показатель удовлетворенности качеством услуг зафиксирован в Триоцком и Зеленоградском административных округах – 74% и 76%. Общая динамика выполнения требований, предъявляемых к качеству консультационной поддержки, превышает порог в 80%.

В 2017 г. в связи с отсутствием финансирования было организовано 63 оценочных мероприятия/ К оценке по данной методике, на бесплатной основе, были привлечены студенты вузов и вновь принятые сотрудники Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Малый бизнес Москвы». Качество проверок существенно снизилось ввиду отсутствия практического опыта у исполнителей, результаты оценок были не корректны и чаще всего не принимались. Значительное время уходило на перепроверку результатов и прослушивание аудиозаписей. В итоге, от данной практики временно, до возобновления финансирования, было решено отказаться.

Апробация метода «Тайный посетитель» позволила получить следующие результаты: определен уровень знаний и профессиональных компетенций сотрудников; среди персонала сформировалось мнение о частых проверках «Тайным посетителем», что позволило дополнительно стимулировать качественную работу консультантов и предупредить фальсификацию отчетных материалов; ежеквартальная «глубинная» оценка качества оказания консультационной поддержки сотрудниками по методу «Тайный посетитель» позволила определить с большей детализацией

слабые стороны в работе сотрудников подразделений и помочь начальникам выработать мероприятия по совершенствованию клиентского сервиса.

С 2016 года по настоящее время для оценки работы территориальных подразделений используются «Формы комплексной оценки территориального подразделения» и «Формы оценки качества групповых мероприятий» разработанные автором исследования, на основе методики «SERVQUAL».

В 2016 г. было реализовано 284 плановых посещения территориальных подразделений, а в 2017 г. - 178 плановых посещения территориальных подразделений сотрудниками отдела контроля качества с целью комплексной оценки качества работы подразделения по трем областям контроля: материально-техническое состояние помещений территориального подразделения и рабочих мест сотрудников; наличие информационных и рекламных материалов; соответствие деятельности сотрудников территориального подразделения стандартам, регламентам, графикам и планам работы Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Малый бизнес Москвы».

Самый существенный рост по результатам комплексной оценки работы территориальных подразделений по всем областям контроля зафиксирован в подразделениях, расположенных в Юго-Западном, Троицком и Западном административных округах г.Москвы.

Анализ результатов комплексной оценки работы территориальных подразделений показал, что самые низкие показатели за исследуемый период зафиксированы по критерию «наличие информационных и рекламных материалов».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Реализация комплексного подхода к организации системы внутреннего контроля и мониторинга качества консультационной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства позволила получить следующие результаты:

- применение единой методологии и инструментов оценки качества и рост уровня качества работ по оказанию государственных услуг по консультационно-методической поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства;
- сокращение числа негативных отзывов от участников, оперативное принятие корректирующих и предупреждающих действий в области качества государственных услуг;
- повышение трудовой дисциплины, ответственности руководителя подразделения/отдела за соблюдение правил внутреннего трудового распорядка всеми подчиненными.

Учитывая результаты апробации подходов к формированию системы внутреннего контроля и мониторинга качества консультационной поддержки, предлагается создать Единую службу контроля и мониторинга качества работы сотрудников органов исполнительной власти и их подведомственных учреждений г. Москвы, оказывающих поддержку СМСП и тиражировать апробированные в рамках деятельности Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Малый бизнес Москвы» показатели оценки качества поддержки СМСП: Индекс удовлетворенности предпринимателей (англ. Customer Satisfaction Index — CSI), Индекс лояльности предпринимателей (англ. Net Promoter Score NPS); и методики «SERVQUAL» и «Тайный посетитель».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Kotler, Philip. Principles of marketing / Philip Kotler, Gary Armstrong. University of North Carolina - 2012. 740 Pages. С. 697
2. Hawkins, Del I. Consumer behavior: building marketing strategy / David L. Mothersbaugh, University of Alabama, Del I. Hawkins, University of Oregon. —Thirteenth edition. United States (2013) 817 Pages.
3. TheMarketingStudyGguide [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.marketingstudyguide.com/understanding-the-servqual-model/> (дата обращения: 25.07.2017)

4. Аверин А.В., Григорьева В.В. Контроль и мониторинг качества консультационных услуг в системе обеспечения эффективности государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Транспортное дело России. 2015. № 3. С.42-44.
5. Аверин А.В., Григорьева В. В., Петухов Д.В. Внутренний контроль и мониторинг качества консультационных услуг в системе обеспечения эффективности государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2015. № 5. С. 91-95.
6. Адаменко А.А. Малый и средний бизнес в развитии региональной экономики: монография / А.А. Адаменко, А.А. Ермоленко, Е.Н. Ключко. – Краснодар: Изд-во Южного ин-та менеджмента, 2016. – 211 с.
7. Бухвальд Е., Виленский А. Услуги в системе государственной поддержки малого и среднего предпринимательства//Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 4. С. 36-50.
8. Быков С.А. Оценка качества государственных услуг при разработке стратегии обеспечения экономической безопасности России. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 175 с.
9. Валигурский Д.И. Организация предпринимательской деятельности. Учебник / Д. И. Валигурский. Москва: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2013. - 518 с
10. Виленский А.В. Малое предпринимательство мегаполиса: поиск закономерностей (к вопросу об отторжении культивируемых в России институтов высокоразвитых стран на примере поддержки малого и среднего предпринимательства Москвы) – М: Институт экономики РАН, 2012. – 49 с.
11. Глаголев Сергей Николаевич Бизнес и власть: актуальные проблемы взаимодействия [Текст] : монография / С. Н. Глаголев, В. В. Моисеев. - Москва: Директ-Медиа, 2014. - 419 с.
12. Головщинский К.И., Елисеенко В.Ф., Никифоров С.А. Бенчмаркинг качества государственных услуг, предоставляемых органом исполнительной власти: Препринт WP8/2008/01. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008. – 68 с.
13. Ефимов В.В., Барт Т.В., Аверин А.В. Управление качеством [Текст] : учеб. пособие / В.В. Ефимов В.В., Т.В. Барт Т.В., А.В. Аверин. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2014. - 124 с.
14. Исмагулов К.Ж. Понятие и роль малого и среднего бизнеса в условиях глобализации//Международный научно-исследовательский журнал. Выпуск №1-2 (32)/2015.
15. Качество государственных и муниципальных услуг: на пути к сервисному государству [Текст] / М. В. Паршин. Москва: Статут, 2013. 272 с.
16. Лапуста М.Р. Малое предпринимательство. - М.: ИНФРА-М, 2011. - 463 с.,
17. Лучшие практики мониторинга и оценки качества и доступности государственных и муниципальных услуг и деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/content/4886/materialy-regionalnaj-opyt-mfc-pdf.pdf> (дата обращения: 15.01.2017)
18. Матвеев В. В. Влияние малых предприятий промышленности на уровень экономического развития / В. В. Матвеев, А. В. Овчинникова // Экон. анализ: теория и практика. - 2014. - № 21 (372). - С. 2-10 ; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-malyh-predpriyatij-promyshlennosti-na-uroven-eko-nomicheskogo-razvitiya>. (дата обращения: 09.10.2017)
19. Мониторинг государственных и муниципальных услуг в регионе как стратегический инструмент повышения качества регионального управления: опыты, проблемы, рекомендации/ С.И. Неделко, А.В. Осташков, С.В. Матюкин, В.Н. Ретинская, И.А. Мурзина, И.Г. Кревский, А.В. Луканин, О.С. Кошевой. Под общ. Ред. В.В. Маркина, А.В. Отсашкова. – Москва, 2008. – 321 с. С. 46
20. Руденко Л.Г.Региональный анализ управления системой инфраструктурного обеспечения малых предприятий // В сборнике: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности Материалы III Международной научной конференции. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. 2018. С. 20-22.

Инвестиционная привлекательность современного искусства: опыт анализа аукционных продаж

Елена Борисова,

Управление и администрирование предпринимательской

деятельности. Магистратура

Балтийская международная Академия,

Латвия. Лиепайский филиал

borisova11@inbox.lv

доц. В.Л. Силиневич

АННОТАЦИЯ

В наше время инвестировать в искусство можно при помощи финансовых институтов и банков, которые могут предложить необходимый спектр услуг, относящийся к рынку искусства. Целью статьи является выработка рекомендаций по улучшению инвестирования свободных денежных средств клиентов в рынок искусства в разных финансовых институтах и банках, также мы рассматриваем их деятельность и особенности. Латвийский рынок искусства и деятельность на нем финансовых институтов и банков по оказанию арт-услуг клиентам менее совершенны по причине недостаточной развитости как самого рынка искусства, так и финансовых институтов.

В статье делается вывод о необходимости развития как самих финансовых институтов и банков, обслуживающих рынок искусства, так и спектра услуг, предлагаемых клиентам в области инвестиций в искусство.

Целью данной работы является анализ функций произведения искусства помимо его основной роли как объекта эстетических потребностей человека. Предметы изобразительного искусства рассматриваются на рынке как средство сохранения материальной ценности, привлекая все больше инвесторов. Рынок искусства обладает своей внутренней инфраструктурой и интегрирован в мировую экономическую систему посредством многочисленных взаимосвязей с другими ее секторами – производством, торговлей, финансовой, банковской, социально- культурной сферой.

Ключевые слова:

компании, банки, рынок, финансы, инвестиции, инвесторы, анализ, эффективность, искусство

ANNOTATION

Nowadays, investing in art is possible through financial institutes and banks, that can offer the necessary spectrum of services, related to the market of art. The aim of the article is rule-making on the improvement of investing of free monetary resources of clients in the market of art in different financial institutes and banks, also we examine their activity and features. Latvian market of art and its activity in the financial institutes and banks on providing art services to the clients less perfect due to insufficient development of both market of art and financial institutes.

In the article is drawn conclusion about the necessity of development of both financial institutes and banks, serving the market of art and spectrum of the services offered to the clients in area of investments in art.

The aim of this work is an analysis of functions of work of art besides his basic role as an object of aesthetic necessities of a person. The fine art objects are examined at the market as means of maintenance of material value, attracting more investors. The market of art possesses the internal infrastructure and integrated in the world economic system by means of numerous intercommunications with other sectors - production, trade, financial, bank, socially cultural sphere.

Key words: companies, banks, market, finance, investments, investors, analysis, efficiency, art

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / I NTRODUCTION

В наше время финансовый рынок ищет новые подходы для увеличения и сохранения своих активов, например инвестирование в искусство. Давая определение арт-рынку, обычно используются такие характеристики, как: инвестиции с высокой степенью риска, неликвидный, непрозрачный, нерегулируемый, высокие транзакционные издержки, краткосрочные тенденции. Произведения искусства не генерируют никаких денежных потоков, которые могут быть дисконтированы, за исключением того случая, когда доход может быть получен посредством кредитования и расходов, связанных с хранением и страховкой. Однако, если мы поподробнее взглянем на последние тренды в искусстве, которые прямо и косвенно влияют на арт-рынок, можно сделать вывод, что современное искусство является новым классом активов. Синхронность этих тенденций создает среду, которая в прошлом не была благоприятна для инвестирования в искусство.

Методологической основой исследования является анализ зарубежного арт-рынка, деятельность финансовых институтов и банков на рынке и услуг, которые они предоставляют клиентам.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Как писал в своих работах Катасонов В.Ю. [1], в сложившихся условиях современный рынок должен обладать всеми возможностями для удовлетворения спроса на объекты искусства. В этом процессе ведущая роль принадлежит финансовым институтам и банкам. Если зарубежный рынок искусства давно сложился и деятельность на нем финансовых институтов и банков как клиентов и посредников стала повседневным процессом, то в инвестиции в искусство и развитие инфраструктуры, обслуживающей этот рынок, является перспективным направлением, но пока не отвечающим требованиям современных тенденций. В последнее время, ввиду нестабильной экономической ситуации, особую значимость приобретают альтернативные инвестиционные активы, которые способны обеспечить сохранение капитала. К данным активам относятся объекты искусства. Их наличие в портфеле инвестора позволяет не только диверсифицировать риски, но и обеспечить дополнительную доходность, опережающую соответствующие показатели фондового рынка. В то же время, как подчеркивают К. Петров и Е. Перельман: «... инвестирование в арт-рынок — это длинные инвестиции» [2].

Деятельность арт-институтов создает огромный механизм, в котором участвуют и взаимодействуют арт-эксперты, оценщики, страховые организации, которые образуют инфраструктуру рынка. В настоящее время можно говорить о становлении полноценной индустрии рынка произведений искусства, достоинствами которой пользуются миллионы инвесторов по всему миру. Инвестиции представляют собой форму преобразования части накопленного капитала в различные виды активов (Петров К., Перельман Е, 2015) [2].

Особое значение приобретают теза рациональные инвестиции. Среди них особую группу составляют инвестиции в объекты искусства. Инвестиции в объекты тезаврации относятся к группе финансовых инвестиций. В теоретическом понимании финансовые инвестиции — это вложение капитала в различные финансовые инструменты, прежде всего в ценные бумаги, а также активы других предприятий (Лахметкина Н.И.2012) [3]. Понятие «инвестирование» применительно к теза рациональным инвестициям имеет существенные особенности. Так, затраты на приобретение объектов тезаврации относятся к финансовому инвестированию и считаются в экономическом смысле формой сбережения, а не инвестирования. С точки зрения экономики в целом (экономической теории) это верно, так как в этом процессе не создается никакой новой (добавленной) стоимости, не происходит прироста капитала в целом, а происходит лишь переход актива от одного лица к другому.

Выделение объектов коллекционного спроса, в частности, объектов искусства, является одной из доминирующих тенденций современного инвестиционного рынка, особенно за рубежом. Этой научной проблеме посвящены работы зарубежных экономистов У. Баумоля, Л. Сингера, Дж. Стейна, Д. Тросби и др. В современном мире инвестиции в предметы коллекционного спроса становятся экономически обоснованной тенденцией. Можно предположить, что это связано с особенностями

инвестиций в искусство, ведь проиграть решительно все, инвестируя в искусство, невозможно, поскольку объектам искусства присуще особое свойство - эмоциональная ценность. Однако характерные свойства объектов искусства осложняют работу с ними как с инвестиционными активами. Поэтому, экономист Д. Тросби предлагает оценивать предметы искусства, отделяя эстетические аспекты от социальных (Throsby D., 2001) [11].

Выделяют «первичный» и «вторичный» арт-рынки, а также «высший» уровень, к которому относится мировой арт-рынок (Автономов Ю., 2003) [5]. На первичном рынке искусства отдельные художники предлагают свои работы галереям, мелким дилерам и частным коллекционерам. На вторичном рынке искусства известные художники предлагают свои произведения крупным галереям, государственным музеям и солидным частным коллекционерам. Действующие на вторичном рынке дилеры и галереи обладают большой рыночной властью, а галерея выступает одновременно как монополист (единственный покупатель) по отношению к художнику и как монополист по отношению к покупателям его работ [5].

Одним из самых популярных способов покупки объектов искусства являются услуги антикварных галерей. Галереи, напрямую работая с успешными художниками, способны оказывать непосредственное влияние на рынок искусства и выступать в роли серьезных игроков, привлекая внимание (Брусов П.Н., 2014) [6]

Другим популярным способом вложения средств в искусство являются услуги аукционных домов, проводящих аукционы. Однако, аукционные дома имеют свои особенности, например, из-за большого ассортимента и большого количества совершаемых сделок, образуются локальные арт-рынки. Аукционы также способны специально занижать изначальные цены на работы, по которым не прогнозируется большой спрос. В итоге работы покупаются по ценам ниже реальной стоимости, а новый собственник становится успешным инвестором. Аукционный дом не заинтересован в удовлетворении интересов покупателя, поскольку его цель — это конкретная сделка, а не долгосрочное сотрудничество как у галерей и арт-дилеров. (Chanel O., 1995) [13]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Предметы искусства и предметы коллекционирования представляют собой значительные активы для их владельцев. У финансовых институций и банков есть возможность интегрировать концепцию коллекционных активов, чтобы обеспечить достаточную ликвидность, уменьшить финансовые риски, минимизировать подоходные налоги. Необходимо развивать как сами финансовые институты и банки, обслуживающие рынок искусства, так и спектр услуг, предлагаемый клиентам в области инвестиций в искусство. Для этого необходимо развивать непосредственно рынок искусства. Необходимо делать упор на расширение качественного предложения предметов искусств, повышение прозрачности рынка, принятие новых стратегий торговли в аукционных домах и галереях, изменение институциональной среды, предполагающее наличие институтов, способствующих формированию и развитию рынка искусства, а также нужно рассмотреть активизацию деятельности различных организаций и объединений, способствующих прозрачности рынка искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

- 1) Катасонов В.Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2014. 408 с.
- 2) Петров К., Перельман Е. Куда вложить деньги: для чайников. М.: Вильямс, 2015. 320 с.
- 3) Лахметкина Н.И. Инвестиционная стратегия предприятия. М.: КноРус, 2012. 232 с.
- 4) Скатерщиков С. Руководство по инвестированию на рынке предметов искусства. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 224 с.
- 5) Автономов Ю. Взгляд на искусство через призму экономической теории. Спрос на рынке изобразительного искусства // Неприкосновенный запас. 2003. № 6. С. 2.

- 6) Брусов П.Н., Филатова Т.В., Лахметкина Н.И. Инвестиционный менеджмент. М.: ИНФРА-М, 2014. 333 с.
- 7) Шестаков В.П. История истории искусства. М.: URSS, 2015. 336 с.
- 8) Инвестиционный менеджмент: учебник / под ред. Н.И. Лахметкиной. М.: КноРус, 2015. 262 с.
- 9) Хук Ф. Завтрак у SOTHEBY'S. Мир искусства от а до я. СПб.: Азбука, 2015. 406 с.
- 10) Singer L. Rivalry and externalities in secondary art markets // Journal of Cultural Economics. 1981. Vol. 5. Iss. 2. P. 39-57.
- 11) Throsby D. Economics and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 26-31.
- 12) Stein J.P. The Monetary Appreciation of Paintings // Journal of Political Economy. 1977. № 5. P. 1021-1035.
- 13) Chanel O. Is Art Market Behaviour Predictable? // European Economic Review. 1995. Vol. 39. Iss. 3-4. P. 519-527

Мониторинг стратегий социально-экономического развития муниципальных образований как инструмент управления (на примере Республики Коми)

Сергей Большаков,

д.полит.н., д.э.н., профессор,

«Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина»,

Санкт-Петербург, Россия

Snbolshakov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются условия реализации стратегий социально-экономического развития муниципалитетов региона. Рассматриваются проблемы управления социально-экономическим развитием региона. В статье дана управленческая оценка степени достижения плановых показателей стратегий социально-экономического развития муниципалитетов Республики Коми, по таким блокам показателей, как: экономическое развитие; социальное развитие; развитие системы муниципального управления; обеспечение безопасности жизнедеятельности населения.

Ключевые слова: региональное управление, социально-экономическое развитие, муниципальное управление.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Стратегической задачей регионального развития является повышение качества жизни населения региона. В условиях стагнации промышленного роста следует отметить значение документов стратегического планирования на региональном и муниципальном уровне как основного механизма управления региональным социально-экономическим развитием.

Стратегическое планирование социально-экономического развития региона в условиях обновления механизма управления региональной социально-экономической системой основывается на основе программно-целевой методологии. Активное использование программного принципа целевого управления регионом позволяет акцентировать внимание на стратегических приоритетах развития региона [7].

Использование программно-целевой методологии управления регионом позволяет сформировать соответствующие приоритеты развития региона и муниципалитетов [8]. Проблемой в управлении социально-экономическим развитием региона видится сложность унаследованного от советских времен территориальных объектов размещения производства, что особенно важно, когда анализируются механизмы снижения поляризации социально-экономического развития не только регионов РФ, но и муниципальных образований, обладающих различным промышленным потенциалом и социальными резервами.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Важнейшей управленческой задачей для регионального аппарата управления видится выполнение функции контроля и мониторинга как управленческой задачи по выявлению резервов социально-экономического развития, оптимального распределения бюджетных ресурсов региона и

муниципалитета, формирования оптимальных условий для реализации региональной инвестиционной политики [1].

По состоянию на 01.09.2018 г. во всех муниципальных образованиях городских округов (муниципальных районах) разработаны Стратегии социально-экономического развития муниципальных образований. По результатам реализации Стратегий социально-экономического развития муниципальных образований за 2017 год (далее – Стратегии СЭР МО), проанализированы плановые показатели стратегий СЭР МО, утвержденные на начало отчетного периода по четырем основным блокам [1]:

1. Экономическое развитие;
2. Социальное развитие;
3. Развитие системы муниципального управления;
4. Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения.

В ходе мониторинга оценивалось достижение 1601 показателя, исполнение по 7 основным мероприятиям поддержки малого и среднего предпринимательства [2].

Результаты исследования:

По итогам 2017 года среднее значение достижения целевых показателей по 20 муниципальным образованиям составило 63%, что на 9% лучше значения показателя 2016 года, в том числе по блокам:

1. Экономическое развитие – 56%;
2. Социальное развитие – 70%;
3. Развитие системы муниципального управления – 60%;
4. Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения – 68%.

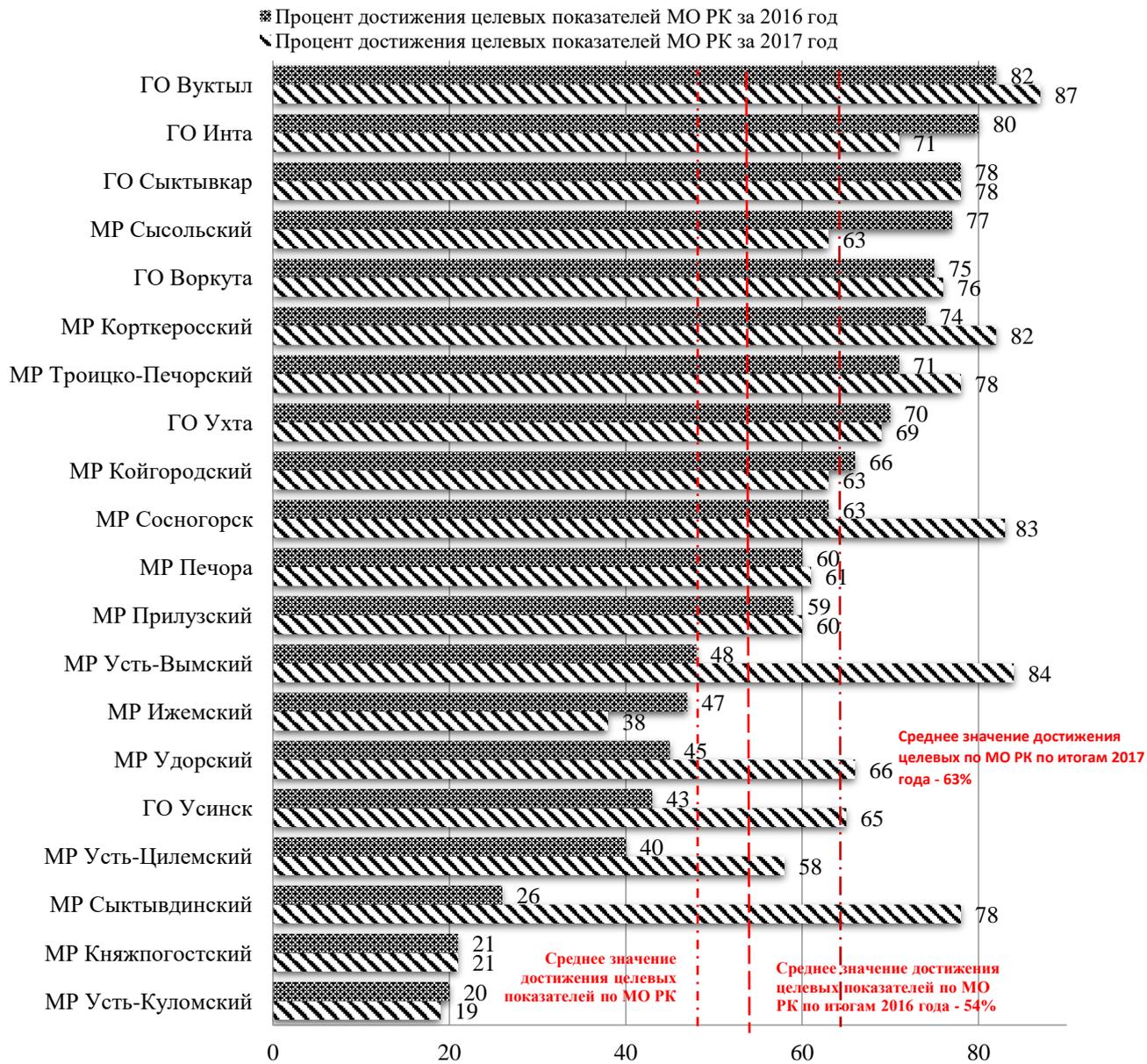

Рис.1 Уровень достижения целевых показателей Стратегий СЭР МО Республики Коми РФ за 2016-2017 г.г.

Такое значительное неисполнение показателей связано, в первую очередь, с несоблюдением унифицированного подхода к разработке и корректировке документов стратегического планирования (МО МР «Усть-Куломский», МО МР «Княжпогостский»).

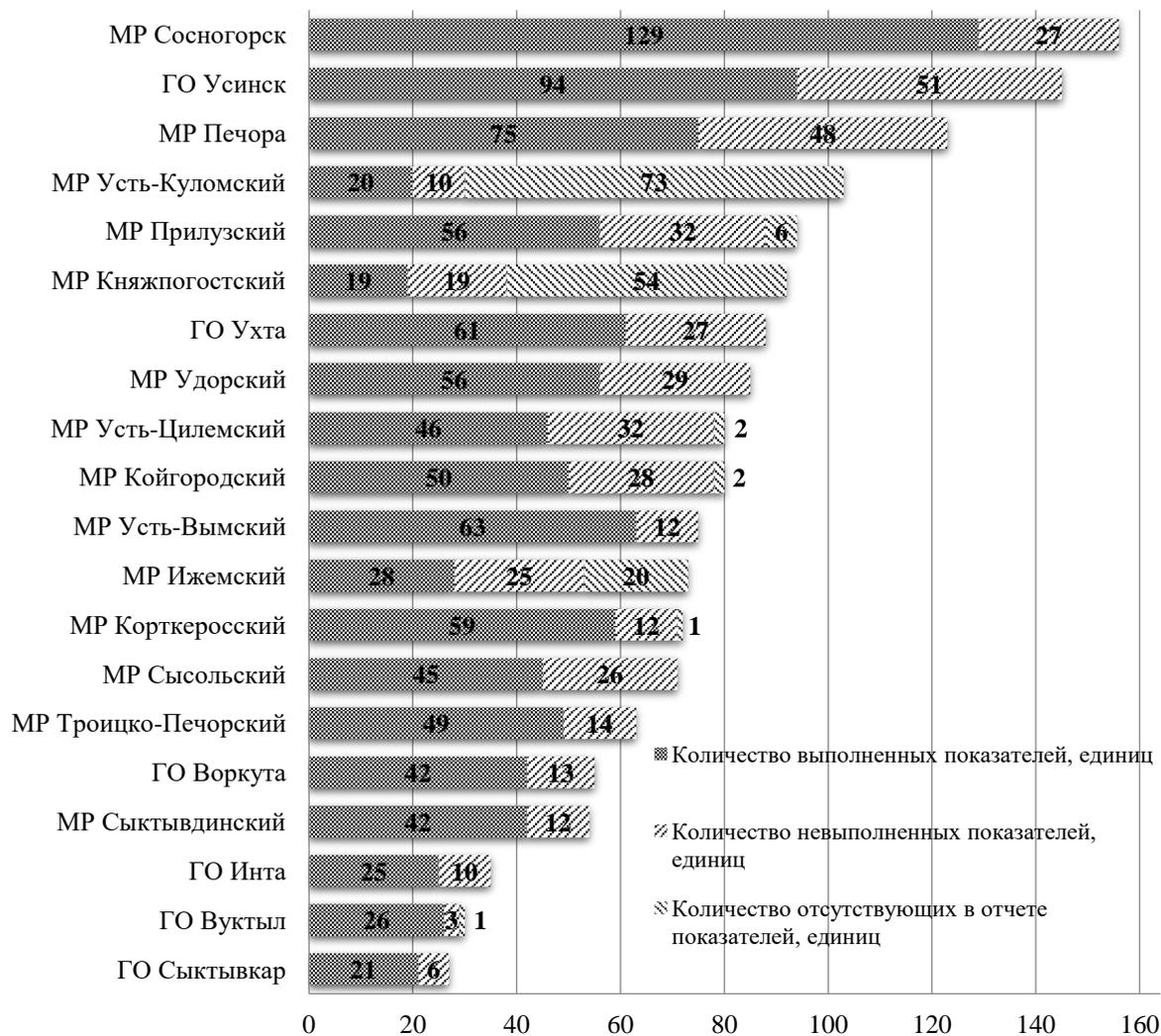

Рис.2 Количество целевых показателей Стратегий СЭР МО РК за 2017 год

За 2016 и 2017 годы муниципальными образованиями проведена работа по оптимизации количества показателей, сокращение составило 9,3%, или 165 единиц. Вместе с тем количество показателей по муниципальным районам «Сосногорск», «Печора», «Усть-Куломский» и городском округе «Усинск» и др. остается избыточным [1].

Кроме того, в целях обеспечения унифицированного подхода к оценке реализации муниципальных стратегий региональными органами власти в 2017 году разработан единый перечень дополнительных целевых показателей, по которым планируется проводить расчет оценки социально-экономического эффекта реализации стратегий социально-экономического развития муниципальных образований за 2018 год [3].

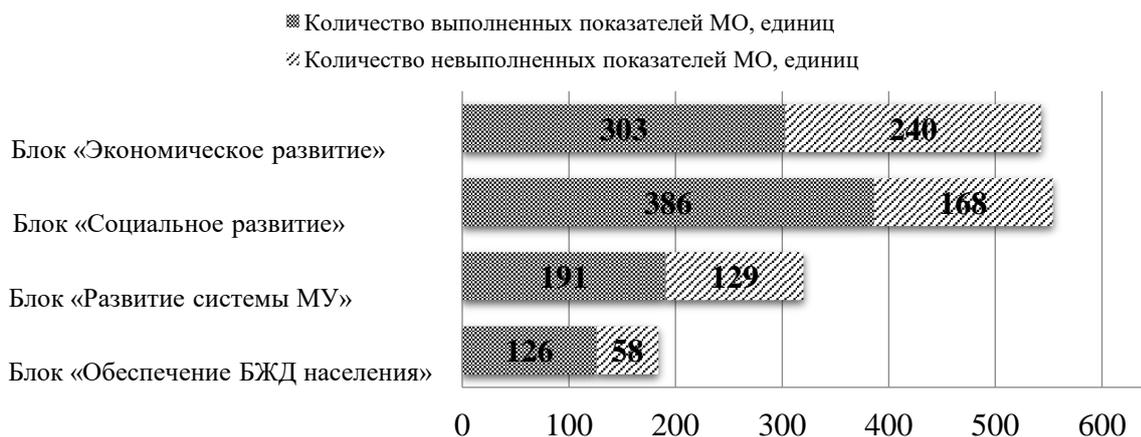

Рис.3 Достижение целевых показателей Стратегий СЭР МО МР (ГО) за 2017 год

Такое значительное неисполнение показателей связано, в первую очередь, с несоблюдением унифицированного подхода к разработке и корректировке документов стратегического планирования (МО МР «Усть-Куломский», МО МР «Княжпогостский»). В представленной муниципалитетами отчетности отсутствует ряд показателей, утвержденных решениями Советов муниципалитетов о Стратегии СЭР МО.

Существенная часть общереспубликанского объема инвестиций в основной капитал (без учета субъектов малого предпринимательства) в 2017 году приходилась на городские округа «Ухта» (41,1%) и «Усинск» (33,6%), где основные вложения направлялись в нефтедобычу. Следует отметить, что по 8 муниципальным образованиям наблюдается рост инвестиций в основной капитал [4].

Наибольший удельный вес в общем объеме инвестиций в основной капитал по итогам 2017 года среди муниципальных образований республики занимают городские округа «Ухта» (41,1%), «Усинск» (33,6%), «Сыктывкар» (8,7%). Наименьшая доля инвестиций приходится на муниципальные районы «Сысольский» (0,1%) и Койгородский» (0,1%).

Лидерами по показателю «Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 жителя» в 2017 году стали городские округа «Усинск» (940 тыс. руб.) и «Ухта» (427 тыс. руб.).

Минимальные значения показателя по итогам 2017 года выявлены в МО ГО «Инта» и МО МР «Сысольский» (по 9,9 тыс. руб.), МО МР «Усть-Куломский» (8,3 тыс. руб.), МО МР «Удорский» (7,6 тыс. руб.) и МО МР «Корткеросский» (6,8 тыс. руб.) [6].

Наибольшее снижение инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 жителя в 2017 году к уровню 2016 года отмечено в городских округах «Инта» (на 99%), «Воркута» (на 84%), муниципальных районах «Печора» (на 75%), «Сосногорск» (на 70%), «Троицко-Печорск» (на 55%).

Основными причинами снижения инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 жителя являются:

- в МО ГО «Инта» – завершение работ по строительству магистрального газопровода «Бованенково-Ухта» (компания ПАО «Газпром») на участке Интинского района, а так же снижение в 2 раза в сравнении с уровнем 2016 года объема инвестиций ООО «Тимано-Печорская Газовая компания» в рамках проекта «Поиски, разведка и разработка месторождений углеводородного сырья. Переработка природного газа»;
- в МО ГО «Воркута», МО МР «Печора», МО МР «Сосногорск» – окончание работ по строительству магистрального газопровода «Бованенково-Ухта» и «Ухта-Торжок» и закрытие подрядных работ ПАО «Газпром» на территории муниципальных образований;
- в МО МР «Троицко-Печорский» – выход в заключительную стадию реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов ООО «ПечораЭнергоРесурс» и ООО «Азимут» и, соответственно, уменьшение объемов строительства производственных мощностей;
- в МО МР «Усть-Вымский» – завершение работ по капитальному ремонту Технологических трубопроводов по цеху № 4 КС-12 «Микунь» (ПАО Газпром);
- в МО МР «Ижемский» – снижение инвестиционной активности предприятий, действующих на территории района.

Меры, предпринимаемые органами местного самоуправления по улучшению инвестиционного климата, в основном заключаются в информировании потенциальных инвесторов об имеющихся инвестиционных площадках, планируемых к реализации инвестиционных проектах, предоставляемых формах государственной и муниципальной поддержки [5].

В ходе мониторинга **блока «Социальное развитие»** двадцати Стратегий СЭР МО оценивалось достижение 554 показателей, из них максимальное количество по муниципальным районам

«Сосногорск» - 82 и «Печора» - 50, минимальное количество - по городским округам «Сыктывкар» - 7, «Вуктыл» - 11 и муниципальному району «Троицко-Печорский» -11.

Среднее значение достижения показателей по блоку составило 70%. Из 20 муниципальных образований выше среднего значения по блоку достигли 14 муниципалитетов, на уровне – 2, ниже - 4. Так, максимальный уровень исполнения показателей отмечается в городском округе «Вуктыл» (91%, в 2016 году – 88%), муниципальных районах «Корткеросский» (91%, в 2016 году – 77%), «Троицко-Печорский» (91%, в 2016 году – 73%) и «Усть-Вымский» (91%, в 2016 году – 54%), минимальный – в муниципальных районах «Княжпогостский» (21%, в 2016 году – 24%), «Усть-Куломский» (22%, в 2016 году – 24%). Из 20 муниципальных образований выше среднего значения по блоку достигли 14 муниципалитетов, на уровне – 2, ниже - 4.

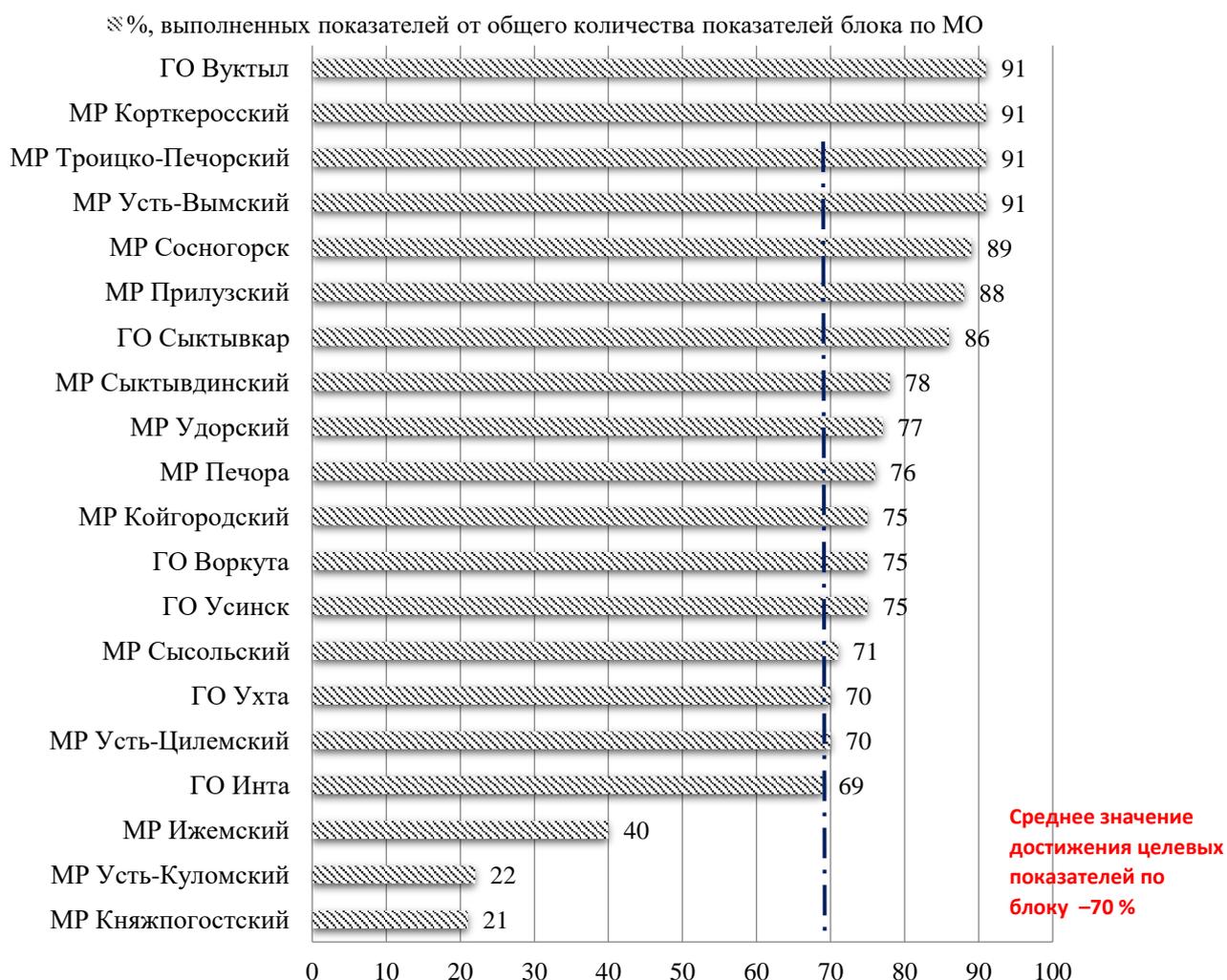

Рис. 4. Достижение целевых показателей Стратегий МО Республика Коми РФ по блоку «Социальное развитие» за 2017 год

За 2017 год по блоку «Социальное развитие» практически у всех муниципальных образований достаточно высокое достижение планового уровня показателей: исполнения по 14 МО - выше среднереспубликанского уровня.

Негативное влияние на достижение показателей по блоку оказали:

– сокращение численности населения муниципальных образований. По данным Комистата общее сокращение по сравнению с 2016 годом составило 9,7 тыс. человек;

- снижение уровня рождаемости. По данным Комистата коэффициент рождаемости составил 11,5 человек на 1 тыс. человек населения (в 2016 году – 13,1 человек на 1 тыс. человек населения);
- снижение удельного веса населения посетившего учреждения культуры на платной основе;
- снижения удельного веса населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом.

Рост смертности по сравнению с 2016 годом наблюдается в пяти муниципалитетах (МО МР «Прилузский» - 101,1% по отношению к 2016 году, МО МР «Сосногорск» - 102,9% по отношению к 2016 году, МО МР «Усть-Цилемский» - 107,2% по отношению к 2016 году, МО МР «Троицко-Печорский» - 114,6% по отношению к 2016 году).

Уровень смертности на 1000 человек населения, превышающий отметку в 15 человек, наблюдается в 8 муниципальных образованиях. Самый низкий общий коэффициент смертности в 2017 г. наблюдался в городских округах «Усинск», «Воркута» и «Сыктывкар». Самое неблагоприятное положение с общим уровнем смертности населения в прошедшем году наблюдалось в муниципальных районах «Троицко-Печорский», «Прилузский», «Усть-Куломский». Общий коэффициент смертности в этих муниципалитетах превысил среднереспубликанский показатель в 1,5 раза.

Характеризуя ситуацию на рынке труда Республики Коми в целом, необходимо отметить, что по-прежнему сохраняются качественные диспропорции и неудовлетворенный спрос работодателей на высококвалифицированную рабочую силу, а также дифференциация локальных рынков труда по условиям обеспечения занятостью. Количество безработных граждан имеет тенденцию к увеличению, что обусловлено несоответствием профессионально-квалификационного состава безработных граждан и заявленных вакансий, процессами высвобождения работников в организациях.

В целях корректировки муниципальной политики и улучшения социального климата на территории муниципальных образований органами государственной власти Республики Коми всем муниципалитетам рекомендованы к реализации мероприятия по:

- систематическому проведению мониторинга доступности дошкольного образования в каждом населенном пункте муниципального района /городского округа;
- обеспечению достоверного и постоянного учета детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного образования;
- созданию необходимых условий для внедрения федерального государственного стандарта начального общего образования для детей с ограниченными возможностями здоровья;
- совершенствованию системы воспитательной работы в муниципальных образовательных организациях через создание механизмов сетевого взаимодействия учреждений;
- созданию и совершенствованию предметно-развивающей среды, обновлению оборудования детских садов, детских площадок, обеспечению информационной поддержки предоставления услуг дошкольного образования;
- увеличению охвата молодежи в возрасте от 14 до 30 лет социально значимыми мероприятиями и мероприятиями, направленными на гражданское и военно-патриотическое воспитание;
- продолжению взаимодействия с работодателями в части предоставления сведений о потребности в работниках посредством маркетинговых выездов на предприятия, рабочих встреч, круглых столов, а также заключения соглашений о сотрудничестве в сфере занятости населения.

Из 1601 анализируемых показателей, утвержденных решениями Советов муниципалитетов о Стратегии СЭР МО, информация по 159 не была представлена в отчетности муниципальными образованиями. Данные показатели в течение года были исключены органами местного самоуправления из стратегических документов МО (вместе с тем, исключенные показатели были

использованы в расчете эффективности реализации стратегий. Исключенным показателям присваивался статус – не выполнен).

Таким образом, произошло искажение информации, представляемой на общественное обсуждение населению (принятие стратегических документов, в соответствии со статьей 13 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», требует общественного обсуждения).

Данное обстоятельство является одним из факторов низкого уровня исполнения Стратегий СЭР МО.

Максимальное количество показателей, исключенных из анализируемых редакций Стратегий СЭР МО, зафиксировано у трех муниципальных образований (147 показателей):

- МР «Усть-Куломский» – 73 показателя, или 71% от общего количества показателей;
- МР «Княжпогостский» – исключено 54 показателя, или 58%;
- МР «Ижемский» – исключено 20 показателей, или 28%.

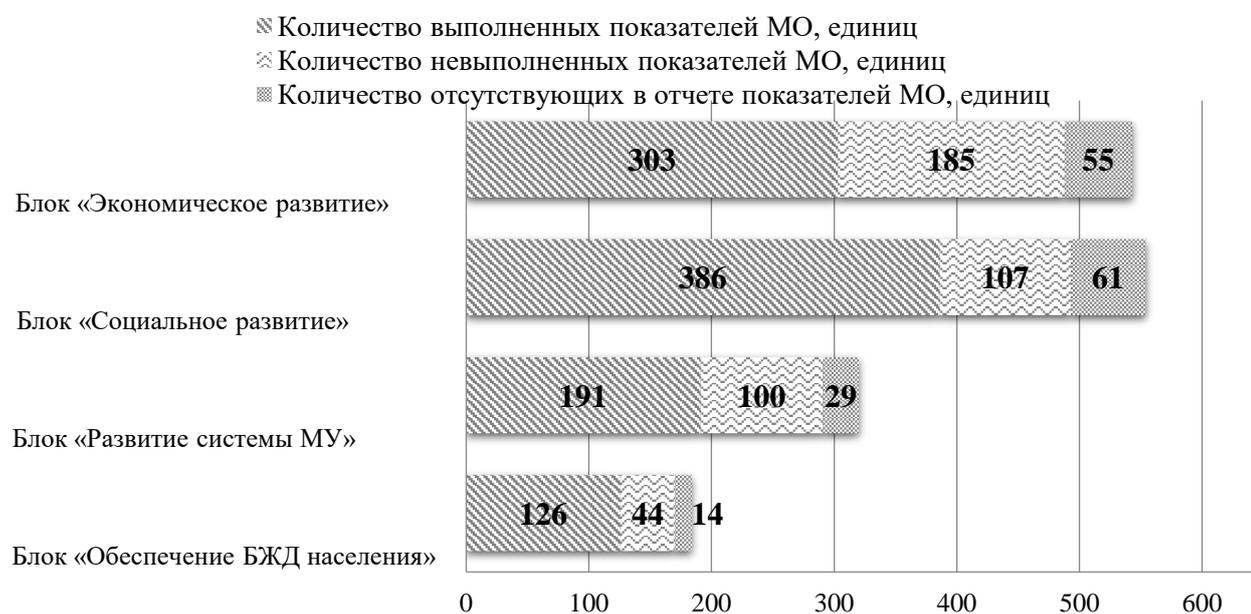

Рис. 5 Среднее значение достижения целевых показателей Стратегий СЭР МО РК по блокам за 2017 год

Муниципальными образованиями, объективно подошедшими к оценке результатов своих Стратегий, СЭР, являются: городские округа «Сыктывкар», «Воркута», «Инта», «Ухта» и муниципальный район «Сысольский».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Муниципальные образования при определении количества и состава показателей, определяющих результаты реализации стратегий, СЭР МО, зачастую игнорируют рекомендации, подготовленные органами исполнительной власти Республики Коми. В результате получается значительный разброс количества и состава показателей. Так, у муниципального района «Сосногорск» 156 показателей, а городского округа «Сыктывкар» - 27.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/ LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Доклад «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг Республики Коми по итогам 2016 года». Сыктывкар. Министерство экономического развития Республики Коми. 2017.с. 144
2. О результатах реализации Стратегий социально-экономического развития муниципальных образований Республики Коми за 2017 год. Сыктывкар. С. 31. //rkomi.gov.ru
3. Отдельные аспекты развития туристской индустрии в Республике Коми: информационно-аналитический бюллетень / Комистат – Сыктывкар, 2010. - № 46-103-100/9. – С. 45.
4. Министерство экономического развития РК // официальный сайт.- URL: www.econom.rkomi.ru (дата обращения: 17.01.2012)
5. Информационное агентство «КомиИнформ» // официальный сайт.- URL: www.komiinform.ru (дата обращения: 9.02.2012)
6. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Коми // официальный сайт.- url: www.komi.gks.ru
7. Большаков С.Н., Большакова Ю.М., О проблеме взаимодействия современного российского бизнеса и государства: общее и частное //«Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета». г. Сыктывкар №2.2014 с.1-14
8. Большаков С.Н., Большакова Ю.М., Оценка эффективности реализации программно-целевых методов решения социально-экономических задач на современном этапе// Вопросы государственного и муниципального управления. Вестник СКАГС. Ростов на Дону. №4. 2017. С.13-23

Финансирование частных вузов Латвии

Жанна Черноштан,

Докторант «Региональная экономика и экономическая политика»

Латвия, Балтийская Международная Академия

zanna.bki@inbox.lv

Научный консультант:

Ассоц.проф., доц.оес. Станислав Бука

АННОТАЦИЯ

Важным компонентом систем высшего образования многих стран являются частные вузы, хотя и имеют в каждом случае национальную специфику. С одной стороны, частное образование получило признание, с другой – до конца не определено, какое место оно должно занимать в системе высшего образования. От ответа на этот вопрос в значительной степени зависят идеология и конкретная политика реформ, проводимых в отдельных странах. В данной статье анализируются источники, состояние, проблемы финансирования частных вузов Латвии.

Ключевые слова: частные вузы, экономическая политика, финансирование образования

ABSTRACT

The important component of the higher education systems of many countries is formed by private higher education institutions, although in each case they have national specifics. On the one hand, private education has been recognized as such, on the other hand it has not been fully determined yet what place it should occupy as a private actor. The answer to this question largely depends on the ideology and specific policy in the reforms of individual countries. This article analyzes the sources, status, problems of financing private higher education institutions in Latvia.

Key words: private higher education institutions, economic policy, education funding

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

С середины 80-х годов двадцатого века большая часть национальных систем высшего образования столкнулась с двумя противоречивыми тенденциями: растущим спросом на образовательные услуги со стороны общества, с одной стороны, и сокращением объемов бюджетных средств, выделяемых на эти цели, с другой. Для правления капиталов в сферу образования было создано множество новых частных (негосударственных) учебных заведений разных типов и видов, увеличился объем контингента учащихся в частном секторе. Сегодня, по мнению директора Программы исследований частного высшего образования (Program for research on private higher education) профессора университета Олбани Д.Леви, в частном секторе обучается более 60 миллионов студентов, треть (32,7 %) от общего количества в мире [6]. В Европе этот показатель составляет 14,4 %. Только в 10 странах из 179 сохраняется монополия на государственное образование [5].

Несмотря на устойчивые тенденции развития в большинстве стран продолжают традиционные споры между частным и государственным секторами высшего образования. Большая часть критики основана на предположении неизбежном противостоянии между качеством и прибылью [4]. Частные вузы, стремящиеся к получению прибыли, сокращению расходов, не могут обеспечить необходимый качественный уровень обучения. Как аргумент, стоимость финансирования на 1 студента в государственном секторе выше, чем в частном [7]. Зачастую государственные университеты лоббируют введение новых ограничений на деятельность частного сектора.

Существенное воздействие на состояние и развитие частного сектора оказывает политика правительства.

Цель данной работы – провести сравнительный анализ финансирования частного и государственного секторов высшего образования Латвии.

Методологической основой исследования являются законодательные и нормативные акты Латвийской республики в сфере высшего образования, исследования зарубежных ученых по проблемам частного высшего образования, статистические данные.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

В исследованиях ЮНЕСКО выделяются несколько основных критериев, определяющих понятие «частное высшее образование» [7]:

- (1) Что является источником финансирования деятельности вуза?
- (2) Кто является собственником?
- (3) Уровень академической и административной автономии.
- (4) Для получения прибыли или нет (regardless of its formal legal definition)?

В соответствии со ст.3 Закона Латвийской Республики «О Высшей школе» высшие учебные заведения могут быть созданы государством, другими юридическими, а также физическими лицами [1]. Учрежденные юридическими и частными лицами высшие учебные заведения и колледжи являются коммерческими обществами или учреждениями, которые осуществляют деятельность согласно Коммерческому закону или Закону о товариществах и учреждениях. В Латвии частные вузы называются учрежденные юридическими лицами.

По данным Министерства образования Латвии в 2017/2018 учебном году в Латвии функционировало 16 государственных и 13 частных вузов, в которых обучалось соответственно: 58 467 студентов и 15439 студентов (около 22% от объема всех студентов).

Таблица1. Численность студентов в латвийских вузах

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015г.	2016 г.	2017 г.
Государственные вузы	61624	58462	56723	57027	56788	58467
<i>В т.ч. платное обучение</i>	<i>31557</i>	<i>28619</i>	<i>26824</i>	<i>26920</i>	<i>26810</i>	<i>27317</i>
Учрежденные юридическими лицами вузы	20120	18502	17223	16477	16002	15439
Студентов всего	81744	76964	73946	73504	72790	73906
<i>В т.ч. платное обучение</i>	<i>51677</i>	<i>47121</i>	<i>44047</i>	<i>43397</i>	<i>42812</i>	<i>42756</i>

Составлено автором Источник: <http://www.izm.gov.lv>

Из 13 частных вузов Латвии 11 являются коммерческими обществами с правом получать и распределять прибыль, 10 из них имеют статус обществ с ограниченной ответственностью и 1 акционерное общество. 2 частных вуза зарегистрированы как некоммерческие учреждения без права зарабатывать прибыль. Частные вузы формируют около 0,1 % ВВП.

Таблица 2. Финансирование высшего образования Латвии

	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	Млн EUR	% от ВВП
Доходы вузов всего, вт.ч.	293,2	1,2	323,7	1,3	249,8	1,0	308,0	1,14
Государственные вузы	260,1	1,1	289,1	1,2	233,8	0,9	274,1	1
Учрежденные юридическими лицами вузы	33,1	0,1	34,6	0,1	15,9	0,1	33,9	0,1

Составлено автором Источник: <http://www.izm.gov.lv>

В соответствии с Законом «О Высшей школе» высшие учебные заведения финансируются их учредителями. Финансовые ресурсы государственных высших учебных заведений образуют средства государственного основного бюджета, а также другие доходы, получаемые высшими учебными заведениями при осуществлении деятельности для реализации установленных их конституциями целей. Учредитель высшего учебного заведения обеспечивает необходимые для непрерывной деятельности высшего учебного заведения, в том числе для выполнения определенных учредителем задач, финансовые средства и контроль их использования. Структура финансовых ресурсов высшего учебного заведения определяется сенатом высшего учебного заведения.

В соответствии с правилами Кабинета Министров ЛР № 348[2] высшие учебные заведения ежегодно предоставляют отчетную информацию Министерству образования и науки Латвии о распределении государственных бюджетных средств, а также собственных средств и их использованию. Доходы вузов формируются в трех направлениях: финансирование обучения, финансирование науки, прочее финансирование.

Таблица 3. Финансирование высшего образования Латвии в 2017 году

	Государственные вузы	Уд.вес (%)	Учрежденные юридическими лицами вузы	Уд.вес (%)	Всего
ФИНАНСИРОВАНИЕ ОБУЧЕНИЯ					
Всего	169,909,021	100.00	25,143,122	100.00	195,052,143
Государственные дотации (включая софинансирование ЕС фондов)	101,506,142	59.74	54,260	0.22	101,560,401
Доходы от платы за обучение	53,626,765	31.56	23,331,406	92.79	76,958,172
Международное финансирование	10,173,220	5.99	851,479	3.39	11,024,700
Другие доходы на обучение	4,602,894	2.71	905,978	3.60	5,508,872
ФИНАНСИРОВАНИЕ НАУКИ					
Всего	65,834,094	100.00	1,004,936	100.00	66,839,030

Государственное бюджетное финансирование	35,921,299	54.56	157,811	15.70	36,079,110
Международное финансирование (включая 85 % софинансирования ЕС фондов)	24,746,489	37.59	442,283	44.01	25,188,772
Другое финансирование	5,166,305	7.85	404,842	40.29	5,571,147
ДРУГОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ					
Всего	€ 38,410,797		7,790,688		46,201,485

Источник: <http://www.izm.gov.lv>

Для Латвии в настоящее время характерна смешанная модель, которая сочетает государственное и частное финансирование. И в том и в другом случае, дополнительными источниками являются средства ЕС, прочие доходы (доходы от сдачи в аренду имущества, доходы от издания книг и др.) и т. д.

Анализ данных показывает, что из общих доходов частных вузов в размере 33,93 млн евро, доходы от обучения составляют 25, 14 млн евро (74,16 %), финансирование науки 1,00 млн евро (2,95 %), прочие источники доходов – 7,79 млн евро (22,89 %). Если анализировать доходы на одного студента в год, то соответственно получается: 1628 евро за обучение, 65 евро за науку, 504,6 евро за прочие доходы. В государственных вузах эти показатели соответственно: 2906 евро (в т.ч. платное обучение 1963 евро), 1126 евро, 657 евро.

Если анализировать финансирование по источникам, то государственное финансирование составляет 0,21 млн евро (0,62 %), частные средства и прочие доходы 32,43 млн (95,57 %), международное финансирование 1,29 млн (3,81 %). Международное финансирование на 1 студента на обучение: 55 евро в частных вузах, 174 евро в государственных вузах. Международное финансирование на 1 студента на науку: 29 евро в частных вузах, 423 евро в государственных вузах.

Таким образом, характерными особенностями финансирования частного сектора высшего образования Латвии являются отсутствие практически государственного финансирования, зависимость от оплаты обучения и прочих частных средств. Вузы, сумевшие привлечь финансовые поступления из различных источников, предоставляют больше финансирования на 1 студента, более стабильны и устойчивы.

CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ / SECINĀJUMI

Качество образовательных услуг и стабильность развития частного сектора зависят от способов и путей финансирования. Сегодня для удержания позиций и сохранения своего места в системе образования частным вузам требуются новые усилия, поиск иной политики, базирующейся на развитии тех принципиальных преимуществ, которыми они обладают. Для увеличения финансирования на 1 студента необходимо производить диверсификацию доходов, привлекать новые источники доходов, используя международный опыт и практику.

В развитии частного образования важную роль играет государство. Поскольку именно оно является ведущим субъектом социальной политики в сфере образования. Она состоит в определении условий, в которых частное предпринимательство может действовать в секторе образования и обеспечивать потребности общества в образовательных услугах. К факторам гибкого стимулирования следует отнести не только разработку нормативных актов в области образования, регулирующих процессы аккредитаций, лицензирования, механизмы обеспечения качества для всех типов высших учебных заведений, но и доступность к государственным, международным грантам и проектам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. LR „Augstskolu likums” <https://likumi.lv/doc.php?id=37967>
2. LR Ministrukabineta noteikumi Nr.348 «Kārtība, kādā augstskola un koledža iesniedz izglītības un zinātnes ministrijā informāciju par savudarbību» <https://likumi.lv/doc.php?id=134392>
3. Dittrich, K., & Weck-Hannemann, H. (2010). Private higher education institutions and quality assurance. <http://ecahe.eu/w/images/3/30/Eca-paper---private-higher-education-institutions-and-quality-assurance.pdf>
4. Kinser K. The quality-profit assumption. – International higher education, No.71, Spring, 2018.
5. Levy D.C. The relative importance of private higher education in Europe. – PROPHE Working paper series No.21, June 2016
6. Levy D.C. The Vanishing Public Monopoly. – International Higher Education, No.94, Summer 2018. DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10526>
7. William L. Public vs private – Arguing from different perspectives. – University World News Global Edition Issue 207, 05 February 2012.
8. Augstākās izglītības finansējuma pārskats (dati). <http://www.izm.gov.lv/lv/publikacijas-un-statistika/statistika-par-izglitibu/statistika-par-augstako-izglitibu>;
9. Pārskats par Latvijas augstāko izglītību 2017.gadā <http://www.izm.gov.lv/lv/publikacijas-un-statistika/statistika-par-izglitibu/statistika-par-augstako-izglitibu>.

Особенности использования маркетинговых коммуникаций в малом бизнесе в Литве и Латвии

Юлия Финашкина,

Докторант программы «Региональная экономика и экономическая политика»

Балтийская Международная Академия,

Латвия, Рига

e-mail: mila6ka30@inbox.lv

АННОТАЦИЯ

Данная статья рассматривает особенности использования маркетинговых коммуникаций в малом бизнесе в Латвии и в Литве. В рамках данной статьи автор проанализировал преимущества и недостатки маркетинговых коммуникаций Литвы, а именно прямого электронного маркетинга, какую пользу можно извлечь, используя данный инструмент для продвижения малого бизнеса. Помимо этого, автор данной статьи также изучил, какие инструменты маркетинговых коммуникаций могут быть использованы для продвижения малого бизнеса в Латвии.

Целью данной статьи является выявить особенности использования маркетинговых коммуникаций в малом бизнесе в Латвии и в Литве.

Ключевые слова: малый бизнес, маркетинговые коммуникации, особенности использования, продвижение, прямой электронный маркетинг.

ABSTRACT

This article examines the peculiarities of use of marketing communications in SMEs in Latvia and Lithuania. Within the framework of this article, the author analyzed the advantages and disadvantages of Lithuanian marketing communications, namely direct electronic marketing, which benefit can be gained, using this tool as a tool of promotion of SMEs. In addition, the author of this article also examined which marketing communication tools can be used for the promotion of SMEs in Latvia.

The goal of the article is to identify the peculiarities of the use of marketing communications in SMEs in Latvia and Lithuania.

Keywords: SMEs, marketing communications, peculiarities of use, promotion, direct electronic marketing.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

В последние годы с возрастанием роли Интернета увеличилась роль Интернет – маркетинга и электронного маркетинга. Все большее количество предприятий, особенно предприятий малого бизнеса, стало использовать Интернет – маркетинг и прямой электронный маркетинг для продвижения своих товаров и услуг на рынок.

Следует подчеркнуть, что особый вклад в изучение маркетинговых коммуникаций внесли, благодаря своим научным трудам, такие зарубежные авторы, как: Ф. Котлер, Д. Шульц, С. Танненбаум, Р. Лаутерборн, Дж. Бернет, С. Мориарти, П. Смит, К. Бэрри, А. Пулфорд, Г. Даулинг. Е.Н. Голубкова, Ф.И. Шаркова, В.И. Черенкова и другие [1].

Ни один из перечисленных авторов – ученых, не изучал Интернет – маркетинг и прямой электронный маркетинг, как способ продвижения товаров и услуг, малого бизнеса на рынок.

Однако, Литовский ученый Mindaugas Kiškis в своей статье «Возможности прямого электронного маркетинга для малых предприятий» изучил тему использования прямого электронного маркетинга для продвижения товаров и услуг малого бизнеса [2].

Безусловно, как Интернет – маркетинг, так и электронный маркетинг имеет, как и любой другой способ продвижения имеет свои преимущества и недостатки.

Автору данной статьи хотелось бы подробно рассмотреть преимущества и недостатки продвижения услуг и товаров малого бизнеса в Литве, посредством прямого электронного маркетинга. А также, особенности Интернет - маркетинга, как способа продвижения товаров и услуг на рынок Латвии.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Преимущества и недостатки электронного маркетинга

Следует отметить, что маркетинг по электронной почте не является преобладающей формой электронного маркетинга. С другой стороны, маркетинг по электронной почте имеет особенно выраженные преимущества электронного маркетинга, т. е., кроме собственных сайтов бизнесменов, маркетинг по электронной почте самый дешевый и самый доступный. Очень часто маркетинг по электронной почте отождествляется с социально нежелательным или даже негативным маркетингом, спамом, так как социальные проблемы, поднятые электронным маркетингом, проявляются в своей форме довольно отчетливо. По указанным выше причинам в рамках данной статьи маркетинг по электронной почте, является справедливым представителем всех видов прямого электронного маркетинга.

На макроэкономическом уровне привлекательность электронного маркетинга определяется следующими двумя основными факторами:

1) В современном бизнесе использование массового маркетинга постоянно уменьшается. На небольших четко определенных рынках все больше и больше специальных маркетинговых средств используется для установления и поддержания тесных контактов с потребителями.

Факторы микроуровня еще более значимы в определении привлекательности электронного маркетинга:

✓ Во-первых, электронный маркетинг предлагает значительную экономию бизнес ресурсов по сравнению с традиционными маркетинговыми каналами. Электронный маркетинг может быть предметом чрезвычайно точного дозирования с точки зрения доступных маркетинговых ресурсов в компании в конкретное время, т. е., оно масштабируемо и его накладные расходы (затраты, понесенные при увеличении аудитории маркетинга) довольно низкие.

✓ Во-вторых, электронный маркетинг, в частности прямой электронный маркетинг обеспечивает уникальные возможности сегментации; электронный маркетинг позволяет легко и относительно дешево (или даже бесплатно) сегментировать потребителей в соответствии с географическими критериями, интересами, историей продаж и т. д.

✓ В-третьих, в отличие от традиционных маркетинговых форм, электронный маркетинг позволяет исправить его эффективность, т.е., преобразование в продажи; в большинстве случаев необходимо заплатить за электронный маркетинг только если потребитель отвечает на маркетинговые коммуникации (например, читает маркетинговые сообщения, нажимает на ссылку клиент маркетинга и т.д.).

✓ В-четвертых, электронный маркетинг позволяет установить прямой контакт с клиентом, или с потенциальным клиентом;

✓ В-пятых, электронный маркетинг, по сути, глобальный, т. е., он позволяет охватить глобального потребителя с минимальными усилиями и затратами;

Каждая компания, независимо от ее размера может извлечь преимущество из большинства вышеперечисленных факторов, поэтому электронный маркетинг особенно привлекателен для малых и средних предприятий. Однако, из-за значительно низких затрат на такой маркетинг его экономическая эффективность (определяется посредством оценки инвестиций или прибылью, полученной от инвестиций) почти вдвое или даже втрое выше, чем такие традиционные маркетинговые средства, как телевидение или радио [3].

Проанализировав преимущества и недостатки, автор считает необходимым проанализировать пользу использования прямого электронного маркетинга, как инструмента продвижения для малых и средних предприятий, что подчеркивает актуальность данной статьи.

Польза прямого электронного маркетинга для малых и средних предприятий

Как правило, прямой маркетинг понимается, как маркетинг, осуществляемый с использованием различных средств способствующий установлению прямого контакта с потребителями по телефону, почте, Интернету и направлен на получение прямого ответа от потребителей. Используя различные базы данных потребителей, специалисты прямого маркетинга создают специализированные предложения и маркетинговые сообщения, отвечающие потребностям определенного сегмента потребителей или даже отдельных лиц для которых запланировано коммерческое предложение. Прямой маркетинг направлен не на формирование имиджа поставщика продукта или услуги (или самого продукта или услуги), а скорее на получение прямой, незамедлительной и измеримой реакции потребителя. Прямой электронный маркетинг выгоден не только для бизнеса, но и для клиентов. возможности получить полную информацию о предложении значительно шире (по сравнению с информацией, которая может быть предоставлена продавцом через традиционную среду), потребитель может легко сравнить различные предложения.

Продукты и услуги, продаваемые с использованием прямого электронного маркетинга, могут намного дешевле, чем те, которые продаются с полок магазинов, потому что бизнесмену не нужно платить за торговые помещения, коммунальные платежи, найм торговому персоналу, т. е., расходы на бизнес, осуществляемые посредством электронного маркетинга значительно ниже, чем у традиционного бизнеса. Все это приводит к увеличению числа продавцов (через минимизацию барьеров доступа к рынку) и возможности для запуска новых продуктов, которые стимулируют конкуренцию и причины снижения потребительских цен. Очевидно, что прямой электронный маркетинг самый эффективный и быстрый способ предоставления информации о новых продуктах и услугах потребителю или другой информации, относящейся к потребителям (например, о скидках или специальных ценах). Кроме того, посредством прямого электронного маркетинга создаются благоприятные условия для продажи персонализированных или даже уникальных продуктов или услуг.

Поскольку в настоящее время потребители окружены чрезвычайно большой и иногда «шумным» потоком маркетинговых коммуникаций, его основная часть может остаться незамеченной. Огромное количество информации, полученное ежедневно мешает потребителю запомнить либо название рекламируемого товара, либо его преимущества, перечисленные в рекламе. Такая способность потребителя воспринимать информацию обусловлено не только его избытком, но и безличной презентацией маркетинга. В этой ситуации индивидуализация прямого электронного маркетинга помогает привлечь внимание потребителя и предоставляет компании возможность показать исключительное внимание или представить специальное предложение для лояльного клиента. Исключительное внимание к клиенту приводит к его лояльности и позитивному мнению о компании.

Прямой маркетинг имеет также определенные недостатки и вызывает серьезную социальную напряженность, а именно:

✓ В – первых прямой маркетинг всегда включает в себя личную информацию потребителей и поднимает вопросы обработки персональных данных. Эта проблема особенно актуальна для прямого электронного маркетинга, потому что электронная и автоматическая обработка персональных данных может привести к увеличению рисков безопасности и несанкционированному использованию личных данных.

✓ Во – вторых прямой электронный маркетинг, как правило, нежелателен или незаконен, значительно обременяет инфраструктуру электронных коммуникаций.

✓ В – третьих прямой электронный маркетинг является для обычной деятельности, особенно, в случаях, когда потребитель не желает получать какую-либо рекламу, не может или не хочет использовать это.

Несмотря на такие недостатки для малого и среднего бизнеса прямой электронный маркетинг является наиболее доступным и часто единственным каналом с потребителями. В связи с своей доступностью и привлекательностью, прямой электронный маркетинг малого и среднего бизнеса важен для регионального развития и духа общей деловой активности. Хотя, почти всегда это нежелательно, поскольку рекламируемые товары и услуги обычно очень сомнительны и в большинстве случаев нежелательны (несущественны) для потребителей. Кроме того, спам часто используется для распространения компьютерных вирусов, таких как, электронные черви и конфиденциальное программное обеспечение, а также для электронного мошенничества [4].

Далее автор хотел бы изучить, что представляет собой Интернет – маркетинг, как способ продвижения товаров и услуг на рынок Латвии.

Продвижение через лидеров мнения

Influencer Marketing или маркетинг влияния – это главная тенденция в маркетинге в 2017 году. Это самый быстро растущий канал для привлечения клиентов онлайн, который обошел контекстную рекламу, SEO и email маркетинг.

«В Латвии использования лидеров мнения для продвижения и увеличения продаж только начинается. Хотя в мире многие бренды используют исключительно блоггеров и влоггеров и вовсе не прибегают к классической рекламе.

Контент-маркетинг со ставкой на видео

И хотя традиционные текстовые формы контента, например блоги, рецензии, посты в социальных сетях и электронные книги, по-прежнему будут актуальны, самым горячим трендом контента в 2017 году будет видео.

«Видео форматы получают более высокие органические охваты в социальных сетях. Поэтому рекомендую присмотреться к этому инструменту и использовать его, например, для микропрезентации, живых включений с мероприятий, и так далее».

Продажи через Instagram

Для многих сфер бизнеса, например, для брендов, работающих в сфере красоты и моды, Instagram может являться основным каналом продаж. Если в прошлом году в Латвии смотрели на эту социальную сеть, как на источник охватных аудиторий, то сегодня, благодаря новым возможностям, он зарекомендовал себя как конверсионный инструмент. «В Латвии тоже существуют бренды, которые продают только через Инстаграм.

Тонкая аналитика сайта

Однако, по мнению Дмитрия Красновского, даже «безупречный» и налаженный инструмент от Google не способен сегодня полноценно ответить на некоторые важные вопросы, интересующие как малый, так и крупный бизнес.

«На чем покупатели «заостряют» своё внимание при посещении сайта? В то же время АБ сплит тестирование позволяет запускать любые рекламные кампании и не волноваться по поводу их эффективности. Сплит тесты отображают несколько вариантов целевого раздела, кнопки, ссылки, и, обобщая статистику, автоматически отображает тот вариант, который работает лучше всего. «Большинство из этих инструментов совсем просто и дешево интегрировать в код сайта.

Ориентация на поколение Z и миллениалсов

Клиенты, которые родились в начале в 90-х - 2000-х годах – самые активные пользователи интернета сегодня, поэтому стоит формировать товары и услуги онлайн с учетом их ожиданий. Они любят выбор, свободу и комфорт, соответственно, крайне негативно относятся к маленькому выбору товара или отсутствию мобильной версии вашего сайта. К примеру, если вы – владелец ресторана, то важно помнить, что для этой аудитории – отзывы на TripAdvisor и модность места (читайте – наличие многочисленных skeck in на Facebook) будет не менее важно, чем интерьер и меню [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

В данной статье были рассмотрены особенности использования маркетинговых коммуникаций в малом бизнесе в Латвии и в Литве, а именно преимущества и недостатки прямого электронного маркетинга, его польза, а также Интернет – маркетинг, как инструмент продвижения товаров и услуг малого бизнеса на рынок.

Проанализировав и изучив теоретические и практические аспекты коммуникаций в малом бизнесе, автор пришел к следующим выводам:

- электронный маркетинг по почте является экономически выгодным средством продвижения для малых предприятий;
- анализ опыта продвижения товаров и услуг в Литве посредством прямого электронного маркетинга показал, что, делая акцент на интересах потребителя и его удобстве можно извлечь прибыль от такого маркетинга;
- электронный маркетинг позволяет установить прямой контакт с клиентом или потенциальным клиентом и данный инструмент маркетинга особенно привлекателен для малых и средних предприятий;
- электронный маркетинг иногда, является наиболее доступным и часто единственным каналом связи. Прямой электронный маркетинг малого и среднего бизнеса, также играет важную роль в региональном развитии;

Анализ особенностей использования Интернет – маркетинга для продвижения товаров и услуг в Латвии, позволяет сделать следующие выводы:

- В Латвии продвижение посредством лидеров мнения только начинается, и большинство брендов используют только блоггеров и вовсе не используют классическую рекламу;
- Трендом контента на сегодняшний день по-прежнему является видео несмотря на то, что сегодня все еще также используются блоги, посты в социальных сетях и т. д., для продвижения товаров и услуг на рынок;
- какой бы способ продвижения не выбрала бы компания, необходимо учитывать особенности данного способа продвижения, а также преимущества и недостатки;

- от правильного и эффективного выбора маркетинговых коммуникаций зависит успех компании;

- маркетинговые коммуникации играют большую роль для повышения конкурентоспособности предприятий малого бизнеса;

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

- 1) http://www.aup.ru/books/m99/7_1.htm
- 2) Direct electronic marketing opportunities for SMEs:
<https://www.mruni.eu/upload/iblock/9d2/kiskis.pdf>
- 3) Direct electronic marketing opportunities for SMEs:
<https://www.mruni.eu/upload/iblock/9d2/kiskis.pdf>
- 4) Direct electronic marketing opportunities for SMEs:
<https://www.mruni.eu/upload/iblock/9d2/kiskis.pdf>
- 5) 5 тенденций Интернет – маркетинга, которые может использовать малый бизнес:
<https://rus.db.lv/novosti/5-tendentsiy-internet-marketinga-kotorye-mozhet-ispolzovat-malyy-biznes-77795>
- 6) Капон Н., Колчанов В., Макхалберт Дж., Управление маркетингом: Учебник для вузов/ Пер. с англ. Под ред. В.Б. Колчанова. – СПб.: Питер, 2010. – 563 с.
- 7) Котлер Ф., Маркетинг менеджмент. Экспресс – курс. 2 – е изд/Пер. с англ. под ред. С.Г. Божук. – СПб.: Питер, 2006. – 277с.

Особенности продвижения продуктов культуры в социальных сетях

Алла Ильина,

докторантура «Региональная экономика и экономическая политика»

Латвия, Балтийская Международная Академия

iljina@balticom.lv

Научный руководитель: Доктор экономических наук,

Проф. Татьяна Голубкова

АННОТАЦИЯ

Целью работы выступает обоснование особенностей продвижения культурных продуктов в социальных сетях. Рассматривая активность государственных учреждений Латвии в использовании маркетинга в социальных сетях (SMM), автор выдвигает гипотезу о влиянии количества постов, публикуемых учреждениями культуры на страницах социальных сетей на количество подписчиков. Проведенный корреляционный анализ подтверждает данную гипотезу, что определяет дальнейшие направления изучения данной темы.

Ключевые слова: продвижение, социальные сети, маркетинг в социальных сетях, культурный продукт

ABSTRACT

The aim of the work is the substantiation of features of cultural products promotion in social networks. Considering the activity of Latvian state institutions in using marketing in social networks (SMM) the author puts forward a hypothesis that the number of posts published by cultural institutions affects the number of followers. The conducted correlation analysis confirms this hypothesis, which determines the future directions of studying this topic.

Keywords: promotion, social networks, social media marketing, cultural product

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Рост конкуренции в культурно-развлекательном секторе и появление новых технологических возможностей привели к активизации продвижения культурных продуктов и существенному расширению его инструментов. Наряду с такими традиционными инструментами promotion mix как реклама, public relations, личные продажи, стимулирование сбыта, прямой маркетинг и др., учреждения культуры начали использовать инновационные каналы коммуникации. Одним из лидеров в этой области является продвижение культурных товаров и услуг в социальных сетях.

Значимость маркетинга в социальных сетях (Social Media Marketing (SMM)) определяется в первую очередь широчайшим охватом аудитории, так в октябре 2017 года количество пользователей Facebook в мире достигло 2 234 млн, YouTube – 1900 млн, Instagram – 1000 млн.[3] К основным преимуществам SMM относят также низкую себестоимость сообщений, скорость их распространения и доступность получения.[4,4] Для сферы культуры, использование данных средств маркетинговой коммуникации является особенно актуальным в силу, как правило, достаточно ограниченного бюджета учреждений и необходимости привлечения новых зрителей. Изучение данной темы и практические рекомендации могут помочь повысить эффективность применения данной формы продвижения культурных продуктов.

Целью данного исследования является анализ использования социальных сетей для продвижения культурных продуктов латвийских государственных театров и музеев. С помощью применения корреляционного анализа была исследована зависимость между количеством постов на

страницах социальных сетей и количеством подписчиков, также в работе использованы методы сравнительного анализа.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

В настоящее время большинство музеев, галерей, театров и концертных залов используют возможности социальных сетей для продвижения своих идей, событий, имиджа в целом.[1, 917] Как отмечает исследователь Мишель Марчетта, благодаря присутствию в социальных сетях, учреждения культуры получают возможность мгновенно взаимодействовать со своими фолловерами, чтобы понять, какие произведения их интересуют, и как можно помочь им.[2] Важным преимуществом продвижения культурных продуктов в социальных сетях является возможность предоставить пользователям интересный, насыщенный визуальный/ аудиальный контент. Перед маркетологами, таким образом, стоят задачи правильного выбора соответствующей социальной площадки. Такие платформы как Facebook, Instagram, Youtube, Twitter и др. предлагают различные возможности для взаимодействия и обладают собственными преимуществами подачи контента.

Для значительной части населения, в первую очередь молодежи, социальные сети становятся главным источником информации о культурных событиях. По данным проведенного автором опроса среди 400 латвийских респондентов от 15 до 65 лет, для представителей возрастных групп от 15 до 24 лет и от 25 до 39 лет социальные сети являются главным источником информации о культурных мероприятиях (45,1% и 26,9 % соответственно).

Сравнение активности использования социальных сетей латвийскими государственными театрами, концертными организациями и Латвийским Национальным художественным музеем (в целом 11 учреждений) показало, что самые популярные социальные сети -Facebook, Twitter и Instagram, наименее популярная – латвийская социальная сеть Draugiem.lv.

Лидером по присутствию в социальных сетях являются Даугавпилский театр, страницы которого активны во всех пяти социальных сетях. Латвийская Национальная Опера, Латвийский Национальный театр, Новый Рижский театр и Валмиерский театр присутствуют в четырех социальных сетях. Наименьшая активность у организации «Latvijas Koncerti», которая имеет свои страницы только в Facebook и Instagram.

Немаловажным фактором, указывающим на популярность страницы организации в сети, является количество подписчиков, здесь явным лидером является Новый Рижский театр – 50500 подписчиков в Twitter в то время, как, например, у Рижского Русского театра им. М. Чехова в этой сети только 1506 подписчиков. Учитывая, что количество зрителей и количество мероприятий в данных театрах достаточно схожи, была выдвинута гипотеза, что в значительной мере количество подписчиков зависит от активности размещения контента на страницах социальных сетей. Для проверки данной гипотезы был проведен корреляционный анализ связи между количеством постов в сетях Instagram и Twitter и количеством подписчиков (для всех учреждений культуры, присутствующих в данных сетях). С помощью программы IBM SPSS был подсчитан коэффициент корреляции Пирсона, и для сравнения подсчитаны показатели зависимости Спирмена ρ и Кендала τ . Для социальной сети Instagram (см. Табл. 1) зависимость количества подписчиков и количества постов в сети является крайне высокой, на что указывает коэффициент корреляции 0,933. Как показывает p – value (Sig.), коэффициенты являются сверхзначимыми (значение 0,000 в таблице).

Table 1. Результаты вычисления коэффициента корреляции по методу Пирсона для данных Instagram

Correlations

		Instagram_posts	Instagram_followers
Instagram_posts	Pearson Correlation	1	.933**
	Sig. (2-tailed)		.000
	N	11	11
Instagram_followers	Pearson Correlation	.933**	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	N	11	11

** . Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

Также определенная зависимость при вычислении коэффициента корреляции Пирсона была выявлена и в сопоставлении количества публикаций в социальной сети Twitter с количеством подписчиков (см. Табл. 2).

Table 2. Результаты подсчета коэффициента корреляции Пирсона для данных Twitter

Correlations

		Twitter_followers	Tweets
Twitter_followers	PearsonCorrelation	1	.497
	Sig. (2-tailed)		.120
	N	11	11
Tweets	Pearson Correlation	.497	1
	Sig. (2-tailed)	.120	
	N	11	11

В связи с тем, что результаты данного корреляционного анализа не дали столь однозначный результат, как переопределении коэффициента корреляции Пирсона для сети Instagram, для определения зависимости количества подписчиков от количества постов для социальной сети Twitter дополнительно были использованы расчеты коэффициента ранговой корреляции Спирмена и Кендала (См. Табл. 3)

Table 3. Результаты подсчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена и Кендала для данных Twitter

Correlations

			Twitter_followers	Tweets
Kendall's tau_b	Twitter_followers	Correlation Coefficient	1.000	.636**
		Sig. (2-tailed)	.	.006
		N	11	11
	Tweets	Correlation Coefficient	.636**	1.000
		Sig. (2-tailed)	.006	.
		N	11	11
Spearman's rho	Twitter_followers	Correlation Coefficient	1.000	.791**
		Sig. (2-tailed)	.	.004
		N	11	11
	Tweets	Correlation Coefficient	.791**	1.000
		Sig. (2-tailed)	.004	.
		N	11	11

** . Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

Как видно из результатов анализа, представленных в Табл. 3, самую высокую оценку зависимости показал критерий Спирмена (0,791). Коэффициент корреляции Кендала (0,636) так же оказался выше, чем коэффициент, определенный по методу Пирсона (0,497). Более того, учитывая значимость коэффициентов корреляции Спирмена и Кендала, можно сделать вывод, что для определения меры зависимости между количеством постов и подписчиками в Twitter лучше использовать методы подсчета именно ранговой корреляции, так как коэффициенты, вычисленные этими методами значимы при любых уровнях Sig.<0,01.

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

Учреждения культуры наряду с традиционными формами продвижения, используют инструменты маркетинга в социальных сетях (Social Media Marketing (SMM)). Преимуществами продвижения в социальных сетях является широкий охват аудитории, низкая себестоимость маркетинговых сообщений и мгновенность взаимодействия. Возможности размещения визуальных и аудиальных форм контента в современных популярных социальных сетях, таких как Facebook, Instagram, Youtube, Twitter, и др., в максимально доступном виде позволяют подписчикам познакомиться с культурным продуктом, что помогает сделать наиболее подходящий выбор. Наиболее популярными социальными сетями, которые используют латвийские театры и музеи являются Facebook, Instagram и Twitter, однако активность их использования и количество фолловеров значительно отличаются.

Проведенный анализ взаимосвязей между количеством постов, публикуемых на страницах социальных сетей латвийских государственных учреждений культуры, и количеством их подписчиков продемонстрировал сильную положительную корреляцию. Это дает основание утверждать, что высокая активность в социальных сетях будет способствовать расширению потенциальной аудитории и эффективному продвижению культурного продукта. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для эффективного продвижения культурного продукта в социальных сетях маркетинговым отделам учреждений культуры необходимо максимизировать свое присутствие и активность публикаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERĀTŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Lee E. E., Kang H., Ahn H. J. Word-of-Mouth of Cultural Products through Institutional Social Networks. Sustainability Journal, Volume 9. Issue 6, 2017, P. 917, doi:10.3390/su9060917
2. Marchetta M. The Advantages and Strategies of Marketing Arts Products Online. Artsblog. [Accessed 5 December 2018] 2017]. Available at: <http://blog.americansforthearts.org/2013/10/11/the-advantages-and-strategies-of-marketing-arts-products-online>
3. Most famous social network sites worldwide as of October 2018, ranked by number of active users (in millions)/ The Statistics Portal. [Accessed 5 December 2018] Available at: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/>
4. Neti S. Social media and its role in marketing. International Journal of Enterprise Computing and Business Systems Vol. 1 Issue 2, July 2011 pp. 1-16. 4

The Participation of the Republic of Uzbekistan in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Role of the Silk Road Economic Belt (SREB) as a Catalyst for Multilateral Economic Cooperation of the SCO Member States

Isamukhamedova Gulchehra Salikhovna

Lecturer at the Tashkent State Institute of Oriental Studies, Uzbekistan

E-mail: gulchewka@yahoo.com

Supervisor: IslamovBakhtierAnvarovich

*Doctor of Economics, Professor of the Department of
World Economy and International Economic Relations,*

*Tashkent Branch of the Russian Economic University
named after. G.V. Plekhanov*

АННОТАЦИЯ

В статье аргументируется необходимость усиления дееспособности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на фоне проработки концепции Экономического пояса Шелкового пути, к реализации которой привлекается ШОС. Разрабатываются некоторые рекомендации по повышению возможностей ШОС в этом направлении.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества - Шелковый путь Экономический пояс - Россия - Китай - Центральная Азия - Индия - Пакистан - Иран.

ANNOTATION

The article analyzes the need in strengthening the capacity of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in line with the concept of "Silk Road Economic Belt" (SREB) and its implementation under the SCO. Some recommendations are being developed to improve the capabilities of the SCO in this direction.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization - Silk Road Economic Belt - Russia - China - Central Asia - India - Pakistan - Iran.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The Republic of Uzbekistan, being a key state in Central Asia, joined the Shanghai Forum on June 14, 2001, and on June 15, 2001 signed a declaration on the establishment of the Shanghai Cooperation Organization and became one of the founders of the SCO and is currently significantly contributing to its development.

It should be noted that Uzbekistan has chaired this organization three times so far - in 2003-2004, 2009-2010, and 2015-2016. During these years, important documents and decisions were approved on improving the activities of the SCO and further expanding cooperation in various areas within the organization.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

On June 17, 2004 at the summit of the organization during the presidency of Uzbekistan the headquarters of the Regional Antiterrorist Structure (RATS) of the SCO was opened in Tashkent. An

important document was also signed, such as the provisions on the status of an observer under the SCO, as a result of which Mongolia, and in 2005 India, Pakistan and Iran gained the status of observer states. In September 2004, according to the decision of the Council of the Heads of the Governments, a long-term program of multilateral cooperation in the field of trade and economy was developed and approved. Regular contacts have been established between foreign policy, economic, trade departments, security councils of the member countries of the Organization.

It is also worth noting that in April of 2010, the year of the presidency of the Republic of Uzbekistan in the Shanghai Cooperation Organization, an important historical event took place in the SCO activities: during the visit of UN Secretary-General Ban Ki-moon to Uzbekistan in Tashkent, the UN and SCO secretariats signed the Joint Declaration on cooperation.

In June of 2016, at the summit in Uzbekistan, the Declaration on the fifteenth anniversary of the SCO, the Action Plan for 2016-2020 on the implementation of the SCO Development Strategy until 2025 were adopted; memoranda on obligations of India and Pakistan in order to obtain the status of the member states of the organization were signed. At the SCO summit in Astana on June 8-9, 2017, India and Pakistan became full members of the organization [1].

The entry of India and Pakistan marked a new page in the history of the organization. The admission of such a large and generally successfully developing country like India will seriously increase the international prestige and influence of the Organization. The SCO will become the largest international organization in the world after the United Nations in terms of the total number of population of member countries[2]. Director of the Center for Asian Studies of the University named after Jawaharlal Nehru (India) SharadSoni noted that the acceptance of India as a full member of an authoritative international organization, is a great merit of Uzbekistan[3].

India and Pakistan can make a great contribution to the activities of the Organization to normalize the situation in Afghanistan and to solve related to it problems, in particular, to support the programs of the SCO and its members aimed at stabilizing the Afghan economy. India and Pakistan are natural allies of the SCO member-states in the struggle against terrorism, separatism and Islamic extremism.

Today, Uzbekistan, under the new leadership of President ShavkatMirziyoyev, is entering a qualitatively new level of development. The Strategy of Actions, proposed by the President of Uzbekistan on five priority development directions of the Republic of Uzbekistan for the period of 2017-2021[4], covers important issues of socio-political, socio-economic, cultural and humanitarian development of the country. Naturally, this is reflected in the activities of the country within the SCO.

It should be noted that intensification of trade and economic relations is one of the priority areas for Uzbekistan's cooperation with the SCO member countries.

In 2002, the trade turnover between Uzbekistan and the SCO member countries amounted to 1 billion 535 million, and in 2008 – 6 billion 525.5 million US dollars [5]. As a result of 2017, trade reached its highest level in the last 15 years and increased by 6.8 times, compared to 2002 and amounted to about 10 billion 539 million. (with Russia – to \$3.65 billion, with the China reached \$4.5 billion, with Kazakhstan totaled \$2 billion, with Kyrgyzstan totaled \$280 million, and with Tajikistan \$110 million) [6]. As a result, at the end of 2017, the SCO countries accounted for about 40% of the total trade turnover of the republic [7].

Positive dynamics of growth is characterized by an increase in Uzbekistan's exports and imports, primarily in trade with leading partner countries, such as Russia, China and Kazakhstan. The share of China in the economic component is high, as it has the ability to penetrate to the markets of the SCO countries through the mechanism of concessional lending. Thereby, trade between Central Asian countries and China is growing much faster than with Russia.

At the SCO summit in Tashkent on June 23-24, 2016, the heads of the SCO member-states again expressed their support for the initiative to create the "Silk Road Economic Belt". The implementation of this

initiative will enable the countries of Central Asia to become important transit arteries between China and the European Union.

As it is known, the program "Economic Silk Road belts" (SREB) is currently acquiring popularity and relevance not only in China itself and neighboring countries, but also in other countries of Asia and Europe. Prerequisites for the construction of the "silk road" evolved in previous decade.

The Silk Road Economic Belt project is not unique; it is part of China's common policy in Eurasia. The scale of the tasks facing the SREB strategy varies over time. The initial task of the SREB was set quite narrowly and was a renewed Program for the Promotion of Socio-Economic Development in Central and Western China, which are lagging behind in development. Now the focus of the strategy is shifting to the formation of an intercountry collective mechanism for deepening economic cooperation with those countries, which are located on the SREB trajectory.

The SREB is developing from east to west, and the central place is given to the Central Asian region adjacent to China's western border, with which cross-border ties continue actively develop not only in the field of merchandise trade, but also in the sphere of industrial cooperation, services, etc.

For Kazakhstan, this is primarily the oil and gas sector and the implementation of transport and logistics projects. For Uzbekistan, it is important gas projects and transportation of Central Asian gas to China, as well as the creation of a high-tech production area, which distinguishes Uzbekistan from other states of the Central Asian region. For Tajikistan and Kyrgyzstan it is hydropower, transport and logistics cooperation with the prospect of turning these countries into transshipment bases for Chinese trade in Central Asia. For Turkmenistan China's participation is the exploration and development of gas fields and the supply of Turkmen gas to China.

Huge monetary and financial reserves have allowed China and in the context of the global financial crisis aggressively to buy up the region's natural resources, as well as to provide credit support to national companies in Central Asian countries. According to statistics from the Ministry of Commerce of China, the total amount of Chinese investment, for example, in Kazakhstan at the end of 2014 reached \$29 billion (mainly in the energy sector). For a year and a half - from September 2013 to December 2014 - investment agreements were signed for the enormous amount of \$54 billion between two countries. In other Central Asian countries (excluding Turkmenistan), the total amount of Chinese investment is much lower: in Kyrgyzstan, it amounted to 1510 million dollars, in Tajikistan - 827 million dollars, in Uzbekistan - 807 million dollars [8].

During the landmark visit of Xi Jinping, the head of China, to Central Asia in the fall of 2013, when the strategy of the SREB was proclaimed, the amount of contracts signed in Kazakhstan amounted to a total of \$ 30 billion; in Uzbekistan, \$15 billion. At the same time, China agreed to provide Kyrgyzstan with energy projects worth about \$3 billion, 1.4 billion of which will be used to build a pipeline to China [9].

The country structure of China's direct investment in the Central Asian region over the past four years remains the same. The overwhelming majority of China's direct investment in Kazakhstan is (82–84%), about 5% is in Turkmenistan and in Kyrgyzstan, and the rest is in Tajikistan and in Uzbekistan [10].

In general, in terms of investment in the Central Asian economy, China ranked the first place. Investment cooperation is underway with almost all countries of the region and have mutually beneficial and promising character.

A new, still little appreciated, but strategically significant moment of China's investment policy is investment in non-commodity sectors of the economies of Central Asian countries due to the transfer of production capacity from the China.

China is investing heavily in the region and through international financial institutions and organizations like Asian Development Bank (ADB) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). China's

Eximbank, through which the main financial investments to Central Asia has already implemented and over 50 socio-economic projects embodied in the countries of the region. China directs significant investments in infrastructure projects [11].

Considering the concept of SREB as it seems it could be offered a program of action of the five points:

- strengthening the coordination of the Central Asian states in the region (CAR) in the political, trade and economic fields;
- intensification of the construction of a single road network;
- trade development through the elimination of trade barriers, unification of customs legislation, reduction of trade and investment costs, increase in the speed and quality of economic operations in the region;
- increase of currency flows due to the transition to settlements in national currencies;
- strengthening the role of public diplomacy, expanding direct ties between the peoples of the region.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

The above considerations give reason to make number of summary:

Firstly, SREB program could be a catalyst for multilateral economic cooperation of the SCO states and carried out under the auspices of this Organization. This would allow to concentrate the greatest amount of resources, and to stimulate the economic development of the states of Central Asia (Central Asia) without the intervention of extra-regional forces;

Secondly, the program is largely designed to ensure the geopolitical interests of its participants. Not by chance, Iran and Afghanistan are attracted to participate in or being in it as observers of SCO;

Thirdly, the focus on regional coordination is consistent and the interaction of the new Chinese project with the Eurasian Economic Union (EEU).

Summing up, it is logical to bring the following conclusions and recommendations:

Currently, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) is becoming an increasingly influential and attractive international structure. One of the most important activities of the SCO countries in the modern period is the realization of the concept of joint construction of the Silk Road Economic Belt (SREB).

Multilateral Economic Cooperation of the SCO Countries continues to stagnate. Only bilateral trade and investment relations of Uzbekistan with other SCO member states are actively developing.

Put forward the SREB concept, shows Beijing's desire to strengthen its position in Central Asia offering an alternative to the underdeveloped economic component of the SCO and, to some extent of the Eurasian Economic Union (EEU).

Thus, it should be noted that the development of economic relations within the framework of the SCO, the emphasis on joining forces, coordination of national strategies and multilateral projects in the SCO space might be very useful. The goal is to combine the capabilities of the SCO, EurAsEC (now EEU), the Association of Southeast Asian Nations, the Chinese "One Belt - One Way" initiative.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Lidery stran SHOS obsuzhdayut formirovaniye bol'shogo Yevraziyskogo vzaimodeystviya, RIA Novosti <https://ria.ru/economy/20170607/1496027322.html>

2. Komissina I. N., Razmyshleniya posle sammita SHOS: novyyerealii, novyyeperspektivy, Problemyatsional'noystrategii, № 1 (34) 2016, C 68-88

3. Novyyekonturyrazvitiya SHOS glazamizarubezhnykhekspertov, <http://www.pv.uz/ru/25406>

4. Strategiya deystviy popyati prioritetnym napravleniyam razvitiya Respubliki Uzbekistan v 2017-2021, <http://2018.strategy.uz/ru>

5. A.Alimov, G.Isamukhamedova (Saitazizova), SpetsifikatsiyauchastiyaUzbekistana v ekonomicheskoyintegratsiistran SHOS, IzvestiyaUral'skogoFederal'nogoUniversiteta, Seriya 3: Obshchestvennyyenauki, Ural'skiyfederal'nyyuni versitetimeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yel'tsina, №3, 2010, S 136-139

6. Statistikaqo'mitasi–Vneshnyayatorgovlya. stat.uz

7. Kommentariy Departamentinformatsii I pechati MID Rossii po pravam chelovekaA.KH.Kamilova v Rossiyskuyu Federatsiyu (rus.). www.mid.ru.

8. Chzhunkhuazhen'min' gunkhegogotszyatuntszitszyuy: [GosudarstvennoyebuyurostatistikiKNR]. URL: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index; jsessionid = 480C05 31DF8743FA75E0E19A32729B5A? M = hgnd>

9. Kuz'mina Ye.M. Vneshniye ekonomicheskiye interesy kak faktor ekonomicheskogo razvitiya Tsentral'noy Azii: Nauchnyy doklad. M.: In-t ekonomiki RAN,2013. S. 246

10. Tam zhe

11. Chzhungo «sitszin'» yunpinkhenchzhan'lyuechzhilu: [Kitayskoye «prodvizheniyenaZapad»).

URL: http://www.qstheory.cn/gj/gjsspl/201404/t20140422_342588.htm. 22.04.2014

Management of Manufacturing Firms in the Energy Sector

Ing. František Janáč, Ph.D., Independent consultant, janac@jafran.cz

Ing. Martin Pernica, Ph.D., asistent profesor, VUT Brno

doc. Ing. Roman Horák, CSc., asociace profesor,

Czech Republic, STING Academy, horak@post.sting.cz

ABSTRACT

The article deals with issues of business process management in the energy sector. The experience of one of the authors in the energy companies is discussed with co-authors. The authors of the article, in the end of their discussion, compare the functioning and development of the company with the behavior of people. They use Maslow's pyramid to meet human needs. The importance of the contribution lies in the design of principles when deciding on a suitable model of management for a manufacturing company operating in the energy industry as an analogy to Maslow's theory.

Keywords: Company, production management, cultural environment, business activities.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы управления бизнес-процессами в электроэнергетике. Обсуждается опыт работы одного из авторов в компаниях, занимающихся энергетикой. Авторы статьи в процессе дискуссии сравнивают функционирование и развитие фирмы с поведением людей. Для этого используется пирамида Маслоу удовлетворения потребностей человека. Значение статьи заключается в разработке принципов принятия решения и подходящей модели управления производственной компанией, функционирующей в энергетической промышленности, по аналогии с теорией Маслоу.

Ключевые слова: фирма, управление производством, культурной среды, хозяйственной деятельности

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The authors of this article are thinking about choosing a management model for a company that is doing business in the energetic industry. The aim of the paper is to encourage start-up entrepreneurs and managers to choose the management model that they should help to ensure that the company functions properly.

The logical and empirical methods were used in the elaboration of the article. The empirical methods used mainly to observe the cultural environment in which the company operates. The logical methods used were abstraction and concretization and analysis and synthesis in the study of professional literature focusing on the cultural environment and the processing of the contribution itself.

The variety of environments, the pressure on speed and the correctness of the decision require effective process setup in the company. The paper presents the experience of one of the authors from several international societies and different cultural backgrounds. The authors point to some resemblance to the behaviour of people and companies. The article does not answer all questions or offer unambiguous answers. *"In everyday practice, we see that entrepreneurs develop a wide range of activities in their day-to-day activities, addressing not only their economic problems, but also contributing to solving many social*

problems and improving society. Understanding the extent to which the entrepreneur should engage socially is gradually changing." [4,08]

Regardless of the theoretical models of management, each company evolves in a different way, even though managers use these management models. It is managed according to the specific needs and priorities of owners, leaders of companies, as well as personality characteristics. The needs and priorities of the company, as well as their owners and managers, can change over time. There is a change in the company management system as well.

**ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ /
SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ /
BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION**

The American psychologist Maslow has created an idea of the organization of human needs, see Picture 1. His theory is based on meeting needs from physiological till the need for self-realization. He believed that one need was on the other and a higher need could be realized only after a lower degree of need had been achieved.

Picture 1 Maslow's pyramid

Source: [5, 11]

Very similar considerations can be likened to the viability of firms that are essentially a living organism in order to survive and develop. Thus, we can analogously construct a similar pyramid of needs for the company, see Table 1.

Tab 1. Company needs

according Maslow	Analogy for companies	Description
Need for self-realization	Need for self-realization	When running the company, it is looking for other opportunities for self-realization - such as sponsoring etc.
Aesthetic needs	Aesthetic needs	Marketing
Cognitive needs	Cognitive needs	Research and development

Recognition needs	Recognition needs	The company builds its image on the basis of public perceptions (such as McDonald's Fast Food, Ferrari's Luxury Vehicle)
Needs of belonging and love	Human needs	Ensuring collective, culture of the environment in the company
Safety needs	Financial and resource needs	Financial and source coverage of company needs (equipment, material for production, etc.)
Physiological needs	Company backgrounds	Place of business

Source: authors

As well as meeting human needs, people in the company in their own interest do everything to meet the needs of businesses. If a company does not have enough funding to operate, it will logically not engage in activities that benefit citizens, society.

Energetic specifics

"The energy industry is one of the strategic industries of each country, mainly because it deals with the production and distribution of energy in all available forms. ... However, raw material extraction, heating and fuel production fall within the broad concept of energy. In all cases these are areas of extraordinary importance for the comfortable and sustainable life of the whole society. " [3,17]

Energy is part of our life, despite the fact that many of us do not see the complexity of this sector. Electricity, heat, oil and other raw materials, we need in everyday life not only for us but also for the functioning of our companies.

The process of acquiring and transforming raw resources into a form known to us and controlled by only a few people. These activities require considerable physical effort, but on the other hand, people have to control complex technologies, even if they pose a threat to health or property. The more specific is the management model of individual companies.

Energy companies are subject to various entitlements and certifications by various entities (mining rights, nuclear power industry, oil industry, etc.). So we know what we are going to produce and under what conditions. Energy companies can be divided into companies that produce energy in any form and firms that provide support for these companies (technology companies).

Energy-producing companies mostly belong to the state-regulated area. Firms providing support have a certain amount of freedom, but with regard to the emerging requirements from regulated firms, it can be said that these companies are also under controlled and required state supervision.

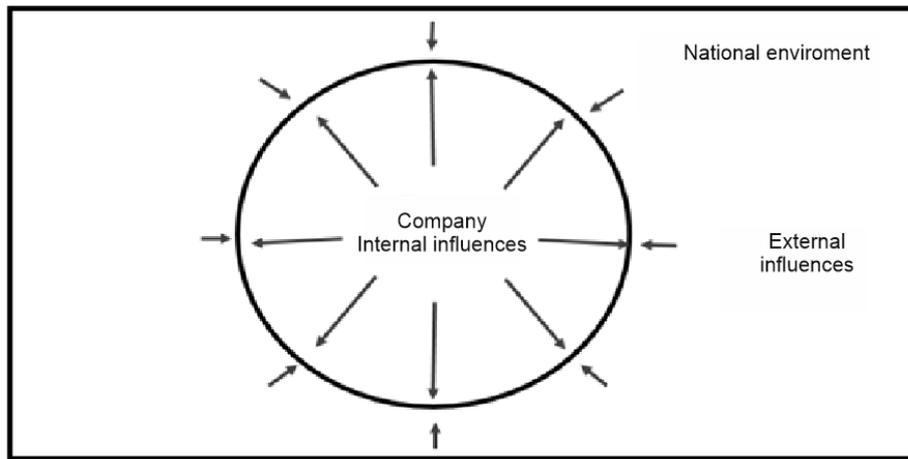
Market position of the manufacturing company

On Picture 2 as per below shows the business environment in a national environment - a local market where internal and external influences are shown. Both influences are very important for the company's operation and it is necessary for both sides of the influence to be balanced. So the company has to deal with the two influences that affect it. Internal and external influences. From the point of view of management, it is impossible to neglect the area of influence even though it may seem that one or the other may be more important.

The external influences that influence the company can be characterized as influences from the macro environment, internal influences from the microenvironment.

Influences can be controlled to a certain extent based on the information we can get on the basis of analyses. The information then serves the management to decide on the next steps.

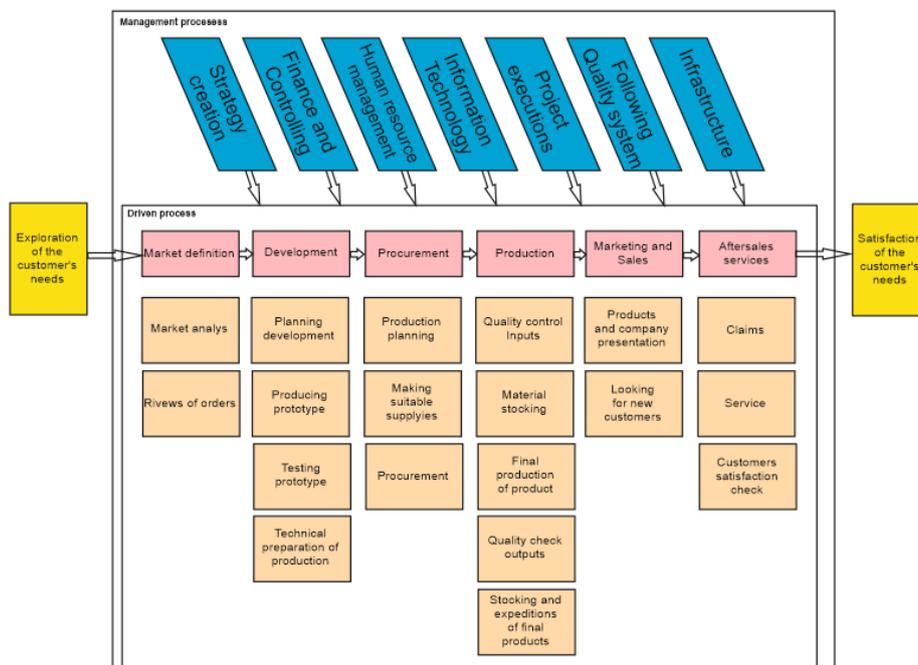
Picture 2 Graphical representation of the company in the national environment

Source: authors (2015)

Multinational companies, such as Innogy (formerly RWE), Siemens, AbInBev (SABMiller SA), have been set up within the framework of internal guidelines for behaviour at both levels, both internal and external. For each area, a group of responsible staff is defined. This is due, among other things, to the fact that the company employs more than 500 employees and can afford to solve these impacts within their size by means of the departments which they set up for this purpose. This approach can usually be addressed in this way also by medium-sized companies.

Otherwise, however, small businesses that suffer from a shortage of working capital and one employee usually cover several areas of activity within the firm.

Picture 3 Example of process map

Source: [2, 2011]

Picture 3 shows an example of a general process map of the manufacturing company. Both the input and the output are defined by the customer. It can be perceived as internal or external. The processes are then

subdivided into control and controlled to ensure the inputs are converted to an adequate output required by the controlled process.

The specificity of the manufacturing company is that it transforms the inputs through further upgrades to outputs. i.e. has its own product that has certain properties. E.g. the pump manufacturer buys semi-finished products and then produces one product that forms the whole. Past efforts for the final customer have value in the form of a functional pump. It is logical that it does not make sense for the final customer to buy semi-finished products and assemble the pump himself.

Manufacturing company management model

Considering a newly established manufacturing company, the management model needs to be adapted to revenue and costs. These are necessary for long-term survival of the company and its possible expansion.

The management of the company must address the following points:

- Legislative requirements of the company (legal, certificates, authorizations etc.);
- Capital
 - o Human
 - o Material
 - o Financial
- Financial Flows vs. Revenues vs. Costs;
- Production;
- Quality;
- Others.

The ideal management model for the authors is to choose a directive model, assuming there is a conscious management-management team that has enough experience and is able to cover all areas, at least from the point of view of the general level.

The recruitment of other staff is directed as soon as there is another need for expanding human capital. Necessary activities can be outsourced (modern concept, services are provided by outsiders). The advantage of this option is the low cost and the fact that the external source will work for the company, regardless of work sickness or holiday. The disadvantage is the more complex transfer of know-how. (but this can also be treated, for example, by contract).

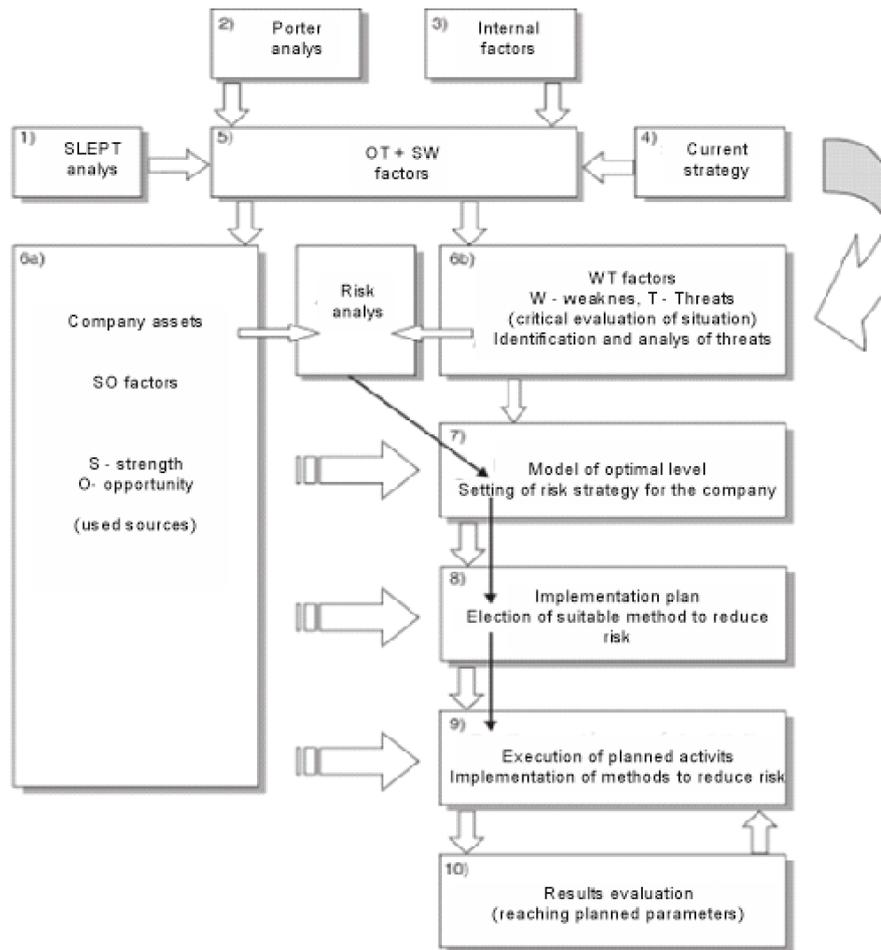
Within the framework of the directive model, the management should draw up internal and external analysis and draw conclusions from the analyses to determine the decision for the company to proceed.

From the internal point of view, it is advisable to perform a microanalysis of the environment in order to find the appropriate number of human, material and financial resources, and to elaborate a business plan that should serve as a guideline for starting the company.

From an external point of view, it is good to work out an analysis known as PEST, STEP, or PESTE, which covers all areas that affect both business and people. Its use is widespread and can be done in different forms and approaches. The analysis is suitable, for example, using a spreadsheet such as MS Excel. This analysis is well-arranged and can be used as a basis. As part of this analysis we define the risks and try to find measures to reduce them and define the weight for the given risk (high probability that it will occur etc.).

If a company is successful and is able to work independently after a certain period of time, it is expanding, where you need to consider changes in strategies and steps that management will perform. It is logical that what the company uses at its start is sustainable to a certain point. This moment occurs when the company starts expanding so much that it is necessary to delegate activities to other employees and it is no longer possible to talk about a small company, but we are getting into the segment of medium or large companies. Picture 4 below is a detailed methodical approach to implementing a company strategy change (taking into account the risk of a controlled change). Above all, this process includes further analyses that can be used in company management. E.g. Porter Analysis, SWOT ad.

Picture 4 A detailed methodical approach to implementing a company strategy change

Source: [1,2006]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ/KOPSAVILKUMS/CONCLUSION

The result of the above should be the following 4 steps:

1. Performing analyses and obtaining input information;
2. Developing a business plan reflecting the information obtained;
3. Implementation of the business plan;
4. Evaluation of the plan with measures for future projects.

The paper deals with the management of a manufacturing company from the energy sector. It contains a total of 4 chapters and a conclusion. In the introduction, the analogy of the needs of companies is addressed in relation to Maslow's pyramid of needs. The authors point to problems similar to the needs of companies over human needs. The next chapter addresses the issue of the energy environment. There are some limitations of the energy business. The third chapter addresses the position of the company towards the market. The fourth chapter deals with specific recommendations for the management of a small manufacturing company in the energy sector.

A company that decides to operate in the energy supply sector should, in addition to complying with the legal conditions, be authorized to carry out its business. Business management should have knowledge of the market and knowledge of business management. If the recommendations are followed, the company

should minimize the risk of failure. It should always set strategic goals in accordance with that stage of the company's development and should know the interests and needs of the staff. You should be able to use it to fulfil the stated strategic goals of the company. On the other hand, these strategic goals of the company should be understood by the staff who would identify and support them by their work activity.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. SMEJKAL, V. RAIS, K. (2006). *Risk management in companies and other organizations*. 2.vydání. Praha: Grada Publishing a.s. ISBN 80-247-1667-4. translate by Frantisek Janac
2. SMOLKOVÁ, D. (2011). *Designing an innovation of the process map of XY Ltd.* citováno 11.09.2018. dostupné na <http://www.contrust.cz/zavadime-efektivni-rizeni-procesu-do-firmy-2-identifikace-a-analyza-struktury-procesu/> translate by Frantisek Janac
3. SVOBODA, T. (2017). *Czech energy wants to be clean! The trend remains the core and renewable resources.* Energetický průmysl citováno 15.10.2018 dostupné na <http://www.itovarna.cz/news/ceska-energetika-chce-byt-cista-trendem-zustava-jadro-a-obnovitelne-zdroje/> translate by Frantisek Janac
4. VEBER, J. SRPOVÁ, J. *Small and medium business enterprise*. 2., aktualiz. a rozš. vyd. Praha: Grada, 2008. 311 s. Expert. ISBN 978-802-4724-096. translate by Frantisek Janac
5. VYSEKALOVÁ, J. *Customer behavior: how to uncover the secret of the "black box"*. Praha: Grada, 2011. Expert. ISBN 978-80-247-3528-3. translate by Frantisek Janac

Перспективы развития отрасли розничной торговли Латвии

Владимир Ефремов, Dr.oec., doc.

Балтийская Международная Академия, Латвия

info@jl.bsa.edu.lv

АННОТАЦИЯ

Цель статьи проанализировать место розничной отрасли Латвии на современном этапе развития экономики, выявить основные проблемы, тенденции, а также влияние данного сектора экономики на благосостояние общества в целом и потребителя в отдельности. В выводах установлены причины, тормозящие развитие отрасли и найдены пути их устранения.

Ключевые слова: отрасль, розничная торговля, ВВП, персонал.

ABSTRACT

The aim of the article is to analyze the place of retail industry in Latvia at a modern economy development level, to determine the main problems, trends, as well as the influence of this economics sector on general well being of the society on the whole and on every individual customer. The conclusions determine the reasons of breaking the industry development and the ways to eliminate them.

Keywords: industry, retailing, GDP, staff.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Вопросы исследования – проблемы и перспективы развития отрасли розничной торговли в современных экономических условиях. Торговля (оптовая и розничная торговля) вместе с общественным питанием и транспортом по данным 2017 года, составляет 25,4% от ВВП Латвии [1], что обуславливает актуальность темы доклада. Актуальность темы вызвана тем, что торговля является динамично развивающимся сектором экономики, а также именно торговля, как конечное звено экономической активности субъектов рынка, обеспечивает эффективное удовлетворение нужд и запросов потребителей. В последние годы темпы развития замедлились, что объясняется наличием объективных и субъективных причин, таких как:

1. Повышением степени конкуренции с приходом новых крупных участников рынка: “LIDL”, “ИКЕА”, “РЕРСО” и других.
2. С дальнейшего относительным снижением платежеспособности населения, увеличения удельного веса низкооплачиваемой части работающего населения.
3. Продолжающейся зарубежной миграции населения и другим причинам.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Показатели роста в розничной торговле Латвии являются одними из самых быстрых в Европейском союзе, но темпы роста в последние годы замедлились, а на замедление темпов роста влияют изменения во внешней среде - слабый рост в ЕС, ослабление экономической ситуации в России и неопределенность на быстрорастущем азиатском рынке.

Лидером розничной торговли является сеть RIMI Latvija с оборотом в 785 миллионов евро в 2016 году, увеличившись на 5,98% по сравнению с 2015 годом. MAXIMA Latvija, вторая по величине компания в секторе, по обороту, имела оборот в 688 млн. Евро в 2016 году, но увеличилась лишь на

2,14% по сравнению с 2015 годом. Сравнивая финансовые данные лидеров двух компаний, можно сделать вывод, что маржа RIMI Latvija в 2016 году составила 27 миллионов евро, а MAXIMA Latvija Ltd. - 19,1 миллиона евро, что отражается в показателях рентабельности - RIMI Latvija - 3,49% SIA MAXIMA Latvija - 2,78%. Кроме того, следует отметить, что число сотрудников в RIMI Latvija составляет всего 5690 человек, в то время как у MAXIMA Latvija штат из 7948 сотрудников [2].

Оценивая соотношение брутто и нетто заработной платы с минимальной заработной платой (рис.1.), констатируется, что разница увеличивается с каждым годом, и если нетто и минимальная заработная плата в 2012 году варьируется в 60 евро, то в 2017 году разница составляет 111 евро, а брутто заработная плата и минимальная заработная плата варьируется в 2012 году на 189 евро, то в 2017 году она уже составляет 286 евро, что указывает на то, что уровень заработной платы в отрасли развивается быстрее, чем минимальная заработная плата в этой отрасли, что тормозит ее развитие.

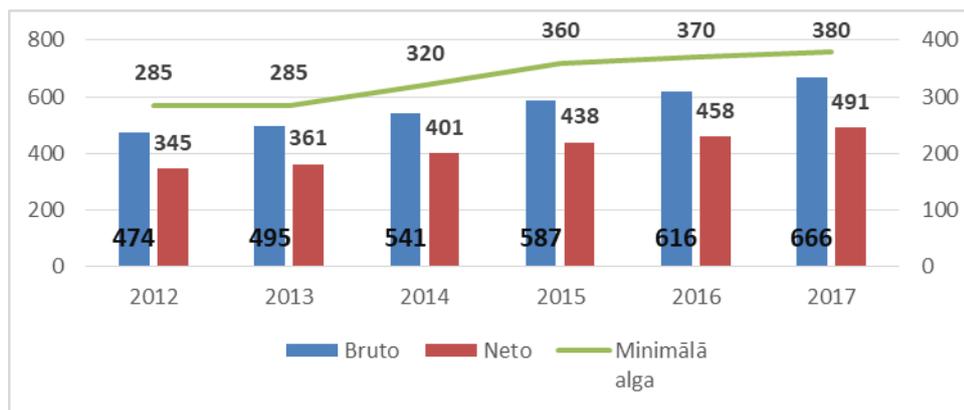

Рис.1. Динамика заработной платы в розничной торговле на 2012-2017 гг.[3]

Для роста отрасли розничной торговли в среднесрочной перспективе, прибытие новых трейдеров в Латвию принесет дополнительный рост в этом году. Это поможет сократить покупки латвийских жителей в соседних странах и таким образом увеличить розничные продажи в Латвии. Однако в этом году осторожность в расходах может быть вызвана увеличением неопределенности как в внешней, так и в внутренней экономической среде. На розничную торговлю повлияли изменения в законодательстве, такие как увеличение минимальной заработной платы, рост заработной платы в секторе здравоохранения и, частично, изменение подоходного налога с населения, снижение налога на добавленную стоимость (НДС) на типичные латвийские овощи и фрукты. Положительное влияние было несколько смягчено увеличением косвенных налогов (акцизов) в других товарных группах, например с начала года, акцизных сборов на топливо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Внутренний рынок находится в позитивном настроении, и в 2018 году будет небольшое, но устойчивое развитие отрасли. Рост розничного товарооборота в этом году может быть либо схожим, либо немного выше, чем в прошлом году - в среднем 5-7%. На это повлияли несколько факторов, таких как умеренное увеличение платежеспособности населения, относительно низкая инфляция в торговле пищевых продуктов, развитие розничного рынка и усиление конкуренции.

В последние годы остро проявилась нехватка рабочей силы и прежде всего низкой и средней квалификации в сфере розничной торговли. Это касается прежде всего торговой сети 'RIMI' и 'MAXIMA'. Причина простая - недостаточный уровень заработной платы. Кассиры, продавцы и грузчики нужны практически во всех крупных торговых точках - Rimi, Elvi, Maxima, Sky. Средняя заработная плата - 420-480 евро на руки. Оплата продавца до налогообложения составляет 620 евро, кассира - 615-700 евро, в торговом зале - 530 евро в месяц. Анализ показывает, что при минимальной заработной плате 430 евро в месяц, уровень платы основной массы работающих (без учета менеджеров среднего и высшего звена) лишь на 10 - 15% превышает этот показатель. Если сравнить

эти данные со средней заработной платой по стране и другим отраслям, они окажутся самыми низкими.

Работодатели, допускающие к работе в сфере обслуживания персонал, не имеющий профессионального образования, совершает ошибку, тем более списывая это на нехватку кадров. Неподготовленный персонал, в процессе работы будет сталкиваться с множеством трудностей, которые предполагает сфера торговли, а это неизбежно приведет к текучести кадров и лишним расходам на привлечение и обучение новых работников.

Поэтому, одной из основных задач руководства розничной торговли является повышение уровня заработной платы персонала хотя бы на 20 – 25%, что реально возможно исходя из анализа объемов прибыли получаемых торговыми сетями в последние 10 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/ LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. https://www.em.gov.lv/lv/nozares_politika/tautsaimniecibas_attistiba/latvijas_makroekonomiskais_apskats/
2. https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/meklet?keyword=&product_type%5Bpress_release%5D=press_release&publication_date%5Bmin%5D=&publication_date%5Bmax%5D=&reference_period%5B1%5D=1&statistics_theme%5B%5D=42
3. Strādājošo mēneša vidējā darba samaksa pa darbības veidiem. Pieejams: http://data.csb.gov.lv/pxweb/lv/Sociala/Sociala_ikgad_dsamaksa/DS0030_euro.px/table/tableViewLayout2/?rxid=562c2205-ba57-4130-b63a-6991f49ab6fe

Дефиниция и сущность теневой экономики

Андрей Ионкин,

докторант программы

«Региональная экономика и экономическая политика»,

Балтийская Международная Академия, Латвия, Рига

andrejsjonkins@inbox.lv

Научный руководитель: dr.oec., prof., **Инна Стеценко**

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматривается определение теневой экономики и основные группы методов ее подсчета. Определена оптимальная, по мнению автора, формула подсчета объема теневой экономики. Автором выведено собственное определение теневой экономики.

Ключевые слова: Теневая экономика, методы подсчета теневой экономики, формула теневой экономики

ABSTRACT

This paper discusses the definition of the shadow economy and the main groups of methods for calculating it. The author has determined the optimal formula for calculating the volume of the shadow economy. The author derived his own definition of the shadow economy.

Keywords: shadow economy, methods of calculating the shadow economy, the formula of the shadow economy

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью увеличить налоговые поступления в бюджет государства, а также вывести максимальное количество компаний исследуемого региона из теневого сектора в легальный.

Изучением теневой экономики занимаются экономисты разных регионов и оценивают ее по разным критериям, что ведет к многостороннему изучению данного вопроса.

Понятие "теневой экономики" появилось только в начале 1970 года и предназначалось для того, чтоб обозначить скрытые доходы и способы их сокрытия. Литература использует это понятие как попытку анализа всплеска хозяйственной деятельности в теневом секторе.

ДЕФИНИЦИЯ И СУЩНОСТЬ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Нам часто встречается термин «теневая экономика» и понимаем мы его по-разному. В данной работе рассмотрим классические определения теневой экономики.

Определений теневой экономики много, и они достаточно разнообразны, например:

- 1 Экономика. Толковый словарь изданный в 2000 г дает следующее определение: Экономическая деятельность, о которой не сообщается в органы социального обеспечения, налоговые и прочие государственные учреждения. Термину намеренно придается несколько уничижительное

значение, так как участие в теневой экономике обычно связано с уклонением от уплаты налогов и отчислений социальные фонды, а люди, занятые в ней, иногда лишаются права на получение социальных выплат и льгот (social security benefits). Кроме того, в теневой экономике нарушаются законы, касающиеся охраны и безопасности труда, ответственности работодателя, гарантий занятости, найма иностранных работников и т. д. Отсутствие документально подтвержденной информации о деятельности в теневой экономике снижает достоверность официальных статистических данных о доходах и занятости.[1]

- 2 Словарь Оксфорда предлагает свой вариант: Незаконная экономическая деятельность, существующая наряду с официальной экономикой страны, например сделки на черном рынке и незадекларированные работы. [3]
- 3 Ведущий европейский исследователь теневой экономики, профессор Линцкого университета Ф.Шнайдер по поводу определения пишет: «Большинство авторов, пытающихся измерить теневую экономику, по-прежнему сталкиваются с трудностью точного определения теневой экономики. Согласно одному обычно используемому определению, она включает все незарегистрированные в настоящее время виды экономической деятельности, которые вносят свой вклад в официально рассчитанный валовой сбор.» Далее профессор ссылается на Смита: «Смит (1994, стр. 18) определяет его как «рыночное производство товаров и услуг, будь то законных или незаконных, что ускользает от обнаружения в официальных оценках ВВП» [4]

Даже при всем многообразии определений, термин теневая экономика оставляет возможность для новых вариантов и уточнений. По мнению автора определение теневой экономики с течением времени может меняться также, как меняется сама экономика. Например, при переходе на дигитальную экономику теневая экономика тоже приобретает новый вид. Сама суть методов, используемых теневым сектором со временем, теряет смысл.

Автор определяет теневую экономику как: Совокупность нелегального оборота денежных средств относительно ВВП с целью создания добавочной стоимости в исследуемом регионе.

Скептически оценивая это определение можно сказать, что не вся теневая экономика — это деньги, например, незаконный бартер. Это так, но всю экономику, в том числе и теневую можно измерить в денежном эквиваленте.

Далее следует обратиться к методам подсчета теневой экономики.

Существует несколько групп методов:

- 1 Методы специфических индикаторов
- 2 Методы мягкого моделирования
- 3 Структурные методы
- 4 Смешанные методы

По мнению автора оптимальный метод — монетарный метод, являющийся подвидом методов специфических индикаторов.

Монетарный метод Гутмана предлагает следующую формулу:

$$SUB = GNP * (1 - f) / f,$$

где SUB — теневая экономика в изучаемый период;

GNP — официально исчисленный ВВП в рассматриваемый период;

$$f = (DD2/M1) / (DD1/M1),$$

$$DD/M1 = 1 / (1 + C/DD);$$

$$M1 = C + DD,$$

где DD — депозиты до востребования на счетах в банках;

C — денежные средства в налично-денежном обороте за пределами банков;

M1 — совокупный объем национальной денежной массы. [2]

По мнению автора, такой метод отражает лишь часть теневой экономики.

Например, в этой формуле не учитывается незарегистрированная наличность, пришедшая из-за границ исследуемого региона. Например, туристы, отправляясь на отдых расплачиваются только

наличными деньгами. Такие перемещения наличности отследить возможно только при наличии между регионами пограничных пунктов, в условиях свободы перемещения ЕС это не представляется возможным.

Но, несмотря на недостатки, эта формула является близкой к определению теневой экономики выведенным автором и может быть принята как рабочая для оценки уровня теневой экономики.

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

Ознакомившись с различными определениями теневой экономики автором выведено собственное определение теневой экономики. Исходя из анализа методов определена формула расчета теневой экономики, соответствующая выведенному автором определению. Формула основывается на методе Гутмана и является монетарным методом подсчета теневой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Толковый словарь. — М.: "ИНФРА-М", Издательство "Весь Мир". Дж. Блэк. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М..2000.
2. Анализ методов статистики, используемых при оценке параметров теневой экономики Волкова С.О. file:///C:/Users/Admin/Downloads/s020-028.pdf
3. Oxford living dictionaries https://en.oxforddictionaries.com/definition/shadow_economy
4. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? Friedrich Schneider <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf>
5. European Business Review <http://www.europeanbusinessreview.eu/page.asp?pid=243>
6. Business insider <https://www.businessinsider.com/tim-cook-apple-blasted-data-brokers-privacy-time-magazine-2019-1>

The Participation of Uzbekistan in the Contemporary International Labour Market

*Кадирова Зулайхо Абдухалимовна, Ph.D.
Ташкентский государственный
институт Востоковедения, Узбекистан,
kzulayho@gmail.com*

ABSTRACT

The present article is dedicated to the trends in international labor market under globalization and the issues of participation of Uzbekistan. The scientific article analyzes the formation and development of labor migration processes in our country, regulation of labor migration by the government, current directions in integrating Uzbekistan into international labor market, as well as it brings forth the conclusions in this field.

Keywords: integration, international labor market, labor migrant, migration in Uzbekistan, illegal migration

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена тенденциям на международном рынке труда в условиях глобализации и вопросам участия Узбекистана в нем. В научной статье всесторонне анализируются вопросы формирования и развития процессов трудовой миграции в нашей стране, особенности регулирования данных процессов со стороны государства, современные направления в интеграции Узбекистана в международный рынок труда, а также разработаны заключения в этом направлении.

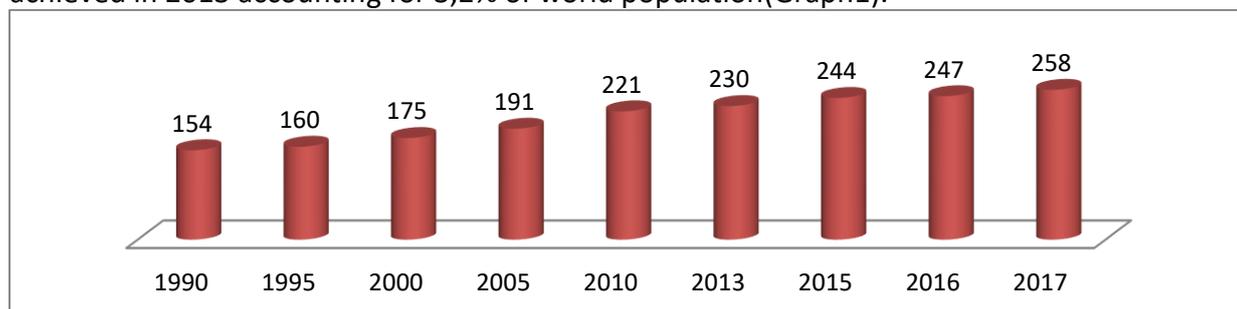
Ключевые слова: интеграция, международный рынок труда, миграция в Узбекистане, нелегальная миграция, трудовой мигрант.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Globalization processes are accelerating in different sectors of the world economy and leading to improvement of mutual relations, liberalization of the independently operating markets and integrating them into a common global labor market. Currently, the world's nearly 200 countries are participating in international labor market which is an integral part of the global labor market.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

International labor market combines national and regional labor markets and it is a system where high and low skilled labor force compete. International labor market while being an international flow of labor force, reflects integration of labor markets and functions in close dependence on world labor market. According to earlier forecasts of International Migration Organization, the total number of international migrants was expected to reach 230 mln people by 2050[1]. However, this number had already been achieved in 2013 accounting for 3,2% of world population(Graph1).

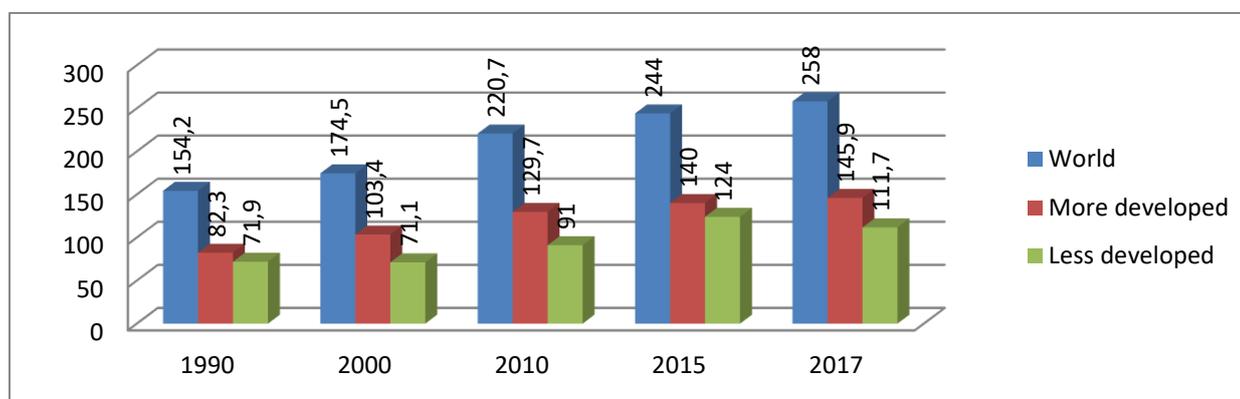

Graph.1. Total international migrants, mln people³

The data of the International Migration Organization shows, that the total number of international migrants in the world in 2017 reached 258 mln people, and out of \$ 601 bln transferred by migrants, \$ 429 bln were sent to developing countries.

If in the earlier stage, labor migration emerged as a temporary social case which was caused by economic factors, later under globalization, it became an important factor influencing socio-economic development and structural changes of the participating countries. Researches show that international labor migration under globalized world possesses specific features which include the following [2]:

1. Scale and geography of international labor migration is extending (Graph.2.);
2. The share of temporary migrants among international migrants is increasing, and their skill and gender composition is changing;
3. Illegal migration is increasing, and the impact of international labor migration is increasing, both in positive and negative ways.

Graph.2. Distribution of international migrants by countries, mln people⁴

In general, while globalization creates new and wide opportunities for people to move around the world, one can observe an unprecedented increase in migration processes and extension of international labor market.

During the transition of the national economy to a market economy, socio-economic problems inherited from the Soviet Union led to increase in unemployment, decrease in demand for labor force, especially for low skilled labor, imbalance between demand and supply to labor force, and subsequent emergence of international migration from the country.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

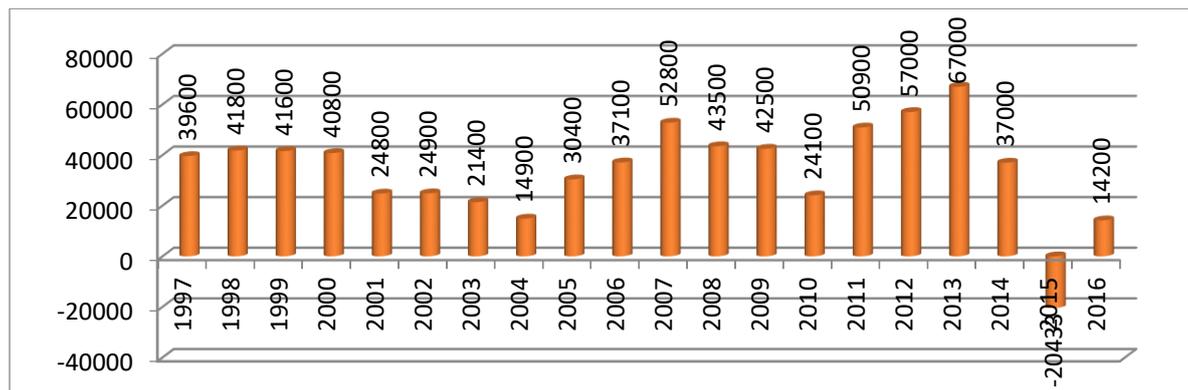
After gaining independence, Uzbekistan carried out economic reforms with profound structural changes in the economy by implementing advanced technologies and equipment into the production process and these factors have provided sustainable growth in the country. Although this creates a good opportunity to resolve the problem of unemployment, the latter still remains one of the critical challenges for the country. In order to increase the efficiency of the job creation, a particular emphasis was paid to the regulation of migration processes, which has become an integral part of the integrated global economic space in Uzbekistan's growing role in the international labor market.

Migration in the 1990s comprised ethnic Russians and Belarussians (45-48%), Tatars (16-17%), Ukrainians (5-6%), Jews(5-9%), Germans(2-3%),andUzbeks(7-8%) who were mainly returning to homeland,

³Source: Internationalmigrationreport 2017. P.9.

⁴Source: Internationalmigrationreport 2017. P.25.

turned into labor migration of predominantly ethnic Uzbeks in 2000s to Russian Federation, which soon turned into main migration destination[3].(Graph 3)

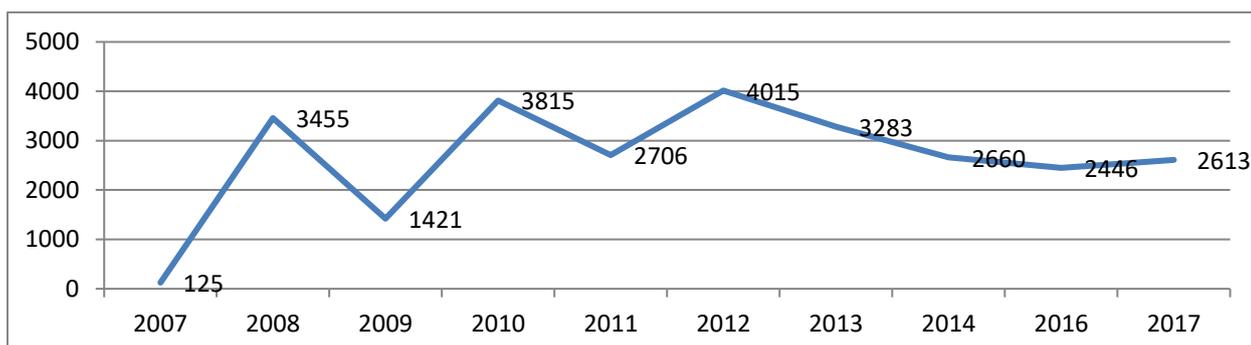

Graph-3. Net migration from Uzbekistan to Russian Federation, people (2001-2016)

Absence of strict restrictions for migrants coming to Russian Federation, no-visa entrance for Uzbek citizens, their ability to speak and understand Russian language and culture paved the way to increase the number of migrants from Uzbekistan to Russia. Uzbek migrants usually work in light and food industry, engineering, construction and service sector. In fact, 45.2% of them work in construction, 12.9% in services, 8.6% in processing, and 8.2% in agriculture[4].

Enacting the Intergovernmental agreement dated 21st Dec 2017 “About centralized involvement of the citizens of the Republic of Uzbekistan for carrying out a temporary work in the territory of the Russian Federation” creates a mutually beneficial opportunity to determine the number of migrant workers, their qualifications and the actual needs in the recipient country, as well as establish the legally guaranteed mechanism for providing minimum wage, decent living conditions, medical and social insurance, and pension payments for citizens of the Republic of Uzbekistan. According to the information of the Russian Ministry of Internal Affairs, the number of labor migrants from Uzbekistan working in Russia has approximately reached 1 million people and accounts for 10% of the total number of migrant workers in the country. Moreover, half of the labor patents registered in Russia during 2017 were issued to workers from Uzbekistan and numbered 800 thousand. If the number of Uzbekistan citizens sent by the Foreign Employment Migration Agency (FEMA) in a centralized way stood at 922 in 2017, in 2018 this number reached 50 thousands [5].

The other major destination of labor migration from Uzbekistan is oriented towards far abroad, specifically to Korean Republic. According to the agreement signed between Uzbekistan and Korean Republic, citizens of Uzbekistan left for work under “Program for Industrial Training” [5]. During 1995-2007 for 19 thousand citizens of Uzbekistan were given opportunities to work in Korean Republic under the “Program for Industrial Training” [6]. From 2003 Korean government began to employ foreign labor under Employment Permit System –EPS [7]. During 2007-2017 48 thousand migrants from Uzbekistan were sent to Korean Republic under Employment Permit System –EPS [5]. (Graph 4)

Graph-4. Number of migrants sent to Korean Republic by FEMA, people (2007-2017)

Memorandum of Understanding signed by FEMA and the Personnel Development Institute of South Korea, adoption of the program for “Developing the personnel and employment support”, as well as the launch of the “Comprehensive test center” play an importance role in raising the cooperation between countries to a higher level.

Moreover, as per the Agreement signed between Foreign Labor Migration and “Chuo Sangyo Shinko” agency on 26th June 2015 under the “Program for preparing technic interns”, 17 citizens of Uzbekistan were sent to Japan for undertaking technic internship. During 2017 over 3500 citizens from Uzbekistan took pre-departure and orientation training before going to Korean Republic, Russia and Japan under centralized labor exports. Currently, migration cooperation is being setup with countries like Germany, Kazakhstan, Turkey, Sultanate of Oman, Czech Republic, Poland, and UAE.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

According to the experience of Uzbekistan’s integration into international labor market, closeness of language and the culture of the receiving country is very important for labor migrants. That is why labor migrants from Uzbekistani prefer to work in Russian Federation or other CIS countries. Long common history, mutual trade, economic and cultural relations, ability to speak Russian will continue to serve as main factors in a stable cooperation between these countries on labor migration in years to follow. However, recent strengthening of requirements for labor migrants envisaged in the new immigration policy of the Russian Federation and poor Russian language skills of the younger generation of Uzbekistan citizens may lead to decrease in the rates of labor migration to Russian Federation. In turn, changes in the mindset of people with increased globalization is causing them to work in countries with unknown language and culture, and yet demonstrating high development and living standards, like USA, South Korea, UAE and Japan. In the near future, it serves the purpose to send the youth graduated from technology colleges in Uzbekistan after attending the special courses for jobs in advanced countries which are short in labor like Japan and South Korea.

To manage the integration of Uzbekistan into international labor market in a more effective way it is necessary to develop a national strategy about employment abroad, improve its legal regulatory basis, apply international standards in national legislation and diversify labor migration flows. Moreover, it is important to improve the activity of FEMA, increase its influence level and authority, increase the propaganda of legal labor migration and open consulting centers, extend the organized form of labor migration, develop teaching in training courses for migrants for the purpose of increasing their competitiveness in the international labor market, study alternative labor markets and cooperate with them.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

- 1.Рязанцев В.С., Ткаченко М.Ф. Мировой рынок труда и международная миграция. Учеб.пособие. М.: 2010. С.132.
- 2.АлешковскийИ.А., ИонцевВ.А.Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире//Век глобализации. №2. 2008. С.77.
- 3.Максакова Л., Мамадалиева Х. Узбекистан: современные демографические тенденции. //Демоскоп Weekly.№ 617-618. 3-6 ноября. 2014. С.14.
- 4.Зайончковская Ж.А. Миграция населения из стран Центральной Азии. Трудовая миграция в Республике Узбекистан:Социальные, правовые и гендерные аспекты.Т.2008. стр33.
5. Information resource of FEMA (Foreign employment migration agency)//www.migration.uz
- 6.www.uzembassy.ru
- 7.Young-bum Park. South Korea: Balancing Labor Demand with strict controls//www.migrationinformation.com

ECONOMIC DEVELOPMENT OF BANGLADESH AND PROBLEMS OF INNOVATIONS

Ataul Karim Rukon

Doctoral Study,

Programme of Regional Economy and Economic Policy,

Baltic International Academy, Riga, Latvia

ANNOTATION

The paper covers the range of problems of innovation and economic development of Bangladesh. It is noted that the creation and implementation of innovative technology in the country's economy is one of the founding factor in improving the competitiveness of the Republic of Bangladesh. This study aims at covering the main directions of the economic development of Bangladesh, as well as identifying the problems of innovation activity in the territory of the country. The main tasks within this work include the following: analysis of macroeconomic indicators of the Republic of Bangladesh during 2006-2015, assessment of the level of competitiveness of the Republic of Bangladesh in 2006-2015, assessment of the dynamics of innovative development indicators of the country, as well identifying the main problems in the process.

Keywords: economic development, innovation, competitiveness, export, Bangladesh.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается комплекс проблем инновационного и экономического развития Бангладеш. Отмечается, что создание и внедрение инновационных технологий в экономику страны является одним из основополагающих факторов повышения конкурентоспособности Республики Бангладеш. Целью данного исследования является освещение основных направлений экономического развития Бангладеш, а также выявление проблем инновационной деятельности на территории страны. Основными задачами в рамках данной работы являются: анализ макроэкономических показателей Республики Бангладеш за 2006–2015 годы, оценка уровня конкурентоспособности Республики Бангладеш в 2006–2015 годах, оценка динамики показателей инновационного развития страны, а также выявление основных проблем в процессе.

Ключевые слова: экономическое развитие, инновации, конкурентоспособность, экспорт, Бангладеш.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Innovation and economic development of the country is the basis of its competitiveness on the world stage. The development of the world economy is currently characterized by the accelerated pace of technological progress and the growing intellectualization of the basic factors of production. Based on the foregoing, the productive forces develop in the course of close cooperation between science and modern technology, the creation and implementation of innovative technology, in turn, is the major factor in the country's success.

Accordingly, the main factor of the economic policy of all states which is being resisted is an innovative policy and the promotion of innovation in enterprises, which determines the ability of the national economy to develop further, to use advanced technology efficiently [6]. But there are countries (e.g. Bangladesh) where economic development is much lower compared to the world average and the regional average index, where social security issues manifest themselves, and innovation is at a low level.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

The Republic of Bangladesh which is characterized by the emerging market economy is classified as one of the most lagging countries in the world (according to the UN classification) and ranks first among them in terms of population [2].

Despite the economic growth rates which are 5-6% per year, the country has experienced political instability, corruption, poverty (food shortage), as well as slow implementation of economic reforms since 1996. Bangladesh remains one of the poorest, most densely populated and least developed countries in the world. 13% of the local population lives spending US \$ 2 a day or less [1, 5]. Although more than half of GDP is accounted for the service sector, about two-thirds of Bangladeshis is employed in the agricultural sector, rice is the main crop [5].

Although, during 2006-2014 the country's GDP increased by US \$ 111.76 billion, GDP per capita –by US \$ 662.73 (see Table 1), according to the IMF, this is the 149th place in world, next to Mauritania, Myanmar, Ghana and others. However, GDP growth rates are very high in Bangladesh amounting to 6% per annum [1].

Table 1. Macroeconomic indicators of the Republic of Bangladesh in 2006-2015*

Indicators	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015
GDP, billion USD	74.83	96.94	122.58	131.81	141.72	161.76	186.59	209.32
GDPpercapita, USD	516.56	655.10	808.31	858.16	916.10	1033.01	1179.29	1309.41
Capital investment, % to GDP	26.16	26.20	26.87	27.89	28.3	28.51	29.19	30.10
Foreign debt, % to GDP	46.7	34.5	35.4	33.9	32.2	30.3	28.8	31.9
Trade balance, billion USD	-4.23	-8.49	-8.63	-11.77	-9.05	-7.97	-11.86	-7.08
Unemployment rate, %	4.3	4.4	4.5	4.5	4.5	4.5	4.3	4.9

* Composed by the author based on [3, 9, 10]

The attention should also be paid to the fact that the GDP per capita of the Republic of Bangladesh is one of the lowest in the world while this figure is the highest in Norway (US \$ 67,245.6), Qatar (US \$ 63,479.35), as well as in Iceland (US \$ 59,692.87) [3]. Accordingly, the competitiveness of the economy of the Republic of Bangladesh in 2015 was at the level of 3.76%, that is by 0.05% more compared with 2006, but compared to other countries the Republic's competitiveness is at a fairly low level in line with such countries as Senegal (3.73%), Ethiopia (3.74%), Nicaragua (3.75%), Argentina (3.79%), while a high level of competitiveness is observed in Switzerland (5.76%), Singapore (5.68%) and the USA (5.61%) [3], see. Figure 1.

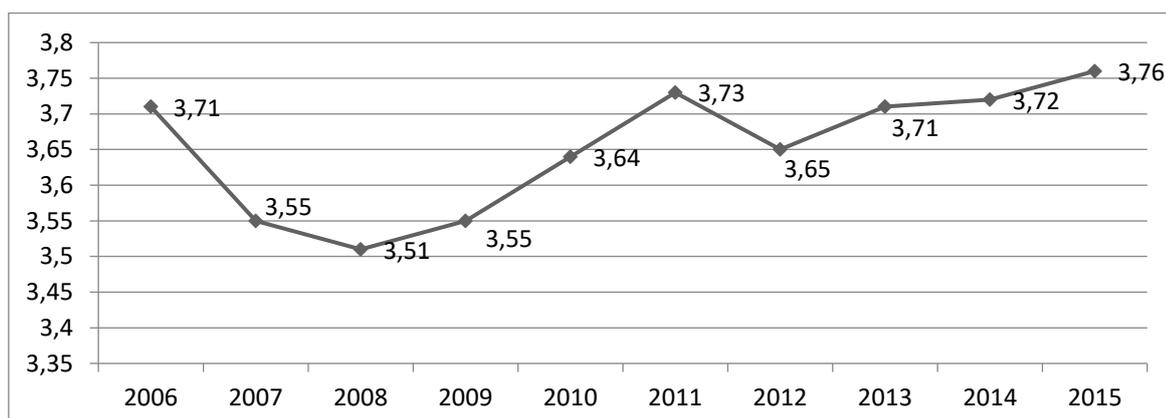

Figure 1. Dynamics of the competitiveness level of the Republic of Bangladesh, 2006-2015,% *

* Composed by the author based on [3]

As can be seen from Figure 1, during 2006-2008 the competitiveness of the Republic of Bangladesh declined from 3.71% in 2006 to 3.51% in 2008, i.e. by 0.2%. From 2008 to 2011, this figure grew steadily by 0.22% and amounted to 3.73% at the end of 2011. In 2012, the competitiveness of the Republic of Bangladesh has decreased by 0.08% compared with 2011 and amounted to 3.65%. And starting from 2012 to 2015 this figure grew again up to 3.76%, i.e. by 0.11%.

It should be noted that there was a decrease in such indicators as foreign debt – by 17.9% to GDP and trade balance - of US \$ 7.63 billion in Bangladesh for 2006-2014 (see Table 1). In 2014, the unemployment rate in Bangladesh was at the same level as in 2006 and amounts to 4.3%. Taking into account the projections of 2015, we can observe the growth of all macroeconomic indicators. So, the following figures are projected for 2015: GDP growth by US \$ 22.73 billion, GDP per capita - by US \$ 130.12, capital investment –by 0.91% to GDP, foreign debt –by 3.1% to GDP, trade balance –by US \$ 4.78 billion, and unemployment rate - by 0.6%.

In 2014, the inflation in the country amounted to 7.2% and it is expected to decrease down to 6.8%.

These positive trends, however, do not significantly affect the overall development and position of the country in the world rankings. According to the World Bank’s Doing Business annual ranking, in 2014 Bangladesh was at 170th place in terms of the ease of doing business. In 2014, according to the Transparency International Corruption Perceptions Index (the annual ranking of countries reflecting assessment of the corruption perception level by the international analysts), Bangladesh ranked 145th out of 175 countries [4].

When analyzing the main indicators of innovation, intellectual and information development, it should be noted that the economic situation in general adversely affects the formation of innovative solutions. Based on the data of Table 2, we can conclude that there is virtually no intellectual property in the country, because the imports volume exceeds the exports volume. Although during 2006-2014 intellectual property exports increased by US \$ 0.72 million, and imports - by US \$ 23.89 million.

Table 2. Indicators of innovation development of the Republic of Bangladesh in 2006-2014*

Indicators	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Internet subscribers, % per 100 people	0.01	0.03	0.27	0.31	0.39	0.97	1.95
Internet users, % per 100 people	1.0	2.5	3.7	4.5	5	6.63	9.6
Intellectual property exports, million USD	0.18	0.04	0.55	0.99	0.24	0.42	0.9
Intellectual property imports, million USD	4.51	21.33	15.01	10.47	10.82	20.49	28.4

* Composed by the author based on [3]

Let us forecast the dynamics of innovation development indicators of the Republic of Bangladesh for 2015-2019 using the linear trend model (see Table 3).

Table 3. Estimated values of the innovative development indicators of the Republic of Bangladesh for 2015-2019*

Indicators	Estimated indicator				R ²
	2016	2017	2018	2019	
Internet subscribers, % per 100 people $y = 0.2793x - 0.5557$	1.96	2.24	2.52	2.80	0.7639
Internet users, % per 100 people $y = 1.2629x - 0.3471$	11.02	12.28	13.54	14.81	0.9422

Intellectual property exports, million USD $y = 0.0932x + 0.1014$	0.94	1.03	1.13	1.22	0.3095
Intellectual property imports, million USD $y = 2.35x + 6.4614$	27.6 1	29.96	32.3 1	34.66	0.3939

** Composed by the author based on [3, 9, 10]*

Thus, in 2015-2019 the estimated values of the innovation development indicators of the Republic of Bangladesh show a positive trend towards growth. Although, in comparison with other countries of the world, high-tech exports of the Republic of Bangladesh will be at a relatively low level, and the technology imports will continue to exceed considerably the technology exports. The major obstacles (problems) that interfere with developing the economy of Bangladesh and innovation development: frequent cyclones and floods, inefficient state-owned enterprises, the rapid growth of the population and unemployment, delays in the development of new methods of energy resources production (natural gas), and slow implementation of economic reforms [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Thus, in spite of the positive economic trends over the past 2006-2014, the Republic of Bangladesh is one of the least developed countries in the world, as evidenced by the low GDP level, the economy's competitiveness, that in general have a negative effect on the structure of the high-tech exports and innovation development in the country.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Bangladesh [Electronic resource]. – Accessible at:
<http://www.uadream.com/tourism/Asia/Bangladesh/>
2. Bangladesh– Economy [Electronic resource]. – Accessible at:
http://www.saga.ua/36_countries_showcountry_351.html
3. Bangladesh. Economic Indicators [Electronic resource]. – Accessible at:
<http://ru.theglobaleconomy.com/Bangladesh/>
4. Review of Trade Relations of Russia and Bangladesh for QI 2015[Electronic resource]. – Accessible at:
<http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2527/>
5. Details about the Country: Bangladesh [Electronic resource]. – Accessible at:
<http://www.topglobus.ru/bangladesh-statistika-dannye-strana>
6. Yaremenko, M.O., Osipova, Yu.V., Government Regulation of Innovation Policy in the Transitional Economies [Electronic resource]. – Accessible at:
http://www.rusnauka.com/1_NIO_2014/Economics/15_153670.doc.htm
7. Economy of Bangladesh [Electronic resource]. – Accessible at:
<http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=bangladesh>
8. Economy of Bangladesh [Electronic resource]. – Accessible at:
<http://www.panasia.ru/main/bangladesh/economic/>
9. Bangladesh Economic Statistics and Indicators [Electronic resource] – Accessible at:
<http://www.economywatch.com/economic-statistics/country/Bangladesh/>
10. Bangladesh: Trade Balance from 2005 to 2015 [Electronic resource] – Accessible at:
<http://www.statista.com/statistics/438371/trade-balance-of-bangladesh/>

Factors and Conditions for Innovative Development in the Republic of Uzbekistan

Mashkhura Kamilova, Uzbekistan,

PhD. in Economics, Associate Professor at TSIOS,

mkamilova04@mail.ru

JasurNiyazaliev, Uzbekistan,

TSIOS, Economics and Politics of Foreign Countries,

jasur.niyazaliev@gmail.com

ABSTRACT

The country's role and place in the context of deepening globalization processes increasingly depends on the national competitiveness of the economy, based on the effectiveness of the innovation sphere, which in turn depends on the principles on which the national innovation system is formed. There are several types of national innovation system (NIS). Conclusions, recommendations of the proposal presented in the article can be used in the implementation of effective policies aimed at creating favorable institutional conditions for the implementation of innovative activities: to reform the public sector of science, increase the level of commercialization of domestic science, to stimulate the activity of small innovative enterprises.

Key words: factors of innovative development, innovation, innovative development, national innovative system, scientifically technological sphere

АННОТАЦИЯ

Роль и место страны в условиях углубления процессов глобализации все больше зависит и определяется национальной конкурентоспособностью экономики, основывающейся на эффективности инновационной сферы, которая в свою очередь зависит от принципов, на которых формируется национальная инновационная система. Отсюда выделяется тот или иной тип национальной инновационной системы (НИС). Заключение, рекомендации предложения, представленные в статье, могут быть использованы в осуществлении эффективной политики, направленной на создание благоприятных институциональных условий для реализации инновационной деятельности: на реформирование государственного сектора науки, повышения уровня коммерциализации разработок отечественной науки, стимулирования активности малых инновационных предприятий.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, научно-технологическая сфера, национальная инновационная система, факторы инновационного развития

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The developed processes of globalization have led to comprehension of that pledge of successful modernization of economy is constant innovative updating. As is known, the innovation is a result of innovative activity; innovation introduction (new goods, services, new technologies) reduces costs counting on unit of utility and leads to structural shifts. Problems and difficulties which stood on a way of innovative development of the country have been connected by certain isolation of scientific researches from needs of manufacture, absence of effective mechanisms of stimulation of innovative process.

There is a certain innovative potential in Uzbekistan for which it is necessary to have high level of developed innovative infrastructure, efficient technological policy of the state, free market of competitive innovations and substantial investments. There is a need for intensive and coordinated efforts of the state, scientific and technical and enterprise structures to make up for lost time and leave on level of modern

technologies. Nowadays the main and the sharpest problems are enhancement of efficiency of use of research and development projects, manufacturing application of results of fundamental and applied researches, i.e. it is necessary to establish own innovative centers, national innovative system (NIS).

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

FACTORS AND CONDITIONS FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT

For the estimation of innovative potential following indicators are considered: 1) the personnel occupied with research and development (R&D), and the number of scientific institutions; 2) expenses for technological innovations; 3) the number of higher educational institutions and students in them; 4) number of inventions and registered patents; 5) the number of post-graduate students and an expense for research and development.

Table 1. INDICATORS OF DEVELOPMENT OF INNOVATIVE SPHERE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Personnel occupied with R&D (people)	30343	30890	35104	35230	35836	36839	36984
Internal expenses on R&D(milliard, sums), In % (2010=100)	184,3 100	148,6 80,6	2371,4 1287	2501,5 1357	1381,5 750	1251,8 679	1180,0 640
Expenses for the technological Innovations (milliard, sums) In % (2010=100)	264,4 100	372,6 141	311,9 118	4634,2 1753	3757,4 1421	5528,3 2091	2571,4 973
Coefficient of invention activity(number of subject domesticclaims for 10000 population)	0,13	0,13	0,13	1,04	1,13	0,93	1,11 (5,8 – in Germany, 4,9 – in Finland, 4,6 – in Sweden)

Source: The Basic indicators of scientific and technical potential. Bulletin of State Committee of the Republic of Uzbekistan on the statistics for corresponding years; WIPO Statistics database 12/2017

The figure of the number of people involved in research and development is significant for patent, export, and enterprise activity. As some researchers have proven, an increase in internal expenses for research and development for one percent leads to growth of industrial production on average by 1.21 items [1].As it can be seen from the table, state assignments for developments in the scientific-technological sphere in the Republic have risen considerably and are directed, first of all, towards the elimination of negative tendencies in personnel preparation and material bases of innovative development. If the number of researchers and developers is taken for 1 000 000 population as it is accepted in international statistics, the following will appear: in the USA – 3,984 persons, Great Britain – 4,108, Germany – 4,355, Japan – 5,195 persons, and in Uzbekistan - 495 persons [2].This must be due to a number of institutional imbalances. There is a low demand for innovation, a low degree of involvement of domestic enterprises in world markets, mainly focusing on local markets with a lower competitive medium term, with a predominance of non-

economic barriers to entry into these markets and with a corresponding limited initiative for long-term investments in innovations and technologies and, therefore, more than 70% of innovation expenditures come from machines and equipment.

Such indicators are largely due to the fact that the R&D area in the republic is still an institutional model of the Soviet type in its organizational structure and state share. Due to the destruction of applied research and development and the rapid growth of the commercial part in higher educational institutions, only a small part of universities is now involved in R&D.

As part of the ongoing programs of economic modernization in the country, sectoral and regional polarization is decreasing according to indicators of innovative activity. To achieve success, it is necessary to ensure the coordination of innovative strategies of state corporations, budget research institutes, universities and government agencies. Regular monitoring and evaluation of innovative initiatives are necessary, while identifying and disseminating good practices. It is necessary to revise the taxation system of emerging start-up enterprises and the conditions for the transfer of intellectual property rights, taking into account the innovative costs (costs for the development of related technologies, design, engineering and training) of exporters of innovative products and services.

A special incentive regime for public-private partnerships should reduce the unfavorable business area in combination with high commercial risks associated with innovation and become important tools to ease the conditions for interaction in innovation activities.

To promote links in the university-production chain, it is necessary to widely develop an innovative structure - business incubators, technology parks, engineering centers and centers for the collective use of scientific and technological equipment and scientific and technical information. The state, as the practice of foreign countries shows, should do this on a competitive basis through subsidy programs.

It is important to create a network for promotion of the results of scientific and technical activities in production. Technology platforms based on partnership focus on encouraging communication and pre-competitive cooperation among leading manufacturers, suppliers, research institutes, universities and engineering companies [3]. These platforms operate on the principles of selection among numerous initiative proposals that meet the criteria of clarity of the goals of cooperation, market prospects, and the involvement of key participants in R&D and business.

It is necessary to improve the system of selection and provision of innovative grants, which are given for development work and/or risk research, the preparation of a feasibility study for an innovative project, the patenting of intellectual property abroad and/or in international patent organizations, the purchase of new technologies. Grants are designed to stimulate the development of innovation, based on the introduction and use of high technologies.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS/CONCLUSION

The analysis of factors and conditions for innovative development shows that in the Republic there is a certain innovative and technological potential, for the use of which a high level of development of an innovative infrastructure and the skillful technological policy of the state, free market of competition of innovations, and considerable investments are necessary.

On various directions Uzbekistan does not lag behind the world level that facilitates today the science to successfully co-operate with the world community in microelectronics, in the sphere of nanotechnologies and nanomaterials, biotechnologies, and others. However, working in an intensive mode at level of world samples demands both qualitatively and quantitatively to improve major factors of maintenance of scientifically-innovative processes: volumes and forms of financing, the organization of science, its personnel structure, material base, information, and patenting-technical systems, and also orientation R&D to the market of innovations.

Therefore, now for progress in the technical and technology, definition at the state level of priorities of innovative development, and also formation of trust funds of support of corresponding researches and

developments is very important. The great value for activation of innovative process in the Republic would also have wider use for financing scientific and technical projects of off-budget sources.

Thus, it should be noted that in order to support a scientific technological potential, it is necessary for country to be integrated into formed global economic-technological space that will also promote the reduction of expenses.

The technological infrastructure - the major segment of modern NIS, in the country develops slowly, techno parks should play a considerable role. As it was already noted, there is no present venture financing of innovative activity in the Republic; there is no mechanism of reinsurance of investments. Modern mechanisms of commercialization of technological innovations are insufficiently extended; the market of innovative production has been established recently. In development and realization of a scientifically innovative policy, the branch approach prevails. The regional, territorial aspect while insufficiently studied with in the limits of a state policy in scientific, scientific and technical and innovative spheres, especially regarding overcoming of non-equal distribution of scientific and scientific and technical potentials on country regions.

Thus, despite the existence of separate potentially significant and perspective for formation of NIS in the Republic, they yet do not carry out the major problem -maintenance of innovative development in economy as a whole. As the made analysis shows at present there is no accurate communication between innovations and economic growth in the country, that is, it substantially remains extensive type and depends on the volumes involved in the turnover material and work force, and investments into industrial economy. Therefore, the major problem now is the integration of science and manufacturing in addition to adaptation of economy to industrially innovative model of economic growth.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. S.A. Selimhanov. Influence of indicators of innovative activity on industrial production in regions NKFD-www.russian-scientists.ru
2. State committee on the statistics RUzb. The basic indicators of scientific and technical potential and innovations in Republic Uzbekistan in 2016. Tashkent, 2017.
3. P. Rudnik. "Technology platforms in the Russian Innovation Policy Practice" Foresight-Russia 5(1):16-25, 2011.

Современные теории лидерства в менеджменте

Роман Кисельчук,

Профессиональная магистерская программа

«Управление и администрирование предпринимательской деятельности»,

Балтийская Международная академия,

Латвия, Вентспилс, roman.kiselchuk@gmail.com.

Научный руководитель – доц. В.Л.Силиневич

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные современные теории лидерства в контексте возрастания роли и значения лидерства в менеджменте. Обоснованы причины актуальности лидерства на современном этапе развития экономики, а также проанализированы современные требования к лидерам. На основании проведенного исследования автор сделал выводы и выдвинул предложения по формированию лидерских качеств у менеджеров.

Ключевые слова: лидер, лидерство, менеджер, теории лидерства, уровни лидерства.

ABSTRACT

The article discusses the main modern theories of leadership in the context of the increasing role and importance of leadership in management. The reasons for the relevance of leadership at the present stage of economic development are justified, and the current requirements for leaders are analysed. The author has made conclusions and put forward proposals for the formation of leadership qualities among managers, which are based on the study.

Key words: leader, leadership, manager, theories of leadership, levels of leadership.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Ценность лидерства в настоящее время настолько велика, что о лидерстве говорят и в связи с обеспечением конкурентоспособности организаций, и в связи с принятием вызовов времени, и в связи с решением организаций трудных задач в современной высоко-конкурентной среде. При этом любого менеджера автоматически называют «лидером группы, команды, подразделения», безотносительно к тому, выражены ли у него лидерские свойства, или не выражены.

Цель статьи – проанализировать современные теории лидерства в менеджменте и выдвинуть предложения по формированию лидерских качеств у менеджеров.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Один из современных «гуру менеджмента» Джон Коттер, различает лидеров и менеджеров по признаку отношения к изменениям. Если лидеры стремятся к улучшению, совершенствуя и изменяя все вокруг себя, то менеджеры управляют имеющимся состоянием, организовывая людей и, тем самым, обеспечивая повышение ее эффективности. Тем не менее, Коттер, исследуя множество современных бизнес-организаций, убедился в том, что наиболее эффективные организации возглавляются менеджерами с яркими лидерскими свойствами, поддерживающими и соответствующую инновационную организационную культуру [7]. В практике менеджмента лидерство и управление — это разные понятия. Лидерство необходимо для создания изменений. Управление необходимо для создания регулярных результатов.

В современных работах по менеджменту речь часто идет о четырех функциях менеджера, обозначаемых разделенной аббревиатурой *P-O-L-C* (*Planning, Organizing, Leading, Controlling*). А лидерство (точнее «лидирование» или ведение) в данном случае трактуется как одна из функций или процессов менеджмента (руководства), наряду с «планированием», «организовыванием» и «контролированием». При этом процесса мотивирования среди этих основных функций нет, потому что процесс мотивирования является частью лидирования. Также в процессы качественного лидирования включаются: работа с группами и командами, выстраивание коммуникаций, принятие решений и ... лидерство (*leadership*) менеджера. [5].

В 2011 году появилась трехмерная модель лидерства Джеймса Шуллера, которая рассматривает данный феномен на следующих уровнях проявления лидерства: на уровне личности, уровне межличностного (приватного) общения лидера с «последователями» и на уровне публичных коммуникаций. При этом, как следует из названия, сначала речь идет о самом факте наличия этого самого лидерства, потом о «секретах» или «ноу-хау» успешного процесса лидирования, а потом уже и о навыках легкого и красивого ведения других за собой [9].

Однако более важным для понимания современных тенденций в исследовании лидерства является подход, обращающий внимание на уровне развития не лидера, а самой возглавляемой им группы. В частности, идеи Питера Сенге [10] о самообучающейся организации, невозможной без нового стиля лидерства, хорошо развивающего свою команду, повлияли и на идеи Джорджа Коллинза. В одной из своих работ, он вместе с Джерри Поррасом [1] изучал «компании, построенные навечно» и убедился в том, что для вывода компании на выдающийся уровень, в ней должны быть лидеры именно 5-го уровня – все предыдущие уровни хороши, но для данной задачи они не подходят.

1-й уровень по Коллинзу – это уже лидер - в делах индивидуал, отличающийся высокими способностями; 2-й уровень – более высокий с точки зрения развития стиля лидерства - это командный игрок, вносящий в ее работу ощутимый вклад; 3-й уровень – компетентный менеджер (руководитель), проявляющий в работе свои организаторские свойства; 4-й уровень – эффективный лидер, вполне соответствующий описаниям идеального лидера: он способствует так называемой приверженности членов группы, энергично реализующей то, что он представил им как четкое и убедительное видение необходимого результата, и он побуждает (стимулирует) группу к достижению результатов «по высшему стандарту», тем самым уже развивая команду. Лидер пятого уровня, обладая всеми свойствами лидеров предыдущих уровней и добиваясь стабильно высоких результатов, фактически «строит несокрушимое величие» своей организации, причем благодаря парадоксальному сочетанию личной скромности и профессиональной воли.

Есть и другие популярные теории лидерства. В 1985 году Бернард Басс представил модель трансформационного лидерства, развив идею Джеймса Макгрегора Бернса, в 1978 году противопоставившего два типа лидерства: транзакционных лидеров, адресующихся к индивидуалистическим мотивам людей и фактически покупающих преданность последователей такими транзакциями, и трансформационных лидеров, побуждающих людей ставить совместные интересы на первое место, тем самым трансформирующих мотивацию последователей и взаимоотношения с ними, возвышая, а не принижая, людей[4].

Роберт Гринлиф, находясь под впечатлением от чтения Германа Гессе («Путешествие на Восток»), написал в 1958 году эссе о лидерстве как служении - *Servant leadership*. Потом из него родилось целое направление в теории лидерства и соответствующий исследовательский центр[8]. При этом в идее служения одни находят «обслуживание» и связывают этот стиль, в частности, с виртуальным менеджментом, управляющим территориально-распределенными или просто виртуальными командами. Другие видят в нем «библейские мотивы», напоминая, что нужно чувствовать тех, кого лидер ведет за собой.

Джей Конгье, используя идеи Эдварда де Боно относительно «латерального мышления», говорит о необходимости развивать «латеральное лидерство». Это не только создание сетей и, таким

образом, расширение своей зоны влияния. Это еще и вовлечение в лидерство других членов организации [6].

Исследователи бюрократических организаций и иерархических структур показывали и продолжают показывать, что в большинстве аспектов лидерства авторитарный стиль недостаточно эффективен, ... но он все-таки очень живуч, поскольку сам человек не совсем рационален. И искусство осуществления мягких стилей лидерства в крупных и жестких организационных системах – это почти недостижимый для большинства демократических лидеров «высший пилотаж» [3].

Практики – руководители организаций, исследователи и преподаватели бизнес-школ, и специалисты консалтинговых компаний много говорят о тенденциях в организационном лидерстве. В серии «Дайджест *McKinsey*», за последние годы вышел ряд сборников, непосредственно посвященных вопросам лидерства. Можно процитировать некоторые мысли, отражающие состояние современного менеджмента и организационного поведения.

«...Я буду создавать демократичную среду не только потому, что мне так удобнее, но и потому, что считаю ее самой эффективной. С учетом тех вызовов, которые стоят сегодня перед компанией, культивируя систему сильного вертикального контроля, я подвергну ее слишком большому риску», - Александр Изосимов, генеральный директор одной из лидирующих в России телекоммуникационных компаний, менеджер, получивший образование в одной из знаменитых западных бизнес-школ (*INSEAD*)[2, 146].

«... Многие представители деловых кругов и журналисты, пишущие о бизнесе, чрезмерно увлеклись образом «героического лидера», наделенного небывалыми талантами и единолично ведущего свою организацию к новым свершениям. Конечно, сильные, одаренные личности могут многое изменить, но, как правило, успех компании приносят именно команды лидеров, а не одиночки»... «Наверное, самое важное, что могут компании, это таким образом направлять людей, чтобы они не боялись выходить из привычной им «зоны комфорта» и браться за решение новых задач» - говорят эксперты всемирно известной Уортонской бизнес-школы (*Warton*) [2, 96-97].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Таким образом, рассмотрев историческую логику развития теорий лидерства, можно увидеть, что сейчас уже пройдены периоды поиска элементов, «определяющих лидера» (его качества, его поведение, учет им особенностей ситуации), и речь идет об особом сочетании всех этих элементов на разных уровнях развития группы и лидера и, более того, об особенностях и способах достижения высшего уровня организационного лидерства – который характеризуется развитием лидерства у тех, кого принято называть «последователями» лидера или даже «ведомыми».

Основными выводами являются следующие:

1. В практике менеджмента лидерство и управление — это разные понятия. Лидерство необходимо для создания изменений. Управление необходимо для создания регулярных результатов.
2. Возрастание роли лидерства объясняется объективной логикой развития менеджмента.
3. Не все менеджеры являются лидерами. Чтобы быть лидером, надо, по определению, иметь последователей.
4. В попытках найти главные причины эффективного лидерства было разработано бесчисленное количество теорий лидерства.
5. С конца XX века прослеживается тенденция к сближению и взаимодействию различных подходов и концепций лидерства. Это в свою очередь приводит к появлению нового подхода в изучении лидерства – комплексного (системного), который в свою очередь учитывает все основные стороны этого явления. Развитие данного подхода может привести к появлению единой теории лидерства.

Автор предлагает при формировании лидерских качеств у менеджеров придерживаться следующих положений:

1. Лидерские способности развиваются в процессе коммуникации.
2. Психологии лидерства невозможно научиться по учебнику; чтобы приобрести навыки лидера, необходимо развивать уверенность в себе и коммуникативные способности, на практике учиться воздействию на других, а также не бояться новых возможностей.
3. Лидерские навыки развиваются в процессе самореализации, общения, творческой и трудовой деятельности; однако для того, чтобы стать лидером, а не всегда занимать позицию ведомого, иногда человеку нужно изменить свое мышление и установки.
4. Лидеры занимаются творческой деятельностью, они обладают способностью нестандартно мыслить и находить новые пути решения поставленных задач.
5. В любой сложившейся ситуации лидер немного отстраняется и контролирует происходящее со стороны, сохраняя способность беспристрастно анализировать происходящее, давать трезвую оценку ситуации и находить решения проблемам, глядя на них с точки зрения стороннего человека. Благодаря этому лидер может полностью контролировать происходящие процессы, не растрачивая силы на малопродуктивные действия и не погружаясь в рутину происходящего.
6. Все процессы, происходящие в социуме, взаимосвязаны, поэтому лидер, работая на свое благо, приносит пользу другим и посредством деятельности оказывает влияние на окружающих людей. В этом состоит одна из основных особенностей психологии лидерства: лидер работает не только для себя, но и благо общества. Оказывая воздействие на подчиненных, последователей, сподвижников, делясь с ними своими идеями и стимулируя их различными методами воздействия к действиям, принимая волевые решения и предлагая обществу результаты деятельности, лидер взаимодействует с окружающими людьми и получает отдачу от взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Коллинз Дж., Поррас Дж. Построенные навечно. Успех компаний, обладающих видением. - Москва: Манн, Иванов и Фербер, 1994.
2. Корпоративная культура и лидерство. - Москва: Альпина Бизнес Букс, 2008.
3. Ливитт Г. Сверху вниз. Почему не умирают иерархии, и как руководить ими более эффективно. – СПб.: Издательство Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
4. Bass B.M., Riggio R.E. Transformational Leadership. - New York: Lawrence Erlbaum Associates. 2006.
5. Carpenter M., Bauer T., Erdogan B. Principles of Management. - Flat World Knowledge 2009.
6. Conger J.A., Riggio R.E. The Practice of Leadership: Developing the Next Generation of Leaders. - San Francisco: Jossey-Bass, 2007.
7. Gabarro J.J., Kotter J.P. Managing Your Boss. - Harvard Business School Press, 2008.
8. Greenleaf R. K. Servant leadership: A journey into the nature of legitimate power and greatness. New York: Paulist Press, 2002.
9. Scouller J. The Three Levels of Leadership: How to Develop Your Leadership Presence, Knowhow and Skill. - Cirencester: Management Books, 2011.
10. Senge P. The Fifth Discipline: The art and practice of the learning organization. - New York: Doubleday, 1990.

Современные маркетинговые технологии как эффективный инструмент повышения конкурентоспособности предприятия

Александр Копосов, Андрис Пуполс, Янис Гренс

Балтийская Международная Академия

Латвия, (Дугавпилский филиал),

«Управление и администрирование предпринимательской деятельностью»

stranik7@inbox.lv

Научный руководитель: Dr.oec, Сергей Игнатьев,

stranik7@inbox.lv

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что в настоящее время, нельзя не заметить, что с каждым годом в маркетинговых стратегиях предприятий возрастает доля современных, альтернативных инструментов продвижения, таких как разные формы BTL, мобильного и вирусного маркетинга, product placement и так далее. Цель данной статьи – рассмотреть теоретические и методические аспекты современных маркетинговых технологий как инструмента повышения конкурентоспособности предприятия. Маркетинговые технологии, являясь неотъемлемой составляющей системы маркетинга, нуждаются в тщательной разработке. Их развитие и правильное применение оказывает неоценимую помощь в реализации товаров, что в свою очередь способствует эффективному товарообороту, укреплению и стабилизации конкурентного положения предприятия на рынке.

Ключевые слова: конкурентоспособность, маркетинг, маркетинговые технологии, продвижение.

ABSTRACT

The article depicts the current interest of the topic related to the sphere of marketing strategy of enterprises. It is noticeable that the share of modern day, alternative promotional tools is on constant increase. They are various forms of BTL, mobile and viral marketing, product placement and others. The author aims to represent theoretical and methodological aspects of modern marketing practices and technologies being the tool to stimulate an ability to compete at the market. Marketing technologies need to be carefully planned and carried out as they are considered to be an integral part of marketing system. The development of this system and appropriate application of all innovative methods assist in sales increasing turnover and strengthen the competitive position of the enterprise in the market.

Key words: competitiveness, marketing, technologies, promotion

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Чтобы разобраться в том, что представляют собой, **маркетинговые технологии** необходимо дать определение такому явлению как маркетинг. Итак, маркетинг - "это не искусство нахождения ловких путей распределения продукции. Маркетинг — это искусство создания истинной ценности для потребителя. Это умение помогать потребителям жить лучше. Девизы маркетинга: качество, обслуживание, ценность." [2]

Маркетинговые технологии — это методы воздействия на широкий круг потребителя организациями, заинтересованными в повышении спроса на производимый ею товар. Они являются частью общей системы маркетинга и являются инструментом воздействия на потенциального

потребителя товара. Основными методами продвижения товара являются: брендинг, товарная марка и товарный знак, презентация товара и PR – компания. [1]

Технологии маркетинга разнообразны, но преследуют единую цель – повысить конкурентоспособность предприятия и того продукта, который оно представляет на рынке. [3]

Существующие современные маркетинговые технологии представляют собой также совокупность стадий, приемов, действий, операций, требующихся для реализации маркетинговых решений.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ / SVARĪGĀKĀSATZIŅĀSTĒORIĀ / BASIC THEORETICAL PROVISION

В связи с вышеизложенным, как правило, выделяют пять основных технологий маркетинга: сегментирование, определение целей (целеполагание), позиционирование, анализ и прогнозирование. Сегментирование как технология маркетинга подразумевает собой работу по разделению рынка на отдельные определенные сегменты для исследований и изучения потребительского спроса, отношений потребителей к определенным продуктам [4].

Таргетинг (целеполагание) как технология маркетинга позволяет из общего количества потребителей выделить по определенным параметрам целевую аудиторию, которой предназначается конкретный продукт компании, на которую рассчитана та или иная реклама этого продукта [5].

Позиционирование – это технология маркетинга, позволяющая товару компании с помощью определенных инструментов занять на рынке более выгодную позицию, чем позиции товаров компаний-конкурентов.

Анализ (в том числе и анализ продаж) – технология маркетинга, включающая в себя деятельность по исследованию и изучению рынка товаров и услуг, наличия и уровней спроса на те или иные продукты, товары, услуги, изучение в динамике ценовой политики на рынке, получение данных и определение отношения потребителей к определенным видам товаров с целью повышения спроса на товары компании.

Прогнозирование является одной из важнейших технологий маркетинга и представляет собой приемы и способы проведения маркетинговых исследований, в целях оценки перспективности рынка, возможностей его развития, отслеживания динамики цен и тенденций их изменения на период прогнозирования. Прогнозирование бывает краткосрочным, среднесрочным и долгосрочным.

Таким образом, технологии маркетинга, применяемые компанией, позволяют ей работать на верно определенном рыночном сегменте, обеспечивать высокий уровень продаж определенной целевой категории потребителей, чьи потребности и предпочтения глубоко и полно изучены, успешно конкурировать с другими фирмами благодаря изучению тенденций развития рынка и потребностей покупателей, и в конечном итоге повысить прибыльность компании или осуществить захват большей части рынка – это зависит от конкретных целей, которые компания ставит перед собой на определенных этапах развития. Эти успехи всегда свидетельствуют, что компания применяет технологии маркетинга, которыми не владеют ее конкуренты, производит уникальный продукт или товар сравнимого качества, но реализует его по более цене.

В условиях постоянного роста конкуренции во всех сферах бизнеса каждое предприятие сталкивается с необходимостью новых способов организации своей коммуникационной деятельности, которые помогают адаптироваться к новым условиям хозяйствования и подобрать инновационные формы и модели управления этим процессом.

В Таблице 1 приведены основные виды современных маркетинговых технологий.

Таблица 1. Основные виды современных маркетинговых технологий

Маркетинговые технологии	Характеристика
Партизанский маркетинг	маркетинговые мероприятия, которые выходят за рамки общепринятых способов и средств рекламных коммуникаций и продвижения товара. Его главное отличие – использование возможностей креативного мышления вкупе с некоторыми очень простыми методами продвижения товара или услуги вместо того, чтобы тратить много денег на рекламу. Партизанский маркетинг означает нестандартность, нетрадиционность, отказ от азбучных истин и повышенную гибкость, высокие результаты при ограниченных возможностях.
Вирусный маркетинг	главным распространителем информации являются сами получатели информации, путем формирования содержания, способного привлечь новых получателей информации за счет яркой, креативной, необычной идеи или с использованием естественного или доверительного послания.
Трейд-маркетинг и мерчендайзинг	это деятельность всех участников торговли, направленная на организацию продвижения товара от производителя к конечным потребителям наиболее выгодным для всех участников товародвижения образом. В некоторых случаях трейд-маркетинг как комплекс маркетинговых мероприятий, призванных решать задачи присутствия продукции в торговых точках на самых лучших местах и по рекомендованной цене, включают в сферу маркетинга.
Сетевой маркетинг	это бизнес связанный с прямым распространением информации продуктов или услуг независимыми представителями компании или дистрибьюторами. Основной задачей сетевого маркетинга является информационный охват максимального количества людей.
Интегрированные маркетинговые коммуникации	Слово "интегрированные" предполагает комплекс различных методов: организационных, технических, экономических, информационных. Под маркетинговой коммуникацией понимается технология (дисциплина, инструментарий) маркетинга, позволяющая обеспечить коммуникацию с определенными целевыми сегментами рынка, а также с аудиториями с целью выполнения задач, поставленных перед хозяйствующим субъектом на рынке.
Кросс-маркетинг	Суть метода заключается в следующем: две или более компании организуют совместную акцию по продвижению своей продукции. При этом рекламируемые товары или услуги являются сопутствующими и как бы дополняют друг друга
Call центр	это система для обработки большого количества телефонных звонков. В принципе, существуют "внутренние" call центры, работающие на нужды только одной организации (например, абонентской службы сотовой компании), но в большинстве случаев call центр позволяет параллельно использовать технические и человеческие ресурсы для работы с совершенно различными сервисами и, за счёт этого, экономить деньги.
Product placement	приём неявной рекламы, заключающийся в том, что реквизит, которым пользуются герои в фильмах, телевизионных передачах, компьютерных играх, музыкальных клипах, книгах, на иллюстрациях и картинах – имеет реальный коммерческий аналог. Обычно демонстрируется сам рекламируемый продукт либо его логотип, или упоминается о его хорошем качестве. Product placement –

	скрытая реклама, встроенная в сюжет фильма, когда в кадре демонстрируются действия с товаром определенной марки.
Прямой маркетинг	любое мероприятие, направленное на получение отклика от потребителя: либо в виде прямого заказа на продукцию, либо в виде дальнейшего заказа на информацию, либо обращение за продукцией непосредственно к поставщику. Прямой маркетинг – прямые контакты рассматривают не как инструмент, а уже как особую культуру современного бизнеса. Именно из прямого маркетинга выросли программы лояльности.

ВЫВОДЫ / SECINĀJUMI / CONCLUSIONS

В результате рассмотрения теоретических и методических аспектов маркетинговых технологий на предприятии в данной статье были сделаны следующие выводы:

– в последнее время одновременно с возрастанием роли маркетинга повысилась роль маркетинговых коммуникаций. Недостаточно иметь хорошие продукты и услуги – для увеличения объемов их продаж и получения прибыли нужно донести до сознания потребителей выгоды от использования продуктов и услуг. Маркетинговые технологии позволяют осуществить передачу сообщений потребителям с целью сделать продукты и услуги компаний привлекательными для целевой аудитории.

– современные маркетинговые технологии сегодня дают неоспоримое преимущество в конкурентном соперничестве, поэтому все больше предприятий включается в гонку создания совершенно новых продуктов, формирования новых рынков, разработки новых способов продвижения.

– с каждым годом в деятельности предприятий возрастает доля альтернативных инструментов продвижения, таких как разные формы BTL, мобильного и вирусного маркетинга, product placement и так далее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / LĪTERATŪRU UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES

1. Ильичева И. В., Маркетинговые технологии, Ульяновск: УлГТУ, 2012. – 158 с.
2. Котлер, Ф. Маркетинг от А до Я: СПб.: Нева, 2003. – 224 с.
3. Эриашвили Н.Д., Маркетинг: учебник для вузов /Н. Д. Эриашвили, К. Ховард, Ю. А. Цыпкина и др.; под ред. Н.Д. Эриашвили- М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 623 с.
4. Тарасова, Т. Ф. Изучение маркетинговой среды как инструмент ведения конкурентной борьбы / Т. Ф. Тарасова, В. А. Шлаканева // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2010. – № 3. – С. 36–41.
(Ресурс просмотрен 01.12.2018. <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=871490>)
5. Мозговая, Ю. А. Понятие бренда и его влияние на инновационную активность предприятия/ Ю. А. Мозговая, Е. Н. Семенченко // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2014. – № 1(49). – С. 321–326. (Ресурс просмотрен 01.12.2018. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21342088>)

Проблемы прогнозирования авиаперевозок, вызванные изменениями внешних факторов

Андрей Костин, Российская Федерация,

Докторская программа «Региональная экономика и экономическая политика»,

Балтийская Международная академия (г.Рига),

эл. почта: andrey_kostin@hotmail.com.

Научный руководитель: Доктор экономики, профессор Александр Машарский

АННОТАЦИЯ

Данная статья выявляет проблемные зоны на этапах формирования моделей прогнозирования, характерных для отрасли воздушных перевозок, и создающих предпосылки для искажений функциональных связей в исследовательских моделях. Технологические разработки, потребительское поведение, появление новых продуктов и внедрение маркетинговых стратегий могут играть решающую роль в стимулировании спроса в высоко-конкурентной среде пассажирских авиаперевозок. Повышение точности моделей прогнозирования требует унификации стандартов статистического учета и предоставления доступа к достоверным информационным ресурсам.

Ключевые слова: Модели прогнозирования, авиаперевозки, статистика, транспорт.

ABSTRACT

This work is aimed at identifying problem areas at the stages of forecasting modelling in the air transportation industry, which create prerequisites for the distortion of functional relationships in research models. Technological developments, consumer behavior, emergence of new products and introduction of marketing strategies can play a crucial role in stimulating demand in the highly competitive environment of air transportation market. Improvement of the accuracy of forecasting models requires unification of statistical standards and access to reliable sources of information.

Keywords: forecasting models, air transportation, statistics, transport.

INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ / IEVADS

Одной из задач государства является развитие транспортной инфраструктуры, выполняемой через формирование стратегии развития транспорта страны. [12] Сбалансированное развитие инфраструктуры транспорта страны стимулирует экономический рост и взаимосвязи между регионами. Для реализации этого направления необходимо согласованное комплексное развитие элементов транспортной инфраструктуры, подкрепляемое всесторонним анализом текущего состояния и динамики развития с течением времени. Основными инструментами при формировании стратегии являются планирование и прогнозирование. Планирование позволяет более своевременно и рационально использовать природные и человеческие ресурсы. Планирование объемов производства опирается на оценку спроса в будущих периодах, поэтому планирование невозможно без прогнозирования. Для целей прогнозирования чаще используют статистические и эконометрические методы анализа для оценки потребностей секторов экономики и населения в услугах транспорта. [12]

Данная статья будет фокусировать внимание на прогнозировании одной из составляющих транспортной инфраструктуры, а именно – на воздушном транспорте. Отрасль воздушного транспорта

требует долгосрочного планирования и качественного прогнозирования в связи с крупными капитальными затратами участников перевозочной деятельности. [1]

Процесс прогнозирования [16] разделяют на три этапа:

- 1) изучение современного состояния анализируемого объекта;
- 2) изучение существующих методов прогнозирования в данной или смежных областях;
- 3) разработка модели прогнозирования.

Анализ и прогнозирование может выполняться на разных уровнях. Необходимо отметить, что сбор и свод данных для анализа на каждом уровне осуществляется разными структурами, но в итоге вся информация формирует мировую базу данных по отрасли. Условно базу данных можем разделить на **четыре основные уровня**, сгруппированных по географическому охвату:

1) Мировой уровень отражает глобальные объемы перевозок по миру, континенту или Частям Света. Сбору, обработке и анализу мировой статистики воздушного транспорта посвящена специальная программа Международной организации гражданской авиации (ICAO) [2]. Данные могут предоставляться как в виде отчетности страны, так и отчетности отдельного обособленного предприятия (в особых случаях, как правило по крупным предприятиям).

2) Национальный/региональный уровень охватывает меньший по размеру кластер. К этой группе можно отнести перевозки в рамках крупной страны (например, США, Россия) или перевозки в рамках региона, включающего ряд стран (например, Евросоюз, Океания). Сбор данных в рамках страны чаще всего осуществляет министерство транспорта, регулятор или структуры схожего рода деятельности, но также может осуществляться отраслевой ассоциацией или отдельными компаниями (по контракту).

3) К Местному уровню можно отнести перевозки в рамках субъекта страны (например, край или область). Сбором данных может заниматься региональное представительство органа государственной статистической отчетности и прочие областные структуры.

4) Уровень предприятия будет включать только перевозки конкретной авиакомпании. Данные формируются в рамках внутренних систем учета и в большинстве случаев передаются в форме отчетов в вышестоящие региональные структуры учета для свода данных [9].

BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Факторы влияния на рынок авиаперевозок достаточно многогранны и имеют различную степень воздействия (прямую и косвенную) на участников перевозочного процесса: экономические, социальные, политические, географические, экономические.

Применяя PESTEL-анализ, можно сгруппировать факторы, влияющие на отрасль авиаперевозок:

1. *Государственно-политические*- общее состояние внешнеполитической обстановки в мире и стране/регионе, стабильность политической системы, характер взаимоотношений между государствами, осуществляющими воздушные сообщения; политика государств в области международного воздушного транспорта [4]. Политические факторы формируют регуляторную политику отрасли, создают барьеры и ограничения деятельности субъектов, или, наоборот, дополнительные льготы и субсидии.
2. *Экономические*[5] - общее состояние мировой экономики; объем внешней торговли и ее динамика; состояние валютного рынка; уровень банковских ставок и условия кредитования; валовой национальный продукт и темпы роста производительности труда; уровень экономического развития стран и регионов; финансовое положение авиакомпаний; характер конкурентной борьбы и степень монополизации рынков.
3. *Технологические*- технические факторы, воздействующие на рынок воздушных перевозок (технологический уровень авиатранспортного производства; уровень технического совершенства воздушных судов, средств наземного обслуживания воздушных перевозок и

управления воздушным движением; состояние инфраструктуры воздушного транспорта)[4]и состояние общего научно-технического прогресса во всех отраслях, например, технологии продаж и средства связи.

4. *Природно-географические*- географические и климатические особенности стран и регионов; уровень природной и историко-архитектурной привлекательности отдельных стран и населенных пунктов; наличие и близость аэропортов к крупным населенным пунктам. Низкая плотность населения и неразвитая транспортная сеть затрудняют социально-экономическое взаимодействие между регионами РФ и тормозят рост транспортной подвижности населения.
5. *Социальные, демографические, и культурные* - факторы, формирующие стиль жизни, работы и потребления. Социальная структура общества, развитие туризма, толерантность к другим культурам, уровень образования, уровень информатизации жизни, пользования Интернетом, портативными электронными устройствами, распространение информации в обществе – все это влияет на спрос на воздушные перевозки. Проведение разовых мероприятий (Олимпиада, чемпионат, фестиваль) могут давать значимый всплеск спроса на воздушные перевозки.
6. *Юридические/законодательные* - формируют правовую среду, которая упорядочивает взаимоотношения между всеми участвующими сторонами на рынке авиаперевозок, создавая не только ограничения, но и возможности. Присоединение к международным конвенциям может открывать доступ к новым рынкам сбыта авиаперевозочных услуг, а также налагать перечень требований к субъектам отрасли, тем самым стимулировать или, наоборот, ограничивать тот или иной вид деятельности. Данная группа неразрывно связана группой политических факторов и зачастую выступает инструментами достижения политических целей.

Целью статьи является выявление недостатков существующих моделей прогнозирования авиаперевозок ввиду изменчивости внешней среды и факторов влияния. Результатом будет сформированный перечень проблемных предпосылок, характерных для отрасли пассажирских авиаперевозок, для их адресного включения, исключения или корректировки при построении моделей прогнозирования.

Построению моделей прогнозирования авиаперевозок посвящены работы многих авторов: Ярошевич, Дубровский, Сулейманов, Папоян, Терентьев, Комаристый, Лычагин, Балашова, Смирнова, Андронов, Гуренко, Киселенко и др.

Киселенко А.Н. [7] в своей работе подчеркивал необходимость постоянной разработки методов и моделей прогнозирования развития воздушного транспорта как составной части транспортной системы страны. Причем к таким моделям предъявляются повышенные требования в связи с постоянно растущими объемами информации и значительной неопределенностью в выборе оптимального управленческого решения в условиях непрерывно изменяющейся внешней среды.

Лобов И.Г. [8]также выделил изменчивость внешней среды, экономической и политической сфер, оказывающих доминирующее влияние на деятельность авиакомпаний и аэропортов. Автор исследовал подходы совершенствования методов стратегического планирования и прогнозирования пассажиропотоков на воздушном транспорте.

Ярошевич Н.Ю. и Дубровский В.Ж. [16] отмечают, что амбициозные прогнозы роста авиаперевозок в стратегических планах аэропортов зачастую входят в противоречие с реальными показателями деятельности, что свидетельствует об отсутствии эффективного инструментария для прогнозирования авиаперевозок как необходимого средства обоснования стратегий развития аэропортовых комплексов.

Нельзя не отметить популярность использования регрессионных моделей прогнозирования объемов перевозок среди исследователей.

Ермолаев Ф.П. [6] через модели линейной регрессии проводил анализ зависимости суммарного пассажирооборота от изменений индексов ВВП, потребительских цен, платных услуг, реальных денежных доходов населения, курса рубля относительно доллара и профицита/дефицита бюджета в процентах от ВВП. В методе Ермолаева Ф.П. линейные регрессии содержали только одну

независимую переменную, что не может быть достаточным для эффективного прогноза пассажирооборота. С другой стороны, он обращает внимание, что реальные денежные доходы населения и покупательская способность рубля оказывают значительное влияние на пассажирские перевозки, особенно в международном воздушном сообщении.

В своей работе Папоян А.Р. [11] подчеркивает практическую простоту и наличие хорошо разработанного математического аппарата у регрессионных моделей анализа и прогнозирования объемов перевозок. Недостатком он считает нацеленность на изучение внешних, а не внутренних связей экономических процессов, что может приводить к проблеме мультиколлинеарности. Поэтому наилучшим является применение регрессионных моделей именно в долгосрочных прогнозах. Для краткосрочного прогноза Папоян разработал метод оперативного прогнозирования авиаперевозок и оптимизации тарифной политики на основе модели потребления, позволяющий рассчитывать спрос на авиаперевозки при изменении тарифов на железнодорожный и автомобильный транспорт.

Исследователи Международной организации гражданской авиации (ICAO) [2] разделяют методы прогнозирования на три общие категории: *количественные; качественные; и аналитические*, комбинирующие предыдущие два. Математические (статистические) и эконометрические методы прогнозирования, в свою очередь подразделяются на две широкие категории: 1) методы анализа временных рядов и 2) методы причинно-следственного анализа.

Метод анализа временных рядов основывается на поиске закономерностей в исторических данных, и предполагает, что эти закономерности будут влиять на дальнейшее поведение исследуемого объекта/показателя. *Метод анализа причинно-следственной связи* широко применяется при анализе и прогнозировании тренда, основываясь на прошлых значениях роста/прироста, которые экстраполируются на будущие периоды. В краткосрочной перспективе данных подход может быть эффективным, особенно когда учитываются краткосрочные колебания экономических и социальных факторов. С другой стороны, при долгосрочном прогнозировании такая экстраполяция может привести к искаженным результатам; ее также сложно обосновать с теоретической точки зрения.

Наиболее широко применяется методика прогнозирования, которая рассматривает форму функциональной зависимости пассажирооборота от конъюнктур образующих факторов. В документе ICAO 8991 [2] отмечается, что независимых переменных может быть более двух. Формирование прогнозов для маршрутной сети или региона, как правило, включает две переменные (макроэкономический показатель - ВВП и показатель, характеризующий стоимость перевозки, например, тариф). Коэффициенты рассчитываются с помощью регрессионного анализа [16].

Канадской администрацией воздушного транспорта используется эконометрическая модель, использующая объемы вылетающих и прибывающих пассажиров (между географическими зонами Канады и между Канадой и различными регионами мира). В уравнениях используются данные о конъюнктур образующих факторах и о пассажиропотоках, структурированных по трем секторам перевозок (внутренние, Канада – США и прочие международные), по зоне отправления пассажира, а также по цели поездки [16].

В СССР при разработке долговременной программы развития транспорта использовались различные методы прогнозирования, резюмированных Лобовым И.Г. [8]:

- В целом по всей отрасли прогноз основывался на регрессионных моделях с показателями развития народного хозяйства и авиаперевозками. Использовались показатели: численность населения, номер года, национальный доход, реальные доходы на душу населения, основные фонды народного хозяйства, валовой общественный продукт, доходная ставка на 10 пасс.-км.

- На уровне отраслевых НИИ ГА разрабатывались модели факторного анализа и корреляционной матрицы переменных. Определялись переменные, характеризующие социально-демографическую структуру населения и развитие производственных сил региона для формирования информационных массивов. Далее оценивались факторные коэффициенты и остаточные дисперсии. Это позволяло выполнить прогноз на основе регрессионного анализа. Недостатком данной методики Лобов И.Г.

считает использование показателей смежного транспорта без учета подвижности населения на наземном транспорте, что затрудняет практическое использование модели.

- Методики аэропортового прогнозирования использовали многофакторные модели для разной глубины прогноза, но результаты были подвержены значительным ошибкам.

Из российских исследований в области прогнозирования спроса на авиационные перевозки наиболее известны исследования Авиационного центра Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации. Предложенная АСЦ ГосНИИ ГА методика прогнозирования состоит из двух подходов – «сверху-вниз» и «снизу-вверх» [10, 16].

Первый подход «сверху-вниз» состоит в разделении спроса на авиатранспортные услуги в России на четыре сектора: внутренние перевозки, международные перевозки в страны СНГ, международные перевозки в страны дальнего зарубежья по направлениям массового туризма и прочие международные перевозки. Для прогнозирования пассажирооборота в каждом секторе используется двухфакторная модель, предложенная ICAO [2]. Полученные данные, суммируются и составляют общий прогноз совокупного спроса на авиаперевозки.

Подход «снизу-вверх» состоит в прогнозировании спроса на авиаперевозки немаршрутной сети, связывающей города России между собой и с городами мира. Для прогнозирования спроса строится модель, где прогноз на маршруте рассчитывается, исходя из пассажиропотоков на этом маршруте в базовом году, изменения ВВП в регионах начального и конечного маршрутов, протяженности маршрутов и коэффициента использования воздушного транспорта. Прогнозный объем пассажирских авиаперевозок на маршрутной сети определяется суммированием прогнозных значений на каждом маршруте.

Авиакомпании достаточно вариативны в использовании моделей спроса на воздушные перевозки, но в своей основе анализируют спрос на заданных маршрутах, включая составные маршруты, т.е. перевозки с пересадками между начальной и конечной точкой. Основными факторами влияния спроса на маршрутах являются цена перевозки (билета), время в пути и демографические показатели рынка [1]. Зачастую прогноз спроса на авиаперевозки основывается на изменении средних тарифов, планируемом изменении частоты авиасвязей с учетом демографической и экономической динамики в регионе.

Одной из популярных ошибок в прогнозировании является попытка построить универсальную модель, подходящую для всех территорий и временных промежутков [8]. Несмотря на то, что внешняя среда во многом определяет дальнейший рост отрасли воздушных перевозок, процесс прогнозирования не должен сводиться только описанию текущих тенденций, должен выявлять факторы, определяющие авиаперевозочную деятельность с учетом территориального развития, региональной специфики и развития технологий (начиная с технологии производства и заканчивая технологией дистрибуции и маркетинга услуг). При прогнозировании следует обращать внимание на фактор времени, включая глубину прогноза и возможную сезонность отрасли. С другой стороны, не стоит забывать, что модели ограничены в своем функционале и не могут учесть все факторы, влияющие на авиаперевозки, а являются лишь симуляцией реальных процессов, созданы для объяснения, насколько это возможно, вариативности спроса с помощью выбранного инструментария.

RESEARCH RESULTS / РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ / PĒTĪJUMA REZULTĀTI

Данная статья рассматривает существующие методы анализа и прогнозирования, с выявлением предпосылок к созданию спорных или неточных зависимостей функциональных связей под влиянием внешних факторов. Данный подход не будет учитывать вариативность при формировании проблемы и выборе инструментов ввиду различий в предпочтениях исследователей, а также математические и эконометрические особенности анализа данных (мультиколлинеарность, гетероскедастичность и прочие), на которые существуют достаточно много методик коррекции.

Для выявления существующих проблем прогнозирования, вызванных изменчивостью внешних факторов, возьмем за основу эконометрический (регрессионный) анализ как метод анализа и прогнозирования. У него простая и понятная структура, включающая ключевые этапы формирования

модели, в том числе наиболее изменчивые под влиянием внешних факторов этапы. Эконометрический анализ использует уравнение регрессии, где отражены зависимая переменная и одна/несколько независимых переменных. Зависимой переменной зачастую выбирают данные, требующие анализа или прогноза, например, пассажирооборот, выраженный в пассажиро-киллометрах. Независимыми переменными выбирают наиболее значимые внешние и внутренние конъюнктур образующие факторы, влияющие на объемы пассажирских авиаперевозок.

Основными шагами по разработке эконометрической модели прогнозирования, согласно руководству ICAO 8991 [2], являются:

- 1) Формулировка проблемы;
- 2) Выбор независимых переменных;
- 3) Определение данных для представления в качестве независимых переменных;
- 4) Формирование модели функциональной зависимости между зависимой и независимыми переменными;
- 5) Анализ зависимости, проверка нулевой гипотезы, оценка коэффициентов модели, их силы, знака и значимости;
- 6) При успешном выполнении предыдущего пункта – формирование финальной формы модели;
- 7) Определение прогнозных сценариев для независимых переменных, которые будут использоваться для прогноза пассажирооборота;
- 8) Основываясь на прогнозных сценариях независимых переменных, подготовка прогноза пассажирооборота по нескольким сценариям.

Анализ существующих моделей показывает, что отраслевые изменения под действием ряда внешних факторов могут создавать предпосылки для искажений результатов прогнозов и функциональных связей в существующих моделях. Реализация пунктов 1-4 наиболее подвержена влиянию изменчивости внешних факторов на этапе формулирования проблемы, подбора данных и определения функциональных зависимостей. Распределение обнаруженных проблем при формировании модели сгруппируем далее по каждому из пунктов 1-4.

1) Формирование проблемы

Постоянное изменение конъюнктуры рынка. Авиакомпании ведут свою деятельность в постоянно меняющейся конъюнктуре рынка с различной степенью регулирования государством: от строгого регулирования и протекционизма до практически полного дерегулирования. Долгосрочный тренд скорее характеризуется движением в сторону дерегулирования и либерализации воздушных перевозок. В качестве подтверждения можно привести формирование единого авиационного рынка в Евросоюзе и двусторонние соглашения «открытого неба» [1]. Чем более открыт и дерегулирован рынок – тем больше возможностей для изменения рыночной конъюнктуры, начиная от появления новых участников рынка и новых продуктов до ценовых войн и использования монополистского преимущества. В свою очередь значительное изменение конъюнктуры рынка влечет за собой быстрое устаревание ранее поставленных технических заданий, моделей и результатов исследований.

2) Выбор переменных

Искажения и снижение информативности основных показателей могут возникать при нестандартной или нерыночной отраслевой структуре экономики страны/региона. Большинство моделей за основу берут экономическое развитие страны/региона, используя внутренний валовой продукт в качестве независимой переменной. Однако данный индикатор может приводить к ошибочным заключениям. К примеру, ВВП стран с большой территорией не будет отражать концентрации агломераций внутри страны. В России или другой территориально крупной стране существуют контрастные зоны (производственные кластеры и малозаселенные регионы). В связи тем, что авиаперевозки выполняются по всему миру, а также ввиду неравномерности распределения зон получения доходов и их привязанности к конкретной территории, при анализе данных стоит обращать внимания на несоответствия в территориальной привязке доходной и расходной частей при

прогнозировании.

Потребительское поведение и предпочтения является важным фактором во многих отраслях, связанных с массовым потреблением. Однако следует обратить внимание на такой важный аспект, как шоковые потрясения, которые учитываются в эконометрических моделях в виде корректирующих инструментов и фиктивных переменных. В отрасли воздушных перевозок шоковыми потрясениями могут выступать экономические кризисы, войны и эпидемии на глобальном уровне. На локальном уровне в рамках страны шоковыми могут быть банкротства авиакомпаний или авиакатастрофы. С течением времени данные потрясения поглощаются рынком и происходит коррекция, что следует учитывать отраслевым аналитикам [3].

3) Выбор баз данных и источников

Наличие источников информации. При прогнозировании показателей деятельности воздушного транспорта необходимо обладать полным перечнем данных по показателям, используемым в модели и характеризующих деятельность участников перевозочного процесса. Некоторые утвержденные формы статистического учета были отменены без предоставления замены какой-либо альтернативы. Так, была исключена форма статистической отчетности гражданской авиации Ф4-П ГА, содержащая данные о первоначальных и трансферных пассажиропотоках начальных и конечных пунктов назначения [15]. Форма позволяла анализировать «истинный» пассажирооборот между пунктами полета с корректировкой на трансферные потоки между пунктами полета. Данный показатель очень важен для авиакомпаний как идентификатор реального спроса на маршрутах.

В дополнение к этому, с каждым годом все большее количество авиакомпаний РФ закрывают свои производственные и финансовые показатели от общего доступа ссылаясь на коммерческую тайну. Подтверждением этому является официально публикуемая на сайте Федерального агентства воздушного транспорта РФ [13] статистика с показателями деятельности авиакомпаний и аэропортов, значительная часть которой из периода в период закрывается по просьбе авиакомпаний. Отсутствие даже части данных делает невозможным полноценный анализ и прогнозирование.

Формат и качество предоставляемых данных. Формат предоставления данных играет основополагающую роль при сборе информации. Различия в принятых стандартах и формах представления данных не позволяют сопоставлять, сводить и выполнять достоверный анализ информации. Разные формы статистической отчетности, принятые в ICAO и в Росстате (орган государственного статистического учета в РФ) усложняют процедуры сопоставления показателей российских и иностранных компаний. Несмотря на цифровизацию процессов в предпринимательской среде и в повседневной жизни, а также распространение Интернета вещей (на англ. Internet of things), сбор данных все еще происходит «на бумаге» с устаревающим перечнем запрашиваемой информации. В частности, формы статистической отчетности Росстата №30-ГА до сих пор содержат показатели задержек вылета по причине отсутствия горюче-смазочных материалов, что уже утратило актуальность ввиду развития топливно-заправочных комплексов [14]. В то же время отсутствуют показатели задержек по причине неисправности воздушного судна и отсутствия запасных частей.

4) Функциональная зависимость

Динамическое ценообразование или управление доходностью. Практика, освоенная во многих авиакомпаниях, нацелена на максимизацию доходности рейса. Повышение доходности рейса является основной задачей авиакомпании и требует точного баланса спроса и цены на билет. [1] Общеизвестно, что в авиакомпаниях существуют разные классы обслуживания пассажиров. На каждый рейс распределяется определенное количество билетов того или иного класса обслуживания, которому соответствует своя цена. Наибольшую доходность авиакомпания получает от билетов первого класса и премиального обслуживания. В случае, если все билеты промо и эконом класса будут выкуплены и нет возможности перенести путешествие – пассажир вынужден будет купить

премиальный билет, заплатив более высокую стоимость. Динамическое ценообразование можно еще более усложнить, если по мере заполняемости рейса и повышении коэффициента загрузки кресел увеличивать стоимость билетов даже в пределах одного класса обслуживания. Таким образом, с увеличением коэффициента загрузки в реальном времени происходит корректировка ценовых параметров авиакомпании и максимизация доходности. Данные изменения вносят хаотичность в измерение коэффициентов связи между ценой и пассажирооборотом в моделирование спроса.

Разная эластичность (по цене, времени) у туристических и бизнес поездок. В дополнение к динамичному ценообразованию, отличия в целях и степени потребности перелета также могут создавать трудности в сравнении и выявлении регрессионных коэффициентов. Бизнес перевозки (и корпоративные командировки) имеют неэластичный спрос по цене [1]. С другой стороны, перелеты с целью отдыха и премиальный сегмент более склонны к эластичности по цене. Эластичность по времени имеет обратную зависимость – неэластичные бизнес и эластичные туристические перевозки (отдыхающие готовы приобретать долгие перелеты, если удастся сэкономить на стоимости билетов). Наличие разной пропорции бизнес/отдых перевозок усложняют сравнительный анализ

Появление лоукостеров и тарифных сеток с дополнительными услугами. Мировая авиационная отрасль переживает трансформацию классических авиакомпаний со стандартной тарифной сеткой и пакетом услуг в модель лоукостеров или в гибридную модель, комбинирующую признаки классической и лоукост моделей. Модель лоукостеров (LowCostCarrier) характеризуется жестким снижением расходов на кресло-километр и замещением доходов от продажи перевозок доходами от продажи дополнительных авиационных и неавиационных услуг. Оказание дополнительных услуг пассажирам набирает обороты, но данная бизнес-модель авиакомпании имеет неравномерное географическое распространение. Большинство объема предоставленных дополнительных услуг приходится на США – около 30% объема продаж приходится на дополнительные услуги. Наименее распространена данная модель авиакомпаний в Африке и на Ближнем Востоке – чуть более 1% [9]. Поскольку одним из основных индикаторов рынка, часто используемых в прогнозах, является тариф или стоимость перевозки, дешевые тарифы лоукостеров будут создавать отклонения в общей тарифной сетке по отрасли. Потребление и ценовая политика дополнительных услуг зачастую не учитываются в государственных и отраслевых формах учета, что затрудняет анализ функциональных зависимостей в целом по отрасли и по другим группам/кластерам.

Семейства тарифов и программы лояльности. Программами лояльности являются маркетинговыми программами, направленными на привлечение и длительное закрепление лояльной связи, продавец-покупатель через пакеты предложений и бонусов. Ярким примером будет накопление бонусных миль за перелеты рейсами определенной авиакомпании, которая предлагает в продажу перелеты за накопленные ранее бонусные мили. Данные продукты и лояльность пассажиров также не учитываются в государственной статистике, но формируют отклонения от классической взаимосвязи цена-спрос. Проблемы, описанные в данном и предыдущем пунктах, могут быть наиболее заметны при анализе пассажиропотоков на уровне маршрутов авиакомпаний, но с увеличением исследуемой группы до уровня отрасли, региона, влияние этих маркетинговых стратегий сглаживается с ростом количества авиакомпаний-участников.

Нерыночные практики. Использование преимуществ естественных монополий или субсидирование государства могут вносить искажения в реальные функциональные связи. Злоупотребление преимуществами монополии может изменять коэффициенты регрессии с изменением стратегической позиции управляющего состава в компании-монополии. Также следует учитывать наличие государственных субсидий, выделяемых на деятельность социально-значимых услуг населению. Такие субсидии, как правило, ограничены по времени действия и в каждом периоде могут нести различный поток финансовых ассигнований или перечень льгот (субсидирование стоимости билета, льготы по ставке НДС по отдельным регионам).

CONCLUSTIONS AND RECOMMENDATIONS / ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ / SECINĀJUMI UN IETEIKUMI

Несмотря на множество существующих моделей прогнозирования авиаперевозок, изменчивость рыночной конъюнктуры и механизмов сбора информации, необходимо постоянное обновление методик анализа и моделей прогноза. Сложность анализа отрасли воздушных перевозок определяется целым рядом факторов, включая глобализацию рынка, развитие новых технологий и новых услуг. Анализ отрасли требует расширенного инструментария с привлечением новых разработок из сферы информационных технологий. Практической рекомендацией для государственных структур и отраслевых ассоциаций будет приведение отраслевой статистики и отраслевых стандартов к мировым практикам, что упростит сопоставление и анализ данных. Изменение подходов государственного регулирования отрасли и нормативной базы воздушных перевозок также благоприятно отразится на предоставляемых населению услугах, стандартах качества и продуктовой линейке. Приведенные факторы и отраслевые особенности должны учитываться при формировании моделей и аналитики воздушных перевозок на различных уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Belobaba P., Odoni A., Barnhart C. The global airline industry. Chichester, U.K.: Wiley, 2009. Вып. 1.
2. Manual on Air Traffic Forecasting: ICAO 8991, 2006, Third edition. Montreal, Режим доступа: https://www.icao.int/MID/Documents/2014/Aviation%20Data%20Analyses%20Seminar/8991_Forecastin_g_en.pdf.
3. Oxley D., Jain C. Global Air Passenger Markets: Riding Out Periods of Turbulence. International Air Transport Association (IATA). Режим доступа (скачан 13.12.2018): https://www.iata.org/publications/economic-briefings/WEF_TTCR_Chapter1.4_2015.pdf.
4. Афанасьев В.Г. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАГРАНРАБОТЫ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ (Теория и практика). Часть I. Изучение рынков мирового воздушного транспорта. МГТУ ГА – Москва, 2002 г. – с. 54-57.
5. Бурилина М.А. и Шестаков В.А., Влияние факторов экономической и политической среды на развитие авиационных перевозок в России. Москва, 2014г. Центральный экономико-математический институт РАН: Анализ видов экономической деятельности, 31 (382).
6. Ермолаев Ф. П. Прогноз темпов роста авиаперевозок в 2003 г. Режим доступа (14.07.2018): www.svavia.ru/info/lib/ermolaev/ermolaev.html.
7. Киселенко А.Н. Методы и модели автоматизированного прогнозирования развития транспортной системы региона (на примере воздушного транспорта) [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. экон. наук (08.00.13, 08.00.05) / Киселенко Анатолий Николаевич. МГТУ ГА – Москва, 1994. – 41с.
8. Лобов И.Г. Совершенствование методов прогнозирования и стратегического планирования пассажиропотоков на воздушном транспорте (на примере Северо-Западного региона РФ) [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. Наук (08.00.05) / Лобов Игорь Геннадьевич. СПГУ ГА – Санкт-Петербург, 2009. – 24с.
9. Махарев, Э. И. Статистика воздушного транспорта: / Э.И. Махарев, А.А. Русс, М.Ю. Смуров – Москва: Студент, 2017.
10. Оценка внутренних рынков сбыта гражданской авиатехники. М. : АСЦ ГосНИИ гражданской авиации, 2004.
11. Папоян А.Р., Оперативное прогнозирование спроса на пассажирские перевозки воздушным транспортом [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. Наук (08.00.05) / Папоян Армен Рубенович. ГУУ - Москва, 2000г. 28 с.
12. ТРАНСПОРТНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА. Проект, Москва, 2008. – Режим доступа (скачан 09.11.2018): <https://www.mintrans.ru/file/395060>.
13. ФАВТ. Перевозки пассажиров и пассажирооборот. Электронный ресурс. Режим доступа (10.11.2018): <https://www.favt.ru/deyatelnost-vozdushnye-perevozki-perevozki-passazhirov/>.

14. Форма статистической отчетности 30-ГА «Сведения о выполнении расписания (плана) отправок самолетов, вертолетов из начального и промежуточных пунктов рейса (независимо от принадлежности самолета, вертолета) утверждена Постановлением Росстата от 31 декабря 2004 г. №163.

15. Фрайман А.Б., Паничерский Н.В., Шевченко И.Г., Ленгаров В.Ю. Анализ и направления совершенствования статистики пассажирских авиаперевозок. Москва, 2016. СПбУ ГА – Вестник Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, Выпуск 1(10), с. 135-146.

16. Ярошевич Н. Ю., Дубровский В. Ж., 2014, Модель прогнозирования спроса на авиаперевозки аэропорта в условиях меняющейся конъюнктуры рынка, Известия УрГЭУ 6 (56) 2014, стр. 54-61.

Развитие малых и средних предприятий в Европе

Aljona Kozacsuk, Mg. oec,

докторант программы

«Региональная экономика и экономическая политика»,

Балтийская международная академия, Латвия,

aljonakozacsuk@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной работе исследованы современные тенденции и особенности развития малых и средних предприятий в странах ЕС, рассмотрено влияние малого и среднего предпринимательства на макроэкономические показатели деятельности как отдельных стран, так и Европейского союза в целом. Установлена зависимость показателя ВВП ЕС-28 и Латвии от основных показателей развития МСП в странах Е-28 и Латвии.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, развитие МСП, Европейский союз.

ABSTRACT

In this paper, the current trends and features of the development of small and medium-sized enterprises in the EU countries are examined, the influence of small and medium-sized businesses on the macroeconomic performance indicators of both individual countries and the European Union as a whole is considered. The dependence of the EU-28 GDP indicator and Latvia on the main indicators of the development of SMEs in the E-28 countries and Latvia has been established.

Keywords: small and medium entrepreneurship, development of MS, the European Union.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Проблема исследования- определение роли малых и средних предприятий в нефинансовом бизнес секторе экономики ЕС-28 и Латвии. Анализ основных показателей развития МСП нефинансового бизнес сектора экономик ЕС-28 и Латвии. Выявление зависимости показателя ВВП ЕС-28 и Латвии от основных показателей развития МСП нефинансового бизнес сектора ЕС-28 и Латвии.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

МСП включают три различные категории предприятий: микропредприятия, малые предприятия и средние предприятия (Таблица1). Официальное определение ЕС МСП учитывает три разных фактора (уровень занятости, уровень оборота и размер баланса).

Таблица 1: Определение МСП [1].

Категория предприятий	Сотрудники	Оборот	Баланс общий
Микро предприятие	<10	<2 млн.	<2млн.
Малое предприятие	<50	<10 млн.	<10млн.

Среднее предприятие	<250	<50млн.	<43млн.

Микро-МСП являются наиболее распространенным видом МСП, на долю которых приходится 93,1% всех предприятий в нефинансовом секторе бизнеса (Таблица 2). Тем не менее, микро-МСП составляли лишь 29,4% от общей занятости в нефинансовом бизнесе, в то время как малые и средние МСП составляли соответственно 20,0% и 17,0% от общей занятости (таблица 2). В отличие от неравномерного распределения числа предприятий и занятости по трем классам малых и средних предприятий, их вклад в целом является равным с точки зрения добавленной стоимости: от 17,8% (малых МСП) до 20,7% (микро МСП) (таблица 2).

Таблица 2: Количество МСП и крупных предприятий в нефинансовом бизнес секторе (НФБС) ЕС-28[2] в 2017 году и их добавленная стоимость, и занятость в регулировании и поддержке.

Размер предприятия	Количество предприятий		Количество сотрудников		Добавленная стоимость	
	Количество	%	Количество	%	Триллион €	%
Микро предприятие	22830945	93.1	41980528	29.4	1,513	20.7
Малое предприятие	1420639	5.8	28582254	20.0	1,302	17.8
Среднее предприятие	231857	0.9	24201840	17.0	1,341	18.3
МСП	24483495	99.8	94764622	64.4	4,156	56.8
Крупное предприятие	46547	0.2	47933208	33.6	3,166	43.2
Всего	24530042	100	142697830	100	7,322	100

НФБС включает в себя все секторы экономики (таблица 3), за исключением следующих: «сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство» (раздел NACE A), «финансовая и страховая деятельность» (раздел NACE K), «государственное управление и оборона»; обязательное социальное обеспечение (раздел NACE O), «образование» (раздел NACE P), «деятельность в области здравоохранения и социальной работы» (раздел NACE Q), «искусство, развлечения и отдых» (раздел NACE R), «другие виды деятельности по оказанию услуг» (Раздел NACE S), «деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированные товары и услуги, осуществляющие деятельность домашних хозяйств для собственного использования» (раздел NACE T) и «деятельность экстерриториальных организаций и органов» (раздел NACE U). NACE является статистической классификацией экономической деятельности Евростата в Европейском союзе.

Таблица 3. Нефинансового бизнес сектора экономики (НФБС). Сектора (B-J.L.M.N).

Раздел B	Добыча полезных ископаемых
Раздел C	Производство
Раздел D	Подача электроэнергии, газа, пара и кондиционирования воздуха

Раздел E	Водоснабжение; канализация, управление отходами и восстановительные работы
Раздел F	Строительство
Раздел G	Оптовая и розничная торговля; ремонт моторных транспортных средств и мотоциклов
Раздел H	Транспортировка и хранение
Раздел I	Проживание и питание
Раздел J	Информация и коммуникация
Раздел L	Операции с недвижимостью
Раздел M	Профессиональная, научно-техническая деятельность
Раздел N	Административные и вспомогательные услуги

Распространенность МСП сильно различается в ЕС-28. Хотя в 2017 году в экономике ЕС-28 насчитывалось 57 МСП на 1000 жителей (15 лет или более), в нескольких странах это число было всего лишь 34 (DE) и 29 (RO) (диаграмма 1). Напротив, в нескольких странах (CZ, EL, PT, SE и SK) количество МСП на 1000 жителей в возрасте 15 лет и старше превысило средний показатель ЕС-28 на 50-100%. Это большое изменение в количестве микро-МСП на 1000 жителей (15 лет или более) отражает целый ряд различных факторов, таких как промышленная структура экономики, принятие и продвижение государственной политики, поощряющей само обеспечение и создание предприятий, особенно микропредприятиями, уровнем предпринимательства и общими экономическими условиями [2].

Диаграмма 1: Количество МСП на 1000 жителей в нефинансовом секторе бизнеса в ЕС28 и государствах-членах в 2017 году

Вклад МСП в экономику государств-членов ЕС-28 также сильно различается. Например, в Латвии, Эстонии, Кипре и Мальте доля МСП приходилось 70% или более от общей суммы добавленной стоимости в нефинансовом секторе бизнеса в 2017 году, тогда как в Ирландии, доля МСП в стоимости добавленной генерируемым нефинансовым бизнес-сектором, был чуть ниже 42% (диаграмма 2). В случае занятости, доля МСП в Мальте, Кипре, Греции составляли более 80% общей занятости в НФБС в 2017 году, а в Нидерландах, Дании, Германии, Франции и Великобритании, доля занятости МСП в нефинансовом секторе бизнеса в 2017 году составила менее 65% (диаграмма 3). К концу 2017 году МСП составляли практически все предприятия нефинансового сектора бизнеса во всех государствах-членах.

Диаграмма 2: Вклад МСП в НФБС в ЕС-28 в 2017 году - доля добавочной стоимости МСП, в общей добавочной стоимости НФБС [3].

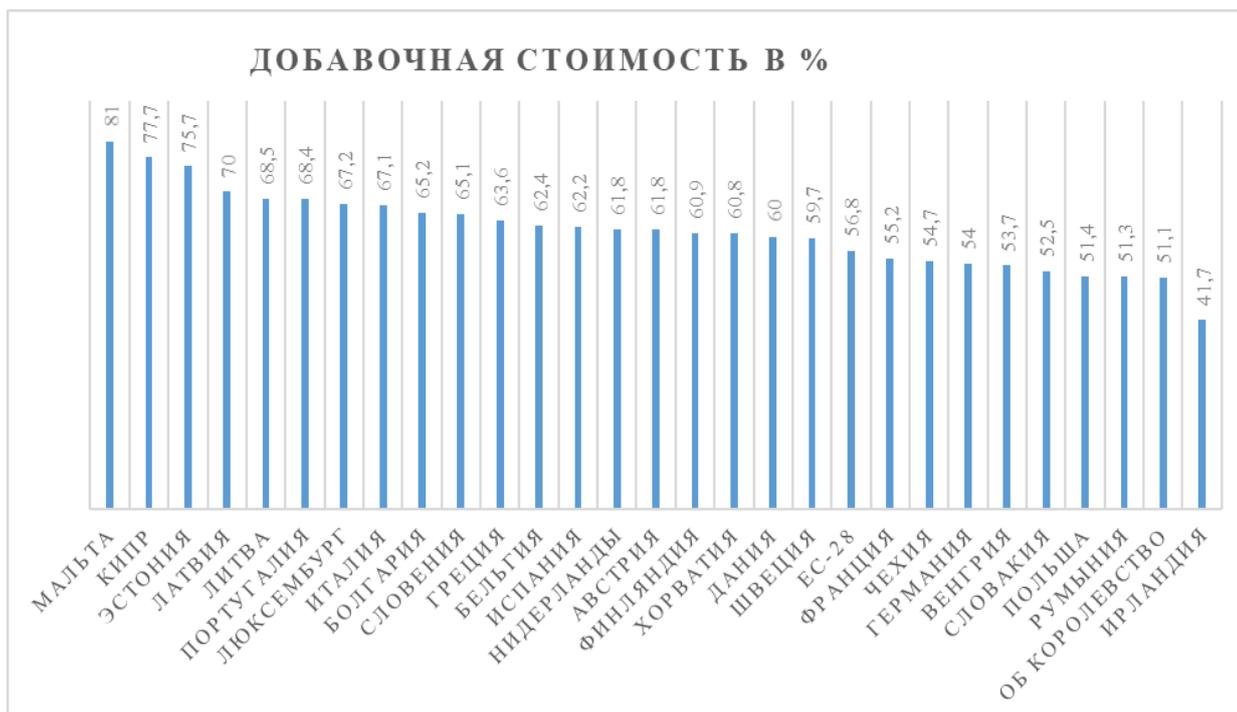
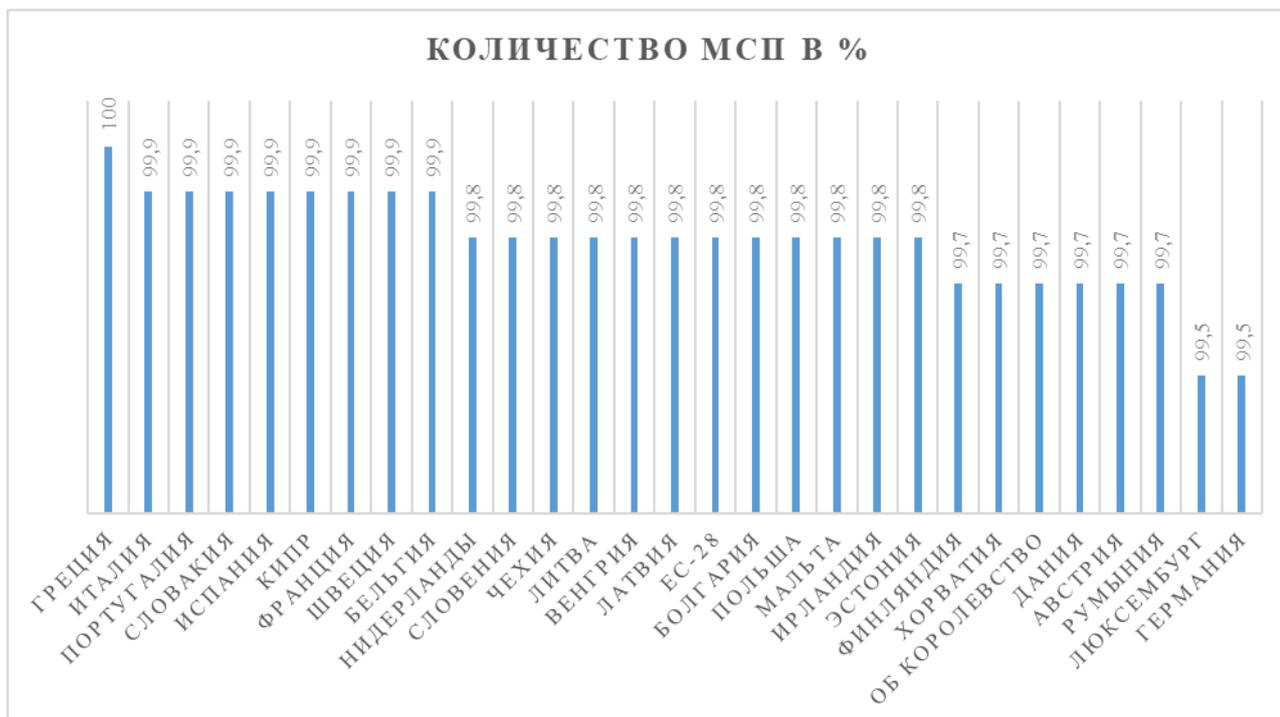

Диаграмма 3: Вклад МСП в НФБС в ЕС-28 в 2017 году - доля занятости МСП в общей занятости НФБС [3].

Диаграмма 4: Вклад МСП в НФБС в ЕС-28 в 2017 году - доля количества МСП в общем количестве НФБС[3].

Основным показателем развития и успешности экономики на сегодня является показатель ВВП (Валовый Внутренний Продукт) [4]. Исследуем зависимость показателя ВВП стран Е-28 и Латвии от показателей развития МСП НФСК этих стран в 2008- 2017г

В таблице4 приводятся показатели ВВП стран Е-28 и Латвии за период с 2008 по 2017 года.

Таблица 4. Показатели ВВП стран Е-28 и Латвии за период 2008-2017 г. (в млн. Евро) [3].

ГЕО/год	2008	2009	2010	2011	2012
ЕС-28	13068352	12313214	12824768	13200058	13465284
	2013	2014	2015	2016	2017
	13579163	14046559	14802199	14908412	15330011
ГЕО/год	2008	2009	2010	2011	2012
Латвия	24355	18749	17789	20202	22058
	2013	2014	2015	2016	2017
	22829	23618	24320	24926	26857

В таблице5 приведены коэффициенты корреляции, полученные в результате корреляционного анализа зависимости ВВП Е-28 от показателей НФС МСП Е-28 в 2008-2017гг.

Таблица5. Коэффициентов корреляции, полученных в результате корреляционного анализа зависимости ВВП Е-28 от показателей НФС МСП Е-28 в 2008-2017гг.

	ВВП Е-28					
	0 - 9	10 - 49	50 - 249	250 +	Все	Все МСП
Число МСП на 1000 населения	0,9661	0,2822	0,0173	0,7485	0,9686	0,9685
Среднее кол-во занятых на МСП	-0,8732	-0,2397	0,7964	0,8185	-0,8039	-0,8597
Добавленная стоимость	0,9464	0,9744	0,9926	0,9925	0,9908	0,9807
Оборот МСП за год	0,9409	0,5517	0,9461	0,9499	0,9837	0,9508

В таблице 6 приведены коэффициенты корреляции, полученные в результате корреляционного анализа зависимости ВВП Латвии от показателей НФБС МСП Латвии в 2008-2017гг.

Таблица 6. Коэффициентов корреляции, полученных в результате корреляционного анализа зависимости ВВП Латвии от показателей НФБС МСП Латвии в 2008-2017гг.

	ВВП Латвия					
	0 - 9	10 - 49	50 - 249	250 +	Все	Все МСП
Число МСП на 1000 населения	0,7225	0,6080	0,7660	0,9072	0,7504	0,7501
Среднее кол-во занятых на МСП	-0,1744	0,7432	0,8964	0,5929	-0,2849	-0,2670
Добавленная стоимость	0,9376	0,9401	0,9839	0,9611	0,9875	0,9833
Оборот МСП за год	0,5571	0,9486	0,7915	0,8381	0,8123	0,8033

Как свидетельствуют данные, в некоторых случаях коэффициентов корреляции наблюдается прямая связь показателей развития ВВП Е-28 от показателей МСП. При этом коэффициенты корреляции характеризуют относительно сильную взаимосвязь показателя развития ВВП Е-28 от показателей развития МСП, отражая очень высокую связь (от 0,9 до 1): 0,9685 – число МСП на 1000 человек населения, 0,9807 – показатель добавленной стоимости МСП, 0,9833 – показатель добавленной стоимости. Чуть меньше – сильную связь (от 0,7 до 0,9): 0,8185 – показатель среднего количества занятых на МСП численностью более 250 человек, 0,7964 – показатель среднего количества занятых на МСП численностью от 49 до 250 человек. Очень высокой связью (0,9508) характерен показатель оборота всех МСП НФБС ЕС-28. Относительно небольшое влияние по сравнению с другими независимыми переменными оказывает показатель числа МСП на 1000 населения в разрезе малых (0,2822) и средних (0,0173) МСП НФБС ЕС-28. В ЕС-28 корреляция по среднему количеству занятых на МСП НФБС и ВВП ЕС-28 сильно отрицательна, что позволяет предположить, что специфичный для ЕС-28 состав населения, в целом, не следует естественному переходу от микро-МСП к малым МСП, а затем к МСП среднего размера.

В Латвии, как составной части ЕС-28, основные тенденции зависимости ВВП от основных показателей развития МСП НФБС естественно сохраняются за небольшими исключениями-особенностями:

- по обороту всех МСП – не очень высокую связь, а сильную (0,8033 против 0,9508);

- большую выраженную зависимость ВВП Латвии по обороту малых (0,9486) против (0,5517) в ЕС-28;
- по показателю числа МСП на 1000 человек населения- меньшую зависимость от микропредприятий (0,7225и 0,9661), и большую от малых и средних (0,6080; 0,7660 и 0,2822; 0,0173) соответственно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVIĻKUMS / CONCLUSION

Таким образом, МСП играют значительную роль в НФБС в ЕС. В 2017 году МСП в ЕС-28 увеличили добавленную стоимость на 4,156 триллиона евро и обеспечили работой 94,8 млн. человек. На долю МСП приходилось две трети общей занятости и 56,8% от общей добавленной стоимости в НФБС. Средняя производительность МСП, измеряемая как добавленная стоимость на одного занятого, составляла 43 900 евро в 2017 году, а средний размер МСП по количеству занятых составил 3,9 человека. Микропредприятия, безусловно, являются наиболее распространенным типом МСП, на долю которого приходится 93,1% всех фирм в НФСК и вносят наибольший процент занятости и добавленной стоимости, соответственно, 29,4% и 20,7%. Все государства-члены ЕС-28, за исключением Великобритании, зафиксировали рост добавленной стоимости МСП в НФСК в 2017 году. Кроме того, все государства-члены ЕС, кроме Литвы, в 2017 году увеличили занятость МСП в НФСК. Увеличение добавленной стоимости МСП и занятость в НФБС были относительно хорошо сбалансированы в основных секторах МСП. Всё возрастающее значение развития МСП ставит его в разряд важнейших задач экономики Евросоюза.

Кроме того, установлена статистически значимая зависимость показателя ВВП от основных показателей развития МСП в странах Е-28, в целом, и Латвии в частности. Характер этих зависимостей даёт почву для составления эконометрических моделей понимания развития

МСП, и что наиболее важно, для прогнозирования развития МСП, путём прогнозирования основных его показателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Commission Recommendation of 6 May 2003 concerning the definition of micro, small, and medium-sized enterprises (2003/361/EC), Official Journal of the European Union, L 124/36, 20 May
2. Eurostat, National Statistical Offices
3. <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu>
4. <http://www.oecd.org/berlin/44681640.pdf>

Personal Data Protection in the of Small and Medium-sized Enterprises

*David Král, Ing., Ph.D.,
vice-rector for strategic development,
Czech Republic, STING Academy,
kral@sting.cz*

ABSTRACT

The paper deals with the issue of protection of personal data according to the GDPR and the risks that are associated with this area. It describes security obligations that entered into force in the area of protection of personal data. Emphasis is placed on an overview of security policies resulting from the GDPR. That is followed by an evaluation of a questionnaire survey and recommendations for the management of risks in the area of personal data protection. The article aims to evaluate compliance with the GDPR in the area under assessment among the enterprises surveyed, and to list possibilities of approach towards risk management for this segment of entities.

Key words: GDPR, risk management, small and medium-sized enterprises.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос защиты персональных данных в соответствии с GDPR и риски, связанные с этой областью. Описаны обязательства по обеспечению безопасности, вступившие в силу в области защиты персональных данных. Особое внимание уделяется обзору политики безопасности в связи с GDPR. В статье приведен анализ анкет и рекомендации по управлению рисками в области защиты персональных данных. Целью статьи является оценка соблюдения GDPR в указанной области обследованными предприятиями, а также перечисление возможностей подхода к управлению рисками для данного сегмента предприятий.

Ключевые слова: GDPR, управление рисками, малые и средние предприятия

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Regulation 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), known as the GDPR, entered into force on 27 April 2016.

The key obligation of controllers and processors is to ensure the security of personal data. In the context of information security policies, it is necessary to maintain the confidentiality, integrity and availability of such data and to apply a risk-based approach, i.e., the higher the risk, the stricter measures are to be taken by the controller or processor of personal data. [3]

Large companies often respond to best practices and introduce them flexibly into their processes. Small and medium-sized enterprises are faced with barriers that make implementation difficult for them. They often do not have sufficient human or material resources. Many organizations are thus not certain whether they process personal data correctly and whether they comply with legal obligations arising from the GDPR.

Qualitative and quantitative research was used for the preparation of the paper. The text analysis method, i.e., available resources dealing with the GDPR, was used for data collection. The questionnaire survey method was used for primary research.

Protection of personal data in accordance with the GDPR

There are several important aspects that should be considered when selecting measures to protect personal data in accordance with the GDPR. Security of data processing is not an isolated obligation in the GDPR. On the contrary, it should be understood in the context of the overall approach to responsibility to protect data, which is based on risk assessment, impact assessment, and the overall context of the processes and procedures in a specific organization.

Technical and organisational measures to protect personal data should match the importance of the risk assessed. The GDPR lays down specific parameters for the protection of personal data, in particular the nature, extent, context and purposes of processing. In this approach, the impact of a possible personal data breach is seen as the most important aspect in risk assessment.

It is not sufficient to only adopt specific security measures to be compliant with the GDPR. The best practice is to introduce a system of information security management to protect the confidentiality, integrity, availability and resilience of personal data. The GDPR evenly covers all aspects of information security, which includes regular testing processes, assessment and evaluation of the effectiveness of the measures adopted.

The GDPR mentions instruments increasing privacy protection and considers pseudonymisation and encryption to be the basic measure to ensure security of personal data. This area is also associated with the provisions in Article 25 of the GDPR [4], which put emphasis on technical measures for the protection of privacy and which instruct the controller to collect only personal data necessary for the given purpose.

Survey among micro-enterprises

47 micro-enterprises participated in the survey. According to EU recommendation (2003/361/EC of 6 May 2003) and the application interpretation of SMEs as drawn up by the Ministry of Industry and Trade and the Office for the Protection of Competition [1], a micro-enterprise is an enterprise that meets the following conditions:

- Number of employees: fewer than 10
- Annual turnover: less than 2 million EUR
- Annual balance sheet total: less than 2 million EUR

The questionnaire survey focused on the issue of protection of personal data (of employees, customers, partners) in four selected areas:

- Personal
- Access rights
- Information about employees
- Documentation

Table 3.1: Results of the survey

	Question	Replies	
		YES	NO
PERSONAL	Do employees use a password management application?	10	37
	Does the IT administrator have access to employees' passwords?	15	32
	Do employees enter their passwords or work with personal data on secured pages (e.g., on mobile devices or from home)?	12	35
	Can printed documents with personal data be freely accessible to external persons (unlocked room, locker, desk)?	7	40

	Do employees transport documents with personal data (e.g., by public transportation)?	14	33
	Do employees transport documents with personal data home where they are not sufficiently secured?	10	37
ACCESS RIGHTS	Are obligations of employees for personal data handling stipulated separately in a non-disclosure agreement?	21	26
	Are obligations of partners (third parties) for personal data handling stipulated separately in a non-disclosure agreement?	26	21
	Have employees who work with personal data received training on work with personal data?	24	23
	Are access rights to electronic systems, if any, removed from employees upon employment termination?	38	9
	Does termination of employment ensure that employees erase local copies of data from their other devices, if applicable?	36	11
	Is every access to systems working with personal data linked to a particular person so it is traceable who logged in and where?	23	24
EMPLOYEE DATA	Are photographs or videos of employees taken for marketing purposes and can employees refuse without any recourse?	18	29
	Do only authorised persons (e.g., accountant, HR representative, owner) have access to employee files?	42	5
	Are employee data shared with other companies?	11	36
	Are employee's personal data erased after a reasonable period following employment termination except information mandatory by law?	35	12
DOCUMENTATION	Are printed documents in a lockable cabinet or room and do only authorised persons have access to the keys?	38	9
	Are documents disposed of after the expiry of time limits for archiving?	37	10
	Are there guidelines for handling personal data containing procedures for dealing with rights of the persons concerned?	12	35
	Are there records of training carried out of employees for work with personal data?	21	26

Source: own processing

A medium-level security was found in the area of personal security, which applies to the policy and access to passwords, policy and handling of personal data during work with mobile devices and outside the office. Problematic issues are especially password management and work with mobile devices, which is of high risk in many subjects.

In the area of security of access rights, which applies to the policy and access to contractual agreements regarding confidentiality of employees and third parties, trainings for employees in the area of protection of personal data and the policy for access rights to the entity's electronic systems, a medium to high level of security was found. An acceptable level of protection of personal data was found in the process of employment termination and the subsequent removal of access rights and loss of access to data on all devices.

In the area of security of employee data, which applies to the protection, sharing and disposal of personal data of employees, the entities surveyed show largely a high level of security. The only problematic area is employees' consent with the use of their photographs and videos for marketing purposes. Approximately two-thirds of the polled subjects state that employees are not familiar with such use or asked for consent.

In the area of security of documentation, which contains the issue of procedures for the creation, storage and disposal of documents, a medium to high level of security was found among the surveyed entities. The

situation is worse in the area of existence of guidelines for personal data handling that would contain procedures for dealing with rights of natural persons.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

In the standard conception of risks, the severity of a risk is determined based on its possible impacts on the company. In the case of personal data processing, impacts under the GDPR are considered with regard to the rights and freedoms of natural persons. That is a significant difference because an impact analysis must focus on possible adverse effects that may affect natural persons. In performing the analysis, one has to assess whether the measure used is relevant. The impact is high although it causes serious adverse effect for one natural person only.

In the area of risk management for personal data protection, it is especially important to define the overall framework of processing (i.e., the categories of personal data, the purpose of processing, authorised users, etc.), which will then support the identification of possible threats and risks based on the impact on natural persons. Appropriate technical and organisational measures should be adopted considering the specificities of the area of personal data protection.

One of the possibilities for small and medium-sized enterprises to demonstrate compliance with the GDPR is certification (in the Czech Republic, the certification authority is the Czech Accreditation Institute). The GDPR, in its Article 42, provides for the establishment of data protection certification mechanisms and of data protection seals and marks for the purpose of demonstrating compliance with the GDPR. It states that the specific needs of micro, small and medium-sized enterprises shall be taken into account. It can be an interesting way for this segment of entities as they rely, to a growing extent, on technologies, products and services of third parties, and compliance with the GDPR requirements may constitute a guarantee for these partners and at the same time a competitive advantage.

Affiliation

The paper has been created as one of the outputs of the research project named „Implementace Obecného nařízení o ochraně osobních údajů v MSP“ (*Implementation of the General Data Protection Regulation in SMEs*) in the area IGA_AS_03_08, supported by the STING ACADEMY internal grant agency.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

Aplikační výklad pro vymezení pojmů drobný, malý a střední podnikatel a postupů pro zařazování podnikatelů do jednotlivých kategorií. Czechinvest: Agentura pro podporu podnikání a investic [online]. 2014 [cit. 2018-10-24]. Dostupné z: <http://www.czechinvest.org/data/files/definice-maleho-a-stredniho-podniku-2-1112.pdf>

Definice malého a středního podnikatele. Czechinvest: Agentura pro podporu podnikání a investic [online]. c1994-2017 [cit. 2017-10-25]. Dostupné z: <http://www.czechinvest.org/definice-msp>.

Guidelines for SMEs on the security of personal data processing. ENISA. European union agency for network and information security [online]. 2016 [cit. 2018-10-22]. Dostupné z: <https://www.enisa.europa.eu/publications/guidelines-for-smes-on-the-security-of-personal-data-processing>. ISBN 978-92-9204-209-7.

Nařízení EU č. 2016/679, o ochraně fyzických osob v souvislosti se zpracováním osobních údajů a o volném pohybu těchto údajů a o zrušení směrnice 95/46/ES (obecné nařízení o ochraně osobních údajů), In: eur-lex.europa.eu [online]. © Evropská unie, <http://eur-lex.europa.eu/>, 1998-2018. [cit. 2018-10 18]. Dostupné z: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/CS/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&from=EN>

Směrnice Evropského parlamentu a Rady 95/46 ze dne 24. října 1995 o ochraně fyzických osob v souvislosti se zpracováním osobních údajů a o volném pohybu těchto údajů. Úřední věstník EU, L 281, 23.11.1995. [online]. 1995 [cit. 2018-10-24]. Dostupné z: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=DD:13:15:31995L0046:CS:PDF>.

Úřad pro ochranu osobních údajů, Povinnost provádět posouzení vlivu na ochranu osobních údajů, [online]. © Praha 2013-2018, [cit. 23. 6. 2018]. Dostupné z <https://www.uoou.cz/k-povinnosti-provadet-posouzeni-vlivu-na-ochranu-osobnich-udaju-dpia>.

Zpráva o vývoji malého a středního podnikání a jeho podpoře v roce 2017. Ministerstvo průmyslu a obchodu [online]. 2018 [cit. 2018-10-24]. Dostupné z: <https://www.komora.cz/legislation/78-18-zprava-o-vyvoji-maleho-a-stredniho-podnikani-a-jeho-podpore-v-roce-2017-t-30-7-2018/>.

A Case Study of Modern E-Commerce Techniques and their Application for Aggregate Service Distribution in the Latvian Rural Tourism Sector

Kristīna Mahareva,

Doctoral programme "Regional economics and economic policy"

Baltic International Academy, Riga, Latvia

ABSTRACT

The paper estimates the rural tourism's condition as extremely unsatisfactory and highlights the necessity to devise new means of its promotion represented as e-commerce techniques applied for customer service in travel business. These techniques are carefully considered regarding their application in the Latvian market. The work develops the author's lately justified idea of aggregating local, as well as rural, tourism services and their distribution on the international market of air-passenger transport services.

Keywords: rural tourism, aggregator, ancillary services, air-passenger transport, global distribution.

АННОТАЦИЯ

Выявлено крайне неудовлетворительное состояние ruraltourismi обозначена проблема необходимости разработки новых способов его развития в виде методов электронной коммерции при работе с клиентами в сфере путешествий и туризма. Проведен анализ этих методов и их применимость в Латвии. Развитаранее обоснованная авторомидеяагрегирования региональных туристических услуг, в том числе услуг сельского туризма, и их дистрибуции на мировом рынке услуг пассажирского воздушного транспорта.

Ключевые слова: сельский туризм, агрегатор, дополнительные услуги, пассажирский воздушный транспорт, глобальная дистрибуция.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The development of Latvian rural tourism is domestically prioritized, as stated in corresponding decision documents and national development programs [1, 2], as well as various Latvian associations' projects and business plans [3, 4]. The directive decisions being made and adopted sustainability plans prove to be quite reasonable, but for the two points listed below:

- 1) each successive stage of rural infrastructure development and newly compiled guidance of the kindinvolve almost similar, repeatedly taken measures;
- 2) according to the official statistics, rural tourism is decaying.

The mentioned factors demonstrate the need for fresh approaches to the problem. Early the year 2010 the conducted survey revealed that the international and, especially, European travel business [5] was undergoing changes, among which we can point out the following ones:

- an increasing number of e-commerce applications in tourism;
- customer-focused approach;
- customization.

In modern travel services market these approaches are based on marketing and e-commerce customer-focused strategies. However, the outlined changes and approaches are not observed in Latvian rural tourism yet. This can be explained by rural tourism establishments' financial "weakness" and the lack of qualified employees "familiar" with e-commerce strategies.

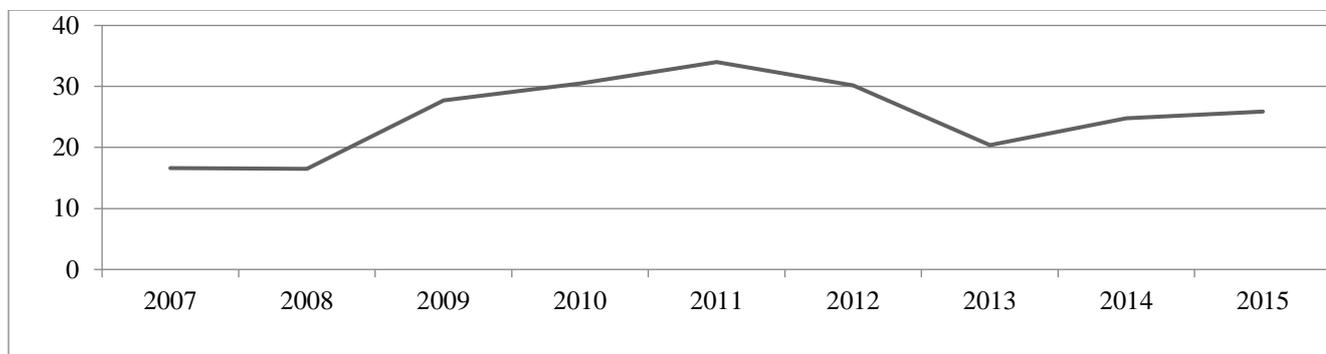
One of potential e-commerce growth options in Latvian rural tourism is ensuring an aggregate distribution of various establishments' services. This development trend rests upon the regional aggregator (RA) paradigm borrowed from the air transport system [6] and considered by the author with reference to service distribution in Latvian inbound and outbound tourism [7-9].

Hereafter the paper examines modern e-commerce techniques for customer service and the possibility of their adjustment to the rising rural tourism market in Latvia.

I. Insight into modern e-commerce techniques for customer service in travel business

The poor business performance of Latvian rural tourism is demonstrated by the official statistics on rural tourism establishments (sections TUG06 in [10] and paragraph 2.1 in [11]). The data is represented as diagrams in Fig. 1-4. Such establishments include public and private holiday accommodation, particularly guesthouses, holiday dwellings, rural houses, camping grounds, etc.

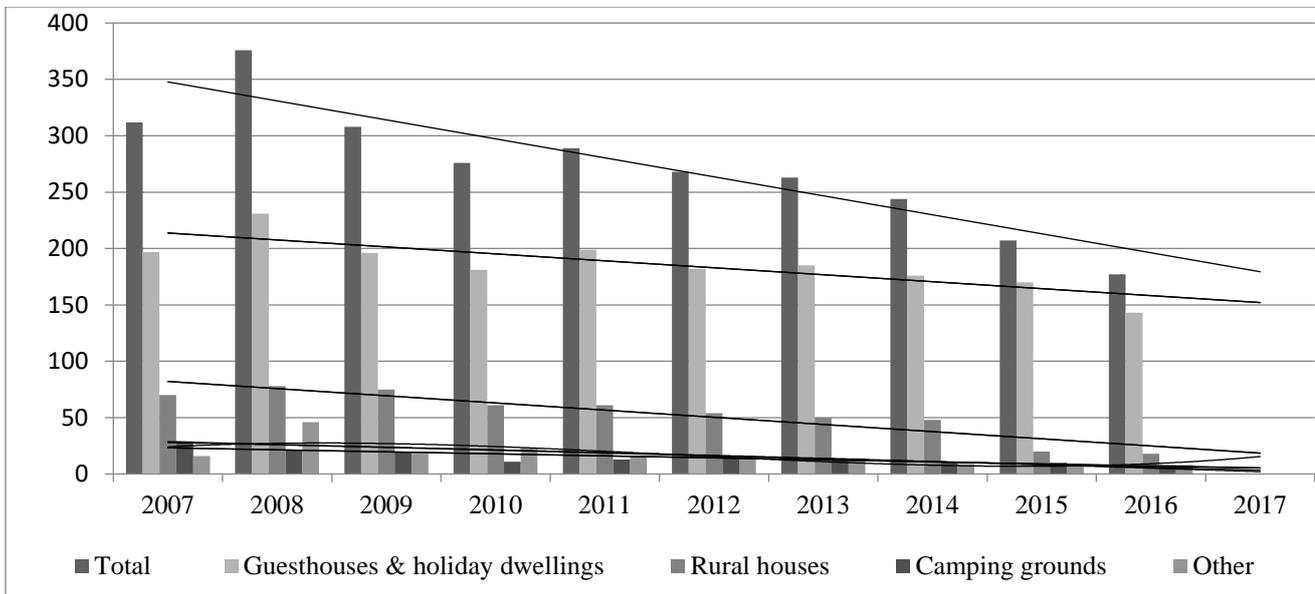
Within the study's framework the author performed calculations of annual bed-night occupancy in rural tourism establishments. The obtained data are plotted on the graph in Fig. 1 by dividing the original statistical data "Gultasvietuskaitis" into "Mītņuskaitis" from the mentioned table TUG06 presenting the year-ending data (gadabeigās). We can see on this graph that the average annual bed space in these establishments varies from 16 to 34, and over the period from 2007 and 2015 their average number equals 25.

The official statistics depicted by the author as a graph.

Fig. 1. The graphs showing fluctuations in the average bed space number per rural tourism establishment

Fig. 2 presents a diagram of fluctuations in the number of rural tourism establishments providing accommodation of various types over the period of 2007-2016.

This self-drawn diagram is based on official statistics. Approximation made by the researcher.

Fig. 2. The number of rural tourism accommodation establishments

The statistical data approximation depicted in Fig. 2 using the "Trendline Excel" tools reflects the dependencies with a high determination coefficient R^2 , shown in Table 1.

Table 1.

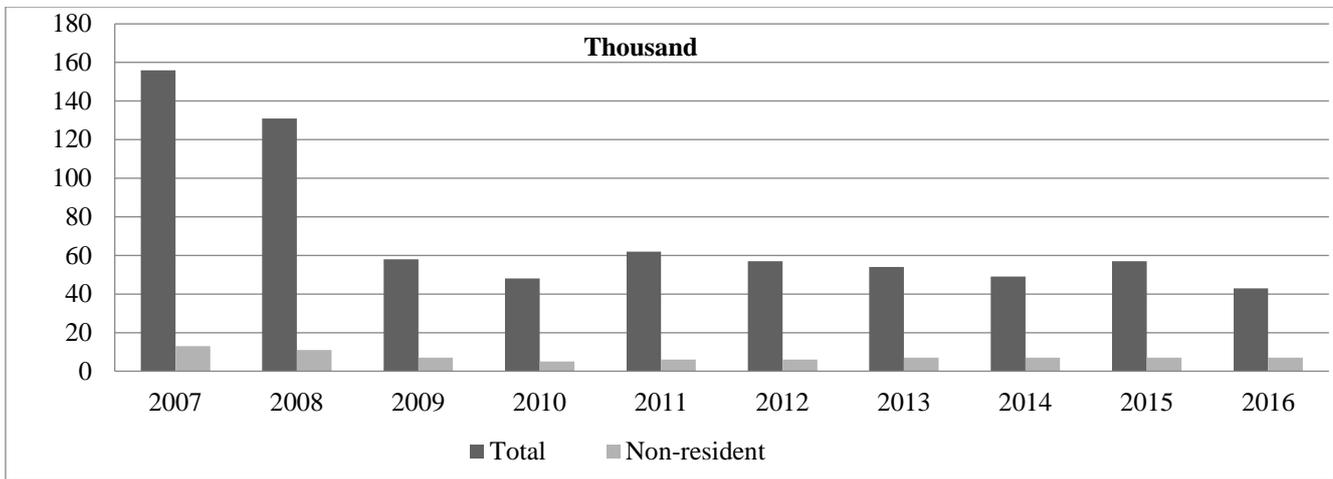
The dependence pattern approximating the inter-temporal changes of the average bed number in accommodation establishments

Indicators	Trendline	
Total	$Y = 364.6 - 16.836 X$	$R^2 = 0.8308$
Guesthouses & holiday dwellings	$Y = 219.93 - 6.1697 X$	$R^2 = 0.6736$
Rural houses	$Y = 88.467 - 6.357 X$	$R^2 = 0.8611$
Camping grounds	$Y = 25 - 1.7818 X$	$R^2 = 0.7284$
Other	$Y = 16.467 + 10.024 X - 2.6735 X^2 + 0.1562 X^3$	$R^2 = 0.5328$

The researcher's self-drawn table.

Basically, the diagram in Fig. 2 approximating the equations and its extrapolation to get the predicted data of 2017 reflects a downward trend in the number of not only rural tourism establishments, but also certain categories (guesthouses and holiday dwellings, rural houses, camping grounds), apart from establishments titled as 'other'. The reason is the extrapolation for the year 2017 with the determination factor $R^2 = 0.5328$ indicates a potential slow growth in this accommodation category, but such establishments are very few and that does not change the pessimistic state of things.

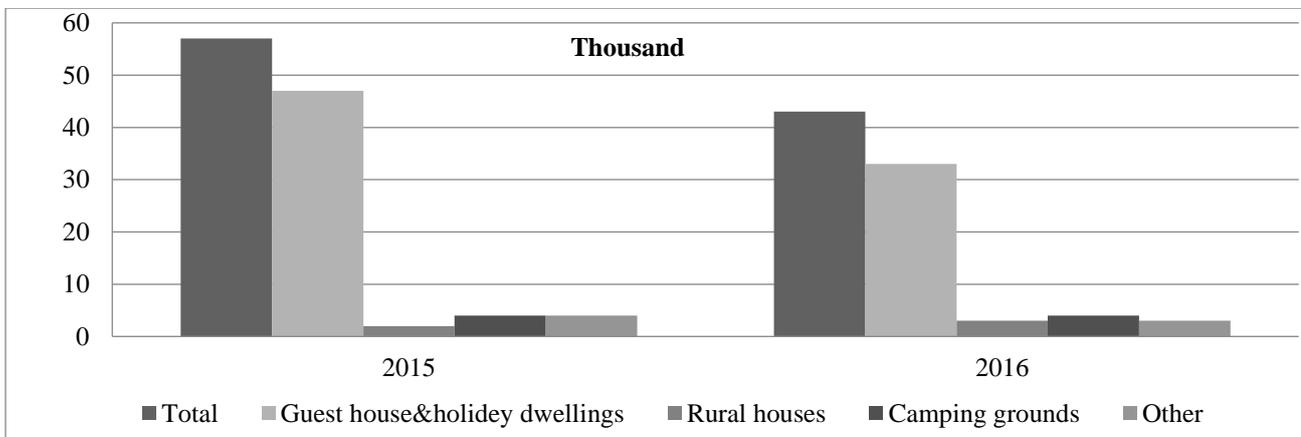
Fig. 3 and 4 correspondingly represent diagrams showing the changes in the number of non-resident guests in rural tourism accommodation establishments and the guest number in those of special categories.

Self-drawn diagram on the base of the obtained statistics.

Fig. 3. Changes in the number of guests, including non-residents, in rural tourism accommodation establishments

Fig. 3 illustrates an irrecoverable loss suffered by the Latvian rural tourism market over the fiscal year of 2009, after which it did not manage to recover fully. The average annual number of rural tourists has not merely changed recently and runs up to 50 000 per year, that is 140 per day, which is even less than 1 person daily per accommodation establishment. It is self-evident that the room occupancy in such establishments is low. It should also be noted that most tourists seek accommodation in guest houses and holiday dwellings.

Self-drawn diagram based on the official statistics.

Fig. 4. The number of guests in rural tourism accommodation establishments of various categories

The conducted analysis of the diagrams in Fig. 1-4 allows to conclude that Latvian rural tourism is in distress, which is proved by the following factors:

- the number of rural tourism accommodation establishments progressively decreases every year, especially due to the growing business of guesthouses, holiday dwellings and rural houses;
- the total number of remained rural houses, camping grounds and other is very limited;
- the downward trend over the period of 2007-2016 shows not only the number of rural tourism accommodation establishments, but also the number of guests served;

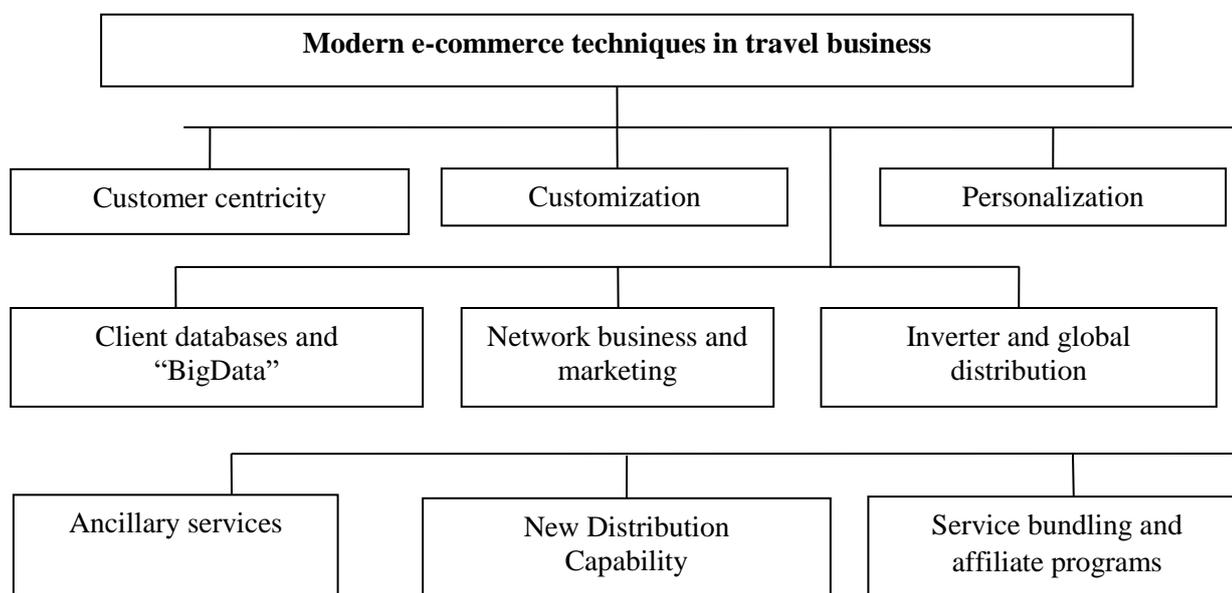
- indicators of rural tourism accommodation establishments are practically not influenced by the number of non-residents being served, as their annual number amounts to 7 000 (since 2013), which makes only 16% of the guest over flow to rural tourism establishments.

Considering all the mentioned above, the measures taken by national and local authorities for rural tourism development prove to be inefficient.

I. Modern e-commerce techniques for customer service in travel business

“Forward-thinking” service suppliers in travel market exploit all the disposable and publicly available data to find out the customer demand, promote sales and ensure clients’ fidelity. To achieve this goal, companies use customer-friendly methods and market-speaks based on information and communication technologies (ICT). That helps to attract customers influencing their behavior at all stages of order processing: starting with providing access to their data resource, preparing and modifying offers, which would fully satisfy the client, and finishing with marketing the chosen services or service packages.

Let us single out the key e-commerce methods, patterns and new techniques for customer service, which are widely used in air transport in cooperation with travel business and represent them as a flowchart (Fig. 5).

Resource: a self-drawn flowchart

Fig. 5. Layout of the main e-commerce approaches/techniques for customer service in travel business

Let us briefly analyze the techniques given in Fig. 5.

Customer centricity – is an e-commerce approach implying that tourism service suppliers’ focus lies on customers, products and their cost, regarding certain market segments [12]. It should be noted though, that this approach is very rarely used by service suppliers.

Customization – generally speaking, this technique serves to have a product modified in compliance with the customer’s individual requirements [13]. Market researchers tend to use these terms as synonyms, but, from our point of view, they should be differentiated. As for the sphere in question, customization can be defined as an approach, where the central focus is placed on the customers’ needs in a certain segment of travel and tourism market with the aid of the same strategies and patterns applied to other customers in the segment. In this case, the customization procedure centres around the exact customer in the given segment, rather than a group of customers with certain preferences (in case of customer centricity). Theoretically, service suppliers should provide highly personalized services. That means that offers should be largely differentiated

according to the customer's requirements imposed on the aggregated service in travel and tourism market, consumer wants, demand on the service package transparency, as well as grant the clients an opportunity to compare that with similar ones whenever appropriate.

Meeting the given segment customers' requirements on the individual basis by creating their personal profiles⁵ is called *personalization*. The clients' profiles are compiled by a service supplier in the archive storage on the sales data ground, loyalty campaigns, bonus programs, etc. However, sales archives allow to bring out the preferences of solely those customers, who have once resorted to this or that supplier's services, whereas the obtained data do not offer a full picture.

To fill in the existing customers' profiles fully, as well as to unveil new clients' ones, companies have recently started to widely use "*Big Data*"⁶, that is data received from various available resources: mobile cloud space and social networks, like Facebook and Twitter; web search engines, like Google; loyalty programs; web portals, etc.

Methods of operation and possibilities of "*Big Data*" usage are carefully considered in the report [14]. It should be noted, that "*Big Data*" usage became possible only a decade ago thanks to modern computers' nearly limitless capacity in terms of both production and storage space. "*Big Data*", along with other sources of information about clients, are exploited to create and maintain service providers' corresponding databases acting a significant role in service improvement, marketing and revenue management; creation of "*passengers' profiles*", that is customer databases comprising their preferences; transformation of the accumulated data into recommendations to customers.

Network business and marketing are based on the usage of the Internet and information systems to ensure interaction between customers and services providers, mainly online. Network marketing (also web-marketing, conversational marketing) is a form of direct communication between providers and consumers as a customized dialogue online [15]. Network marketing includes digital advertising, techniques of customers retaining at the provider's website, means of compiling a regular customer audience and methods of acquiring secondary information through web search engines.

Inverter and global distribution of travel and tourism services is grounded on inverter Computer Reservation Systems (CRS) in air transport, Hotel Reservation System (HRS) in hotel business and Global Distribution System (GDS) on the global market of travel and tourism services [16]. Inverter CRS, HRS are systems for direct distribution of providers' services. They contain tools to store the service content and service resource, to manage the content and resource, to search and issue the required resource while booking and selling. GDS accumulate, run and provide the network of international travel agents with the aggregated content (assembling the data about all major airline carriers, hotels, car rental companies, cruise and tour operators, etc.) for marketing suppliers' services via multilevel channels. In Baltic states the major volume of travel and tourism service sales is managed via GDS "*Amadeus*", whose regional office is in Riga.

Over recent years *the international air transport market has witnessed a widespread introduction of ancillary services (AS)*, which are provided exclusively at a charge and remain an important source of gaining extra revenue by airline carriers [8]. AS reservation technologies are regulated by IATA's standards (International Air Transport Association). The leading world air companies' revenues run to billions of dollars. A special place is held by low-cost airlines, whose income share regarding this criterion accounts for 25%. For instance, low-coster "*Ryanair*" conducting flights to Latvia is listed among top-10 air companies by this criterion. In this list of ten an average AS cost per passenger varies from \$30 to \$50 (as provided by low-costers Wizz and Air Spirit correspondingly) and from \$38 to \$44 (for traditional companies Korean Air and United Air) [17]. The websites of airline companies, especially low-costers, ever more resemble those of supermarkets. A common example of an air carrier rendering a wide range of aviation and non-aviation AS

⁵In compliance with legislative acts on data protection, and only if passengers provide the relevant information about themselves and desire to be "recognized" when placing new orders.

⁶The term "*Big Data*" was introduced by Clifford Lynch, Nature's editor, in 2008's special issue titled as "*Big Data: Science in the Petabyte Era*" containing the editor's summary "*What Big Data sets mean for contemporary science?*".

is Air Baltic, whose website promotes numerous ancillary services, which are charged in excess of the passenger carriage cost (fare on the ticket).

The existing software tools for reservation do not fully ensure online aggregation of a wide variety of aviation and travel services in a bundle and price comparison in different packages. The client may only compare the prices of aviation services (air carriage) granted by various air companies on the required itinerary, but not those of service packages. To solve the problem, IATA (Air International Transport Association) adopted Resolution 787 approving the launch of the model (eventually, the system) *New Distribution Capability* (NDC) [18]. It is mainly aimed at maintaining service aggregation in packages, as well as offering multifold possibilities for customer centricity, customization and service personalization. The model's operating principle is described in [19]. And here we should point out that this model was fully elaborated only by 2007 with its separate fragments implemented by no more than dozens of air companies, including Air Baltic.

A crucial participant in the NDC model is "Aggregator" not taking part in the existing stages of service booking. The aggregator's role in the NDC model may be performed by one of the operating global GDS, like "Amadeus", or independent international and regional aggregators, that is information and technological companies having the features determined by the relevant IT usage:

- forwarding customers' search requests to AS providers and accumulate responses;
- possessing enhanced capabilities to demonstrate various AS providers' offers to travel agents and customers.

The presence of a regional aggregator (RA) is highly important for local markets. Therefore, it becomes possible to combine air carriages with regional providers' non-aviation AS (e.g. those in Latvian rural tourism) in one package and put them on the global market.

AS packaging on the base of existing IT for booking and marketing is carried out using the software tools of air companies getting the needed content from GDS, or by CDS themselves. Regional AS packaging should be an RA's additional function, in other words RA should, in fact, fulfill the functions of an IT online provider of statically or dynamically formed regional packages, where regional AS are combined with air carriages. In general, such methods of regional AS packaging through the mediation of an RA may form the ground for affiliate programs uniting service providers and air companies. That guarantees business cooperation of entrepreneurs through formulating general terms of business in transport domain, hotel industry, entertainment sphere, telecommunications industry and regional market infrastructure (banks, audit, insurance, consultations), etc.

The conducted analysis of e-commerce techniques for customer service in Latvian travel business allowed to focus on very important aspects summarized below.

The significance of applying the mentioned e-commerce techniques for customer service is evident. They turn out to be even more valuable, as they remain pioneer for both Latvian travel business and rural tourism, in particular.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

1. In total, the absence of online access to Latvian suppliers' rural tourism services on the global and domestic market are brought about by:

- information and technology causes lying in the absence of proprietary systems and other software for online service booking, which include tools for service aggregation and their further global distribution, resembling NDC IATA;
- financial factors residing in a relatively high cost for service distribution via GDS;
- personnel problems caused by the lack of developers specializing in relevant tasks specification and programming for service aggregation and their global distribution within the NDC framework.

2. The creation of RA, as a system for putting Latvian regional AS on the global and internal market, should become a primary objective of state administrative bodies, self-governing authorities, as well as associations for Latvian regional development, travel and tourism

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Latvijas tūrisma aattīstības pamatnostādnes 2014-2020.gadam (informatīvā daļa) [tiešsaiste] Ekonomikas Ministrijas mājas lapa.[atsauce 27.01.2014]
2. Sustainable Development Strategy of Latvia until 2030.
www.varam.gov.lv/in_site/tools/download.php?file=files/text/documenti/pol_//LIAS_2030_parluks_en.pdf
3. LaukuCeļotājs. Pārskats par Ilgtspējīga Lauku Tūrisma Attīstību Latvijā. 2006, Lauku tūrisma naktsmītnes.[tiešsaiste]. Lauku Ceļotāja mājas lapa. [atsauce 14.11.2013.].
4. Pieejas veids: http://www.celotajs.lv/cont/cntr/accomm/country_lv.html, „Zaļais sertifikāts”. [tiešsaiste] Vides aizsardzības un reģionālās attīstības ministrija.[atsauce 27.01.2014.]
5. Latvijas tūrisma mārketinga stratēģija 2010.-2015.gadam.Apstiprināta 2010.gada 16.martā. Tūrisma attīstības valsts aģentūra Rīga. https://www.em.gov.lv/files/turisms/PPD_3.pdf
6. Hoyles Y. IATA-led Simplifying the Business (StB). New distribution capability (NDC). Building airline retailing. IATA, Geneva, October 2014 r. [Electronic source]. – Access mode: <http://www.iata.org/whatwedo/airline-distribution/ndc/Pages/default.aspx>
7. Mahareva K. (2016) The NDC model-based aggregation strategies on specific ancillary services offered by Latvian providers to air transport passenger. V International Scientific and Practical Proceedings. «The Transformation Process of Law, The Regional Economy and Economic Police: The Relevant Economic and Political and Legal Issues». 9 December 2016, Riga, Latvia, Baltijas International Academy, pp 188-195, ISBN 978-9984-47-143-3
8. Mahareva K. (2017) On the concept of the regional market of ancillary services for passenger of international carriers. VI International Scientific and Practical Proceedings. «The Transformation Process of Law, The Regional Economy and Economic Police: The Relevant Economic and Political and Legal Issues». 9 December 2016, Riga, Latvia, Baltijas International Academy, pp. 288-297, ISBN 978-9984-47-143-3.
9. Mahareva K. Evaluating Possibilities of Regional Tourism Services in the Air-passenger Transport Global Market (A Case Study of Latvian Market). Universal Journal of Management 6(5): 148-154, 2018 <http://www.hrpub.org> DOI: 10.13189/ujm.2018.060502
10. Electronic source]. – Access mode: http://data.csb.gov.lv/pxweb/lv/transp/transp__ikgad__turisms/TU0010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=cdbc978c-22b0-416a-aacc-aa650d3e2ce0. Retrieved 01 February 2018
11. Tourism in Latvia 2017. Collection of Statistics. [Electronic source]. – Access mode: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/nr_28_turisms_latvija_2017_17_00__lv_en.pdf. Retrieved 01 Mart 2018
12. Kotler Ph. Marketing Essential. Prentice Hall. 1984, ISBN 0-13-557232-0
13. The Oxford English Reference Dictionary. Second Edition. Edited by Pearsall J., Trumble B. Oxford New York, Oxford University Press, 1996. ISBN 019860046-1 Plan Edition, ISBN 019860030-X Trumb Index Edition
14. Gus Hunt I. CSI - big tasks and big data. Towards a global information cap. Conference: GigaOM Structure: Data. 2013.20.03, New York
15. Kotler Ph. Marketing Essential. Prentice Hall. 1984, ISBN 0-13-557232-0
16. Mahareva K., Maharevs E. (2008) *Reservation and sales transportation*. Tutorial (in Russian). Transporta un Sakaru Instituts. Rīga, ISBN 978-9984-818-09-02, 292 p.
17. [Electronic source]. – Access mode: <https://www.tnooz.com/article/airline-ancillary-revenue-ideaworks-2015/> Retrieved 25 March 2018
18. [Electronic source]. – Access mode: <https://www.iata.org/whatwedo/airline-distribution/ndc/Documents/ndc-resolution-787.pdf> Retrieved 25 March 2018

19. HoylesY. IATA-ledSimplifyingtheBusiness (StB). New distribution capability (NDC). Building airline retailing. IATA, Geneva, October 2014 r. [Electronic source]. – Access mode: [http://www.iata.org/whatwedo/airline- distribution/ndc/Pages/default.aspx/](http://www.iata.org/whatwedo/airline-distribution/ndc/Pages/default.aspx/) Retrieved25 March 2018

СЦЕНАРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Валерий Никифоров,

проф., хаб. доктор философии

Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия,

vnikiforov&bsa.edu.lv,

Никита Никифоров,

доцент, доктор политологии

Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия

info&bsa.edu.lv

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены пять возможных сценариев трансформации экономики Латвийской республики в постсоветский период: 1) замена специализации производства республик Советского союза интеграцией в западноевропейскую экономику; 2) мост между Западом и Востоком; 3) построение полного экономического цикла; 4) иностранные инвестиции как основа экономики; 5) интеграция в мировую экономику. Сформулированы необходимые условия и возможные препятствия на путях реализации данных сценариев.

Ключевые слова: глобальный рейтинг; эффективность законодательства; бюрократический произвол; торговый оборот; интеллектуальный потенциал.

ABSTRACT

The article deals with five possible blueprints for transformation of the economy in the Latvian Republic during the post-Soviet period: 1) specialization in production in the Soviet Union republics was replaced by integration into Western European economy; 2) a bridge between West and East; 3) the completion of full economic cycle; 4) foreign investments as a basis of economy; 5) integration into the world economy. The author has also formulated first-order conditions and possible pitfalls for the implementation of the above-mentioned blueprints.

Key words: global rating; efficient legislation; bureaucratic lawlessness; trade turnover; intellectual capital

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Прибалтийские республики первыми в Советском союзе продемонстрировали настойчивое стремление к национальной независимости и социально-экономической трансформации. Хотя их независимость была признана в 1991 году, создавать самостоятельную национальную экономику они начали еще раньше – Верховный Совет СССР принял закон об экономической самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии 27 ноября 1989 г. [2].

В 2000-е годы до начала экономического кризиса 2009 года экономика Латвии существенно и стабильно поднималась, так, например, в 2006 году на 12,6%; в 2007 году на 10,3%). Однако, экономический кризис и ухудшение отношений с Россией привели к существенному снижению экономического роста республики:

В последние годы последствия кризиса преодолены:

Таблица 1. Динамика изменения Валового Внутреннего Продукта (ВВП) Латвии с 2009-2016 г.г.

Годы	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Рост ВВП %	-18,0	-0,3	5,5	5,2	4,2	2,0	2,7	2,5

Источник: [CIAWorld Factbook http://www.ereport.ru/stat.phprazdel=country&count=latvia&table=ggecia](http://www.ereport.ru/stat.phprazdel=country&count=latvia&table=ggecia) [5].

В 2017 году ВВП Латвии увеличился на 4,5%, что стало самым большим приростом за последние шесть лет (Источник: [Центральное статистическое управление](#) Латвии [4]).

В опубликованном МВФ отчете о развитии мировой экономики (World Economic Outlook) прогнозируется, что рост экономики Латвии в 2018 году составит 3,7%, а в 2019 году – 3,3%. Среди стран Балтии такого же роста ВВП, как в Латвии, МВФ в этом году ожидает и в Эстонии – 3,7%. В следующем году рост ВВП Эстонии составит 3,2%, а вот ВВП Литвы должен вырасти на 3,5%, а в 2019 – на 2,9% / [6].

Однако, наряду с позитивным ростом ВВП и некоторых других показателей экономического развития Прибалтийских республик, имеют место и устойчивые негативные тенденции, прежде всего – сокращение численности населения республик, основной составляющей которого является экономическая эмиграция. И хотя численность населения является исходным базисным показателем при анализе социально-экономической ситуации любой страны мира, разные официальные и неофициальные источники приводят весьма разные цифры динамики населения Прибалтийских республик в последние десятилетия. Например такие: Латвия 1990 г. - 2,65 млн., 2014 - 1,99 млн.. потери - 25% населения; Литва 1990 год - 3,7 млн., 2014 - 2,9 млн., потери - 20%; Эстония 1990 г. - 1,7 млн., 2014 - 1,3 млн., потери - 25%. [3].

Можно спорить о точности конкретных данных, но наличие сокращения населения Прибалтийских республик является устойчивой негативной тенденцией. Так, население Латвии по оценке на 1 мая 2018 года составляет: 1 923 500 человек. Фактически это означает, что по численности населения Латвия вернулась на уровень 1950 года.

Представляется, что изложенного достаточно для осознания необходимости вернуться в дискуссиям 80-х годов уже прошедшего столетия о возможных сценариях экономической трансформации.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Представляется, что главной причиной упадка экономики постсоветских республик является то, что в Советском союзе существовала достаточно ярко выраженная система специализации республик, в которой экономика каждой республики имела преобладающую специализацию: Украина – металлургия и угледобыча; Беларусь-машиностроение и с\х производство; Латвия - вагоностроение и радиопромышленность. Но достаточно комплексной и полной была лишь экономическая система союза в целом. Причем и эта полнота была относительной – многое необходимое импортировалось и, прежде всего, ИТ – оборудование и технологии.

В глобальном рейтинге конкурентоспособности 2017–2018, опубликованном Всемирным экономическим форумом, Латвия потеряла пять позиций и опустилась с 49 места в мире на 54–е. Литва в этом году признана 41–й самой конкурентоспособной страной мира, что на шесть позиций ниже, чем в прошлом году. Эстония же показала прогресс: с 30–го места переместилась на 29–е. Первое место в рейтинге заняла Швейцария. Второе и третье — США и Сингапур [1].

По мнению ряда экспертов «В период до 2025 года положение стран Прибалтики будет ухудшаться. Экономика будет стагнировать, а уровень жизни постепенно снижаться. Это будет следствием разрушения собственной промышленности, потери рынков в России, сокращения транзитных перевозок из стран СНГ, а также уменьшением дотаций из бюджета Евросоюза. Продолжится эмиграция наиболее работоспособной и активной части населения за рубеж. Как следствие, численность населения государств Прибалтики будет неуклонно снижаться. В Эстонии и Латвии сохранится этническая напряженность между русскими общинами и титульным населением» [8].

Премьер-министр Латвии Марис Кучинскис, выступая 27 апреля 2018 г. в рамках программы Дней предпринимателей в Земгале заявил, что **происходящие** на данный момент процессы в латвийской экономике заставляют местный бизнес "заново оценить свою деятельность", чтобы развиваться дальше [7].

Представляется, что уже недостаточно только прислушиваться – необходимо разрабатывать хотя бы эскизные сценарии более успешной трансформации экономики Латвии.

Таблица 2. Сценарии трансформации экономики Латвии в постсоветский период

СЦЕНАРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ	
Необходимые условия реализации	Препятствия реализации
Сценарий 1. Мост между Западом и Востоком	
- экономически ориентированная политика (ЭОП) - равнозначные партнерские отношения со всеми сторонами сотрудничества (РПО) - оптимизация системы заградительных пошлин (СЗП) - развитие морского, железнодорожного, автомобильного и др. видов транзитного транспорта (РТТ) - высокий уровень развития информационных технологий (ИТ) - снижение доли теневой экономики (ТЭ)	- примат политических устремлений над экономическими интересами (ППЭ) - отсутствие доброжелательных взаимоотношений с восточными партнерами (ВВП) - санкционные войны (СВ) - запреты и квоты на импорт отдельных товаров (ЗКТ) - высокий уровень нелегальной торговли (НТ) - бюрократический произвол (БП) - недостаточные средства на науку и образование (СНО)
Сценарий 2. Латвия как северная Швейцария	
- экономически ориентированная политика (ЭОП) - эффективное администрирование (ЭА) - сильный и хорошо контролируемый финансовый сектор (ФС) - равнозначные партнерские отношения со всеми сторонами сотрудничества (РПО) - прозрачность финансового сектора (ПФС) - высокая степень защищенности инвестиций и собственности (ЗИС) - высокий уровень развития информационных технологий (ИТ)	- примат политических целей над экономическими интересами (ППЭ) - недружественные отношения с Российской федерацией (ОРФ) - высокая степень финансовых рисков (ФР) - дефицит достоверной информации о перспективности инвестиций (ДДИ) - низкая степень адекватности описания экономических реалий в СМИ (ОЭР) - имидж низкой инвестиционной привлекательности (НИП) - санкционные войны (СВ)

- контроль легальности происхождения капиталов (КЛК) - низкий уровень коррупции (НУК) - стабильный политическое положение (СПП)	- бюрократический произвол (БП) - несоразмерный популизм (НП)
Сценарий 3. Замена специализации производства социалистических республик интеграцией в западноевропейскую экономику	
- экономически ориентированная политика (ЭОП) - увеличение торгового оборота со странами ЕС (ТОЕС) - повышение доли экспорта сырья и высокотехнологичных товаров по отношению к импорту на рынке ЕС (ЭЭС) - высокий уровень развития информационных технологий (ИТ) - заградительные пошлины по отношению к РФ и некоторым другим бывшим советским республикам (ЗПСС) - реформирование системы налогов (РСН) - финансовые инвестиции (ФИ) - безопасная социальная политика (БСП)	- примат политических устремлений над экономическими интересами (ППЭ) - различия государств по структуре и уровню экономического развития (РЭР) - высокий уровень неравенства доходов населения республики (НДН) - низкий уровень социальной защиты населения (СЗН) - теневая экономика (ТЭ) - недостаточные средства на науку и образование (СНО) - запреты и квоты на импорт отдельных товаров (ЗКТ) - недостаточная активность гражданского общества (АГО) - неэффективное законотворчество (НЗТ) - несоразмерный популизм (НП)
Сценарий 4. Построение полного экономического цикла	
- экономически ориентированная политика (ЭОП) - равнозначные партнерские отношения со всеми сторонами сотрудничества (РПО) - большие объемы иностранных инвестиций (ИИ) - мощный интеллектуальный потенциал (ИП) - высококачественная система образования и профессионального обучения для его воспроизводства и развития (КСО) - энергетическая независимость (ЭН) - высокий уровень развития информационных технологий (ИТ) - увеличение доли производств с высокой добавленной стоимостью (ВДС) - реформирование системы налогов (РСН) - финансовые инвестиции (ФИ) - стабильное политическое положение (СПП) - безопасная социальная политика (БСП)	- примат политических устремлений над экономическими интересами (ППЭ) - теневая экономика (ТЭ) - дефицит минерально-сырьевых ресурсов (МСР) - недостаточность собственных энергетических ресурсов (НЭР) - дефицит трудовых ресурсов (ДТР) - снижение квалификации трудовых ресурсов (КТР) - нежелание гастарбайтеров (НГ) - высокий уровень неравенства доходов населения республики (НДН) - неолиберальная модель развития национальной экономики (НМЭ) - запреты и квоты на импорт отдельных товаров (ЗКТ) - высокий уровень нелегальной торговли (НТ) - недостаточные средства на науку и образование (СНО) - неэффективное законотворчество (НЗТ)

	- недостаточная активность гражданского общества (АГО) - бюрократический произвол (БП) - несоразмерный популизм (НП)
Сценарий 5. Иностраннные инвестиции как основа экономики	
- экономически ориентированная политика (ЭОП) - равнозначные партнерские отношения со всеми сторонами сотрудничества (РПО) - высококачественная система образования и профессионального обучения для его воспроизводства и развития (КСО) - достаточная и более дешевая рабочая сила (ДРС) - дешевые энергоресурсы (ДЭ) - эффективное администрирование (ЭА) - низкий уровень коррупции (НУК) - высокая степень защищенности инвестиций и собственности (ЗИС) - стабильное политическое положение (СПП) - безопасная социальная политика (БСП)	- примат политических устремлений над экономическими интересами (ППЭ) - неэффективное законотворчество (НЗТ) - дефицит трудовых ресурсов (ДТР) - дефицит достоверной информации о перспективности инвестиций (ДДИ) - рост стоимости трудовых ресурсов (СТР) - снижение квалификации трудовых ресурсов (КТР) - нежелание гастарбайтеров (НГ) - ослабление банковской системы (ОБС) - имидж низкой инвестиционной привлекательности (НИП) - санкционные войны (СВ) - бюрократический произвол (БП) - недостаточная активность гражданского общества (АГО) - несоразмерный популизм (НП)
Предлагаемый сценарий 6. Интеграция в мировую экономику	
- экономически ориентированная политика (ЭОП) - равнозначные партнерские отношения со всеми сторонами сотрудничества (РПО) - минимизация зависимости от политических отношений США - РФ, РФ -ЕС, ЕС – США (ЗПО) - ликвидация зависимости от противостояния НАТО и РФ (ЛЗП) - политический нейтралитет по типу и опыту Швейцарии (ПН) - финансовые инвестиции (ФИ) - высокая степень организованности бизнес-сообществ (БС) - мощный интеллектуальный потенциал (ИП) - высококачественная система образования и профессионального обучения (КСО) - наличие достаточных квалифицированных трудовых ресурсов (КТР) - высокий уровень развития информационных технологий (ИТ)	- примат политических устремлений над экономическими интересами (ППЭ) - недружественные отношения с Российской федерацией (ОРФ) - санкционные войны (СВ) - низкий внутренний спрос на продукцию местного производства (НВС) - высокий уровень неравенства доходов населения республики (НДН) - низкий уровень социальной защиты населения (СЗН) - высокая степень финансовых рисков (ФР) - отсутствие достаточной правовой базы (ОПБ) - недостаточные средства на науку и образование (СНО) - бюрократический произвол (БП) - неэффективное законотворчество (НЗТ) - рост стоимости трудовых ресурсов (СТР) - снижение квалификации трудовых ресурсов (КТР) - нежелание гастарбайтеров (НГ) - ослабление банковской системы (ОБС)

- увеличение доли производств с высокой добавленной стоимостью (ВДС) - снижение доли теневой экономики (ТЭ) - реформирование системы налогов (РСН) - эффективное администрирование (ЭА) - стабильное политическое положение (СПП) - режим благоприятствующий нации (РПН) - безопасная социальная политика (БСП)	- низкая степень адекватности описания экономических реалий в СМИ (ОЭР) - дефицит трудовых ресурсов (ДТР) - недостаточная активность гражданского общества (АГО) - несоразмерный популизм (НП)

Сценарий // Необходимые условия реализации	
1	ЭОП РПО СЗП РТТ ИТ ТЭ
2	ЭОП ЭА ФС РПО ПФС ЗИС ИТ КЛК НУК СПП
3	ЭОП ТОЕС ЭЭС ИТ ЗПСС РСН ФИ БСП
4	ЭОП РПО ИИ ИП КСОЭН ИТ ВДС РСН ФИ СПП БСП
5	ЭОП РПО КСО ДРС ДЭ ЭА НУК ЗИС СПП БСП
6	ЭОП РПО ЗПО ЛЗП ПН ФИ БС ИП КСО КТР ИТ ВДС ТЭ РСН ЭА СПП РПН БСП
Сценарий // Препятствия реализации	
1	ППЭ ВВП СВ ЗКТ НТ БП СНО
2	ППЭ ОРФ ФР ДДИ ОЭР НИП СВ НП БП
3	ППЭ РЭР НДН СЗН ТЭ СНО ЗКТ АГО НЗТ НП
4	ППЭ ТЭ МСР НЭР ДТР КТР НГ НДН НМЭ ЗКТ НТ СНО НЗТ АГО БП НП
5	ППЭ НЗТ ДТР ДДИ СТР КТР НГ ОБС НИП СВ БП АГО НП
6	ППЭ ОРФ СВ НВС НДН СЗН ФР ОПБ СНО БП НЗТ СТР КТР НГ ОБС ОЭР ДТР АГО НП

Число повторений необходимых условий реализации сценариев:

ЭОП-6; РПО-5; СЗП-2; РТТ-1; РИТ-1; СТЭ-1; ТОЕС-1; ЭСС-1; ИТ-5: ЗПСС-1; РСН-3;
 ФИ-3; БСП-4; ИПСО-3; ЭН-1; ВДС-2; ИИ-1; СПП-4; ДРС-1; ДЭ-1; ЭА-3; НУК-2;
 ЗИС-2; ЭОР-1; ЗПО-1; ЛЗП-1; ПН-1; БС-1; ИП-2; КСО-3; КТР-1; ВДС-2; ТЭ-2;
 РПН-1.

Число повторений препятствий реализации сценариев:

ППЭ-6; ВВП-1; СВ-4; ЗКТ-2; НТ-2; БП-4; СНО-4; РЭР-1; НДН-3; СЗН-2; ТЭ-1; АГО-4;
 НЗТ-3; НП-5; ТЭ-2; МСР-1; НЭР-1; ДТР-3; НГ-3; НМЭ-1; ДДИ-2; СТР-2; КТР-2; ОБС-2;
 НИП-2; ОРФ-2; НВС-1; ФР-2; ОПБ-1; ОЭР-2.

Наиболее значимые необходимые условия реализации описанных сценариев:

- 1) ЭОП-6: экономически ориентированная политика;
- 2) РПО-5: равнозначные партнерские отношения со всеми сторонами сотрудничества;
- 3) ИТ-5: высокий уровень развития информационных технологий;
- 4) БСП-4: безопасная социальная политика;

- 5) СПП-4: стабильное политическое положение;
- 6) КСО-3: высококачественная система образования и профессионального обучения;
- 7) РСН-3: реформирование системы налогов;
- 8) ФИ-3: финансовые инвестиции.

Наиболее значимые препятствия реализации описанных сценариев:

- 1) ППЭ-6: примат политических устремлений над экономическими интересами
- 4) АГО-4: недостаточная активность гражданского общества;
- 5) СВ-4: санкционные войны;
- 6) БП-4: бюрократический произвол;
- 7) НДН-3: высокий уровень неравенства доходов населения;
- 8) НЗТ-3: неэффективное законотворчество;
- 9) ДТР-3: дефицит трудовых ресурсов;
- 10) НГ-3: нежелание гастарбайтеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

В той или иной форме и мере за почти 30 лет экономической самостоятельности Латвийская Республика на разных этапах своего развития пыталась реализовать, по крайней мере, 5 первых из описанных сценариев.

Представляется, что основными причинами неполной и/или неудачной реализации описанных сценариев явились следующие.

1. Недостаточное осознание политическими элитами и обществом своих первостепенных интересов, которое проявилось: в примате политических устремлений над экономическими целями, следствием чего стала низкая активность гражданского общества; участии в санкционных войнах; допущении высокого уровня неравенства доходов населения.
2. Отсутствие ясного понимания приоритетов эффективной трансформации, что привело: к неэффективному законотворчеству; к дефициту трудовых ресурсов; к бюрократическому произволу и к недостаточному финансированию науки и образования, следствием чего явилось снижение уровня научной грамотности и интеллектуального потенциала населения;
3. Несоответствие между существующими организационными формами хозяйствования и потребностями экономической трансформации, что привело к неадекватному и несоразмерному популизму.

Общим для всех описанных сценариев (впрочем и как для всех видов человеческой деятельности вообще), является то, что для производства любого продукта минимально необходимы: 1) сырье – то, из чего это будет сделано; 2) энергия, необходимая для добычи и переработки сырья, и для производства необходимых изделий; 3) интеллектуальный потенциал – знания, навыки и умения, необходимые для получения и использования сырья и энергии, производства необходимых изделий и их использования. Недостаток сырья и энергии можно возместить «избытком» интеллектуального потенциала. Но не наоборот. Следовательно, интеллектуальный потенциал являлся, является и будет являться самым ценным (и всегда дефицитным) ресурсом всякого человеческого сообщества. Образование является единственным способом передачи накопленных человечеством знаний, навыков и умений от поколения к поколению. Наука является единственным способом получения истинных (а значит – конструктивных, практически полезных) знаний. И потому развитие образования и науки является главным средством увеличения интеллектуального потенциала общества, как необходимого условия его прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Антонов Г. (2018). Страна проигрывает конкуренцию всем своим соседям // <http://vesti.lv/news/ekonomika-latvii-katitsya-vniz>.
2. Ведомости Верховного Совета СССР, 1989, № 25.
3. Корабельщикова Н. // <http://forbes.net.ua/nation/1388984-rejting-rosta-postsovetskih-ekonomik>, 30.05.2015.
4. [Центральное статистическое управление Латвии](https://lv.sputniknews.ru/economy/20180228/7531217/gdp-latvia.html) <https://lv.sputniknews.ru/economy/20180228/7531217/gdp-latvia.html>.
5. [CIAWorldFactbook](http://www.ereport.ru/stat.phprazdel=country&count=latvia&table=ggecia) <http://www.ereport.ru/stat.phprazdel=country&count=latvia&table=ggecia>
6. <https://baltnews.lt/authors/20181011/1018443005/lithuania-latvia-ekonomika-razbor.html> <http://www.gorod.lv/novosti/296933-akademik-zadacha-politikov-ne-meshat-tem-cto-razvivaet-ekonomiku-latvii>.
7. <https://lv.sputniknews.ru/Latvia/20180427/8118922/Kuchinskis-Latvija-ne-stane-mostom-mezhdu-Vostokom-Zapadom.html>.
8. <http://www.iarex.ru/news/60042.html>. 17.09.2018.

Латвийский страховой рынок сегодня

Надежда Новожилова

Dr. sc. ing., ассоциированный профессор

Латвия, Балтийская Международная Академия

e-mail: elpis1951@gmail.com

Марина Плисс

Mg.oec., доцент

Латвия, Рижский Аэронавигационный Институт;

докторант

Латвия, Институт Транспорта и Связи Факультет Транспорта и логистики

e-mail: Plise.M@tsi.lv

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается и анализируется страховой рынок Латвии, существующие проблемы и тенденции развития. Дается характеристика правового регулирования страхового рынка, классификация видов страхования. Рассматриваются вопросы обеспечения финансовой защиты предприятия с применением страхования как эффективного метода управления рисками. Для определения ведущих страховых компаний проводится оценка страховой деятельности по различным показателям. На основании полученных результатов определяется роль страхования на предприятии. Дается краткая характеристика методов управления рисками и возможности реализации страховой защиты на страховом рынке Латвии.

Ключевые слова: Латвия, риски, рынок, страхование, управление.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Страхование является важнейшим способом минимизации и ликвидации экономических потерь в обществе, являющихся следствием неблагоприятных событий. Для управления рисками предприятиям в Латвии рекомендуется применять современный и эффективный метод – страхование.

Для профессиональной разработки программы управления рисками предприятиям необходимо использовать достоверную информацию о правовом регулировании страхования и страховых договорных отношений, участниках и лидерах страхового рынка, о видах страховых продуктов, о тенденциях и динамике страхового рынка Латвии. Результаты данного анализа могут быть использованы предпринимателями для реализации страховой защиты в Латвии при выборе возможности защитить свое имущество, различные ресурсы или ответственность, в этом заключается актуальность исследования.

Цель исследования – на основе анализа страхового рынка Латвии выявить его проблемы и тенденции развития для использования страхования в целях управления рисками предприятия.

Задачи исследования:

- дать характеристику правового регулирования страхового рынка Латвии, унифицированного в соответствии с Директивами ЕС;

- по классификации видов страхования и продуктов определить перечень страховых продуктов страхового рынка Латвии, их особенности, которые могут использоваться для управления рисками предприятия;
- рассчитать показатели, по которым можно оценить состояние страхового рынка Латвии, его структуру, концентрацию и выявить продавцов-лидеров;
- дать краткую характеристику методов управления рисками и возможности реализации страховой защиты на страховом рынке Латвии

Методы исследования: описательный, анализа, сравнительного анализа, аналогии, статистические.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

На современном этапе развития ЕС является реальным примером создания единого унифицированного пространства: экономического, правового, образовательного и страхового. В Латвии наиболее четко проявляются тенденции формирования и реализации единого страхового пространства: законодательство, структура страхового рынка, виды страхования, участники страхового рынка.

Латвийский рынок страхования регулируется и функционирует на основе Директив ЕС. Законы по страхованию в Латвии базируются на директивах ЕС и унифицированы для европейского пространства.

Основой законодательной базы страхования Латвии являются законы добровольного и обязательного страхования.

Законы добровольного страхования:

- 1). Закон о договоре страхования (2018 г.) [1].
- 2). Закон о страховании и перестраховании (2015 г.) [2].
- 3). Закон о деятельности страховых посредников и посредников по перестрахованию (2005 г.) [3].

Закон обязательного страхования:

- 4). Закон об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности собственников сухопутного транспорта (2004 г.) [4] или ОСТА автовладельца.

Страховой рынок Латвии делится на страхование жизни (life insurance) и страхование жизни (non-life insurance) или рисковое страхование. В мире и на европейском пространстве страхование жизни превалирует над долей всех остальных видов вместе и каждым видом в отдельности [7,8, 10]. На рисунке 1 отражена структура рынка страхования по видам за 2017 год. Если в Европе по итогам 2017 года доля страхования жизни 59 % [11], то в Латвии только 18 % [15]. На данном этапе в Латвии доля страхования жизни значительно ниже, чем страхование не-жизни, более чем в 4.5 раза. Данный вид пока не так популярен, рисковое страхование более востребовано.

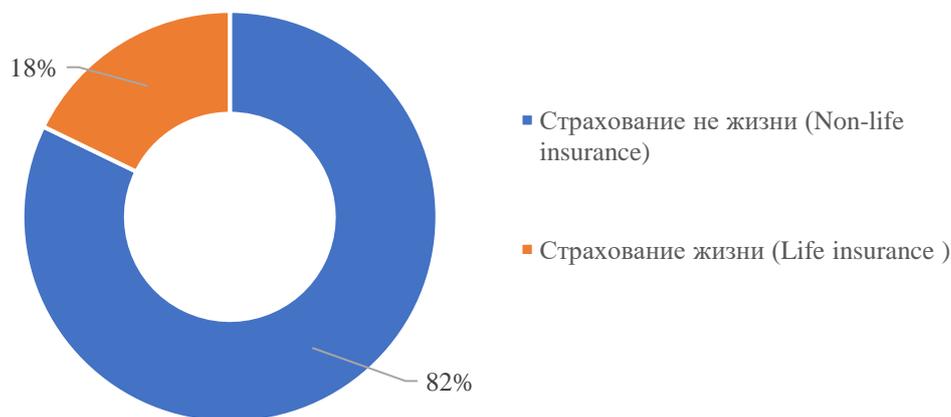

Рисунок 1. Структура рынка страхования в Латвии в 2017 году
Построено по данным ФКТК[15]

Для управления рисками предприятиям необходимы разные страховые продукты. В статье 19 Закона о страховании и перестраховании Латвии перечислены предлагаемые страховые продукты [2]. На рисунке 2 продукты скомпонованы в три направления по видам договоров [1]. В предпринимательской деятельности для управления рисками важны восемнадцать видов добровольного рискового страхования. К третьему направлению - Страхование гражданско-правовой ответственности - кроме добровольных видов страхования добавлено обязательное страхование ОСТА. [4].

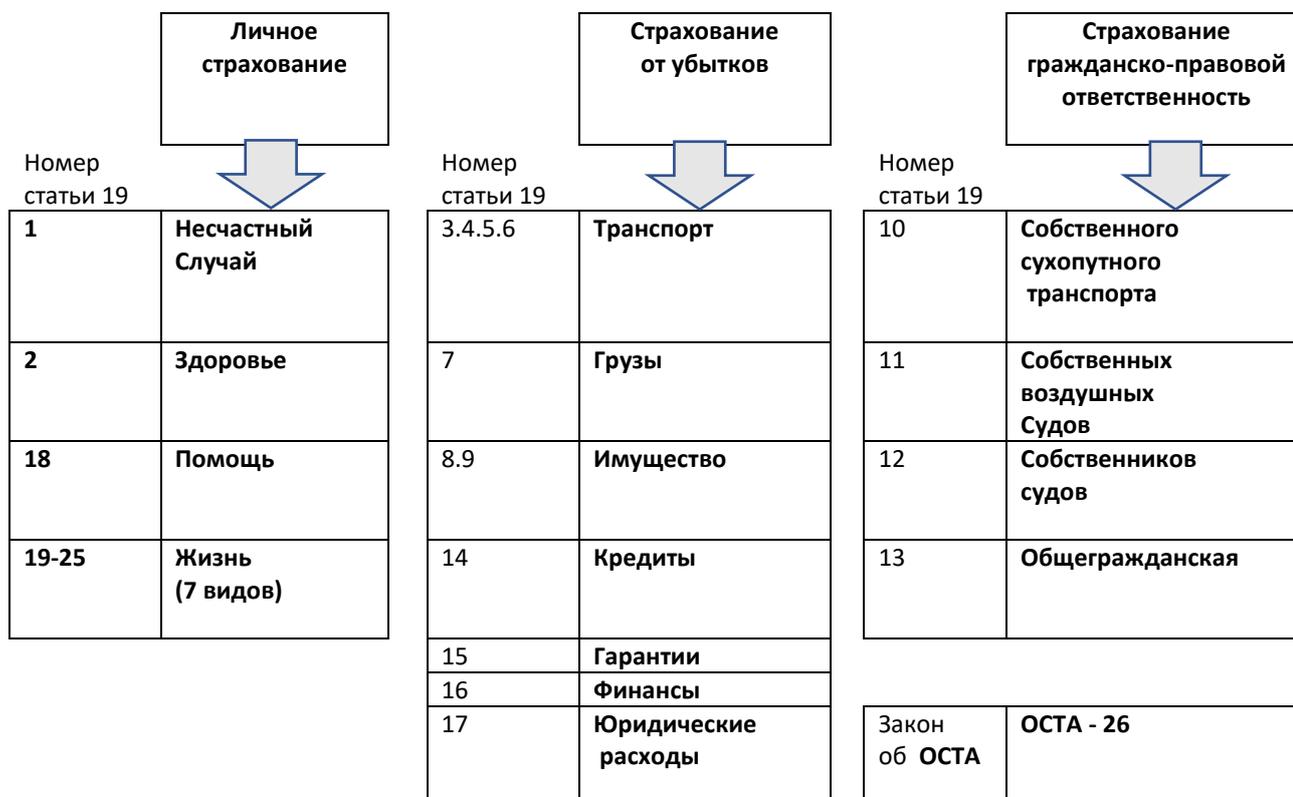

Рисунок 2. Виды страхования в соответствии со статьей 19 Закона о страховании и перестраховании [2]

Предлагаемые страховым рынком продукты покрывают потребности предпринимателя в страховании: например, работников можно застраховать от несчастных случаев или застраховать их

здоровье; движимое и недвижимое имущество предприятия, финансы, кредиты и ответственность также можно застраховать.

После выбора страхового продукта необходимо выбрать продавца. Анализ этой части рынка показал, что на данный момент латвийские страховщики, работающие на территории Латвии, – это страховые общества или филиалы иностранных страховых обществ, которые работают с привлечением норвежского, финского, датского, шведского, эстонского капитала в соответствии со страховым законодательством Латвии [5,12,15].

При создании нового страхового рынка законодательство Латвии (Закон «О страховании» 1993 г.) [6] с первых лет независимости защищало молодой страховой рынок Латвии, поэтому деятельность иностранных страховщиков на территории Латвии запрещалась. Однако закон не запрещал создание Латвийских страховых компаний с иностранным капиталом, при этом доля иностранного капитала не ограничивалась, поэтому, общества с иностранным капиталом с привлечением финского, американского, немецкого капитала и др. начали страховую деятельность на страховом рынке Латвии с начала 90 – х годов прошлого столетия.

С 2004 года иностранным страховщикам разрешено работать в Латвии без регистрации в Коммерческом регистре страны. По единым требованиям к лицензиям в Европе не надо получать лицензии в каждой стране, надо зарегистрироваться в Комиссии рынка финансов и капитала (FKTK) [5].

На конец 2018 года на сайте FKTK зарегистрировано шесть латвийских страховщиков жизни [9, 12]:

1. CBL Life
2. SEB Dzīvības apdrošināšana
3. Compensa Life Vienna Insurance Group SE Latvijas filiāle
4. ERGO Life Insurance SE Latvijas filiāle
5. Mandatum Life Insurance Baltic SE Latvijas filiāle
6. Swedbank Life Insurance SE Latvijas filiāle

Рисковое страхование, по данным FKTK предлагают четыре Латвийских страховых обществ и семь филиалов европейских страховщиков [9, 12]:

Латвийские страховые общества:

1. Balta
2. Baltijas Apdrošināšanas Nams
3. BTA Baltic Insurance Company
4. Balcia Insurance SE;

и филиалы Европейских страховщиков:

5. Compensa Vienna Insurance Group" ADB Latvijas filiāle
6. Akciedraudimobendrove "Gjensidige" Latvijas filiāle
7. ERGO Insurance SE Latvijas filiāle
8. Seesam Insurance AS Latvijas filiāle
9. If P&C Insurance AS Latvijas filiāle
10. If P&C Insurance Ltd (Publ) Latvijas filiāle
11. Swedbank P&C Insurance AS Latvijas filiāle

В списке латвийских страховщиков можно отметить двух, которые работают на латвийском капитале – это Baltijas Apdrošināšanas Nams и Balcia Insurance SE. Остальные два работают на иностранном капитале: Balta – на польском, BTA Baltic Insurance Company на австрийском. Филиалы Европейских страховщиков работают на европейском капитале.

В таблице 1 знаком “+” отмечены приобретенные страховщиками рискованного страхования лицензии. Нумерация соответствует статье 19 Закона о страховании и перестраховании (2015 г.) [2].

Таблица 1. Виды и количество лицензий, приобретенных латвийскими страховщиками и филиалами европейских страховщиков

Номер в ст. 19	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Общее количество лицензий
1. Balta	+	+	+	+		+	+	+	+	+			+	+	+	+		+	14
2. Baltijas Apdrošināšanas Nams	+	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+	+			+	14
3. BTA Baltic Insurance Company	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	18
4. Balcia Insurance SE	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	18
5. Compensa Vienna Insurance Group" ADB Latvijas filiāle	+	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+			+	+	+	14
6. Akciedraudimobendrove "Gjensidige" Latvijas filiāle	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		+	16
7. ERGO Insurance SE atvijas filiāle	+	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+		+	+		+	14
8. Seesam Insurance AS Latvijas filiāle	+	+	+				+	+	+	+		+	+		+	+			10
9. If P&C Insurance AS Latvijas filiāle	+	+	+			+	+	+	+	+		+	+			+		+	12
10. <i>If P&C Insurance Ltd (Publ) Latvijas filiāle</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	18
11. Swedbank P&C Insurance AS Latvijas filiāle	+	+	+					+	+	+						+			7

Как отмечено в таблице, у трех участников рынка есть полный набор лицензий рискованного страхования, но по отчетам ФКТК за 2017 год работали только два [15]. Филиал Европейского страховщика, под номером 10, If P&C Insurance Ltd (Publ) Latvijas filiāle, в 2017 году активности не проявлял.

По структуре страхового рынка в Латвии по продуктам в соответствии с подписанными страховыми премиями в 2017 году (рис. 3) можно судить о востребованности различных продуктов рискованного страхования.

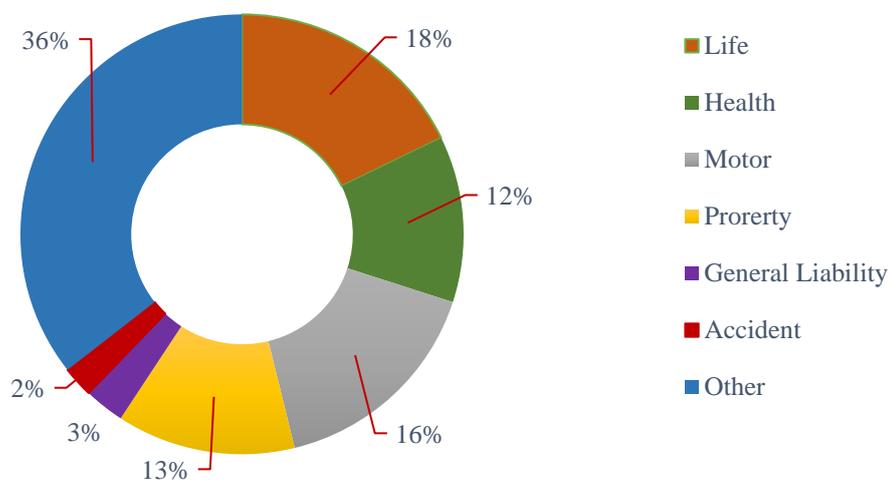

Рисунок 3. Структура страхового рынка в Латвии по продуктам в соответствии с подписанными страховыми премиями в 2017 году (%)
Построено по данным ФКТК [15]

В Латвии, как и в Европе [8] наиболее востребованы пять видов страховых продукта: Здоровье, Транспорт, Имущество, Общегражданская (общая) ответственность, Несчастный случай [15]. В группе Другие виды (Other) наибольшее различие с рынком Европы: Европа - 5% [8, 11], Латвия – 36%.

По доле подписанных премий можно выделить крупнейших страховщиков на рынке страхования не-жизни в Латвии. Доля рынка характеризует положение страховых обществ на рынке относительно конкурентов. Для этого применяется расчетная формула 1 [13]:

$$D_i = \frac{P}{V_{2017}} * 100\%, \quad (1)$$

где, D_i – доля рынка;

P – брутто-премии страхового общества, млн. EUR;

V –Общая сумма подписанных премий в текущем году, млн. EUR.

Общая сумма подписанных премий в Латвии по рисковому страхованию в 2017 году 646 151 908 EUR (рассчитано по данным ФКТК [15]). Лидером с долей 25,2% и объемом подписанных премий 162,97 млн. EUR является ВТА. Далее следуют Balcia Insurance SE и BALTA, с долями рынка 15.2% и 13.7% соответственно (рассчитано по данным ФКТК) [15].

При анализе рынка также важен коэффициент концентрации, который представляет собой процентное отношение брутто – премий страхового общества, имеющих самые значительные доли на рынке к общему объему брутто – премий и рассчитывается по формуле 2 [13]:

$$CR = \frac{\sum m Q_k}{\sum m Q_k + \sum n Q_j}, \quad (2)$$

где CR – коэффициент концентрации рынка;
 Q_k – объем k-го крупного страхового общества;
 Q_j – объем j-го менее крупного страхового общества;
 m – число самых крупных (по доле рынка) страховых обществ;
 n – число менее крупных (по доле рынка) страховых обществ.

Если перевести результат расчетов в проценты, то коэффициент концентрации рынка равен CR = 54,03%. В таблице 2 концентрация рискованного страхового рынка за 2017 год.

Таблица 2. Концентрация рискованного страхового рынка Латвии за 2017 год

Страховое общество	Крупнейшие страховые общества (по собранным брутто – премиям)	Общее количество страховых обществ на рискованном рынке Латвии
BTA	54,03%	100%
Balcia Insurance SE		
BALTA		
• Baltijas Apdrošināšanas Nams • Compensa Vienna Insurance Group" ADB Latvijas filiāle • Akciedraudimobendrove "Gjensidige" Latvijas filiāle • ERGO Insurance SE Latvijas filiāle • Seesam Insurance AS Latvijas filiāle • If P&C Insurance AS Latvijas filiāle • If P&C Insurance Ltd (Publ) Latvijas filiāle • Swedbank P&C Insurance AS Latvijas filiāle		

Концентрация оценивается как сильная – на три страховщика приходится более половины рынка, из десяти реально работающих на рискованном рынке.

Норма убыточности – этот показатель даёт возможность оценить какую часть от полученных средств страховая компания направляет на выплаты. Он рассчитывается как отношение суммы всех выплат за конкретный период к сумме собранных страховых премий за тот же период времени. Данный показатель анализируется как в общем виде, так и в соотношении по каждому виду страхования на рискованном рынке страхования.

Коэффициент нормы убыточности определяется по формуле [13]:

$$y = V/P * 100\%, \quad (3)$$

где y – уровень выплат в %;

V – сумма выплат по данному виду страхования за отчетный период;

P – объем платежей по этому виду страхования за тот же период.

Поскольку числитель и знаменатель этого показателя включаются в отчетные данные для контролирующих органов, в том числе Комиссии рынка финансов и капитала и публикуются в печати, то анализ результатов по этому показателю интересен для всех субъектов страхового рынка и полезен для предпринимателей.

Итоги расчетов по коэффициентам нормы убыточности по продуктам рискованного страхования в Латвии представлены в виде диаграммы на рисунке 4.

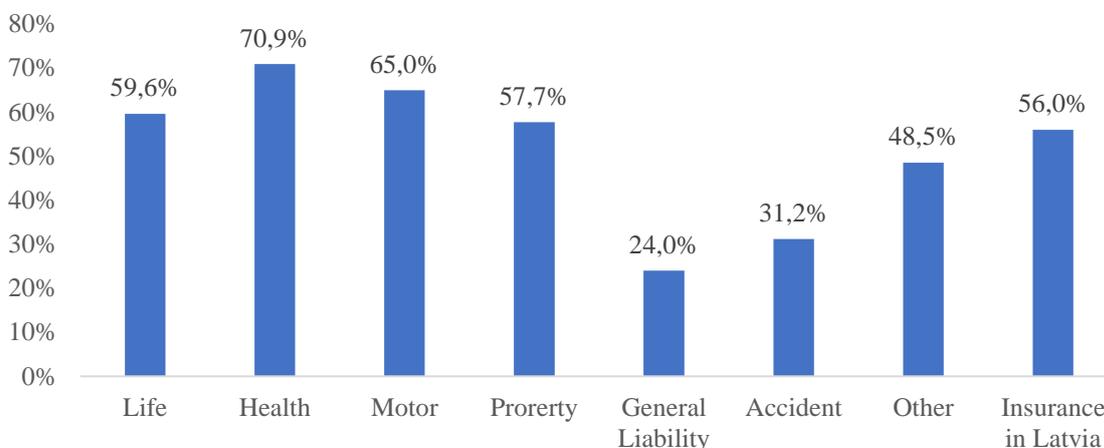

Рисунок 4. Коэффициенты нормы убыточности по видам страхования и в целом по рискованному страхованию в Латвии за 2017 год (%)

Значение показателя нормы убыточности зависит от уровня развития страхового рынка. Если значение $\gamma > 1$, то это свидетельствует о том, что компания больше отдаёт, чем получает, расходуя свой собственный капитал [14]. В данном случае это также относится и к рассматриваемым видам страхования.

Если норма убыточности меньше или равна 50%, то это свидетельствует о рентабельности данного вида страхования, но при этом норма убыточности по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств считается нормальной и при показателе равном или больше 60% [2].

Наименее рентабельными видами страхования являются страхование здоровья и страхование транспорта, их показатель нормы убыточности превышает допустимый на 20,9% и 15% соответственно. Но при такой норме убыточности еще покрываются 25% административных затрат, определенные в законе [2]. Это говорит о возможном повышении стоимости этих страховых продуктов. На данном этапе эти продукты интересны страховщикам высокой долей в нетто-обороте. Страхование несчастных случаев и особенно общегражданской ответственности (но без ОСТА) являются высокорентабельными.

Страхование P&C (Страхование имущества и несчастных случаев) составляет более половины из подписанных премий в одиннадцати странах Европы из двадцати восьми [8]. А Латвия по сумме подписанных премий P&C пока находится на последнем месте в этом рейтинге с долей от 0,6% (рисунок 5).

Рисунок 5. Страхование P&C (Страхование имущества и несчастных случаев) по подписанным премиям на душу населения по странам — 2016-2017 (€). Источник: European Insurance — Key Facts, 2018:21

И функционирование, и развитие латвийского рынка страхования соответствуют развитому европейскому рынку. Рынок хорошо сгармонизирован, но Латвия по собранным премиям на последнем месте

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Таким образом, на основе анализа страхового рынка Латвии выявлены его проблемы и тенденции развития:

1) доля страхования жизни в Латвии значительно ниже, чем страхование не-жизни, более чем в 4.5 раза; непопулярность страхования жизни в Латвии связана с двумя факторами: финансовым и человеческим:

- полисы страхования жизни не работают как ценные бумаги, под которые выдают ссуды и кредиты, как в странах с развитой и стабильной экономикой;
- негативное отношение к накопительным видам страхования на всем постсоветском пространстве в связи «потерей» накоплений при распаде СССР – человеческий фактор;

2) в Латвии, как и в Европе, пять наиболее востребованных продуктов рискового страхования;

3) в группе Транспорт (Motor) доля страхования авто – CASCO соразмерна с аналогичной долей на европейском рынке. Сектор данного вида страхования в Латвии больше на 5%, чем в Европе;

4) имущественный сектор страхового рынка в Латвии и в ЕС соразмерны по доле, но с тенденцией превышения на 4 %. Основная причина – большое количество взятых кредитов в Латвии под залог имущества;

5) основное различие выявлено в группе Other (Европа - 5%, Латвия – 36 %). Латвийские данные в определение доли рынка включают вид страхования Motor vehicle third party liability compulsory insurance - обязательный вид страхования и, возможно, его надо изъять из сравнительных данных, что приблизит тенденции распределения рынка к европейскому. В Латвии обязательное страхование ответственности автовладельцев входит в список значимых видов 13,52%.

6) Низкая рентабельность по страхованию здоровья и ОСТА может вызвать дальнейший рост цен на эти услуги.

В целом, и функционирование, и развитие страхового рынка Латвии соответствует развитому европейскому. Для реализации программы управления рисками с применением страхования, латвийский рынок предлагает весь спектр необходимых страховых продуктов, соответствующих уровню европейского унифицированного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/ LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. *Apdrošināšanas līguma likums* (2018). Available at: <<https://www.vestnesis.lv/op/2018/97.1>> [Accessed: Decembry 1, 2018].
2. *Apdrošināšanas un pārapdrošināšanaslikums* (2015). Available at: <<https://www.vestnesis.lv/op/2015/124.1>>
3. *Apdrošināšanas un pārapdrošināšanas starpnieku darbības likums* (2005). Available at: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/104830-apdrosinasanas-un-parapdrosinasanas-starpnieku-darbibas-likums> [Accessed: Decembry 1, 2018].
4. *Sauszemes transportlīdzekļu īpašnieku civiltiesiskās atbildības obligātās apdrošināšanas likums* (2004). Available at: <<https://likumi.lv/ta/id/42703-sauszemes-transportlīdzekļu-ipasnieku-civiltiesiskas-atbildibas-obligatas-apdrosinasanas-likums>> [Accessed: Decembry 1, 2018].
5. *Finanšu un kapitālatirguskomisijaslikums*. Redakcijā (2012). Available at: https://likumi.lv/doc.php?id=8172&version_date=01.01.2012 [Accessed: Decembry 1, 2018].
6. *Latvijas Republikas Likums Par apdrošināšanu* (1993). Tiesībuaktsirzaudējisspēku. Available at: <<https://likumi.lv/doc.php?id=63002>> [Accessed: Decembry 13, 2018].
7. Crawford, S., Russignan, L., Kumar, K. (2018). *Global insurance trends analysis 2018. June 2018 EYGM*. [pdf]. Available at: <[https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-insurance-trends-analysis-2018/\\$File/ey-global-insurance-trends-analysis-2018.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-insurance-trends-analysis-2018/$File/ey-global-insurance-trends-analysis-2018.pdf)> [Accessed: Novembry 8, 2018].
8. *European Insurance — Key Facts*. (2018). European insurance and reinsurance federation. Insurance Europe aisbl October 2018. Brussels Belgium. [pdf]. Available at: <<https://www.insuranceeurope.eu/sites/default/files/attachments/European%20insurance%20-%20Key%20facts%20-%20October%202018.pdf>> [Accessed: Novembry 1, 2018].
9. *Finanšu un kapitālatirguskomisija* (2018). Available at: <<http://www.fktk.lv/lv/tirgus-dalibnieki/apdrosinasanas-sabiedribas/nezvibas-aas.html>> [Accessed: Decembry 13, 2018].
10. *Global insurance trends analysis* (2018). Available at: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-insurance-trends-analysis-2018/\\$File/ey-global-insurance-trends-analysis-2018.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-insurance-trends-analysis-2018/$File/ey-global-insurance-trends-analysis-2018.pdf) [Accessed: Decembry 1, 2018].
11. *Insurance Europe*. (2018). European insurance and reinsurance federation. Insurance Europe aisbl/ Brussels, Belgium. Available at: <<https://www.insuranceeurope.eu/sites/default/files/.../DatabaseOctober2018-Total.xlsx>> [Accessed: Oktobri 30, 2018]
12. *Latvian Insurers Association*. LIA. (2018). Available at: <<https://www.laa.lv/market-data>>
13. Novozhilova, N. (2012). Analysis of Financial Ratios of Insurer for Risk Management. *The 12th International Conference "Reliability and Statistics in Transportation and Communication" (RelStat'12)*, 17–20 October 2012, Riga, Latvia, ISBN 978-9984-818-49-8, Transport and Telecommunication Institute, Lomonosova 1, LV-1019, Riga, Latvia, p. 250–259.
14. Novozhilova, N. (2011). Problems and Practice of Insurer Risk Management. *The 11th International Conference "Reliability and Statistics in Transportation and Communication"* (19 -22 October 2011 y.), Transport and Telecommunication Institute, Riga, 2011. - ISBN 978-9984-818-46-7, Lomonosova 1, LV-1019, Riga, Latvia, 205 -215 p.
15. *Public quarterly reports of Financial and Capital Market Commission Latvia's Republic by insurers*. (2017). Available at: <<http://www.fktk.lv/en/statistics/insurance/public-quarterly-reports-by-insurers/6929-public-quarterly-reports-by-insurers-4th-quarter-2017.html>> 01.11.2018> [Accessed: Novembri 1, 2018]

Обзор мирового рынка авиауслуг

Антон Пархимович,

Expert at Apple, AppleRental.

Vienna, Austria

antonparkhimovich@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Воздушный транспорт – один из динамично развивающихся видов транспорта. Показателем развития экономики страны выступает, в том числе, рынок авиационных услуг. Спрос находится в прямой зависимости от благосостояния граждан, которое зависит от стабильных внешнеэкономических связей и политического баланса. Сегмент авиаперевозок устойчиво растет, ведущие авиакомпании укрепляют свои позиции по пассажиро- и грузоперевозкам. Мировой рынок авиауслуг достаточно широко рассматривается в экономической литературе. Однако, остается целый ряд вопросов, неосвоенных исследователями. Актуальность темы обусловлена присутствием авиакомпаний на мировом рынке, необходимостью определения современных тенденций развития рынка авиауслуг, их конкурентоспособности. Статья предназначена для читателей и специалистов авиационных отраслей.

Ключевые слова: авиакомпания, авиация, воздушный транспорт, пассажирские авиаперевозки, пассажирооборот, рынок авиаперевозок, себестоимость авиаперевозки, эффективность.

ANNOTATION

Air transport is one of the fastest growing modes of transport. An indicator of the development of the country's economy is, among other things, the aviation services market. Demand is directly dependent on the welfare of citizens, which depends on the stable foreign economic relations and political balance. The airline segment is steadily growing, leading airlines are strengthening their positions in passenger and cargo transportation. The world market of air services is currently widely considered in economic literature. However, there are a number of issues that are not covered by researchers. The relevance of the topic is due to the presence of airlines on the world market, the need to identify current trends in the development of the market of air services and their competitiveness. The article is intended for readers and specialists in the aviation industry.

Key words: airline, aviation, air transport, passenger air transportation, passenger turnover, air transportation market, cost of air transportation, efficiency.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

В современных условиях деятельности транспорт удовлетворяет одну из основных потребностей – потребность в перемещении. От эффективной работы транспортной системы зависит развитие и нормальная деятельность промышленных предприятий, сельского хозяйства, снабжения и торговли (Криворотько, Жирова, 2016).

Воздушный транспорт – одна из важнейших составляющих транспортного комплекса страны. Это объясняется общемировым процессом глобализации, повышением мобильности населения, дальнейшим развитием деловых связей и туризма (Джолдошев, 2016).

Мощная и доступная глобальная сеть воздушного транспорта выходит за пределы континентов, значительно расширяет местный доступ к иностранным поставкам и рынкам, предоставляет неопределимые возможности для культурного и социального обмена и повышает потенциал реагирования на чрезвычайные ситуации и гуманитарные ситуации во время кризисов и

чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения (Aviation Benefits - IHLG Report, 2018).

Авиация – быстрорастущая отрасль. Объем возврата вложенных капиталов последние годы превышал объем инвестированных средств, что давало возможность авиакомпаниям финансировать дальнейший рост, предоставлять дополнительные рабочие места, укреплять баланс и выплачивать дивиденды инвесторам.

Сектор авиационных перевозок выступает своеобразным индикатором развитости экономики страны. По уровню предложения услуг в этой отрасли можно судить о развитости инфраструктуры всей экономики, научно-техническом потенциале отрасли, рыночных позициях компаний, которые оперируют в отрасли; по уровню спроса на авиаперевозки – о благосостоянии населения, степени его мобильности. Наличие корреляции между степенью развитости авиации и рынка авиаперевозок в стране свидетельствует об эффективности экономической, промышленной, социальной и институциональной политики государства (Цимбалістова, 2015).

В последние годы, лидерами роста мировых авиаперевозок являются США и Китай, имеющие большой внутренний рынок авиаперевозок, ОАЭ, Великобритания и Германия, имеющие наибольший объем международных перевозок.

Спрос на авиауслуги последние годы растет благодаря появлению недорогих перевозчиков. Авиапассажиры испытывают рост конкуренции среди низкобюджетных перевозчиков и традиционных перевозчиков полного цикла. Присутствие низкобюджетных перевозчиков является важным сегодня, и все указывает на то, что их влияние будет расти еще больше в будущем, как в сфере отдыха, так и в бизнесе (Rozenberg, Šebešćáková, Szabo, 2014).

Появляются новые маршруты, новые услуги на борту, пассажирам предлагаются более комфортные условия полета, разрабатываются системы скидок, повышается скорость полетов, повышается точность полетов по времени.

Множество других причин привели к росту спроса на мировые авиаперевозки. Они включают увеличение цифрового подключения во всем мире за счет использования цифровых посадочных талонов, большая доступность Wi-Fi и использование планшета на борту, что облегчает полет, рост числа состоятельных пенсионеров со склонностью к путешествиям (Cooper, Smiley, Porter, Precourt, 2018).

Несмотря на то, что перевозка грузов является более дорогостоящим видом транспорта, растущий спрос на скоропортящиеся продукты, химикаты и ценные вещи, а также растущий спрос на своевременное производство товаров создали огромный спрос на грузовые авиаперевозки (Air Freight Industry - Segmented by Service Type, Destination Type, Perspectives on End-users, and Geography - Growth, Trends, and Forecast, 2018).

Цены на топливо также существенно влияют на рынок авиаперевозок. Снижение цен дает возможность сократить стоимость перевозки и стимулирует их рост. Положительная динамика доходов приводит к росту спроса на новые самолеты.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Современная эра авиации началась с первого неуправляемого полета на воздушном шаре братьев Монтгольфы 21 ноября 1783 года. К значимым достижениям в области авиационной техники относится управляемый полет Отто Лиенталя в 1896 году на планере. Большим шагом было строительство самолета и полет на нем братьев Райт в начале 1900-ых. В 1920-1930 годы в области авиации был достигнут большой прогресс. Одним из успешных проектов того времени был самолет DouglasDC-3 для перевозки пассажиров.

Вторая мировая война принесла новые инновации в авиацию. Технологическая революция произошла с появлением самолета с реактивным двигателем. Первым, широко используемым пассажирским самолетом, был Boeing 707. Развитие гражданского самолетостроения началось с де

Хевилленд DH.106 «Комета» (deHavillandDH.106 Comet)— первого коммерческого реактивного авиалайнера, предназначенного для выполнения рейсов малой и средней протяжённости.

В 1960-е годы широко используются композитные материалы, появились эффективные двигатели, долгосрочные инновации произошли в контрольно-измерительной аппаратуре и управлении, СССР и Concorde предоставили сверхзвуковое обслуживание пассажиров. 21 июня 2004 года SpaceShipOne стал первым частным самолетом, совершившим космический полет. Появился новый рынок услуг. Авиация стала одним из основных видов транспорта во всем мире.

До 1970-х годов национальными (флагманскими) перевозчиками были крупные авиакомпании, спонсируемые правительствами и, соответственно, защищенные от конкуренции. Соглашения об открытом небе привели к росту конкуренции. Многие компании в последние годы обанкротились или слились. Получили процветание лоукостовские авиакомпании.

Вступая в 21 век, глобальный воздушный транспорт испытал значительное снижение из-за терактов 2001 года в США, войне в Ираке, финансового кризиса в США в 2008 году, и последующих долговых кризисов в Европе. Тем не менее, начиная со второй половины 2009 года, восстановление стало очевидным, и после этого продолжался активный рост. За 20-летний период с 1998 по 2017 году рост составлял в среднем 5,0% в год. Этот рост в первую очередь обусловлен высоким спросом авиапассажиров в развивающихся странах, например в Азии. Спрос на пассажирские перевозки в целом был обусловлен ростом уровня доходов населения и снижением стоимости авиабилетов (Worldwide Market Forecast 2018 – 2037, 2018).

Последние 50 лет можно назвать временем контрастов воздушного транспорта. Это выражается в появлении экономичных газотурбинных двигателей: реактивных, турбовинтовых, двухконтурных реактивных; продвижении двухдвигательных самолетов и концепции ETOPS; росте использования композитных материалов; совершенствовании аэродинамики крыла; совершенствовании кабин и переход к экипажам из двух человек; развитию авионики, компьютеров и автоматизации; старению существующей техники и перенасыщению рынка бывших в эксплуатации самолетов; избытку провозных емкостей; росте пассажировместимости, дороговизне авиатехники и росте требований к регулярности, частоте, повышенной полезной нагрузке; перегрузке аэропортов; повышению влияния внешних факторов, особенно – стоимости труда и топлива; непостоянству затрат и коэффициента загрузки (Плотников, 2003).

Успех, процветание и развитие любой современной компании, включая компании авиаотрасли, определяются множеством факторов как внешней, так и внутренней среды. Однако наступивший век по праву называют веком качества. Каждая компания ищет новые пути, подходы и методы, которые позволили бы ей развиваться, быть лидером в условиях конкуренции (Карнаухов, Кузнецов, Кузнецов, 2018).

В состав важнейших ресурсов авиаперевозчика входят: персонал, прежде всего – летно-технический (флот и его эксплуатационные характеристики); сеть авиалиний, на которых продается основной продукт и удовлетворяется потребность потребителя; сеть продаж – ключевой фактор эффективности и сервиса; менеджмент – интегральный ресурс, как совокупность методов и эффект от синтеза предшествующих ресурсов (Плотников, 2003).

Именно эти направления необходимо постоянно совершенствовать для дальнейшего развития отрасли.

В настоящее время развивается самолетостроение, системы и средства обеспечения безопасности в аэропортах, развиваются средства беспилотных перевозок, усиливаются меры информационной безопасности, ведутся работы по отражению кибератак (Михальчевский, 2015).

Маркетинговые коммуникации - один из основных инструментов привлечения клиентов. Современный цифровой мир позволяет компаниям использовать все доступные ИТ-технологии, особенно в популярных социальных сетях. Особенно использование социальных сетей становится средством активного и эффективного общения с клиентами. По этой причине важно, чтобы авиакомпании также активно действовали в отдельных социальных сетях и предоставляли клиентам актуальную информацию о своих продуктах и услугах (Tobisova, Vagner, Rozenberg, Jenčová. 2018).

В настоящее время в авиаотрасли есть как лидеры, так отстающие страны и авиакомпании. Для их развития соответствия мировому уровню, необходимо повышать качество оказываемых авиауслуг, безопасность полетов, внедрять инновационные технологии, повышать конкурентоспособность.

В частности, для повышения конкурентоспособности необходимо следующее:

1) Управление авиакомпаниями должно основываться на принципах современного маркетинга с учетом конъюнктуры рынка и тенденции спроса на воздушный транспорт.

2) Важно обеспечить устойчивую модернизацию действующего воздушного флота.

3) Каждый сотрудник авиакомпании должен сделать все возможное, чтобы обеспечить высокие стандарты безопасности полетов и строгое соблюдение расписания рейсов.

4) Компания должна обеспечить системный подход к профессиональному развитию персонала, обеспечивать постоянное и целевое обучение сотрудников.

5) Качество услуг, предоставляемых авиакомпанией, должно быть высоким на каждом из этапов производственного процесса: от приобретения билета до получения багажа в пункте назначения аэропорта. Особое внимание должно быть обращено регулированию претензии пассажиров в случае задержки рейса или потери багажа.

6) Авиакомпании должны постоянно расширять свою долю на рынке.

7) Авиакомпании должны обеспечивать постоянный контроль над затратами, внедрять оперативное управление для достижения рентабельности для каждого отдельного рейса, использовать повсеместно компьютеры на каждом этапе управления компании (особенно для планирования и контроля) (Робереzhна Z., 2017).

По мнению Хрысевой А.А. и Чекаловой А.А. необходимо повышать внимание к развитию системы управления безопасностью полетов воздушных судов, развивать региональные и местные аэропорты, широко внедрять ИТ-технологии (Хрысева, Чекалова, 2017).

Обзор рынка авиауслуг

Обзор рынка – полноценное маркетинговое исследование, посвященное авиационному сегменту мирового рынка, которое анализирует тенденции и тренды развития авиаперевозок в отдельных мировых регионах и в мире в целом.

Пассажиропоток на регулярных рейсах мировой отрасли растет ежегодно. В 2017 году объем пассажирских перевозок в мире на регулярных рейсах вырос на 7,1%, до 4,1 млрд. пассажиров (рисунок 1).

Рисунок 1 - Пассажиропоток на регулярных рейсах мировой отрасли, млрд.чел.

Источник: составлено автором по материалам сайта «ar2017.aeroflot.ru»

Наиболее динамично в отчетном периоде развивались перевозки в Азиатско-Тихоокеанском регионе – рост пассажирооборота по сравнению с 2016 годом составил 10,0%. Второе место по темпам роста занимает рынок Европы, где пассажирооборот увеличился на 8,0%. Рост перевозок в регионах

Латинской Америки и Африки составил 7,5 и 7,0% соответственно. Североамериканский рынок показал увеличение пассажирооборота на 4,0%.

Процент занятости пассажирских кресел по мировой отрасли в 2017 г. увеличился до 81,2% (в 2016 году – 80,3%) (рисунок 2).

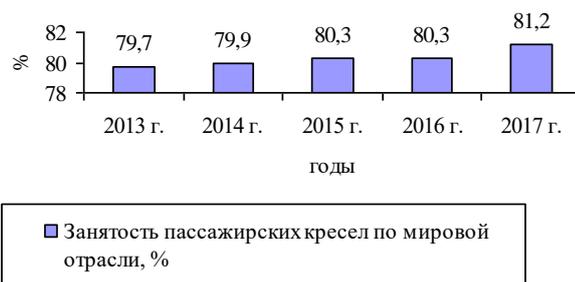

Рисунок 2 - Занятость пассажирских кресел по мировой отрасли, %

Источник: составлено автором по материалам сайта «ar2017.aeroflot.ru»

Выручка отрасли составила 754 млрд. долл. США, что на 6,3% больше, чем в 2016 году (рисунок 3). Традиционно основную ее часть составляет выручка от пассажирских перевозок – 70,6%.

Рисунок 3 - Выручка мировой отрасли, млрд.долл. США

Источник: составлено автором по материалам сайта «ar2017.aeroflot.ru»

Как следствие роста пассажирооборота расходы отрасли выросли на 7,3% и составили 691 млрд. долл. США. В течение 2017 года наблюдался рост стоимости нефти и, соответственно, авиакеросина. Цены на керосин в целом по миру вернулись на уровень 2015 года (рисунок 4).

Рисунок 4 - Стоимость нефти и авиаГСМ, долл. США/барр.

Источник: составлено автором по материалам сайта «ar2017.aeroflot.ru»

Это стало одним из основных факторов, определивших снижение показателя рентабельности по EBIT на 0,9 п. п. по сравнению с предыдущим годом, до 8,3% (рисунок 5).

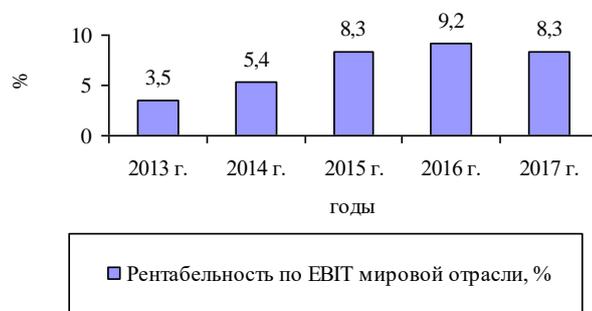

Рисунок 5 - Рентабельность по ЕВИТ мировой отрасли, %

Источник: составлено автором по материалам сайта «ar2017.aeroflot.ru»

При этом сохраняется неравномерность в уровне прибыльности различных рынков: наиболее высокий показатель в Северной Америке – 13,2%, по Азиатскому региону показатель составил 8,5%, в Европе – 6,3%, в Латинской Америке – 5,7%, на Ближнем Востоке и в Африке – 0,6 и 0,5% соответственно.

Чистая прибыль отрасли по итогам 2017 года составила 38 млрд. долл. США, что является одним из наиболее высоких показателей в отрасли за прошедшие десять лет. Отрасль, для которой исторически характерна высокая волатильность финансовых результатов, показывает стабильно положительную чистую прибыль на протяжении восьми лет. Однако и здесь существует неравномерность распределения – почти половина мировой чистой прибыли приходится на регион Северной Америки, тогда как перевозки в Африканском регионе убыточны (Международная организация гражданской авиации, 2018).

2017 год, как показывает статистика, был ключевым годом для авиационного сектора. Авиакомпании подтвердили значительные прибыли уже третий год подряд. Увеличивались коэффициенты коммерческой загрузки, а рост был выше десятилетней тенденции в 5,5%. Авиакомпании расширили сеть маршрутов, пополнили парк более эффективными самолетами, заменили около половины устаревших и менее экономичных самолетов, средняя цена перелета снизилась на 65% по сравнению с 1995 годом.

2017 год был самым безопасным годом. По данным голландской группы по безопасности полетов на коммерческих пассажирских рейсах не были зарегистрированы смертные случаи. Небо становится все более занятым, но новые технологии помогают авиации поддерживать стандарты безопасности (Смолкина, 2017).

Безопасность полетов достигается за счет:

- разработки глобальных стратегий;
- разработки и поддержания стандартов, применимых к деятельности международной гражданской авиации, которые содержатся в 16 приложениях и 4 PANS (процедурах аэронавигационного обслуживания). Эти стандарты дополняются более чем 50 руководствами и циркулярами, в которых содержатся руководящие указания по их применению.
- мониторинга безопасности полетов и аэронавигационных тенденций;
- осуществления целевых программ в области безопасности полетов и аэронавигации для устранения недостатков;
- эффективного реагирования на сбои в работе авиационной системы, вызванные стихийными бедствиями, конфликтами или другими причинами.

Начали внедряться инновации – от массажных кресел до виртуальных гарнитур VR и беспроводных IFE. Появление Wi-Fi в небе – это революция в сфере связи. Мир авиации открыл множество возможностей.

Авиакомпании-лидеры широко внедряют цифровые технологии, ID самообслуживание. Произошла цифровая трансформация. SITA внедряет самостоятельную посадку на борт с использованием управления индикаторами самообслуживания. В аэропортах внедрены биометрические технологии и инструменты. С помощью автоматизации регистрации пассажиров,

посредством распознавания лиц уже при входе в здание аэропорта, повышается безопасность аэропортов. Panasonic объединился с TascentInc и внедряет биометрическую идентификацию пассажиров на каждом этапе его следования. Самолеты, аэропорты и пассажиры стали намного умнее.

Лизинговые компании получили активное развитие. В 2017 году количество лизинговых компаний с активами свыше 1 млрд. долл. США превысило число 50, а с активами более 10 млрд. - удвоилось. Сектор авиации стал привлекательным для большего количества инвесторов, так как они стали получать стабильные доходы.

2018 год стал годом быстрого роста для бюджетных авиакомпаний. На рынке появился сверхнизкий бюджетный перевозчик WestJet. Намечалась долгосрочная тенденция низких цен на воздушные перевозки.

Международная ассоциация воздушного транспорта (IATA) прогнозирует совокупную чистую прибыль мировых авиакомпаний в 2018 г. до \$33,8 млрд. Выручка перевозчиков прогнозируется в размере \$834 млрд., что на 10,7% выше результата 2017 года. Вместе с тем ожидается и рост капитальных затрат: предполагается, что в 2018 году авиакомпаниям будет поставлено более 1,9 тыс. самолетов против 1,722 тыс. по итогам 2017 года. Пассажирские авиаперевозки, по прогнозам IATA, в 2018 году увеличатся на 7%. Это меньше, чем годовой рост в 8,1%, зафиксированный в 2017 году, но все же быстрее, чем в среднем за 20 лет (IATA снизила прогноз прибыли авиакомпаний в 2018 году, 2018).

В прошлом деловой цикл авиации длился от восьми до девяти лет от пика до пика. Экономисты считают, что вершина была достигнута в 2015 году. В тоже время статистика показывает, что период роста продолжается, это поддерживается средой с низкими процентными ставками и стимулированием спроса на поездки со стороны авиакомпаний.

Прогноз рынка авиауслуг

Представим прогноз рынка авиауслуг до 2036 года, составленный Объединенной авиастроительной корпорацией, в таблице 1.

Таблица 1. Прогноз рынка авиауслуг до 2036 года

Регион (страна)	Авиаперевозки (млрд пкм)		Текущий парк	Спрос (до 2036 г.)	
	2016 г.	2036 г.		Самолеты	\$ млрд.
Китай	982	3235	3079	7500	1011
Азиатско-тихоокеанский регион	1292	3440	4369	8625	1314
Европа	1637	3271	4369	8660	1187
Латинская Америка	363	1110	1851	3410	400
Ближний Восток	673	2153	1428	2950	675
Северная Америка	1701	2908	7690	8360	879
Африка	150	370	1186	810	117

Источник: составлено автором по материалам сайта «uacrussia.ru»

В течение прогнозируемого периода Китай будет демонстрировать высокую динамику развития пассажирских перевозок, опередит в ближайшие 20 лет Северную Америку и все остальные регионы вместе взятые. В ближайшие 20 лет предполагается увеличение пассажирооборота в 3,3 раза, для чего потребуется более 7000 самолетов. Высокий спрос будет на узкофюзеляжные самолеты вместимостью более 120 мест (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

Несмотря на небольшое превышение темпов роста пассажирооборота Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) в прогнозной перспективе выйдет на лидирующие позиции на мировом рынке пассажирооборота. Индия, Малайзия и Индонезия дают основные драйверы для будущего развития.

АТР представляет для производителей самолетов наиболее интересный рынок. По оценкам экспертов к 2036 году АТР займет 20% мирового пассажирооборота. По оценке ОАК, спрос на новые самолеты составит более 8600 единиц. Акцент будет на самолеты большей вместимости (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

Европейский рынок на прогнозный период по пассажирским перевозкам сохранит лидирующие позиции в мировом рейтинге. Пассажирооборот увеличится в 2 раза. Совокупный среднегодовой темп роста составит 3,5%. Однако, это ниже среднемировых показателей. Рынок подвергнется конкуренции со стороны динамично развивающихся экономик. В первую очередь это коснется дальнемагистральных перевозок и широкофюзеляжного флота. Основы спроса будут составлять узкофюзеляжные самолеты. Доля Европы в мировом пассажирообороте сократится с 23% в 2016 году до 19% к 2036 году. Типовая дальность полета уменьшится за 20 лет с 3131 до 2895 км (7,5%). Особенность европейского региона является то, что он лидер в рейтинге продаж возрастных самолетов в другие регионы (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

По прогнозу аналитиков, темпы роста пассажирооборота в Латинской Америке в прогнозный период будут выше мирового. Ожидается трехкратный рост пассажирских перевозок при совокупном среднегодовом темпе роста объемов пассажирских авиаперевозок – 5,7%. Доля на мировом рынке не превысит за 20 лет 6,5%. Спрос на новые самолеты оценивается в 3400 единиц. Основная доля поставок предполагается в сегменте узкофюзеляжных самолетов вместимостью от 120 мест (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

Ближний Восток - регион небольшой по численности населения и обладает небольшим совокупным ВВП, что не позволит ему сократить дистанцию между лидерами. По оценке экспертов к 2036 году пассажирооборот вырастет в 3,2 раза, при совокупном среднегодовом темпе роста пассажирских перевозок примерно в 6%. Доля региона в общем объеме пассажирских перевозок вырастет с 9,5% в 2016 году до 12%. Это большой скачок. Предполагается, что больше половины поставок новых самолетов в широкофюзеляжном сегменте. Авиакомпании региона обеспечат до 60% от общего мирового спроса на сверхбольшие самолеты (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

Рынок авиаперевозок стран Северной Америки будет развиваться в соответствии с общими мировыми тенденциями, но, с учетом перераспределения активности глобальной экономики, он будет постепенно утрачивать свои позиции. К 2036 году этот рынок уступит первенство перевозок не только Европе, но и Китаю и АТР. При этом объем пассажирских авиаперевозок, по прогнозу, вырастет почти в 2 раза, при среднегодовом темпе роста пассажирооборота в 2,7 раза. Низкие показатели объясняются высоконасыщенным рынком. По экспертной оценке, доля рынка Северной Америки в общем мировом балансе уменьшится с 24% до 17%, уступая свои позиции развивающимся рынкам. Характерная особенность региона - высокая доля в ожидаемом спросе на реактивные региональные самолеты от 60 до 90 кресел. Это порядка 19% от общего количества новых самолетов в регионе. В то время по общим среднемировым показателям на этот сегмент приходится не более 6% (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

Перспектива рынка пассажирских перевозок в Африке, по оценке ОАК, в первую очередь будет определяться увеличением численности населения на 50% в течение ближайших 20 лет. Центральная и Северная Африка сильно отличаются друг от друга по показателям перевозок, по своей структуре формирования маршрутных сетей. Ожидается, что к 2036 году объем пассажирских перевозок вырастет в 2,5 раза, при совокупном ежегодном темпе пассажирских авиаперевозок на уровне общемировых показателей в 4,5-4,6%. Доля на мировом рынке пассажирооборота практически не изменится, на 2016 год - это 2,1%, на 2036 год - 2,2%. Африканские авиакомпании, за счет покупок на вторичном рынке самолетов, удовлетворяют порядка 41% от общей потребности пассажирских самолетов. Вопреки сложившейся структуре парка, самым доходным в этом регионе обещает стать рынок широкофюзеляжных самолетов. Спрос на широкофюзеляжные самолеты нами оценивается за 20 лет более чем 200 единиц (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

Многие факторы влияют на спрос, как спрос в мировой экономике, так и увеличение численности населения Земли. По оценкам национальных и международных организаций, население в следующие 20 лет вырастет более, чем на 1,3 млрд. человек, что составит в приросте порядка 20%.

Показатели мирового ВВП вырастут более, чем на 50 трлн. долларов. На удвоение пассажирского парка самолетов будут влиять изменения и модернизация действующей инфраструктуры, предложения на рынке все больше самолетов с новыми показателями эффективности, которые приведут к снижению себестоимости перевозок и повышению мобильности населения. Факторами спроса на новые самолеты являются: рост мировой экономики и численности населения Земли; модернизация инфраструктуры воздушного транспорта; снижение себестоимости эксплуатации гражданских самолетов; государственная поддержка механизмов покупки новых самолетов; постоянное улучшение технических характеристик самолетов. Согласно прогнозу, специалисты оценивают общий спрос за период 2018 -2037 гг. на новые пассажирские самолёты в 43,6 тыс. воздушных судов, стоимость которых составит более 6 трлн. USD в ценах 2018 г. (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

Среднегодовые мировые темпы роста пассажирооборота в период 2018-2037 гг. прогнозируются на уровне 4,6%. Наибольшим спросом будут пользоваться узко-фюзеляжные самолёты вместимостью более 110 кресел, на долю которых придётся 68% от общего количества проданных самолетов и 56% от общего объёма рынка в денежном выражении. Спрос на широкофюзеляжные самолеты составит почти 8 тыс. единиц и 40% рынка. Самолётов вместимостью 30-110 кресел будет продано порядка 4 тыс. единиц (9,2% от общего количества), что составит 3,1% от суммарной каталожной стоимости всех новых пассажирских самолётов. Спрос на турбовинтовые самолеты составит порядка 2,2 тыс. единиц (Обзор рынка 2018-2037, 2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

За последние годы на рынке авиауслуг наблюдаются как позитивные, так и негативные тенденции. Из позитивных можно выделить: совершенствование транспорта и предоставляемых услуг, развитие компьютеров и автоматизации, рост пассажироместимости; из негативных: старение существующей техники и перенасыщение рынка бывших в эксплуатации самолетов; избыток провозных емкостей, дороговизна авиатехники и рост требований к регулярности, частоте, повышенной полезной нагрузке, перегрузка аэропортов, непостоянство затрат и коэффициента загрузки.

Для развития отрасли необходимо постоянно совершенствовать управление персоналом, сетью авиалиний; сетью продаж.

К основным задачам отрасли можно отнести: применение современного маркетинга; обеспечение устойчивой модернизации действующего воздушного флота; обеспечение высоких стандартов безопасности полетов и строгое соблюдение расписания рейсов; обеспечение системного подхода к профессиональному развитию персонала; повышение качества услуг на всех этапах; расширение доли на рынке; обеспечение постоянного контроля над затратами, использовать повсеместно компьютеры на каждом этапе работы; расширять инфраструктуру отрасли.

Анализ статистических данных выявил на мировом рынке авиауслуг ежегодный рост пассажиропотока на регулярных рейсах. Наиболее динамично развивались перевозки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Европе, в Латинской Америке и Африке.

Выручка отрасли в 2017 г. повысилась за год на 6,3%. Традиционно основную ее часть составляет выручка от пассажирских перевозок – 70,6%.

Наиболее высокий показатель прибыльности рынка в Северной Америке – 13,2%, по Азиатскому региону показатель составил 8,5%, в Европе – 6,3%, в Латинской Америке – 5,7%, на Ближнем Востоке и в Африке – 0,6 и 0,5% соответственно из-за высоких затрат.

Чистая прибыль отрасли по итогам 2017 года составила 38 млрд долл. США, что является одним из наиболее высоких показателей в отрасли за прошедшие десять лет.

2017 год был самым безопасным годом и ключевым годом для авиационного сектора. Авиакомпании подтвердили значительные прибыли уже третий год подряд. Увеличивались коэффициенты коммерческой загрузки, а рост был выше десятилетней тенденции в 5,5%. Авиакомпании расширили сеть маршрутов, пополнили парк более эффективными самолетами,

заменяли около половины устаревших и менее экономичных самолетов, средняя цена перелета снизилась на 65% по сравнению с 1995 годом. Начали внедряться инновации – от массажных кресел до виртуальных гарнитур VR и беспроводных IFE, появился Wi-Fi в небе, широко внедряются цифровые технологии, ID самообслуживание, самолеты, аэропорты и пассажиры стали намного умнее, сектор авиации стал привлекательным для большего количества инвесторов, так как они стали получать стабильные доходы.

К 2036 году Объединенная авиастроительная корпорация прогнозирует: в Китае увеличение пассажирооборота в 3,3 раза, для чего потребуется более 7000 самолетов, в Азиатско-тихоокеанском регионе может выйти на лидирующие позиции на мировом рынке пассажирооборота и занять 20% мирового пассажирооборота, на Европейском рынке пассажирооборот может увеличиться в 2 раза, но ожидается, что доля Европы в мировом пассажирообороте сократится с 23% в 2016 году до 19% к 2036 году, в Латинской Америке ожидается трехкратный рост пассажирских перевозок, на Ближнем Востоке, по оценке экспертов, к 2036 году пассажирооборот вырастет в 3,2 раза, при совокупном среднегодовом темпе роста пассажирских перевозок примерно в 6%, вырастет доля региона в общем объеме пассажирских перевозок с 9,5% в 2016 году до 12%, рынок авиаперевозок стран Северной Америки будет развиваться в соответствии с общими мировыми тенденциями, при этом объем пассажирских авиаперевозок, по прогнозу, вырастет почти в 2 раза, при среднегодовом темпе роста пассажирооборота в 2,7 раза, в Африке, ожидается, что к 2036 году объем пассажирских перевозок вырастет в 2,5 раза, при совокупном ежегодном темпе пассажирских авиаперевозок на уровне общемировых показателей в 4,5-4,6%. Среднегодовые мировые темпы роста пассажирооборота в период 2018-2037 гг. прогнозируются на уровне 4,6%.

Таким образом, такие факторы, как рост экономики, ВВП стран, численности населения, развитие и модернизация инфраструктуры воздушного транспорта, снижение себестоимости эксплуатации гражданских самолетов оказывают положительное влияние на текущее развитие авиационных услуг в мире, и будут в ближайшем будущем способствовать увеличению спроса на производство воздушного транспорта, росту пассажиропотока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Air Freight Industry - Segmented by Service Type, Destination Type, Perspectives on End-users, and Geography - Growth, Trends, and Forecast (2018). *Mordor Intelligence*. URL: <https://www.mordorintelligence.com> (дата обращения: 14.12.2018)
2. Aviation Benefits - IHLG Report (2018) International Civil Aviation Organization . URL: <https://www.icao.int/sustainability/Pages/IHLG.aspx> (дата обращения: 14.12.2018)
3. Cooper T., Smiley J., Porter C., Precourt C. (2018) Global fleet & MRO market forecast commentary. *Oliver Wyman*. URL: https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/v2/publications/2018/January/2018-2028_Global_Fleet_MRO_Market_Forecast_Commentary_Public_Final_web.pdf (дата обращения: 14.12.2018)
4. IATA снизила прогноз прибыли авиакомпаний в 2018 году (2018). URL: <https://kursiv.kz/news/kompanii/2018-06/iata-snizila-prognoz-pribyli-aviakompaniy-v-2018-godu> (дата обращения: 14.12.2018)
5. Poberezhna Z. (2017) Comprehensive assessment of the airlines competitiveness. *Economic Annals-XXI*. № 9-10 (167). с. 32-36.
6. Rozenberg R., Šebešćáková I., Szabo S. (2014) Comparison of FSC and LCC and their market share in aviation. *International Review of Aerospace Engineering*. October. p. 149-154.
7. Tobisova A., Vagner J., Rozenberg R., Jenčová E. (2018) Social Network Applicability in Air Transport. *Conference: 21st International Scientific Conference Transport Means*.
8. URL: https://www.researchgate.net/publication/328282215_Social_Network_Applicability_in_Air_Transport (дата обращения: 14.12.2018)

9. Worldwide Market Forecast 2018 – 2037(2018). *Japan Aircraft Development Corporation Tokyo*. URL:http://www.jadc.jp/files/topics/140_ext_01_en_0.pdf (дата обращения: 14.12.2018)
10. Джолдошев Н.Б. (2016) Классификация услуг в авиационной отрасли. *Статистика, учет и аудит*. №62. с. 125-133.
11. Карнаухов В.А., Кузнецов Ю.В., Кузнецов А.В. (2018) Специфика организации менеджмента качества в гражданской авиации. *Сибирский научный вестник*. № 2 (32). с. 61-66.
12. Криворотько И.А., Жирова В.Д. (2016) Особенности мировой транспортной системы. *Экономика и бизнес: теория и практика*. №3. с. 88-92.
13. Международная организация гражданской авиации (ИКАО) (2018). URL: <https://www.icao.int> (дата обращения: 14.12.2018)
14. Международный рынок пассажирских авиаперевозок (2018). URL: <http://ar2017.aeroflot.ru/reports/aeroflot/annual/2017/gb/Russian/2020.html> (дата обращения: 14.12.2018)
15. Михальчевский Ю.Ю. (2015) Современное состояние и тенденции развития авиатранспортного комплекса как факторы структурных изменений на рынке труда в авиационной сфере. *Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии*. № 6 (46). с. 119-127.
16. Обзор рынка 2018-2037(2018). *Объединенная авиастроительная корпорация*. URL: <https://www.uacrussia.ru/upload/iblock/236/2369e7fb2dd28f992c80d23a501eed1f.pdf> (дата обращения: 14.12.2018)
17. Плотников Н.И. (2003) Ресурсы воздушного транспорта. *Новосибирск: Академия экономики и управления*. 328 с.
18. Смолкина А. 2017 год стал самым безопасным в истории авиации (2018). URL: <https://theuk.one/2017-god-stal-samym-bezopasnym-v-istorii-aviacii/>(дата обращения: 14.12.2018)
19. Хрысева А.А., Чекалова А.А. (2017) Приоритетные направления совершенствования услуг авиакомпаний на рынке пассажирских авиаперевозок. *Известия Волгоградского государственного технического университета*. № 7 (202). с. 54-57.
20. Цимбалістова О.А. (2015) Вплив розвитку інноваційних технологій на розширення ринку авіаційних послуг. *Економічний форум*. №2. с. 72-77.

Роль малого бизнеса в народном хозяйстве Латвии растет

Ольга Павук, dr.oec., асоц. проф

Балтийская международная академия, Рига, Латвия

АННОТАЦИЯ

Прибыль малых предприятий в Латвии приближается к 1 млрд. евро, составляя треть совокупной прибыли всех предприятий, что свидетельствует о стремлении мелких предпринимателей адаптироваться как к благоприятным, так и к неблагоприятным условиям. Основываясь на данных отчетов о деятельности предприятий, показано, что после нескольких лет положительной динамики основных показателей малого и микробизнеса, наблюдается снижение количества регистрируемых предприятий и сокращение численности занятых в мелком бизнесе.

Ключевые слова: Латвия, малый бизнес, микропредприятия, экономика.

ABSTRACT

The profit of small enterprises in Latvia is approaching one billion euros, making up one third of the total profits of all enterprises, which indicates the desire of small entrepreneurs to adapt to both favorable and unfavorable conditions. Based on the data from reports of the activities of enterprises, it has been shown that after several years of positive dynamics of the main indicators of small and micro businesses, there is a decrease in the number of registered enterprises and decrease of the number of people employed in small businesses in Latvia.

Keywords: Latvia, smallbusiness, microenterprises, economy.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Прибыль малых предприятий в Латвии приближается к 1 млрд. евро, а прибыль средних и крупных компаний близка к 3 млрд. евро. Что свидетельствует о продолжающемся стремлении мелких предпринимателей адаптироваться как к благоприятным, так и к неблагоприятным условиям. Цель исследования – показать, используя статистические показатели, состояние и перспективы малого бизнеса в Латвии.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Общие прибыли и обороты. Совокупный оборот латвийских предприятий, державшийся с 2012 по 2016 гг. на одном уровне, чуть более 53 млрд. евро в год, в 2017 году увеличился до 56, 5 млрд. евро, при том, что количество предприятий сократилось на 1719. (См. табл. 1). В 2017 году по сравнению с 2016-ым, значительно, на 33%, выросла общая прибыль, составив после уплаты налогов 2,9 млрд. евро. [1]

Малые предприятия. Согласно статистике Lursoft, на 17.10.2018. отчитались о своей работе, то есть сдали и зарегистрировали финансовые отчеты о своей деятельности 128 478 латвийских предприятий, на 2385 меньше, чем в 2016 году и почти столько же, сколько было в 2014 году. На 110 тысячах предприятий занято до 50 работников, оборот меньше 10 млн. евро, а сумма баланса составляет меньше 10 млн. евро, согласно Регуле Европейской комиссии такие предприятия классифицируются как микро- и малые коммерсанты. [2]

Таблица 1 Прибыли и обороты латвийских предприятий, 2013-2017 гг. [2]

Год	Количество предприятий	Нетто-оборот, млрд. EUR	Прибыль после уплаты налогов, млрд. EUR
2017	105 741	56,468	2,926
2016	107 460	53,528	1,959
2015	106 932	53,284	1,783
2014	103 468	53,378	1,727
2013	98 703	53,171	1,258

Составлено автором по данным Lursoft на.16.10.2017.

Среди самых популярных видов деятельности малых предприятий торговля, строительство и недвижимость. Десятая часть всех малых и микропредприятий связывают свою деятельность с розничной торговлей (без продаж автомобилей и мотоциклов). 8,70% -- с операциями с недвижимостью и почти столько же, 8,18% с оптовой торговлей (без продаж автомобилей и мотоциклов). В ТОП-5 попали специализированные строительные работы, а также услуги юристов и бухгалтеров.

Несмотря на сокращение количества предприятий малого бизнеса, в 2017 году их совокупный оборот остается примерно на одном уровне, в 2015 году 23,58 млрд. евро, в 2017 году 23,89 млрд. евро (см. табл. 2). Обороты малого бизнеса составляют 42,3% общего оборота всех латвийских предприятий. В 2017 году совокупный оборот составил 56,47 млрд. евро, увеличившись за пять лет в основном за счет среднего и крупного бизнеса. Однако вклад малого бизнеса в экономику Латвии растет. Если в 2015 году оборот малых предприятий составлял 1,3% совокупного оборота, то в 2017 году достиг уже 3,6%. [3]

Таблица 2. Динамика оборота малого бизнеса в Латвии, млрд. EUR [2]

Год	Оборот микро- и малого бизнеса	Оборот остальных предприятий
2013	23,58	28,93
2014	23,92	29,23
2015	23,32	29,92
2016	23,14	29,06
2017	23,89	32,58

Составлено автором по данным Lursoft на.16.10.2017.

При практически неизменном обороте малых и микропредприятий в течение пяти лет, прибыли малого бизнеса в 2017 году выросли в 2,1 раза (см. табл. 3). В то же время доля прибылей малых предприятий составляет 24,8% совокупной прибыли всех латвийских предприятий.

Таблица 3. Динамика прибыли малого бизнеса в Латвии, млн. EUR [2]

Год	Прибыль микро- и малого бизнеса	Прибыль остальных предприятий
2013	445,68	1257,24
2014	866,98	1727,24

2015	556,58	1786,56
2016	702,94	1960,25
2017	962,49	2925,80

Составлено автором по данным Lursoftна.16.10.2017.

Единственный показатель, демонстрирующий тенденцию к снижению – количество занятых на малых предприятиях. По сравнению с 2016 годом численность персонала на малых предприятиях сократилась на 11,62 тыс. чел. до 456,98 тыс. человек (см. табл. 4). Всего же на малых предприятиях работает 65% всех занятых на предприятиях Латвии, в том числе 360,53 тыс. человек занято на микропредприятиях и еще 96,45 тысяч – в малом бизнесе.

Помимо демографических изменений (миграция и отрицательная рождаемость), сокращение количества малых предприятий и занятых там работников связаны с изменением требований к деятельности микропредприятий, которые получили свой статус на законодательном уровне в конце 2010 года. С 1 сентября 2010 года по 1 ноября 2018 года Служба государственных доходов и Регистр предприятий Латвии приняли 98 960 заявок на получение статуса плательщика налога микропредприятия. На начало ноября 2018 года было зарегистрировано 44 034 плательщика налога микропредприятий, исключено 51 033. В июле 2017 года Сейм принял поправки к Закону о налоге на микропредприятия, предусматривающие ряд изменений. Ставка налога с оборота микропредприятия с 2018 года составляет 12% (ранее 9%), а с 2019 года – 15%; максимальный оборот – 40 тыс. евро (ранее 100 тыс. евро); максимальная зарплата работника микропредприятия – 720 евро.

Таблица 4. Количество занятых в малом бизнесе в Латвии, тыс. чел. [2]

Год	На микро- и малых предприятиях	На остальных предприятиях
2013	470,8	229,7
2014	471,1	232,1
2015	468,1	236,0
2016	468,6	283,3
2017	456,98	256,47

Составлено автором по данным Lursoftна.16.10.2017.

Предприятия малого бизнеса внесли в бюджет Латвии в 2017 году налогов на сумму 2,56 млрд. евро, что составляет почти 39% всех налогов, уплаченных латвийскими предприятиями в госказну (см. табл. 5).

Таблица 5. Налоги, уплаченные предприятиями малого бизнеса в Латвии, млрд. EUR [2]

Год	Микро- и малые предприятия	Все предприятия
2015	2,3	5,7
2016	2,4	6,13
2017	2,56	6,57

Составлено автором по данным Lursoftна.16.10.2017.

В основном малые предприятия образуются посредством вложений местного капитала, однако, по данным Lursoft, количество предприятий с местным капиталом в Латвии уменьшается. За десять лет

количество предприятий с местным капиталом выросло на 52,64%, наибольший рост отмечен после того, как стали создаваться предприятия с малым капиталом. Всего в Латвии зарегистрировано 138 805 предприятий смешанным капиталом, общий размер которого составил в 2017 году 8,56 млрд. евро. Однако в прошлом году таких предприятий стало меньше на 3,91%. [4]

Сокращается и приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в капитал латвийских предприятий. В настоящий момент прямые иностранные инвестиции вложены в капитал 27 800 предприятий, в том числе в 76,4% случаев инвестиции составляют 100% от основного капитала. В течение года предприятий с иностранными инвестициями стало на 7,16% меньше, и спад наблюдается уже второй год подряд. Сумма накопленных прямых иностранных инвестиций в основной капитал предприятий Латвии составляет сейчас 7,12 млрд. евро, что на 123,46 млн. евро меньше, чем годом ранее. [5] Аналитики Lursoft связывают уменьшение количества предприятий с ликвидацией, исключением из регистров компаний, которые долго существуют без правления, не подали финансовые отчеты и др. Среди внешних причин, не способствующих росту ПИИ, иностранные инвесторы называют нарастание на границах с Балтийскими странами военных баз, что вызывает опасения зарубежных партнеров в экономической и политической стабильности региона.

В настоящий момент прямые иностранные инвестиции вложены в капитал 27 800 предприятий, в том числе в 76,4% случаев инвестиции составляют 100% от основного капитала. В течение года предприятий с иностранными инвестициями стало на 7,16% меньше, и спад наблюдается уже второй год подряд. [5]

В региональном разрезе две трети малых предприятий действуют в столице и в прилегающем к ней Пририжском регионе. В Риге находится 53% малых и средних предприятий, в Пририжском регионе – 19%, в Курземе и Земгале – по 7%, в Видземе и Латгале – по 6%. [6] Следует отметить, что относящийся к депрессивным Латгальский регион, не отличается в разрезе создания малого бизнеса от более благополучного Видземе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Увеличение ставки налога на микропредприятия и сокращение размера оборота для микробизнеса делает эту форму предпринимательской деятельности невыгодной для мелких коммерсантов и приводит к сокращению малых предприятий, что видно из анализа их деятельности в последние два года. Существуют также опасения вывода части работников малых предприятий в статус безработных, что особенно опасно для провинциальных регионов, где деловая активность не высока и по-прежнему вопрос безработицы не снят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Mazais bizness veido 42,18% no Latvijas uzņēmumu kopējā apgrozījuma. Lursoft. 01.11.2018. blog.lursoft.lv/2018/11/01/mazais-bizness-veido-4218-no-latvijas-uznemumu-kopeja-apgrozijuma/
2. Gada pārskati/Lursoft statistika. <https://www.lursoft.lv/lursoft-statistika/Gada-parskati>. <https://www.lursoft.lv/lursoft-statistika/Gada-parskati>.
3. Latvijas biznesa gada pārskats 2018. LETA/Firmas.lv.Rīga. Novembris. 2018. https://www.firmas.lv/files/lbpg/2018/LBGP_2018.pdf
4. Vietējā kapitāla uzņēmumu tops. Kapitāls. Novembris. 2018.
5. Investīcijas uzņēmumos un to investori. Lursoft. Statistika. https://www.lursoft.lv/lursoft_statistika/?&id=540
6. Ārvalstu tiešo investīciju sadalījums pa rajoniem/pilsētām. Lursoft. Statistika. https://www.lursoft.lv/lursoft_statistika/?&id=507

Оценка регионального аспекта влияния высокоскоростного железнодорожного транспорта на туризм: современное состояние эмпирических исследований

О. Питерина,

докторант программы «Региональная экономика»

А. Машарский, Dr. oes., профессор

Балтийская Международная Академия, г. Рига, Латвия

АННОТАЦИЯ

Главным в концепции устойчивого развития транспорта в туризме является обеспечение экологически привлекательной доступности направлений. Наиболее экологичным видом транспорта для путешествий являются высокоскоростные железные дороги (ВСЖД). В настоящее время значительный ряд стран имеют действующую, строящуюся или планируемую сеть высокоскоростных железных дорог, и, в связи с чрезвычайно высокой стоимостью новых ВСЖД, существует большая озабоченность по поводу оценки влияния ВСЖД на туризм. В статье представлен обзор эмпирических исследований за период 2006-2018 г.г., посвященных анализу влияния ВСЖД на выбор туристами направления поездки, их поведение в пунктах назначения и качество поездки. Анализ исследований показал как отсутствие единой модели для оценки влияния ВСЖД на туризм, так и высокую дисперсию результатов исследований. Авторами сделан вывод о необходимости разработки новых моделей оценки, которые могут быть эффективно использованы властями и политиками при планировании строительства новых линий ВСЖД.

Ключевые слова: высокоскоростные железные дороги; влияние; оценка доступности; развитие туризма

ABSTRACT

The main in the concept of sustainable development of transport in tourism is to ensure environmentally attractive accessibility of destinations. The most environmentally friendly form of transportation for travel purposes are high-speed railways (HSR). Currently, a significant number of countries have a new high-speed rail network in operation, under construction or planned, and, due to the exorbitant cost of new HSR, there is a great concern about the impact assessment between HSR and tourism. This article provides an overview of the empirical studies from 2006 to 2018 on the analysis of the impact of the HSR on the preference of tourists' destinations, their behavior at the destination points and the quality of the trip. Analysis of studies showed both the lack of a uniform model for assessing the impact of the HSR on tourism, and the high dispersion of researches results. The authors concluded, that it is necessary to develop new assessment models that can be effectively used by the governmental authorities and politicians while planning the construction of new HSR lines.

Key words: accessibility assessment; High Speed Rail; impacts; tourism development

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Согласно ежегодному анализу глобального экономического воздействия путешествий и туризма [44], в 2017 году на этот сектор приходилось 10,4% мирового ВВП (с потенциалом роста до 11,8% к 2028 году) и 313 миллионов рабочих мест, или 9,9% от общей занятости (с потенциалом роста до 11,6% к 2028 году).

Транспорт же, безусловно, имеет решающее значение в индустрии туризма, так как без обеспечения транспортной доступности, туризма просто бы не существовало [35]. А поскольку

транспорт выступает в качестве стержня туризма, существует огромный интерес к его жизнеспособности и прибыльности. В девяностые годы прошлого века очень активно начали появляться исследования, посвященные взаимодействию транспорта и туризма [24;25].

Глобальная концепция устойчивого развития поставила вопрос о снижении воздействия транспорта на окружающую среду и постепенную модальную замену используемых путешественниками видов транспорта. Государственные органы и исследователи все больше полагаются на высокоскоростные поезда, экологическая эффективность которых уже является безоговорочно доказанной [17].

Однако, оценка эффективности все более широкого использования ВСЖД для целей туризма “является новым вопросом, представляющим интерес, логика которого и связанные с ним региональные процессы, до сих пор недостаточно изучены” [11].

Первые исследования по связям между расширением сети ВСЖД и региональным развитием в Европе (Vickerman et al. [39]) поставили под сомнение ее вклад в туризм. В 2012 году такой же вывод был сделан Ureña et al. [40] для испанского региона.

Целью данной статьи является систематизация эмпирических исследований, опубликованных в период с 2006 года по 2018 год, в которых осуществлялась оценка воздействия высокоскоростного железнодорожного транспорта на туризм, либо эффекта их взаимного влияния; выявление нерешенных исследованиями вопросов и внесение предложений для будущих исследований. Выбор временного интервала обоснован введением в 2006 году в эксплуатацию ВСЖД в Китае и окончанием основного периода реорганизации транспортной отрасли в большинстве Европейских стран.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀSATZIŅASTEORIĀ UNPRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Для подборки публикаций авторами были использованы три научные базы данных: Scopus, SinceDirect и GoogleScholar, которая не имеет ключевых слов или языковых ограничений. Это исследование сосредоточено на анализе существующих эмпирических оценок прямого взаимодействия между высокоскоростным железнодорожным транспортом и туризмом, для понимания того, как они взаимодействуют друг с другом в межсекторальной экономике.

Но, необходимо отметить, что данное исследование распространяется и на анализ источников, посвященных взаимосвязи между ВСЖД транспортом и туризмом через дополнительные факторы, имеющие отношение к транспорту, которые могут в конечном итоге повлиять на его роль в туризме. Это экологический фактор, факторы модального замещения и территориального планирования. За рамками проводимого исследования остались такие внешние факторы, как обменные курсы, цены на нефть, налогообложение, форс-мажор и государственная политика.

Результаты анализа публикаций ведущих экономических журналов и материалов тематических конференций приведены авторами в Табл. 1.

Таблица 1. Классификация эмпирических исследований о взаимодействии ВСЖД и туризма по темам, регионам и источникам опубликования

Автор	Год	Название работы	Журнал	Регион	Тема
Albalade D, Fageda X.	2016	High speed rail and tourism: Empirical evidence from Spain	Transportation Research Part A: Policy and Practice	Испания	Оценка влияния ВСЖД на туризм в Испании

Bazin S, Beckerich C, Delaplace M	2013	Desserte TGV et villes petites et moyennes. Une illustration par le cas du tourisme à Arras, Auray, Charleville MeËzières et Saverne	Les Cahiers Scientifiques des Transport	Франция	Оценка влияния TGV на туризм в провинциях Франции
Becker C, George BP.	2011	Rapid rail transit and tourism development in the United States	Tourism Geographies	США	Оценка влияния развития системы ВСЖД в США на туризм на побережье Мексиканского Залива
Behrens C, Pels E.	2012	Intermodal competition in the London±Paris passenger market: High-Speed Rail and air transport.	Journal of Urban Economics	Западная Европа (Великобритания, Франция)	Оценка замещения туристами различных видов транспорта
Bellet C, José M. Ureña	2016	Editorial: High-Speed Rail Transport and its Implications for Different Types of Cities and Territories	<u>The Open Transportation Journal</u>	Испания	Оценка влияния ВСЖД на стратегическое территориальное планирование
Canca D, Barren E, Algaba E, Zarzo A.	2014	Design and analysis of demand-adapted railway timetables	Journal of Advanced Transportation	Испания	Анализ влияния пассажирского спроса на расписание движения поездов
Chen Z, Haynes K.	2015	Impact of high-speed rail on international tourism demand in China	Applied Economics Letters	Китай	Оценка влияния ВСЖД на спрос во въездном туризме
Coronado JM, Garmendia M, Moyano A, Ureña JM.	2013	Assessing Spanish HSR network utility for sameday tourism	Recherche Transports et SeËcurite	Испания	Измерение полезности ВСЖД для однодневных туристических поездок
Coronado, J, Garmendia, M, and Moyano, A	2013	Daily business and tourims trips: competitive advantages for HSR cities	Transportation Research Procedia	Испания	Исследование влияния ВСЖД на бизнес- и туристические поездки
Dallen, J.	2007	The challenges of diverse visitor perceptions: rail policy and sustainable transport at the resort destination	Journal of Transport Geography	UK Соединенное Королевство	Железнодорожный туризм

Delaplace M, Pagliara F, Perrin J, Mermet S.	2014	Can High Speed Rail foster the choice of destination for tourism purpose?	Procedia Social and Behavioral Sciences	Испания	Анализ влияния ВСЖД на выбор направлений туристами
Dobruszkes F.	2011	High-speed rail and air transport competition in Western Europe: A supply-oriented perspective.	Transport Policy	Западная Европа	Анализ модального перехода от авиа-сообщений к ВСЖД
Elhorst, J.P., Oosterhaven, J.	2008	Integral cost-benefit analysis of maglev rail projects under market imperfections	J. Transp. Land Use	Нидерланды	Оценка эффектов maglev с учетом несовершенности рынка
Gines de Rus	2011	The BCA of HSR: Should the government invest in high speed rail infrastructure?	The Journal of Benefit-Cost Analysis, 2 (1).	Испания	Оценка эффектов от государственных инвестиций в ВСЖД
Givoni, M.; Banister, D.	2012	Speed: The less important element of the High-Speed Train	Journal of Transport Geography	Япония и Великобритания	Разработка парадигмы смены фактора скорости на экологический фактор в оценке ВСЖД
Givoni, M.; Banister, D.	2006	Airline and railway integration	Transport Policy	UK Соединенное Королевство	Оценка модального перехода
Guirao B, Campa JL.	2015	The effects of tourism on HSR: Spanish empirical evidence derived from a multicriteria corridor selection methodology	Journal of Transport Geography	Испания	Оценка влияния туризма на развитие ВСЖД
Guirao B, Soler F.	2008	Impacts of the new high speed rail services on small tourist cities: the case of Toledo (Spain). In: Gospodini A, Brebbia CA, Tiezzi E, editors. The Sustainable City V: Urban Regeneration and Sustainability	Southampton: WIT Press	Испания	Оценка влияния ВСЖД на развитие маленьких туристических городов

Guirao B., J.L. Campa	2016	Cross Effects between High Speed Rail Lines and Tourism: Looking for Empirical Evidence Using the Spanish Case Study	Transportation Research Procedia	Испания	Оценка перекрестных эффектов ВСЖД и туризма
Guirao B., J.L. Campa, MARIA Eugenia LópezLópez-Lambas	2016	The Assessment of the HSR Impacts on Spanish Tourism: An Approach Based on Multivariate Panel Data Analysis	Transportation Research Procedia	Испания	Оценка влияния ВСЖД на развитие туризма
Khadaroo J, Seetanah B	2008	The role of transport infrastructure in international tourism development: A gravity model approach.	Tourism Management	28 Стран	Оценка роли транспортной инфраструктуры в выборе туристских направлений
Leona S.Z. Li Fiona X. Yang Chuantao Cui	2018	High-speed rail and tourism in China: An urban agglomeration perspective	International Journal of Tourism Research	Китай	Анализ связи между ВСЖД и въездным туризмом
Levinson, D.M.	2012	Accessibility impacts of high-speed rail	Journal of Transport Geography	США	Оценка агломерационного эффекта ВСЖД
Ömer Faruk Görçün	2018	Impacts of high speed trains on tourism development: A case study of Ankara - Konya high speed rail lines	Journal of Tourism Theory and Research	Турция	Анализ воздействия ВСЖД между городами Анкара и Конья на туристический спрос
Park, Y.; Ha, H.-K.	2006	Analysis of the impact of high-speed railroad service on air transport	Transportation Research Part E	Южная Корея	Оценка модального замещения
R. Petiot и Sophie Masson	2009	Can the high speed rail reinforce tourism attractiveness? The case of the high speed rail between Perpignan (France) and Barcelona (Spain)	Technovation	Франция, Испания	анализ влияния ВСЖД между Перпиньяном и Барселоной на туристическую привлекательность
Saladie O Á, Anton Clave S, GutieÁrrez A.	2016	Measuring the influence of the Camp de Tarragona high-speed rail station on first-time and repeat tourists visiting a coastal destination	BelgeoRevue belge de géographie	Испания	Оценка влияния станций ВСЖД на посещение туристами морского побережья

Shaw, S.L., Fang, Z., Lu, S., Tao, R.	2014	Impacts of high speed rail on railroad network accessibility in China	Journal of Transport Geography	Китай	Оценка влияния ВСЖД на доступность туристских направлений
Wang D, Qian J, Chen T, Zhao M, Zhang Y	2014	Influence of the High-Speed Rail on the Spatial Pattern of Regional TourismDTakenBeijing± Shanghai High-Speed Rail of China as Example	Asia Pacific Journal of Tourism Research	Китай	Оценка влияния ВСЖД на региональный туризм
Wang WC, Chou LS, Wu CC	2010	Impacts of new transportation technology on tourism-related industries- the Taiwan High Speed Rail.	World Leisure Journal	Тайвань	Оценка влияния ВСЖД на связанные с туризмом отрасли
Wang X, Huang S, Zou T, Yan H.	2012	Effects on the high speed rail network on Chinas' regional tourism development.	Tourism Management Perspectives	Китай	Анализ эффектов сети ВСЖД на развитие регионального туризма
Yang Liu, Jing Shi	2016	How inter-city high-speed rail influences tourism arrivals: evidence from social media check-in data	Current Issues in Tourism	Китай	Анализ влияния ВСЖД на въездной туризм, с использованием данных социальных сетей
Ya-Yen Sun, Zhi-Wei Lin	2017	Move fast, travel slow: the influence of high-speed rail on tourism in Taiwan	Journal of Sustainable Tourism	Тайвань	Анализ влияния ВСЖД на характер путешествий на Тайване, с учетом выброса углерода
York Qi Yan, HanqinQiu Zhang, Ben Haobin Ye	2014	Assessing the Impacts of the High-Speed Train on Tourism Demand in China	Tourism Economics	Китай	Анализ влияния ВСЖД Ухань-Гуанчжоу на доходы от внутреннего туризма
Zhang, W.X., Ding, N., Lv, G., Hou, X.	2012	Study on the influence of high-speed railway on the consumption space of Yangtze River Delta cities	Econ. Geogr.	Китай	Анализ влияния ВСЖД на потребление туристских услуг

Составлено авторами по [1-11;13-15;17-22;26;28;29;31-33;36-38;41-43;45-48]

Как видно из данных таблицы, за последние 12 лет лишь 35 исследований было посвящено количественной оценке влияния ВСЖД на туризм, либо их взаимодействию. По количеству опубликованных работ лидируют испанские авторы: 13 из 35 исследований, или 37%, на втором месте - Китай с 8 эмпирическими исследованиями, или 22,8%. Для остальных стран число статей, посвященных влиянию ВСЖД на туризм, не превышает 2. Результаты распределения исследований по регионам представлены очень логично, с учетом того, что сеть ВСЖД Китая является в настоящее время самой протяженной в мире - 27280 км., а сеть ВСЖД Испании является самой протяженной в Европе, или второй в мире, после Китая - 3 240 км.

Особо следует отметить, что всего 3 статьи [4;30;31], две из которых были опубликованы в исследуемый авторами период, были посвящены трансграничным проектам ВСЖД.

Классификация исследований по темам показала следующие результаты:

- 15 статей [1;2;7-9;11;19;28;32;37;41;43;45;47;48] посвящены непосредственно эмпирическим оценкам влияния ВСЖД на туризм (спрос, выбор направлений; доходы, характер поездок);
- 4 публикации [4;14;18;33] посвящены оценке последствий модального замещения туристами авиатранспорта на высокоскоростной железнодорожный транспорт. Их результаты свидетельствуют о том, что в большинстве случаев основное воздействие ВСЖД, как правило, заключается в изменении вида транспорта, а не в повышении степени мобильности. Это означает, что возможность привлечения новых путешественников в конкретный пункт назначения в результате строительства новых линий ВСЖД может быть меньше, чем ожидалось.
- 4 статьи из исследуемых [5;21;29;38] оценивают агломерационные эффекты распространения ВСЖД, которые в конечном итоге отражаются на росте туристической доступности мест посещения;
- В 4-х статьях из представленных в таблице [10;15;17;46] осуществлена попытка оценки влияния ВСЖД на туризм через экологические параметры данного вида транспорта, а не через стоимостную оценку сэкономленного в поездке времени;
- 3 исследования [6;20;22] представляют интерес в части формирования понимания взаимозависимости между ВСЖД и туризмом, и на взгляд авторов, использованная методология установления приоритетов решаемых задач и полученные результаты (Guirao и Campa, 2015) демонстрируют положительное влияние туризма на спрос на ВСЖД. Эти результаты исключительно важны для понимания того, как туризм должен учитываться в процессе планирования ВСЖД. Оценка влияния ВСЖД на показатели туризма в Испании, связанные лишь с пребыванием в гостиницах, осуществленные методом линейной регрессии, не выявила прямого положительного влияния;
- 1 работа [3] является прогнозным исследованием влияния проекта развития сети ВСЖД на туризм, тогда как остальные статьи являются уже используемых ВСЖД;
- 1 публикация [26], хотя и рассматривает влияние транспортной инфраструктуры, в целом, на туризм, но разработанная ее авторами гравитационная модель, применима и в отношении ВСЖД;
- 1 исследование [42] из представленных в выборке, рассматривает влияние ВСЖД на связанные с туризмом сферы услуг и производства, что внесло свой вклад в расширение аспектов оценки и количества параметров уже имеющихся расчетных моделей, а значит, позволяет увеличить точность их результатов;
- 1 статья [13] из рассматриваемых в данном исследовании, посвящена обоснованию необходимости участия государства в строительстве ВСЖД, с учетом развития туризма.

Рассмотрим более подробно основную группу публикаций.

Большинство тематических исследований, посвященных взаимосвязи ВСЖД и туризма, были проведены в Европе и были сосредоточены на городском или деловом туризме. Так обстоит дело с Bazin et al. [2], Coronado et al. [9], Guirao and Soler [21], которые изучали различные города среднего размера в Испании и Франции, а также с Delaplace et al. [11], который провел исследования в таких мегаполисах, как Мадрид, Париж и Рим.

Китайские исследователи, в частности, Zhang et al. [48], больше сосредоточены на общеэкономической концепции развития ВСЖД. Ими было доказано, что ВСЖД оказывает значительное влияние на агломерацию сферы услуг производителей, но влияние ВСЖД на индустрию обслуживания потребителей и сферу общественного обслуживания является незначительным, что объясняется более низкой степенью развития торговли, меньшими региональными различиями и большей зависимостью от местного потребления потребительских товаров и услуг общественного пользования

В приведенных выше исследованиях, посвященных оценке воздействия ВСЖД на туризм, как правило, используется один из двух общих подходов. Первый состоит из различных предварительных методов для прогнозирования антропогенного воздействия на основе модели ядра–периферии, как Masson&Petiot[31] для исследования линии Перпиньян–Барселона; многокритериальные модели, используемые Guirao&Campra [19;20] для изучения всей сети ВСЖД Испании; гравитационные модели, как в работе Wang et al [43], где рассматривается вся сеть ВСЖД Китая; или восприятие клиентов, которое используется Becker&George[3], для обоснования спекуляции на сети, планируемой для обслуживания побережья Мексиканского залива США.

Второй подход состоит из различных методов ex-post. Например, работа Guirao&Soler [21] на линии ВСЖД Толедо-Мадрид, включала в себя опросы пассажиров или в исследовании YangLiu&JingShi[45] на линии Нанкин-Ханчжоу, использованы данные о регистрации, полученные из социальных сетей, для определения относительной важности туристического трафика и для определения туристических профилей и поведения во время путешествия. Одним из важных результатов в указанной публикации YangLiu&JingShi является доказательство того, что негативное влияние сезонного изменения климата на туризм также смягчается за счет ВСЖД.

Наряду с этими методами, в рамках второго подхода, использовался и многомерный панельный анализ (Chen&Haynes [7]), и было доказано, что в течение 2004-2010 гг. китайские провинции с услугами ВСЖД получали на 20% больше международных туристов и на 25% больше доходов, чем провинции без инфраструктуры. Позднее, на основании разработанной ими модели, был проведен анализ ВСЖД Малайзии [36].

И наоборот, Albalade&Fageda [1] использовали данные об эволюции ночевков в испанских городах, обслуживаемых ВСЖД в течение 1998-2013 гг., который показал, что наличие услуг ВСЖД не способствует активному развитию туризма. В тоже время, в работах европейских ученых [34], доказан рост социально-экономической активности на 3-3,5% в районах прохождения линий ВСЖД.

То есть, в основном, для оценки влияния ВСЖД на туризм применялись модели экономической географии и, лишь начиная с 2012 года, стали появляться публикации с эконометрическими моделями. Хорошо известно, что эффективность этого типа моделей в значительной степени зависит от наличия надежной базы данных, каковые в Китае появились после ряда лет эксплуатации ВСЖД. Кроме того, воздействие ВСЖД на туризм в такой стране, как Китай, где плотность дорог гораздо меньше, чем в Европе, вероятно, более масштабно и легче поддается выявлению с помощью эконометрической модели спроса.

Имеются в представленной выборке и статьи, основывающие влияние ВСЖД на туризм путем анализа «затраты-выгоды» [13;15;32].

Представленные в выборке исследования, основанные на эмпирических данных, дали результаты, которые в значительной степени дополняют друг друга, но различны по задачам, аспектам и методам оценки. Это свидетельствует о том, что эта область остается дискуссионной и в ней необходимо учитывать широкий круг факторов, особенно связанных с территориальным контекстом.

Необходимо отметить отсутствие использования вычислимых моделей общего равновесия (CGE) в этом направлении исследований, хотя для этих моделей не требуются значительные временные ряды статистической информации и для оценки межрегиональных проектов данные модели дают более репрезентативный результат. Для определения прямого влияния других видов транспорта на

туризм в крупнейших академических базах были установлены лишь две публикации с CGE-моделями [12;27], которые создавались для развивающихся стран (Танзания; Гавайи) и были опубликованы в 2003-2004 г.г.

Согласно же Отчету Европейской Счетной палаты о состоянии общеевропейской сети ВСЖД [16], сегодня, применение CGE-моделирования, для анализа межрегионального эффекта ВСЖД, в том числе на туризм, является более чем актуальным.

ВЫВОДЫ / SECINĀJUMI / CONCLUSIONS

Существующие исследования о воздействии ВСЖД на туристическую отрасль основаны на разных методологиях и не позволяют разработать общую модель для разных стран. В основном, используются модели экономической географии и подхода, основанного на выборе места назначения, эконометрические модели до сих пор редко применяются для анализа воздействия ВСЖД на туристическую отрасль, а CGE-моделирование не получило отражения в имеющихся публикациях.

Ряд сложных вопросов взаимодействия ВСЖД и туристической отрасли, таких, как, например, учет транспортных расходов, в имеющихся исследованиях упрощен настолько, что итоги эконометрического моделирования могут оказаться недостаточно точными и результаты таких исследований следует интерпретировать критически.

Второй проблемой являются неточность и неполнота статистических данных (ночлег пассажиров учитывается лишь в гостиницах, но не во вторых домах или в съемных квартирах). Также, не во всех моделях учитываются, связанные с туризмом, косвенные доходы от ресторанов, музеев и торговли.

Возможность стоимостной оценки взаимосвязи между ВСЖД и туристической отраслью поможет директивным органам принимать взвешенные решения по инвестициям в ВСЖД транспорт, его развитию и субсидированию, а также по разработке маркетинговых мер для стимулирования интереса к использованию этого вида транспорта для перевозки туристов и расчета региональных экономических эффектов от туристической отрасли. Это требует точной и своевременной информации, которая может быть получена в результате разработки моделей, способных оценивать ex-ante осуществимость и жизнеспособность проектов создания линий ВСЖД.

Создание таких моделей и разработка новой специальной базы данных по ВСЖД являются важным направлением более точной оценки развития туризма, как части региональной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ. LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS. REFERENCES

1. Albalade D., Fageda X., (2016). High speed rail and tourism: Empirical evidence from Spain. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*; 85:174–185. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tra.2016.01.009> (accessed 13.09. 2018)
2. Bazin S, Beckerich C, Delaplace M., (2013). Desserte TGV et villes petites et moyennes. Une illustration par le cas du tourisme à Arras, Auray, Charleville Mézières et Saverne. *Les Cahiers Scientifiques des Transport*. 2013; 63:33–62. Available from: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01184947/>. (accessed 24.11. 2018)
3. Becker C, George B., (2011). Rapid rail transit and tourism development in the United States. *Tourism Geographies*. 2011; 13(3):381–397. Available from: <https://doi.org/10.1080/14616688.2011.570779> (accessed 24.11. 2018)
4. Behrens C, Pels E., (2012). Intermodal competition in the London–Paris passenger market: High-Speed Rail and air transport. *Journal of Urban Economics*. 2012; 71(3):278–288. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2011.12.005> (accessed 24.11. 2018)
5. Bellet C, Ureña J-M., (2016). Editorial: High-Speed Rail Transport and its Implications for Different Types of Cities and Territories. *The Open Transportation Journal*, 2016, 10, (Suppl-1, M1) 1-6. DOI: 10.2174/1874447801610010001}
6. Canca D., Barrena E., Algaba E., Zarzo A., (2014). Design and analysis of demand-adapted railway timetables. *Journal of advanced transportation: Methodological Advances in European Transportation Research*. Available from: <https://doi.org/10.1002/atr.1261>

7. Chen Z, Haynes K.,(2015). Impact of high-speed rail on international tourism demand in China. *Applied Economics Letters*. 2015; 22(1):57–60. Available from: <https://doi.org/10.1080/13504851.2014.925043>
8. Coronado JM, Garmendia M, Moyano A, Ureña J., (2013). Assessing Spanish HSR network utility for same-day tourism. *Recherche Transportset Sécurité*. 2013; 03:161–175. Available from: <https://doi.org/10.4074/S0761898013003026>
9. Coronado, J, Garmendia, M, and Moyano, A., (2013). Daily business and tourism trips: competitive advantages for HSR cities. *13th WCTR. Rio de Janeiro, Brasil. Working paper*.
10. Dallen, J. (2007). The challenges of diverse visitor perceptions: rail policy and sustainable transport at the resort destination. *Journal of Transport Geography* Volume 15, Issue 2, Pages 104-115. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2006.11.001>
11. Delaplace M, Pagliara F, Perrin J, Mermet S., (2014). Can High Speed Rail foster the choice of destination for tourism purpose? *Procedia—Social and Behavioral Sciences*. 2014; 111:166–175. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.01.049>
12. Demise K., and Kim K., (2003). “Transportation and Tourism in Hawaii: Computable General Equilibrium Model.” *Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board* 1839 (January): 142–149. DOI:10.3141/1839-16.
13. De Rus Ginés (2011). The BCA of HSR: Should the Government Invest in High Speed Rail Infrastructure? *Journal of Benefit-Cost Analysis: Vol. 2: Iss. 1, Article 2*. DOI: 10.2202/2152-2812.1058
14. Dobruszkes F., (2011). High-speed rail and air transport competition in Western Europe: A supply-oriented perspective. *Transport Policy*. 2011; 18(6):870–879. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2011.06.002>
15. Elhorst, J. P., & Oosterhaven, J. (2008). Integral cost-benefit analysis of Maglev rail projects under market imperfections. *Journal of Transport and Land Use*, 1(1), 65-87. DOI: 10.5198/jtlu.v1i1.12
16. European Court of auditors, (2018). A European high-speed rail network: not a reality but an ineffective patchwork. *Special Report. NO 19. (pursuant to Article 287(4), second subparagraph, TFEU)*. Available from: https://www.eca.europa.eu/Lists/ECADocuments/SR18_19/SR_HIGH_SPEED_RAIL_EN.pdf
17. Givoni, M, and Banister, D., (2012). Speed: The less important element of the High-Speed Train. *Journal of transport Geography* 22: 306-307. Available from: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2012.01.024>.
18. Givoni M, Banister D., (2006). Airline and railway integration. *Transport Policy*. 2006; 13(5):386–397. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2006.02.001>
19. Guirao B., J.L. Campa, López M-E, (2016). The Assessment of the HSR Impacts on Spanish Tourism: An Approach Based on Multivariate Panel Data Analysis. *Transportation Research Procedia* Volume 18, 2016, 197-204. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2016.12.027>
20. Guirao B. and Campa, J.L., (2015). The effects of tourism on HSR: Spanish empirical evidence derived from a multi-criteria corridor selection methodology. *Journal of Transport Geography*, vol, 47, pp 37-46. Available from: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2015.07.010>
21. Guirao B., Soler, F., (2008). Impacts of the new high-speed service on small touristic cities: the case of Toledo. *Urban Regeneration and Sustainability. Wessex Institute of Technology*. pp 465-473.
22. Guirao, B. and Campa, J.L., (2016). Cross Effects between High Speed Rail Lines and Tourism: Looking for Empirical Evidence Using the Spanish Case Study. *Transportation Research Procedia*. DOI: 10.1016/j.trpro.2016.05.091
23. Jonkhoff W., Rustenberg M., (2011). Indirect effects in European transport appraisal. *Infrastructure Productivity Evaluation. – New York; Dordrecht; Heidelberg; London: Springer*,. 79– 94.
24. Halsall, D. A.,(1992). Transport for tourism and recreation. *Hoyle, B. S., Knowles, R. D. (Eds.) Modern transport geography. London, Belhaven*.
25. Hensher, D. A., Hooper, P. G., Smith, N. C.,(1991). Developments in surface passenger transport: implications for tourism, *Sydney, NSW, University of Sydney, Institute of Transport Studies*.
26. Khadaroo J, Seetanah B., (2008). The role of transport infrastructure in international tourism development: A gravity model approach. *Tourism Management*. 2008; 29:831–840. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2007.09.005>
27. Kweka J.,(2004). “Tourism and the Economy of Tanzania: A CGE Analysis.” *In CSAE Conference. Oxford, UK*. Available from: <http://www.safariland.org/docs/tourism-and-the-economy-of-tanzania2004.pdf>.
28. Leona S.Z. LiFiona X. Yang Chuantao Cui (2018). High-speed rail and tourism in China: An urban agglomeration perspective. *International Journal of Tourism Research*. Available from: <https://doi.org/10.1002/itr.2240>

29. Levinson, D.M., (2012). Accessibility impacts of high-speed rail. *J. Transp. Geogr.* 22,288–291. Available from: <https://pdfs.semanticscholar.org/b6e6/a06518be9994a16dc0a36edc1bdcdd3319a7.pdf>
30. Martín J., Gutiérrez, J. (2004). Data Envelopment Analysis (DEA) index to measure the accessibility impacts of new infrastructure investments: The case of the high-speed train corridor Madrid-Barcelona-French border, *Regional Studies*, 38(6), 697-712. Available from: <https://doi.org/10.1080/003434042000240987>
31. Masson S, and Petiot R., (2009). Can the high speed rail reinforce tourism attractiveness? The case of the high speed rail between Perpignan (France) and Barcelona (Spain). *Technovation*, 29, pp 611-617. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2009.05.013>
32. Ömer Faruk Görçün, (2018). Impacts of high speed trains on tourism development: A case study of Ankara-Konya high speed rail lines. *Journal of Tourism Theory and Research*, Volume: 4(1), 2018. Available from: <http://dergipark.gov.tr/download/article-file/400232>
33. Park, Yonghwa & Ha, Hun-Koo, (2006). Analysis of the impact of high-speed railroad service on air transport demand. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, Elsevier, vol. 42(2), p. 95-104. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.tre.2005.09.003>
34. Preston, Larbie, and Wall, (2006). The Impact of High Speed Trains on Socio-Economic Activity. *Annual Conference on Railroad Industry Structure, Competition and Investment, Universidad Carlos III de Madrid*. Available from: <http://www.eco.uc3m.es/temp/agenda/mad2006/papers/25.%20Preston.pdf>
35. Prideaux B., (2000). The role of the transport system in destination development. *Tourism Management*. 2000; 21(1):53–63. Available from: [https://doi.org/10.1016/S0261-5177\(99\)00079-5](https://doi.org/10.1016/S0261-5177(99)00079-5)
36. Saat, M.R., Serrano, J.A., (2015). Multicriteria high-speed rail route selection: application to Malaysia's high-speed rail corridor prioritization. *Transportation Planning and Technology*, Vol. 38, No. 2, 200–213. Available from: <http://dx.doi.org/10.1080/03081060.2014.997446>.
37. Saladié O` , Anton Clavé S, Gutierrez A., (2016). Measuring the influence of the Camp de Tarragona high-speed rail station on first-time and repeat tourists visiting a coastal destination. *Belgeo—Revue belge de géographie*. 2016; 3. Available from: <https://belgeo.revues.org/17889>
38. Shaw, Shih-Lung & Fang, Zhixiang & Lu, Shiwei & Tao, Ran, (2014). Impacts of high speed rail on railroad network accessibility in China. *Journal of Transport Geography*, Elsevier, vol. 40(C), pages 112-122. DOI: [10.1016/j.jtrangeo.2014.03.010](https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2014.03.010)
39. Vickerman, R., Spiekermann, K. and Wegener, M. (1999). Accessibility and regional development in Europe, *Regional Studies*, 33, 1, 1-15. Available from: <https://doi.org/10.1080/00343409950118878>
40. Ureña JM, Menerault P, Garmendia M., (2009). The high-speed rail challenge for big intermediate cities: A national, regional and local perspective. *Cities*. 2009; 26(5):266–279. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2009.07.001>
41. Wang D, Qian J, Chen T, Zhao M, Zhang Y., (2014). Influence of the High-Speed Rail on the Spatial Pattern of Regional Tourism—Taken Beijing–Shanghai High-Speed Rail of China as Example. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 2014; 19(8):890–912. Available from: <https://doi.org/10.1080/10941665.2013.818049>
42. Wang W, Chou L, Wu C., (2010). Impacts of new transportation technology on tourism-related industries— the Taiwan High Speed Rail. *World Leisure Journal*, 2010; 52(1):14–19. Available from: <https://doi.org/10.1080/04419057.2010.9674618>
43. Wang, X., Huang, S.S., Zou, T.Q. and Yan, H., (2012). Effects of the High Speed Rail Network on China's Regional Tourism Development. *Tourism Management Perspectives*, 1, 34-38. Available from: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tmp.2011.10.001>
44. WTTC. 2018. "Economic Impact of Travel & Tourism." Summary 2018 Annual Update. The Authority on World Travel & Tourism. <https://www.wttc.org/-/media/files/reports/economic-impact-research/regions-2018/world2018.pdf>
45. Yang Liu & Jing Shi (2016). How inter-city high-speed rail influences tourism arrivals: evidence from social media check-in data. *Journal Current Issues in Tourism*. Published online: 12 Jul 2017. Available from: <https://doi.org/10.1080/13683500.2017.1349080>
46. Ya-Yen Sun & Zhi-Wei Lin (2017). Move fast, travel slow: the influence of high-speed rail on tourism in Taiwan. *Journal of Sustainable Tourism*, Volume 26, 2018 - Issue 3, p. 433-450. Available from: <https://doi.org/10.1080/09669582.2017.1359279>
47. York Qi Yan, Hanqin Qiu Zhang, Ben Haobin Ye, (2014). Assessing the impacts of the high-speed train on tourism demand in China. *Tourism Economics* 20(1):157-169 · February 2014. DOI: [10.5367/te.2013.0260](https://doi.org/10.5367/te.2013.0260)

48. Zhang, W.X., Ding, N., Lv, G., Hou, X., (2012). Study on the influence of high speed railway on the consumption space of Yangtze River Delta cities. *EconomicGeography*, 2012, 32 (6), 1–6.

The impact of the Unemployment Rate on the Level of Nonperforming Loans in Commercial Banks in Cyprus

Tatjana Ptasica

Business Management and Administration student

Latvia, Baltic International Academy

tatjana.ptc@inbox.lv

Research Supervisor: Prof. Dr.oec. Valerijs Roldugins

Baltic International Academy

ABSTRACT

The impact of Unemployment rate (UNEMP) on the Level Nonperforming loans (NPL) in Cyprus is studied in this paper. The following issues are presented: the definition of NPL, the criteria used by the definition of NPL and regulation of NPL. The paper also contains graphic representation of the analysis: NPL in Cyprus and UNEMP in Cyprus. Finally, the author establishes the Correlation between UNEMP and NPL in Cyprus, using the "Pearson" Correlation coefficient.

Key words: Nonperforming loans, Unemployment rate, analysis, Correlation coefficient.

АННОТАЦИЯ

В данной статье изучается влияние уровня безработицы на уровень невозвратных кредитов на Кипре. Рассматриваются следующие вопросы: определение невозвратных кредитов, критерии невозвратных кредитов и их регулирование. Статья также содержит графическую часть анализа: невозвратные кредиты на Кипре и безработица на Кипре. В итоге автор определяет связь между уровнем безработицы и уровнем невозвратных кредитов на Кипре, используя Коэффициент корреляции "Пирсона".

Ключевые слова: невозвратные кредиты, уровень безработицы, анализ, Коэффициент корреляции.

INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ / IEVADS

“There are various definitions of this term depending on the type of loan and on the lender’s policy. When the payments of interests and principal are past due by 90 days or more, a loan is considered nonperforming and the debtor is insolvent” (Dictionary of Banking Terms – Third Edition - Thomas Fitch).

Loan portfolio quality deteriorated during the time period 2010-2017 and the banks recorded high levels of NPL. Repayment behavior of the borrowers’ bank records negative effects. The causes are numerous, including the decreasing of living standards in conjunction with an increased UNEMP. In the same period a significant increase in UNEMP has been recorded and also in the number of unemployed.

An empirical study is included to demonstrate how the UNEMP and NPL are connected. The author studied the situation of the Cyprus banking system during 2000- 2017. With Pearson correlation coefficient the author wants to study if there is a Correlation between UNEMP and NPL in Cyprus case.

BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅASTEIRIJĀ UN PRAKSĒ

Despite a surge in the research efforts put into modeling credit and default risk during the past decade, few studies have incorporated the impact that macroeconomic conditions have on business defaults [1].

Although credit history scoring offers benefits to lenders and borrowers, failure to consider situational

circumstances raises important statistical issues that may affect the ability of scoring systems to accurately quantify an individual's credit risk [2].

For a better data comparability, the IMF Guide (Financial Soundness Indicators: Compilation Guide) recommends that loans and other assets be classified as nonperforming when the payments, representing the principal, and the interests are past due by 90 day or more.

In addition, NPL will also include those loans with a debt service of less than 90 days, days that are acknowledged by the national legislation as being non-performing when there is clear evidence of default (for example, in case of bankruptcy).

The 90 days criterion represents the most common practice in various countries to determine NPL.

Criteria used by Cyprus in defining NPL: Non-performing loans are the loans that generate the highest expense for the risk management of a bank. The maximum level of costs is reached in the case of loans accounted as loss, for which nothing can be recuperated, and which are covered from the reserve fund or the risk fund. Covering for these loans leads to a corresponding reduction of the bank's assets and liabilities, and therefore to a reduction of the activity load.

The major cause of problems regarding the inability to pay back loans and of the quality drop is related to:

- the standards of loan;
- poor management of the loan portfolio;
- a lack of attention to changes in the economic circumstances

which may lead to a deterioration of the loans granted by the bank. The main occurrence cause of NPL continues to be the incompetence and carelessness of the bank's personnel. The most frequent mistakes made by the bank officers are inappropriate interview, inadequate financial analysis, poor guarantee of the loan, inaccurate and incomplete documentation, quality control and monitoring of clients and another cause is the debtor's inability to repay the loan. [SEP]

Among the determinants, the economic literature identifies a number of factors which help explain the evolution of NPLs including:

- Global and domestic macroeconomic determinants;
- Bank-level determinants;
- Institutional indicators.

The author of the pape focuses on the domestic macroeconomic determinants of NPL such is Unemployment Rate. The definition of unemployment, as well as other survey characteristics follow the definitions and recommendations of the International Labour Organisation [5].

Some of the main indicators calculated are: Unemployed – Persons aged 15-74 years old who comply to the following standards:

- are without work; [SEP] are available to start work within the next two weeks; [SEP] and have actively sought employment at some time during the previous four weeks.

UNEMP– The number of unemployed persons of any group expressed as a percentage of the labour force in the same group [6].

TheUNEMP, based on Eurostat's seasonally adjusted harmonised unemployment index, decreased to 11,1% in 2017, compared with 13,0 % for the same month of 2016 (see Figure 1). Despite its decreasing trend over the last three years, the UNEMP remains at high levels compared with the euro area average, which decreased to 8,7% in 2017[7].

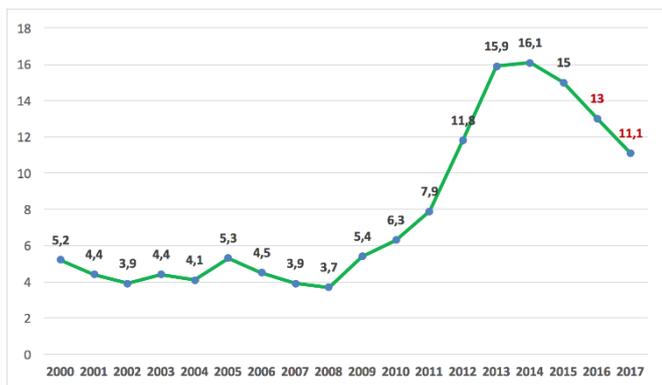

Figure 1. Unemployment in Cyprus, 2000-2017 (%). Created by the author, based on sources: Eurostat and CyStat.

The downward trend in unemployment is expected to improve the asset quality of credit institutions. The financial sector remains heavily burdened with NPL and their reduction remains a priority for bank management and the supervising authorities. Gross NPLs for all banks operating in Cyprus, and which relate to households and non-financial corporations, currently stand at €22,3 billion or 43,8% of total loans and are on a downward trend (even though they are still at high levels) and amount to €22.3 billion as at August 2017 compared to €24.3 billion in December 2016 and €27.3 billion in December 2015 (see Figure 2).

Figure 2. NPL ratio to Total Gross Loans in Cyprus, 2010-2017. Source: CBC.

However, Cyprus Banking NPLs ratio has decreased slightly from 45.3% as at end 2015 to 43.8% as at August 2017.

Modeling the relationship between UNEMP and NPLs to Cyprus during 2000-2017. The data needed for the analysis the author extracted from the MOF, European Commission and CBC annual reports for eighteen years are presented in the table below:

Years	Unemployment Rate %	NPLs %
2000	5,2	8,5
2001	4,4	7,9
2002	3,9	9,5
2003	4,4	11,3
2004	4,1	11,7
2005	5,3	7,1
2006	4,5	5,4
2007	3,9	3,4
2008	3,7	3,6
2009	5,4	4,5
2010	6,3	13,3
2011	7,9	17,3
2012	11,8	27,1
2013	15,9	43,2
2014	16,1	47,5
2015	15	45,3
2016	13	46,4
2017	11,1	43,8

Table 1. NPLs and Unemployment Rate (%), Cyprus, 2000-2017, created by the author (based on Sources: MOF, Eropcan Commission, CBC).

The results of the Excel computation from the table above reveals the Coefficient of Correlation (r) between NPLs and UNEMP of 0.955 while the Coefficient of determination (r^2) is 0.913 (see Figure 3).

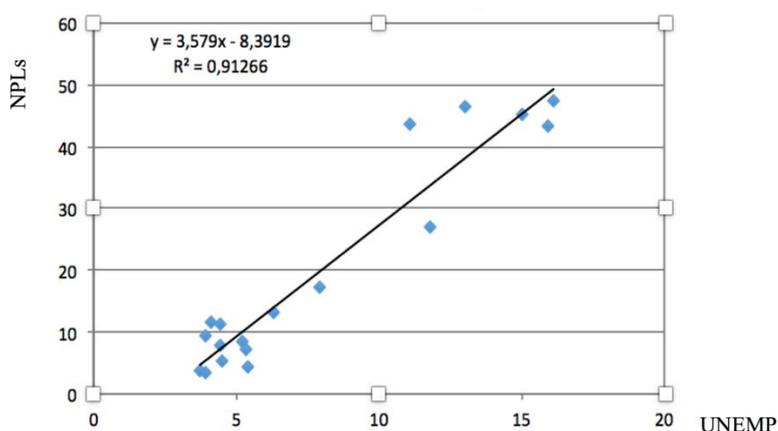

Figure 3. UNEMP and NPLs (%), Cyprus, 2000 -2017. Created by the author, own calculations.

CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ / SECINĀJUMI

- There is the linear relationship between NPLs and UNEMP, because $-1 < 0.955 < 1$.
- Since it is a positive number, there is a positive relationship between NPLs and UNEMP: as UNEMP is increasing, NPLs is increasing and as UNEMP is decreasing, NPLs is decreasing.
- The magnitude of the relationship between UNEMP and NPLs is very high, because $0.9 < 0.955 < 0.99$
- 91.3 % of NPLs is directly related to UNEMP (and vice- versa) and 91.3% of the variance in NPLs is explained by UNEMP, because the Coefficient of determination (r^2) is 0.913.
- Suppose the author computed the Coefficient of Correlation $r = 0.955$ using $n = 18$ data points.

The degrees of freedom would be 16 ($df = n - 2 = 18 - 2 = 16$). Using Table Critical Values for Pearson Correlation Coefficient with $df = 16$ and at $\alpha = 0.05$, the author finds that the Critical value is 0.468. This means the critical values (p) are really ± 0.468 . Since the Coefficient of Correlation $r = 0.955$ and $0.955 > 0.468$, the Coefficient of Correlation (r) is Statistically significant

REFERENCES. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ. LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Carling K., Jacobson T., Lindé J., Roszbach K., 2007. Corporate credit risk modeling and the macroeconomy, *Journal of Banking and Finance*, vol. 31, issue 3, March, pp. 845-868
2. Avery R.B., Calem P.S., Canner G.B., 2004. Consumer credit scoring: Do situational circumstances matter?, *Journal of Banking and Finance*, vol. 28, issue 4, April, pp. 835-856
3. NPL ratio equation, via World Bank, <http://data.worldbank.org/indicator/FB.AST.NPER.ZS>, accessed December 2015.
4. Guy, K. (2011). Non-Performing Loans. *Economic Review*. Vol. 32, No. 1, pp. 7 – 9.
5. Lu, D., Thangavelu, S. M. & Hu, Q. (2011). “Biased Lending and Non-Performing Loans on China’s Banking Sector”, *Journal of Development Studies*. Pp. 1072 – 1091.
6. CENTRAL BANK OF CYPRUS. (2017). EUROSYSTEM FINANCIAL STABILITY REPORT. NICOSIA – CYPRUS. <http://www.centralbank.cy>

Инновационный менеджмент в МСП: формирование и развитие системы

Зденек Садовски,

*кандидат экономических наук, доцент,
Чешская Республика, Академия STING, ректор,
sadovsky@sting.cz.*

Марианна Дражанова,

*кандидат экономических наук, доцент,
Чешская Республика,
Институт экономических исследований и аналитики,
Академия STING, директор,
mdrazan@volny.cz*

Зденек Карпишек,

*кандидат экономических наук, доцент,
Чешская Республика,
Академия STING, проректор по науке,
karpisek@sting.cz.*

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает новые подходы к управлению малыми и средними инновационными предприятиями (МСП), в частности, МСП - разработчика (исполнителя) выставочных проектов. В ней подчеркивается, что использование инновационных эффектов, продуктов, технологий и материалов с добавленной стоимостью, изменило содержание процесса управления, облегчило работу управленческого персонала, но одновременно повысило требования к уровню его аналитического мышления, компетентности, специализации, требуя системного подхода и оптимизации принимаемых решений. Приведенные цепочки моделей в системе управления инновационного МСП-разработчика (исполнителя) выставочных проектов повысят обоснованность и качество принимаемых решений и позволят противостоять негативным воздействиям и рискам.

Ключевые слова: *малые и средние инновационные предприятия, цепочки моделей, нормативный, стратегический и оперативный контроллинг*

ABSTRACT

The article discusses new approaches to the management of small and medium - sized innovative enterprises (SMEs), in particular, the SME of designer (executor) of exhibition projects. It is emphasized that the use of innovative effects, products, technologies and materials with added value, changed the content of the management process, facilitated the work of management personnel, but at the same time increased the requirements for the level of its analytical thinking, competence, specialization, requiring a systematic approach and optimization of solutions. The given chains of models in the management system of innovative SME-of designer (executor) of exhibition projects will increase the validity and quality of decisions and will allow to resist negative impacts and risks.

Keywords: *small and medium-sized innovation enterprises, models of normative, strategic and operative controlling*

Данная статья является результатом поэтапного выполнения Международного междисциплинарного научного проекта «Факторы развития конкурентоспособности и эффективности управления малыми и средними предприятиями (МСП) в локальной и глобальной среде», № MGA 04-01, проводимого Институтом экономических исследований и аналитики Академии STING.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Европейской Комиссии (ЕК), принимая во внимание приближающееся окончание действия ее мандата, предполагает в настоящий период завершить законодательные процессы, связанные с единым цифровым рынком в Европе (Digital Single Market, DSM). Одновременно проводятся дискуссии о направлениях развития Европейского Союза в области цифрового рынка после 2018г. Чешская Республика поддерживает создание действующего и развивающегося единого цифрового рынка, что считается предпосылкой развития цифровой экономики в странах ЕС [1,18].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Правительство ЧР разработало базовую концепцию «Цифровая Чешская Республика», установившую три направления формирования и развития единого цифрового рынка: «ЧР в цифровой Европе» [1,18], «Цифровая экономика и общество» [3,18], «Информационная концепция ЧР» [8,18]. Цель документа обобщить существующие проблемы, касающиеся политики единого цифрового рынка в Европе, установить главные и промежуточные цели, а также основные принципы его развития, сформировать активный подход к продвижению интересов Чешской Республики и ее граждан.

Одним из главных направлений базовой концепции «Цифровая Чешская Республика» является направление «Цифровая экономика и общество» [3,18] включающее в себя отдельные аспекты, которые вносят технический прогресс и продвижение развития единого цифрового рынка во все области жизни общества. Речь идет о постепенных изменениях, связанных с электронизацией и использованием интернета, с формированием интернета вещей, с развитием робототехники и искусственного интеллекта, с обработкой огромного количества данных, генерируемых интернетом вещей, услуг и людей. В еще большей степени необходимо учитывать сложные связи, возникающие между производственно-промышленными системами; системами поставки и обработки сырья; транспортными сетями; энергетическими системами; сферой обслуживания, торговли, телекоммуникации; а также между социальными системами.

Цифровая экономика включает в себя уже существующие инициативы [4,13], такие как Промышленность 4.0, Строительство 4.0", Общество 4.0, Работа 4.0, Образование 4.0 и др., и новые инициативы, такие как, например, Культура, 4.0, Здравоохранения 4.0, Сельское хозяйство 4.0, и др. Концепция направлена на создание добавленной стоимости с учетом восприятия рынка труда, взаимосвязи промышленного производства и творческой деятельности (услугами), развитие инноваций и отечественных инновационных предприятий с высокой добавленной стоимостью, поиск ресурсов для внутренней модернизации и перехода к образовательной экономике. Для того, чтобы ЧР могла быть успешно трансформирована в полнофункциональную цифровую экономику, необходимо наряду с существующими вертикальными (секторальными) целями установить и конкретные горизонтальные цели так, чтобы были четко установлены приоритеты округов, их общее описание, ответственные исполнители и прогнозируемый временной горизонт для осуществления поставленных целей.

К главным целям концепции «Цифровая экономика и общество» отнесены [3,18]:

- Создание более эффективной системы прямой и косвенной поддержки исследований, разработок и инноваций;
- Подготовка отраслей экономики к цифровой трансформации;
- Подготовка граждан к изменениям на рынке труда, к повышению уровня образования и развитие цифровых навыков;
- Поддержка инфраструктуры и связи цифровой экономики и общества
- Обеспечение безопасности и доверия в условиях цифровой экономики и общества
- Законодательство, поддерживающее все аспекты цифровой экономики и общества
- Оптимальная система финансирования цифровой экономики и общества
- Институциональное обеспечение централизованной координации политики по развитию цифровой экономики и общества.

Государства-члены ЕС должны были разработать свои Национальные научно-исследовательские и инновационные стратегии для смарт-специализации (Национальные RIS3 стратегии) с целью найти соответствующие перспективные области экономики, которые должны будут поддерживаться из Европейских структурных и инвестиционных фондов (ESIF). Неотъемлемой частью Национальной стратегии RIS3 являются региональные RIS3 стратегии каждого края ЧР. Цель региональных RIS3 стратегий - выявление особенностей региональных инновационных систем, отражающих региональные условия развития научных исследований, разработок и инноваций, и возможности для бизнеса. В результате совместного сотрудничества на национальном и краевом уровнях должен быть создан перечень прикладных отраслей, в которых стратегия RIS3 найдет общественную поддержку. Как показывает практика, важную роль в поддержке научных исследований, разработок и инноваций на региональном уровне в рамках Юго-Моравского края (JMK) играет акционерное общество Брненские выставки-ярмарки (АО BVV) [9,18].

Как показал анализ [9,18], предметом предпринимательской деятельности АО BVV является предоставление коммерческих услуг в области проведения выставок - ярмарок на собственных выставочных площадях, в т.ч. предоставление технических услуг, связанных с этой деятельностью, благодаря которому в г.Брно создана инновационная среда для малых и средних предприятий (МСП). Являясь поставщиком выставочных экспозиций для чешских и зарубежных клиентов АО BVV, одновременно, относится к известным экспортерам коммерческих услуг. Модернизированная инфраструктура АО BVV связана с know-how фирмы и способствует проведению массовых акций: специализированных выставок-ярмарок, конгрессов, конференций, культурных и спортивных мероприятий чешских и зарубежных организаторов. Общий оборот компании АО BVV в 2017г. составил 1 068,0 млн.Кч, а хозяйственный результат перед налогообложением -71,0 млн. Кч. Достижению данного результата помогло развитие экономического цикла и благоприятная экономическая ситуация фирм, что позволило им возвратиться к корпоративным акциям, в т.ч. участию в выставках-ярмарках. АО BVV в 2017г. реализовало 28 самостоятельных выставочных проектов и 57 приглашенных выставочных проектов, служащих для представления передовых производителей и поставщиков, разработчиков новых инновационных технологий и оборудования, повышения креативного инновационного потенциала МСП. Общая выставочная площадь в 2017 г. составила 906,8 тыс. м²., в т.ч. при реализации выставочных проектов 172,2 тыс. м², специализированных демонстрационных проектов -111,7 тыс. м². В 2017 г. выставочный центр посетили 745,6 тыс. человек, в т.ч. 15,2 тыс. иностранных граждан из 88 стран. В целом в 2017г. на выставках, организованных АО BVV были представлены 4.537 экспонентов и 1.922 других фирм-участниц из 54 стран.

Как показали поэтапные результаты наших исследований в рамках Международного междисциплинарного научного проекта «Факторы развития конкурентоспособности и эффективности управления малых и средних предприятий (МСП) в локальной и глобальной среде», №MGA 04-01, АО BVV, как катализатор формирования и развития инновационной среды в регионе, привлекает к

разработке и реализации выставочных проектов и экспозиций в ЧР и за рубежом малые и средние инновационные предприятия, использующие в своей деятельности инновационные эффекты, продукты, технологии и материалы с добавленной стоимостью. Данные инновационные МСП, зачастую, являются как разработчиками инноваций в своей сфере деятельности, так и их пользователями. Их функционирование на этапах инновационного цикла носит двойственный характер: с одной стороны они используют инновации, созданные и уже существующие на этапах инновационного цикла, приспособивая их для управления своими предприятиями и представительства своих клиентов в ЧР и за рубежом, с другой стороны, выдвигают требования, формируют инновационный цикл в пространстве и во времени и являются движущей силой его развития.

Как показал анализ, введение в практику инновационного МСП, разработчика (исполнителя) выставочных проектов, продуктов, технологий, средств коммуникации и др. с добавленной стоимостью изменило содержание процесса управления, позволило вывести его на новый уровень, с одной стороны, облегчая работу управленческого персонала, с другой стороны, повысило требования к уровню его аналитического мышления, компетентности, специализации, требуя системного подхода и оптимизации принимаемых решений (Таб.1).

Таб. 1. Некоторые аспекты изменений при управлении инновационным МСП под воздействием инноваций и Интернета

Система управления инновационного МСП, разработчика (исполнителя) выставочных проектов:	сочетание виртуальных и реальных процессов; управление инновациями; управление проектами; работа с пакетами прикладных профессиональных программ, оперативное и стратегическое управление; прогнозирование; безопасность управленческой и финансовой системы; планирование и распределение ресурсов в пространстве и во времени; формирование системы накопления, передачи и защиты знаний, соблюдение авторских и смежных прав, этики и морали; поиск и реализация инноваций, предвидение и решение кризисных ситуаций; формирование единой системы принятия решений и др.
Система работы с государственными органами ЧР и ЕС, банками, страховыми компаниями и др.:	сочетание виртуальных и реальных процессов; работа с порталами; система бухгалтерского учета и налогообложения; система медицинского и социального страхования и др.
Инновационный и креативный потенциал, система коммуникации:	формирование системы креативности и творческого отбора персонала, полномочий и ответственности; поиск методов улучшения работы с партнерами, поставщиками, клиентами, персоналом; создание системы обучения и повышения квалификации менеджеров и персонала
Система качества:	существование реальной и виртуальной нормативной базы для производства продукции или оказания услуг высокого качества и в срок: законов, стандартов, процедур, норм, правил, программного обеспечения, показателей, документации, и др.; создание единой системы качества
Система документации:	существование реальной и виртуальной документации; формирование системы электронной документации и электронной подписи; разработка, хранение и использование стандартов,

	инструкций и типовых форм, составление отчетов, ведение архива, и т.д. формирование единой системы документации
Система информации:	существование реальной и виртуальной информации: поиск, группировка, анализ, хранение, резервирование и передача информации; разработка системы защиты информации; анализ системы продаж и покупок, в т.ч. on-line, выявление влияющих факторов; упрощение доступа к информации, продвижение web-сайтов и работа в социальных сетях; сбор, обработка, анализ, хранение и резервирование информации об изделиях, материалах, технологиях и продуктах, об их альтернативных вариантах и ценах; формирование единой системы информации
Система маркетинговых исследований:	проведение маркетинговых исследований в реальной и виртуальной форме, рекламных и PR-акций; сбор, обработка, анализ и хранение информации о партнерах, конкурентах, ситуации на рынке и поиск путей улучшения; участие в акциях выставок-ярмарок, составление информационно-рекламных материалов и т.д., формирование единой системы маркетинга

Источник: М.Дражанова

Как следует из вышеприведенного, менеджмент инновационного МСП, в сфере разработки и реализации выставочных проектов, в каждом своем решении должен оценивать цели, процесс их достижения, ресурсы и результаты [2,18;7,18], анализировать конкурентоспособность проектов, продуктов, услуг и условия деятельности. Система управления инновационным МСП должна способствовать созданию: организационной системы, объединяющей участников разработки и реализации выставочных проектов, поддерживающей творческую деятельность; системы сбалансированного планирования с установлением ответственных областей; системы финансового управления; введению системы интегрированного контроллинга, в т.ч. проектного и финансового контроллинга; системы информационного обеспечения, поддерживающей использование IT и принятие решений с обратной связью; системы стимулирования и мотивации достижения результатов установленного качества и в установленные сроки. Необходимо подчеркнуть значение времени как самого важного ресурса развития и конкурентоспособности инновационного МСП, которое должно учитываться во всех решениях менеджмента, так как длительность процессов зависит от рационального распределения функций, ответственных областей и коммуникации. Специфика функционирования инновационного МСП, сокращение жизненного цикла продуктов, технологий и услуг приводит к частой смене инновационных проектов, причем переход от одного проекта к другому должен проводиться в краткие сроки со сменой участников, материалов, оборудования, оперативным сбором и обработкой информации и с согласованием решений. В этом случае, организационная структура в инновационном МСП должна быть гибкой, способной реагировать на изменения организационно-экономических и финансовых условий, объединять потенциал существующих и новых подразделений в целях создания инновационных продуктов и выполнения заказов и давать возможность каждому работнику в максимальной степени использовать свои знания и способности.

Как показал наш опыт, контроллинг, используя нетрадиционные подходы, способствует формированию современной интегрированной системы управления инновационного МСП как основы обоснованности и оптимизации принимаемых решений, включает: систему целевого управления и установления приоритетов; реальные и виртуальные процессы; систему своевременного предупреждения возникновения негативных явлений; гибкую систему переоценки поставленных целей и стратегий относительно расширения, сужения или перемещения производств и услуг, а также ценовой политики и др.

В настоящее время австрийско-немецкая школа контроллинга [6,12] использует разделение **на нормативный, стратегический и оперативный контроллинг**. К главным отличительным

особенностям относятся: временные характеристики; оценки, связанные с развитием предприятия и среды; требования выполнения обязательств по срокам; стиль управления; масштаб целей и др.

К главным задачам нормативного контроллинга [6,12] относятся: установление рамок, в которых будут сформированы необходимые стратегии и оперативно решаться необходимые задачи; создание нормативной базы для выполнения НИОКР, изготовления продукции и оказания услуг высокого качества и в срок; знание, соблюдение и отслеживание изменений законов, указов, норм, стандартов, правил и процедур ЧР и ЕС; соблюдение этических норм, правил поведения и корпоративной культуры. Инструментами нормативного контроллинга являются: анализ, планирование и контроль.

К главным задачам стратегического контроллинга [6,12] относятся: создание предпосылок для долговременного успешного существования предприятия; развитие потенциала; оценка сильных и слабых сторон фирмы и сравнение с конкурентом или ведущей фирмой на рынке; формулировка стратегических целей; стратегическое сравнение требуемого и действительного состояния; выявление отклонений и разработка мероприятий на долговременную перспективу. К инструментам стратегического контроллинга относятся: сценарии; планирование и совершенствование портфеля заказов; анализ стратегических разрывов; анализ взаимосвязей; анализ сильных и слабых сторон; создание системы своевременного предупреждения и др.

К главным задачам оперативного контроллинга относятся: разработка внутренних и внешних ориентиров как базы для разработки отдельных видов планов; сравнение требуемого и действительного состояния; корректировка отклонений, введение системы хронологического учета и информационных технологий относительно внутрифирменного планирования и результатам контроля. К инструментам оперативного контроллинга относятся: анализ, планирование, оценка и контроль.

Нормативный, оперативный и стратегический контроллинг взаимосвязаны между собой, регулярно обмениваясь информацией, предоставляя базу реальных и виртуальных данных для проведения корректировок отклонений.

В рамках создания интегрированной системы управления инновационного МСП, разработчика (исполнителя) выставочных проектов, рекомендуем из вышеприведенных методов и инструментов нормативного, стратегического и оперативного контроллинга создать цепочки моделей для целей достижения большего эффекта анализов и результатов управления в различных условиях (Таб. 2).

Таблица 2. Некоторые цепочки моделей в системе управления инновационного МСП - разработчика (исполнителя) выставочных проектов

Цепочка мод. №1 (норм. контр.)	Создание нормативной базы для разработки и реализации выставочных проектов и экспозиций, производства продукции и оказания услуг высокого качества и в срок: классификация и формирование деревьев законов, стандартов, процедур, норм, правил, программного обеспечения, показателей, документации, и др. с использованием метода top-down (сверху-вниз), связанных с НИОКР, инновациями, законами авторского право и др. [5,18].
Цепочка моделей №2 (норм. контр.)	Классификация и формирование деревьев услуг, видов деятельности, НИОКР, технологий, материалов, проектов, клиентов и др. с использованием метода top-down (сверху вниз) на основе Международной системы экономических классификаций: стандартной классификации видов экономической деятельности (CZ-NACE), продукции (CZ-CPA), товаров (CZ-PRODCOM), связанных со стандартами ЕС [2,18;7,18;10,18;].

Цепочка моделей №3 (опер. контр.)	Формирование матриц структуры экономической деятельности, продукции, услуг МСП для целей анализа проектов, ассортимента продукции, услуг и определения приоритетов заказов в соответствии с методом ABC[6,12;5,18]
Цепочка моделей №4 (опер. контр.)	Установление приоритетов поставщиков, потребителей, филиалов в соответствии с методом ABC для целей создания стратегий сотрудничества[6,12;5,18]
Цепочка моделей №5 (опер. контр.)	Тайм-менеджмент с использованием метода ABC: снимок рабочего дня; формирование плана-графика с установлением степени важности и срочности проектов и заданий; делегирование и формирование матрицы ответственности для целей создания стратегий сотрудничества в МСП. [6,12;5,18]
Цепочка моделей №6 (опер. контр.)	Анализ и оценка структуры заказов по стоимости, видам продуктов и услуг, установление заказа среднего уровня, выявление заказов ниже среднего [6,12;5,18]
Цепочка моделей №7 (опер. контр.)	Анализ и оценка затрат и скидок дает возможность создать систему затратных или прибыльных центров, установить приоритеты и сформировать политику предоставления скидок[6,12;5,18]
Цепочка моделей №8 (опер. контр.)	Анализ краткосрочных результатов хозяйственной деятельности на основе метода вклада в покрытие затрат с использованием метода ABC позволяет провести анализ прибыльности групп проектов, продуктов и услуг, групп клиентов и территориальных областей и др., установить приоритеты и затем ежегодно контролировать расширение или сужение ассортимента, рыночных долей отдельных групп продуктов и услуг, клиентов, территориальных областей.
Цепочка моделей №9 (опер. контр.)	Целевое управление результатами хозяйственной деятельности МСП с анализом ABC направлено на формирование ценовой политики и оптимизации затрат [6,12;5,18]
Цепочка моделей №10 (опер. контр.)	Целевое расширение перечня проектов, ассортимента продуктов и услуг с анализом ABC: создание матриц (моделей) структуры проектов, продуктов и услуг с целью анализа и оценки вариантов их расширения, установления приоритетов и расчета результатов такого расширения с оценкой вклада в покрытие затрат [6,12;5,18]
Цепочка моделей №11 (опер. контр.)	Анализ и формирование системы оплаты труда собственных и внешних специалистов позволяет установить критерии оценки, связанные с результатами, качеством и безошибочностью
Цепочка моделей №12 (страт. контр.)	Анализ потенциала МСП позволяет установить структуру потенциала, установить критерии его оценки и разработать стратегию развития [6,12;5,18]
Цепочка моделей №13 (страт. контр.)	Анализ конкурентов дает возможность разработать каталог критериев, провести оценку и разработать программу стратегических изменений[6,12;5,18]
Цепочка моделей №14 (страт. контр.)	Анализ сильных и слабых сторон деятельности МСП дает возможность разработать каталог критериев, провести анализ и разработать программу введения стратегических изменений[6,12;5,18]

Цепочка моделей №15(страт. контр.)	Анализ проведения собственных или внешних работ и услуг позволяет сравнить альтернативы и обеспечивает принятие оптимального решения[6,12;5,18]

Источник: М.Дражанова

Дальнейшая конкретизация, уточнение, корректировка и внедрение приведенных моделей нормативного, стратегического и оперативного контроллинга в практику инновационного МСП, разработчика (исполнителя) выставочных проектов, формирование системы интегрированного управления с использованием реальной и виртуальной информации, повысит обоснованность и качество принимаемых решений и позволит противостоять негативным воздействиям и рискам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Как показало наше исследование, отправной точкой устойчивого развития и конкурентоспособности инновационного МСП на современном этапе является способность использовать на практике возможности созданной реальной и виртуальной инновационной среды, развитие инновационного менеджмента, поиск нетрадиционных путей, методов и инструментов решения конкретных проблем. Внедрение моделей нормативного, стратегического и оперативного контроллинга в практику инновационного МСП, разработчика (исполнителя) выставочных проектов, повысит обоснованность и качество принимаемых решений и позволит противостоять негативным воздействиям и рискам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Česko v digitální Evropě, Vládní program digitalizace České Republiky, 2018, In: <https://www.mvcr.cz/>
2. Definice druhů výsledků, Priloha 4., Usnesení vlády č.837, 2018, In: <https://www.vyzkum.cz>
3. Digitální ekonomika a společnost, Vládní program digitalizace České Republiky, 2018, In: <https://www.mvcr.cz/>
4. Dražanova M., Marek K., Sadovský Z.: New strategies EU and creation of system to manage R&D&I. In: Applied Sciences and technologies in the United States and Europe: common challenges and scientific findings, proceedings of the 4th International scientific conference. Cibunet Publishing. New York, USA, 23.12. 2013,page:135-138, ISBN 978-1-940260-15-0
5. Dražanova M., Karpisek Z., Sadovsky Z.: The formation of models of management of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the innovation environment. In: VI. International scientific and practical conference "The transformation process in law, regional economics and economic policies: topical economic, political and legal issues", Riga, Latvia, 2017, page 223-243, ISBN 978-9984-47-155-6
6. Eschenbach R., Siller H. Profesionální controlling, 2. přepracované vydání, Wolters Kluwer ČR, a.s., 2012. 392s, ISBN: 978-80-7357-918-0
7. Frascati manuál 2015: Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development, OECD, 2015, 402p., ISBN : 9789264239012
8. Informační koncepce České republiky, Vládní program digitalizace České Republiky, 2018, In: <https://www.mvcr.cz/>
9. Konsolidovaná výroční zpráva Veletrhy Brno, a.s., 2017, In: <https://www.bvv.cz/veletrhy-brno/pro-akcionare/vyrocní-zpravy/>
10. Mezinárodní systém ekonomických klasifikací Rev.2,2018, In: <https://www.czso.cz>

Novecojuša dzīvojamā fonda atjaunošana Latvijā: iespējamie risinājumi

Aleksandrs Sakovskis, Latvija

Programmas "Reģionālā ekonomika un ekonomiskā politika" doktorants

Baltijas Starptautiskā akadēmija

aleksandrs.sakovskis@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs: prof. Inna Stecenko

ANOTĀCIJA

Šajā rakstā autors, pamatojoties uz Latvijas mājokļu stāvokļa analīzi, piedāvā iespējamu risinājumu pēckara būvniecības perioda daudzdzīvokļu dzīvojamo māju atjaunošanas procesam (renovācijai). Autors uzsver nepieciešamību paātrināt projektu attīstību, lai uzlabotu daudzdzīvokļu ēku energoefektivitāti. Darbā izmantotas statistiskās, ekonomiskās analīzes, socioloģisko pētījumu metodes un ekspertu vērtēšanas metode. Raksta nobeigumā autors pamatoja nepieciešamību paātrināt novecojoša dzīvojamā fonda atjaunošanas tempu.

Atslēgvārdi: daudzdzīvokļu dzīvojamās ēkas, renovācija, energoefektivitāte, energoefektivitātes fonds, Latvija.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Neskatoties uz to, ka pēdējā laikā novecojušo mājokļu stāvoklis Latvijā ir piesaistījis arvien lielāku uzmanību gan no valdības, gan no ekspertu kopienas puses, dzīvojamo daudzdzīvokļu ēku energoefektīvu renovācijas projektu attīstības temps joprojām ir samērā zems. Pamatojoties uz faktu, ka daudzdzīvokļu dzīvojamās mājas ir celtas pēckara periodā, mājokļu nolietojuma problēma un lielais siltumenerģijas patēriņš kļūst arvien aktuālāki. Tāpēc ir nepieciešams atrast risinājumus, kas ne tikai palīdzēs dzīvojamo ēku renovācijas tempu paātrināšanai, bet arī no šīs problēmas risinājuma radīs priekšnoteikumus ekonomiskai izaugsmei.

Pētījuma mērķis ir piedāvāt finansiālu risinājumu, lai stimulētu mājokļu atjaunošanas tempu Latvijas energoefektivitātes ziņā.

Pētījuma metodes - šajā rakstā tika izmantotas statistiskās, ekonomiskās analīzes, socioloģisko pētījumu metodes un ekspertu vērtēšanas metode.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Ekonomikas ministrijas izstrādātā ilgtermiņa mājokļa atjaunošanas stratēģijā saskaņā ar Eiropas Parlamenta un Padomes direktīvu Nr. 2012/27ES laika periodam līdz 2023.gadam, aktuāli Latvijas ēku energoefektivitātes mērķi un saistības ir:

- 1) finansējuma pieejamība ekonomiski pamatotiem projektiem visā Latvijas teritorijā, t.sk. reģionos;
- 2) projektu augstas kvalitātes uzraudzība un vadība;
- 3) uzmanības pievēršana pasākumiem, lai sasniegtu rezultātus, t.s., enerģijas ietaupījumu;
- 4) augstas energoefektivitātes un kvalitatīvas būvniecības panākšana;
- 5) būvniecības firmu atlases procedūras uzlabošana;
- 6) resursu izmaksu samazināšana.

Tajā pašā dokumentā ir informācija, ka 2017. gada 17. februārī Latvijas Nacionālajā bibliotēkā Rīgā notika noslēguma konference BUILD UPON projekta "Sabiedrības iesaistīšanās un līdzdalība ir veiksmīgs Latvijas

māju atjaunošanas ilgtermiņa stratēģijas pamats”ietvaros, kuras laikā tika pieņemta Deklarācija par ilgtermiņastratēģijas pilnveidošanu ēku atjaunošanā Latvijā 2014. – 2020.g.g. ES pētniecības programmas „Apvārsnis 2020” ietvaros. (Projekta BUILD UPON darbības mērķis ir veicināt energoefektivitāti un padziļinātu ēku atjaunošanu) [1]. Un šajā Deklarācijā par ilgtermiņa stratēģiju ēku atjaunošanai Latvijā 2014. – 2020. g.g.kā viens no galvenajiem mērķiem tika izvirzīts - veicināt augstas kvalitātes un izmaksu ziņā efektīvu ēku renovāciju, kas atbilst augstiem energoefektivitātes standartiem, nodrošinot kvalitatīvu dzīvojamo, komerciālo un sabiedrisko ēku atjaunošanu Latvijā.

Saskaņā ar 1. tabulas datiem, Latvijā ir 39504 daudzdzīvokļu ēkas no trim dzīvokļiem un augstāk.

1.tab.Enerģiju patērējošu dzīvojamo ēku skaitsun platība, Latvija, 2016

Dzīvojamās ēkas	Skaitis	Platība, mlj.m2
Viena dzīvokļa māja	307 861	35.82
Divu dzīvokļu	13 861	2.17
Triju un vairāku dzīvokļu	39 504	51.26
Dažādu sociālo grupu	663	0.85
Kopā	361 889	90.10

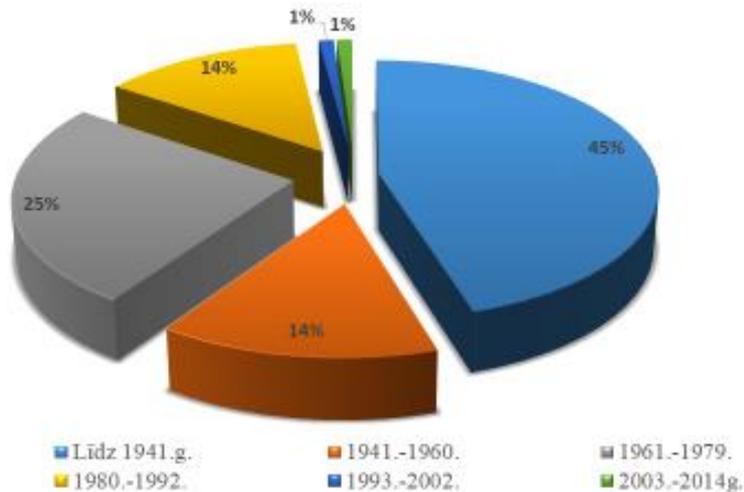
Avots: EMZin_300817_Eku_atjaun; Informatīvais ziņojums “Ēkuatjaunošanasilgtermiņastratēģija”

Kā norādīts Informatīvā ziņojuma “Ēku atjaunošanas ilgtermiņa stratēģija” materiālos, tikai 6% Latvijas daudzdzīvokļu dzīvojamo ēku atbilst normatīvajos aktos noteiktajām siltumtehnikas prasībām. Attiecīgi 37,267 daudzdzīvokļu dzīvojamām mājām ir nepieciešami energoefektīvi atjaunošanas pasākumi.

1. attēlā redzams, ka 39% daudzdzīvokļu ēku tika uzceltas laika posmā no 1941. līdz 1979. gadam un 45% laika posmā līdz 1941. gadam.

1. attēls. Daudzdzīvokļu ēku skaita īpatsvars pēc uzcelšanas gada.

Daudzdzīvokļu ēku skaita īpatsvars pēc uzcelšanas gada

Avots: Valsts zemes dienesta izvegtie Nekustamā īpašuma valsts kadastra informācijas sistēmas dati uz 2017. gada 1. janvāri.

Ja aprēķinām kvantitatīvi, 1941.-1979. g.g. mājas būs - 14534 mājas, un pirmskara ēkas būs - 16770 mājas, kurām nepieciešama renovācija. Šeit jāpiebilst, ka saskaņā ar valsts organizācijas ALTUM datiem, Latvijā aptuveni 10 000 dzīvojamo ēku ir kritiskā situācijā. [2] Neskatoties uz to, ka pirmskara periodā uzceltās mājas ir vecākas, pēc autora domām, vispirms ir jāpievērš uzmanība padomju laikā uzbūvētajām daudzdzīvokļu ēkām. Autors savu viedokli pamato ar to, ka saskaņā ar Latvijas Republikas Ministru kabineta 2010. gada 28. septembra noteikumiem Nr. 907, visu padomju laika daudzdzīvokļu ēku projektu vidējais kalpošanas laiks ir 65 gadi [3]. Tas nozīmē, ka dzīvojamo māju, kas būvētas 1941.-1979.g.g., pēdējā perioda kalpošanas laiks beidzas 2044. gadā, nemaz nerunājot par iepriekšējiem ekspluatācijas gadiem. Jāatzīmē, ka pie riska grupas pieder arī pirmskara koka mājas.

Saskaņā ar Ekonomikas ministrijas datiem, ES struktūrfondu finansējums mājokļu renovācijas projektiem no iepriekšējā plānošanas perioda no 2010. līdz 2016. gadam 7 gadus bija 149 miljoni eiro un tika atjaunotas 741 dzīvojamās ēkas. [4] 2016. gada 15. martā Latvijas Republikas Ministru kabinets pieņēma lēmumu, saskaņā ar kuru tika pieņemta jauna dzīvojamo ēku energoefektivitātes programma laika posmam no 2016. gada līdz 2023. gadam un piešķirts 166.470.588 eiro no Eiropas fondiem, kas saskaņā ar Ekonomikas ministrijas plāniem ļaus atjaunot 1700 dzīvojamo ēku valstī [5].

Tomēr 2018. gada beigās situācija ir mainījusies. Valsts institūcijas ALTUM oficiālajā tīmekļa vietnē ir informācija, no kuras izriet, ka pieejamā finansējuma apjoms jau ir 156 miljoni eiro, darbības termiņš ir samazināts līdz 2020. gadam, un plānotais atjaunoto māju skaits būs aptuveni 1030 mājas. [6] Protams, šī ir reālistiskāka prognoze mājokļu renovācijas procesam. Ir viegli aprēķināt, ka piecu gadu laikā tiks atjaunoti aptuveni 200 dzīvojamo māju gadā. Kā jau autors jau ir norādījis, 14534 dzīvojamām ēkām vispirms ir nepieciešama renovācija. Pamatojoties uz plānotajām likmēm un piešķirto finansējumu, iepriekš minēto māju skaita atjaunošanai būs vajadzīgi aptuveni 72 gadi, tas ir, atjaunošanas process tiks pabeigts līdz 2091. gadam. Pamatojoties uz faktu, ka līdz 2044. gadam ir nepieciešams atjaunot aptuveni 14 000 dzīvojamo māju, renovācijas līmenim jābūt aptuveni 560 māju gadā. Tas skaidri parāda, ka pēc minimālākajiem aprēķiniem ir nepieciešams palielināt finansējuma apjomu 2,5 - 3 reizes.

Pamatojoties uz esošo dzīvojamo ēku energoefektivitātes uzlabošanas finansēšanas programmu, vidējais gada finansējuma apjoms ir aptuveni 30 miljoni eiro gadā. Lai nodrošinātu autora piedāvāto renovācijas likmi, ir nepieciešams palielināt pieejamo finansējumu aptuveni 90 miljonu eiro apmērā gadā energoefektīvai rehabilitācijas programmai mājokļu fondam Latvijā.

Lai nodrošinātu novecojušo mājokļu atjaunošanas nepārtrauktību Latvijā, ir nepieciešams izveidot dzīvojamo ēku energoefektivitātes valsts fondu (Energoefektivitātes fonds), kas, pēc autora domām, būtu papildu finansējuma avots dzīvojamo māju energoefektīviem renovācijas projektiem pie Eiropas fondiem.

Lai nodrošinātu šā fonda finansējumu, autors ierosina māsaimniecībām izmantot enerģijas nodokli. Saskaņā ar 2016. gada datiem, saskaņā ar Latvijas Centrālās statistikas pārvaldes datiem, gada laikā iekasētā nodokļa summa bija 212 miljoni eiro. Savāktu nodokļu apjoms ļauj dzīvojamo ēku energoefektivitātes fondam nodrošināt nepieciešamo finansējumu 90 miljonu eiro apmērā gadā, kas palielinās mājokļu atjaunošanas tempu Latvijā līdz minimālajam nepieciešamajam līmenim.

Autora izvēle bija vērsta tieši uz šo nodokli, jo tā tiek iekasēta no māsaimniecībām, un ir diezgan loģiski, ka tam ir jāatgriežas, uzlabojot šo pašu māsaimniecību kvalitāti.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Pētījuma rezultātā autors parādīja, ka ievērojama daļa daudzdzīvokļu ēku tika uzcelta pēckara padomju laikā. Ievērojama daļa šo māju ir kritiskā stāvoklī, un 90% neatbilst mūsdienu prasībām attiecībā uz energoefektivitāti. Ne pirms 1991. gada, ne pēc tam praktiski netika veikts daudzdzīvokļu māju kapitālais remonts. Katru gadu tehniskais stāvoklis pasliktinās, kas apdraud pašas dzīves drošību.

Novecojušo mājokļu atjaunošana kļūst arvien neatliekamāka, jo jaunbūve objektīvi nespēj apmierināt vajadzību pēc kvalitatīviem mājokļiem, izmantojot mūsdienīgus starptautiskos standartus.

Esošā sistēma, ar ko finansē projektus, kas paredzēti energoefektīvai dzīvojamo ēku atjaunošanai no Eiropas fondiem, nevar nodrošināt nepieciešamo renovācijas līmeni. Nav skaidrs, kā Eiropas Savienība turpinās atbalstīt dzīvojamo māju energoefektīvas atjaunošanas programmu.

Pēc autora domām, valstij jāuzņemas atbildība par dzīvojamo māju atjaunošanu un jāizveido īpašs fonds dzīvojamo ēku energoefektivitātei. Autors savā darbā parādīja finansējuma avotu šādam fondam - nodokļa sadalījumu videi, jo īpaši enerģijas nodokli māsaimniecībām.

Saskaņā ar šo finansējuma avotu, savāktā naudas summa būs pietiekama, lai nodrošinātu novecojušo dzīvojamo fondu atjaunošanas tempu paātrinājumu. Nobeigumā jāatzīmē, ka saskaņā ar jaunākajiem datiem 2018. gada decembrī, finanšu institūcija ALTUM paziņoja, ka renovācijas projektu finansējuma ietvaros renovēto māju skaits var būt pat mazāks par plānoto - 1030 māju vietā finansējums būs pieejams tikai 650 mājām. Tas skaidri apstiprina autora izvēlētais tēmas aktualitāti.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Ekonomikas ministrijas informatīvais ziņojums "Ēku atjaunošanas ilgtermiņa stratēģija". 2017, 37 lpp.
2. Aleksandrs Sakovskis, Vadim Chekalin "COMPARATIVE ANALYSIS OF ORGANIZATION AND FINANCING CAPITAL REPAIRS (RENOVATION) IN MULTI-APARTMENT BUILDINGS IN THE CITIES OF LATVIA AND RUSSIA (CASES OF RIGA AND SAINT PETERSBURG)" Social sciences bulletin, 2017 1 (24), ISSN 1691-1881
3. Ministru kabineta noteikumi Nr.907 "Noteikumi par dzīvojamās mājas apsekošanu, tehnisko apkopi, kārtējo remontu un energoefektivitātes minimālajām prasībām". Rīga, 2010. gada 28. septembrī (prot. Nr.49 8.§)
4. Ekonomikas ministrijas informatīvais ziņojums "Ēku atjaunošanas ilgtermiņa stratēģija" 2017, 24. lpp.
5. LR Finanšu ministrija, <http://www.esfondi.lv/jaunumi/atbalstam-daudzdzivoklu-eku-renovacijai-bus-pieejami-166-miljoni-eiro>
6. Valsts finanšu institūcija ALTUM, <https://www.altum.lv/lv/pakalpojumi/energoefektivitate/daudzdzivoklu-maju-energoefektivitate-pamatinformacija/par-programmu>

Влияние трудовой миграции на экономику Украины

Сичак Виктория,

*Балтийская Международная Академия, Рижский филиал,
учебная программа «Международные финансы»*

viktorija_sichak@inbox.lv

АННОТАЦИЯ

Планомерное ухудшение экономической ситуации в Украине ведет к негативным последствиям. Одной из серьезных и достаточно актуальных тем на сегодняшний период является вопрос о трудовой миграции. Проблема миграции очень актуальна в наше время и о ней говорят без исключения весь мир.

Ключевые слова: экономические последствия, статистические показатели, трудовая миграция.

ANOTATION

Systematic deterioration of the economic situation in Ukraine have to negative consequences. One of the serious and quite relevant topics for today is the issue of the labor migration. The problem of a migration is very relevant in our time and in the whole of world to discuss about it.

Keywords: labor migration, economic consequences, statistical indicators

IEVADS / ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Данная статья посвящена актуальным проблемам трудовой миграции в современном мире. Миграция представляет собой процесс перемещения населения как внутри страны, так и за её пределами, с целью постоянного места жительства или временного пребывания. В современном мире миграция населения приобретает глобальный характер. Трудовая миграция занимает весомую нишу в общем числе людей, выехавших за пределы страны в поисках лучшего будущего.

В настоящее время экономика Украины функционирует в условиях экономической нестабильности, что обусловлено наличием внешних и внутренних причин. Мы видим повышение уровня инфляции, безработицы и т. д. Все это может создать серьезные проблемы макроэкономической стабильности и устойчивости экономики.

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Трудовая миграция — это передвижение людей либо внутри страны, либо между странами ради заполнения незанятых рабочих мест. По мнению социологов, трудовая миграция — важная особенность экономического развития. Среди общего числа людей, уезжающих в поисках работы, большой процент выпадает на сезонных работников. Сезонная трудовая миграция являет собой выполнение мигрантом сезонных работ в другом государстве.

На сегодняшний день чаще всего мигрируют те, кто недоволен уровнем экономики страны и своим материальным положением в ней. Еще одним распространенным, экономически обусловленным фактором усиления рабочей миграции является затяжная безработица в слаборазвитых странах. Таким образом, основная причина, толкающая людей на переезд людей за рубеж, — поиск работы с целью повышения уровня жизни.

Потоки трудовых мигрантов направлены в основном в соседние страны — Российская Федерация (43 %), Польша (14 %), Чехия (13 %), и в страны с более привлекательными условиями — Италия (13 %), Испания (5 %), Германия (2 %). Причем в Россию и Чехию выезжают в основном мужчины, они

работают на строительстве, в то время как среди мигрирующих в Италию и Венгрию преобладают женщины, где они работают соответственно в качестве домашней прислуги и в сельском хозяйстве. [6]

В апреле 2018 года Центр экономической стратегии (ЦЭС) Украины поделился данными исследования «Сколько украинцев уехало за границу и что с этим делать государству». По его результатам, Украина вошла в десятку стран-доноров международных мигрантов в мире.[1]

Оценка результативности трудовой миграции и эффективности государственного управления ею особенно важны для стран-доноров, в условиях все большей их зависимости от выезда рабочей силы и денежных переводов мигрантов.

Таблица 1. Денежные переводы в Украину из-за рубежа, согласно данным Министерства Финансов Украины [5]

Денежные переводы в Украину из-за рубежа с 2008 по 2018 гг (млн.долл.США)			
Год	Сумма, млн.долл.США	Изменение, долл	Изменение, %
2008	6177		
2009	5370	-807	-13,10%
2010	5862	492	9,20%
2011	7019	1 157,00	19,70%
2012	7526	507	7,20%
2013	8537	1 011,00	13,40%
2014	6489	2 048,00	-24,00%
2015	6959	470	7,20%
2016	7535	576	8,30%
2017	9287	1 752,00	23,30%

Денежные переводы имеют положительную динамику, являются важным источником притока валюты в Украину. Даже когда из государства уходит капитал, трудовые мигранты остаются наиболее лояльными инвесторами. В трудные времена они могут не только не уменьшать, но и увеличивать переводы на родину. Объемы денежных переводов трудовых мигрантов имеют стабильный характер в отличие от прямых иностранных инвестиций, что можно рассматривать как надежный источник поступления иностранной валюты, улучшающий кредитный рейтинг страны и способствующий притоку инвестиций при определенных благоприятных условиях.

Влияние трудовой миграции на экономику страны имеет как негативные так и положительные последствия.

Таблица 2

Последствия для финансовой сферы и бюджета государства.	
Увеличиваются поступления в бюджет за счет комиссий, получаемых от денежных переводов из-за рубежа.	Происходит рост инфляции за счет увеличения денежной массы без роста производства товаров и услуг.
Увеличиваются поступления в бюджет за посреднические услуги в трудоустройстве за рубежом.	Происходит укрепление национальной валюты за счет притока иностранной, в которой осуществляются денежные платежи.

Сокращается дефицит платежного баланса за счет поступления денежных переводов от мигрантов из-за рубежа.	Усиливается отток капиталов из страны.
Сокращение расходов на социальные статьи бюджета (здравоохранение, образование и т.д.) в связи с отъездом работников.	Происходит переориентация капитальных вложений с освоения производственных ресурсов на потребление.
	Денежные потери на подготовку специалистов (образование, соц. расходы).
Последствия для внешнеэкономической деятельности.	
Создание совместных предприятий с экономическими субъектами страны импортера трудовых ресурсов.	Усиливается зависимость от иностранного спроса не только на товары, но и на рабочую силу.
Увеличение товарооборота между страной-экспортером и страной-импортером трудовых ресурсов.	

В вышеуказанной таблице в левой колонке мы видим положительное влияние, в правой негативное.

Воздействие трудовой миграции на экономическое развитие стран-доноров рабочей силы имеет сферы влияния, представленные в таблице 3.

Таблица 3 Воздействие трудовой миграции на экономическое развитие стран- доноров рабочей силы [4]

№	Сферы влияния	Показатели
1.	Влияние трудовой миграции на внутренний рынок труда.	• Доля трудовых эмигрантов в общей численности экономически активного населения. • Отношение доли трудовых эмигрантов в общей численности экономически активного населения и доли безработных на рынке труда • Отношение доли трудовых эмигрантов, имевших до выезда работу, с долей трудовых эмигрантов, не имевших постоянное место работы до выезда.
2.	Влияние трудовой эмиграции на уровень развития человеческого капитала.	• Отношение доли трудовых мигрантов, имеющих среднее специальное образование, и доли населения трудоспособного возраста, имеющего среднее специальное образование. • Отношение доли трудовых мигрантов, имеющих высшее образование, и доли населения трудоспособного возраста, имеющего высшее образование. • Отношение доли трудовых мигрантов, имеющих послевузовское образование, и доли населения трудоспособного возраста, имеющего послевузовское образование.

		• Отношение среднего возраста трудовых эмигрантов и среднего возраста экономически активного населения. • Доля денежных переводов, которую домохозяйства тратят на образование и медицину. • Доля трудовых мигрантов, работающих в соответствии со своей квалификацией и образованием в общей численности трудовых эмигрантов. • Доля мигрантов, занимающихся низкоквалифицированной занятостью и имеющих высшее и среднее специальное образование в общей численности трудовых эмигрантов.
3.	Денежные переводы трудовых мигрантов на родину и их влияние на экономическое развитие государств-доноров рабочей силы.	• Общая сумма денежных переводов трудовых эмигрантов на родину. • Средняя величина денежного перевода в расчете на одного трудового эмигранта. • Соотношение денежных переводов эмигрантов и потенциальных налогов, которые могли бы заплатить эмигранты, если бы были трудоустроены на родине. • Доля денежных переводов, которую домохозяйства тратят на текущее потребление • Доля денежных переводов, которую домохозяйства хранят в качестве сбережений. • Отношение доли денежных переводов, которую домохозяйства тратят на текущее потребление, и доли денежных переводов, которую домохозяйства хранят в качестве сбережений. • Доля денежных переводов трудовых эмигрантов в валовом внутреннем продукте государства.
4.	Влияние трудовой эмиграции на расходные и доходные части бюджета.	• Величина экономии бюджетных средств на социальных расходах, вызванная трудовой эмиграцией • Величина денежных поступлений в бюджет от трудовой эмиграции (налоги и обязательные платежи, выплачиваемые частными агентствами занятости, рекрутинговыми центрами и т.д.)
5.	Стоимостное выражение потерь, связанных с трудовой эмиграцией, которые несет государство-донор рабочей силы	• Сумма расходов на образование, медицину и социальное обслуживание, которое было потрачено на трудовых эмигрантов.

Необходимо отметить, что использование приведенных выше сфер влияния невозможно без значительного изменения в методике сбора и обработки статистических данных. Первичная информация по предложенным показателям должна собираться различными ведомствами, что требует создания комплексной информационной базы, наполняемой в оперативном режиме из различных государственных источников. Также появляется необходимость использования различных методов сбора первичной информации. Однако, внедрение подобной системы позволит значительно расширить возможности управления миграционными процессами, оперативного реагирования на негативные тенденции.

SECINĀJUMI / ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS

Основными факторами влияния на уровень трудовой миграции украинцев за границу в условиях европейской интеграции в современной политико-экономической ситуации является демографическая ситуация, уровень безработицы, размер заработной платы, миграционная политика, а также политическая ситуация в Украине и мире, которая особенно обострилась в 2014–2015 гг. Так, в частности, сокращение и старение населения в странах ЕС, наличие скрытой безработицы в Украине, проблемы трудоустройства молодежи после получения образования, превышение размера заработной платы в 3–5 раз в странах ЕС по сравнению с Украиной и высокие уровни заработной платы среди всех стран реципиентов украинских мигрантов, отсутствие конкретных мер в Украине, направленных на репатриацию, на украинском фоне наличие таких мер в зарубежных странах, политическая нестабильность в Украине – все это факторы, которые способствуют увеличению количества мигрантов в страны ЕС. Подписание Соглашения об ассоциации Украины и Европейского Союза также будет способствовать увеличению количества трудовых мигрантов, в том числе за счет упрощения визового режима, а также содействовать мобильности населения.[6]

Украина создает высококвалифицированных и высокообразованных специалистов, делает вклад в их образование, а со временем сталкивается с проблемой нехватки трудовых ресурсов, по причине трудовой миграции. Люди массово уезжают со страны в поисках более высокооплачиваемой работы. Высокие темпы оттока рабочей силы приводят к усилению диспропорций между спросом и предложением на рынке труда. Это в свою очередь сопровождается ростом заработной платы и инфляции параллельно со снижением экономического потенциала. Поэтому это сложная проблема, которая не решается важными законами.

Этот вопрос экономических реформ, прежде всего, улучшение предпринимательского климата. И нормальные макроэкономические условия: низкая инфляция, приемлемые темпы экономического роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Раковская В. С., Соловьёва Н. Н., Туманова И. А. Трудовая миграция: последствия для стран-доноров и стран-реципиентов. Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3.; [электронный запрос] URL: [<http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9443>]
2. Основная причина миграции заключается в разнице уровня зарплат– Электронный ресурс (запрос 26.11.2018)
3. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии.
4. Экономические последствия трудовой миграции для стран-доноров: от анализа эффектов к показателям статистической оценки.
5. Министерство финансов Украины [электронный запрос] URL[<https://index.minfin.com.ua/economy/transfer/>]
6. Уварова И.С. Международные миграционные процессы в Украине и тенденции их интенсификации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; URL: [<http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17426>]

METHODICAL APPROACH TO FORMATION OF PRICES FOR A COMMERCIAL DRONE COMPANY'S SERVICES REGARDING THE LOCAL CONTEXT (A CASE STUDY OF COSTA RICA)

Nikolajs Sulima

Doctoral programme "Regional economics and economic policy"

Baltic International Academy, Riga, Latvia

4 Lomonosova Str. LV 1003, Latvia

ABSTRACT

The service market of unmanned aerial vehicles (UAV) is currently boosting. However, price formation issues have not been explored fully, due to not only the newly started commercial activity in this sphere, but also to the lack of proper legal regulation. The article proposes a new methodical approach and a formula to estimate UAV services accomplishment by a Costa Rica's drone company considering the local context. The author sets calculation examples of a base rate per hour for UAV services rendering, as well as productive daylight-saving time considering a sharp contrast between various regions' climate conditions. The suggested layouts can be used as a guide in the discussed sphere when performing financial calculations using the indices of other small countries and vast countries' regions.

Keywords: Commercial UAV services, price for services, base rate, daylight-saving (summer) time (DST).

ABSTRACT

Рынок услуг беспилотных летательных аппаратов (UAVS) стремительно развивается. Однако вопросы ценообразования на эти услуги пока проработаны недостаточно, как в силу новизны этой сферы коммерческой деятельности, так и в силу ее правовой неурегулированности. В представленной работе предлагается методический подход и формула для оценки стоимости оказания UAVS применительно к костариканской дронной коммерческой компании с учетом региональной специфики. Приведены примеры оценки базовой ставки за час оказания UAVS и полезного летного времени оказания этих услуг с учетом резкого контраста климатических условий в районах страны. Предложенный подход можно принимать за основу при экономических расчетах в рассматриваемой сфере деятельности и в других малых странах или регионах больших стран.

Ключевые слова: Коммерческие услуги беспилотных летательных аппаратов, стоимость услуг, базовая ставка, летное время.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Commercial services rendering with the help of unmanned aerial vehicles (UAV) and modern information technologies (IT) for videomonitoring and recording is a relatively new business domain at the stage of legal and practical development. UAV services (henceforth UAVS) are provided by specialized companies, which are classified as commercial drone companies (DCo). The latter as well:

- possess the necessary business authorization documents;
- function on a constant basis;
- render services at a charge;
- employ certified pilots and operators;
- exploit mass-produced private or taken on lease UAV allowed to be used for commercial purposes.

Such companies put on market various UAVS divided in two groups:

- *essential services* – services for spotting and monitoring of objects, processes and events in real time from the air with providing the customer with the corresponding photo/video files afterward;
- *optional charged services* – formally not spotting and monitoring ones but bringing additional income to DCo – are services for in-office data post-processing followed by providing the clients with videos, photo albums and other materials on paper or electronic media.

UAVS sphere is an innovative business sphere, where the northern and central American pricing policy is mostly shaped by major American companies.

Commercial UAVS costs in countries of the given region are mainly influenced by the following quality and qualitative characteristics:

- sphere of UAVS rendering and its arrangement;
- time of UAVS accomplishment;
- types of provided materials after UAV rendering.

The arrangements for efficient and competitive UAVS accomplishment in relative spheres of the national economy, along with fulfilling common requirements (such as, quality maintenance, ensuring service efficiency, etc.), include meeting specific requirements for DCo, in addition to the summarized demands set in [1,2]:

- finding their own niche in the market of commercial UAVS differentiating them within the range of those much-in-demand in the given area or district and controlling expenses to purchase only actually needed UAV accessories, equipment and software for data post-processing;
- ensuring “transparency” of price offers, which implies that clients are aware of UAVS types rendered by a DCo, their amount and the costs;
- preparing price offers for various customer categories, including those with base rates for low-budget customers;
- diversifying price offers in compliance with UAVS types considering:
 - a) the qualification of drone pilots and specialists in UAVS data post-processing;
 - b) the available UAV, as well as photo/video/ and other tools;
 - c) specialized equipment and software for processing the obtained data after UAVS rendering;
- **considering drone insurance and third-party liability, along with other economic factors, when preparing price offers.**

The diverse spheres of UAV application in the continent of North America are described in detail in the mentioned sources [3-6], and some of UAVS types in Costa Rica are enumerated in publications [7-10] and others.

Local price offers are well presented on the web site and in promotional brochures of major Costa Rica's companies in UAVS rendering Aerial Media Costa Rica [11]. However, methodical issues of considering the local context in UAVS pricing have not been sufficiently explored. The current study puts forward methodical approaches to this problem with reference to countries, similar to Costa-Rica, characterized by varying features of UAVS rendering depending on the country's region, the landscape and climate contrasts.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

I. The general methodical approach to UAVS pricing at DCo

UAVS pricing in North American countries is grounded by several approaches. The basic ones are confined to making the service fee cover DCo's expenses for UAV exploitation per 1 hour of DST, UAV pilot's per working hour, Mobile Unit's (MU) functioning per hour, the process of each UAVS rendering, etc. The expenses for the chosen package may vary due to a certain percentage of profitability

being added. MU is defined as a subdivision of DCo employing a pilot, a video and photo operator, a driver of a vehicle used to deliver UAV to the service location, as well as having available UAV with all necessary equipment and accessories and a vehicle. The driver, if having undergone the required training, can fulfill the operator's functions. In simplified form, the pilot may perform both the driver and operator's functions.

Considering Costa Rica, we should point out the following: Costa Rica's DCo amount to about several dozens – a big number, but not enormous. The majority is made up by minor firms and private entrepreneurs, mostly running only one UAV. There also exists an unofficial UAVS market developed by unlicensed entrepreneurs. All the DCos function independently, which excludes any price-fixing conspiracy.

Summarizing the data on UAVS pricing in this region, we should note that affordable price offers are prepared considering DCo's operational (summer-time) expenses calculated at an hourly rate for UAVS rendering and additional costs not directly connected with the operational ones.

Let us divide UAVS price types in three groups:

- UAVS target price – an average price for one UAVS. Here, the revenue from their rendering in a period usually meets the expenses on UAV during the same period.
- prices for primary UAVS – those ensuring UAVS promotion on the competitive market, taking into account revenues or discounts;
- prices for ancillary services, not associated with MU's functioning and defined as mark-ups on the main UAVS.

Prices for ancillary UAVS correlate with costs of similar services in corresponding spheres. For instance, video editing in the sphere UAVS rendering and common video business is priced equally. Thus, to determine prices for ancillary UAVS, especially if a DCo employs specialists in this domain, it seems appropriate to be guided by the existing fees in relevant photo and video industries. If a DCo resorts to transactors' services in providing ancillary UAVX, their quoted prices are added to those for corresponding basic UAVS.

Below we put forward a formula for finding the C_n cost of relevant UAVS_n considering the regional specialities of these services rendering:

$$C_n = \hat{C} T_{fn} (1 \pm K_{jmn} \pm P_{jmn} + \{Q_n\}) + X_{tn} + \{I_n\} + Y_n, \quad (1)$$

where

\hat{C} – an average base hourly rate for UAVS rendering (with out reference to their type), which ensures reimbursement of DCo's costs regarding the calculated volume;

T_{fn} – daylight-saving (summer) time (see formula 1.1) for UAVS_n accomplishment;

K_{jmn} – the coefficient considering the difference between service industries (j) and customer groups (m) in the framework of the given service sector when rendering UAVS_n;

P_{jmn} – the coefficient considering the pilot's/operator's required expertise or proficiency level for providing the customer group m with necessary UAVS_n in the industry j ;

X_{tn} – expenses on UAV transportation to the UAVS_n location with a running time of T_{tn} ;

I_n – not included in the base rate insurance coverage, if providing UAVS_n in sites with higher insurance liability;

Y_n – a schedule of rates for in-office UAVS_n data post-processing set in accordance with prices for similar services in specialized businesses (photographer's studio, commercials production, etc.);

Q_n – the time point index of UAVS_n booking (with no reference to their type) applying the corresponding reservation technology;

$\{R\}$ – braces meaning that the braced index may be considered or not considered in the desired equation.

Parameters K_{jmn} , P_{jmn} and Q_n in (1) adopt values in the 0 to 1 range.

Let us derive a formula for estimating the total UAVS_n delivery time:

$$T_n = T_{tn} + T_{fn} + T_{pn} + T_{sn}, \quad (2)$$

where

- T_{tn} – MU transportation to the service location;
- T_{fn} – time for spotting from the air (photoshoot, video recording), that is daylight-saving (summer) time;
- T_{pn} – in-office data post-processing and analysis;
- T_{sn} – providing customers with the deliverables on paper (brochures) or electronic media.

The parameters in (1) mostly affected by the local context are \hat{C} and T_{fn} .

The generalized C_n parameter definition algorithm comes down to performing the listed procedures regarding the spotted region:

- 1) Conducting an analysis of UAVS price quotation range and competitors' price offers.
- 2) Calculation of unit costs of one MU maintenance.
- 3) Studying the UAVS structure in the region in general and the territories of a DCo's operation.
- 4) Assessment of daylight-saving time for UAVS rendering in DCo's operation areas.
- 5) Estimation of operators' expertise and their work complexity when rendering UAVS in DCo's business segments.
- 6) Definition of a distance matrix between MU's positioning and UAVS consumers' location considering mounting or dropping coefficients for evaluating the local topography, roads' condition and their utilization rate.

The proposed algorithm is not linear:

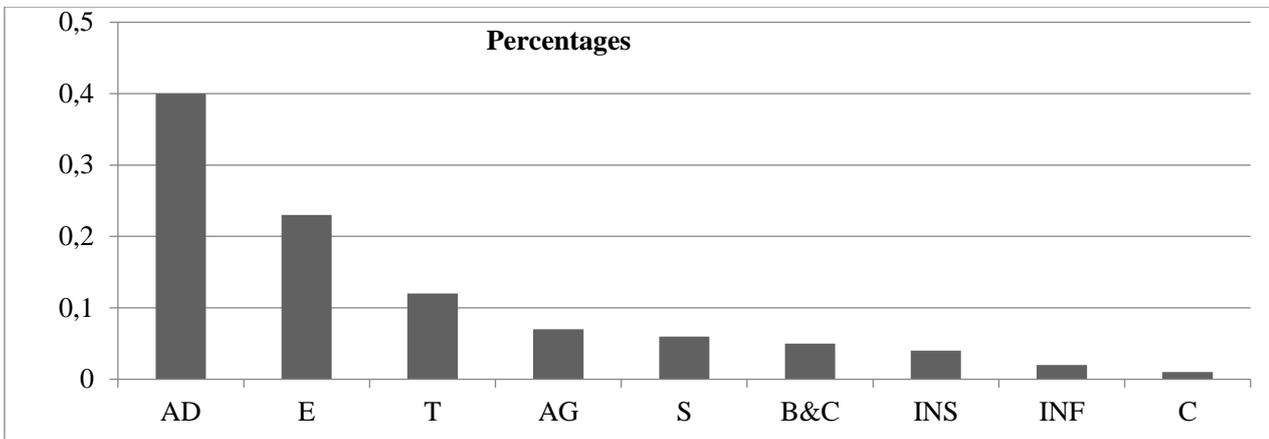
it does not provide for any backtracking to adjust the predicted parameters and coefficients regarding the circumstances revealed at the previous stages. The first and second algorithm procedures having been completed, an investigator will manage to estimate an average base hourly rate for UAVS rendering. Subsequent procedures are performed to calculate the adjustment coefficients and other parameters taken into consideration to set the ultimate cost of specific UAVS paid by customers from a specific group.

II. Consideration the specifics of \hat{C} and T_f parameters calculation (a case study of Costa Rica's DCo "La Castelana SA")

2.1. Estimation of an average base hourly rate for UAVS accomplishment

Estimating an average base hourly rate (\hat{C}) turns out to be rather simple. To do that one should calculate DCo's expenses on 1 MU, divide this amount by an average number of provided UAVS during the outlined period regarding their volume in the corresponding area. In particular, Fig. 1 shows UAVS order probability distribution in various industries calculated on the basis of the given data from a Costa Rica's company, as well as the results of mass media advertising (2016 r) analysis. The UAVS market in Costa Rica is not competitive yet. Services and price offers in this segment are mainly guided by the relevant American indices, as the country has close economic and political ties with the USA.

Fig. 2 sets an example of developing a base hourly rate for UAVS accomplishment giving the data on relevant rates at North American company AirStoc. The chosen industries ultimately correspond to major services sectors in Costa Rica.

AD – Advertising; E – Events; T – Tourism; AG – Agriculture; S – Surroundings; B&C – Buildings and construction;

INS – Insurance; INF – Infrastructure; C – Consulting.

A self-drawn bar chart.

Fig. 1. UAV order probability distribution in all industries

The author's calculations based on the data of a Costa Rica's DCo allowed to come up with an average estimation - $\hat{C} \approx \$135/hr$. The amount of this rate ensures the DCo's razor-thin profit margins and, at the same time, does not provoke any negative reaction from customers.

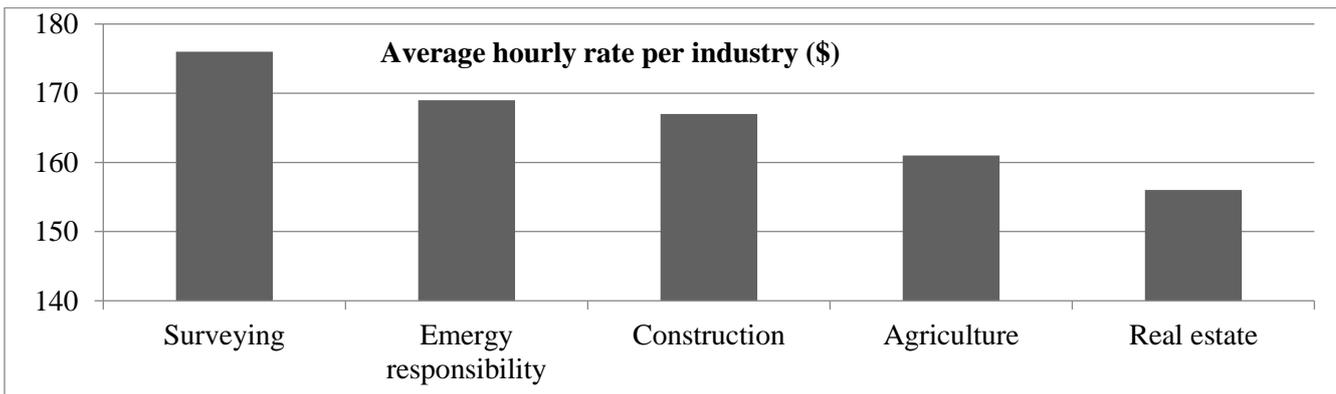

Fig. 2. Average hourly rate per industry

2.2. Estimation of daylight-saving time (T_f), when UAVS may be provided

Costa Rica is located in the tropical climate zone [12]. Averagely, the amount of cloudless days is equivalent to 28.2% per year. The period from December to April in the west of the country and the Central Valley witnesses almost no precipitation and is ideal for UAVS delivery. As for the period from September to October, it is considered the rainiest with fierce winds and hurricanes, which make UAVS rendering impossible. A dry season on the Caribbean coast falls to February, March, September and October, and a rainy one – to November – January, April – August. The air may be absolutely still at the Coast, while the Caribbean Sea brings storms and rains. Thus, despite the moderate territory size, dry and rainy seasons in the western, central and eastern parts of the country do not coincide in time.

The daylight-saving (summer) time of commercial drone application per 24-hour period (T_f) or PA is specified by:

- the length of light day, as UAVS accomplishment overnight is not only forbidden by law, but also dangerous due to the drone potential loss;

- dry weather without storms or hurricanes or minor precipitation defining the production time of drone exploitation;

- pouring rains, heavy winds, hurricanes and storms, that make the drone usage impossible.

Let us consider the enumerated factors.

The insignificantly changing light day duration, that makes from 12 to 13.5 hours with an average value of approximately $T_{ud} = 12.75$ hr per day [13, 14], is one of the country's geographical peculiarities. This duration period stands for the maximum productive (summer) time of commercial drone usage per day ($T_{f,max}$). Accordingly, services in video recording and camera surveillance are rendered throughout the year and up to 13.5 hr per day. UAVs are rarely provided in unfavourable weather conditions (showers, wind storms, etc.). It should be noted that the weather conditions on the country's north-eastern coast are found extremely uncomfortable for drone exploitation. The reason is the coast is washed by the Caribbean Sea, where rains fall all year round and, possibly, from December to April as well. However, on the north-western coast washed by the Pacific Ocean there may be some rainless days even during the period from September to October.

The calculated average productive time (that is summer time $T_{f,mid}$), when UAVs can be successfully delivered to country's regions throughout the day and during various seasons is given in Fig. 3.

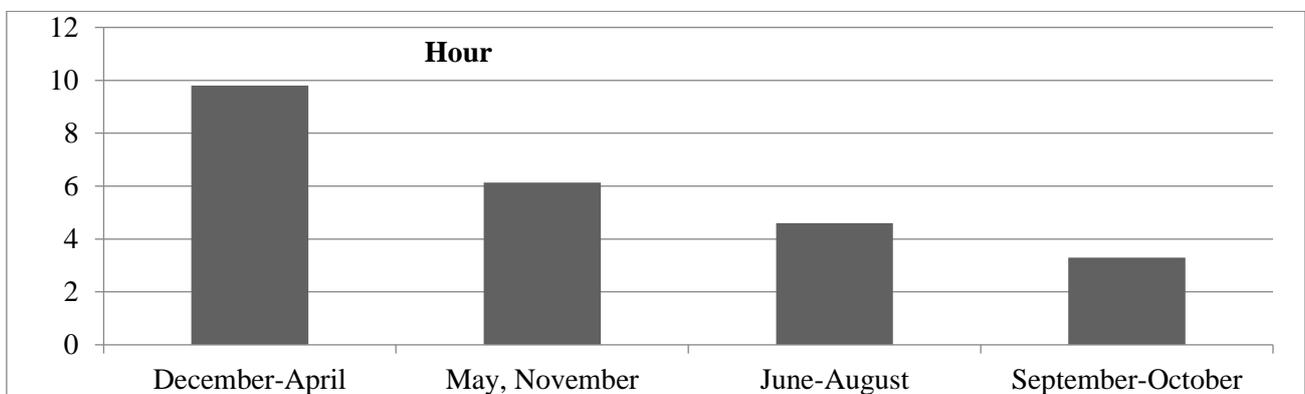

Fig. 3. The average light day duration (T_f) in various periods

Averagely:

$$T_{f,mid} \approx 6.8 \text{ hr} \tag{3}$$

This estimation is based on the empirical data obtained by the researcher and is proved by the data in the meteorological charts above. These charts give information about dry and rainy seasons' (un)favourable duration, as well as wind strength during certain months in various regions.

We also should point out the existing factors sufficiently increasing $T_{f,mid}$:

- the major portion of rains per day falls at night time;

- the rainiest period from September to October is distinguished by the most unfavourable wind and visibility conditions, whereas the period from mid-January up to mid-February is relatively dry, but warm and windy;

- UAVs rendering is impossible, when it is drizzling, but they can be provided in a faint mist not obscuring the drone visibility in the launch area.

As a result, the predicted $T_{f,mid} \approx 6.8$ hr is considered the poorest estimation of mean time for UAVs rendering during the day. Although, this period, in fact, can be one or two hours longer. The given estimation sufficiently affects the revenue factor, as it can be gained only during a favourable period.

To set an example, let us estimate the average UAVS productive time for various seasons and regions with drastically varying weather conditions on the west and east coast.

On the west coast let us consider:

- the coast of Guanacaste and the north of Puntarenas Province(G&P);
- a part of the Puntarenas coast near the town of Jako (MP);
- the south part of Puntarenas Province in the vicinity of small towns of Golfitoand PuertoJimenez (ZP), including Corcovado National Park.

On the eastern coast we will choose a district in the town of Puerto-Limón in LimónProvince (PL). The estimation results are represented in Fig. 4.

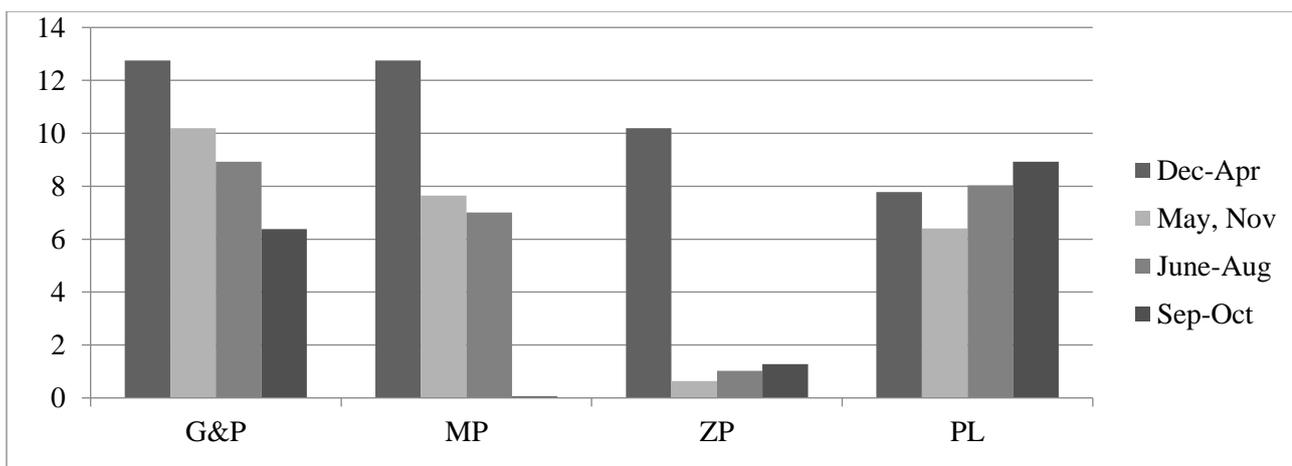

Fig. 4. Average $T_{f,mid}$ Values (in hours) corresponding to the chosen regions and periods

Average annual values of $T_{f,mid}$ for the chosen territories in Fig. 4 run to:

- G&P: $T_{f,mid} = 10.1$ hr;
- MP: $T_{f,mid} = 8.35$ hr;
- ZP: $T_{f,mid} = 4.61$;
- PL: $T_{f,mid} = 7.37$.

It should be pointed out, that when it comes to Limón Province, it is more reasonable to schedule UAVS rendering for the period from June to October, while in other provinces this period is considered the most unfavourable due to the poor weather conditions.

The average productive time (T_{fn}) for certain UAVS rendering is estimated by associating a service type with a certain region and season. In other words, in order to do economic calculations T_{fn} can be set to $T_{f,mid}$ for the relevant region.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

The article giving an insight into Costa Rica's specific conditions proposes a formula for corresponding UAVS pricing, with regard to the local context of these services rendering. It also provides estimation of its key parameters, such as a base hourly rate for UAVS accomplishment and daylight-saving time, when it is possible to deliver UAVS to different country regions with drastically varying weather conditions. It was demonstrated, that an average base rate for service rendering equals \$135/hr and the poorest estimation of mean time to render UAVS in various localities makes 6.8 hours. The obtained

data may be taken as a framework to make economic calculations while studying this or that country's market segment.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Amato A. 7 Pieces of Advice to Consider When Starting an Aerial Photography Company, 12 May 2015, <http://dronelife.com/2015/05/12/7-advice-aerial-photography-company/>, <http://www.dronethusiast.com/aerial-photography-prices/>, Dirk Dallas.
2. 7 Ideas on How to Price and Package Your Drone Photography/Videography Services. <http://fromwhereidrone.com/7-ideas-on-how-to-price-and-package-your-drone-photographyvideography-services/>
3. Fung, Brian. "[Why drone makers have declared war on the word 'drone'](#)". *The Washington Post*. Archived from [the original](#) on 17 August 2013.
4. Raptopoulos A. "[No roads? There's a drone for that](#)". TED (conference). Archived from [the original](#) on 21 November 2013.
5. Lallanilla, Marc. "[9 Totally Cool Uses for Drones](#)". LiveScience. TechMedia Network. Viewed 4 March 2014.
6. The Eye in the Sky: How Drones are Transforming the Construction Industry – Carey London Limited". *Carey London Limited*. 10 May 2016. Retrieved 10 May 2016.
7. Estudio de Factibilidad de un Sistema de Monitoreo Aéreo para el control de la erosión en agricultura. <https://www.tec.ac.cr/en/proyectos/estudio-factibilidad-sistema-monitoreo-aereo-control-erosion-agricultura>.
8. Gerardo Zamora Bolaños, Drones permitirán monitorear cultivos de frijol, http://www.campus.una.ac.cr/2017marzo_pag05.html.
9. Corredor M. Emplea drones y aprendizaje automático para mejorar la producción agrícola de Costa Rica http://www.conicit.go.cr/prensa/boletines_cyt/historico_boletincyt/Empleo_drones.asp.
10. Costa Rica podría usar drones para detectar lanchas narco, <https://www.laprensalibre.cr/Noticias/detalle/103664/costa-rica-podria-usar-drones-para-detectar-lanchas-narco>.
11. Electronic source: <https://www.aerialmediacostarica.com/aiography-aerial-services>, 5 april 2017.
12. Electronic source: <https://www.govisitcostarica.com/travellInfo/climate.asp>
13. Electronic source: <http://www.encyclopedia.com/places/latin-america-and-caribbean/costa-rican-political-geography/costa-rica#CLIMATE>
14. Electronic source: <https://weatherspark.com/averages/32645/San-Jose-Alajuela-Costa-Rica>

Реализация социальной политики стран Балтии в условиях увеличения продолжительности жизни населения

Илона Теране, Mg.iur.

Докторант программы «Региональная экономика и экономическая политика»

Балтийская Международная Академия

Рига, Латвия

Инна Стеценко, Dr.oec. профессор

Балтийская Международная Академия

Рига, Латвия

АННОТАЦИЯ

В представленной статье авторы проводят анализ изменения демографической ситуации в странах Балтии, связанной с увеличением продолжительности жизни в период с 2015 -2080 года. Изменение возраста населения стран Европейского Союза, в том числе и стран Балтии приведет к изменению реализации социальной политики людей пенсионного возраста.

Ключевые слова: продолжительность жизни, социальная политика, страны БалтииЛатвия.

ABSTRACT

In the presented article, the authors analyze the changes in the demographic situation of the Baltic countries, associated with an increased life expectancy in the period from 2015-2080. Age changing of the population of the European Union countries, including the Baltic countries, will lead to an implementation of social policy changes of retirement age people.

Key words: life expectancy, social policy, Baltic countries, Latvia.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Одной из наиболее острых проблем современности, стоящих перед мировым сообществом и мировой экономикой - проблема старения общества. Процесс старения населения означает увеличение доли пожилых людей в общей численности населения. Документы и материалы ООН и Международной Организации Труда считают пожилыми лиц 60 лет и старше. Процесс «старения» населения происходит, главным образом, за счет уменьшения доли детей и молодёжи в связи со снижением рождаемости и в связи с увеличением продолжительности жизни. По долгосрочным прогнозам, ООН к 2025 г., население мира увеличится в 3 раза по сравнению с 1950 г., а численность пожилых людей в 6 раз, в то время как число престарелых людей (старше 80 лет) увеличится в 10 раз. Происходящая и прогнозируемая ситуация рассматривается как беспрецедентная демографическая революция, последствия которой будут глубокими и для экономики, и для политики, и для социальной жизни [3].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Итак, социальная политика включает в себя систему практических мероприятий, проводимых правительством через местные и региональные органы власти, направленных на улучшение качества и уровня жизни больших социальных групп, финансируемых из средств госбюджета и соответствующих либо идеологическим установкам государства на данный момент, либо ценностным ориентациям общества на долговременную перспективу. Социальная политика - составная часть общей стратегии государства, относящаяся к социальной сфере: целенаправленная деятельность по

выработке и реализации решений, непосредственно касающихся человека, его положения в обществе; по предоставлению ему социальных гарантий с учетом особенностей различных групп населения страны проводимая правительством, всеми ветвями и органами власти, опирающаяся на широкую общественную поддержку. [1]

Увеличение продолжительности жизни населения и создание на этой основе стратегии развития государства должно стать основой для создания общества для всех возрастов, включая формирование условий для использования знаний, опыта, потенциала граждан старшего поколения, проявление заботы о таких гражданах и оказание им необходимой помощи.

В соответствии с классификацией Всемирной организацией здравоохранения к пожилому возрасту относится население в возрасте от 60 до 74 лет, к старому от 75 до 89 лет, а к долгожителям – 90 лет и старше. Социологи называют эти периоды человеческой жизни «третьим возрастом», а демографы вводят понятие «третьего» (60-75 лет) и «четвертого» (свыше 75 лет) возрастов. [4]

Именно сейчас возникает потребность не только в определении направлений государственной политики, касающейся оказания помощи жителям старшего поколения, их семьям, социальным институтам, взаимодействующим с указанной категорией граждан, но и в активном вовлечении граждан старшего поколения в жизнь общества.

Итак, проведем анализ количества населения в странах Балтии (таблица 1)

Таблица 1. Анализ количества населения стран Балтии с 2015 – 2080г.г., составлено авторами [2]

Страны/годы	2015	2020	2030	2040	2050	2060	2070	2080
ЕС-28	508,401,408	515,591,288	523,827,302	528,357,270	528,567,808	524,635,534	520,393,410	518,798,37
Латвия	1,986,096	1,911,668	1,743,960	1,598,786	1,506,055	1,426,615	1,342,823	1,284,285
Литва	2,921,262	2,749,762	2,410,874	2,128,883	1,957,377	1,837,895	1,724,332	1,658,474
Эстония	1,313,271	1,317,940	1,306,181	1,283,732	1,256,975	1,221,012	1,178,364	1,140,307

Источник: Евростат

Как видим, из представленной в таблице данных, согласно прогнозу Евростат количество жителей стран ЕС, так и стран Балтии снижается. Население Латвии к 2080 году уменьшится на 500 тыс. жителей по сравнению с 2015 годом, что составит около 35,6% населения. Аналогичная ситуация наблюдается в Литве – прогноз снижения численности населения к 2080 году составит приблизительно 300 тыс. жителей или около 43% населения. Как видим, из представленной в таблице 1 данных, в Эстонии, снижение численности населения к 2020 составит почти 175 тыс. человек или 13,2%.

При этом, по прогнозу Евростат несмотря на снижение численности населения, продолжительность жизни увеличивается (таблица 2).

Таблица 2. Прогнозируемая продолжительность жизни по возрасту и полу с 2015-2080 г.г.
(составлено авторами), [2]

Годы/пол	2015		2020		2030		2040		2050		2060		2070		2080	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Латвия	69.1	79.3	70.7	80.4	73.5	82.3	76.1	84.1	78.5	85.7	80.7	87.2	82.7	88.6	84	89,9
Литва	68.8	79.5	70.8	81.0	73.6	82.8	76.2	84.5	78.6	86.0	80.8	87.4	82.8	88.8	84	90,0
Эстония	72.6	81.7	73,8	82.5	76,1	84.1	78,3	85.6	80,3	87.0	82,2	88.3	85,4	89.5	85,6	90,2

Источник: Евростат

Итак, продолжительность жизни населения по прогнозу Евростат, рассчитанная для мужчин и для женщин, за период с 2015 по 2080 года значительно возрастет. Так, в Латвии продолжительность жизни мужчин в 2015 году составляла 69,1 года, тогда как к 2080 году предполагается увеличение более чем на 15 лет (!) и составит 84 года. Продолжительность жизни женщин составляет 79,3 года, а в 2080 году его значение для женщин Латвии составит 89,9 года. Для жителей Литвы и Эстонии ситуации аналогичная – продолжительность жизни мужчин составит в 2080 году у мужчин 84 и 85,6 лет соответственно, а продолжительность жизни женщин составит 90 лет! Самая высокая продолжительность жизни мужчин в странах ЕС – на Кипре и Испании- 87,9 лет, в Германия – 87,2. Среди женщин лидерами будет Франция и Испания - 92года, Люксембург 91,7 года.

Самый низкий показатель продолжительности жизни женщин в 2080 году будет в Болгарии 89,2 года и Румынии 89,7лет, хотя это около 90 лет и по современным понятиям «низкая продолжительность» весьма относительное понятие.

В разработках ООН, где началом старости считается возраст 65 лет, в зависимости от доли людей старшего возраста в общей структуре населения, различают три фазы. "Молодым" считается общество, насчитывающее менее 4% людей в возрасте 65 лет и старше, "зрелым" — от 4 до 7% людей в этом возрасте и "старым" — свыше 7%. Порогом демографической "глубокой старости" признается доля старых людей в общей структуре населения, равную 10%. [4]

Конечно, качество жизни, которое определяется в том числе и уровнем здравоохранения, приводит к увеличению продолжительности жизни населения. И это один из главных показателей в оценке развитых стран. Однако, как указывалось авторами выше, необходимо оказывать дополнительные условия для обеспечения качества жизни пожилых людей, связанное с профилактикой заболеваний, помощь в случае инвалидности и др.

В условиях снижения рождаемости, как следствие и численности населения – на государство ложится функция обеспечения социальной политики для поддержки пожилых людей. В таблице 3 авторами представлен обзор количества людей старше 65 лет на количество людей от 15-64 лет.

Таблица 3. Прогноз соотношения пожилых людей и людей трудоспособного возраста (расчет на 100 человек в возрасте от 15-64 лет), с 2015-2080г.г., составлено авторами, [2]

	2015	2020	2030	2040	2050	2060	2070	2080
ЕС-28	28.8	31.7	39.1	46.4	50.3	51.6	51.2	52.3
Латвия	29.5	32.7	43.2	51.0	59.3	65.7	54.1	51.7

Литва	28.1	31.5	45.8	56.9	60.1	64.2	53.6	50.3
Эстония	28.7	31.8	37.6	42.3	48.8	55.8	52.7	54.3

Источник: Евростат

Отметим, что прогноз Евростата пессимистический - к 2080 году в странах Балтии почти половина населения людей старше 65 лет. Для Латвии и Литвы в рамках реализации социальной политики наиболее острым будет 2060 год, когда 65 человек населения старше 65 лет будет приходиться на 100 человек возраста 15-64 лет. Следует отметить, что по данному показателю сложная ситуация будет отмечаться не только в странах Балтии, но и в Болгарии 56.4 человека, в Греции - 65,3 человека и лидером в 2080 году будет Португалия - 69 человек (!).

Безусловно, для стран это будет связано с дополнительными решениями в области и налоговой политики, и бюджетной политики, и разработкой мероприятий по вовлечению пожилых людей в социальную жизнь общества и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Однако следует отметить главное - пожилой возраст сопряжен со здоровьем пожилых людей, необходимостью в профилактике по снижению заболеваемости и инвалидности, необходимости в доступности для всех граждан старшего поколения медицинской и специальной помощи, лекарственного обеспечения, реабилитации, медико-психологической поддержки, социально-медицинского обслуживания. Необходимо уже сейчас прогнозировать ситуацию по обеспечению необходимых услуг, для людей пожилого возраста, с учетом изменяющейся демографической ситуации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Бессчетнова Оксана, СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА В РОССИИ: СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ, Вестник Челябинского государственного университета №3, 2017г. с.34-39
2. EUROSTAT http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_gind&lang=en
3. United Nations Population Fund (UNFPA) - www.unfpa.org (since 2001)
4. United Nations (UN) <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/population/>

Перспективы развития риск-менеджмента малых и средних предприятий Латвии

Алексей Шипулин

Магистерская программа «Международные финансы»

Балтийская международная академия, Латвия, Рига

aleksej.sipulin@gmail.com

д.э.н. проф. Александр Машарский,

a_mash@inbox.lv

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются пути формирования и совершенствования системы риск-менеджмента (PM) Латвийских малых и средних предприятий (МСП). Отмечена недостаточность использования для МСП методологии PM, разработанной для крупных фирм, без учета особенностей деятельности МСП, а также страны и отрасли; намечены пути развития PM МСП Латвии.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, методология риск-менеджмента, методы оценки и снижения рисков, риски бизнес - среды, система управления рисками предприятия.

ANNOTATION

The article explores the ways of forming a system of risk management (RM) and improving risk management of Latvian small and medium enterprises (SMEs) There has been stated the insufficient employment of SMEs RM methodology in practice; the methodology has been developed for large businesses. There has also been discovered the necessity of taking into consideration the peculiarities of industry and country. The paper presented the recommendations on forming the RM system for Latvian SMEs educing the risks.

Keywords: types of risks, small and medium enterprises, risk management methodology, methods of an assessment and decrease in risks, control system of risks of the enterprise.

INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ / IEVADS

Малый и средний бизнес в Латвии — это 95% от всех предприятий, которые обеспечивают работой 70% латвийской рабочей силы и производят 65% ВВП. И в то же время слабость риск-менеджмента (PM) малых и средних предприятий (МСП) показала их высокую уязвимость к рискам бизнес-среды в условиях как экономического и финансового кризиса 2008г., так и на этапе после кризисного развития. Управление рисками — это не только гарантия прогнозируемости деятельности компании, но и гарантия ее стабильности.

Концепция комплексного, интегрального риск-менеджмента (PM), успешно используемая при ведении бизнеса многих крупных предприятий, не может равноценно применяться в отношении МСП Латвии, так-как деятельность МСП ограничена как ресурсной базой, так и меньшей доступностью банковского кредита. Международная практика PM МСП не учитывает факторы отраслевой и страновой специфики Латвии.

Имеющаяся информация свидетельствует, что организация PM на большинстве МСП или отсутствует, или носит фрагментарный и несистематический характер. Поэтому актуальной является задача формирования систем PM МСП Латвии с учетом этих факторов, что и определяет цель данной работы.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ /SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ/ BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

В настоящее время сформировалась и успешно реализуется концепция комплексного интегрального РМ предприятий на базе как национальных, так и международных законов, стандартов и рекомендаций. Внедрение системы риск-менеджмента на предприятиях дает возможность [5]:

- выявить возможные риски на всех этапах деятельности;
- спрогнозировать, сопоставить и проанализировать возникающие риски;
- разработать необходимую стратегию управления и комплекс принятие решений по минимизации и устранению рисков;
- создать условия, необходимые для реализации разработанных мероприятий;
- проводить мониторинг работы системы управления рисковыми ситуациями;
- анализировать и контролировать полученные результаты

Комплексная система управления рисками ERM (Enterprise Risk Management) во многих зарубежных компаниях, например, в США, используется уже довольно широко, поскольку хозяева крупных мировых компаний на практике удостоверились, что старые методы управления не соответствуют современным рыночным условиям и не в состоянии обеспечивать успешное развитие их бизнеса. Мировой опыт показывает, что Работа Risk Manager становится все более междисциплинарной и цифровой в ответ на быстро меняющуюся экономическую и нормативную среду.

Проблема количественной и качественной оценки экономических рисков и управления рисками МСП ввиду возможности больших потерь при реализации финансовой, производственно-хозяйственной, сервисной, инновационной, управленческой и других видов деятельности является актуальной. Опыт обследования малых предприятий и анализа методов оценки рисков во многих странах указывает на существовании проблемы управления рисками у предпринимателей и о недостаточном информационном обеспечении этого процесса.

Анализ результатов проводимых исследований показывает, что для идентификации и оценке рисков МСП используются как различные классификации рисков, так и все виды методов оценки - количественные, качественные и смешанные. При характерной для МСП недостаточности необходимой информации и количественных данных более широкое применение в исследованиях получили качественный или смешанный подходы на основе экспертных методов [1,2,4].

Разработка моделей прогнозирования сбоев в бизнесе для малых предприятий весьма важна. В настоящее время мировой практики часто используются три метода многокритериальной помощи при принятии решений (MCDA) для разработки моделей прогнозирования сбоев для небольших компаний. Также важен учет двух нефинансовых переменных - возраста фирмы и мнения аудиторов.

Результаты оценки риска имеют решающее влияние на решения, принимаемые на макро- и микроэкономическом уровне. Управление требует выявления рисков, определения ресурсов на управление (люди, навыки, опыт, компетенция), количественной и качественной оценки. составления карты рисков, управления риском и мониторинга. При этом управление рисками является более эффективным, когда становится частью корпоративной культуры предприятия [6]. Тенденции в реализации и управлении рисками в малых и средних предприятий 2015.

Хотя в целом для латвийского экономического роста главные риски — внешние, в следующем 2019 году для Латвии главным риском станет сообщение «Moneyval» о сделанном страной прогрессе [7]. Если Латвии не удастся выполнить ранее выдвинутые требования в течение года, могут возникнуть проблемы с платежной системой.

В результате экономического кризиса деятельность малых и средних предприятий (МСП) и, в некоторых случаях, существование этих предприятий, подвергаются наибольшему риску в Латвии.

Так как по прогнозу Еврокомиссии в 2019 году ВВП Латвии составит 3,2%, что на 22% ниже показателя 2018 года, то совокупное состояние МСП Латвии тоже значительно ухудшится.

Для обеспечения долгосрочной устойчивости МСП важно, чтобы их руководители понимали и создавали систему управления рисками, которая интегрирована в стратегии развития бизнеса.

МСП Латвии приходится искать всё новые подходы к ведению бизнеса путём оптимизации расходов, введения новых информационных технологий, замены человеческого труда автоматическими программами и системами, либо используя «Аутсорсинг» для сокращения затрат. Успех и конкурентоспособность Латвийских МСП по-прежнему будут зависеть от таких факторов как:

- Высокая налоговая нагрузка;
- Дороговизна энергетических ресурсов;
- Доступность кредитно-денежных ресурсов;
- Доступность на внешние рынки;
- Недостаток кадров должной квалификации;
- Поддержка МСП как государством, так и ЕС.

Так же на экономику Латвии в значительной степени влияет достаточно высокий уровень коррупции и нелегального (теневого) оборота капитала. Из-за коррупции Латвия ежегодно теряет от 13,16% до 19,24% от ВВП, что составляет от 3,4 млрд. до 5,67 млрд. долларов США (5,08 млрд. евро) ежегодно, свидетельствует исследование, заказанное Европарламентом в институте RAND Europe [7].

Хотя в целом для латвийского экономического роста главные риски — внешние, в следующем 2019-м для Латвии главным риском станет сообщение «Moneyval» о сделанном страной прогрессе. Если Латвии не удастся выполнить ранее выдвинутые требования в течение года, могут возникнуть проблемы с платежной системой, Латвия может оказаться в так называемом «сером списке», что ухудшит ее кредитный рейтинг и усложнит использование различных финансовых инструментов [8].

CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ / SECINĀJUMI

Чтобы МСП Латвии могли развиваться или оставаться хотя бы на прежнем уровне, нужно своевременно вести оценку рисков – периодически составлять карту рисков (список рисков, оценка вероятности негатив-х событий и возможного ущерба, ранжирование рисков и решения о фин-ии наиболее опасных) своими силами или по аутсорсингу. Для совершенствования системы РМ МСП Латвии предлагается:

- Разработать систему мониторинга основных рисков фирмы.
- Разрабатывать карту рисков и проводить сценарный анализ нетто-оборота фирмы на 2-3 предстоящих года на регулярной основе силами собственных менеджеров или используя аутсорсинг.
- Сделать знания о работе по управлению рисками обязательным элементом корпоративной культуры фирмы.
- В случае падения спроса на продукцию диверсифицировать деятельность Латвийских МСП.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. <http://web.a.ebscohost.com/ehost/pdfviewer/pdfviewer?sid=c0c8fe30-3abc-49b8-afb5-> Fera M - Appraisal of a new risk assessment model for SME - 2010 www.sciencedirect.com/.../pii/.../pdf?..
2. Jansone Inga, Voronova Irina -RISKS IMPACT ON THE ACCOMMODATION AND FOOD SERVICES: THE CASE OF LATVIA Eurasian Journal of Economics and Finance, 2(2), 2014, 45-62 <http://www.eurasianpublications.com>
3. Risk Treatment - ENISA <https://www.enisa.europa.eu/.../risk...risk/risk.../...> Verbano Chiara, Venturini Karen, Managing Risks in SMEs: A Literature Review and Research Agenda, Journal of Technology Management & Innovation vol.8 no.3 Santiago nov. 2013, <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-2724201300040001>
4. В 2019-м главный риск для экономики Латвии — отчет Moneyval, считают в Банке Латвии <https://rus.lsm.lv/.../v-2019-m-glavniy-risk-dlja-ekonomiki-latvii--otche...>
5. Козачук А, Машарский А., Подход к идентификации и оценке предпринимательских рисков малых и средних предприятий (МСП) Латвии. “Transformācijas process tiesībās, reģionālajā ekonomikā un ekonomiskajā politikā: ekonomiski - politisko un tiesisko attiecību aktuālās problēmas” 2014. gada 12. Decembra III Starptautiskās zinātniski praktiskās konferences rakstu krājums/ Rīga: Baltijas Starptautiskās Akadēmija, 2015.
6. Коррупция обходится Латвии в 5 млрд евро ежегодно Dianas Bizness rus.db.lv/.../korruptsiya-obkhoditsya-latvii-v-5-mlrd-evro-ezhegodno-
7. Zimecs, A., Ketners, K. Risku vadības nozīme mazo un vidējo uzņēmumu darbībā. Uzņēmējdarbība un vadīšana. Nr.19, 2009, 138.-148.lpp. ISSN 1407-7337. <https://ortus.rtu.lv/science/lv/publications/7244>

Влияние венчурного капитала на динамику бизнеса в Европе и Латвии

Лада Ширяева,

Магистрант учебной программы

«Управление человеческими ресурсами»

Балтийская Международная Академия, Латвия, Рига

1901lbj@gmail.com

док. эк. н., проф., Т.В. Голубкова

АННОТАЦИЯ

Инвестиции являются одной из важнейших движущих сил экономического роста, без которых экономические процессы не могут успешно функционировать. В этой связи важны не только инвестиции в проекты национального развития, предпринимательство и инфраструктура, но также способствуют благосостоянию каждого человека и семьи.

Целью исследования является исследование роли инвестиционных фондов в формировании европейского рынка капитала, его влияние на экономику и прогнозирование перспектив развития рассматриваемых процессов в ближайшем будущем. А так же анализ того, оказывает ли отрасль венчурного капитала положительное влияние на формирование экономической активности, ее совершенствование и борьбу преждевременным закрытием предпринимательских проектов. Внести свой вклад в литературу, отвечая на вопрос: как индустрия венчурного капитала влияет на динамику бизнеса?

В начале исследования автор предлагает следующую гипотезу: латвийские инвестиционные фонды — это совершенно неиспользованный потенциал в формировании латвийского рынка капитала, который станет одним из стабилизирующих факторов национальной экономики.

Исследовательский вопрос: Помогает ли венчурное инвестирование в наибольшей степени для формирования экономической активности, для ее улучшения или для ослабления молодых фирм?

Сделан вывод отом, что в практике Европе инвестиционные фонды являются неотъемлемой частью рынка капитала, в формировании которой структура инструментов рынка капитала - акций и облигаций - является важным компонентом формирования стоимости инвестиционного портфеля

Ключевые слова: венчурные фонды, венчурный капитал, инвестиции, динамика бизнеса.

ABSTRACT

Investment is one of the most important forces of economic growth, without which economic processes cannot function successfully. In this regard, not only investments in national development projects, entrepreneurship and infrastructure are important, but also contribute to the well-being of each person and family.

The aim of the work is to study the role of investment funds in the formation of the European capital market, its impact on the economy and forecasting the development prospects of the processes in question in the near future. As well as an analysis of whether the venture capital industry has a positive impact on the formation of economic activity, its improvement and struggle by the premature closure of business projects. Contribute to literature by answering the question: how does the venture capital industry affect business dynamics?

At the beginning of the study, the author suggests the following hypothesis: Latvian investment funds are a completely untapped potential in the formation of the Latvian capital market, which will become one of the stabilizing factors of the national economy.

Research Question: Does venture investment help the most to generate economic activity, to improve it, or to ease the failures of young firms?

It is concluded that in Europe practice investment funds are an integral part of the capital market, in the formation of which the structure of the capital market instruments - stocks and bonds - is an important component of the formation of the value of the investment portfolio

Key words: venture funds, venture capital, investments, business dynamics.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Нынешняя ситуация в Латвии показывает тенденцию к тому, что, по мере уменьшения объема доступных кредитных ресурсов, граждане ищут альтернативные источники дополнительных финансовых ресурсов, таких как инвестиционные фонды. Такое развитие событий является положительным, что указывает на то, что население пытается решить и структурировать свои финансовые ресурсы. Хотя эти тенденции в настоящее время не выражены в латвийском обществе, они все еще существуют, предполагая, что в будущем участие Латвии в инвестиционных фондах станет значительно более популярным, чем в развитых западных странах.

Латвия как и Европа, ведет финансовую политику способствующую появлению новых инвесторов и венчурных фондов. Но при этом на рынке капитала Латвии нет сильной и прогрессивной местной компании, котируемой на фондовой бирже, тем самым способствуя интересам как частных инвесторов, так и иностранных инвесторов на латвийском рынке капитала.

В начале исследования автор предлагает следующую гипотезу: латвийские инвестиционные фонды - это совершенно неиспользованный потенциал в формировании латвийского рынка капитала, который станет одним из стабилизирующих факторов национальной экономики.

Целью работы является исследование роли инвестиционных фондов в формировании европейского рынка капитала, его влияние на экономику и прогнозирование перспектив развития рассматриваемых процессов в ближайшем будущем. А так же анализ того, оказывает ли отрасль венчурного капитала положительное влияние на формирование экономической активности, ее совершенствование и борьбу преждевременным закрытием предпринимательских проектов. Внести свой вклад в литературу, отвечая на вопрос: как индустрия венчурного капитала влияет на динамику бизнеса?

Для этого были поставлены следующие **задачи**: изучить основы теоретических источников информации о развитии инвестиционных фондов в мире; описать систему инвестиционных фондов Латвии; провести сравнение и анализ системы инвестиционных фондов Европы и Латвии; оценить и охарактеризовать особенности развития инвестиционных фондов на латвийском рынке капитала.

Исследовательский вопрос: помогает ли венчурное инвестирование в наибольшей степени для формирования экономической активности, для ее улучшения или для ослабления неудач молодых фирм?

Методология. Для исследования проблемной ситуации в статье были использованы следующие методы исследования: анализ теоретической информации; сравнение разных авторов и первичных источников; анализ информации, полученной в результате интервью. Используются методы логического и статистического анализа.

Чтобы оценить эти вопросы, тезис применяет межстрановой подход и рассматривает измерения отрасли венчурного капитала.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Теоретические модели показывают, что венчурный капитал имеет большое значение для создания бизнеса и роста, основанного на инновациях. Эмпирические исследования показывают, что венчурный капитал оказывает положительное влияние на макроэкономические результаты, такие как совокупный доход, трудовые отношения и патенты).⁷

Инвестиции являются одной из важнейших движущих сил экономического роста, без которых экономические процессы не могут успешно функционировать. В этой связи важны не только инвестиции в проекты национального развития, предпринимательство и инфраструктура, но также способствуют благосостоянию каждого человека и семьи. Государство благополучно частично обеспечено государством, но сберегательная система является более эффективной, если она также включает каждого отдельного человека, например, путем покупки акций в инвестиционных фондах.⁸

Одним из самых популярных альтернативных видов сбережений в Европе являются инвестиционные фонды, которые предоставляют своим членам возможность получать дополнительный доход от увеличения стоимости ценных бумаг и других финансовых инструментов. Инвестиционные фонды включают в себя мультиинвестиционные фонды для управления ими в соответствии с проспектом фонда, соответственно, обеспечивая диверсификацию риска, профессиональное управление и более выгодные условия. Одним из основных преимуществ фондов является то, что участие в них возможно, инвестируя также относительно небольшие суммы, долгосрочный рост которых может быть значительным.

Нынешняя ситуация в Латвии показывает тенденцию к тому, что, по мере уменьшения объема доступных кредитных ресурсов, граждане ищут альтернативные источники дополнительных финансовых ресурсов, таких как инвестиционные фонды. Такое развитие событий является положительным, что указывает на то, что население пытается решить и структурировать свои финансовые ресурсы. Хотя эти тенденции в настоящее время не выражены в латвийском обществе, они все еще существуют, предполагая, что в будущем участие Латвии в инвестиционных фондах станет значительно более популярным, чем в развитых западных странах.

В Западной Европе, инвестиционные фонды имеют древнюю и богатую традициями историю. Напротив, отрасль латвийских инвестиционных фондов является относительно новой и все еще находится в зачаточном состоянии. Как свидетельствуют эксперты отрасли, инвестиционные фонды рыночные данные, характеризующие исследование осложняет ряд факторов, либо наиболее значимым является отсутствие доступа к информации и отсутствие централизованного учета, отдельного фонда государственных администраций остановку или неточностью, а также данные гетерогенность.⁹

Эмпирические исследования, касающиеся устойчивого выживания в контексте венчурного капитала, особенно скудны. Изучение МанигартБуенс и Ван Буве единственный пример, который явно затрагивает эту тему. Они утверждают, что скорее тип инвестора имеет значение для выживания молодых фирм, чем тот факт, что фирма получает венчурный капитал. Обоснование этого заключается в том, что цель инвесторов отличается по своему типу. Цель фондов венчурного капитала частного сектора - максимизировать доходность инвестиций при ликвидации объекта инвестиций, в то время как правительственные инвесторы стремятся максимизировать социальную выгоду, например, с точки зрения создания рабочих мест или производства инноваций. Таким образом, они обнаруживают, что фирмы, получающие капитал от двух крупных правительственных поставщиков венчурного капитала в Бельгии, имеют самые высокие шансы выжить.¹⁰

Кроме того, создание новых фирм было проанализировано в исследованиях Самилы и Соренсона, Попова и Роузенбойма. Первый взгляд на влияние количества поддерживаемых компаний

⁷ Venture Capital Backed Growth // https://www.researchgate.net/publication/5149949_Venture_Capital_Backed_Growth [23.11.18]

⁸ Community and Capital in Entrepreneurship and Economic Growth // <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0003122417711699> [23.11.18]

⁹ Investīciju dinamika Latvijā // <https://em.gov.lv/lv/jaunumi/17524-investiciju-dinamika-latvija> [24.11.18]

¹⁰ Компетентный капитал // http://www.tillvaxtanalys.se/download/18.201965214d8715afd14b8f0/1432712033222/Rapport_2011_05.pdf [30.10.18]

и количество венчурного капитала, инвестированных на региональном уровне. Результаты панельного анализа показывают, что венчурный капитал оказывает положительное существенное влияние на создание новых фирм, на занятость и на совокупный доход. Более конкретно, основным механизмом такого влияния венчурного капитала является то, что венчурный капитал способствует развитию предпринимательской активности и является «катализатором коммерциализации».¹¹

Один из недостатков этого подхода заключается в том, что весь эффект венчурного капитала не может быть захвачен при просмотре региональных уровней. Могут быть значительные межрегиональные последствия, поскольку, например, устойчивое появление новых фирм в регионе способствует занятости или совокупному доходу в другом регионе. Кроме того, для решения вопроса о направлении причинности они используют инструментальные переменные. Таким образом, поставка венчурного капитала продолжает оставаться положительной и значительной для переменных характеризующих появление новых организаций и совокупного дохода фирмы. Исследование Попова и Роузенбойма подтверждает эти результаты после изучения отраслевой группы из 21 страны Европы по ряду различных подходов оценки. В зависимости от применяемого метода они заключают, что отношение новых фирм в отрасли увеличивается от 3% до 19% при увеличении объема инвестиций в 7,2 раза, что представляет собой разницу между совокупностью отраслей, в которых инвестиции венчурного капитала самый сильный и слабый.¹²

Метод сбора данных EVCA, данные публикуются как отраслевая статистика, а это означает, что инвестиции, производимые фондами в стране, учитываются, а не инвестиции, полученные страной из любого фонда в Европе. Таким образом, цифры умножались на коэффициент внутренних инвестиций, чтобы исключить исходящие межстрановые инвестиции, которые не повлияют на динамику бизнеса внутри страны. Приток венчурного капитала в страну не учитывался, потому что не было информации о направлениях межстрановых инвестиций. В среднем 79,46% от инвестированной суммы было инвестировано внутри страны, а также 81,45% компаний, поддерживаемых венчурным капиталом, были фирмами внутри страны. В качестве дальнейшей трансформации все данные по европейскому венчурному капиталу были экстраполированы, учитывая, что EVCA оценивает охват общего рынка в своем опросе на 2014 год на уровне 90%.¹³

Цель этого исследования состояла в том, чтобы определить, как размер индустрии венчурного капитала в стране влияет на динамику бизнеса. Гипотезы заключались в том, что венчурный капитал оказывает положительное влияние на улучшение экономической активности, и сокращению молодых фирм.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОЦЕНКА

Таким образом, были определены устойчивые переменные занятости в новых фирмах и уровень выживаемости молодых фирм в течение трех лет. С точки зрения венчурного капитала, оцениваемые переменные были количеством венчурного капитала, вложенным в страну и количество поддерживаемых компаний внутренним венчурным капиталом. В отличие от более ранних исследований, проведенных Самилой и Соренсоном, а также Поповым и Роузенбоймом, никаких доказательств того, что венчурный капитал не может быть фактором появления, появлению новых фирм от регрессий с фиксированными эффектами OLS (регрессия наименьших квадратов), не обнаружено. Был обнаружен слабый эффект для связи венчурного капитала по занятости, поскольку коэффициенты были значительными в трех из восьми случаев. Чтобы продемонстрировать масштабы воздействия венчурного капитала на динамику бизнеса конкретным способом, процентное увеличение было рассчитано, если предположить, что поставка венчурного капитала удваивается.¹⁴

¹¹ The Persistent Effect of Initial Success: Evidence from Venture Capital <https://www.nber.org/papers/w24887> [30.10.18]

¹² Community and Capital in Entrepreneurship and Economic Growth // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2564516 [03.11.18]

¹³ Venture capital and patented innovation: evidence from Europe // <https://academic.oup.com/economicpolicy/article-abstract/27/71/447/1786176> [03.11.18]

¹⁴ European Trade Association for Business Angels // <http://www.eban.org/about/becoming-a-member> [11.11.18]

Принимая во внимание статистику Европы по исследованиям EBAN и European Early Stage Market Statistics за 2014 - 2016 г., можно отметить, что инвестиции составляли 6,1 млрд. евро, а число инвесторов 303650 человек, число сделок 32 940, а число групп инвесторов составляло 470. Как видно, из данных европейский рынок подобного в сравнении с рынком США более ровный и спокойный. Стоит учитывать тот факт, что не все инвестиции из 6,1 млрд. являлись “видимыми”, а только 607 млн евро, а 5,462 млрд евро выросло в 0 “ангельских” групп

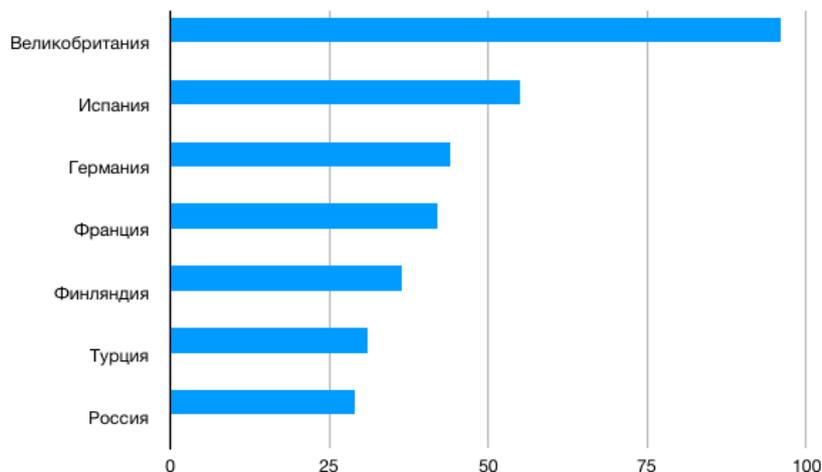

Рис.1 Лидеры по инвестициям

Лидерами в такой сфере инвестирования являются такие страны как Великобритания 96 млн.евро инвестиций, Испания 55 млн.евро, Германия 44 млн.евро инвестиций, Франция 42 млн.евро и Финляндия 36,5 млн. евро, Турция 31 млн.евро, Россия занимает 7 место 29,1 млн.евро.¹⁶

С группой

о, одной ангельской

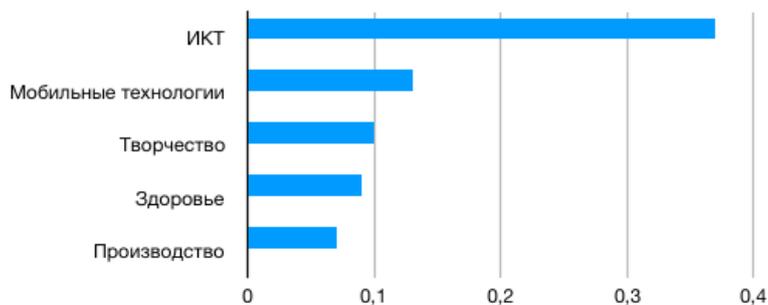

Рис. 2 Инвестиционные предпочтения

Если учитывать инвестиционные предпочтения в стоимостных показателях, то на первом месте стоит информационно коммуникационные технологии 22%, на втором месте с достаточно большим отрывом стоит производство 13%, медицина, здоровье, биотехнологии 11%, финансы и бизнес серверы на последнем месте 10%.¹⁷

¹⁵ European Trade Association for Business Angels // https://ec.europa.eu/growth/access-to-finance/funding-policies/business-angels_en [29.07.2018]

¹⁶ Рейтинг стран мира по уровню инвестиций // <https://gtmarket.ru/research/foreign-direct-investment-index/info> [24.07.2018]

¹⁷ Инвестиционные предпочтения // <http://trends.skolkovo.ru/2016/12/investitsionnyie-predpochteniya-vladeltsev-rossiyskih-kapitalov/> [29.07.2018]

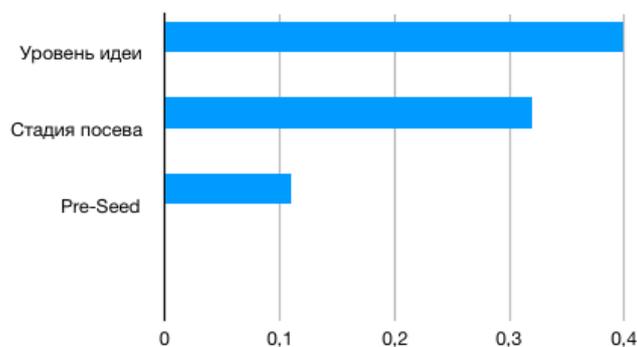

Рис. 3 Инвестиционные приоритеты в сделках

Если же брать во внимания инвестиционные приоритеты в сделках, то на первом плане так же информационно коммуникационные технологии 37%, мобильные приложение и всё остальное связанное с мобильным телефоном 13%, всё что связано с творчеством 10%, биотехнологии и здоровье 9%, производство 7%.¹⁸

Разница в европейских инвесторах и российских заключается в том, что европейские инвесторы легко вкладывают средства в “сложные”, рискованные технологии, российские же инвесторы предпочитают технологии, которые в дальнейшем с большей вероятностью принесет им прибыль.

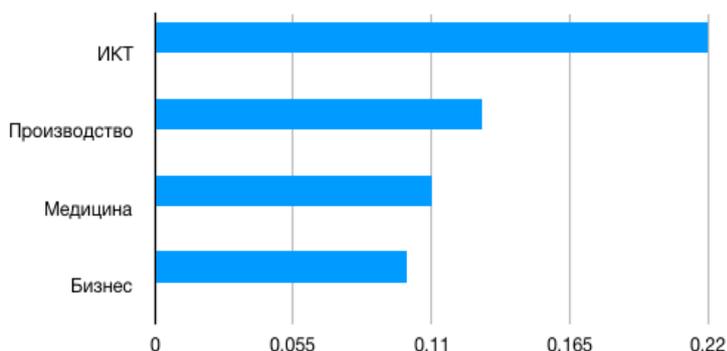

Рис.4 Стадии развития проекта

В подобных инвестициях очень важна стадия вложения, конечно большинство европейских инвесторов предпочитают вложения на ранней стадии стартапа, уровень идеи 40%, в стадию посев вкладывают 32% инвесторов, данная стадия характерна малым объемом капитала, на этом этапе может формироваться команда, и дорабатываться продукт, исследовался рынок, в стадию Pre-Seed вкладываются 11% инвесторов.¹⁹

Следует отметить также, Латвия предлагает широкий спектр льгот для инвесторов, включая помощь от Структурных фондов ЕС и среду, благоприятную для развития бизнеса, а также налоговые льготы. Бизнес на территории Латвии может извлечь выгоду из ее привилегий членства в ЕС, что обеспечивает свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также расположение в еврозоне.²⁰

¹⁸ Инвестиционные предпочтения и склонность к риску // <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnye-predpochteniya-investorov-i-sklonnost-k-risku> [30.07.2018]

¹⁹ Инвестиционные предпочтения населения в условиях социально-экономических изменений // <https://journal-discussion.ru/vypuski-zhurnala/vypusk-nomer-17-noyabr-2011/statya-303> [30.07.2018]

²⁰ Раунд А // <https://aurum.expert/seed-round-a-b-s-etapy-venchurnogo-finansirovaniya-startapov/> [25.07.2018]

Правительство Латвии продолжает работу над созданием благоприятного климата для иностранных инвестиций, улучшая экономическую обстановку. Юридические и административные требования упрощают, что содействует сотрудничеству между иностранными и местными неправительственными партнерами.²¹

Так же существует программа государственной поддержки 2014/2020 гг. Общая сумма государственного финансирования и финансирования Структурных фондов ЕС, предоставления для программ государственной поддержки до 2020 года, равняется примерно 818,95 млн евро. Программы государственной поддержки уделяют основное внимание трем сферам:

- Исследовательская работа, разработка технологий и инноваций;
- Повышение конкурентоспособности малых и средних предприятий (SME) включая бизнес инкубаторы, законодательные инициативы, предоставляющие финансирование, развитие промышленных зон и парков, поддержка, стимулирующая туризм и экспорт конкурентоспособности и программы обучения сотрудников
- Переход к экономике с меньшим количеством выбросов углерода во всех отраслях, энергоэффективность и более эффективные системы централизованного теплоснабжения.

Латвия, как и Европа способствует продвижение инноваций. Цель деятельности помощь предпринимательской деятельности с высокой добавленной стоимостью путем оказания поддержки в разработке новых товаров и технологий, а также содействие сотрудничеству между исследователями и бизнес-сообществом.²²

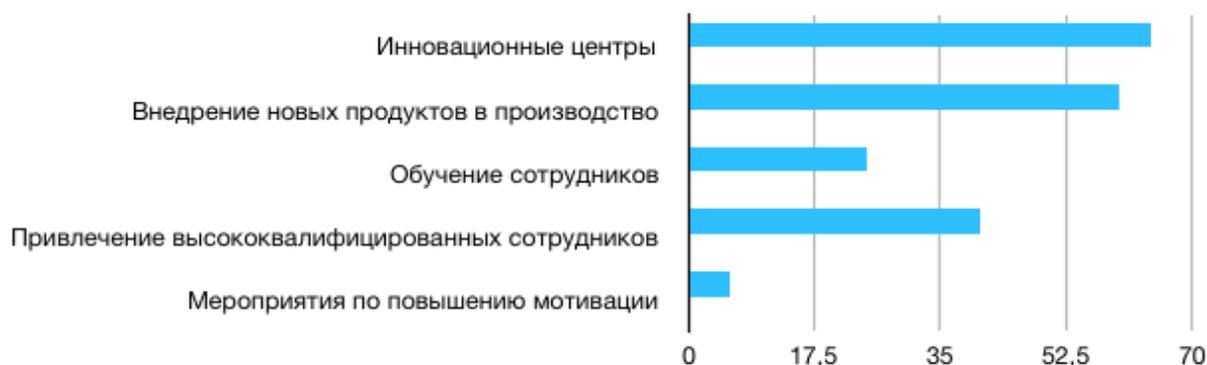

Рис. 5 Подпрограммы инноваций

Инновации состоят из следующих подпрограмм: специализированные центры 64,3 млн евро, внедрение новых продуктов в производство 60,0 млн евро, обучение сотрудников 24,9 млн евро, технологически обмен, ваучеры для инноваций и мероприятия по привлечению высококвалифицированных сотрудников 40,6 млн евро, и мероприятия по повышению мотивации 5,7 млн евро.²³

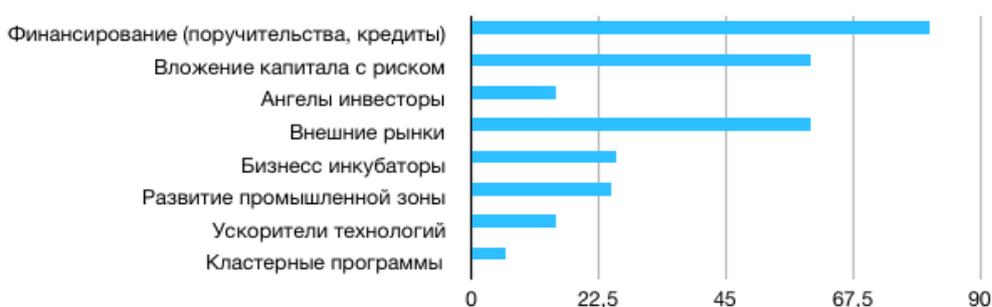

Рис. 6 Подпрограммы поддержки малых и средних предприятий

²¹ Раунды венчурного финансирования // https://inventure.com.ua/news/ukraine/likbez_ot_inventure_korotko_ob_investicionnyh_raundah [26.07.2018]

²² Какие бывают раунды привлечения инвестиций // <https://vc.ru/34136-kakie-byvayut-raundy-privlecheniya-investicij> [26.07.2018]

²³ Развитие инновационной деятельности http://www.gov.karelia.ru/Legislation/docs/2014/03/49-p_23.html [15.10.2018]

Поддержка малых и средних предприятий состоит из следующих подпрограмм: финансирование (поручительства, кредиты) 81,0 млн евро, вложение капитала с риском 60,0 млн евро, ангелы инвесторы 15,0 млн евро, внешние рынки и популяризация Латвии как туристического направления 60,9 млн евро, бизнес инкубаторы 25,7 млн евро, развитие промышленных зон 24,8 евро, ускорители технологий 15,0 млн евро, и кластерные программы 6,2 млн евро.²⁴

Мировая тенденция на современном этапе сводится к повышению энергоэффективности, целью деятельности повысить энергоэффективность и использование возобновляемых источников энергии в жилых производственных и общественных зданиях, а также в системах централизованного теплоснабжения.

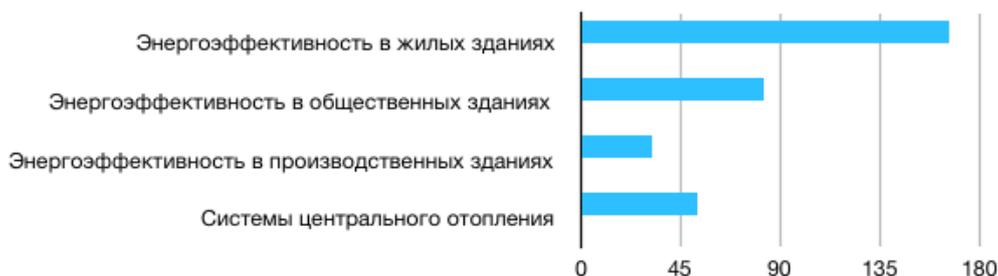

Рис.7 Эг

Энергоэффективность состоит из следующих подпрограмм: энергоэффективность в жилых зданиях 166,5 млн евро, энергоэффективность в общественных зданиях 82,6 млн евро, энергоэффективность в производственных зданиях 32,55 млн евро, и системы центрального отопления 53,2 млн евро.

Деятельности FICIL совета иностранных инвесторов в Латвии основана на диалоге с правительством Латвии, с целью улучшить экономическую обстановку и условия инвестирования в стране. Члены FICIL выявляют проблемы, влияющие на деловые операции и изо дня в день сотрудничают с различными государственными учреждениями, что бы решить проблемы путем изменений в законодательстве или принятием административных мер. Основная деятельность FICIL касается 4 ключевых вопросов улучшения инвестиционного климата в Латвии:²⁵

- Финансовая прозрачность
- Устранение торгового протекционизма для хорошо функционирующего рынка и снижения инфляции
- Стабильность и предсказуемость инвестиционного климата
- Более эффективное привлечение прямых иностранных инвестиций

FICIL проводит встречи с правительством во время ежегодных Заседаний Высшего совета, под совместным представительством нынешнего премьер-министра и почетного председателя FICIL, чтобы обсудить развитие экономики Латвии, обменяться мнениями и идеями о том, как улучшить экономическую обстановку и стимулировать капиталовложения в страну.²⁶

Латвия как и Европа, ведет финансовую политику способствующую появлению новых инвесторов и венчурных фондов. Об этом свидетельствуют приведенные выше данные.

²⁴ Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства <https://kfpp.ru/analytics/material/foreignsupportexp.php> [11.09.2018]

²⁵ FICIL Foreign Investors Council in Latvia // <https://www.ficil.lv/work-groups/> [02.09.2018]

²⁶ FICIL Foreign Investors Council in Latvia // <https://www.ficil.lv/backgroud-high-council/> [02.09.2018]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

По результатам исследований, проведенных в ходе исследования, автор делает следующие выводы

1. В практике Европы, инвестиционные фонды, являются неотъемлемой частью рынка капитала, в формировании которой структура инструментов рынка капитала - акций и облигаций - является важным компонентом формирования стоимости инвестиционного портфеля.

2. Влияние денежной пошлины на систему инвестиционных фондов противоречиво, сумма налога соизмерима с налогом на прирост капитала, применяемым в европейской практике, но административное бремя является обременительным инвестиционным процессом. Помимо исключаемых налогом пунктов из Закона «О подоходном налоге с населения» предотвратит рост интереса к инвестиционным фондам в качестве долгосрочного обеспечения сбережений.²⁷

3. Государственная налоговая политика в Латвии не стимулирует долгосрочные сбережения, а среднесрочные сбережения, при этом 15% налог на прирост капитала на инвестиционные фонды и только 10% срочных депозитов.

4. Рынок латвийских инвестиционных фондов слабо развит, что объясняется низкой процентной ставкой латвийских жителей, банков и государственной налоговой политикой по срочным депозитам и кредитам, сильной нехваткой местных компаний, котирующихся на фондовой бирже, а также низкими процентными ставками иностранных инвесторов на капитал Латвийского рынка.

5. На рынке капитала Латвии нет сильной и прогрессивной местной компании, котируемой на фондовой бирже, которые должны способствовать интересам как частных, так и иностранных инвесторов на латвийском рынке капитала.

6. Роль инвестиционных фондов в формировании латвийского рынка капитала в настоящее время является решающей. В конце 2011 года 70% стоимости инструментов рынка капитала Латвии, было проведено инвестиционными фондами.

7. Гипотеза, отмеченная во введении была доказана.

Таким образом следует отметить, что:

1. В интересах экономического роста страны укрепить интерес инвесторов в инвестиционных фондах путем предоставления им соответствующих налоговых льгот, (повышение ставок налога на прирост капитала для банковских депозитов). Также целесообразно уменьшить частоту подачи заявок, о доходе от налога на прибыль до одного раза в год.

2. В целях повышения ликвидности рынка капитала, необходимо привлечь и обучить общественность на латвийском рынке капитала. Смысл этого заключается в информировании о преимуществах инвестиционных фондов, тем самым создавая желание работать на рынке ценных бумаг.

3. Роль образования в вопросах рынка ценных бумаг, состоит в распространении информации в соответствующих государственных учреждениях, с помощью социальных сетей, привлекая общественность бесплатными семинарами, учебными брошюрами, объявлениями, пособиями. Особое значение имеет образование молодых людей (студентов) о преимуществах инвестиционных фондов как виде сбережений, поскольку в этом возрасте существует понимание управления и рационального распределения средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Community and Capital in Entrepreneurship and Economic Growth
// <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0003122417711699> [23.11.18]
2. Community and Capital in Entrepreneurship and Economic Growth
// https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2564516 [03.11.18]

²⁷ Закон о подоходном налоге с населения // <http://www.smartlatvia.lv/zakon-o-podohodnom-naloge-s-naselenija/> [28.11.18]

3. European Trade Association for Business Angels // <http://www.eban.org/about/becoming-a-member> [11.11.18]
4. European Trade Association for Business Angels // https://ec.europa.eu/growth/access-to-finance/funding-policies/business-angels_en [29.07.2018]
5. FICIL Foreign Investors Council in Latvia // <https://www.ficil.lv/work-groups/> [02.09.2018]
6. FICIL Foreign Investors Council in Latvia // <https://www.ficil.lv/backgroud-high-council/> [02.09.2018]
7. Investīciju dinamika Latvijā // <https://em.gov.lv/lv/jaunumi/17524-investiciju-dinamika-latvija> [24.11.18]
8. The Persistent Effect of Initial Success: Evidence from Venture Capital <https://www.nber.org/papers/w24887> [30.10.18]
9. Venture capital and patented innovation: evidence from Europe // <https://academic.oup.com/economicpolicy/article-abstract/27/71/447/1786176> [03.11.18]
10. Venture Capital Backed Growth // https://www.researchgate.net/publication/5149949_Venture_Capital_Backed_Growth [23.11.18]
11. Закон о подоходном налоге с населения // <http://www.smartlatvia.lv/zakon-o-podohodnom-naloge-s-naselenija/> [28.11.18]
12. Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства <https://kfpp.ru/analytics/material/foreignsupportexp.php> [11.09.2018]
13. Инвестиционные предпочтения // <http://trends.skolkovo.ru/2016/12/investitsionnyie-predpochteniya-vladeltsev-rossiyskih-kapitalov/> [29.07.2018]
14. Инвестиционные предпочтения и склонность к риску // <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnye-predpochteniya-investorov-i-sklonnost-k-risku> [30.07.2018]
15. Инвестиционные предпочтения населения в условиях социально-экономических изменений // <https://journal-discussion.ru/vypuski-zhurnala/vypusk-nomer-17-noyabr-2011/statya-303> [30.07.2018]
16. Какие бывают раунды привлечения инвестиций // <https://vc.ru/34136-kakie-byvayut-raundy-privlecheniya-investiciy> [26.07.2018]
17. Компетентный капитал // http://www.tillvaxtanalys.se/download/18.201965214d8715afd14b8f0/1432712033222/Rapport_2011_05.pdf [30.10.18]
18. Развитие инновационной деятельности http://www.gov.karelia.ru/Legislation/docs/2014/03/49-p_23.html [15.10.2018]
19. Раунд А // <https://aurum.expert/seed-round-a-b-s-etapy-venchurnogo-finansirovaniya-startapov/> [25.07.2018]
Раунды венчурного финансирования
20. / <https://inventure.com.ua/news/ukraine/likbez-ot-inventure-korotko-ob-investicionnyh-raundah> [26.07.2018]
21. Рейтинг стран мира по уровню инвестиций // <https://gtmarket.ru/research/foreign-direct-investment-index/info> [24.07.2018]

Efektivitātes novērtēšanas aktualitāte publiskajā sektorā

Edgars Štāls

Baltijas starptautiskā akadēmija, Rīga, Latvija

Doktorantūra, Reģionālā ekonomika un ekonomiskā politika

sedgars@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs:

Dr.sc.ing.,as. prof. Žanna Caurkubule

ANOTĀCIJA

Šī darba ietvaros autors norāda uz efektivitātes novērtēšanas nepieciešamību publiskajā sektorā pamatojoties uz politikas plānošanas dokumentu izvirzītajiem mērķiem un piedāvā DEA ekonometrisku metodi, kā pētniecības instrumentu efektivitātes novērtēšanai sociālās aprūpes jomā saistībā ar populācijas novecošanos. Darbā tiek veikta ārvalstu un pašmāju literatūras analīze, kā arī tiek akcentēts līdzīgu pētījumu trūkums Latvijas labklājības nozarē un šādu pētījumu izstrādes sociālais un ekonomiskais ieguvums.

Atslēgas vārdi: efektivitāte, DEA, demogrāfija

ABSTRACT

In the framework of this work author points out the need for efficiency assessment in the public sector on the basis of the objectives set out in the policy planning documents and offers the DEA econometric method for assessing the effectiveness of research tools in social care field for aging population. The paper analyzes foreign and domestic literature and emphasizes absence of similar researches in the welfare sector of Latvia and the social and economic benefits of developing such research.

Keywords: efficiency, DEA, demography

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Kā darba pētāmā problēmair izvirzīta efektivitātes noteikšana publiskajā sektorā, kura ir aktuāla sakarā ar demogrāfisko situāciju valstī, sabiedrības novecošanos, iedzīvotāju imigrāciju un ierobežotiem valsts budžeta un pašvaldību resursiem ir nepieciešams izvērtēt nozaru finanšu līdzekļu efektīvu izmantošanu publiskajā sektorā. Latvijas Republikas nozaru ministrijās tiek izstrādāti politikas plānošanas dokumenti, kuri orientēti uz ilgtspējīgu attīstību un iedzīvotāju dzīves kvalitātes uzlabošanu[2]. Starp prioritārajiem politikas plānošanas dokumentu rīcības plāna uzdevumiem izvirzīto mērķu sasniegšanai ir efektivitātes palielināšana attiecīgās nozares dažādās jomās, t.i., ekonomiskā, administratīvā, sociālā u.c. [7].

Kā viens no zinātniski pazīstamiem ekonometriskajiem instrumentiem efektivitātes novērtēšanā ir DEA metode[16]. Minētā metode ir plaši pielietota daudzās tautsaimniecības nozarēs ārpus Latvijas, taču tās pielietošana Latvijā ir visai ierobežota. Pētījums demonstrē efektivitātes novērtēšanas instrumenta- DEA izmantošanu tautsaimniecības nozarēs, papildus uzmanību pievēršot veselības un sociālajai jomai.

Šī pētījuma mērķis ir veikt literatūras pārskatu par efektivitātes novērtēšanas metodēm publiskajā sektorā, akcentējot veselības aprūpes un sociālo jomu izmantojot literatūras analīzi kā izpētes metodi.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Apstākļos, kad finanšu līdzekļi ir ierobežoti, kā arī aizvien pieaugošās demogrāfiskās struktūras izmaiņu dēļ, ir svarīgi panākt pēc iespējas efektīvāku finanšu līdzekļu izmantošanu ilglaicīgās sociālās aprūpes

institūcijās. Latvijā līdz šim nav vērtēta ilglaicīgo aprūpes iestāžu produktivitāte un efektivitāte finanšu līdzekļu izmantošanas kontekstā, izmantojot uz zinātni balstītas ekonometriskās metodes.

Pēc iedzīvotāju skaita prognozēm Eiropas Komisijas dati liecina, ka cilvēku skaits vecumā virs 60 gadiem Eiropā turpina palielināties, bet darba spējīgo cilvēku skaits samazinās, un pēc Eiropas centrālās statistikas prognozēm šī tendence saglabāsies nākošajā desmitgadē [22,30,6].

Līdzšinējās tendences norāda, ka vecuma grupā 65 un vairāk gadi iedzīvotāju skaits Latvijā ir pieaudzis. Laika posmā no 2007.gada līdz 2017.gadam, tas ir pieaudzis par 3 691 personu jeb procentuāli par 1%. Attiecīgi ir vērojams pieaugums arī ilglaicīgo sociālo pansionātu iemītnieku skaitā. Minētā laika posma ietvaros tas ir pieaudzis par 1172 personām jeb 20%. Šāds pieaugums iespējams ir palielinājis ilglaicīgo sociālo aprūpes institūciju noslogojumu [3,4].

Labklājības ministrijas projekta "Profesionāla sociālā darba attīstība pašvaldībās" ietvaros tika veikts pētījums „ Pašvaldību sociālo dienestu un sociālā darba speciālistu darbības efektivitātes novērtēšanas rezultāti un to analīze” [10]. Pētījums ietver sociālo dienestu un sociālā darba speciālistu darbības efektivitātes novērtējumu, bet pētījuma metodoloģija balstās galveno kārt uz padziļinātu interviju, anketēšanas un aptauju rezultātiem [11]. Analizējot pētījuma metodoloģiju, respondentu atlasu un skaitu, ir pamats uzskatīt, ka šim pētījumam nav optimālas objektivitātes.

Pašlaik vienīgā efektivitātes analīzes metodika, kura ir izstrādāta valsts pārvaldes ietvaros ir Valsts kancelejas izstrādātā „Nozarēs veikto ieguldījumu efektivitātes analīzes [8].Minētā metodika netiek izmantota ministriju ikdienas darbā, to piemēro tad, ja Finanšu ministrija ir noteikusi kādu jomu, kurā veicama izvērtēšana atbilstoši metodikai[8].Šī metodika, kuras ietvaros tiek salīdzināti nozarē ieguldītie finanšu līdzekļi un rezultatīvie rādītāji attiecībā pret citu valstu rezultātiem vai izmantojot Latvijā vēsturiski pieejamos datus noteiktā nozarē, var palīdzēt budžeta plānošanai un nozares politikas veidošanai, tomēr atkarībā no rezultāta, ja tas ir neapmierinošs, ir nepieciešams veikt papildus pētījumus, lai noskaidrotu šo zemo rādītāju iemeslus[9]. Tomēr jāatzīmē, ka viena no efektivitātes novērtēšanas biežāk pielietotām metodēm dažādās tautsaimniecības un biznesa nozarēs ir Data Envelopment Analysis Method -turpmāk (DEA), kura tad arī būtu pielietojama politikas realizācijas izvērtēšanai attiecībā uz efektivitāti kā sasniedzamo mērķi.

Pētījuma rezultāti un to izvērtējums

DEA metode ir uzskatāma par vienu no metodēm, kura analizē un pēta sakarību starp ieguldītajiem resursiem un iegūtajiem rezultātiem. Šobrīd DEA metode tiek pielietota gan publiskā sektorā, novērtējot skolas, slimnīcas, veselības aprūpes sistēmas un augstskolas, gan arī privātā sektora novērtēšanai, piemēram, bankas un finanšu institūcijas [21].Dānijas finanšu ministrija ir atzinusi DEA metodi par vienu no labākām salīdzinot publiskā sektora organizācijas [24].

Par vienu no nozīmīgākajiem autoriem šajā jomā tiek minēts Maikls Džeims Farells, kurš 1957.gada savā publikācijā aprakstīja nepieciešamību attīstīt labākus modeļus organizāciju produktivitātes labākai izvērtēšanai [17]. Balstoties uz M. Dž. Farella idejām, pirmreizēji DEA metodi prezentēja Abrahams Charnes, Vilijams Coopers un Edvardo Rhodes [15].

Meklējot zinātnisko literatūru par efektivitātes vērtējumiem publiskajā sektorā, datubāzēs ir atrodamas publikācijas, kurās ir vērtētas slimnīcas, veselības aprūpes sistēmas un sociālās aprūpes institūcijas. Piemēram, Jacobs R. izmantojot DEA un SFA (Stochastic Frontier Analysis) metode, ir vērtējusi slimnīcu izmaksu efektivitāti[25]. Arī citi autori ir izmantojuši DEA slimnīcu izmaksu efektivitātes vērtēšanā [23,36]. Atsevišķi literatūras avoti norāda, ka DEA metode ir izmantota novērtējot pat veselības aprūpes sistēmas. Piemēram, tādi autori kā Elba F. et al DEA metodi ir izmantojuši veselības aprūpes sistēmas novērtēšanai Itālijā[20]. Savukārt, Medeiros J. un Schwiens C. izmantoja DEA un SFA metodes Eiropas Savienības veselības aprūpes sistēmu novērtēšanai [29]. Arī Eiropas Veselības sistēmu un politiku observatorija ir izmantojusi DEA metodi veselības sistēmu vērtēšanā [18]. Attiecībā uz ilglaicīgās sociālās aprūpes iestādēm DEA metode ir izmantota vērtējot šo iestāžu tehnisko efektivitāti [26]. Kooreman P. ir pētījis Nīderlandes ilglaicīgās sociālās aprūpes iestādes, secinot, ka 50% no šīm iestādēm ir efektīvas[27]. Somija 2005. gadā arī ir veikusi pētījumu izmantojot DEA metodi, lai izvērtētu tehnisko efektivitāti un salīdzinātu to ar aprūpes rezultātiem ilglaicīgā sociālā aprūpes jomā. Kā kvalitātes rezultatīvie rādītāji šajā pētījumā tika izmantoti tādi rādītāji kā traumu

prevalence atrodies ilglaicīgās aprūpes iestādēs u.c., bet kā resursi ir māsu skaits, infrastruktūras lielums u.c. [28].

Tāpat minēto metodi izmantoja pētot efektivitāti bezpeļņas un komerciālās ilglaicīgās sociālās aprūpes iestādēs [31]. Saistībā ar īpašuma formām un efektivitāti pēc DEA metodes ilglaicīgās sociālās iestādēs ir veikti vairāki pētījumi. Piemēram, Anderson R. et al pētījumā konstatē, ka ASV privātās ilglaicīgās sociālās aprūpes iestādes ir efektīvākas par nekomerciālām iestādēm [13]. Taču analizējot pakalpojuma kvalitāti šī pētījuma ietvaros, atklājas, ka nekomerciālās ilglaicīgās sociālās aprūpes iestādēs pakalpojuma kvalitāte ir labāka nekā privātajās iestādēs. Saistībā ar pakalpojuma kvalitāti un efektivitāti ilglaicīgās sociālajās iestādēs ASV ir veikts vēl viens pētījums- DeLellis N. savā pētījumā norāda, ka pakalpojuma kvalitāte ilglaicīgās sociālās aprūpes iestādēs ir saistīta ar efektivitāti, proti, iestādēs, kuras ir uzrādījušas augstu efektivitāti pēc DEA, ir sliktāka aprūpes procesu kvalitāte (piemēram, ar procesu kvalitāti DeLellis pētījumā saprot pansionātu iemītnieku īpatsvaru ar pretsāpju terapiju un atsāpīnāšanas procesu), savukārt, aprūpes rezultatīvie rādītāji (piemēram, pansionātu iemītnieku īpatsvars ar imobilitāti) ir labāki [19]. Arī citi autori ir mēģinājuši integrēt kvalitātes aspektus DEA metodē vērtējot ilglaicīgo sociālo iestāžu kvalitāti [32].

Populācijas novecošanas kontekstā arī Japāna ir veikusi ilglaicīgo sociālo aprūpes iestāžu efektivitātes izvērtēšanu vērtējot gan izmaksas un izdevumus, gan infrastruktūras efektivitāti, salīdzinot iestādes dažādos Japānas reģionos [35]. Līdzīgi ir rīkojusies arī Eiropas Savienība, veicot pētījumu saistībā ar ilglaicīgo sociālo iestāžu efektivitāti izmantojot DEA. Eiropas Savienības veiktajā pētījumā tika vērtēta šo iestāžu tehniskā efektivitāte (infrastruktūra un resursi) un aprūpes procesi paliatīvā fāzē. Pētījuma kopumā tika iekļautas tikai sešas Eiropas Savienības valstis [33].

Latvijā DEA efektivitātes novērtēšanas metode ir pielietota finanšu un banku sektorā un pensiju pārvaldes fondu izvērtēšanā, kā arī sekundārās veselības aprūpes jomā [1,14,33,12]. Arefjevs I. un Sloka B. pētījumā skaidro kāpēc mazo un vidējo pensiju fonda pārvaldības uzņēmumi ir salīdzinoši efektīvāki par lielākiem fondiem [14]. Kas attiecas uz veselības aprūpes jomu, tad Veselības ministrijas diskusiju dokumentā, izmantojot DEA, ir parādīta efektivitāte dažādās slimnīcu grupās un izanalizēti iemesli kāpēc pastāv atšķirīga efektivitāte starp vienāda līmeņa slimnīcām [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Labklājības jomā efektivitāte izmantojot zinātniskās metodes nav pētīta, pat neskatoties uz faktu, ka šai jomai ir piešķirts vislielākais finansējums no visām tautsaimniecības nozarēm [5].

Nemot vērā jau iepriekš minētās demogrāfijas tendences un piešķirto finanšu līdzekļu labklājības jomai, būtu nepieciešams apzināt cik efektīvi tiek izlietoti šie līdzekļi, veltot uzmanību institūcijām, kuras nodrošina sociālos pakalpojumus un veicot pētījumu izmantojot iepriekš aprakstītās pētniecības metodes.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Arefjevs, I. (2017). *Daudzposmu pieeja finanšu uzņēmumu efektivitātes novērtēšanā* (Ph.D.). Banku augstskola.
2. Attīstības plānošana Latvijā, Pārresoru koordinācijas centrs. (2018). Retrieved from <https://www.pkc.gov.lv/lv/valsts-attistibas-planosana/attistibas-planosana-latvija>
3. Centrālais statistikas birojs. Iedzīvotāju skaits līdz darbības, darbības un virs darbības vecuma grupās statistiskajos reģionos, republikas pilsētās, 21 attīstības centrā un novados gada sākumā- Statistikas datubāzes. (2018). Retrieved from http://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/iedz/iedz__iedzrakst/IRG010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=d8284c56-0641-451c-8b70-b6297b58f464
4. Centrālais statistikas birojs. Ilgstošas sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas centri gada beigās- Statistikas datubāzes. (2018). Retrieved from

- http://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/sociala/sociala__socdr__aprupe/SDG110.px/table/tableViewLayout1/?rxid=d8284c56-0641-451c-8b70-b6297b58f464
5. Finanšu ministrija, Budžets 2018. (2018). Retrieved from http://www.fm.gov.lv/lv/budzets_2018/
 6. Latvijas gados vecu iedzīvotāju veselības stāvoklis un to ietekmējošie faktori. (2012). Retrieved from https://spkc.gov.lv/upload/Petijumi%20un%20zinojumi/Sabiedribas%20veselibas%20petijumi/gados_vecu_iedzivotaju_veselibas_stavoklis_un_to_ietekmjosie_faktori.pdf
 7. Latvijas Nacionālais attīstības plāns 2014. – 2020. gadam. (2018). Retrieved from https://www.pkc.gov.lv/sites/default/files/inline-files/20121220_NAP2020%20apstiprinats%20Saeima_0.pdf
 8. Ministru kabineta sēdes protokols - Latvijas Vēstnesis. (2017). Retrieved from <https://www.vestnesis.lv/op/2017/169.7>
 9. Nozarēs veikto ieguldījumu efektivitātes analīzes metodika. (2017). Retrieved from <https://www.mk.gov.lv/sites/default/files/editor/metodika.docx>
 10. Pašvaldību sociālo dienestu un sociālā darba speciālistu darbības efektivitātes novērtēšanas rezultāti un to analīze. (2017). Retrieved from http://www.lm.gov.lv/upload/projekts/faili/5_gala_zinojums_saskanots.pdf
 11. Pētījuma metodoloģijas apraksts. (2017). Retrieved from http://www.lm.gov.lv/upload/projekts/faili/1_metodologija_saskanots.pdf
 12. Veselības ministrija. (2012). Veselības aprūpes pakalpojumu sniedzēju izvietojuma plāns līdz 2018.gadam- diskusiju dokuments. Rīga: Veselības ministrija.
 13. Anderson, R., Weeks, S., Hobbs, B., & Webb, J. (2003). "Nursing Home Quality, Chain Affiliation, Profit Status and Performance. *Journal Of Real Estate Research, American Real Estate Society, 25*(1), 43-60.
 14. Arefjefs, I., & Sloka, B. (2016). EFFICIENCY ASSESSMENT OF BALTIC PENSION FUND MANAGEMENT COMPANIES. *Journal Of Business Management, (11)*, 34-47.
 15. Charnes, A., Cooper, W., & Rhodes, E. (1978). Measuring the efficiency of decision-making units. *European Journal Of Operational Research, 2*(6), 429-444. doi: 10.1016/0377-2217(78)90138-8
 16. Cherchye, L., De Rock, B., & Hennebel, V. (2014). The economic meaning of Data Envelopment Analysis: A 'behavioral' perspective. *Socio-Economic Planning Sciences, 48*(1), 29-37. doi: 10.1016/j.seps.2013.12.002
 17. Cooper, W., Seiford, L., & Zhu, J. (2011). Data Envelopment Analysis: History, Models, and Interpretations. *International Series In Operations Research & Management Science, 1*-39. doi: 10.1007/978-1-4419-6151-8_1
 18. Cylus, J., Papanicolas, I., & Smith, P. (2016). *Health system efficiency*. London: European Observatory on Health Systems and Policies.
 19. DeLellis, N. (2009). *Determinants of Nursing Home Performance: Examining the Relationship Between Quality and Efficiency* (Dissertation). Virginia Commonwealth University.
 20. Elba, F., Ciappei, C., Rialti, R., & Zollo, L. (2017). Evaluating the quality and effectiveness of regional healthcare systems: A non-parametric analysis of ISTAT health for all data. In *20th Excellence in Services University of Verona International Conference*. Verona: University of Verona.
 21. Emrouznejad, A., Banker, R., Miranda Lopes, A., & Rodrigues de Almeida, M. (2014). Data Envelopment Analysis in the public sector. *Socio-Economic Planning Sciences, 48*(1), 2-3. doi: 10.1016/j.seps.2013.12.005
 22. European Commission. (2012). *Economic and budgetary projections for the 27 EU Member States (2010-2060)*. European Economy.
 23. Ferrier, G., Rosko, M., & Valdmanis, V. (2006). Analysis of uncompensated hospital care using a DEA model of output congestion. *Health Care Management Science, 9*(2), 181-188. doi: 10.1007/s10729-006-7665-8
 24. Finansministeriet. (2000). *Benchmarking i den offentlige sektor -*. København.

25. Jacobs, R. (2001). Alternative Methods to Examine Hospital Efficiency: Data Envelopment Analysis and Stochastic Frontier Analysis. *Health Care Management Science*, 4(2), 103-115. doi: 10.1023/a:1011453526849
26. Kleinsorge, I., & Karney, D. (1992). Management of nursing homes using data envelopment analysis. *Socio-Economic Planning Sciences*, 26(1), 57-71. doi: 10.1016/0038-0121(92)90026-2
27. Kooreman, P. (1994). Nursing home care in The Netherlands: a nonparametric efficiency analysis. *Journal Of Health Economics*, 13(3), 301-316. doi: 10.1016/0167-6296(94)90029-9
28. Laine, J., Finne-Soveri, U., Björkgren, M., Linna, M., Noro, A., & Häkkinen, U. (2005). The association between quality of care and technical efficiency in long-term care. *International Journal For Quality In Health Care*, 17(3), 259-267. doi: 10.1093/intqhc/mzi032
29. Medeiros, J., & Schwierz, C. (2015). *Efficiency estimates of health care systems*. Luxembourg: European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs.
30. Publications office of the European Union. Directorate-General for Economic and Financial Affairs. (2012). *The 2012 ageing report. Economic and budgetary projections for the 27 EU Member States (2010-2060)* (1st ed.). Luxembourg.
31. Rosko, M., Chilingirian, J., Zinn, J., & Aaronson, W. (1995). The Effects of Ownership, Operating Environment, and Strategic Choices on Nursing Home Efficiency. *Medical Care*, 33(10), 1001-1021. doi: 10.1097/00005650-199510000-00003
32. Shimshak, D., Lenard, M., & Klimberg, R. (2009). Incorporating quality into data envelopment analysis of nursing home performance: A case study☆. *Omega*, 37(3), 672-685. doi: 10.1016/j.omega.2008.05.004
33. Titko, J., & Jureviciene, D. (2014). DEA Application at Cross-country Benchmarking: Latvian vs Lithuanian Banking Sector. *Procedia - Social And Behavioral Sciences*, 110, 1124-1135. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.12.959
34. Wichmann, A., Adang, E., Vissers, K., Szczerbińska, K., Kylänen, M., & Payne, S. et al. (2018). Technical-efficiency analysis of end-of-life care in long-term care facilities within Europe: A cross-sectional study of deceased residents in 6 EU countries (PACE). *PLOS ONE*, 13(9), e0204120. doi: 10.1371/journal.pone.0204120
35. Yamauchi, Y. (2015). Decomposing Cost Efficiency in Regional Long-term Care Provision in Japan. *Global Journal Of Health Science*, 8(3), 89. doi: 10.5539/gjhs.v8n3p89
36. Zare, Z. (2017). Service performance in public healthcare system: data envelopment analysis. *AD-Minister*, 237-265. doi: 10.17230/ad-minister.30.12

Пути повышения финансовой устойчивости на предприятие

Ольга Транкале,

Балтийская Международная Академия, Латвия

Магистерская программа «Международные финансы»

Keepsmile8@inbox.lv

Prof., Dr. oec. Ludmila Verovska

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается понятие финансовой устойчивости предприятия и методы предварительной оценки финансовой устойчивости предприятия, по результатам оценки предлагаются возможные пути повышения финансовой устойчивости.

Ключевые слова: финансовое состояние, финансовая устойчивость, показатели финансовой устойчивости.

ABSTRACT

In this article the concept of financial sustainability of an enterprise and methods of preliminary estimation of financial stability of an enterprise are considered, on the results of an estimation are offered possible ways of increase of financial stability.

Key words: financial stability, financial condition, indicators of financial sustainability.

IEVADS / ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Финансовая устойчивость в современных экономических условиях является одним из важнейших показателей стабильности предприятия. Анализ и оценка финансовой устойчивости предприятия на сегодняшний день позволяет в первую очередь предпринимателям принять необходимые меры для улучшения финансового состояния хозяйственной деятельности, а также внешним субъектам планировать вложения своих средств и оценить риски при принятии решений, анализируя финансовую устойчивость и финансовые возможности предприятия.

Цель исследования: обосновать мероприятия по укреплению финансовой устойчивости предприятия на основе экспресс-анализа.

SVARĪGĀKIE SECINĀJUMI TEORIĀ UN PRAKSĒ / ВАЖНЕЙШИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ / IMPORTANT CONCLUSIONS IN THE THEORY AND IN THE PRACTICE

Финансовая устойчивость предприятия, по мнению Г. В. Савицкой - это способность субъекта хозяйствования функционировать и развиваться, сохранять равновесие своих активов и пассивов в изменяющейся внутренней и внешней среде, гарантирующее его постоянную платежеспособность и инвестиционную привлекательность в границах допустимого уровня риска. [1;5]

В.В. Бочаров характеризует финансовую устойчивость предприятия « ... такое состояние его денежных ресурсов, которые обеспечивает развитие предприятия преимущественно за счет собственных средств при сохранении достаточной платежеспособности и кредитоспособности при минимальном уровне предпринимательского риска». [2;2]

По мнению М.А. Рябова «Финансовая устойчивость является неоднозначной характеристикой деятельности организации. Ее следует понимать, как способность наращивать достигнутый уровень деловой активности и эффективности бизнеса, гарантируя при этом платежеспособность, повышая инвестиционную привлекательность в границах допустимого уровня риска». [3;4]

Изучив экономическую литературу, понятие финансовая устойчивость предприятия можно сформулировать, как способность предприятия обеспечить развитие хозяйственной деятельности средствами, необходимые для бесперебойного функционирования и своевременным погашением своих обязательств.

«Финансовая устойчивость предприятия характеризуется состоянием собственных и заемных средств и анализируется с помощью системы финансовых коэффициентов с установленными базисными величинами, а также изучения динамики и их изменений за определенный период. [4;1] В учебном пособии В.Р. Банка, С.В. Банка, А.В. Тараскиной

«Финансовый анализ» для оценки финансовой устойчивости предлагаются следующие коэффициенты: коэффициент иммобилизации, коэффициент доли дебиторской задолженности в стоимости имущества, коэффициент инвестирования в долгосрочные активы, коэффициент структуры привлеченного капитала и коэффициент кредиторской задолженности и прочих пассивов. В.В. Ковалев показатели финансовой устойчивости делит на две группы, называемые условно коэффициентами капитализации и коэффициентами покрытия. [5;3] Уровень коэффициентов является как бы отправной точкой для оценки финансовой устойчивости.

Для примера предварительной оценки финансовой устойчивости применялся баланс транспортно-логистического предприятия. В экспресс-анализе финансовой устойчивости предприятия применялись данные об источниках финансового характера, а именно следующие коэффициенты:

K1 - Коэффициент автономии (независимости) = Собственный капитал / Активы

K2 - Коэффициент соотношения заемных и собственных средств = Заемные средства / Собственный капитал

K3 - Коэффициент финансовой зависимости = Обязательства / Активы

K4 - Коэффициент финансового левериджа = Долгосрочные заемные средства / Собственный капитал

K5 - Коэффициент маневренности собственных оборотных средств = Собственные оборотные средства / Собственный капитал

K6 - Коэффициент соотношения мобильных и иммобилизованных активов = Оборотные активы / Внеоборотные активы

K7 - Коэффициент обеспеченности оборотного капитала собственными источниками финансирования - (Собственный капитал - Внеоборотные активы) / Оборотные активы

K8 - Коэффициент отдачи оборотных активов = Выручка от продаж / Оборотные активы

Период отдачи оборотных активов = 365 / Коэффициент оборачиваемости оборотных средств

K9 - Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности = Выручка / Средний остаток дебиторской задолженности

Период оборачиваемости дебиторской задолженности = 365 / Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности

K10 - Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности = Выручка / Средняя величина кредиторской задолженности

Период оборота кредиторской задолженности = 365 / Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности.

Данные для расчета коэффициентов представлены в таблице 1.

1. Статьи баланса и отчета прибыли или убытков анализируемого предприятия за период 2013-2017гг (Евро)

Статья	2013	2014	2015	2016	2017
Собственный капитал	-135898	35541	96611	155227	254163
Другие обязательства	373394	331547	293942	221022	218132
Активы	940436	791563	864056	915765	925391
Собственные оборотные средства	-102932	-79442	-26988	-10946	24662
Оборотные активы	427118	317195	416506	484843	477758
Внеоборотные активы	513318	474368	447550	430922	447633
Краткосрочные заемные средства	107905	116915	130787	148737	134285
Долгосрочные заемные средства	373394	331547	293942	221022	218132
Выручка	2225343	2587514	2225670	2589792	2887854

Полученные результаты отображены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты коэффициентов анализируемого предприятия 2013-2017гг (%)

Коэффициенты	2013	2014	2015	2016	2017
Коэффициент автономии	-0,14	0,04	0,11	0,17	0,27
Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	2,24	1,69	1,81	2,06	1,90
Коэффициент финансовой зависимости	1,14	0,96	0,89	0,83	0,73
Коэффициент финансового левериджа	-2,75	9,33	3,04	1,42	0,86
Коэффициент маневренности собственных оборотных средств	0,76	-2,24	-0,28	-0,07	0,10
Коэффициент соотношения мобильных и иммобилизованных активов	0,83	0,67	0,93	1,13	1,07
Коэффициент обеспеченности оборотного капитала собственными источниками финансирования	-1,20	-1,50	-1,07	-0,89	-0,94
Коэффициент отдачи оборотных активов	5,21	8,16	5,34	5,34	6,04
Период отдачи оборотных активов (в днях)	70	45	68	68	60

Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности	9,87	11,47	9,87	11,48	12,80
Период оборачиваемости дебиторской задолженности(в днях)	37	32	37	32	29
Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности	2,83	3,29	2,83	3,29	3,67
Период оборота кредиторской задолженности(в днях)	129	111	129	111	99

По полученным результатам, очевидно, что показатели предприятия на протяжении анализируемого периода имеют тенденцию к улучшению.

Коэффициент автономии—характеризует независимость от заемных средств. Считается нормальным значением, когда доля собственных средств превышает долю заемных средств. Коэффициент должен быть в пределах 0,5 – 0,8. Отрицательное значение показателя говорит о возможном банкротстве предприятия. В 2013 году на предприятие коэффициент автономии был отрицательным, что говорит о финансовой нестабильности. Последующие годы коэффициент имел тенденцию увеличиваться, и наконец, в 2017 года находится все еще за пределами нормы.

Коэффициент соотношения заемных и собственных средств – данным показателем больше интересуются инвесторы, поставщики, так как им важно знать финансовое состояние предприятия, в которое они планируют вкладывать свои средства. На предприятие в 2013 году коэффициент составлял 2,24, что говорит о проблемах. Последующие годы коэффициент занимал разные значения. Наконец в 2017 г составил уже 1,90, что свидетельствует о снижении зависимости, но финансовое состояние все еще неустойчивое. На предприятие есть риск неплатежеспособности из-за высокого заемного капитала.

Коэффициент финансовой зависимости -характеризует отношение заемного капитала предприятия ко всем активам. Нормальным значение коэффициента является 0.5. Коэффициент предприятие выше нормы, что свидетельствует о высокой зависимости предприятия от кредиторов. В динамике за анализируемый период данный коэффициент снижается, что является положительным и говорит о том, что финансовая устойчивость предприятия улучшается.

Коэффициент финансового левериджа- показывает долю собственного капитала предприятия в активах. Высокий показатель свидетельствует о предпринимательском риске предприятия. На протяжении анализируемого периода коэффициент с 2014 года понижается, что является благоприятной динамикой для предприятия. Оптимальное значение коэффициента считается в пределах 0,5–0,8. В 2017 году данный коэффициент составляет 0,86, что является, безусловно, положительной динамикой.

Коэффициент маневренности собственных оборотных средств— динамика данного коэффициента свидетельствует об уменьшении собственных источников финансирования. Рекомендуемое значение коэффициента является 0,2 – 0,5, но на предприятие этот показатель находится за пределами нормы.

Коэффициент соотношения мобильных и иммобилизованных активов—показывает, сколько внеоборотных средств приходится на 1 евро оборотных активов. В 2013 году этот коэффициент составлял 0,83, а в 2017 уже 1,07. Чем выше доля данный показатель, тем меньше доля оборотных активов в имуществе.

Коэффициент обеспеченности оборотного капитала собственными источниками финансирования - показывает достаточность у предприятия собственных средств, необходимых для финансирования текущей деятельности. Данный коэффициент на предприятие за анализируемый период является негативным, но имеет тенденцию на улучшение. Нормальным значением считается не менее 0,1.

Коэффициент отдачи оборотных активов- показывает сколько раз за анализируемый период, оборачиваются оборотные средства предприятия. Данный коэффициент анализируется в динамике для определения тенденции улучшения или ухудшения. Увеличение данного показателя в течение анализируемого периода является положительным знаком, так как свидетельствует о постоянной работе предприятия по улучшению оборотными активами. Период оборачиваемости оборотных активов за анализируемый период ускорился с 70 до 60 дней, что является хорошим знаком.

Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности- показывает скорость погашения дебиторской задолженности предприятия. Данный показатель анализируется в динамике за несколько лет. По результатам анализа на предприятие оборачиваемость дебиторской задолженности увеличивается, покупатели быстрее погашают задолженность перед предприятием. Период оборачиваемости дебиторской задолженности ускоряется, что является положительным знаком. Для более полной оценки оборачиваемости дебиторской задолженности стоит оценивать совместно с [оборотчиваемостью кредиторской задолженности](#).

Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности-показатель, который отражает скорость погашения предприятием собственных долгов, сколько требуется оборотов в год для оплаты выставленных счетов. За анализируемый период данный коэффициент имел тенденцию увеличиваться, с 2,83 до 3,67. Ускорение оборачиваемости кредиторской задолженности говорит об улучшении платежной дисциплины предприятия. Период оборачиваемости кредиторской задолженности ускорился, предприятию нужен меньше период для расчета по кредитам.

Оценивая кредиторскую задолженность совместно с дебиторской задолженностью по итоговым результатам, можно сделать выводы, что коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности больше коэффициента оборачиваемости кредиторской задолженности, что является благоприятным знаком для предприятия, но низкая оборачиваемость кредиторской задолженности свидетельствует о том, что предприятие использует непогашенную кредиторскую задолженность как дополнительный источник финансирования текущей деятельности.

Нагляднее динамика коэффициентов отображена на диаграмме 1.

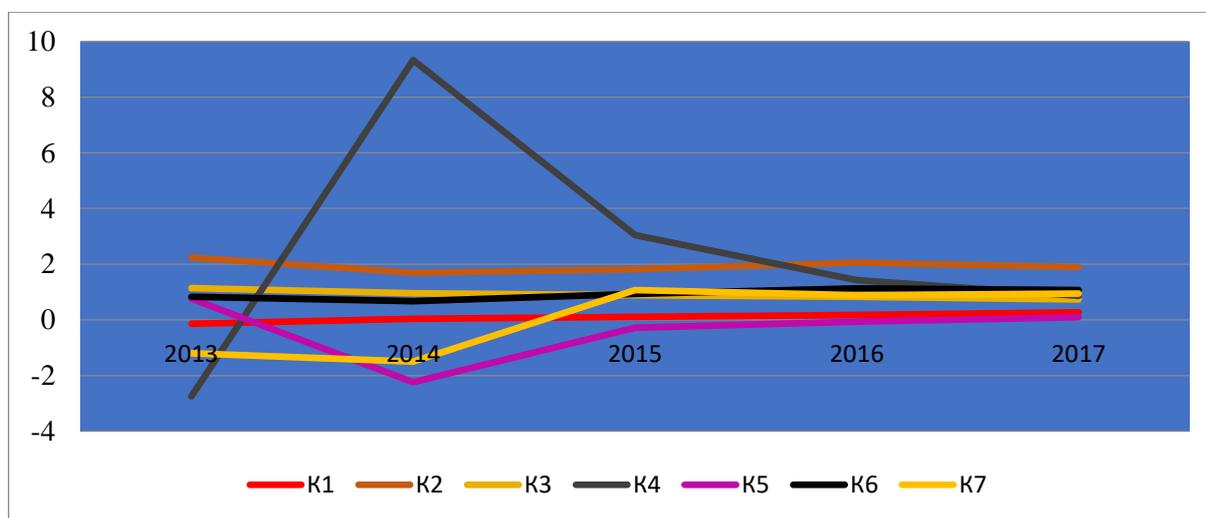

Диаграмма 1. Динамика коэффициентов финансовой устойчивости за 2013-2017гг

На диаграмме видно, что коэффициенты на протяжении анализируемого периода улучшаются, что является положительной тенденцией, но, безусловно, требуются мероприятия по повышению финансовой устойчивости.

Для повышения финансовой устойчивости предприятия требуется проанализировать не только баланс предприятия с точки зрения всех источников, но и отчет о прибыли или убытках, а также отчет о движении денежных средств. В этом случае для оценки финансовой устойчивости рассчитываются коэффициенты, характеризующие не только долю собственного капитала, но и все статьи пассива баланса.

По предварительной оценке, финансовой устойчивости данному предприятию рекомендуются следующие направления по повышению финансовой устойчивости:

- Требуется увеличить собственный капитал, путем увеличения уставного капитала за счет дополнительных взносов учредителей или увеличений круга учредителей.
- Переоценить или реализовать неиспользуемые основные средства.
- Разработка мероприятий над дебиторской задолженностью, чтобы обеспечить предприятие собственными оборотными средствами.
- Спонтанное финансирование, суть которого заключается в стимулирование клиентов быстрее оплачивать по оказанным услугам (как вариант скидку за услугу, если оплатят в определенный период)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Финансовая устойчивость предприятия является важным показателем, который полностью отражает финансовое состояние предприятия, как во внешней, так и внутренней среде. Финансовая устойчивость показывает, как эффективно предприятие использует собственные средства. На анализируемом предприятии финансовая устойчивость не стабильна, хотя и с каждым годом улучшается. Предприятие очень зависимо от внешних источников и требует мероприятий по улучшению финансовых показателей. По проведенному анализу финансовой устойчивости, предприятию рекомендуется увеличить собственный капитал за счет увеличения уставного фонда и разработать мероприятия по улучшению дебиторской задолженности, для увеличения собственных оборотных средств.

У предприятия имеются внутренние возможности укрепить финансовое положение и это реальный ресурс его устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Банк В.Р. , Банк С. В., Тараскина А.В. « Финансовый анализ» -Учеб.пособие.-М.:ТК Велби, Изво Проспект,2006. -344/91стр.)
2. Бочаров В. В. Финансовый анализ. Краткий курс /Питер,2009.-240/ 77 стр.
3. Ковалев В.В., Финансовый анализ: методы и процедуры – М.: Финансы и статистика – 2002.- 560с/325 стр.
4. Рябова М.А,Анализ финансовой отчетности: учебно-практическое пособие - Ульяновск : УлГТУ, 2011. – 237/ 23стр.
5. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: Учеб.пособие /Мн.: Новое знание, 2002. — 704 / 619 стр.

Совершенствование маркетинговых стратегий в комплексе маркетинга для улучшения конкурентоспособности предприятия «А» на латвийском рынке творческой индустрии

Алексей Ульянов,

*Магистрант учебной профессиональной программы
«Управление и администрирование предпринимательской деятельности»*

Балтийская Международная Академия, Латвия, Рига

allleks72@mail.ru

док.эк. н., проф., Т.В. Голубкова

АННОТАЦИЯ

В деятельности предприятий творческой индустрии наблюдается тенденция роста и развития, поэтому уровень конкуренции растет. Цель статьи - создание методологии по оценке маркетинговых стратегий в комплексе маркетинга для улучшения конкурентоспособности предприятия «А» и пути их совершенствования. Проблема - многообразие методов и подходов в оценке маркетинговых стратегий. Новизна – выделение основных методов и подходов. Сделан вывод о выборе методов и подходов в оценке маркетинговых стратегий.

Ключевые слова: маркетинговые стратегии, комплекс маркетинга, методы и подходы оценки маркетинговых стратегий в комплексе маркетинга, показатели эффективности маркетинговых стратегий.

ABSTRACT

There is a trend of growth and development in the activity of enterprises of the creative industry, therefore, the level of competition is growing. The goal of the article is the creation of a methodology for evaluating the marketing strategies in the marketing mix for the improvement of competitiveness of enterprise “A” and the ways of their improvement. The problem is a variety of methods and approaches in evaluating the marketing strategies. Novelty is the selection of the main methods and approaches. The conclusion is made, concerning the methods and approaches in the evaluation of marketing strategies.

Keywords: marketing strategies, marketing mix, methods and approaches of evaluation of marketing strategies in the marketing mix, the indicators of effectiveness of marketing strategies.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Маркетинговая стратегия-элемент в общей стратегии фирмы, которая описывает, как она должна использовать имеющиеся в ее распоряжении возможности и ресурсы для достижений наибольшего результата и увеличения доходности в долгосрочной перспективе [1].

Актуальность исследования. На современном этапе развития любой фирмы, актуальную роль играют маркетинговые стратегии в комплексе маркетинга, так как они представляет собой общий план мероприятий в области маркетинга, с помощью которых фирма рассчитывает достичь стоящих перед ней маркетинговых целей. Маркетинговые стратегии подразумевают постановку конкретных целей по каждому отдельному товару, виду рынка на определенный период времени, и, формируются стратегии в рамках общей производственно-коммерческой деятельности согласно индивидуальным возможностям конкретной фирмы и особенностями ситуации на рынке, что обуславливает ее способность быть востребованной на рынке, соперничая с компаниями конкурентами[5].

Проблема исследования. Конкурируя с другими предприятиями, фирма стремится получить большую доходность бизнеса, поэтому на первый план выходит проблема выбора методов и

подходов по оценке маркетинговых стратегий в комплексе маркетинга для улучшения конкурентоспособности предприятия и пути их совершенствования.

Цель исследования. Разработать методологию для оценки маркетинговых стратегий в комплексе маркетинга и для совершенствования маркетинговых стратегий в комплексе маркетинга для улучшения конкурентоспособности предприятия.

Методы исследования. Для проведения анализа методов и подходов оценки маркетинговых стратегий в комплексе маркетинга, используются такие методы исследования, как: методы эмпирического познания, группировки, обобщения, систематизации, синтеза, индуктивные и дедуктивные методы, метод составления библиографии, реферирования, цитирования и другие.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

ПОДХОДЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ДЛЯ ОЦЕНКИ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ ФИРМЫ

На практике в процессе реализации маркетинговых планов фирм творческой индустрии возникает множество непредвиденных обстоятельств. Поэтому одной из задач специалистов маркетинговых является постоянная оценка экономической эффективности маркетинговых стратегий. От своевременной и качественной оценки результатов мероприятий от применения маркетинговых стратегий, проводимых фирмой, зависит ее положение на рынке и будущее развитие. Оценка экономической эффективности маркетинговой деятельности от применения маркетинговых стратегий является составной частью контроля комплекса маркетинга. Контроль комплекса маркетинга представляет собой оценку результатов реализации маркетинговых стратегий и планов и осуществление корректирующих действий для достижения поставленных целей. Оценка результатов реализации маркетинговых стратегий и планов делится на четыре подхода к оценке: формулирование целей, измерение результатов деятельности, анализ результатов деятельности, корректирующие действия. Определение экономической эффективности маркетинговых стратегий необходимо также для того, чтобы выявить факторы, влияющие на показатель эффективности маркетинговых стратегий, их взаимозависимость, если она есть, характер их влияния на показатель эффективности, выявить резервы повышения эффективности [4].

На эффективность маркетинговых стратегий фирмы влияют факторы макро- и микросреды, а также непосредственно комплекс маркетинга [6].

Оценка эффективности маркетинговых стратегий фирмы может проводиться по следующим направлениям:

- 1) оценка уровня выполнения годовых заданий по объему продаж, прибыли и другим показателям;
- 2) оценка эффективности выполнения стратегического маркетингового плана;
- 3) оценка эффективности отдельных аспектов маркетинговой деятельности (элементы комплекса маркетинга: продукт, цена, продвижение, доведение продукта до потребителя) за короткие промежутки времени;
- 4) оценка прогресса в области маркетинговой деятельности;
- 5) оценка результатов разработки новых товаров и др. [7].

Для определения уровня эффективности маркетинговых стратегий могут оцениваться как стратегические, так и тактические аспекты деятельности фирмы. Оценка эффективности маркетинговых стратегий выражается в системе показателей оценки маркетинговых стратегий фирмы, которые представлены на таблице 1.

Таблица 1. Система показателей оценки маркетинговых стратегий фирмы

Направление оценки эффективности маркетинга организации	Показатели оценки
Эффективность стратегического управления маркетингом	Ясность целей; прибыль (в динамике); рентабельность инвестиций; доля рынка; уровень конкурентоспособности организации; имидж и репутация; приверженность клиента к товарам организации; ориентация на потребности рынка; технологический уровень; объем инвестиций в новые товары (услуги); период безубыточности; возможности производственного процесса
Эффективность организации службы маркетинга на предприятии	Степень взаимодействия службы маркетинга с другими подразделениями организации; гибкость организационной структуры службы маркетинга; время обработки и выполнения заказа; удовлетворенность работников; доход на одного работающего; коэффициент стратегического переобучения; коэффициент стратегической информированности; число выдвинутых предложений по совершенствованию на одного работника; коэффициент профессиональной перспективности
Эффективность реализации тактических маркетинговых программ	Объем сбыта; доход; оборачиваемость запасов; прибыльность товара; прибыльность товарного ассортимента; уровень конкурентоспособности товара (услуги); прибыльность сегмента; число новых клиентов; число жалоб и рекламаций; доля возмещений и скидок; своевременность поставки; сопоставимость цены и качества товара (услуги); частота пересмотра цен; уровень сервисного обслуживания
Эффективность функционирования маркетинговой информационной системы	Уровень оснащенности техническими средствами; затраты на функционирование маркетинговой информационной системы; частота проведения маркетинговых исследований; наличие информационной базы данных; доступной другим службам; наличие и пользование методиками обработки и анализа информации; удобство пользования обработанной информацией

Предлагаемая система включает в себя как количественные показатели оценки, так и качественные, оценить которые фирма самостоятельно бывает трудно, поэтому в некоторых случаях следует прибегнуть к экспертным оценкам. Она позволяет оценить эффективность маркетинговых стратегий фирмы в целом и по отдельным аспектам, что поможет выявить проблемы управления комплексом маркетинга, подлежащие немедленному решению.

Предлагается рассматривать эффективность маркетинговых стратегий фирмы как совокупность четырех составляющих комплекса маркетинга: продукт, цена, распределение, продвижение, используемых для оценки результатов маркетинговых стратегий фирмы:

- 1) на уровне продукта (товара, услуги) – ассортиментная политика продукта (структура ассортимента (ширина и глубина), сбалансированность ассортиментного портфеля, доля рынка и др.);
- 2) на уровне цены продукта (товара, услуги) – ценовая политика продукта (объем продаж, маржинальная прибыль (брутто прибыль), эффективность продаж (нетто прибыль) и др.);
- 3) на уровне распределения продукта (товара, услуги) – политика сбыта продукта (эффективность каналов сбыта продукта по объему продаж в единицах через каждый канал, рентабельность каждого канала сбыта);
- 4) на уровне продвижения продукта (товара, услуги) - политика продвижения продукта (физическое окружение, процесс, персонал) это комплекс мер, направленных на продвижение продукта (товара, услуги) и/или фирмы, включающий в себя рекламу, прямые продажи, стимулирование сбыта и связи с общественностью [3].

Рассмотренные аспекты, представим на примере фирмы „X”.

МЕТОДЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ ФИРМЫ

В настоящее время количественные методы в маркетинговых исследованиях применяются все чаще и уже разработано достаточно много моделей, дающих возможность определить важнейшие параметры рыночной деятельности. Можно выделить несколько групп количественных методов при проведении маркетинговых исследований:

Первая группа – многомерные методы (в первую очередь факторный и кластерный анализы). Они используются для обоснования маркетинговых решений, в основе которых лежат многочисленные взаимосвязанные переменные. Например, определение объема продаж нового продукта в зависимости от его технического уровня, цены, затрат на рекламу, другого элемента комплекса маркетинга;

Вторая группа – регрессивные и корреляционные методы. Используются для установления взаимосвязей между группами переменных, описывающих маркетинговую деятельность;

Третья группа – имитационные методы. Применяются, когда переменные, влияющие на маркетинговую ситуацию (например, описывающие конкуренцию), не поддаются аналитическому решению;

Четвертая группа – методы статистической теории принятия решений. Используются для стохастического описания реакции потребителей на изменение рыночной ситуации;

Пятая группа – детерминированные методы исследования операций (в первую очередь линейное и нелинейное программирование). Эти методы применяются тогда, когда имеется много взаимосвязанных переменных и надо найти оптимальное решение, например, вариант доставки продукта потребителю, обеспечивающий максимальную прибыль, по одному из возможных каналов товарораспределения;

Шестая группа – гибридные методы, объединяющие детерминированные и вероятностные (стохастические) характеристики. Применяются, прежде всего, для исследования проблем распределения;

Седьмая группа – модели сетевого планирования;

Восьмая группа – матричные методы, матрица БКГ, матрица Портера, матрица GE/McKinsey «Привлекательность рынка», матрица Shell/DPM «Привлекательность отрасли», матрица Hofer/Schendel «Стадия развития рынка», матрица ключевые факторы успеха, матрица ADL/LC «Жизненный цикл продукта» и другие [2].

Десятая группа – методы, связанные с оценкой, цена-качество продукта и другие.

Таким образом, существует многообразие методов оценки маркетинговых стратегий, которые позволяют оценить эффективность маркетинговых стратегий через призму элементов комплекса маркетинга [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Итак, маркетинговая стратегия – общий план развития каждого элемента маркетинга (физический товар – продукт, распределение, цена, продвижение; услуга – продукт, распределение, цена, продвижение, физическое окружение, процесс, персонал), разработанный на долгосрочную перспективу. Маркетинговая стратегия, являясь составной частью общей стратегии предприятия, направляет деятельность на достижение следующих стратегических целей: увеличение доли рынка предприятия на рынке; увеличение объема продаж предприятия; увеличение прибыли предприятия; завоевание лидирующих позиций на рынке и другие.

Для выбора лучшей методики оценки маркетинговых стратегий, осуществив анализ посредством разработанных на сегодня методов оценки уровня маркетинговых стратегий фирмы, можно сделать вывод, что не существует идеальной методики комплексной оценки маркетинговых стратегий фирмы.

Для корректной и точной оценки и дальнейшего улучшения конкурентоспособности компании за счет совершенствования маркетинговых стратегий, предлагается использовать различные методы и подходы, которые могут применяться в комплексе маркетинга, через анализ элементов (переменных) комплекса маркетинга. Оценку маркетинговых стратегий фирмы для улучшения конкурентоспособности фирмы, необходимо производить на основании ряда показателей, описывая создавшуюся текущую ситуацию положения фирмы, „А” в какой-либо период, а также с помощью этих показателей выявлять недостатки или факторы влияния на деятельность фирмы, которые позволят выявить пути совершенствования маркетинговых стратегий для улучшения конкурентоспособности фирмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/

LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Азоев, А. Г. Конкуренция: анализ, стратегия и практика. / А. Г. Азоев. - М.: Центр экономики и маркетинга, 2006, 208с.
2. Голубков, Е. П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика: учеб. / Е. П. Голубков. – М. : Финпресс, 2008, 656 с.
3. Данько Т.П. Количественные методы анализа в маркетинге / Под ред. Т.П. Данько, И.И. Скоробогатых. СПб.: Питер, 2005, 384 с.
4. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007, 453 с.
5. Философова Т.Г., Быков В.А. Издательство: Юнити-Дана, 2012 г. Конкуренция. Инновации. Конкурентоспособность: учебное пособие, 295 с.
6. Хруцкий, В. Е. Современный маркетинг: настольная книга по исследованию рынка: учеб. пособие / В. Е. Хруцкий. – М. : Финансы и статистика, 2008.
7. Юданов А.Ю. Конкуренция: теория и практика: Учебное пособие; 2-е изд., с испр. и доп. — М.: Ассоциация авторов и издателей Тандем; Изд-во ГНОМ-ПРЕСС, 2001. – 304 с.

Проблема управления внедрением инноваций в организации

Диляра Усманова,

доктор экономики, доцент

Латвия, Балтийская Международная академия

dilara@inbox.lv

АННОТАЦИЯ

Способы ведения бизнеса меняются так сильно, что наша способность адаптироваться и менять своё мышление становится неотъемлемой частью успеха. Задача стимулирования создания и внедрения в производство инновационных продуктов, требует нестандартного мышления работников и применения инновативных подходов к обучению в деловой среде менеджмента. Преодоление сопротивления переменам на рабочем месте возможно благодаря использованию внутреннего потенциала самих работников, применяя игровые методы в менеджменте. Статья носит постановочный характер.

Ключевые слова: бизнес, игра, инновации, коммуникация, менеджмент.

ABSTRACT

Business practices change so much that our ability to adapt and change our thinking becomes an integral part of success. The task of stimulating the creation and introduction of innovative solutions into production requires the non-standard thinking of employees and the application of innovative approaches to training in the business management environment. Overcoming resistance to changes in the workplace is possible through the use of the internal potential of the workers themselves, using game management methods. The present article is preliminary in nature.

Keywords: business, game, innovation, communication, management.

INTRODUCTION / IEVADS / ВВЕДЕНИЕ

Неоднозначность понятия «предпринимательство» порой вызывает путаницу. Так, его можно применять для обозначения самозанятых лиц или микро- и малых предприятий. На практике, однако, предпринимательством успешно занимаются солидные и крупные компании. Часто под этим понятием имеют в виду любой новый бизнес. Специалисты считают, что этот термин следует относить не к размеру или возрасту организации, а к определенному виду деятельности. А в основе его — *инновация как целенаправленное преобразование экономического и социального потенциала организации.*

В Национальном плане развития Латвии на период с 2014 по 2020 гг. идентифицированы наиболее существенные направления действий, среди которых в контексте данной статьи мы выделяем: «Великолепная среда для предпринимательской деятельности» и «Развитая исследовательская деятельность, инновации и высшее образование». Великолепная среда предпринимательской деятельности должна иметь международную узнаваемость и стимулировать инновационную деятельность предприятий, способствуя привлечению инвестиций, а также обеспечивать каждому, кто желает начать предпринимательскую деятельность, благоприятную возможность работать и жить в Латвии [1].

Структуру бизнеса в Латвии как государстве с небольшой и открытой экономикой в основном образуют микро-, малые и средние предприятия, у которых не хватает мощности для инвестиций в исследования и развитие. *Это указывает на недостаточную способность разработки и усвоения инноваций.* Чтобы работающие в частном секторе имели возможность использовать созданные

исследователями инновации, необходимо *создавать культуру инноваций*, основанную на эффективной *системе инноваций*, которая *охватывает и интегрирует условия законодательства, образования, науки, исследовательской деятельности, финансов и современные методы менеджмента*. Путем коммерциализации знаний необходимо стимулировать создание и внедрение в производство инновационных продуктов, конкурентоспособных на международном уровне, с высокой добавленной стоимостью, тем самым повышая удельный вес объема выпуска указанных продуктов в народном хозяйстве [1].

BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ

Инновация — это проявление предпринимательского духа в уже существующей организации или рожденный в уме замысел. Для предпринимателя инновационные усилия нужны для создания новых источников прибыли или расширения уже имеющихся. Последние годы тема мотивации, вовлеченности персонала в бизнес и принятия работниками перемен, связанных с внедрением инноваций, стала настолько актуальной, что о ней задумались многие теоретики и практики. Книга У. Тимоти Голви «Работа как внутренняя игра. Фокус, обучение, удовольствие и мобильность на рабочем месте» [2] вносит существенный вклад в *переосмысление роли каждого работника*. Без творческих способностей и инициативы человека не возможен рост инновационного потенциала отдельных предприятий и народного хозяйства в целом.

Компании прилагают большие усилия, чтобы найти на рынке труда и привлечь хороших сотрудников, объединив их идеей единой миссии и общего дела. Для сплочения коллектива проводятся различные корпоративные мероприятия. Однако, проблема состоит в том, чтобы сделать работников игроками одной команды и деловыми партнерами успешного бизнеса, требующего инноваций, а цель исследования состоит в раскрытии возможных подходов к созданию такой системы деловых коммуникаций, которая *позволяет раскрыть творческие возможности каждого работника*, создать команду деловых людей, не только вовлеченных в процесс игры в бизнес, но *способных обучаться, отслеживать и улучшать индивидуальные результаты, а также понимать экономическую ситуацию компании, требующую инновационных перемен*.

Несмотря на такое внимание к вопросам эффективности, очень немногие из менеджеров в восторге от собственных достижений. Они хотят знать, как организовать работу, как понять, что важно, а что - пустая трата времени. При всем обилии отчетов и данных они оказываются неспособными отличить потенциально эффективные решения от тех, которые приводят к разочарованиям. В ответ на вопрос: «Что на самом деле определяет экономическую эффективность и результативность бизнеса, которым я занимаюсь?» он слышит в ответ банальности вроде «низкие затраты» или «высокая прибыль» [3, 89].

По нашему мнению, следовало бы задаться и такими вопросами: как помочь работнику максимально раскрыть свои потенциальные возможности, достичь высоких результатов, избежав при этом перегрузок, получая новые знания и удовольствие от работы. Как преодолеть разрывающие работника внутренние противоречия между закостеневшими требованиями менеджмента и собственным пониманием процесса. Как преодолеть скуку, связанную с рутинной работой? Как уметь подняться над тем, что он делает, и адекватно оценить обстановку и перспективы? Как научиться фокусироваться и как переключать внимание, чтобы дать себе возможность отдохнуть? Может ли работник обеспечить хорошие результаты работы, не боясь нововведений, наслаждаясь и участь? На эти вопросы дает ответы метод Внутренней игры, разработанный У.Тимоти Голви [2].

Этот метод, в нашей интерпретации, констатирует существование внутреннего диалога, который работник постоянно ведет внутри себя. При этом одна сторона его сознания впитала в себя все требования, которые контролируются начальством, и все ограничения. Эта сторона «знает, что нужно делать, чтобы соответствовать Внешней игре - работе». Она оценивает, контролирует, диктует и давит над работником, ограничивая свободу действий и инициативу. А другая сторона сознания

тяготеет к тому, чтобы уменьшить любое вмешательство в раскрытие и воплощение полного потенциала работника. *Только, начав процесс сокращения вмешательства «ограничителя» в себе, и, возможно, в своих рабочих группах, можно надеяться на доступ к большому числу скрытых способностей и на их развитие.* Это понимание можно выразить простой формулой, которая определяет Внутреннюю игру

[2, 19-20]:

$$P = P - B, \text{ где}$$

P - результативность или эффективность, в любой области — от ударов по мячу в спортивной игре до решения сложных проблем в бизнесе;

П - потенциал работника, имеющийся у него для решения задач;

В - фактор вмешательства со стороны Внешней игры или «ограничителя» - со стороны внутреннего диалога.

Результативность редко равна потенциалу. Человеку свойственно сомневаться в себе, отступать перед неудачами — этого достаточно, чтобы заметно снизить свою реальную результативность.

Цель Внешней игры — преодолеть внешние препятствия к достижению внешней цели. Понятно, что обе игры взаимосвязаны. Чем значительнее внешние вызовы, с которыми сталкивается человек, группа или организация, тем для фирмы важнее, чтобы вмешательство изнутри сводилось к минимуму.

Однако, неважно, в какой культуре работает человек, какой работой он занят и каков бы ни был уровень его компетенции, — всегда происходят две игры внутренняя и внешняя. Движение вперед будет всегда зависеть от них обеих. Они — как две ноги. Но, к сожалению, — разной длины, так как всегда уделялось больше внимания овладению внешней игрой и изменению внешнего мира. Наука, техника и современный информационный взрыв позволили нам вырастить относительно длинную ногу — Внешнюю игру. Но наше понимание Внутренней игры и контроль над ней не эволюционировали в той же мере. В наш век, если мы не научимся некоторым базовым навыкам Внутренней игры, технический прогресс во Внешней игре принесёт нам мало выгод. *У нас есть глубокая потребность лучше понять и научиться изменять ту сферу, которая называется «мы сами», и это может произойти, только если мы будем меняться в гармонии с нашей истинной природой, а не воюя с ней* [2, 20].

RESULTS OF RESEARCH AND EVALUATION / РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОЦЕНКА / RĒTĪJUMU REZULTĀTI UN NOVĒRTĒŠANAS

Не секрет, что после осознания грядущих перемен, связанных с введением инноваций, во внутренней среде предприятия возрастает нагрузка на менеджеров. Дело в том, что часто возникает известное противостояние — сопротивление переменам со стороны работников, иногда оно бывает связано с накопившимися ошибками менеджмента, а иногда возникает без существенной причины. Опыт указывает на причины, по которым может возникать противостояние переменам: ошибочная оценка, непонимание сути инноваций и недоверие, неопределенность, предположение о полном отсутствии личной выгоды и необходимости переобучения, грядущая потеря сложившихся комфортных условий адаптации, страх возможного несоответствия и увольнения и др.

Задача заключается в том, чтобы снять напряжение с работников, возрождая к жизни тот потенциал, которым они обладают, но не привыкли приводить в действие, потому что ждут указаний сверху и «включают своего внутреннего ограничителя» (в приведенной формуле — это фактор вмешательства).

Арчи Макгилл, вице-президент по бизнес-маркетингу в известной американской компании AT&T, обратился за помощью к автору метода Внутренней игры, так как у него были сложности с воплощением в жизнь перемен, а перед ним стояли вызовы по изменению корпоративной культуры в AT&T, которая должна была ликвидировать монополию в сфере телекоммуникаций и осуществить переход от монополистического коммунального предприятия к конкурентоспособному, отвечающему потребностям рынка.

У.Т.Голви заинтересовался проблемами фирмы. Играя в теннис и обучая людей игре, он знал совершенно иной способ осуществления перемен. Топ-менеджеры пытаются контролировать результаты компании, отдавая команды и поощряя их исполнение. *Это порождает сопротивление и неэффективное устранение препятствий.* По его мнению, осознание перемен работниками, выбор ими ответственных действий и доверие к ним со стороны начальников были бы более подходящими способами для достижения желаемого результата. Чтобы лучше понять, что мешает осуществлению перемен, какие силы вмешиваются в естественный процесс обучения отдельного человека, У.Т.Голви провел включенное наблюдение и поделился своими наблюдениями о том, что ускоряет изменения, а что мешает.

Вот, три его первых наблюдения [2,23]:

1.Люди, наделенные полномочиями, обычно освобождают себя от необходимости начать перемены с самих себя. Они считают, что перемены — это то, что делаем «мы», обучение — это то, что должны сделать «они». Менеджеры думали примерно так: «Раз ответственность за перемены лежит на нас, это освобождает нас от необходимости меняться самим».

2.Сопротивление переменам возникало, когда процесс перемен воспринимался, осознанно или нет, как принуждение или манипуляция. Когда принуждение и оценка исключались из процесса, сопротивление значительно ослабевало. Однако корпоративные преобразования обычно приводятся в движение с помощью принуждения и оценки. У.Т.Голви сравнивает этот традиционный подход с указаниями тренера перед игрой на теннисном корте: «Вот модель того, как это следует делать, вот то, чего не следует делать. А вот, что будет, если вы не впишетесь в эту новую модель». *Надо заметить, что это проверенный и устоявшийся неэффективный метод проведения перемен.*

3.Сопротивление переменам, которое имеет место внутри корпорации обусловлено преобладанием командно-административной системой менеджмента.

Каков же был основной вывод? Эта гигантская компания пренебрегала драгоценным потенциалом, имевшемся, по сути дела, у каждого ее работника, потому что его способности мало использовались, так как любой сотрудник АТ&Т должен был думать и действовать единообразно, тождественно. Этой тормозящей командно-административной жесткой силы никто не понимал, пока времена не изменились. Такое унифицированное мышление стало препятствием для осуществления перемен, а также для профессионального роста людей - преградой к успеху. Требуется изучение, усвоение приемов и введение в менеджмент компании правил и принципов реализации Внутренней игры.

CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ / SECINĀJUMI

Можем ли мы играть во Внутреннюю игру, которая приносила бы нам удовлетворение и в то же время отвечала бы требованиям Игры внешней? Однако поиск некоторой интеграции между внутренним и внешним требует ряда радикальных экспериментов. *Чтобы справиться со сложностью вопроса, нам нужно попробовать новые структуры, новую практику, новые способы.* Люди соглашались с необходимостью экономического успеха, но работа — это не только наполнение бумажника. Людей заботит культура рабочего места, взаимоотношения с коллегами, возможность реализовать свой потенциал, учиться и совершенствовать свои навыки. Мы часто рассматриваем это как конфликт между менеджментом и работниками, но это не главное. Главное — это индивидуальная, внутренняя борьба. Мы постоянно разрываемся между результатами для компании и жизнью, которая приносила бы удовлетворение. И здесь нам даёт надежду метод Внутренней игры [2, 5].

Автор полагает, что изложенные в статье общие положения о принципах Внутренней игры, апробированные на практике иностранной фирмой, будут полезны и в деятельности латвийских организаций, например, по таким направлениям, как:

- управление инициативами в области корпоративных перемен;
- развитие навыков коучинга у менеджеров;
- создание программ для освоения методов «Всеобщего управления качеством»;

- повышение результативности внедрения инноваций и развитие творческих способностей;
- снижение уровня стресса и улучшение взаимоотношений.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКИ / LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Национальный план развития Латвии на 2014–2020 годы. <https://imhoclub.lv/ru/material/nacionalnij-plan-razvitija-latvii-na-2014-2020-godi>, ресурс просмотрен 10.11.2018.
2. Голви У.Т. Работа как внутренняя игра. Фокус, обучение, удовольствие и мобильность на рабочем месте. <http://www.sstcc.ru/files/7714/6273/2847/Rabotakakvnutrennyayaigra..pdf.-167c>., ресурс просмотрен 12.11.2018.
3. Друкер П. Классические работы по менеджменту / Питер Друкер; Пер. с англ.- 4-е изд.-М.: Альпина Паблишер, 2017.-218с.

The impact of international economic globalization on the economies of developing countries (from the point of view of Uzbekistan)

Vohidova Mehri Khasanovna

Doctor of Philosophy (PhD) in Economics

Tashkent State Institute of Oriental Studies,

mehrivoxidova@gmail.com

ANNOTATION

This article examines international economic globalization, its development and approaches to participation in this process. Based on the UNCTAD data, the share of developed, with transition economies and developing countries in the world production process was studied and analyzed. Proceeding from the interests and economic directions of Uzbekistan, positive and negative aspects of the influence of international economic globalization on the economy of the country are revealed.

Keywords. International economic globalization, transnational corporation (TNC), international economic integration, Uzbekistan, IT-technology, e-commerce, cross-border free economic zone (FEZ).

АННОТАЦИЯ

В данной статье изучена международная экономическая глобализация, ее развитие и подходы стран к участию в этом процессе. На основе данных UNCTAD, изучены и проанализированы доля развитых, с переходной экономикой и развивающихся стран в мировом производственном процессе. Исходя из интересов и экономических направлений Узбекистана, раскрыты положительные и отрицательные стороны влияния международной экономической глобализации на экономику страны.

Ключевые слова. Международная экономическая глобализация, транснациональная корпорация (ТНК), международная экономическая интеграция, Узбекистан, IT-технология, электронная торговля, трансграничная свободно экономическая зона (СЭЗ).

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The struggle between countries to master production factors and wealth determines the essence and essence of globalization.

International economic globalization, its development and various directions, as well as the approaches of various scientists in relation to the participation of countries in this process have been studied.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

In particular, the first group of scientists A.Mikhailov [3], N.Kotlyarov [2] approach international economic integration as the final stage, the second group of scientists - O. Brien [4], V.Kondratiev [1] consider international economic globalization as a separate approach.

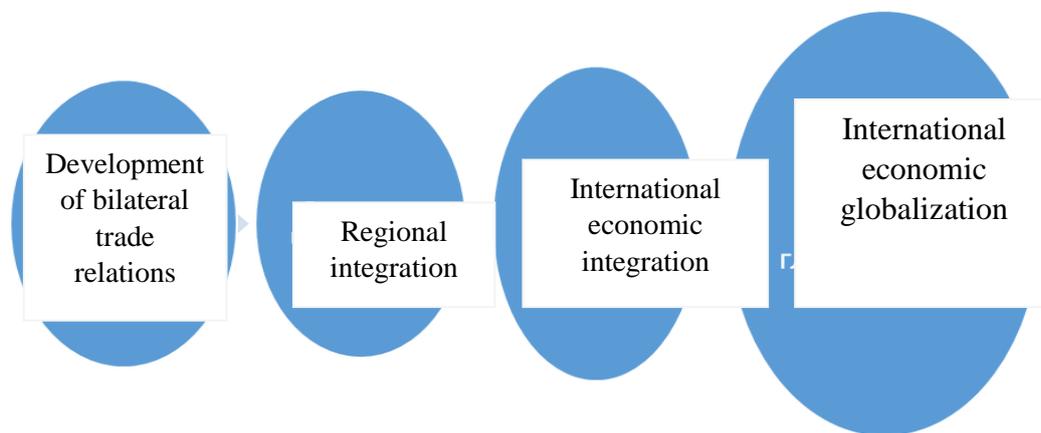

Fig. 1. The process before international economic globalization * Developed by the author

Representatives of these two approaches studied international economic globalization through the experience of developed countries and revealed their positive and negative sides. However, the main goal of our research is to reveal the positive and negative aspects of the influence of international economic globalization on the economy of the country, proceeding from the interests and economic directions of Uzbekistan.

Table 1. World production growth: annual percentage change in 1991-2017 [5]

Country	1991-2000	2001-2008	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
World	2.9	3.2	1.5	-2.1	4.1	2.8	2.2	2.3	2.6	2.6	2.2	2.6
Developed countries	2.6	2.2	0.0	-3.7	2.6	1.5	1.1	1.2	1.8	2.2	1.7	1.9
Countries with transition economies	-4.9	7.1	5.4	-6.6	4.7	4.7	3.3	2.0	0.9	-2.2	0.4	1.8
Developing countries	4.8	6.2	5.3	2.4	7.8	5.9	4.9	4.8	4.4	3.8	3.6	4.2

According to UNCTAD, the fastest growing production in the last 26 years has been the developing countries, the Asian African, and the North American countries.

In addition, in the process of globalization of the world economy, transnational corporations of developed, with transitional economies and developing countries are also actively involved.

The profile of the largest TNCs covers mainly five sectors: electronics and electrical equipment (17%), chemistry and pharmaceuticals (16%), oil and other energy resources (14%), cars, units and units (14%), and production food and beverages (12%). The ten largest TNCs in the world control almost 30% of foreign trade and 34% of TNC's foreign assets. The combined share capital of the 100 largest TNCs is huge - more than 5.5 trillion. US dollars.

Transnational corporations (TNCs) represent the most powerful and developed part of the international cooperative business. They play a leading role in the formation of a unified system of the world economy, since it is their activities that bind national banks and the

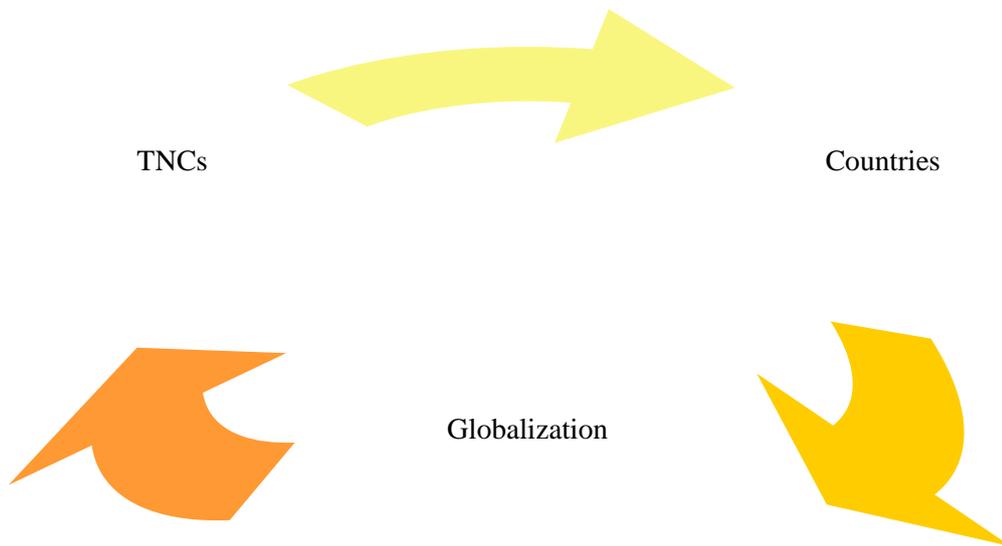

Fig. 2. TNCs and countries as key players in globalization. * Developed by the author

production process into a single whole. TNCs currently control 1/3 of the world trade in goods, 80% of the world market of patents and licenses, they provide 2/3 of direct foreign investments.

The World Bank has compiled a list of Top 100 countries and corporations in terms of revenue. This list of Top 100 included 69 transnational corporation. It is these TNCs that are actively involved in the globalization of the world economy, which is important in the free movement of production factors. They actively participate in the movement of capital from developed countries, goods that are a product of labor and land, from developing countries, its main task in this process is the use of innovative technologies in the production process and financing for their creation.

Uzbekistan is one of the world economy countries with a rapidly developing economy. Liberalization of currency conversion, expansion of export opportunities, reduction of import barriers in the country facilitated attraction of such large holdings and companies such as Volkswagen, Peugeot Citroen, Ticketon, RC Cola, European Investment Bank, Prodimex, Addreality, Toyota, KAMAZ, Georgian Industrial Group, Qovee [7]. In addition, the Uzbek Chamber of Commerce and Industry proposed to purchase at least 15% of the shares of joint-stock companies and commercial banks in accordance with the presidential decree "On additional measures to attract foreign investors to joint-stock companies" No. 2454 of December 21, 2015, respectively, approved list of joint stock companies.

The list of joint-stock companies includes the following sectors:

- commercial banks - 18
- insurance companies - 7
- energy sectors - 14
- oil and gas industry - 40
- of construction industries - 6
- chemical industry - 16
- pharmaceutical industry - 6
- automobile and railway - 33
- electronics - 9
- cotton and textile industry - 38
- other - 60 [8]

Table 2. Rating of the top 100 economies of the world: 31 countries, 69 corporations [6]

Top 100 Countries/Corporations					
Country/Corporation	Revenue (US\$, bns)	Country/Corporation	Revenue (US\$, bns)	Country/Corporation	Revenue (US\$, bns)
1 United States	3,251	35 Austria	189	69 Ping An Insurance	110
2 China	2,426	36 Samsung Electronics	177	70 United Arab Emirates	110
3 Germany	1,515	37 Turkey	175	71 Kroger	110
4 Japan	1,439	38 Glencore	170	72 Société Générale	108
5 France	1,253	39 Industrial & Commercial Bank of China	167	73 Amazon.com	107
6 United Kingdom	1,101	40 Daimler	166	74 China Mobile Communications	107
7 Italy	876	41 Denmark	162	75 SAIC Motor	107
8 Brazil	631	42 UnitedHealth Group	157	76 Walgreens Boots Alliance	103
9 Canada	585	43 CVS Health	153	77 HP	103
10 Walmart	482	44 EXOR Group	153	78 Assicurazioni Generali	103
11 Spain	474	45 General Motors	152	79 Cardinal Health	103
12 Australia	426	46 Ford Motor	150	80 BMW	102
13 Netherlands	337	47 China Construction Bank	148	81 Express Scripts Holding	102
14 State Grid	330	48 AT&T	147	82 Nissan Motor	102
15 China National Petroleum	299	49 Total	143	83 China Life Insurance	101
16 Sinopec Group	294	50 Argentina	143	84 J.P. Morgan Chase	101
17 Korea, South	291	51 Hon Hai Precision Industry	141	85 Gazprom	99
18 Royal Dutch Shell	272	52 General Electric	140	86 China Railway Engineering	99
19 Mexico	260	53 China State Construction Engineering	140	87 Petrobras	97
20 Sweden	251	54 AmerisourceBergen	136	88 Traqura Group	97
21 Exxon Mobil	246	55 Agricultural Bank of China	133	89 Nippon Telegraph & Telephone	96
22 Volkswagen	237	56 Verizon	132	90 Boeing	96
23 Toyota Motor	237	57 Finland	131	91 China Railway Construction	96
24 India	236	58 Chevron	131	92 Microsoft	94
25 Apple	234	59 E.ON	129	93 Bank of America Corp.	93
26 Belgium	227	60 AXA	129	94 ENI	93
27 BP	226	61 Indonesia	123	95 Nestlé	92
28 Switzerland	222	62 Allianz	123	96 Wells Fargo	90
29 Norway	220	63 Bank of China	122	97 Portugal	90
30 Russia	216	64 Honda Motor	122	98 HSBC Holdings	89
31 Berkshire Hathaway	211	65 Japan Post Holdings	119	99 Home Depot	89
32 Venezuela	203	66 Costco	116	100 Citigroup	88
33 Saudi Arabia	193	67 BNP Paribas	112		
34 McKesson	192	68 Fannie Mae	110		

It should be noted that the huge technological, human and raw material potential of the republic, the established tax and legislative preferences for foreign capital are of particular interest to many international TNCs. There is a hope that combining the opportunities that TNCs have with those that we have will give mutually beneficial results for both sides.

The opening of branches of large holdings and TNCs in the country will affect the country's economy in the following way:

- the country's GDP will increase, GDP per capita;
- competitiveness of production and provision of services will increase. The number of enterprises in the sphere of machine building and IT-technology will increase;
- Trade and economic relations with TNCs and with the countries where they are located will strengthen;
- development of the stock market in the country. In particular, if we consider the experience of Singapore, the growth in the number of TNCs and their branches in the country led to the development of the stock market.

However, improving the country's production capabilities does not mean that Uzbekistan can compete in the globalization process. There are problems that restrain this process. They are as follows:

1. The level of Uzbekistan's integration into the world economy is not high. There is an active entry of our country into the World Trade Organization, and in the last five years this process will continue;
2. Innovative technologies are not produced or imported in our country. Import technologies are involved in the production process of Uzbekistan relatively slowly in relation to the technologies of developed countries and countries with economies in transition.

In order to accelerate the globalization of the world economy of the country and reduce the negative consequences resulting from this globalization, we consider:

- creation of transboundary free economic zones on the border territories of Uzbekistan with the countries of Central Asia. Such transboundary free economic zones will create an opportunity to accelerate

the process of integration of our country into the world economy, the TNC will have an opportunity to take advantage of the created benefits, which will facilitate the creation of their branches in the territories of transboundary free economic zones.

- Improvement of the electronic trading system and the legislation of electronic trading. The development of electronic trading system in our country contributes to the expansion of the system of large electronic trades in the likeness of Amazon.com.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Above we analyzed the impact of international economic globalization on the economy of Uzbekistan. It is necessary to pay attention to the fact that, despite the preparedness of the country's economy, international economic globalization affects various areas of the country's economy. The only way to reduce its negative impact is to prepare our country's economy for this process and strengthen international economic ties.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Кондратьев, В. Корпоративный сектор и государство в стратегии глобальной конкурентоспособности / В. Кондратьев // 2009. № 3. С. 21—31.
2. Котляров Н.Н., Левченко Л.В. Глобализация и региональная интеграция стран - членов Таможенного союза // Экономические науки. 2013. 7 (104). С. 109.
3. Михайлов А.М. Влияние на процессы глобализации трансформации взаимодействия факторов производства в постиндустриальном обществе // Экономические науки. 2008. 6 (43). С. 49. 2
Котляров Н.Н., Левченко Л.В. Глобализация и региональная интеграция стран - членов Таможенного союза // Экономические науки. 2013. 7 (104). С. 109.
4. O'Brien, R. Global Financial Integration. The end of Geography / R. o'Brien. L., 1992.
5. UNCTAD secretariat calculations, based on United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA), National Accounts Main Aggregates database, and World Economic Situation and Prospects: Update as of mid-2017; ECLAC, 2017; OECD.Stat, available at: [http:// stats.oecd.org/](http://stats.oecd.org/) (accessed 17 July 2017); IMF, 2017; Economist Intelligence Unit, EIU CountryData database; JP Morgan, Global Data Watch; and national sources
6. <http://blogs.worldbank.org/publicsphere/world-s-top-100-economies-31-countries-69-corporations>
7. <https://www.spot.uz/ru/2017/12/14/enters/>
8. <http://www.chamber.uz/en/page/4833>

Проблемы развития сферы альтернативной энергетики и экономические изменения в условиях глобализации (на примере Латвии)

Татьяна Веселова

Докторская программа: Региональная экономика и экономическая политика

Латвия, Балтийская Международная Академия,

Эл. почта: tatjana.veselova@inbox.lv

*Научный руководитель: As.Prof., Dr.Phil. **Всеволод Качан***

АННОТАЦИЯ

В данной научной работе представлен анализ основных понятий и положений рынка альтернативной энергетики, а также оценка основных тенденций развития данной отрасли как на локальном – в Латвии, так и на международном уровне.

В ходе исследования был проведён анализ основных показателей роста рынка альтернативных энергетических ресурсов в Европе, а также был проведён SWOT-анализ внедрения инноваций в отрасли альтернативной энергетики компанией *Schneider* в Латвии. Для дальнейшего развития данного исследования были выявлены наиболее важные экономические и социальные показатели потенциальных перспектив в эффективной реализации данной деятельности, а также основные направления локального развития экономики Латвийских регионов.

Ключевые слова: «зелёная» экономика, инвестиции, инновационное развитие региона, экономика альтернативной энергетики, энергоэффективность.

ANNOTATION

This research work presents basic concepts and positions of the alternative energy market analysis, as well as an assessment of the main trends in the development of this industry on a local Latvian, and international level.

During the study, indicators of market growth for alternative energy resources in Europe were analyzed, as well as a SWOT analysis of innovation introductions in the alternative energy industry by *Schneider* in Latvia was conducted. For further development of this study, the most important economic and social indicators of potential prospects in the effective implementation of this activity were identified, as well as the Latvian regions main directions of local economic development.

Keywords: alternative energy economy, “green” economy, energy efficiency, innovative region development, investments.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

В данной статье содержится анализ понятий и современных концепций развития экономики альтернативной энергетики, а также предварительная оценка эффективности внедрения инноваций в сфере «зелёной энергии» в экономической среде Латвийского региона. Также в данной работе анализируется возможность перехода мировой экономики на альтернативную энергетику. Поскольку рынок энергоресурсов – это один из главных источников получения сверхприбыли. Альтернативная энергетика, в данном контексте, рассматривается как совокупность перспективных способов получения, передачи и использования энергии, которые не распространены также широко,

как традиционные, однако представляют интерес из-за выгоды их использования при, как правило, низком риске причинения вреда окружающей среде.

Сфера альтернативной энергетики, на сегодняшний день, является наиболее актуальной, в первую очередь, точки зрения инвестирования. Максимальный рост правительственного финансирования ожидается в секторе ветроэнергетики, где ежегодные объемы инвестиций составят 140 миллиардов долларов в 2020 году и 206 миллиардов долларов в 2030 против 82 миллиардов в 2010 году. Также актуальность данной темы исследования можно обосновать следующими событиями, которые непосредственным образом влияют на динамику формирования перспектив в сфере развития рынка альтернативной энергетики на мировом уровне. Данные ведущие в мировом масштабе события задают определенные ориентиры в данном направлении вплоть до 2030 года. Первое событие – это саммит ООН в области устойчивого развития, который состоялся 25 сентября 2015 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. На этом саммите мировые лидеры рассмотрели и одобрили 17 целей устойчивого развития и ЦУР (англ. *Sustainable Development Goals (SDGs)*), заменившие принятые в 2000 году «Цели развития тысячелетия». Второе событие – это Конференция ООН в области климата, которая была проведена в Париже с 30 ноября по 12 декабря 2015 года с участием выдающихся деятелей всей планеты. На данной Конференции было принято Парижское соглашение, определившее в глобальном масштабе для всех стран условия в области сокращения выбросов парниковых газов и адаптации к изменениям климата, с расчетом на стабилизацию глобальной температуры к 2100 году на уровне не более двух градусов выше доиндустриального уровня.[7]

Целью данного исследования является выявление основных перспектив внедрения инноваций в сфере альтернативной энергетики и предварительная оценка влияния данного внедрения на экономическое развитие Латвийского региона. В данной работе представлена программа исследования сущности и значения экономики альтернативной энергетики как глобальной экономической реконструкции сферы энергоресурсов и сверхприбыли. Сверхприбыль, в данном контексте, рассматривается, как монопольная и крайне-высокая прибыль, достигаемая за счет предприятий, специализирующихся на добыче нефти, газа, угля и тому подобных ресурсов органического топлива.

Объектом данного исследования является Латвийский филиал организации *SchneiderElectric*. В свою очередь, предметом данного исследования являются политико-экономические регулятивы направленные на формирование и развитие энергетического рынка в сфере альтернативной энергетики.

В ходе исследования необходимо было решить следующие задачи, которые направлены на достижение поставленной цели исследования – выявление основных перспектив внедрения инноваций в сфере альтернативной энергетики и предварительная оценка влияния данного внедрения на экономическое развитие Латвийского региона.

1. Исследовать содержание и специфику понятий «экономика альтернативной энергетики», и «зелёная экономика», а также выявить основные характеристики, отличающие альтернативные источники энергии от возобновляемых;

2. Определение основных положений и принципов развития рынка альтернативной энергетики на мировом уровне, целью которых является создание инноваций в данной сфере, а также определение степени заинтересованности и влияния латвийских госструктур на инновационный потенциал жителей Латвии;

3. Проведение SWOT-анализа внедрения инновационного продукта сферы альтернативной энергетики на территории Латвийского государства;

4. Выявление основных перспектив внедрения инноваций в сфере альтернативной энергетики, а также дать предварительную оценку влияния данного внедрения на экономическое развитие Латвийского региона.

Для решения поставленных задач применялись следующие общенаучные методы исследования:

1. Анализ научной и научно-популярной литературы, а также интернет-источников с целью выявления основных теоретических положений данного исследования;
2. Методы эмпирического исследования: наблюдение, сравнительный анализ понятий, SWOT-анализ;
3. Метод обработки результатов исследования и прогнозирование тенденций развития исследуемой сферы.

Практическая значимость работы состоит в создании, а также в дальнейшей экспериментальной апробации технологии формирования и развития инновационной деятельности Латвийских компаний в сфере альтернативной энергетики. Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечены соответствием выбранных методов теоретической части исследования его целям и практическим задачам, соответствием полученных результатов основным теоретическим положениям и статистически значимыми результатами.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Несмотря на широкое использование понятия «экономика альтернативной энергетики» в научных источниках и экономической литературе, сущность его окончательно не определена. Многие экономисты склонны рассматривать экономику альтернативной энергетики как «зелёную экономику», по сути, считая их синонимами. Однако, различия в процессах формирования и продуктах инновационной деятельности, а также их влиянии на экономику регионов говорят об обратном. Отсюда возникает необходимость проведения дополнительного исследования, направленного на уточнение определения понятия «экономика альтернативной энергетики» её формирования в условиях глобализации.

В первую очередь, необходимо различать такие понятия, как «альтернативные источники энергии» и «зелёные источники энергии». Важно, что не все альтернативные источники энергии являются возобновляемыми и «зелёными». Например, в сектор «зелёной энергии» не входят атомные электростанции и сжигание ископаемого топлива, тем ни менее, они являются альтернативными. Обычно к АИЭ относят источники не связанные со сжиганием не возобновляемого ископаемого топлива. Однако гидроэнергетика и даже ядерная энергетика может относиться разными авторами и к альтернативным, и к традиционным источникам энергии [13]. Следовательно, для начала, необходимо провести параллель между данными понятиями и применять их следует независимо друг от друга, поскольку синонимами они не являются.

Если говорить о понятии «зелёная экономика», то следует отметить, что это целое направление в экономической науке, которое было сформировано в последние два десятилетия под влиянием обнаружения экономическими экспертами фактора взаимосвязи изменений в природной среде и экономического развития регионов. Также необходимо отметить, что «зелёная экономика», на сегодняшний день, является уже существующим направлением в экономической науке. В свою очередь, понятие «экономика альтернативной энергетики» рассматривает более узкое направление, которое нацелено на поиск решений в сфере применения альтернативных источников энергии и оценку сфер влияния данного применения с целью улучшения уровня благосостояния общества в целом. В то время как понятие «зелёная экономика» включает в свою теорию данное направление. Следовательно, понятие «зелёная экономика», на сегодняшний день, является более применяемым в области экономической науки. Тем ни менее, понятие «экономика альтернативной энергетики» сужает поле для эффективного проведения исследования в данной сфере и даёт четкое представление о том, что, в данном случае, проводится анализ влияния развития и применения альтернативных источников энергии на развитие экономического состояния региона, в данном случае, Латвии.

Если говорить о развитии сферы альтернативной энергетики в условиях глобализации, то следует ещё раз обратить внимание на тот факт, что динамику формирования перспектив в сфере

развития рынка альтернативной энергетики в мировом масштабе задают два значимых события, которые также определили основные ориентиры в данном направлении вплоть до 2030 года. Первое событие – это саммит ООН в области устойчивого развития. На этом саммите мировые лидеры рассмотрели и одобрили 17 целей устойчивого развития и ЦУР (англ. *Sustainable Development Goals (SDGs)*), заменившие принятые в 2000 году «Цели развития тысячелетия». Второе событие – это Конференция ООН в области климата, которая была проведена в Париже с 30 ноября по 12 декабря 2015 года с участием выдающихся деятелей всей планеты. На данной Конференции было принято Парижское соглашение, определившее в глобальном масштабе для всех стран условия в области сокращения выбросов парниковых газов и адаптации к изменениям климата, с расчетом на стабилизацию глобальной температуры к 2100 году на уровне не более двух градусов выше доиндустриального уровня [7]. Новые цели и задачи носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. 25 сентября 2015 года 193 страны приняли 17 глобальных целей [10]. В данном случае, нас интересует седьмая по счету цель в данном списке, которая сформулирована следующим образом: «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех».[12] Работа над достижением ЦУР началась 1 января 2016 года и завершится к 31 декабря 2030 года. Однако некоторые задачи, разработанные на основе ранее заключенных международных соглашений, будут решены, как ожидается, даже раньше конца 2030 года.[10]

Также следует отметить, что 8–9 марта 2007 года на заседании в Брюсселе Совет Европы утвердил план, согласно которому доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общем энергопотреблении ЕС к 2020 году должна достигнуть 20%. В свою очередь, доля биотоплива в общем объеме потребления бензина и дизельного топлива дорожным транспортом всех стран – членов ЕС должна составить не менее 10%. Положительный эффект от принятых мер заметен уже сегодня. Впервые в истории генерация ветровой энергии оказалась ведущей технологией в Европе, а доля ВИЭ в общем объеме новых энергетических мощностей в 2008 году составила 57% [7]. На сегодняшний день, Страны Европейского Союза (ЕС) предлагают Европейскому парламенту утвердить новый целевой показатель — потреблять 32% энергии из возобновляемых источников энергии (ВИЭ) к 2030 году. Такое решение одобрили послы стран ЕС, что означает — показатель одобрил Европейский совет. По условиям данного плана, в Европе к 2030 году на возобновляемые источники энергии уже будет приходиться 32% конечного потребления энергии. Имеются в виду ветровые, солнечные, гидроэнергетические, приливные, биомассы и геотермальные возобновляемые источники энергии.

С 2006 по 2015 год установленные в мире мощности альтернативных источников энергии увеличились в шесть раз: с 85 ГВт до 657 ГВт². Инициатива Всемирного совета бизнеса по устойчивому развитию (WBCSD), поддержанная в канун Парижской конференции ООН не только инновационными компаниями, специализирующимися на создании и обслуживании объектов ВИЭ, но и корпорациями «большой энергетики», такими как *ABB, EDF, EDP, ENGIE, Eskom, Iberdrola, NRG Energy, Schneider Electric* и другими предусматривает в следующем десятилетии (2016–2025) удвоение этих мощностей.[7] По оценкам экспертов, в глобальном энергопотреблении значительно увеличится доля альтернативных источников энергии. По оценке экспертов Международного агентства по возобновляемой энергии (IRENA), к 2030 году она почти удвоится (с 19% до 36%), благодаря этому, мировой ВВП увеличится на 1,1%. Также, с точки зрения социальной политики, доходы населения планеты повысятся на 3,7%, а число новых рабочих мест достигнет 24 млн. [7]

По последним данным *Renewables 2018 Global status report* за 2017 год, установленная мощность глобальной возобновляемой энергетики достигла 2,195 ГВт. Она выработала примерно 26,5% мировой электроэнергии. Падение системных издержек и более привлекательные модели финансирования привели к тому, что абсолютный уровень инвестиций в солнечную энергетику и другие возобновляемые технологии снизился, а чистый прирост мощностей увеличился. На развивающиеся страны приходится большая доля — 63% — общих инвестиций, а доля только Китая составляет 45%. [10]

Анализ графика глобального потенциала применения альтернативных источников энергии (Рисунок 1.) показал, что за последнее десятилетие лидером среди альтернативных источников энергии в мировом масштабе являются гидроэлектростанции. Тем ни менее, лидером с точки зрения роста применения являются солнечные электростанции и ветряные генераторы.

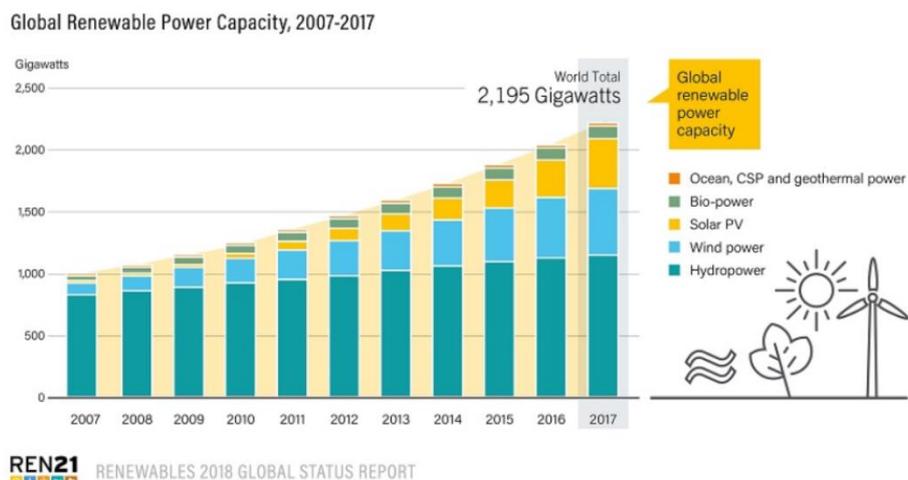

Рисунок 1. Глобальный потенциал применения альтернативных источников энергии. [10]

В 2017 году установленная мощность электростанций, работающих на основе альтернативных источников энергии увеличилась почти на 9% по сравнению с 2016 годом — до 178 ГВт. Фотоэлектрическая солнечная энергетика обеспечила 55% этого прироста. Только в солнечном сегменте было построено больше новых мощностей, чем генерации на основе ископаемого топлива и в атомной энергетике вместе взятых. Прирост фотоэлектрических установок составил 98 ГВт.

Если рассматривать распределение инвестиций в мировом масштабе, то на Китай, Европу и Соединенные Штаты приходится практически 75% глобальных инвестиций в возобновляемые источники энергии и топлива. Также следует отметить, что в 2017 году значительные инвестиции начали поступать и в рынки развивающихся стран. При измерении на единицу валового внутреннего продукта Маршалловы Острова, Руанда, Соломоновы Острова, Гвинея-Бисау и многие другие развивающиеся страны инвестируют в возобновляемые источники энергии столько же (или даже больше), чем развитые и развивающиеся страны. Эти позитивные события необходимо расширить для глобального энергетического перехода. [11]

При проведении анализа развития рынка альтернативной энергетике в условиях глобализации, был сделан вывод о том, что, с точки зрения инвестиций, сфера альтернативной энергетике по-прежнему является наиболее актуальной. Важно, что максимальный рост ожидается в секторе ветроэнергетики, где ежегодные объемы инвестиций составят 140 миллиардов долларов в 2020 году и 206 миллиардов долларов в 2030 против 82 миллиардов в 2010 году.

Для того, чтобы оценить общий прирост в потреблении альтернативной энергии в Латвии. Рассмотрим график – Рисунок 1.1., где отображен период с 2010 по 2017 год.

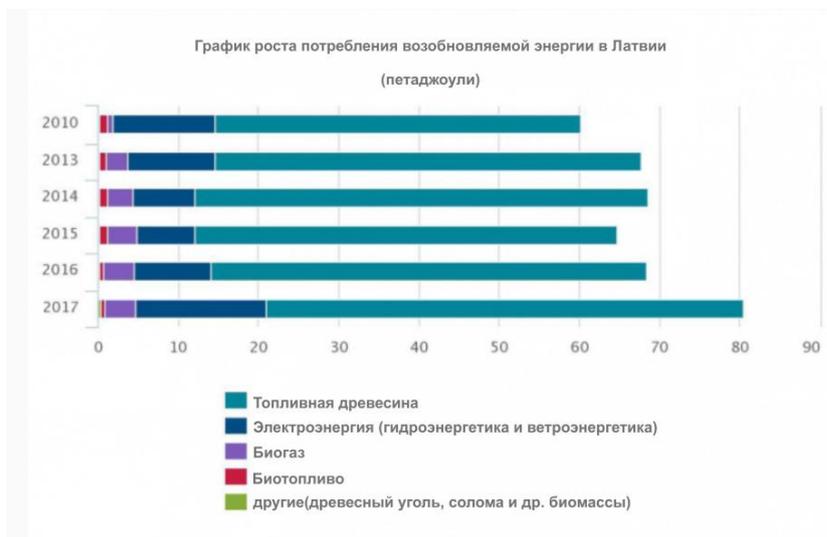

Рисунок 2. График роста потребления альтернативной энергии в Латвии (период с 2010 по 2017 год) [5]

Из данных (Рисунок 2.) можно констатировать тот факт, что наибольшим спросом в сфере применения альтернативных источников энергии на территории Латвии, пользуются топливная древесина, а также ветрогенераторы. В сравнении с 2010 годом, уровень потребления биогаза также возрос с одного до четырех петаджоулей. Но, поскольку, нас интересует конкретно электроэнергия её альтернативные источники, то следует отметить спад в потреблении ветроэнергии с 2013 по 2015 год. Дальше происходит рост, что безусловно связано с ростом инвестиций в данную сферу.

Например, дочернее предприятие SIA "Eolus" Шведской компании Eolus Vind, в ближайшие 4 года, в районах Тукумса и Добеле, планирует постройку самого крупного парка ветрогенераторов в Латвии. К установке планируется 51 турбина. Общий объем инвестиций в данный проект составил 250 миллионов евро. Данный парк сможет вырабатывать до 0,7 тераватт в час электроэнергии в год, что составляет примерно 10% от общего годового потребления электроэнергии в Латвии. «В связи с ростом цен на электричество, на Балтийском рынке необходимо дополнительное энергоснабжение, которое смогут обеспечить ветрогенераторы.» - говорит член правления SIA "Eolus" Гатис Галвиньш.[6] В настоящее время, в Латвии проводятся общественные обсуждения по данному проекту, а также о его влиянии на окружающую среду. На данном этапе, было проведено несколько общественных консультационных совещаний. Ожидается, что утверждение заявления об экологическом воздействии должно состояться к концу 2018 года, после чего будет запущен этап строительства проекта. В свою очередь завершение строительства проекта планируется к 2022 году.

Если говорить о солнечных батареях и коллекторах, то необходимо отметить, что, на сегодняшний день, на рынке Латвии действует множество компаний, например, *Altenergo*, *Sinergo*, *Solenergo* и компания *Latvenergo* также с 2017 года стала предлагать услуги по установке солнечных батарей. Однако, следует отметить, что ни одна из вышеперечисленных компаний, не имеет собственных разработок и патентов в области альтернативной энергетики. То есть они являются представителями компаний, разработки которых применяются для установки на территории Латвии.

Несмотря на условия серьезной конкуренции в области установки и внедрении инноваций в сфере альтернативной энергетики, на сегодняшний день, на территории Латвии ведёт активную хозяйственную деятельность компания *Schneider*. Данное предприятие является одним из ведущих в области «зелёной энергетики» на транснациональном уровне, а также оказывает непосредственное влияние на мировую экономику альтернативной энергетики. *Schneider* является лучшим работодателем 2018 года в США по версии *Forbes*, самой привлекательной для работы компанией в 2017 году в рейтинге *LinkedIn*. Компания насчитывает более 144 000 сотрудников по всему миру. [3]

Для того, чтобы определить возможности и оценить потенциал развития и внедрения инноваций в отрасли альтернативной энергетики на территории Латвии компанией *Schneider*, было необходимо провести SWOT-анализ. Данный SWOT-анализ нацелен на выявление основных перспектив внедрения инноваций в области альтернативной энергетики на территории Латвии компанией *Schneider*, как лидера на мировом рынке развития «зелёной энергии». Также в ходе проведения данного анализа планируется выявить слабые стороны и угрозы проведения данной деятельности на территории Латвийского государства.

Для анализа использовались материалы, которые представлены на официальном сайте компании *Schneider* – www.schneider-electric.com. В свою очередь, для выявления слабых сторон данной деятельности, а также угроз, были использованы экономические тенденции, как на глобальном, так и на локальном уровне – в Латвии, анализ которых представлен выше. Для более четкого представления о деятельности данной компании, ниже приведены некоторые факты, касающиеся основных направлений деятельности предприятия *Schneider*. *Schneider Electric* – энергомашиностроительная компания основанная во Франции (Рюэй-Мальмезон) в 1836 году. Компания является производителем оборудования для энергетических подкомплексов промышленных предприятий, объектов гражданского и жилищного строительства, а также центров обработки данных. Крупнейшим акционером компании является Capital World Investors (10,04 % акций). Рыночная капитализация на 28 ноября 2018 года – \$36,82 (€) млрд. [11] Также штаб-квартира *Schneider Electric Le Hive* – первое в мире здание, прошедшее сертификацию по ISO 50001.

Поскольку, в данном SWOT-анализе, рассматривается конкретное направление деятельности компании *Schneider Electric* – разработка и внедрение инновационных технологий в сфере альтернативной энергетики, то можно говорить о конкуренции на Латвийском рынке в данной отрасли, а также политико-экономических угрозах в данной сфере на территории Латвии. Также было необходимо определить наиболее важные экономические и социальные показатели потенциальных перспектив в эффективной реализации данной деятельности, а также основные направления локального развития экономики Латвийских регионов.

Таблица 1. SWOT-анализ развития и внедрения инноваций в сфере альтернативной энергетики компанией *Schneider* в Латвии

Сильные стороны	Слабые стороны
<u>Внешние:</u> • С точки зрения инвестиций, сфера альтернативной энергетики по-прежнему является наиболее актуальной. Максимальный рост ожидается в секторе ветроэнергетики, где ежегодные объемы инвестиций составят 140 миллиардов долларов в 2020 году и 206 миллиардов долларов в 2030 против 82 миллиардов в 2010 году. • По оценке экспертов Международного агентства по возобновляемой энергии (<i>IRENA</i>), к 2030 году она почти удвоится (с 19% до 36%), благодаря этому, мировой ВВП увеличится на 1,1%. Также, с точки зрения социальной политики, доходы населения планеты повысятся на 3,7%, а число новых рабочих мест достигнет 24 млн. • На сегодняшний день, Страны Европейского Союза (ЕС) предлагают Европейскому парламенту утвердить новый целевой показатель – потреблять 32% энергии из возобновляемых источников энергии (ВИЭ) к 2030 году. <u>Внутренние:</u> • Разрабатывает проекты и решения в сфере энергетики и технологий, которые отвечают экологическим требованиям;	<u>Внешние:</u> • Традиционная энергетика по-прежнему актуальна и ранок энергоресурсов – один из главнейших составляющих мирового рынка и источников сверхприбылей; • Снижается эффективность использования и качество материальных, интеллектуальных и информационных ресурсов; • Требуются огромные финансовые вложения со стороны инвесторов, государства и домашних хозяйств, а также производств-заказчиков для внедрения установок или замещения мощностей альтернативных источников энергии; • В случае реализации энергосервиса с помощью заемных средств, также встает вопрос о финансовой эффективности альтернативных источников энергии в том числе в случае возникновения мирового финансового кризиса. <u>Внутренние:</u> • Отсутствие установок альтернативных источников энергии на территории Латвии компанией <i>Schneider</i>;

• Предлагает своим заказчикам продукты и решения, которые являются безопасными, энергетически эффективными и не наносят вреда окружающей среде; • Компания <i>Schneider</i> является ведущим мировым экспертом в управлении энергией, а также разработчиком и поставщиком энергоэффективных решений для энергетики и инфраструктуры, а также промышленных предприятий, объектов гражданского и жилищного строительства и центров обработки данных.	• Отсутствие узнаваемости бренда <i>Schneider</i> на территории Латвии, следовательно, низкий уровень доверия со стороны жителей Латвии; • Слабо развита наукоемкая отрасль в Латвии в сфере альтернативной энергетики; • Слабо развито привлечение компаний <i>Schneider</i> молодых специалистов в области инженерии на территории Латвии.
Возможности	Угрозы
• Разработка, внедрение и установка инноваций энергоэффективных технологий на территории Латвии с целью снижения затрат на электроэнергию в перспективе, а также с целью достижения условий ЦУР – Пункт №7; • Проектирование отдела по развитию инновационной деятельности в сфере альтернативной энергетики в рамках филиала компании <i>Schneider</i> в Латвии; • Вследствие введения модернизированных более эффективных мощностей сократятся около 40% потери энергии при её передаче (внутри страны), а значит, и повысится энергоэффективность; • Дополнительное финансирование научно-исследовательских и прикладных работ в сфере альтернативной энергетики поможет вывести латвийскую науку на новый уровень развития; • Привлечение местных молодых специалистов в области энергетической инженерии для развития инновационной деятельности компании на территории Латвии; • Повышение узнаваемости бренда <i>Schneider</i> на территории Латвии поможет устранить нехватку заказчиков со стороны частного сектора и государственных инстанций в том числе. Следовательно, необходима серьёзная работа специалистов по связям с общественностью.	• Перехода на альтернативную энергетику не произойдёт не только по причине проводимой политики отдельных крупных стран, но также в силу существования такого явления глобальной экономики, как ТНК и монополии; • Мильная конкуренция. Например, дочернее предприятие SIA “<i>Eolus</i>” Шведской компании <i>Eolus Vind</i>, в ближайшие 4 года, в районах Тукумса и Добеле, планирует постройку самого крупного парка ветрогенераторов в Латвии; • Несмотря на обнадеживающие прогнозы темпов роста мирового ВВП, исключать возможность наступления мирового финансового кризиса было бы преждевременно; • Сокращение объемов экспорта традиционных энергоресурсов приведёт к сокращению экспортных доходов и в итоге к сокращению госбюджета. Одновременно с этим могут также ухудшаться и международные отношения. • Учитывая инвестиционный поток в сферу альтернативной энергетики из ЕС, также одной из угроз является выход Латвийского государства из членства Европейского Союза.

При определении сильных и слабых сторон реализации развития и внедрения инноваций в сфере АЭ необходимо разделить на Внешние и Внутренние факторы, поскольку их влияние отличается по значимости воздействия. Например, внутренний фактор отсутствия установок альтернативных источников энергии на территории Латвии компанией *Schneider*, по степени влияния на оценку перспектив является более показательным, нежели, например, внешний фактор о снижении эффективности использования и качестве материальных, интеллектуальных и информационных ресурсов.

Изучение полученных элементов, установление причинно-следственных связей между ними позволили определить те направления в сфере альтернативной энергетики, следование которым приведет к комплексному решению проблем в области внедрения инноваций на территории Латвии.

При анализе внешних факторов – оценке окружающей среды, было выявлено, что для того, чтобы развивать сферу альтернативной энергетики, в Латвии необходимо развивать свою экономику, науку и общество. Наряду с модернизацией уже имеющихся мощностей АЭ, инвестированием в строительство, государству необходимо: осуществлять поддержку предпринимательских структур среднего бизнеса, а также обеспечивать финансирование научно-исследовательских центров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Анализ понятий «альтернативные источники энергии» и «зелёные источники энергии» показал, что не все альтернативные источники энергии являются возобновляемыми и «зелёными». Например, в сектор «зелёной энергии» не входят атомные электростанции и сжигание ископаемого топлива, тем ни менее, они являются альтернативными. Из всего выше сказанного следует, что необходимо провести параллель между данными понятиями и применять их следует независимо друг от друга, поскольку синонимами они не являются. Также сравнительный анализ понятий «экономика альтернативной энергетики» и «зелёная экономика» показали, что «зелёная экономика», на сегодняшний день, является более применимым в области экономической науки. Тем ни менее, понятие «экономика альтернативной энергетики» сужает поле для эффективного проведения исследования в данной сфере и даёт четкое представление о том, что, в данном случае, проводится анализ влияния развития и применения альтернативных источников энергии на экономическое развитие региона, в данном случае, Латвии.

При проведении анализа развития рынка альтернативной энергетики в условиях глобализации, был сделан вывод о том, что, с точки зрения инвестиций, сфера альтернативной энергетики по-прежнему является наиболее актуальной. Важно, что максимальный рост ожидается в секторе ветроэнергетики, где ежегодные объемы инвестиций составят 140 миллиардов долларов в 2020 году и 206 миллиардов долларов в 2030 против 82 миллиардов в 2010 году. В свою очередь, анализ глобального потенциала применения альтернативных источников энергии показал, что за последнее десятилетие лидером среди альтернативных источников энергии в мировом масштабе являются гидроэлектростанции. Тем ни менее, лидерами с точки зрения роста применения являются солнечные электростанции и ветряные генераторы.

При проведении SWOT-анализа было выявлено, что для того, чтобы развивать сферу альтернативной энергетики, в Латвии необходимо развивать свою экономику, науку и общество. Наряду с модернизацией уже имеющихся мощностей АЭ, инвестированием в строительство, государству необходимо: осуществлять поддержку предпринимательских структур среднего бизнеса, а также обеспечивать финансирование научно-исследовательских центров. Если говорить о выгоде для компании *Schneider*, как для энергетического лидера на транснациональном уровне, то следует отметить, что Латвийский регион является потенциально привлекательным с точки зрения высококвалифицированных человеческих ресурсов, в том числе инженеров и научных деятелей в энергетической сфере. Данное преимущество, при правильном подходе, даст возможность компании *Schneider* стремительно развивать инновационную деятельность в отрасли альтернативной энергетики. В данном случае, необходимо отметить значимость целенаправленного финансирования со стороны Европейского Союза, а также со стороны Латвийского государства и потенциально заинтересованных лиц – инвесторов местных и зарубежных предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

- [1]Global trends in renewable energy investment 2018. Direct link - file:///C:/Users/User/Desktop/kvartira/new/17278nef_visual-5a_1_1.pdf [Accessed 25.11.2018]
- [2]Key world energy statistics // International Energy Agency. Direct link - <https://www.iea.org/publications/freepublications/> [Accessed 29.11.2018]
- [3]Official website of Schneider Electric - www.schneider-electric.us Direct link- <https://www.schneider-electric.us/en/about-us/careers/overview.jsp> [Accessed 28.11.2018]
- [4]Sustainable Development Goals. Official website – www.un.org. Direct link - <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2015/08/transforming-our-world-document-adoption/> [Accessed 22.11.2018]

[5]Tiešsaite - <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/ekonomika/zalas-energijas-paterins-latvija-pern--par-178-lielaks-neka-gadu-ievieks.a291216/> [Apskatīts 22.11.2018]

[6]Raksts. Investējot 250 miljonus eiro, būs Latvijā lielāko vēja elektrostaciju parku. Tiešsaite - https://www.delfi.lv/bizness/biznesa_vidē/investejot-250-miljonus-eiro-buves-latvija-lielako-veja-elektrostaciju-parku.d?id=50387447 [Apskatīts 27.11.2018]

[7]Альтернативная энергетика и социально-ориентированная экономика. Научная статья. Прямая ссылка- <https://cyberleninka.ru/article/v/alternativnaya-energetika-i-sotsialno-orientirovannaya-ekonomika>[Просмотрено 22.11.2018]

[8]Официальный государственный сайт «зелёной экономики» Белорусской Республики – www.greenecconomy.minpriroda.gov.by Прямая ссылка - <http://greenecconomy.minpriroda.gov.by/ru/zelenaya-economika/> [Просмотрено 22.11.2018]

[9]Рыночная капитализация компании Schneider Electric - данные на 28 ноября 2018 года. Прямая ссылка - <https://www.google.lv/search?q=рыночная+капитализация+schneider+electric&oq=рыночная+капитализация+schneider+electric&aqs=chrome..69i57.20447j0j4&sourceid=chrome&ie=UTF-8> [Просмотрено 28.11.2018]

[10] Самый полный отчет о мировом развитии ВИЭ в 2017 году. Прямая ссылка - <http://renen.ru/the-most-comprehensive-report-on-the-world-development-of-res-in-2017/> [Просмотрено 25.11.2018]

[11] Статья «Отчет об альтернативной энергетике 2018: глобальные изменения, перспективы и факты». Прямая ссылка - <https://ru.alternative-energy.com.ua/отчет-об-альтернативной-энергетике-2018/> [Просмотрено 26.11.2018]

[12] Цели в области устойчивого развития. Официальный сайт на рус.яз. Статья «В Аддис-Абебе завершилась Конференция по финансированию развития». Прямая ссылка <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/2015/07/в-аддис-абебе-завершилась-конференция/> [Просмотрено 22.11.2018]

[13] Энергоресурсы: альтернативные источники и энергосберегающие технологии. Проблемы и решения. Научная статья. Прямая ссылка- <https://files.scienceforum.ru/pdf/2012/1829.pdf>[Просмотрено 22.11.2018]

Transposition of the atad EU directive into the corporate income tax of the Czech Republic

Транспонирование ATAD директивы ЕС в корпоративный налог на прибыль в Чешской Республике

*Ing. Eva Vincencová, Ph.D.,
Head Department of Accounting and Taxes,
STING Academy,
vincencova@sting.cz*

ABSTRACT

This article deals with the transposition of the Anti-Tax Avoidance Directive (ATAD) into Czech tax law against aggressive planning and tax evasion. Above all, it focuses on the various new elements concerning the transposition of ATAD into the Corporate Income Tax of the Czech Republic, which are contained in the government's draft amendment to the Tax Acts of 2018-2019.

Keywords: ATAD, borrowing costs, tax exit

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена транспонированию директивы ATAD (Анти AviodanceTaxDirective) в чешское налоговое законодательство против агрессивного планирования и уклонения от уплаты налогов. В частности, фокусируется на отдельных новых элементах, касающихся транспонирования ATAD в корпоративный налог на прибыль в Чешской Республике, которые включены в правительственный проект налогового законодательства на 2018г.

Ключевые слова: ATAD, заемные средства, выходной налог

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The New Czech tax law transposed Directive of the European Union 2016/1164 of 12. 7. 2016 European Anti-Tax Avoidance (ATAD). Directive ATAD preceded the final OECD report profit special-purpose moving against multinational companies and against tax evasion practises (such as case Starbucks). European Union Council Directive No. 2017/952 states that tax avoidance, tax evasion of large corporations has a direct impact on the functioning of the internal market Member States [7]. Butts efforts for the elimination of tax evasion in the EU already in 2012. Directive ATAD European law implemented the OECD findings from Base Erosion and Profit Shifting (BEPS) against reducing corporate income tax base and moving profit [1, 6], to neutralize the effects of Controlled foreign company (CFC rules) and restrictions affecting tax base interest deductions. In the EU the aim of ATAD elimination for aggressive tax planning. The Directive also includes a number of clauses which allow the Member States to loosen the rule limiting interest deductions.

The Ministry of Finance of the Czech Republic estimates annual losses of public budgets in the Czech Republic due to aggressive tax planning amounting to CZK 6 billion to CZK 15 billion. Is planned that in all Member States the Directive in will force on the day the first January 2019, excluding the exit taxation (Exit Tax) and Hybrid mismatches moved to 1. 1. 2020.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ /SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ/ BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

The transposition of the ATAD rules in the Czech Republic is solved by a prepared government bill that introduces relatively large changes. In the case of ATAD, the government amendment concerns corporation tax. The measure also applies to permanent establishments if they are located in one or more EU Member States. The ATAD rules are borrowing costs, General Anti-Abuse Rule/GAAR, Hybrid mismatches, Controlled foreign company and Exit Tax.

Borrowing costs

Restrictions on the tax deductibility of excessive borrowing costs (article 4 of the Directive), the so-called difference between tax deductible borrowing costs and taxable borrowing, are related to the introduction of a general rule against abuse of the tax regime. The current Czech regulation of the Income Tax Act (ITA), the rule limiting the tax deductibility of interest, includes the rule of low capitalization (§ 25w of the ITA), the rule relating to the ratio of equity and capital to the value of loans and borrowings from related parties in proportion (§ 25 z of the ITA) and the rule for the parent companies holding a share in the subsidiary companies. They refer to all borrowing costs from related and unrelated persons, the exception in § 23f of the ITA. Tax deductibility of borrowing costs of up to CZK 80 million or costs up to 30% of the calculated tax profit before interest, tax and depreciation (so-called tax EBITDA), exempt revenues are exempt from EBITDA. Based on a draft government amendment, borrowing costs cost a wider dimension than the financial expenses / costs defined in the current version of the Income Tax Act as they include all forms of debt and interest, for example:

- interest on bonds,
- interest on loans and borrowings,
- interest on derivative instruments related to the loan,
- capitalized interest included in the company's balance sheet in the value of the asset (from the point of view of the ITA are eligible expenditures incurred to achieve, maintain and secure taxable income),
- interest on derivative instruments, including reinsurance,
- costs of financing a finance lease,
- costs associated with exchange rate transactions in the financing of a corporation (hedging of foreign exchange risks) financing related fees (guarantees, mediation).

According to ATAD, there is the possibility of transferring non-taxable non-deductible excess borrowing costs to other taxable periods where there is no time limitation. The advantage is that the migration option does not prolong the overrun.

Cost Testing for ATAD:

1. Determine the amount of costs that can be recognized in income tax.
2. Determining the amount of excess borrowing costs - tax deductible borrowing costs minus taxable interest income.
3. Comparison of excessive borrowing costs under ATAD (limit CZK 80 million or 30% of the taxpayer's EBITDA).
4. Calculation of tax EBITDA and comparison of excess borrowing costs with the limit:
 - Excess borrowing costs are <80 million CZK, the total amount is tax deductible.
 - Excessive borrowing costs are CZK 83 million, the amount of 3 million is unrecognized for tax.

General Anti-Abuse Rule

The general rule of law (article 6 of the Directive) is based on Article 6 of EU Council Directive 2016/1164 of 12 July 2016. The change in tax laws transposes the general rule of law abuse into the Czech Tax Code,

proposes to add § 8 new paragraph 4 of the Tax Code (effective January 1, 2019), I quote: *"The Administration of Taxes does not take into account legal acts and other factors governing the Administration of Taxes for which there are no proper economic reasons, because their overriding purpose is to obtain a tax advantage contrary to the purpose and purpose of the tax legislation."* [13]

The purpose of the Anti-abuse rule is to eliminate the possibility for taxpayers to apply such tax benefits (such as the creation of artificial transactions) that are contrary to the purpose and purpose of the tax law in question. For example, provisions of the Tax Code or the Income Tax Act. In practice, there are situations where fictitious economic transactions are involved in the calculation of the tax liability. As a result, tax law cannot be applied to such a tax entity. At present, the law of abuse of law is used in the Czech Republic as a general legal principle.

Hybrid mismatches

"Discrepancy from hybrid entities arises when the entity for tax purposes in one jurisdiction is considered transparent and in another jurisdiction is non-transparent. This may result in a double deduction of the same payment, expense or loss or deduction of the payment without its corresponding inclusion." [8]

From the tax point of view, any legal entity may be transparent or non-transparent. If a legal entity for tax purposes is transparent (for example, in the case of partnerships), it is not subject to tax itself, but to individual partners, proportional shares are allocated to the revenue, profit and cost items incurred by that partnership. A permanent establishment may be part of an entity but is not considered as a separate entity. By contrast, a legal entity is non-transparent when, for example, a trading company is taxed on its own Income Tax. [12] Hybrid discontinuities essentially exist as (article 9 of the Directive) are listed below:

- Hybrid mismatches leading to double deduction:

Hybrid disagreement arises in situations where the same cost would be applied to taxed affiliated companies with different tax resident status more than once. A double deduction means that the same payment is deductible from the tax base in more than one tax jurisdiction (tax deductible expenditure reduces the tax base in more than one tax jurisdiction). Under a directive against tax evasion in the event of a non-compliance between hybrids between two Member States leading to a double deduction, the deduction can only be applied in the Member State where the payment is the source.

- Hybrid mismatches without deduction:

The situation where a deduction in one tax jurisdiction to deduct from the corporate tax base occurs (for example, tax deductible cost) but without an appropriate inclusion of that income in the tax base in another tax jurisdiction. [2]

The rules for hybrid mismatches apply only in the event of a mismatch between the taxpayer and the affiliated undertaking or in the case of a structured arrangement within these stakeholders. At present, in the Czech Republic the restriction of hybrid inconsistencies in the Income Tax Act is not explicitly regulated. Applying the rule of limiting discrepancy in hybrid technology will be very difficult for shared tax governance within the EU.

Controlled foreign company

The notion of a Controlled foreign corporation (article 7 and 8), so-called CFC rules, Czech the Income Tax Act does not yet regulate. The controlled foreign company is a foreign entity, where the Czech taxpayer has a 50% shareholding tax on the corporate income tax (resident) and does not carry out a substantial economic activity (the so-called *"empty boxes"*). According to the government amendment (§ 38fa of the ITA), a new

provision, the "legal fiction", to be applied when the CFC rules are met, should be inserted into the Income Tax Act:

- the Czech company, directly or indirectly, directly or indirectly participates in the capital of a foreign company from more than 50% or more. has the right to more than half of its share of its profits or, where applicable, to a permanent establishment in a state with which the Czech Republic has a double taxation treaty that allows the exemption method to be applied for the avoidance of double taxation,
- a foreign company is a tax resident in the jurisdiction where the corporation tax or similar tax is half the lower than if it were a tax resident of the Czech Republic,
- the foreign company does not carry out real economic activity.

If the above conditions are met, then it is legally required to apply the rule for the controlled companies. It follows that the Czech controlling company must include the income of the foreign controlled company in its corporate income tax base (such as borrowing, royalties, profits, etc.). Revenue is included in the tax base in a proportion calculated on the share of the controlling company in the capital of the controlled company. [13]

Exit taxation

Exit taxation refers (article 5) to transfers of assets without changing ownership, where the transferred assets remain the property of the same tax entity in Member State or in another third country. Due to the relocation of assets, future income from these assets will be subject to taxation in the target state and not in the original state. For the purpose of the Czech ITA (§ 23 g), the Government amendment by relocation of the property without change of ownership from the Czech Republic abroad means:

- relocation of the taxpayer's resident taxpayer's assets from the Czech Republic to his permanent establishment located abroad (if the exclusion method would be used as a consequence of this reassignment to avoid double taxation of income arising from the subsequent transfer of such assets),
- relocation of the taxpayer's property, which is a non-resident taxpayer, from a permanent establishment located in the Czech Republic abroad (if, as a result of this reassignment to the proceeds from the subsequent transfer of such assets, the tax liability in the Czech Republic did not apply.
- relocation of the taxpayer's property was linked to the change of tax domicile of the taxpayer of corporate income tax from the Czech Republic to foreign countries (if the tax liability in the Czech Republic did not fall due to this transfer to the proceeds from the subsequent transfer of such assets). [13]

3 Results and Discussions

The current legal provisions of the Act on Corporation Taxes regulate the eligibility of borrowing costs in provisions that limit the tax deductibility of interest in certain cases, for example case of low capitalization, the case of interest linked to the borrower's profits, the case of a parent company holding a share in subsidiary companies.

The current Low Capitalization rule applies to the deductibility of interest on loans provided by affiliates exceeding four times the amount of equity, six times the Bank's interest rate applies to interest paid to related parties. Czech Tax Law amendment proposes, under the ATAD rules, a new provision limiting the tax

deductibility of borrowing costs for legal entities in § 23e of the Income Tax. The new provision covers all interest paid by affiliated and unconnected persons. It introduces limits on borrowing costs adjusted for borrowing revenue when the taxpayer exceeds the statutory limit (30% EBITDA or 80 million CZK), borrowing costs into this limit will be tax-deductible. Under this new provision, only tax-deductible borrowing costs enter into excess borrowing costs and all interest costs will be tested. Taxpayers according to Income Tax Act will perform a low capitalization test and exclude the corresponding portion of non-tax costs from the ITA base, which in practice represents the procedure:

- Taxpayer will exclude borrowing costs not recognized under other provisions of the ITA
- Subsequently, the taxable borrowing costs are compared with taxable income.

It can be said that borrowing costs have a wider definition than financial expenses, as defined by the current ITA, which exempts financial institutions and independent companies that are not members of any group. Excessive borrowing costs are subject to milder ATAD rules. The goal is to prevent the payment of the profit share by paying interest on the debt instrument, thus reducing the tax liability.

In effective Wording of the Income Tax Act does not regulate the general rule of abuse of law, only regulates the special rule against tax evasion. Furthermore, in the provisions of Section 8 paragraph 3, the Tax Code regulates the principle of priority content before a form based on the so-called "material truths". Today, the rule of abuse of law in the Czech Tax Administration has been guided by established administrative practices as the so-called "general legal principle" and by the case law of the Supreme Administrative Court (SAC) and the Constitutional Court. Specific examples of decisions of the SAC and the Constitutional Court's ruling on the problem of abuse rule are set out in the explanatory memorandum, which is part of the draft amendment.

Under current legislation, the Income Tax Act does not contain a rule for Exit Tax when transferring the company's assets abroad without changing ownership. This includes, for example, a situation where a Czech company changes its tax domicile or moves its assets to its permanent establishment abroad or vice versa, or transfers assets between two permanent establishments of one taxpayer in different countries or as a result of the relocation of residence tax.

The application of CFC rules in practice applies to cases where the profits of a foreign taxpayer or a permanent establishment (a foreign daughter) are not subject to corporate income tax or exempt from tax. At the same time, the holding of capital or voting rights is 50% and the actual income tax of the subsidiary is less than half the tax in the country of the resident taxpayer (Czech parent company).

The corporate tax base would be equal to the market price of the assets minus the tax value of the assets. In certain cases, it will be possible to defer the payment of income tax to the next five years. If tax deductible borrowing costs exceed taxable income, this taxpayer will proceed in accordance with the new provision in § 23e Income Tax Act. The Government Amendment proposes to change and move assets abroad without proposing a change of ownership in the Czech Republic in the same way as in the sale of assets with effect from 2020.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

The paper is based on an analysis of the state of the draft amendment to the tax laws and some related laws, which has not yet been effective in the Czech Republic. It can be said that the most discussed measure of the government amendment under the ATAD is the new rule for deductibility of interest. The limits on borrowing interest costs are set so that restrictions apply especially to large international entities. The Ministry of Finance of the Czech Republic stated that according to the data available to it in 2015 there was no taxpayer in the Czech Republic who would have an interest cost higher than CZK 80 million. Therefore, it

is assumed that the rule for deductibility of interest under the proposed terms of the government amendment should not affect a large number of enterprises. It can be said that the measure of government amendment is relatively very narrowly targeted because it concerns interest costs above the limit. It is not possible to clearly determine the impact of the implementation of this rule on Czech companies. For some companies, the application of this rule is likely to be more attractive in practice, and vice versa.

Efforts to eliminate tax evasion at an international level are likely to be expected in the future towards taxing the profits of the digital economy. The erosion of tax bases, including shifting the profits of the digital economy, is striking and is a frequent subject of criticism, including the reported example of unfairness of taxation to other companies. The digital economy is exceptional in some ways because it works with intangible products. Unlike material production, it is possible to move it very easily and quickly into a more attractive tax jurisdiction. The digital economy is not defined as a concept yet, there are no special tax rules for it, so the erosion of tax bases or shifting profits into more attractive tax jurisdictions cannot be effectively avoided. For these reasons, the benefits of the digital economy are increasingly being exploited. It can be said that the whole situation regarding the taxation of the digital economy is very complex and therefore its solution will require time and extensive international cooperation.

AFFILIATION

The article is one of the outputs of the Family Taxation Research Project, IGA_AS_01 08/02

REFERENCES

- DELOITTE. BEPS Actions implementation by country: Action 2 - Hybrids. In: *Deloitte* [online]. 2018 [cit. 2018-05-12]. Available from: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-beps-action-2-hybrids-implementation-matrix.pdf>
 - EUROPEAN COMMISSION. The Anti-Tax Avoidance Directive. In: *European Commission* [online]. 2018 [cit. 2018-03-15]. Available from: http://ec.europa.eu/taxation_customs/business/company-tax/anti-tax-avoidance-package/anti-tax-avoidance-directive_en.
 - KOMORA DAŇOVÝCH PORADCŮ ČR. Bude daňový systém díky BEPS spravedlivější, efektivnější a pochopitelnější? In: *Právní prostor* [online]. 2016 [cit. 2018-03-03]. Dostupné z: <http://www.pravniprostor.cz/aktuality/aktuality/bude-danovy-system-diky-beps-spravedlivejsi-efektivnejsi-a-pochopitelnejsi>.
 - KPMG. EU: Directive on hybrid mismatches with third countries. In: *KPMG* [online]. 2017 [cit. 2018-06-02]. Available from: <https://home.kpmg.com/us/en/home/insights/2017/02/tnf-eu-directive-on-hybrid-mismatches-with-third-countries.html>.
 - MINISTERSTVO FINANCÍ ČR. Mezinárodní iniciativy proti vyhýbání se daňovými povinnostem v oblasti přímých daní: Pracovní text. In: *Ministerstvo financí České republiky* [online]. 2016 [cit. 2018-07-05]. Dostupné z: <http://www.mfcr.cz/cs/zahranicni-sektor/mezinarodni-spoluprace/aktuality/2016/mezinarodni-iniciativy-proti-vyhybani-se-24656>.
 - OECD. Base erosion and profit shifting. In: *OECD* [online]. 2016 [cit. 2018-03-08]. Available from: <http://www.oecd.org/tax/beps/>.
 - OECD. Hybrid Mismatch Arrangements: Tax Policy and Compliance Issues. In: *OECD* [online]. 2012 [cit. 2018-04-13]. Available from: http://www.oecd.org/ctp/aggressive/HYBRIDS_ENG_Final_October2012.pdf.
 - Council Directive (EU) 2016/1164 of 12 July 2016 laying down rules against tax avoidance practices that directly affect the functioning of the internal market [online]. 2016 [cit. 2018-04-13]. Available from: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/CS/TXT/?uri=CELEX%3A32016L1164>.
- Zákon č. 586/1992 Sb., o dani z příjmů ve znění pozdějších změn a úprav

Zákon č. 280/2009 Sb., daňový řád ve znění pozdějších změn a úprav

Pokyn Generálního finančního ředitelství D-22. [online]. 2018 [cit. 2018-06-07]. Dostupné z: http://www.financnisprava.cz/assets/cs/prilohy/d-zakony/Pokyn_GFR_D-22.pdf.

Vládní návrh 2018, kterým se mění některé zákony v oblasti daní a některé další zákony [online]. 2018 [cit. 2018-07-05].

Důvodová zpráva k vládnímu návrhu 2018, kterým se mění některé zákony v oblasti daní a některé další zákony [online]. 2018 [cit. 2018-07-05].

Dostupné z: www.psp.cz/sqw/text/orig2.sqw?idd=129427&pdf=1.

Mazo un vidējo uzņēmumu loma Baltijas valstu un Eiropas Savienības ekonomikā

Renāte Zujeva

Doktorants, 3.kurss,

Programma "Reģionālā ekonomika un ekonomikas politika"

Baltijas Starptautiskā Akadēmija, Rīga, Latvija,

zujeva.renate@gmail.com

ANOTĀCIJA

Šis raksts ir veltīts tam, lai izpētītu mazo un vidējo uzņēmumu lomu Eiropas Savienības un Baltijas valstu, t.i. Latvijas, Lietuvas un Igaunijas ekonomikā. Lai sasniegtu šo mērķi ir nepieciešams analizēt galvenos rādītājus, piemēram, mazo uzņēmumu un nodarbināto personu skaitu, kopējo pievienoto vērtību, ka arī to rādītāju īpatsvaru pēc uzņēmumu kategorijām un uz ta pamata noteiktu maza biznesa lomu katras valsts un Eiropas Savienības ekonomikā.

Atslēgvārdi: Mazais bizness, MVU, mazais uzņēmums, Eiropa2020, The Small Business Act

ANOTATION

This article is devoted to exploring the role of small and medium-sized enterprises in the European Union and the Baltic States, i.e. Latvia, Lithuania and Estonia. In order to achieve this objective, it is necessary to analyze key indicators such as the number of small enterprises and persons employed, the total added value, as well as the proportion of these indicators by company category and on the basis of which the small business role of each country and the economy of the European Union is determined.

Keywords: Small business, SME, small enterprises, Europe2020, The Small Business Act

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Mazie uzņēmumi – ir mūsdienu tirgus ekonomikas svarīgākais elements, bez kura nav iespējama gan atsevišķās valstīs, gan pasaules ekonomikas harmoniskā attīstība kopumā. Tas lielā mērā nosaka ekonomiskās izaugsmes tempu, nacionālā kopprodukta struktūru un kvalitāti, nodrošina iedzīvotājiem nodarbinātību, un pateicoties elastīgam, ļauj izstrādāt un īstenot novatoriskus risinājumus. Mazās uzņēmējdarbības loma pasaules ekonomikā ir strauji attīstījusies 20. gadsimta 80.-90. gados un joprojām ir galvenā valsts attīstības stratēģiju prioritāte daudzās pasaules valstīs. Tas nav nejauši, jo saskaņā ar ANO datiem, pasaules mazie un vidējie uzņēmumi kopumā nodarbina gandrīz 50% strādājošo iedzīvotāju un veido 40-75% no nacionālā produkta.

Tāpēc, lai izprastu mazo uzņēmumu lomu valstu un reģionu ekonomikā, kas ir ilgtermiņa ekonomiskās attīstības stratēģijas "Eiropa 2020" pamatā, īpaša uzmanība tiek pievērsta mazo un vidējo uzņēmumu atbalstam un attīstībai. Šī stratēģija tika īstenota, pamatojoties uz Eiropas Komisijas ieteikumu, kas 2008.gada decembrī iesniedza iniciatīvu, kas tika nosaukta par mazo un vidējo uzņēmumu darbības aktu - "Vispirms jādodomā par mazo" [The Small Business Act for Europe, "Think small first" [9], kas atspoguļo atbalsta un attīstības galvenos aspektus maziem un vidējiem uzņēmumiem.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Eiropas Savienībā, par kuras dalībniecēm kopš 2004. gada bijakļuvuši Latvija, Lietuva un Igaunija, jautājums par uzņēmumu kā mazu un vidēju uzņēmumu klasificēšanu ir praktiski risināts likumdošanas līmenī, jo MVU definīcija ir norādīta ES ieteikumā 2003/361 (EU recommendation 2003/361), kurā noteikts, ka ja Eiropas Komisija, Eiropas Savienības dalībvalstis, Eiropas Investīciju banka un Eiropas Investīciju fonds izmanto vienoto mazo un vidējo uzņēmumu definīciju, tad tas palielina politikas virzienu konsekveni un efektivitāti, lai atbalstītu mazos un vidējos uzņēmumus un samazinātu konkurences nosacījumu pārkāpšanas risku. Saskaņā ar šī dokumenta kontekstu, uzņēmums ir jebkura vienība, neatkarīgi no tās organizatoriskās un juridiskās formas, kas nodarbojas ar saimniecisko darbību. Tas jo īpaši attiecas uz individuāliem uzņēmējiem (pašnodarbinātām personām) un ģimenes uzņēmumiem, kas nodarbojas ar amatniecību vai citām darbībām, kā arī partnerībām vai asociācijām, kas regulāri nodarbojas ar saimniecisko darbību. Lai vienkāršotu ekonomiski aktīvās uzņēmējdarbības vienības statusa izpratni un noteikšanu, 2008. gada 6. augustā Eiropas Komisija paziņoja par Regulu Nr.800 / 2008, kurā tika noteiktas galvenās definīcijas un kritēriji [1]:

- Mikrouzņēmums ir uzņēmums, kurā strādā mazāk nekā 10 darbinieki un kura gada apgrozījums (ieņēmumi noteiktā laika posmā) vai bilance (pārskats par uzņēmuma aktīviem un pasīviem) nepārsniedz EUR 2 miljonus.
- Mazais uzņēmums ir uzņēmums, kurā strādā mazāk nekā 50 darbinieki un kura gada apgrozījums vai bilance nepārsniedz EUR 10 miljonus.
- Vidējais uzņēmums ir uzņēmums, kurā strādā mazāk nekā 250 darbinieki un kura gada apgrozījums nepārsniedz EUR 50 miljonus vai bilance nepārsniedz EUR 43 miljonus.

Kā jau bija minēts augstāk, likuma "Par mazo biznesu," jeb "The Small Business Act for Europe" galvenais mērķis ir uzlabot vispārējo politisko pieeju uzņēmējdarbībai, neatgriezeniski nostiprināt "Think Small First" – "Vispirms domā par mazo" principu, izstrādājot regulēšanas politiku un veicinot MVU izaugsmi valsts līmenī, palīdzot tām risināt radušās problēmas, kas traucē to attīstībai. Ilgtermiņa mērķi attīstībai un mazā biznesa atbalstam ir aprakstīti Eiropas attīstības stratēģijā - Europe2020, un galvenie Mazo uzņēmumu aktanoteikumi arī ir atspoguļoti Eiropas Savienībasvalstu ilgtermiņa attīstības stratēģijās piemēram, valsts programmā "Latvija 2020" utml.

Eiropas Komisija uzmanīgi seko akta "Par mazo biznesu" izpildei un katru gadu publicē šo pētījumu rezultātus.[3,8] Tik liela uzmanība mazajiem un vidējiem uzņēmumiem un to attīstībai Eiropas Savienības līmenī nav pievērsta nekad, jo tieši MVU sektoram ir lielākā nozīme ES valstu ekonomikā – ko rāda arī 2018.gada pētījuma rezultāti :

Uzņēmumu kategorija	Uzņēmumu skaits							
	Eiropas Savienība		Latvija		Igaunija		Lietuva	
	Skaits	Īpatsvars	Skaits	Īpatsvars	Skaits	Īpatsvars	Skaits	Īpatsvars
Mikro	22 830 945	93,1%	104 795	92,1%	67 080	90,8%	170 659	92,8%
Mazie	1 420 639	5,8%	7 344	6,5%	5 501	7,4%	10 8670	5,9%
Vidējie	231 857	0,9%	1 421	1,2%	1 077	1,5%	2 026	1,1%
MVU kopā	24 483 495	99,8%	113 560	99,8%	73 658	99,8%	183 552	99,8%
Lielie	46 547	0,2%	195	0,2%	181	0,2%	306	0,2%
KOPĀ	24 530 042	100,0%	113 755	100,0%	73 839	100,0%	183 858	100,0%

1.Att. Uzņēmumu skaits un to īpatsvars pēc uzņēmumu kategorijām.

Kā ir redzams no augstāk norādītās tabulas, lielāko daļu uzņēmumu kā Eiropas Savienības kopumā, tā arī Baltijas valstīs sastāda tieši mikro, mazie un vidējie uzņēmumi (tālāk mazie uzņēmumi), to procentuālais īpatsvars sastāda gandrīz 99% no visiem uzņēmumiem, bet pati lielākā daļa – no 90% Igaunijā līdz gandrīz 93% Latvijā sastāda uzņēmumi, kuros strādā mazāk nekā 10 darbinieki un kuru gada apgrozījums vai bilance nepārsniedz EUR 2 miljonus, bet lielo uzņēmumu īpatsvars ir mazāks par pusprocentu no visiem uzņēmējdarbības subjektiem.

Uzņēmumu kategorija	Nodarbināto skaits							
	Eiropas Savienība		Latvija		Igaunija		Lietuva	
	Skaits	Īpatsvars	Skaits	Īpatsvars	Skaits	Īpatsvars	Skaits	Īpatsvars
Mikro	41 980 528	29,4%	208 970	33,4%	138 685	31,2%	277 281	29,4%
Mazie	28 582 254	20,0%	146 547	23,4%	106 106	23,9%	227 071	24,1%
Vidējie	24 201 840	17,0%	138 276	22,17%	101 122	22,8%	213 106	22,6%
MVU kopā	94 764 622	66,4%	493 793	79,0%	345 913	77,9%	717 458	76,1%
Lielie	47 933 208	33,6%	131 173	21,0%	98 372	22,1%	224 818	23,9%
KOPĀ	142 697 830	100,0%	624 966	100,0%	444 285	100,0%	942 276	100,0%

2.Att. Nodarbināto skaits un to īpatsvars pēc uzņēmumu kategorijām.

Analizējot datus par uzņēmumu darbinieku skaitu, arī var secināt, ka lielākā daļa cilvēku ir nodarbināta tieši mazajos uzņēmumos, to kopējais īpatsvars ES valstīs ir 66.4%, bet Baltijas valstīs šie procenti ir ievērojami lielāki – no 76.1 Lietuvā līdz 79 procentiem Latvijas Republikā. Šie skaitli liecina par to, ka tieši no mazajiem uzņēmumiem ir atkarīga Baltijas valstu sociālā stabilitāte, jo mazie uzņēmumi nodarbina visvairāk cilvēku, ar to samazinot bezdarba līmeni un sociālo spriedzi katrā valstī, tāpēc valsts sapratne un vispusīgs atbalsts ir ļoti svarīgi mazouzņēmumu harmoniskai attīstībai un viņu darbības paplašināšanai.

Eiropas Komisijas datus apstiprina arī Latvijas organizāciju un valsts iestāžu pētījumi. Piemēram, 2017. gada 15. novembra publikācijā Komercreģistrs (ar Lursoft) arī informēja, ka lielākā daļa latviešu (aptuveni 469

tūkstoši) ir nodarbināti mazajos uzņēmumos, kas ir attiecīgi aptuveni 79,80% no kopējā aktīvo uzņēmumu skaita. [6]

Tomēr, saskaņā ar Eiropas Komisijas veikto pētījumu, papildus lielākam skaitam ekonomiski aktīvo subjektu un šajā nozarē strādājošo, mazie uzņēmumi arī veido visaugstāko kopējo pievienoto vērtību.

Uzņēmumu kategorija	Pievienotā vērtība							
	Eiropas Savienība		Latvija		Igaunija		Lietuva	
	Miljardi EUR	Īpatsvars	Miljardi EUR	Īpatsvars	Miljardi EUR	Īpatsvars	Miljardi EUR	Īpatsvars
Mikro	1 513	20,7%	2,5	20,9%	3.3	27,2%	2,9	19,0%
Mazie	1 302	17,8%	2.8	23,0%	2,8	23,3%	3,5	23,3%
Vidējie	1 341	18,3%	3.2	26,1%	3.0	25,2%	4,2	27,6%
MVU kopā	4 156	56,8%	8.50	70,0%	9.1	75,7%	10,6	69,9%
Lielie	3 166	43,2%	3,6	30,0%	2,9	24,3%	4,6	30,1%
KOPĀ	7 322	100,0%	12.1	100,0%	12.0	100,0%	15,2	100,0%

3.Att. Pievienotā vērtība un tās īpatsvars pa uzņēmumu kategorijām.

Augstāk norādītajā tabulā ir apkopoti dati par uzņēmumu pievienoto vērtību, kas ir preču un pakalpojumu izlaides vērtības un starppatēriņa starpība. Kā redzams, lielāko īpatsvaru kopējā pievienotā vērtībā arī ieņem mazie uzņēmumi – no 69.9 % Lietuvā līdz pat 75.7% Igaunijā, bet kopumā ap 57% Eiropas Savienības kopumā.

Tātad, ņemot vērā Eiropas Komisijas pētījuma datus, droši var secināt, ka mazajam biznesam ir ļoti svarīga loma kā Eiropas Savienības, tā arī Baltijas valstu (t.i. Latvijas, Lietuvas un Igaunijas) ekonomikā, jo lielākā daļa Eiropas uzņēmumu pieder pie šī ekonomikas sektora, ir darba devējs lielākai daļai Eiropas strādājošo iedzīvotāju un veido lielāko pievienot vērtību.

Bet analizējot mazo uzņēmumu darbību kopumā, var noteikt gan to priekšrocības, gan trūkumus. Pie priekšrocībām var uzskatīt samērīgi nelielas biznesa uzsākšanas izmaksas, mobilitāti un biznesa elastīgumu, kad uzņēmums strauji, salīdzinājumā ar lieliem uzņēmumiem, var pielāgoties mainīgajām tirgus apstākļiem, tajos vieglāk ievest jaunas tehnoloģijas un citas inovācijas, vai kardināli mainīti darbības sfēru un uzņēmuma struktūru. Bet ir arī savi trūkumi: uzņēmuma apgrozījuma kapitāls var būt ierobežots ar īpašnieku naudas līdzekļiem, kas var izraisīt kapitāla trūkumu nepieciešamības gadījumā, grūtības konkurentu cīņā ar lielajiem uzņēmumiem, ka arī maziem uzņēmumiem pastāv augstie riski ekonomiskās krīzes un likumdošanas izmaiņu laikos.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Šajā darbā veiktais pētījums rāda, ka mazo uzņēmumu var pamatoti saukt par Eiropas Savienības vispārējās un īpaši Latvijas Republikas ekonomiskās un sociālās labklājības pamatu. Uzņēmumi šajā ekonomikas nozarē rada jaunas darba vietas, ievērojami veicina budžeta ieņēmumus un ES valstu nacionālā kopprodukta pieaugumu.

Apzinoties mazo uzņēmumu lomu un vērtību, Eiropas Savienība ir izveidojusi vairākus dokumentus, kas regulē šo uzņēmumu atbalstu, izstrādāja visaptverošu palīdzības sistēmu, lai izveidotu un veicinātu šā ekonomikas sektora attīstību - finanšu, informatīvās, izglītības un tā tālāk. Bet katrai valstij ir jāizveido sava maza biznesa attīstības un atbalsta stratēģija, lai sasniegtu labākos rezultātus šajā jomā, ievērojot mazo uzņēmēju intereses un ņemot vērā tos riska faktorus, kas var negatīvi ietekmēt MVU darbību.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. European Commission, User guide to the SME Definition, http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/conferences/state-aid/sme/smedefinitionguide_en.pdf (Electronic resource, 29.11.2018)
2. Europe 2020 Strategy, https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-and-fiscal-policy-coordination/eu-economic-governance-monitoring-prevention-correction/european-semester/framework/europe-2020-strategy_en, (Electronic resource, 29.11.2018)
3. Indicators to support the Europe 2020 strategy, <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/7566774/KS-EZ-16-001-EN-N.pdf/ac04885c-cfff-4f9c-9f30-c9337ba929aa>, (Electronic resource, 29.11.2018)
4. Informatīvs materiāls par mikro, mazā un vidējā uzņēmuma un grūtībās nonākušā uzņēmuma statusa noteikšanu - <https://www.cfla.gov.lv/userfiles/files/Informativais%20materials%20par%20MVU%20un%20GNU%20statusa%20noteikšanu.pdf>(Electronic resource, 29.11.2018)
5. Latvijas Nacionālais attīstības plāns 2014. - 2020.gadam, http://www.varam.gov.lv/lat/pol/ppd/ilgtsp_att/?doc=13858, (Electronic resource, 01.12.2018)
6. Lursofta dati par nodarbinātiem personām : <http://blog.lursoft.lv/2017/11/15/mazais-bizness-nodarbina-66-no-visiem-latvijas-uznemumos-stradajosajiem-cilvekiem/>(Electronic resource, 29.11.2018)
7. MVU darbības apkopojums : https://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/performance-review_en(Electronic resource, 29.11.2018)
8. SME Performance Review, SBA Fact sheets of Latvia, Estonia and Lithuania https://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/performance-review_en, (Electronic resource, 28.11.2018)
9. "Think Small First" - A "Small Business Act" for Europe {SEC(2008) 2101} {SEC(2008) 2102} <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52008DC0394>(Electronic resource, 29.11.2018)

Decision making in prospective students while choosing university and study program in terms of methods and models of factor analysis

Vjačeslavs Žilinskis

Dr.sc.ing., doc., Baltic International Academy, Latvia

Karine Manučarjana

Student MBA;Baltic International Academy, Latvia

Jelena Uzbekova,

Ms.oec., manager, Baltic International Academy, Latvia

АННОТАЦИЯ

В статье описываются подходы к созданию алгоритма принятия решений абитуриентом для выбора ВУЗа и учебной программы при поступлении с целью получения высшего образования и профессии. Особо обращается внимание на задачи выбора новых программ, которые ещё не были известны на рынке или в ВУЗе и не получили ещё должной известности («раскрутки» на рынке). Для преодоления конкурентной нагрузки рассматриваются возможности создания «подрывных технологий» продвижения новой продукции (услуги) на рынке. Материал носит постановочный характер для изучаемой проблемы и требует дальнейшего исследования, почему дополнительный материал будет предоставлен авторами на следующей конференции и планируется серия публикаций по данному направлению.

Ключевые слова: факторный анализ, модели поведения абитуриента, выбор и принятие решений.

ABSTRACT

The article describes the approaches to the creation of a decision-making algorithm by an applicant in order to choose a university and the study program in the process of admission for the purpose of getting a higher education and profession. Special focus will be on the problem of choosing new programs that have not been known yet on the market or in the university as well as have not received due fame and promotion yet. In order to overcome the competitive load, there are considered the possibilities of creating 'disruptive technologies' of promoting new products (services) on the market. The material have got character of production for the problem under consideration and requires further research, therefore additional material will be provided by the authors at the next conference and there are planned series of publications regarding this topic.

Keywords: factor analysis, behavioral models of the applicant, choice and decision making.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The problem of research caused by a significant admission decrease of the freshman students of higher education in the Republic of Latvia. Although the reasons for the such decrease of admission are not hard to plumb and are often referred as a 'demographic hole', emigration, unsatisfactory fertility and mortality, etc. Nevertheless all these factors are not explored enough and, most unpleasantly, measures on their reliable neutralization are not realized yet. Current report focuses on proposals regarding the work of a private university in terms of this situation.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

The solution of the problem is associated with the identification of methodological approaches and the conceptual apparatus of economic and managerial study of education as an independent life field of a private university. This intention is implemented in two interrelated aspects of the study: a) the establishment of theoretical and methodological tools for studying education as a business, its structure and functions, the economic dynamics of aging in various conditions of the formation of society; b) this tool implication to the study of the particular survival process of a private university in the modern conditions of the education system development in Latvian society. Following question: What is more present in the consisting system of a private university — business or necessity to improve national human resources? - appeared not once and often became a subject of internal discussions, but is usually ignored in the public media and press. The success and development of an educational private enterprise depends essentially on the main factors: the number of students required; as well as the availability of a modern university base, qualified lecturers and other personnel of the enterprise. Unfortunately, the first parameter is less dependent on the educational organization itself, although it has a noticeable effect on the life of a non-budget university, which is a private educational organization. Many factors, primarily the demographic setting and economic well-being in the country, influence the natural influx of students to the university. Table 1. shows the dynamics of student admission over ten years at leading state and private universities in Latvia. In Fig. 1.a) -g) shows the dynamics of the number of students, respectively in Latvia and close to competing private universities: TSI and X-U.

From the analysis of the table and graphical data, a steady tendency towards the annual decrease in the number of students is noticeable. Continuing the analysis of the quantitative indicators of Latvia in connection with the development of education in general and the specific university "X-Under Test" in particular, chosen for conducting experiments, it can be concluded that further developments, provided all the flow control strategies of students remain unchanged, will lead to large losses and possible bankruptcy of the enterprise. This will require in particular the study of:

- new approaches to finding additional sources of students (here for each particular university);
- methods of enhancing the competitiveness of the university at the local limited and highly competitive market.

The situation on the educational services market today looks crisis, neglected and demanding a search for innovative and, moreover, “disruptive” solutions and technologies, especially for each specific university, as the classical approaches clearly do not give a significant lead over competitors. In 2008, i.e. 10 years ago, there were about 20,328 school graduates in Latvia who were ready to continue their studies; in 2017 - 11513 people. The logic of the forecast says that if nothing is done at the state level, then by 2028 there will be only about 500 to 600 graduates.

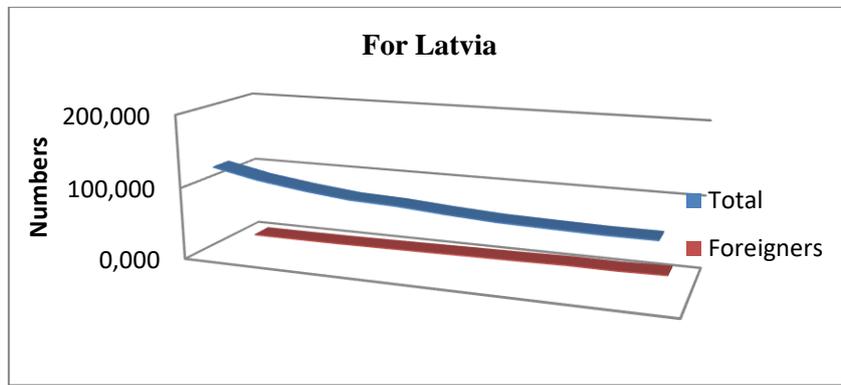
For a purposeful search for “disruptive innovations”, it is required to present the entire research area (in our case the education system) as a kind of so-called “monolith”, but assuming that it clearly has weak points (connections) ... This is what prevents the components of the system from developing system as a whole, with the necessary speed and direction.

Table 1. Number of students studying in universities of Latvia (thousand persons)

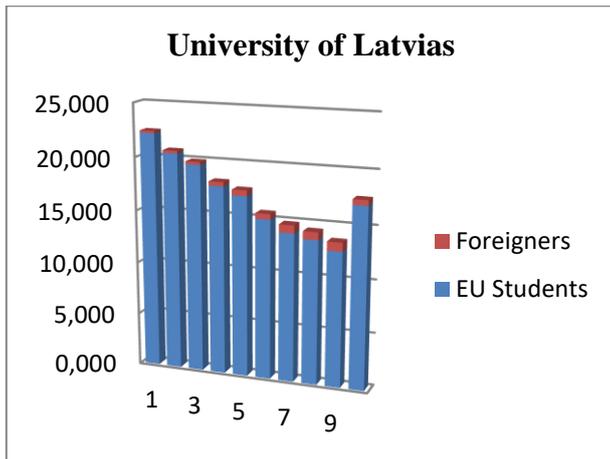
AY Number	2008- 2009	2009- 2010	2010- 2011	2011- 2012	2012- 2013	2013- 2014	2014- 2015	2015- 2016	2016- 2017	2017- 2018
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Total in Latvia, including foreigners	125,36 1,715	112,567 1,76	103,856 1,979	97,041 2,716	94,474 3,505	89,671 4,477	85,881 5,255	84,282 6,465	82,914 6,13	82,9 7,564
Total in LU, including foreigners	22,224 0,222	20,5 0,259	19,6 0,272	17,79 0,403	17,06 0,54	15,1 0,507	14,02 0,744	13,6 0,731	12,75 0,831	17,054 0,509
Total in RTU, including foreigners	16,508 0,1	15,715 0,108	15,579 0,148	14,746 0,313	14,686 0,414	14,891 0,874	14,452 0,785	14,797 1,141	14,997 1,67	14,672 1,449
Total in TSI, including foreigners	4,766 0,033	4,033 0,034	3,34 0,029	2,927 0,046	2,566 0,06	2,514 0,93	2,759 0,189	2,595 0,363	2,814 0,548	2,751 0,528
Total in ISMA, including foreigners	3,186 0,08	2,827 0,244	2,593 0,15	2,372 0,171	1,319 0,141	1,334 0,147	1,339 0,177	1,341 0,222	1,354 0,437	1,355 0,802
Total in X-U, including foreigners	6,993 0,435	5,703 0,344	4,759 0,345	3,845 0,358	3,202 0,377	2,762 0,419	2,269 0,398	2,67 0,411	2,522 0,494	2,436 0,316

Designations in the Table 1 : AY – an academic year. For example: 2008-2009 school year, etc.
LU – (Lettish: "Latvijas Universitāte"), University of Latvia;
RTU – (Lettish: "Rīgas Tehniskā Universitāte"), Riga Technical University;
TSI – (Lettish: "Transporta un Sakaru Institūts"), Transport and Telecommunication Institute, (private school);
ISMA – (Lettish: "Informācijas sistēmu menedžmenta augstskola"), High school of information systems management,(private school);
X-U – data from a typical private university in Latvia selected for the experiment (below, on the figures – X-Under Test)

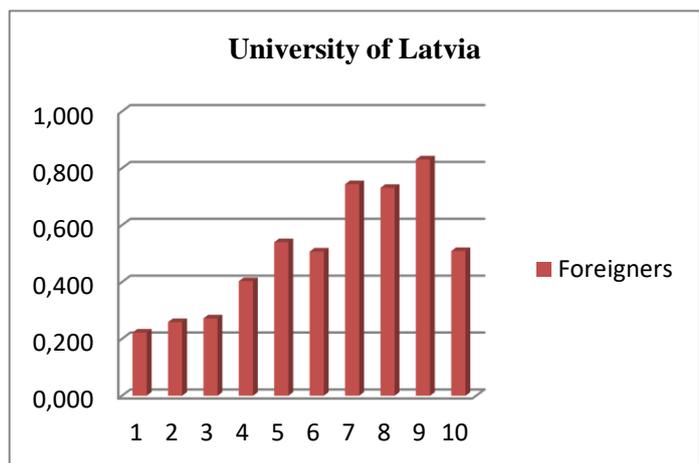
NOTE: The data in the table are collected by the authors from the annual reports of the Latvia Statistical Office.

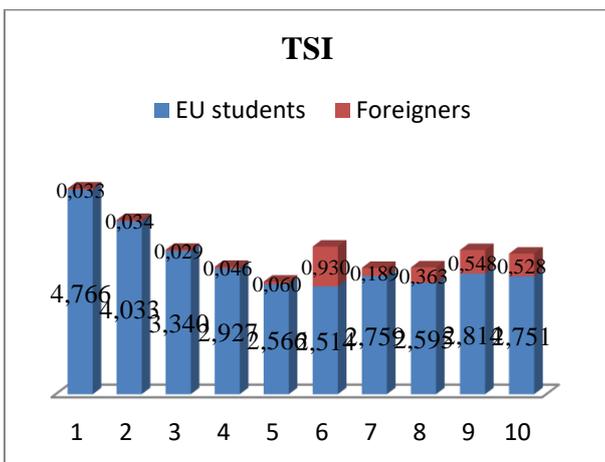
a). dynamics for Latvia

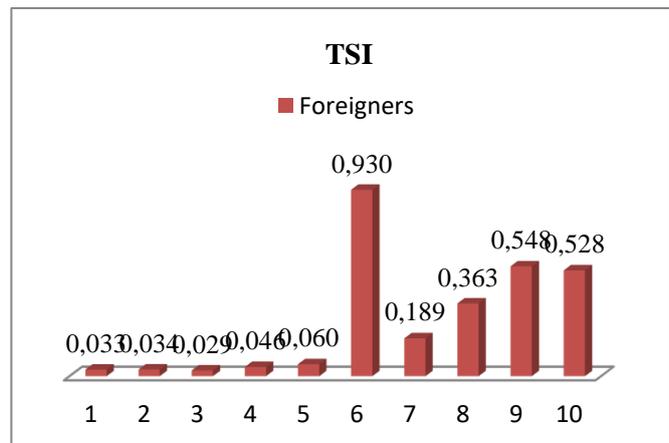
b). Total dynamics for LU

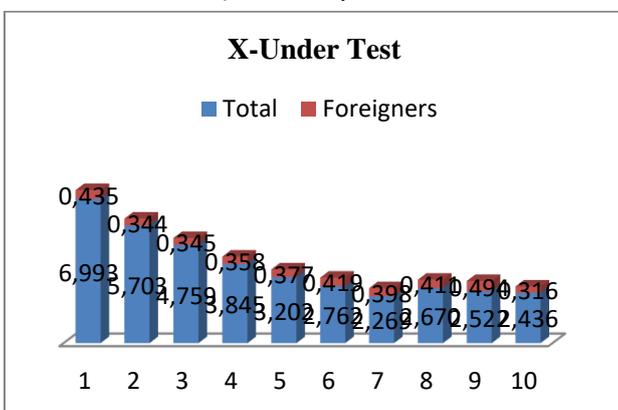
c). LU: Foreigners

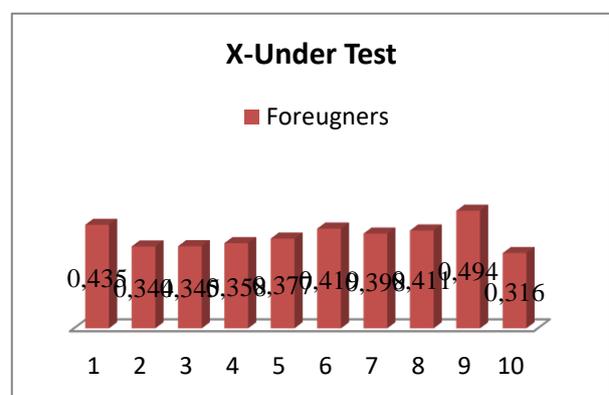
d). Total dynamics for TSI

e). TSI: Foreigners

f). Total dynamics X-Under Test

g). X-Under Test: Foreigners

Fig.1. The graphs of changes in student enrollment statistics.

The current situation will undoubtedly lead to a reduction of schools and universities and, as a result, the number of trained specialists and deterioration will be decreased. In the worst case it will be the loss of the base for training of specialists. This could become a reason of the state weakening as well as its culture and economy, which in principle cannot be allowed. The authors of the article realize a scale of the problem and intend to show in this report only the main areas of the research: to structure the problem; choose suitable methods for solving problems, identify the utility factors and preferences of the applicant when choosing a university and specialty; develop a decision-making process for choosing a specialty. At the same time, one goal is constantly pursued: all activities and research are carried out to significantly increase the number of freshman students in the particular university.

The scheme of a comprehensive study on a significant increase of student admission on the example of the X-Under Test data of the university includes the following target blocks:

1. Statistical analysis and forecast of the state of education in Latvia;
2. Factor analysis of student preferences (applicant) when choosing specialty:
 - a) Model of the applicant's behavior when choosing a university:

Awareness about the university as a factor of the applicants' preferences
 - b). University's value model;
3. A new conceptual approach to the recruitment of students in the university;
4. Disruptive innovation in the process of student formation.

Task setting and fragments of the study on target blocks:

1. In the future discussions performed statistics observations will be expanded to the opportunity to present all the regions of Latvia and conduct a correlation analysis to identify the main differentiating features and measure the closeness of the links between them, find the reasons for their interrelationships. Also, on the basis of the obtained time series using the RFP MatLab and / or GNU Octave, show the prediction model.
2. At the second stage, the factors influencing the choice of the applicant specialty and the university are highlighted. Models: Applicant choice of the university and the values of the university [1]. Next, determine the possibilities of strengthening the connections between the models by considering the awareness of the university as a factor of the applicant's preferences. At this stage, expert evaluation methods, questionnaire development (with a wide questionnaire among schoolchildren and students) and careful selection of experts are widely used. It proves the closeness of the links between the models under consideration regarding the awareness of the university. In the process of building models, the authors, among other things, relied on the provisions of Eric Erikson [2], and on his main statement that "Personality develops from birth to death."
3. Based on the existing hypothetical set, it was assumed that early informing a young person (as an unformed object of vocational training) about the real information of the university and establishing a direct information connection with it significantly increases the likelihood of its admission to the future university.
4. Changing the conceptual approach to recruiting students requires the development of "disruptive technologies" in the process of targeting applicants in educational markets. In this paper, as an option, two directions are considered: 1). Development of special application for mobile Smart-devices, and 2). Using MLM principles in student recruitment. Both options are focused on the establishment of a direct information channel of the university with a future applicant, in contrast to the existing one: the calculation of the Ministry of Education's stratified regulations and general advertising information (on the market broadcast) about the university.

Conclusion: the proposed approaches have the potential to increase the admission of students by several times, not only for a few percent in comparison with current, existing technologies.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

1. Альтшулер Ю.В. (НИУ ВШЭ) Удовлетворенность и поведенческие намерения иностранных студентов в российских университетах. VII Международная конференция Российской ассоциации исследователей высшего образования: Сб. материалов / под ред. Д. В. Козлова, Н.Г.Малошенок; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — Стр. 64-71.
2. Элkind Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни.
https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/D_elkind%20-%20erik_erik_i_8_stadiy.html

Перспективы регионального развития

Edmundas Vaitiekus, Литва

Докторант программы

Региональная экономика и экономическая политика

Балтийская Международная Академия, Рига Латвия

e.vaitiekus@gmail.com

Dr. oes, асс. проф. Ольга Павук

Балтийская Международная Академия, Рига Латвия

АННОТАЦИЯ

Политика сближения, которая проводится Европейским Союзом и предусматривает инвестиции в экономическое развитие на уровне отдельных регионов и секторов, является важным фактором, который помогает бедным регионам конкурировать и догнать более развитые территории. Инвестиции в современную инфраструктуру и инновационную деятельность, более качественное образование, ориентация на будущие возможности, позволяет расширить экономический потенциал регионов. Цель статьи – на основе теории и практики рассмотреть перспективы регионального развития в Европейском Союзе.

Ключевые слова: регион, региональное развитие, ЕС.

ABSTRACT

The policy of convergence, which is pursued by the European Union and provides for investments in economic development at the level of individual regions and sectors, is an important factor that helps poor regions compete and catch up with more developed territories. Investments in modern infrastructure and innovative activities, more qualitative education, orientation towards future perspectives, allows to expand the economic potential of the regions. The aim of the article is to reveal the experience and prospects of regional development in the European Union.

Key words: region, regional development, EU.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Трудно дать «региону» универсальное определение, поскольку «регион» имеет тенденцию быть общим объектом исследования нескольких дисциплин. Различные ученые разных дисциплин имеют тенденцию определять регион с разных точек зрения. Географы определяют регион как единицу, разделяющую сходные природные и географические особенности на земной поверхности; государственные деятели считают, что регион является административной единицей, основанной на государственном управлении; по мнению социологов, регион является субъектом, который имеет один и тот же язык, религиозные убеждения и этническое происхождение [3].

Не существует универсального определения и проблемных регионов, поскольку разные проблемные регионы имеют разные особенности. Существование проблемных регионов является объективным экономическим явлением, для которого некоторые теории дают объяснения.

«Новый регионализм», «регион», «город-регион», «трансграничный регион», «граница» и «идентичность» стали важными лозунгами на глобальной геоэкономической и геополитической арене. Возрождение этих терминов стало частью трансформации, как политической экономики, так и управления в надгосударственных, государственных и субгосударственных масштабах. Регионы особенно важны в ЕС, где как создание самого Союза, так и «Европы регионов» являются

конкретными проявлениями перераспределения государственных пространств и присвоением новых значений территории [1].

Экономическое неравенство между регионами ЕС (NUTS 2) резко возросло за последние два десятилетия. Раньше относительно зажиточные регионы понесли потери рабочих мест и снизили доходы на душу населения по сравнению с национальными средними показателями. Напротив, ограниченное количество крупных мегаполисов сейчас относится к числу наиболее динамичных областей в соответствии с теми же условиями дохода и занятости. Они являются глобально конкурентоспособными экономическими регионами-концентраторами.

Общая картина регионального роста в Европе связана с растущим разнообразием и усложнением. Тем не менее, есть некоторые признаки сужения региональных различий, но говорить о новой тенденции пока рано [4].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / SVARIGĀKĀS ATZINAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ

Государственное вмешательство в региональную экономическую деятельность уходит корнями в существование региональных экономических проблем. Браун и Берроуз (Brown and Burrows, 1977) обобщили типичные региональные экономические проблемы в двух аспектах: с одной стороны, региональными проблемами являются ситуации, в которых преобладающее мнение в регионах ощущается в виде жалоб на общественное мнение. Эти проблемы, вызывающие жалобу, включают в себя заметно более низкие средние доходы, более высокий уровень безработицы и высокий уровень чистой внешней миграции молодых, энергичных и хорошо образованных людей. С другой стороны, региональные проблемы также касаются вопросов, затрагивающих региональное экономическое благосостояние, о которых центральное правительство как с преобладающим, так и национальным мнением, чувствуют себя неловко [3].

Регион или пространство с одной или несколькими экономическими проблемами можно определить как проблемные регионы, хотя область и степень отсталости в проблемных регионах в разных странах могут сильно различаться. Экономист Фридман (1966) обобщил десять общих характеристик бедных регионов и бедных стран: низкий доход на душу населения; низкий темп экономического роста; низкий уровень производительности труда; низкий уровень формирования капитала; большой уровень безработицы и / или неполная занятость; высокая доля занятости в горнодобывающей и сельскохозяйственной деятельности; большой сектор натурального хозяйства; высокая степень зависимости от внешней помощи; низкий уровень урбанизации; высокие показатели рождаемости; низкие показатели здоровья; высокие семейные коэффициенты зависимости; низкий уровень образовательного уровня. Вообще говоря, разные страны и те же самые на разных этапах развития будут определять региональные проблемы по-разному. В развитых странах основное внимание уделяется различию в благосостоянии регионов. Таким образом, они рассматривают доход на душу населения и уровень безработицы в качестве основных показателей, определяющих региональное неравенство. Однако менее развитые страны уделяют больше внимания экономическому росту. Соответственно, они склонны рассматривать уровень ВВП и индустриализации как основные показатели, определяющие региональное неравенство [3].

Общая картина регионального роста в Европе связана с растущим разнообразием и усложнением. Исследование, проведенное в 2017 году на основе современных статистических показателей, объединяет все регионы ЕС в четыре категории или «клубы» по ВВП на душу населения: регионы с очень высоким доходом (150% или более среднего ВВП ЕС на душу населения), высоким (120-149 %), средним (75-120%) и низким доходом (менее 75%) [4].

Согласно этому исследованию, в клубе с очень высоким доходом доминируют лишь несколько крупных столичных регионов, а также некоторые другие аналогичные регионы (например, Рейн-Рур и Рандстад Холланд). Они специализируются на высококачественных товарах и услугах. Большинство из них имеют высокий рост производительности. «Регионы с высоким доходом» обладают многими или

наиболее характерными характеристиками с группой «очень высокого дохода». Их уровень занятости также высок, и многие из этих регионов демонстрируют относительно высокий рост ВВП на душу населения. Третья группа регионов ЕС представляет собой регионы среднего дохода (75-120% среднего ВВП ЕС на душу населения). В целом, эти регионы являются экономически хрупкими из-за снижения производства и уровня образования и навыков. Клуб с низким доходом состоит в основном из регионов Восточной и Южной Европы. Человеческий капитал в регионах Восточной и Южной Европы имеет тенденцию мигрировать через границы для поиска новых рабочих мест и преодоления барьеров для предпринимательства.

Аналогичные закономерности растущего разнообразия в регионах ЕС проявляются при рассмотрении инновационных возможностей и инновационных показателей в отношении региональной экономики. Авторы исследования пришли к выводу, что происходит постоянный процесс расхождения в региональной инновационной деятельности. Промежутки в инновационной деятельности в регионах ЕС постоянно растут. Несмотря на свои инновационные стратегии и несмотря на вклад Европейского фонда регионального развития (ERDF), 88 регионов наблюдали снижение их инновационной эффективности в период 2011 и 2017 г. [4].

Простые расчеты автора демонстрируют снижение доли экономик новых стран в ВВП государств ЕС, после некоторого роста. Так, если в 2014 году доля ВВП 11 новых государств-членов ЕС в совокупном валовом продукте составляла 14%, то в 2017 году – 8%. Что также свидетельствует о проблемах экономического роста в менее развитых экономиках.

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

1. Используя политику сплочения и другие политические инструменты, Европейский союз помогает государствам-членам и их регионам способствовать повышению производительности, стимулировать конкурентоспособность бизнеса, стимулировать рост, основанный на инновациях, продвигать новые навыки и создавать рабочие места и тем самым прокладывать путь к более устойчивому развитию. В принципе, финансирование сплочения работает как долгосрочная инвестиционная политика, открытая для всех регионов ЕС.

2. Растущее разнообразие регионов ЕС идентифицировано тремя фактами, которые были освещены в издании Регионального табло по инновациям 2017 года:

- Инновации неравномерно распределены по регионам Европы.
- Инновации, как правило, пространственно сосредоточены во времени, и
- Регионы с аналогичной инновационной способностью имеют разные модели экономического роста [5].

3. Для своей политики сплочения ЕС необходимо более решительно учитывать растущие региональные различия в экономическом развитии. Политика сплочения должна быть более эффективной для максимального воздействия и достижения значительных результатов. Здесь ожидается, что новые технологии, включая цифровые технологии, будут играть важную роль. Рост, основанный на инновациях, остается в центре региональной экономической политики ЕС. Политика сплочения может быть более гибкой и адаптируемой для решения новых задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Anssi Paasi. The resurgence of the „Region “and „Regional Identity “: theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe. Review of International Studies, Volume 35, Issue S1, 2009, pp. 121-146. Access: <https://doi.org/10.1017/S0260210509008456>
2. Key achievements of Regional Policy. European Commission. Internet source. Access: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/what/key-achievements/

3. Li Gang. The Origin of EU Regional Policy In a Theoretical Perspective. Working paper series on European studies institute of European studies Chinese academy of social sciences. Vol. 6, No. 5, 2012. Internet source. Access:
http://ies.cass.cn/webpic/web/ies2/en/UploadFiles_8765/201212/2012121015050321.pdf
4. New technologies and regional policy: Towards the next cohesion policy framework. Study. 2018. European Parliamentary Research Service. Internet source. Access:
[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/614546/EPRS_STU\(2018\)614546_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/614546/EPRS_STU(2018)614546_EN.pdf)
5. Regional Innovation Scoreboard 2017. European Commission. Internet source. Access:
http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/regional_en

JURIDISKĀ ZINĀTNE

**ЮРИДИЧЕСКАЯ
НАУКА**

**ЮРИДИЧЕСКАЯ
НАУКА**

Biometrisko datu aizsardzība

Jautrīte Akermane

Baltijas Starptautiskā akadēmija Liepājas filiāle

Tiesību zinātnes

jcimbare@inbox.lv

Darba vadītājs: doc. Maruta Ozoliņa

ANOTĀCIJA

Raksts tiek veltīts biometrisko datu aizsardzības jautājumu īstenošanai, ņemot vērā tehnoloģiju straujo attīstību, un veidu, kādā dati tiek izmantoti. Personu identifikācijas veidi nodrošina ātru un ērtu lietošanu, spējot atpazīt subjektu pēc īpašām pazīmēm. Problēma ir neatļauta datu izmantošana, apzinoties biotehnoloģijas plašās apstrādes iespējas. Novitāte pamatota, analizējot personas identifikāciju veidus, vēršot uzmanību uz personas tiesību un pamattiesību ievērošanu. Priekšlikums secinājumos pamatotiesiskā regulējuma izmaiņu nepieciešamību tiesību aktos.

Atslēgas vārdi: biometriskie dati, problēmas, aizsardzība, izmaiņas.

ABSTRACT

The article is devoted to the resolution of biometric data protection issues, notwithstanding the rapid development of technology and the way data is used. Personal identification forms provide a convenient and efficient way of recognizing the subject for their personal knowledge. The problem is the unallocated use of data, knowing the possibilities of processing biotechnology plasmas. Reasoning is based on analysing the types of person identification, with a focus on personal rights and the respect of fundamental rights. The conclusion in the justification justifies the necessity of changing the legal regulation in the legislation.

Key Words: biometric data, problems, protection, changes.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Digitālo tehnoloģiju un elektronisko pakalpojumu rezultātā tiek apstrādāti milzīgi datu apjomi, biotehnoloģiju priekšrocības rezultāts nodrošina ātrāku un ērtāku atpazīšanu, tomēr to plašā pielietošana ir radījušās bažas par privātuma aizsardzību un personas datu ļaunprātīgu izmantošanu, kas pamato nepieciešamību pēc biometrisko datu rūpīgas izpēti. Ņemot vērā ekonomikas attīstību, personas datiem jānodrošina augsta līmeņa aizsardzība, vienlaikus darot iespējamu šādu datu brīvu apriti. Tas nozīmē, ka jārod līdzsvars starp privātuma aizsardzības jautājumiem un brīvu informācijas plūsmu.

Līdzīgi kā jebkura tiesību nozare, arī personas datu aizsardzības nozare laika gaitā attīstās un pielāgojas objektīvās realitātes prasībām. Vairāku gadu garumā Eiropas Savienības dalībvalstu vidū tika apspriests viedoklis par nepieciešamību papildināt tiesību normu aktus ar jauniem normatīviem aktiem, kas atbilstu situācijai, kādu ikdienas dzīvē ienes globalizācijas procesi. Strauji augošo tehnoloģiju attīstība un biometrisko datu plašās izmantošanas iespējas, neatgriezeniski var ietekmēt gan privātumu, gan sabiedrības intereses.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Biometrija ir novatoriska un viena no visstraujāk augošām tehnoloģijām pasaulē, ko pārlicinoši izmanto uzņēmējdarbībā un citās struktūrās – medicīnā, policijā, izglītībā. Biometrija pēta personai piemērotās pazīmes, pēc vairākiem parametriem, fiziskajām, fizioloģiskajām vai uzvedības pazīmēm. Unikālie biometriskie mērījumi, piemēram, pirkstu nospiedumi, gaita, sejasatpazīšana, varavīksnenes struktūra, tīklene u.c., ir individuālo pazīmju kopums, tosavstarpējais izvietojums un stāvoklis, dod iespēju cilvēka identitātes noteikšanā. Šādas pazīmes, tieši tādā veidā, nebūs nevienam citam indivīdam. Biometriskās identifikācijas priekšrocības galvenokārt ir saistītas ar pazīmju pastāvīgumu, kā arī tos nevar aizmirst vai arī grūtāk viltojamas bez paša objekta. Pirkstu nospiedums ir kļuvis par universālu atslēgu, ko ērti izmantot ikdienā – durvju atvēršana, rēķinu apmaksai bankās, piekļuve datoram, automašīnas aizdedzes sistēmas iedarbināšana. Vislielākais pieprasījums pēc daktiloskopijas, kā identifikācijas metodes, novērojamas finanšu un interneta tehnoloģiju jomās. Pirkstu nospiedumu lasītāju viedtālruņos piedāvā vairāki tehnoloģisko izstrādājumu zīmoli, nodrošinot patērētājiem norēķināties par pakalpojumu vai precī.

Viena no pasaulē lielākajām maksājumu sistēmas kompānijām Wordpay, veicot pētījumu atzina, ka 635 patērētāji ir gatvi izmantot biometrisko skenēšanu, lai autentificētu pirkumus; no tiem 69% izteica vēlmi izmantot savus pirkstu nospiedumus, gandrīz ceturtdaļa respondentu teica, ka viņiem būtu ērti apstiprināt pirkumu, izmantojot sejas atpazīšanu, 185 karšu lietotāji atzina, ka būtu ērti maksāt par pirkumiem, izmantojot balss atpazīšanu. Dzīvojot atvērtā sabiedrībā indivīdam jābrēķinās, ka pat visniecīgākā informācija, kas skar viņa privāto dzīvi, var kļūt publiska, vai nelikumīgi izmantota. Piemēram, informācijas par personas datiem, kas iekļauta elektroniskā vai digitālā formātā, īsā laika periodā var kļūt pieejama visā pasaulē. Internets ir kļuvis par platformu dažādu informācijas sabiedrības pakalpojumu sniegšanai, no kā labumu gūst gan patērētāji, gan uzņēmumi, gan visa sabiedrībakopumā. Pēc Eurobarometra pētījuma sniegtās informācijas izdarītie secinājumi liecina, ka informācija ir viegli apkopojama un dažādos veidos kombinējama no tehnoloģiski atstātiem pēdu nospiedumiem, ko indivīds izmanto ikdienas dzīvē, piemēram, valodu, interese, slimības u.t.t., tas nozīmē, ka dati tiek apstrādāti un automatizēti, tas liecina, ka ne vienmēr šie dati ir kontrolējami. Tehnoloģiju speciālisti ir veikuši eksperimentu, kurā noskaidrots, ka iegūt informāciju no viedtālruņiem, ir diezgan vienkārši. Klēpjdatatori un viedtālruņi ir aprīkoti ar biometrisko tehnoloģiju un to iespējams atbloķēt ar pirksta nospiedumu vai varavīksnenes skenera palīdzību. Japānas Valsts Informātikas institūta pētnieki paziņoja, ka pirkstu nospiedumus var nozagt, izmantojot viedtālruņu kameras palīdzību, jo aprīkotas ar augstu izšķirtspēju, tādejādi iegūstot pirksta nospieduma kopiju. Interneta lietotāji arī paši sev mēdz radīt problēmas tādā veidā, ka savlaicīgi neatjaunina datoru aizsargprogrammas un paroles. Kā norāda 2015. gada veiktais pētījums, 73% no ASV un Lielbritānijā dzīvojošās personas vienu un to pašu paroli izmanto vairākiem bankas kontiem, vairāk nekā puse secina, ka parole netiek mainīta piecus gadus, bet 47% apjautātie atzīst, ka ne reizi nav to mainījušas.

Attīstoties tehnoloģijām, mainās arī noziegumi, un to tendences ir līdzīgas visā pasaulē. Kibernoziegumi ir izplatīts krāpšanās veids, arī sociālos tīklos. Datu viltošana vai zagšana satrauc ikvienu cilvēku, lai kur viņš dzīvotu. Amerikas savienotajās valstīs personas apliecinošu dokumentu un maksāšanas līdzekļu viltošana, tiek raksturota kā identitātes zādzība, bet šajās tehnoloģijās var būt iekļauti arī biometriskie dati. Tiesībaizsardzības organizācijas atzīst, ka personas datu zādzības dēļ tiek nodarīti zaudējumi vairāku miljardu apmērā, un nav pat iespējams noteikt, cik cilvēku cietuši no šī nozieguma. Tas ir viens no visstraujāk augošiem noziegumu veidiem, un nenoliedzami, viena no pilsoņu galvenajām problēmām.

Tehnoloģija ir pārveidojusi gan ekonomiku, gan sociālo dzīvi tā, ka personas datus izmanto, uzglabā un apstrādā gan privātie uzņēmumi, gan valsts iestādes, lai varētu pildīt savas funkcijas. Biometrijas datu

lietojumu Latvijā regulē Biometrijas datu apstrādes likums, nosakot, ka biometrijas datu sistēmā iekļautie dati ir ierobežotas pieejamības informācija. Datus izmanto, lai nodrošinātu noziedzīgu nodarījumu un citu likumpārkāpumu novēršanu un noziedznieku meklēšanu, bet neparedz to izmantošanu uzņēmējdarbībā. Ņemot vērā, ka biometrijas atzišana tehnoloģijās var kļūt par vispiemērotāko risinājumu dažāda veida piekļuvēm, palielinājusies vajadzība pēc jauniem personas datu aizsardzības mehānismiem.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Izvērtējot darba tapšanas gaitā izpētīto informāciju, autors attiecībā uz šo jomu un nonāca pie secinājuma un izvirzot šādu priekšlikumu:

- Personas datu apstrādes tiesiskuma nodrošināšana jāveicina ar sabiedrības informētību par personas datu aizsardzības jautājumiem, pastiprinātu uzmanību vēršot biometrisko datu nozīmei. Priekšlikums: veikt informatīvus seminārus par biometrisko datu aizsardzību un drošību;
- Jaunu tehnoloģisko vai organizatorisko risinājumu izmantošana vai piemērošana, piemēram, pirkstu nospiedumu un sejas atpazīšanas vienlaicīga izmantošana, lai uzlabotu fiziskās piekļuves kontroli, utt. VDAR ir skaidri noteikts 35. panta 1. punktā un 89. un 91. apsvērumā, ka jaunas tehnoloģijas lietošana, kā definēts — “saskaņā ar sasniegto tehnoloģisko zināšanu līmeni” (91. apsvēruma), netiek minēts par šo datu ierobežojošo lietojumu tehnoloģijās. Priekšlikums: rokas ģeometrija”, „acs varavīksnene”, „sirds ritms”, asinsvadu ģeometrija”, „balss atpazīšana”, „ gaitas analīze” pirms ievadīšanas atpazīšanas sistēmās, veic novērtējuma ietekmi uz datu aizsardzību.
- Biometrisko datu lietojuma risinājumi tehnoloģijās jāveicina ne tikai ar uzraudzību pasākumu ievērošanu, bet ar drošu aizsardzības sistēmu ieviešanu, nodrošinot informācijas konfidencialitāti un aizsardzība. Priekšlikums: papildināt Latvijas Administratīvo pārkāpuma kodeksa” 204.⁷ pantu „Nelikumīgas darbības ar fiziskās personas datiem”, ar ceturto daļu, to izsakot sekojošā redakcijā: „*par nelikumīgām darbībām ar fiziskās personas sensitīvajiem datiem, tas ir, par jebkurām nelikumīgām darbībām ar biometrijas datiem tehnoloģijās, ieskaitot datu vākšanu, reģistrēšanu, ievadīšanu, glabāšanu, sakārtošanu, pārveidošanu, izmantošanu, nodošanu, pārraidīšanu, izpaušanu, bloķēšanu vai dzēšanu— nosakot administratīvo sodu.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES /

LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Eiropas Parlamenta un Padomes Regula (ES) 2016/679, par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti un ar ko atceļ Direktīvu 95/46/EK (Vispārīgā datu aizsardzības regula), OV L 119/1 4.5.2016.
2. Eiropas Parlamenta un Padomes regula (EK) Nr. 444/2009 (28.05.2009.) ar ko groza Padomes Regulu (EK) Nr.2252/2004 par drošības elementu un biometrijas standartiem dalībvalstu izdotās pasēs un ceļošanas dokumentos. *Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis*. L142/1.
3. Biometrijas datu apstrādes sistēmas likums. Latvijas Republikas likums.21.05.2009. *Latvijas Vēstnesis*, 90 (4076).
4. Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodekss.
5. Valsts informācijas sistēmu likums. Latvijas Republikas likums.02.05.2002. *Latvijas Vēstnesis*, 76 (2651).
6. *Datu valsts inspekcijas 2007. gada publiskais pārskats*. Pieejams/<http://www.dvi.gov.lv/lv/wp-content/uploads/inspekcija/gada-parskati/2007.pdf>.
7. Eiropas datu aizsardzības uzraudzītājs (2007.).*2006. gada pārskats*.Eiropas kopiena..Pieejams: https://edps.europa.eu/sites/edp/files/publication/ar_2006_lv.pdf.

8. Ginters.E., Merkurjevs J., Romānovs A., Soško.O. (2008.). *Loģistikas informācijas sistēmas*. Rīga
9. *Ieteikumi. Vispārīgās datu aizsardzības regulas piemērošanai bankās*. (2018.). LKA
10. Janums J.(2014.). *Finanšu identitātes zādzība internetā – aktuāla problēma arī Latvijā*. *Jurista Vārds*Nr. 27 (829).
11. Komisijas paziņojums Eiropas Parlamentam, Padomei un Eiropas ekonomikas un sociālo lietu komitejai. (2012.) *Inovatīvas un konkurētspējīgas drošības nozares rīcības plāns / COM/2012/0417*.
12. Komisijas paziņojums Eiropas parlamentam un Padomei (2015.) *par personas datu pārsūtīšanu no ES uz Amerikas Savienotajām Valstīm saskaņā ar Direktīvu 95/46/EK, izpildot Tiesas spriedumu lietā C-362/14 (Schrems)*.
13. Latvijas Republikas Tiesībsargs (2018.). *Daži aspekti Vispārīgās datu aizsardzības regulas kontekstā*.
14. 29. PANTA datu aizsardzības darba grupa. *Atzinums 3/2005 par to, kā īstenot Padomes 2004.gada 13. decembra Regulu (EK) Nr.2252/2004 par drošības elementu un biometrijas standartiem dalībvalstu izdotās pasēs un ceļošanas dokumentos*. (2004.) *Oficiālais Vēstnesis*.
15. Jain, A., Ross, A. A., Nandakumar, K. (2011.). *Introduction to Biometrics*,. Institute for Infocomm Research, Singapore.
16. Ross A. Jain A. K. (2008.) *Handbook of Biomterics. Science and Media*. ISBN, 978,New York.
17. Strandburg K., Raicu D.S. (2006). *Privacy and Technologies of Identity: A Cross-Disciplinary Conversation*.

Iepirkumu līgumu apstrīdēšana privātpersonu tiesību aizsardzības kontekstā

*Kristīne Alpēna, Latvija,
Baltijas starptautiskās akadēmija, Liepājas filiāle,
Maģistru studiju programma Privāttiesībās
kristine.alpena@inbox.lv
Doc.iur. Tatjanu Jurkeviču*

ANOTĀCIJA

Joprojām sabiedrībā nav ticības, ka iepirkumi varētu noritēt godīgi un atbilstoši tiem izvirzītajiem mērķiem. Piedāvājumu izvēlē un līgumslēgšanas tiesību piešķiršana joprojām bieži rada šaubas par pasūtītāja godaprātu un piedāvājuma izvēles pamatotību.

Šajā pētījumā tiek pētīts sabiedrisko pakalpojumu sniedzēju iepirkumu piedāvājuma izvēles un līgumslēgšanas tiesību piešķiršanas tiesiskais regulējums, konstatētas un raksturotas praksē biežāk sastopamās problēmas un likumsakarības, noskaidroti problēmu rašanās cēloņi, kā arī raksturotas to izraisītās sekas un piedāvāti esošo problēmu risinājumi.

Atslēgas vārdi: iepirkumi, līgumi, privātpersonas, tiesību aizsardzības līdzekļi, sabiedrības intereses.

ABSTRACT

There is still no faith in society that procurement can be done fairly and in line with the objectives pursued. The selection of tenders and the award of contract rights continue to raise doubts about the customer's integrity and the appropriateness of the choice of offer.

In this latter case, the regulatory framework for the selection of public service contracts and the award of contracts has been examined, identified and described the problems and legal relationships that are more common in practice, identified the causes of the problems and described their consequences and proposed solutions to existing problems.

Key words: procurement, contracts, private individuals, remedies, public interest.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Iepirkumam ir svarīga nozīme, jo tas ir viens no tirgus un komercdarījumu instrumentiem, kas izmantojams, lai panāktu gudru, ilgtspējīgu un iekļaujošu izaugsmi, vienlaikus nodrošinot visefektīvāko valsts, pašvaldību līdzekļu izmantošanu sabiedrības vajadzībām. Sabiedrībai ir svarīgi, lai par tās naudu tiktu panākts vislabākais iespējamais risinājums un naudai tiktu piešķirta vislielākā vērtība. Latvijā šobrīd ir divi iepirkumu procedūras regulējumi: Publiskā iepirkuma likums^[28] un Sabiedriskā pakalpojuma sniedzēju iepirkuma likums^[29]. Katrā iepirkumu gadījumā pasūtītājs darbojas divās pakāpēs.

Pirmajā pakāpē tiek pieņemts lēmums par līgumslēgšanas tiesību piešķiršanu, bet otrajā pakāpē notiek šā lēmuma īstenošana privāttiesiskā ceļā – tiek slēgts iepirkuma līgums, kuram tiek piemēroti vispārējie

^[28]Publiskopakalpojumu iepirkumu likums. LR likums. 2006.gada 6.aprīlis, spēkā no 01.05.06., Latvijas Vēstnesis Nr.65(3433) 12.05.2016, ar pēdējiem grozījumiem 18.10.2018.

^[29]Sabiedriskopakalpojumu sniedzēju iepirkumu likums. Latvijas Republikas likums. 2017.gada 2.februārī, spēkā no 01.04.2017., Latvijas Vēstnesis Nr.36(5863) 16.02.17.

civiltiesību noteikumi. Iepirkumu likuma mērķis ir nodrošināt iepirkumu atklātumu^[30], piegādātāju brīvu konkurenci, vienlīdzīgu un taisnīgu attieksmi pret tiem, kā arī pasūtītāja līdzekļu efektīvu izmantošanu, maksimāli samazinot tās risku. Kā galvenais šo divu sistēmu mērķis un uzdevums ir noslēgt būvdarbu, piegādes un pakalpojumu līgumu.

Pētījuma novitāte un aktualitāte teorētiskajā aspektā izpaužas kā:

1. Sabiedrisko pakalpojumu sniedzēju iepirkumi jāvērtē kā ekonomiskās sistēmas sastāvdaļa, tādēļ vērtēšanas rezultātā izvēlētais piedāvājums un cena ir ciešā kopsakarā ar valsts attīstību;
2. Nepietiekami izpētīts efektīva iepirkuma jautājums un iepirkuma līguma apstrīdēšana privātpersonu tiesību aizsardzības kontekstā;

Pētījuma mērķis ir izpētīt piedāvājuma izvēles un līgumslēgšanas tiesību piešķiršanas, izpildes un laušanas tiesisko regulējumu, konstatēt problēmas un piedāvāt risinājumus SPSIL regulējuma pilnveidošanai. Pētījuma objekts ir iepirkuma procedūra un iepirkuma līgumu tiesību piešķiršana, izbeigšana un laušana. Ņemot vērā to, ka visbiežāk piemērotā iepirkuma procedūra ir atklāts konkurss^[31], pamatā tiks pētīta iepirkuma līguma slēgšanas tiesību piešķiršana, izbeigšana un laušana šīs iepirkumu procedūras ietvaros.

Darbā tiks izmantotas šādas zinātniskās pētniecības metodes:

1. Dogmatiskā metode palīdzēs pareizi izprast privātpersonu tiesību aizsardzības līdzekļus noslēgtu iepirkuma līguma gadījumā. Dogmatiskais paņēmiens tiks piemērots, lai iegūtu tiesisko normu juridiskā satura pareizu izpratni un iepazītu būtību. Izmantojot šo metodi, tiks panākts darba mērķis – uz esošo normu analīzes bāzes izdarīt zinātniski pamatotus secinājumus, kurus varētu izmantot administratīvo tiesību normu pilnveidošanas procesā, pārstrādājot esošās vai izstrādājot jaunas;
2. Salīdzinošā metode tiks lietota divos veidos:
 - a) Dogmatiskā salīdzinošā metode - ar tās palīdzību tiks pilnīgāk vērtētas vienā tiesību sistēmā ietilpstošās normas un institūti salīdzinājumā ar citu valstu tiesību normām un institūtiem;
 - b) Vēsturiski salīdzinošā metode palīdzēs salīdzināt un vērtēt tiesību normas un tiesību institūtu attīstību;
 - c) Socioloģiskā metode palīdzēs pētīt un vērtēt tiesību normas un institūtus saistībā ar sabiedrības, zinātnes un kultūras attīstību;
 - d) Analītiskā metode palīdzēs vispirms noskaidrot un pēc tam vērtēt tiesisko jēdzienu un tiesisko principu un normu saturu.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Pētījuma rezultāta tika izpildīts pētījumā izvirzītais mērķis. Kā rezultātā tika gūtas atziņas, ka iepirkuma vērtēšanas procesam ir svarīga nozīme, jo tā rezultātā tiek piešķirtas līgumslēgšanas tiesības. Jebkurš iepirkums, kurš ir veikts neievērojot iepirkuma likuma galveno mērķi nodrošināt iepirkumu atklātumu, piegādātāju brīvu konkurenci, vienlīdzīgu un taisnīgu attieksmi pret tiem, kā arī pasūtītāja līdzekļu efektīvu izmantošanu, maksimāli samazinot tās risku. Tāpēc ir ļoti būtiski, lai iepirkumā izvirzītās prasības tiktu vērstas tika un vienīgi uz iepirkuma priekšmetam atbilstoša un pēc iespējas kvalitatīvāka izpildījuma saņemšanu, nevis uz kādu citu interešu nodrošinājumu. Labākais veids, lai iepirkums norisinātos veiksmīgi ir pušu komunikācija attiecībā uz nolikumā norādītajām prasībām. Ļoti būtiski ir izskausts favorītismu iepirkumos, ar ko tiek apzīmēta nepamatota priekšrocība vai labvēlīgu apstākļu radīšana konkrētam pasūtītāja subjektīvi izraudzītam pretendētam, pasargājot to no reālas konkurences.

^[30]Šī terminekvivalents angļu valodā ir "openness". Atklātības jēdziens lietots, piemēram, Valstspārvaldes iekārtas likuma (2.pantā, 10.panta piektā daļa). Valstspārvaldes iekārtas likums, Latvijas Vēstnesis, 2002.gada 21.jūnijs Nr.94 (2669).

^[31]Iepirkumu uzraudzības birojs (2012) „Statistiskopārskatu apkopojums par 2011.gadā Latvijas Republikā veiktajiem iepirkumiem.”. Secinājumu 1.1. punkts 29.lpp.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

1. Iepirkuma procesam ir jābūt publiskam un caurskatāmam, lai nevienai no pusēm nebūtu iespēja savu tiesību aizsardzību izmantot ļaunprātīgi un kavētu līguma slēgšanu un to izpildi.
2. Izvirzītajām prasībām ir jābūt vērstām tika un vienīgi uz iepirkuma priekšmetam atbilstoša un pēc iespējas kvalitatīvāka izpildījuma saņemšanu, nevis uz kādu citu interešu nodrošinājumu.
3. Jebkuras prasības, kuras ir tikušas izvirzītas iepirkuma dokumentācijā kaut kādā mērā sašaurina personu loku, kuras varētu piedalīties iepirkumā, taču nepieļaujami ir nevis jebkuri, bet vienīgi nepamatoti konkurences ierobežojumi.
4. Iepirkuma ietvaros piedāvātās summas apiešana slēdzot iepirkuma procedūrai sekojošu privāttiesisku darījumu par citu summu, nevar tikt attaisnota ar pušu vienlīdzības vai privātautonomijas principu, jo tas ir pretrunā ar SPSIL iepirkuma mērķi ^[32].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Publisko pakalpojumu iepirkumu likums. LR likums. 2006.gada 6. aprīlis, spēkā no 01.05.06., Latvijas Vēstnesis Nr.65(3433) 12.05.2016, ar pēdējiem grozījumiem 18.10.2018.
2. Sabiedrisko pakalpojumu sniedzēju iepirkuma likums. Latvijas Republikas likums. 2017.gada 2. februārī, spēkā no 01.04.2017., Latvijas Vēstnesis Nr.36(5863) 16.02.17.
3. Atklātības jēdziens lietots, piemēram, Valsts pārvaldes iekārtas likuma (2. pantā, 10. panta piektā daļa). Valsts pārvaldes iekārtas likums, Latvijas Vēstnesis, 2002.gada 21. jūnijs Nr.94 (2669).
4. Iepirkumu uzraudzības birojs (2012) „Statistisko pārskatu apkopojums par 2011.gadā Latvijas Republikā veiktajiem iepirkumiem.” Secinājumu 1.1. punkts 29.lpp.
5. Džeina G. (2018). Dažas tiesu prakses atziņas (1. daļa) Žurnāls “Iepirkumi” Nr.6, 40 – 41.

^[32]Džeina G. (2018). Dažastiesupraksesatziņas (1.daļa) Žurnāls “Iepirkumi” Nr.6, 40 – 41.

Datu apstrādes un aizsardzības tiesiskie aspekti

Guna Boževniece, Latvija

Baltijas Starptautiskā akadēmija

Juridiskā zinātne

e pasts: guna80@inbox.lv

Doc. M.Ļūļa -Frankēvica

ANOTĀCIJA

Pēc autores uzskatiem, ka vienano galvenajām problēma personu datu aizsardzībā ir personu datu tiesības neaizskaramība privāto dzīvi, kā arī datu aizsardzībadigitālajā vidē un datu apstrāde. Darba mērķis ir noskaidrot vai Latvijas tiesību normatīvie akti atbilst jaunajai Eiropas Parlamenta un Padomes regulai (ES) 2016/679 par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Direktīvu 95/46/EK (Vispārīgā datu aizsardzības regula) (Turpmāk tekstā Regula) personu datu aizsardzībā. Darba galvenais secinājums - personas tiesības uz savu personas datu aizsardzību izriet no personas pamattiesībām uz privātās dzīves neaizskaramību. Tiesības uz personas datu aizsardzību var tikt attiecinātas uz visām fiziskajām personām neatkarīgi no to atrašanās vietas un tiesiskā statusa. Personu dati vēl joprojām tiek nodoti trešajām personām, kā arī dati tiek apstrādāti bez personas piekrišanas.

Atslēgas vārdi: Fizisko personu dati, izpausmes brīvība un internets, personas privātā dzīve, personu datu aizsardzība un publiskā informācija.

ABSTRACT

According to the author, one of the main issues in the protection of personal data is the privacy of personal data, the inviolability of privacy, as well as data protection in the digital environment and data processing. The aim of the work is to find out whether the Latvian legal acts comply with the new Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, repealing Directive 95/46 / EC (General Data Protection Regulation) (hereinafter referred to as the Regulation) in the protection of personal data. The main conclusion of the work - the right of a person to protection of personal data derives from the fundamental right of a person to private life the inviolability of life. The right to the protection of personal data can be extended to be applied to all physical ones regardless of their location and legal status. Personal data is still being transferred to third parties and the data is processed without the consent of the person.

Keywords: Personal data, freedom of expression, internet, private and family life of a person, personal data protection and public information.

IEVADS / INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ

Darba mērķis ir noskaidrot vai Latvijas tiesību normatīvie akti atbilst jaunajai Eiropas Parlamenta un Padomes regulai (ES) 2016/679 par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Direktīvu 95/46/EK (Vispārīgā datu aizsardzības regula) personu datu aizsardzībā. Kā viena no galvenajām problēmām personu datu aizsardzībā ir datu izmantošana sadzīvē, norādot personas kodu, sniedzot ziņas par pastāvīgo dzīvesvietu, u.c. Katrai personai ir svarīgi aizsagāt savus personas datus, jo tā ir daļa no mūsu privātās dzīves. Mūsdienās kad pasaule atrodas nepārtrauktās digitālās evolūcijas posmā un informācijas tehnoloģijas strauji attīstās, kā arī personu dati nokļūst tiešsaistē, personas anonimitāte ir apdraudēta. Izmantojot dažādās informāciju tehnoloģijas un interneta attīstības iespējas, tiek apstrādāti noteiktā apjomā personas dati, un tādējādi, iespējams ietekmēt personu tiesības uz privātās un ģimenes dzīves neaizskaramību.

Izmantotās metodes un materiāli, pētījuma ir analizēti tiesību akti un Satversmes tiesas spriedumi kā arī izmantoti zinātniskie vērtējumi un ieteikumi, kuri papildināti ar autores ieteikumiem. Darbā izmantotās metodes: Vēsturiskā, sistemātiskā un analītiskā metode.

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

2016. gada 27. aprīlī tika pieņemta Eiropas Parlamenta un Padomes regula (ES) 2016/679 par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Direktīvu 95/46/EK (Vispārīgā datu aizsardzības regula) (Turpmāk tekstā Regula). Regula paredz jau pastāvošo personas datu aizsardzības principu modernizēšanu, izveidojot vienotus personas datu aizsardzības noteikumus, kas ir spēkā visā Eiropas Savienības teritorijā. Vienlaikus ir saglabāti līdz šim personas datu aizsardzības jomā ievērotie pamatprincipi - vienotā tirgus uzlabošanu, efektīvu indivīda pamattiesību un brīvību ievērošana. [2] Sākot ar 2018.gada 25. maiju Latvijā un Eiropas Savienības dalībvalstīs ir piemērojama Vispārīgā datu aizsardzības regula.

Latvijā privātās un ģimenes dzīves aizsardzība ir nostiprināta Latvijas Republikas Satversmes 96. pantā, [1] kurā tieši norādīts uz aizsargājamiem personas dzīves aspektiem – privāto dzīvi, mājokli un korespondenci. Katrai personai ir svarīgi aizsargāt savus personas datus un neizturēties pret saviem datiem vieglprātīgi, jo tā ir daļa no mūsu privātās dzīves. Apziņa par savu datu drošību ir ļoti svarīga, jo tas ir pirmais solis sevi pasargāt un nenodot savus datus nepareizajās rokās. Personas datu aizsardzības īstenošanā nepietiek ar to, ka valsts neiejaucas personas privātajā dzīvē. Valstij ir uzlikts arī pozitīvs pienākums, pieņemot likumus, kas pietiekami garantē personas tiesības uz datu aizsardzību. [3.,247] Likumdevējam ir jāizveido tāds personas datu aizsardzības mehānisms, kas nodrošinātu to apstrādes noteikumu atbilstību paredzētam mērķim. [4]

Regula definē, ka personas dati ir jebkura informācija, kas attiecas uz identificētu vai identificējamu fizisko personu. [2] Jāsaprot, personas vārds uzvārds vēl nebūs personu dati, jo nav papildus informācija kas identificē personu, bet tiklīdz būs personas vārds, uzvārds un personas kods, šie jau būs personas dati. Informācija, kura ietver personas vārdu un uzvārdu, publicēšana ir iejaukšanās personas tiesības uz cieņu un privāto dzīvi. Tomēr, arī tikai personas vārda izmantošana bez šīs personas piekrišanas, dažkārt var tikt uzskatīta par iejaukšanos personas privātajā dzīvē. Piemēram, ja personas vārds minēts kādā kontekstā, no kura ir viegli identificēt konkrēto personu. [6]

Attīstoties informācijas tehnoloģijām, bija skaidrs, ka nav vienkārši noteikt personu datu aizsardzības robežas, tāpēc radās nepieciešamība pēc Vispārīgajā datu aizsardzības regulas, kas ir daudz stingrāks instruments, lai personas datu tiesības aizsargātu internetā. Internetam ir būtiska loma personu datu uzglabāšanā, tāpēc nepieciešama stingrāka uzraudzība, lai tiešsaistē netiktu aizskartas personu tiesības, kā arī dati tiktu uzglabāti droši. Internetam nav robežu, tas ietver visu, ko tajā ievada persona. Ja tiešsaistes aktivitātes nerespēktē valstu robežas, tad pēc definīcijas, likumam arī jāparvar robežas, lai tas būtu efektīvs. [6] Pēc autores domām, visneaizsargātākie dati un apdraudētākie interneta vidē ir bērnu dati, jo bērni pietiekami neapzinās attiecīgos riskus, sekas un aizsardzības pasākumus un savas tiesības saistībā ar personas datu apstrādi, tāpēc vecākiem būtu jāuzņemas atbildība un jābūt informētiem par to, ko dara bērns internetā, un kur nonāk bērna personas dati. Šādai īpašai aizsardzībai būtu nepieciešama meklētājprogramma, kas veidotu personu vai lietotāju profilus bērnu datu vākšanai tajā momentā, kad tiek izmantoti bērnam tiešā veidā piedāvāti pakalpojumi.

Personai ir tiesības saņemt skaidru un saprotamu informāciju par to, kas apstrādā personas datus, kādi dati tiek apstrādāti, kāds ir apstrādes mērķis, tiesiskais pamats, kā arī tiesības pieprasīt, lai datus papildina vai izlabo, pārtrauc to apstrādi vai dzēš datus "tiesības tikt aizmirstam", kā arī ierobežo datu apstrādi, ja dati ir nepilnīgi, novecojuši, nepatiesi, pretlikumīgi iegūti vai vairs nav nepieciešami vākšanas mērķim. Lai apstrādātu personas datus ir nepieciešama subjekta piekrišana datu apstrādei. Vispārīgās datu aizsardzības regulas izpratnē datu subjekta "piekrišana" ir jebkura brīvi sniegta, konkrēta, apzināta un viennozīmīga norāde uz datu subjekta vēlmēm, ar kuru viņš paziņojuma vai skaidri apstipriņošanās darbības veidā sniedz piekrišanu savu personas datu apstrādei. [4] Būtu jānošķir brīvi sniegto piekrišanu regulas izpratnē no piekrišanas vispārīgā izpratnē, piemēram, persona noslēdz pakalpojuma līgumu, tai momentā

persona piekrīt līguma nosacījumiem, līdz ar to dati tiek apstrādāti uz līgumiskā pamata. Savukārt, ja persona vēlas saņemt, piemēram, pabalstu, tad valsts iestādei ir jāiesniedz attiecīgie dati uz likumiskātiesiskā pamata.

Viens no galvenajiem priekšnosacījumiem likumīgai datu apstrādei ir bīvi sniegta personas piekrišana, tomēr praksē tas var izrādīties pretrunīgs priekšstats, piemēra, darbinieka un darba devēja tiesiskās attiecības, lai darbinieks saglabātu darba attiecības, tikai retos gadījumos varēs brīvi sniegt vai atteikties sniegt, kā arī atsaukt piekrišanu. Piekrišana nevar būt likumīgs pamats personas datu apstrādei gadījumā, kad darbinieka un darba devēja attiecībās pastāv nevienlīdzība, jo darba devējs var izvēlēties atbilstošāko tiesisko pamatu katram darbinieku personas datu apstrādes nolūkam. Pēc autores domām, piekrišana vispār nevar būt derīgs tiesiskais pamats darbinieka personas datu apstrādei. Savukārt darbinieka personas datu apstrādei, piekrišanas vietā atbilstošāk būtu izvēlēties kādu citu tiesisko pamatu, kuru izmantotu darba tiesiskajās attiecībās, piemēram, darba līguma noslēgšana.

Par īpašiem kategoriju personu datiem tiek uzskatīti sensitīvie dati, jo šie dati atklāj personas rasi vai etnisko izcelsmi, politiskos uzskatus, reliģisko vai filozofisko pārliecību, seksuālo orientāciju, dalību arodbiedrībās vai citās organizācijās un var attiekties arī uz personas veselību vai seksuālo dzīvi. Biometriskie un ģenētiskie dati arī pieder pie īpašu kategoriju personu datiem. [4] Šie sensitīvie dati no citiem personu datiem atšķiras ar sevišķi privātiem un intīmā rakstura datiem, kuri var tikt ļaunprātīgi izmantoti pretēji attiecīgās personas interesēm, piemēram, būt par pamatu aizspriedumainai attieksmei vai diskriminācijai. Tieši tāpēc šo datu apstrāde ir aizliegta, izņemot atsevišķus likumā noteiktus gadījumus un viens no šādiem izņēmumiem ir personas rakstveida piekrišana. Vispārīgā datu aizsardzības regula īpaši aizsargā datus, kas atklāj rasi vai etnisko piederību, politiskos uzskatus, reliģisko vai filozofisko pārliecību, dalību arodbiedrībās, ģenētisko datu, biometrisko datu, lai veiktu fiziskas personas unikālu identifikāciju, veselības datu vai datu par fiziskas personas dzimumdzīvi vai seksuālo orientāciju apstrādi. Regula vienlaikus nosaka pienākumu dalībvalstīm noteikt datu uzraudzības institūciju, kuras kompetencē būtu Regulas noteikumu uzraudzība. Latvijā par šādu uzraudzības iestādi tiek noteikta Datu valsts inspekcija.

Atbildīgais par fizisku personas datu aizsardzību ir uzņēmumi, kuri ir specializējušies fizisku personu liela apjoma datu apstrādē un uzglabāšanā, uzņēmumiem, kur darbinieku skaits pārsniedz 250 cilvēkus, regula uzliek par pienākumu nozīmēt uzņēmuma atbildīgo par fizisku personu datu drošību. Juridiskām personām maksimāli iespējamā soda apmērs administratīvajā kārtā ir 14 000€, protams, naudas soda apmērs var mainīties atkarībā no vainu pastipriņošiem vai mazinošiem apstākļiem. Pēc jaunās regulas stāšanās spēkā, uzraudzības iestāde piemēro sankcijas, tostarp administratīvos naudas sodus. Administratīvs naudas sods apmērā līdz EUR 20 milj. vai, uzņēmuma gadījumā, līdz 4% no tā kopējā visā pasaulē iepriekšējā finanšu gadā gūtā gada apgrozījuma atkarībā no tā, kuras summas apmērs ir lielāks. Nenožīmīgu pārkāpumu gadījumā vai, ja naudas sods, kādu varētu uzlikt, radītu nesamērīgu slogu fiziskai personai, naudas soda vietā var izteikt rājienu. [5]

Pētījuma rezultāti un to izvērtējums.

Personas dati ir viss tas, kas palīdz identificēt personu. Galvenokārt tas ir vārds, uzvārds, personas kods, bet var būt arī jebkura cita informācija, kas idenficē personu, piemēram, personas amats. Visneaizsargātākie dati ir bērnu personu dati, jo bērni neapzinās attiecīgos riskus, sekas un aizsardzības pasākumus un savas tiesības saistībā ar personas datu apstrādi.

Datu regula piešķir daudz vairāk kontroles par saviem datiem. Personai ir tiesības noskaidrot kādiem nolūkiem tiek izmanti datikā arī noteiktos gadījumos lūgt pārtraukt vai dzēst personas datus. Jebkurai datu apstrādei ir jābūt tiesiskam pamatam. Viens no galvenajiem priekšnosacījumiem personu datu apstrādei ir brīvi sniegta piekrišana. Piekrišana var tikt sniegta gan uz likumiskā vai līgumiskā pamata unpiekrišanai jābūt rakstiskā formā.

Vispārīgā datu aizsardzības regula īpaši aizsargā sensitīvos datus, kurus ir aizliegts apstrādāt, izņemot atsevišķus regulā noteiktos gadījumus un viens no šādiem izņēmumiem ir personas rakstveida piekrišana.

SECINĀJUMI / CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ

Personu anonimitāte un internetsir neiespējama misija, jo to nosaka interneta globālitate. Nedz fiziskā persona, nedz atsevišķa valsts nav spējīga efektīvi realizēt tiesības tikt aizmirstam, tāpēc jāmeklē kopīgi risinājumi.

Autore uzskata, ka būtu nepieciešams ārējais normatīvais akts, kas noteiktu standartu visām meklētājprogrammām attiecībā uz formu un saturu pieprasījumam dzēst datus no meklēšanas rezultātu saraksta

Lai dati netiktu izmantoti krāpnieciskiem un savtīgiem nolūkiem, būtu nepieciešama sistēma, kas aizsargā dažādas cilvēktiesības, izstrādājot tiesību aktus, kas regulē digitālo vidi attiecībā uz personu datu apstrādi, iekļaut šajos likumos ģenerālklausulas, lai regulējums būtu elastīgās un ilgstpējīgs, tādejādi attīstoties interneta tehnoloģijām, nebūtu jāveido jauni likumprojekti.

Personas tiesības uz savu personas datu aizsardzību izriet no personas pamattiesībām uz privātās dzīves neaizskaramību. Tiesības uz personas datu aizsardzību var tikt attiecinātas uz visām fiziskajām personām neatkarīgi no to atrašanās vietas un tiesiskā statusa, kā arī, atsevišķos gadījumos, arī uz mirušas personas datiem.

Personas datus atļauts apstrādāt tikai tik daudz, lai izpildītu likumā noteikto pienākumu, katrā konkrētajā gadījumā vērtējot, vai mērķi nevar sasniegt, apstrādājot ievērojami mazāk personas datu vai tos neapstrādājot vispār. Vispārīgā datu aizsardzības regulā principā aizliedz sensitīvu personas datu apstrādi, taču ir pieejami vairāki izņēmumi, kad tos var apstrādāt.

Personu datu apstrādes likums galvenokārt izstrādāts, lai mainītu Valsts Datu inspekcijas statusu un pielāgotu darbinieka pilnvaras un direktora iecelšanas noteikumus atbilstoši Vispārīgā datu aizsardzības regulai. Personu datu apstrādes likums nenodrošina pietiekamu datu subjekta aizsardzību.

Regula nosaka, ka piekrišanai jābūt brīvi dotai, konkrētai, apzinātai un viennozīmīgai. Pēcautoresdomām, darbatiesiskajās attiecībās piekrišanai nevar būt derīgā tiesiskais pamats personas datu apstrādei. Darbinieka personas datu apstrādei, piekrišanas vietā atbilstošāk būtu uzturēt citu tiesisko pamatu, kuru izmanto darbatiesiskajās attiecībās.

Stājoties darbatiesiskajās attiecībās, personu datu apstrāde būtu jāiekļaujies tāde siekšējos darba kārtības noteikumos, pa to jāinformē darbinieks pie darbalīguma noslēgšana.

Vispārīgā datu aizsardzības regula paredz īpašus nosacījumus bērniem personu datu aizsardzībā, jo bērni vēl neapzinās riskus, sekas, aizsardzības pasākumus un savas tiesības saistībā ar personas datu apstrādi.

LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Latvijas Republikas Satversme. Latvijas Republikas likums. 30.06.1922. Latvijas Vēstnesis. 43.
2. Eiropas Parlamenta un Padomes Regula (Es) 2016/679 par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti un ar ko atceļ Direktīvu 95/46/EK (Vispārīgā datu aizsardzības regula)
Pieejama: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV>
3. Danovskis E., Ruķelis M., Lībiņa-Engere I Satversmes 96 pants., Latvijas Republikas Satversmes komentāri, 2011, 247
4. Eiropas Cilvēktiesību tiesa, Bohlen pret Vāciju (53495/09), 2015, 45
5. Ieskats 2018.gada Fizisko personu datu aizsardzības likumā, Pieejams: <https://advokati-juristi.temida.lv/wp-content/uploads/2018/03>
6. Kohl U. Regulatory Competence over Online Activity. Jurisdiction and the internet. New York: Cambridge University Press, 2007, 259
7. Satversmes tiesas 2016.gada 12. maija sprieduma lietā Nr. 2015-14-0103, 23. punkts

EU post-crisis measures for ensuring control over financial institutions

Mg.iur. Irina Cvetkova

Baltic International Academy, Latvia

Doctoral study program "Legal Science"

e-mail: cvetkova@inbox.lv

Research supervisor

Dr.iur. Janis Grasis

ABSTRACT

The global financial crisis of 2008 has clearly demonstrated that the problems of one bank go beyond its structure and its direct counterparties and can spread to the entire financial sector, moreover, they can move from one state to another and go far beyond these countries.

Prior to the global financial crisis several unified normative acts were adopted within the EU to streamline the activities of both organized and unorganized financial markets. However, in the conditions of instability of the financial markets of the European countries, this regulation appeared to be incapable of providing emergency measures for the EU countries.

To ensure financial and economic stability under the conditions of the European Commission, multiple amendments have been made to acts of supranational law, including the ones related to the regulation of the level of capital adequacy and liquidity of financial institutions - participants of financial markets, as well as crisis management of financial institutions.

The work thoroughly examines the amendments adopted by the European Commission after the global financial crisis of 2008 to manage and monitor financial institutions, the appropriate conclusions have been made.

Keywords: bank crisis, crisis management, financial instruments, liquidity.

АННОТАЦИЯ

Мировой финансовый кризис 2008 года наглядно продемонстрировал, что проблемы одного банка выходят за пределы его структуры и его непосредственных контрагентов и могут распространиться на весь финансовый сектор, более того, они могут перейти из одного государства на другое и выйти далеко за пределы этих стран.

До мирового финансового кризиса в рамках ЕС было принято несколько унифицированных нормативных актов для упорядочения деятельности как организованных, так и неорганизованных финансовых рынков. Однако в условиях нестабильности финансовых рынков европейских стран это регулирование оказалось неспособным обеспечить экстренные меры стран ЕС.

Для обеспечения финансово-экономической стабильности в условиях Еврокомиссией было внесено множество поправок в акты наднационального права, в том числе для регулирования уровня достаточности капитала и ликвидности финансовых учреждений – участников финансовых рынков, а также кризисного управления финансовыми учреждениями.

В работе подробно рассмотрены изменения, принятые Еврокомиссией после мирового финансового кризиса 2008 г. по управлению и контролю за финансовыми учреждениями, сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: банковский кризис, антикризисное управление, финансовые инструменты, ликвидность.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The International Monetary Fund (IMF) in its report of 2008 pointed to 124 local national crises with total losses of the global banking system of over \$ 300 billion [7].

Financial crisis may be accompanied by some of the features highlighted below:

- 1) A demand for reserve money so intense that the demand could not be satisfied for all parties simultaneously in the short run.
- 2) A liquidation of credit that has been built up in a boom.
- 3) A condition in which borrowers who in other situations were able to borrow without difficulty become unable to borrow on any terms – a credit crunch or credit market collapse.
- 4) A forced sale of assets because liability structures are out of line with market-determined asset values, causing further decline in asset values – the bursting of a price “bubble”.
- 5) A sharp reduction in the value of banks’ assets, resulting in the apparent or real insolvency of many banks, accompanied by some bank collapses and possibly some runs [8] The effects of the crash are still rippling through the world economy. The collapse of Lehman Brothers, a sprawling global bank, in September 2008 almost brought down the world’s financial system. It took huge taxpayer-financed bail-outs to shore up the industry. Even so, the ensuing credit crunch turned what was already a nasty downturn into the worst recession in 80 years. Massive monetary and fiscal stimulus prevented a buddy-can-you-spare-a-dime depression, but the recovery remains feeble compared with previous post-war upturns. GDP is still below its pre-crisis peak in many rich countries, especially in Europe, where the financial crisis has evolved into the euro crisis.

During the financial crisis many financial institutions have revealed the lack of risk experience and skills at the non-executive Board level and the failure in communicating risks to top management. The risk manager task is to identify and assess the risks faced by the company, to communicate these risks to the board of directors and to the *Chief Executive Officer (CEO)*, and to manage those risks. If the reports about risk exposures are too complex or not very clear, then the risk management systems will fail. For example, the Swiss bank UBS, which was very affected during the current financial crisis, tried to explain its subprime and housing exposures in an overly complex way and to the wrong audience [9].

The global financial crisis has clearly demonstrated that the problems of one bank go beyond its structure and its direct counterparties and can spread to the entire financial sector, moreover, they can move from one state to another and go far beyond these countries.

The crisis has shown that the existing systems and national normative acts of the EU countries were not able to effectively manage financial institutions that had difficulties and the banking system was subject to risks that could lead to the bankruptcy of banks [10].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

1. *Management of financial institutions in times of crisis*

In times of crisis, the main task of the EU was to prevent the bankruptcy of banks and other systemic financial institutions, as this could cause significant systemic damage. In November 2008, at the G20 Summit, the leaders of the states decided on the main causes of instability in certain regions of the world [11].

To consolidate the regulation of the financial services market, the EU has come to grips with the creation of the Union of the Capital Market and the European Banking Union in order to create a unified banking supervision system in the EU [12]. It is worth mentioning the post-crisis procedure of de Larosière, which strengthened the role of the European securities and markets authority [13].

In the period from 2008 to 2010 various measures for prevention irregularities in the financial system have been taken by the governments of the EU member states, such as:

- 1) capital injection,
- 2) assistance in relief of problem assets,
- 3) guarantees on liabilities,
- 4) maintaining liquidity.

According to the European Commission, such interventions in the banking sector should never be repeated. Banks should be able to go bankrupt, like any other business, and the government, in turn, should be equipped with the tools that will allow them to prevent systemic damage to the financial sector [14]. It is unacceptable to expose taxpayers to the risks of covering the costs of widespread economic damage. No bank should be too large or too incorporated for a bankruptcy proceedings.

The first reform in times of crisis conditions turned into Directive No 2009/111/EU on capital requirements (Capital Requirements Directive - CRD II) [1]. CRD II strengthens the supervision of cross-border service providers, increases supervision of financial institutions that are limited to only one counterparty, and places increased demands on asset securitization.

Since 2010, the issue of creating a unified legal regulation in the field of preventing the consequences of the bankruptcy of system financial institutions has been discussed. In this regard, in October 2010, the European Commission published a plan for a new structure of crisis management in the financial sector, providing for the creation of a special European crisis management system [15].

2. The EU normative acts on ensuring control over financial institutions

In November 2010 Directive No 2010/76/EU on capital requirements (Capital Requirements Directive — CRD III) was approved, having increased the requirements towards capital for the re-securitization and the assets that banks keep in their trading books (portfolios) [2].

In 2013 a package of measures CRD IV was approved, which consisted of Directive No 2013/36/EU and Regulation No 575/2013, which were implemented in the European legislation of Basel III [3]. The provisions of Basel III offer new capital standards, leverage - the use of borrowed funds to finance the company's activities, which is characterized by the ratio of the borrowed and own capital and liquidity for strengthening the regulation, supervision and risk management in the banking sector [16].

The Institute of International Finance, a 450-member banking trade association located in the United States, protested the implementation of Basel III due to its potential to hurt banks and slow down economic growth. Further, the American Bankers Association and a host of Democrats in the U.S. Congress argued against the implementation of Basel III, saying that it would cripple small U.S. banks by increasing their capital holdings on mortgage and SME loans.

Directive No 2013/36/EU on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms provides for the introduction in the EU countries of the Single Remediation Mechanism of Problem Banks (Single Resolution Mechanism, SRM), the introduction of plans to restore financial stability and measures in case of their restructuring.

In May 2014 Directive EC № 2014/59/EU on establishing a framework for rehabilitation and resolution of the insolvency of credit institutions and investment companies (European Union, 2014) was approved. The Directive supplemented and amended Directive No 2013/36/EU, introduced a general mechanism for bankruptcy procedures of banks and other financial institutions, including large investment companies. The Directive is the completion of a plan to reform the financial sector, in accordance with the agreements G20 [4].

In July 2014 Regulation № 806/2014/EU on the transparency of securities financing operations and the reuse of financial instruments was approved [6]. The Regulation is aimed at increasing the stability and

transparency of the securities market in transactions involving the use of securities and re-using collateral, requirements have been established for participants in such transactions, the failure to comply with which entails the application of measures of responsibility to such participants by the competent authorities of the EU member states.

As the crisis advanced, its effects spilled over from banks to the real economy. The sovereign and banking crises exacerbated each other especially in Europe, shown most clearly by the Greek sovereign crisis in 2009. The European (sovereign) debt crisis, also referred to as the “euro area” or “euro zone” crisis, made apparent the fragility of monetary union under crisis conditions and the lack of macroeconomic tools for effective intervention. The cross-border exposure of some big European Union (EU) banks to sovereign debt in weaker (peripheral) European economies was quite significant in some countries. The main problem, however, was found in the nexus between (domestic) bank risk and sovereign risk [17].

On the one hand, the measures taken helped to stabilize the financial system in many ways, but on the other hand, they led to enormous spending of public finances and disruption of the balance in the domestic banking market. During the 2008 financial crisis as governments around the world spent almost \$1 trillion to rescue their banks from collapse. Despite the lingering effects of the financial crisis in Europe, the continent's banks are still profitable: average return on equity was 6.6% in 2015, according to the International Monetary Fund (IMF), compared to 15.2% in 2006 and 2007.

3. Results of applying measures for controlling financial institutions

In 2014 The European Central Bank (ECB) conducted large-scale stress tests for the 128 largest banks in the eurozone for the first time, 25 of which failed the stress test. Checking the annual balance sheets of these banks revealed a shortage of capital totaling 25 billion euros. Almost half of them increased buffer capital in case of financial crises totaling 15 billion euros, and now there are no complaints about them.

The current stress test of ECB shows that total lending at banks has decreased, and non-repayment of loans continues, particularly in the “PIIGS” countries: Portugal, Italy, Ireland, Greece and Spain. Stress tests conducted by the EBA found that, nearly eight years after the financial crisis began, the continent still harbored at least one bank liable to walk off a cliff in a downturn (Figure 1).

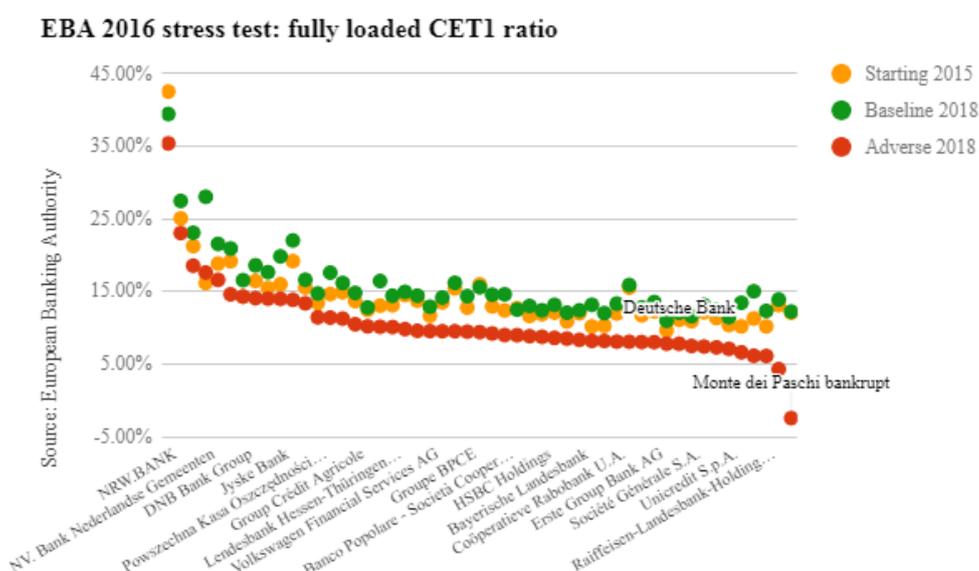

Figure 1: ECB stress test

02 November 2018 EBA published the results of the 2018 EU-wide stress test, which involved 48 banks from 15 EU and EEA countries, covering broadly 70% of total EU banking sector assets. The adverse scenario has an impact of -395 bps on banks' CET1 fully loaded capital ratio (-410 bps on a transitional

basis), leading to a 10.1% CET1 capital ratio at the end of 2020 (10.3% on a transitional basis). The objective of the exercise is to assess, in a consistent way, the resilience of banks to a common set of adverse shocks. The results are an input to the supervisory decision-making process and promote market discipline (Figure 2).

As the central data hub for the entire EU, the EBA published the granular bank results, including detailed information at the starting and end point of the exercise, under both the baseline and the adverse scenarios.

	Starting 2017	Starting 2017 restated	Baseline 2020	Adverse 2020	Delta adverse 2020-2017	Delta adverse 2020 – 2017 restated	Starting Leverage ratio	Leverage Ratio 2020
Transitional CET 1 capital ratio	14.5%	14.4%	15.4%	10.3%	-419 bps	-410 bps	5.4%	4.4%
Fully loaded CET capital 1 ratio	14.2%	14.0%	15.3%	10.1%	-416 bps	-395 bps	5.1%	4.2%

Figure 2: 2018 EU-wide stress test

After the entry of new rules for calculating liquidity of banks and leverage ratios in 2018, a number of French largest banks: BNP Paribas, Societe Generale, Credit Agricole, Credit Mutuel, Groupe BPCE and La Banque Postale - applied to the European Court with a claim against the ECB. Banks disagreed with the ECB's demand not to take into account the target deposits placed in the State Deposit and Consignment Fund when calculating the ratio of borrowed funds and total asset value (Caisse des Dépôts et Consignations, CDC). In addition, the ECB flooded the eurozone financial market with cash to stimulate growth, at the same time charging banks for deposit service charges, which led to the increased tension between banks and the regulator.

The European Union's top court annulled an ECB decision demanding that the six banks set aside capital against special deposits they have with state investment institution CDS [18].

Mohamed El Erian considers that there are consequential post-crisis lessons that haven't been sufficiently internalised; and some that were not foreseen at the time of the crisis but are now urgent and important [19]. A summary scorecard of post-crisis accomplishments, unfinished business and unintended consequences is: 1) A safer banking system; 2) A more robust payments and settlement system; 3) Smarter international cooperation; 4) Still-elusive inclusive growth; 5) Misaligned internal incentives; 6) A scarcity of 'patient' balance sheets; 7) The big got bigger and the small got more complex; 8) Risk has morphed and migrated to underregulated areas; 9) Reduced policy flexibility.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

1. The global financial and economic crisis of 2008 caused the need for fundamental changes in the regulation of issues of preventing crisis phenomena in the banking sector, the securities market and the derivative financial instruments market.
2. Changes in legal acts have strengthened the regulatory role of the EU in preventing the instability of financial markets, many regulatory issues have moved from the national to the supranational level, ensuring the regulation of crisis management of financial institutions in the EU countries.
3. The crisis has had a devastating effect on the financial system and economic performance of EU countries, and its effects are still tangible today.
4. At the end of May 2018, financial stability in the eurozone remains favorable, the profitability of banks has improved, but structural weaknesses remain.
5. The EU is continuing to improve the legal framework and in the near future we can expect the unification of the European financial law.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/ LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. European Union, (2009, September 16). Directive № 2009/111/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009, as regards banks affiliated to central institutions, certain own funds items, large exposures, supervisory arrangements, and crisis management. Retrieved September 16, 2009, from Official Journal of the European Union. Access: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:302:0097:0119:EN:PDF>
2. European Union, (2010, November 24). Directive № 2010/76/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010, as regards capital requirements for the trading book and for re-securitisations, and the supervisory review of remuneration policies. Retrieved November 24, 2010, from Official Journal of the European Union: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32010L0076>
3. European Union, (2013, June 26). Directive №2013/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms. Retrieved 2013, 26 June, from Official Journal of the European Union Access: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:176:0338:0436:EN:PDF>
4. European Union, (2014, May 15). Directive № 2014/59/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 establishing a framework for the recovery and resolution of credit institutions and investment firms. Retrieved May 15, 2014, from Official Journal of the European Union. Access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.173.01.0190.01.ENG&toc=OJ:L:2014:173:TOC
5. European Union, (2013, June 26). Regulation (EU) № 575/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on prudential requirements for credit institutions and invest. Retrieved June 26, 2013, from Official Journal of the European Union: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0575>
6. European Union, (2014, July 15). Regulation (EU) № 806/2014 of the European Parliament and of the Council of 15 July 2014 establishing uniform rules and a uniform procedure for the resolution of credit institutions and certain investment firms in the framework of a Single Resolution Mechanism and a Single Resolution Fund. Retrieved July 15, 2014, from Official Journal of the European Union. Access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex%3A32014R0806>
7. Laeven L. and Fabian V. Systemic Banking Crises: a New Database // IMF Working Paper. № 08/224, PP. 1-78. (2008).
8. Portes R. (1998, October 8-10). "An Analysis of Financial Crisis: Lessons for the International Financial System", IMF Conference Chicago (1998).
9. Stulz R. (March 2009), Six Ways Companies Mismanage Risk, Harvard Business Review, PP. 86-94.
10. Fleming M.J., Sarkar A. The Failure Resolution of Lehman Brothers // FRBNY Economic Policy Review. P. 198. (2015).
11. G20 Information Center. (2008, November 15). Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. Access: <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008declaration1115.html>
12. The European Commission. (2014, April 15). Bank Recovery and Resolution Directive (BRRD): Frequently Asked Questions, Memo 14/297. P.3.
13. The de Larosière Group. Report on 2009, February 25. Access: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/de_larosiere_report_en.pdf
14. Garcia G.G.H., Nieto M.J. Banking crisis management in the European Union: Multiple regulators and resolution authorities // Journal of Banking Regulation. № 6, P. 206–226. (2010)
15. The European Commission. (Msrch, 2010). Discussion paper on the debt write-down tool–bail-in. Access: http://ec.europa.eu/internal_market/bank/docs/crisis-management/discussion_paper_bail_in_en.pdf
16. Bank of International Settlements. (2017, December 07). Basel III: international regulatory framework for banks. Access: <https://www.bis.org/bcbs/basel3.htm>

17. Blundell-Wignall A., Solving the Financial and Sovereign Debt Crisis in Europe // OECD Journal: Financial Market Trends (2011) – issue 2
18. General Court of the European Union. Judgments in Cases T-733/16 Banque Postale v ECB, T-745/16 BPCE v ECB, T-751/16 Confédération nationale du Crédit mutuel v ECB, T-757/16 Société générale v ECB, T-758/16 Crédit agricole v ECB and T-768/16 BNP Paribas v ECB. Access: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2018-07/cp180110en.pdf> (2018, July 13).
19. El Erian M. (2018, September 13). Nine lessons from the global financial crisis // *The Bloomberg*. Access: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-09-13/financial-crisis-10-years-later-the-system-still-needs-change>

Legal regulations of a referendum held by the President of Republic of Poland

Bożena Dziemidok –Olszewska, prof. dr hab.,

Faculty of Political Science, Uniwersity Maria Curie – Skłodowska,

Lublin, Poland

bozena.dziemidok-olszewska@poczta.umcs.lublin.pl

Marta Michalczuk – Wlizo, dr,

Faculty of Political Science, Uniwersity Maria Curie – Skłodowska,

Lublin, Poland

marta.michalczuk-wlizlo@poczta.umcs.lublin.pl

ABSTRACT

The aim of the present paper is to analyze the legal basis of the referendum ordered by the President in Poland and demonstrate how this institution is utilized in political practice. The article assumes and proves that the fundamental condition for ordering of referendum by the President, both in legal and political terms, is the consent of the Senate. In the end this consent is determined by the distribution of political forces in the chamber. Furthermore, a thesis was adopted on the political character of presidential initiatives regarding the ordering of referenda.

Key words: Poland, President, referendum, Senate

АННОТАЦИЯ

В статье проанализируем законодательные основы проведения референдума в Польше по назначению президента и использование этого института в политической практике. В статье заложено и доказано, что фундаментальным юридическим и политическим условием для президента имеющего право назначения референдума является согласие Сената. В конечном итоге это согласие зависит от раскладки политических сил в верхней палате парламента. Кроме того, закладываем гипотезу о политическом характере инициативы президента в вопросе назначения референдума.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

The aim of the present paper is to analyze the legal basis of the referendum ordered by the President in Poland and demonstrate how this institution is utilized in political practice. The main subjects of our analysis are the issues related to the procedure of ordering a referendum by the President. The main research question concerns the most important legal and political conditions of the referendum ordered by the President of the Republic of Poland. The basic hypothesis assumes that the fundamental condition, both in the legal and political dimension, is the consent of the Senate. The present article utilizes mainly the institutional-legal method, that allowed us to conduct an analysis of legal regulations, supplemented by factor analysis (impact force study) and observation.

Legal regulations

Constitution of the Republic of Poland of 2 April 1997 [1] in art. 125 sections 1 and 2 thereof provides that in matters of special significance for the state, the President of the Republic has the right to order a nationwide referendum, with the consent of the Senate which will be expressed by an absolute majority of votes in the presence of at least half of the statutory number of senators. The detailed procedure for ordering a referendum by the President was specified in the act on the nationwide referendum [2] and specified in art. 86-89 of the Senate Regulations (Section X Proceedings regarding referenda) [3].

Pursuant to art. 64 of the Act on the nationwide referendum, the President of the Republic shall submit the draft resolution ordering the referendum to the Senate and ask the chamber to grant its consent. The draft contains the content of the questions or options in the matter subjected to the referendum and its proposed date. The Senate, within 14 days from the day of receiving the draft resolution from the President of the Republic, adopts a resolution regarding its consent to order a referendum. A Sejm vote or resolution of the President of the Republic on the ordering of a referendum shall contain: 1) an indication of the legal basis for ordering the referendum; 2) the content of questions or options subjected to the referendum; 3) the date of the referendum; 4) calendar of activities related to the holding of the referendum (art. 65 s. 1).

The Senate Regulations, apart from the repetition of statutory regulations (regarding the deadlines and the majority necessary to pass the resolution), contain specific provisions, granting the Speaker of the Senate the power to ask the President for the justification for the draft resolution (art. 87) and refer the project to the relevant Senate committees, which will present their opinion regarding that project to the Senate (art. 88) [3]. The Speaker of the Senate may ask the President to present the justification for the draft resolution on the referendum, including: identification of the need and aim for ordering of the referendum, explanation of the questions and options in the referendum, presentation of the expected social, economic, financial and legal consequences of the case under the referendum (art. 87). It should be assumed that the Speaker of the Senate has the right to apply to the President for justification both when the draft resolution did not come with it, and when the Speaker decides that it has some deficiencies (does not contain one or more information specified in the Regulations).

The consent of the Senate is an indispensable element of the procedure, disagreement or non-approval in the case results in the impossibility of ordering a referendum by the President. The need for Senate's approval for referendum is justified by the necessity to control the legitimacy and legality of the ordered referenda, and above all, by the right of the parliament to protect its own rights against limitations imposed. The Constitution in art. 4 s. 1 states that "the Nation exercises its power through its representatives or directly", thus giving priority to representative democracy and making the institutions of direct democracy, including the referendum, auxiliary to that [12, 298]. Thus, in the Constitution a national referendum has a "complementary character to the activity of representative organs - the Sejm and the Senate" [6, 4], and it shall not limit the foremost position of the parliament.

The Senate's consent for the referendum ordered by the President rests solely on the approval or refusal to approve the draft resolution of the President, the Senate has no right to interfere with the content of the questions or change them [10, 251-2]. The decision on granting consent is taken by the Senate guided by formal (e.g. correct wording of questions), and substantive (e.g. the effects of the decision made in the referendum) premises, thus it holds a wide range of options. In addition, the political nature of the Senate's decision, resulting from the will of the Senate majority and the party affiliation of senators, should be taken into consideration.

The Senate's consent must be given explicitly in the form of a "resolution regarding the consent", adopted by an absolute majority of votes in the presence of at least half of the statutory number of senators,

i.e. by a qualified majority of votes and with appropriate quorum. The resolution may be positive (consent) or negative (lack of consent).

Regarding the subject of the referendum, the Constitution and the act use the term "matter of special importance for the state". While the notion is not defined in the acts of law, it is widely accepted in the doctrine of constitutional law that the subject presented to the referendum must be valid, relevant, applicable to all citizens and the entire state, and having a direct connection with interests of the whole state [6, 5]. In the 2003 ruling, the Constitutional Tribunal stated that it was an individual, important matter of nationwide significance, which is of interest to citizens (society) (ruling of 27 May 2003, Ref. K 11/03, item 2.2). Despite the definition of the criteria of "special importance for the state" in the doctrine, one can not completely rule out the subjective element, i.e. the evaluation made by the institution initiating the referendum. These entities, namely the Sejm or the President, but also the Senate expressing its consent, ultimately decide, which issue is being taken to the referendum, and thus they take responsibility for submitting a specific problem to the popular vote.

The referendum question should be formulated in a plain, clear, unambiguous way that would be understandable for a person with average level of education, and it should allow for a positive or negative answer (yes/no) letting the citizens express their will [11, 274; 13, 190]. The law does not provide for limiting the number or variety of matters submitted to the referendum. Therefore several questions on different, unrelated subjects, can be asked in a single referendum.

A referendum can not be equated with taking any legal act, "the role of a referendum is to decide on the direction of state decisions, but not to replace state bodies in making specific decisions" [6, 6-7]. It is not possible to pass an act in a referendum. "The Constitution of the Republic of Poland gives no basis (...) to adopt any ordinary statute in the referendum" [9, 63], and by establishing, in art. 120, the principle of parliamentary legislative exclusivity, it rules out the possibility of the so-called referendal acts, i.e. passing a bill by means of a referendum.

Because, as L. Garlicki stated, "the "resolution" of a nationwide referendum always must be translated into the language of laws or other acts taken by state bodies" [6, 13]. The political decision made by citizens through a referendum must therefore be coined into a legal decision, usually passed by the parliament. At the same time, the political decision of the citizens makes it indispensable for state bodies to take action to pass the law. The binding result of the referendum entails, as P. Winczorek put it, "the obligation to bring about the adoption of an act with the content determined by its outcome. Thus, the draft of a relevant act of law should be submitted" [11, 273].

The referendum is to be consistent with the Constitution, the duty to supervise this rests with the governing bodies. As stated by L. Garlicki - "there is no doubt that the Senate would have to refuse permission for the president to order a referendum if it could lead to a decision incompatible with the Constitution" [6, 10].

The subject of a referendum ordered pursuant to art. 125 of the Constitution may not be the amendment of the constitution itself. Such a change may only take place only in the procedure provided for in art. 235 of the Constitution, and not on the occasion of a referendum ordered by the Sejm or the President with the consent of the Senate. The change of the Constitution in the procedure of art. 125 is excluded by art. 235, establishing a procedure for the amendment of the Constitution, where an approval referendum takes place, but it is conducted in a manner different from that of art. 125 (when the change concerns the regulation of chapters I II or XII, the initiating bodies are entities having the right of initiative to change the Constitution, after the change is passed by the parliament and in the dates provided for by it the vote is decided by the majority of voters - but there is no minimum turnout requirement). Such a change is also excluded by art. 78 s. 1 of the Act on the nationwide referendum, which contains template for the question in a referendum carried out pursuant to art. 235 s. 6 of the Constitution as starting with the words: "Are you in favor of the amendment to the Constitution of the Republic of Poland of 2 April 1997, as introduced by the act of ... (the title of the act)?"

Summing up the roles of President and Senate in the procedure of referendum order by the President, we can quote L. Garlicki's statement that "President sets the full wording of the referendum resolution, and has the exclusive authority to choose the matter of special importance for the state, to formulate the question and set the date, the role of Senate is limited to expression of its consent, i.e. the adoption of a resolution accepting or rejecting the referendum at the time, and in the form specified by the President [6, 4].

Political practice

So far, only one referendum was ordered in 2015 by President B. Komorowski pursuant to the Constitution of 2 April 1997. President A. Duda put forward an initiative to order a referendum twice - in 2015 and 2018, but he failed to get Senate's consent.

During the presidential and parliamentary elections of 2015, the institution of referendum became part of the electoral campaigns and political game of the main parties [7; 8, 99]. On 11 May 2015, i.e. the day after losing the first round of presidential elections, President B. Komorowski announced ordering a referendum regarding single-member constituencies, changes in the financing system of political parties and in the tax system. This proposal was justified by the need to listen to voters, reading the high support for P. Kukiz as the voters' expectation of a referendum. The crucial issue behind this referendum was that the very constitutionality of the single-member constituencies was questioned. Some constitutional law specialists considered the referendum to be unconstitutional because there were issues covered that did lay outside the constitutional delegation. The referendum was held on 6 September 2015 and despite a positive answer to the President's questions (approx. 80 percent of voters were in favour of it) it was deemed and unsuccessful and catastrophic, due to the extremely low turnout (7.8 percent of those entitled to vote) forming the ultimate defeat of President B. Komorowski.

After winning the presidential elections in August 2015, A. Duda proposed a referendum on: reducing the retirement age, abolishing the school obligation of six-year-olds and functioning of state forests. The Senate, where the Civic Platform - i.e. party opposing the president - held the vast majority, did not grant its consent for this referendum in its resolution adopted on 4 September.

In May 2017 President Andrzej Duda took the initiative to hold a referendum on changes to the Constitution. This referendum was to be "understood as the opening of a serious debate and indicating what changes the society expects, and what the parliamentarians and experts should focus their attention on while working on the draft Constitution" [4]. After a campaign, in July 2018, the President submitted the draft resolution [5], where he presented 10 questions regarding, among others, the system of power, elections to the Sejm, social issues. On 25 July the Senate of the Republic of Poland did not consent for the President of the Republic of Poland to order a nationwide referendum on changes to the Constitution of the Republic of Poland (with 52 senators abstaining). Senators of Law and Justice (the party favorable to the president) did not support the proposal, due to the fear of low turnout and unfortunate timing (11 November - the 100th anniversary of independence). We should consider the President's a political game with the ruling right-wing camp, the aim of which was to mark an individual and relatively independent position. It can also be seen as President's attempt to find a momentous political topic for himself.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

The article proves that the procedure deciding on the ordering of the referendum by the President, both legally and realistically, is the consent of the Senate. The fundamentality of the Senate's consent manifests itself mainly in the practical implementation of the procedure for referendum ordered by the President. The Senate granting its consent or not, decides on the continuation or closure of the President's initiative. Despite the legally defined requirements and clear position of the doctrine, the Senate's consent may have political character, as it did in 2015. Therefore, it can be argued that the consent of the Senate is, in the end, determined rather by the arrangement of political forces than the substantive nature of the President's application.

In the light of political practice other procedures and requirements, including questions of constitutionality, seem secondary. Both in 2015 and in 2018, the constitutionality of the questions and, consequently, the referenda was questioned, but this was not what decided about the conduction of these referenda. What is characteristic is that the opinions of experts - constitutionalists were very varied in this matter, and thus there were significant discrepancies in the interpretation of legal provisions.

The characteristic feature of the practice of the presidential referendum in Poland was its unambiguously political character, and the referenda were used as a tool for obtaining votes of the electorate. All presidential initiatives were closely related to the political situation and their goal was to gain public support.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

Acts of law

- [1] Constitution of the Republic of Poland of 2 April 1997 (Journal of Laws "Dz. U." 1997 No. 78, item. 483)
- [2] Act of 14 March 2003 on nationwide referendum (full text - Dz. U. 2015, item 318)
- [3] Resolution of the Senate of the Republic of Poland of 23 November 1990 – The Senate Regulations, Monitor Polski, 26 August 2016, item 824.

Webpages (Accessed on: 11 December 2018)

- [4] www.prezydent.pl/kancelaria/referendumkonsultacyjne/
- [5] http://www.prezydent.pl/gfx/prezydent/userfiles3/files/2018_referendum/projekt_postanowienia.pdf

Literature

- [6] Garlicki L., *Komentarz do art. 125 Konstytucji* [in:] *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz*, red. L. Garlicki, Warszawa 2000
- [7] Kuzelewska E. Do the Poles Influence the Decision-Making Process by Applying Direct Democracy Instruments?, "ANNALES UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA LUBLIN – POLONIA SECTIO M" 2016, nr 1-2.
- [8] Podolak M., *Instytucja referendum w kampaniach wyborczych 2015*, [in:] *Wybory prezydenckie i parlamentarne w Polsce w 2015 roku: podobieństwa, różnice i wzajemne oddziaływanie*, red. M. Brzezińska, M. Jarentowski, P. Matuszewski, Warszawa 2016
- [9] Sokolewicz W., *Komentarz do art. 235 Konstytucji* [in:] *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz*, red. L. Garlicki, Warszawa 2000
- [10] Szmyt A., *Zgoda Senatu na referendum zarządzane przez Prezydenta*, [in:] *Studia nad prawem konstytucyjnym*, red. J. Trzciniński, B. Banaszak (*Acta Universitatis Wratislaviensis, Prawo*, tom 257), Wrocław 1997
- [11] Winczorek P., *Komentarz do Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r.*, Warszawa 2008
- [12] Uziębło P., *Konstrukcja instytucji demokracji bezpośredniej w Konstytucji RP na tle współczesnych rozwiązań ustrojowych*, "Gdańskie Studia Prawnicze", v. XII, Gdańsk 2004
- [13] Uziębło P., *Pytania referendalne*, [in:] *Leksykon prawa wyborczego i referendalnego oraz systemów wyborczych*, red. A. Sokala, B. Michalak, P. Uziębło, Warszawa 2013

Трансформационные процессы в сфере высшего образования в условиях глобализации

проф., д.ю.н., Ольга Евгеньевна Финогентова,

к.ю.н., Наталья Алексеева, Россия

ФГАОУ ВО «БФУ им. И. Канта»

finogentovaoe@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме трансформационных процессов в сфере высшего образования в условиях интеграции и глобализации. Дается анализ использования терминов «эквивалентность», «нострификация» и «признание» в национальных и европейских документах. Делается вывод о необходимости совершенствования процедур экспертной оценки иностранных документов.

Ключевые слова: Болонский процесс, Лиссабонская конвенция, нострификация, признание, трансформационные процессы, эквивалентность.

ABSTRACT

This article discusses the immediate problem of transformation processes in the field of higher education in the context of integration and globalization. The article presents the analysis of the usage of the term's "equivalence", "nostrification" and "recognition procedures" in national and European documents. The conclusion is made about the need to improve the procedures for expert evaluation of foreign documents.

Key words: Bologna process, Lisbon convention, nostrification, recognition procedures, transformation processes, equivalence.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Начало XXI века ставит перед государствами новые амбициозные задачи, которые связаны с происходящими процессами глобализации и интеграции. Развитие инновационных технологий требует новых подходов к системе образования, основной задачей которого становится максимальное развитие интеллектуального потенциала личности. В данной статье рассматриваются изменения, происходящие в сфере высшего образования, определяются векторы развития высшей школой в современных условиях, обозначена одна из проблем, связанных с академической мобильностью - признание иностранных документов об образовании.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

В настоящее время основным фактором экономического роста государств выступает качество человеческого капитала (трудовых ресурсов) и умение государства его использовать. Качественное образование как главная составляющая человеческого капитала является основополагающим элементом конкурентоспособности и устойчивого развития страны. В индекс развития человеческого капитала (HDI), который определяет Организация Объединенных наций, высшее образование входит с весом 1/6 и измеряется коэффициентом охвата высшим образованием молодежи в соответствующем возрасте. Это делает сферу образования важнейшим институтом социальной политики современных государств.

Для дальнейшего успешного и динамичного развития Российского государства, укрепления его места на мировой арене, усиления его конкурентоспособности необходима всесторонняя и глубокая трансформация системы образования, которая должна обеспечить формирование личности с новым открытым мышлением, умеющей быстро адаптироваться к динамично меняющемуся миру.

Создание образовательного пространства, которое отвечает этим задачам – настоятельная необходимость, во многом определяющая дальнейшие формы существования Российской Федерации.

Процессы трансформации российского образования тесно связаны с его интернационализацией и интеграцией в мировое образовательное пространство. В связи с участием Российской Федерации в международном образовательном сотрудничестве, особенно в рамках интеграционных мероприятий Болонского процесса, а также вследствие возрастающего значения экспорта образовательных услуг все большее внимание уделяется проблемам совершенствования процедур экспертной оценки и признания документов об образовании зарубежных стран.

В настоящее время в университетах России обучается более 100 тысяч иностранных учащихся. Кандидаты на обучение представляют документы о предшествующем образовании, полученные в образовательных учреждениях иностранных государств. Для вынесения решения о возможности и об условиях их дальнейшего обучения в Российской Федерации необходимо принятие решения о признании представляемых ими документов об образовании и установлении эквивалентности российским документам.

Примерно половина иностранных учащихся приезжает в Россию из развивающихся стран и стран с переходной экономикой, системы образования которых созданы и развиваются по моделям ряда европейских стран и США. Особенно это касается квалификационных уровней, систем аттестации и номенклатуры выпускных документов, которые стремительно меняются в настоящее время в ходе интенсивных интеграционных процессов по формированию единого Европейского пространства высшего образования. Многие страны, не относящиеся к региону Европы, заинтересовано отслеживают происходящие изменения и вносят определенные коррективы в национальные системы образования в соответствии с основными направлениями преобразований, осуществляемыми в ходе Болонского процесса.

Что касается образовательного взаимодействия государств-участников СНГ и стран Балтии, то наиболее существенным фактором является интенсивная академическая и профессиональная мобильность граждан этих стран внутри региона. Основной поток этой мобильности (десятки тысяч ежегодно) ориентирован на Российскую Федерацию. Образовательные учреждения, а также учреждения и предприятия других секторов социально-экономической сферы ежегодно принимают тысячи граждан из стран СНГ и Балтии, прибывающих в Россию с целью продолжения обучения или трудоустройства. Для значительной части этих граждан первоочередной задачей становится признание в Российской Федерации имеющихся у них документов об образовании в соответствии с уровнем и направлением (специальностью) полученной подготовки.

Несмотря на наличие межгосударственных соглашений о взаимном признании документов об образовании с большинством стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также нормативных актов, подписанных и принятых в последний период Министерством науки и высшего образования и Рособрнадзором в целях упрощения и облегчения действующей процедуры признания в отношении массовых категорий граждан из стран СНГ (в частности, обладателей аттестатов о среднем (полном) общем образовании, а также для обладателей квалификаций о высшем и послевузовском профессиональном образовании, подпадающих под действие соглашений о взаимном признании документов об образовании между РФ и другими странами СНГ), решение задачи признания иностранных образовательных документов на практике сопряжено со значительными трудностями. Это обусловлено двумя основными причинами.

Во-первых, в системах образования зарубежных стран происходят быстрые изменения, приводящие к появлению новых уровней профессионального образования и соответствующих им

квалификаций и дипломов.

Во-вторых, ощущается недостаток актуальной и достоверной информации о реально существующих структурах уровней и квалификаций в ряде зарубежных стран и, как следствие, отсутствие обоснованных рекомендаций по методике экспертной оценки иностранных документов об образовании и по механизму их признания.

В связи с непрерывно осуществляемой модернизацией российского образования происходит коррекция существующих уровней профессионального образования, вводятся новые образовательные стандарты, меняются перечни направлений подготовки и специальностей. Все эти изменения надлежащим образом отражаются в образовательных программах и в конечных продуктах их реализации – в присваиваемых квалификациях, документированным выражением которых являются соответствующие образовательные документы.

В настоящее время количество иностранных студентов в России на начало 2017 года достигло 260 тыс.[5], что требует приложения огромных организационных усилий и расходования значительных материальных ресурсов для обеспечения их подготовки. Эффективность затрачиваемых усилий и ресурсов и сама перспектива увеличения экспорта образовательных услуг находятся в непосредственной зависимости от того, получают ли полноценное признание за рубежом российские дипломы, полученные иностранными гражданами в наших вузах.

Общеизвестно, что имеется очевидный разрыв между существующей в Российской Федерации нормативно-правовой базой признания иностранных квалификаций и реальной практикой осуществления признания и установления эквивалентности. Всё более ощущается потребность в устранении этого разрыва на всех уровнях, и проводимая в настоящее время Рособрнадзором работа по созданию новых Регламентов в области признания квалификаций свидетельствует о серьёзном продвижении в нужном направлении. Наиболее ответственным и трудоёмким этапом в процессе осуществления признания и установления эквивалентности является экспертная оценка (экспертиза) документов об образовании. Поэтому отработка и введение в повседневную практику оптимальных процедур экспертной оценки, соответствующих нормам международного права, учитывающих положительный опыт других стран, является актуальной задачей.

В Лиссабонской конвенции от 11 апреля 1997 г. «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе» закреплено, что признание одним государством квалификации высшего образования, выданной в одном из других государств, влечет за собой следующие юридические последствия, а именно: доступ к дальнейшему обучению в системе высшего образования, включая соответствующие экзамены, и/или к подготовке по программам, ведущим к получению ученой степени на условиях, аналогичных тем, которые применяются к обладателям квалификации того государства, в которой запрашивается признание, использование ученой степени в соответствии с законами и правилами государства или под его юрисдикцией, где запрашивается признание [1].

Проблемным вопросом осуществления процедур признания является несогласованность терминологии в национальных и европейских документах, что порождает путаницу в понимании содержания и реализации государственной услуги признания. Нормативно-правовую базу по вопросам взаимного признания образовательных документов составляют нормы Лиссабонской конвенции, национального законодательства и двусторонних или многосторонних соглашений о признании.

Лиссабонская конвенция и дополнительные юридические документы, принятые для её исполнения, не предусматривают использование терминов «нострификация» и «эквивалентность». Таким образом, данные термины происходят из практики признания, в которой широко использовались несколько десятилетий назад. Так, в национальных законодательствах некоторых стран-участниц используется устаревшая терминология, обозначающая устаревшие процедуры. Сейчас допускается использование данных терминов на национальном уровне при условии, что их содержание является тождественным термину «признание».

В международном контексте термины «нострификация» и «эквивалентность» имеют разное содержательное наполнение процедур оценки, которые указывают на более сильное требование сходства иностранных квалификаций и требуют различных условий применения. Если в европейском законодательстве термины «установления эквивалентности» и «признание иностранной квалификации» разграничиваются и подчеркивается их разница, то в российском законодательстве они употребляются синонимично.

В российской научной доктрине и нормативно-правовых актах для обозначения административной процедуры предоставления государственной услуги признания иностранных документов об образовании и образовательно-профессиональных степенях используются термины «эквивалентность», «нострификация» и «признание».

Нострификация (от лат. *Noster* – наш, *facere* – делать) – это процедура признания иностранных документов об образовании, которая осуществляется путем установления соответствия академических, профессиональных прав и образовательных, образовательно-квалификационных уровней иностранных документов об образовании (квалификации) государственным стандартам образования страны подачи документов с целью обеспечения прав граждан, получивших образование в иностранных государствах, на продолжение образования и профессиональную деятельность в стране представлении, и осуществляется в индивидуальном порядке [4].

Так, нострификация означает признание полной идентичности иностранной квалификации во всех ее аспектах, которое связано с концепцией распознавания полной идентичности иностранной квалификации. Конечным результатом процедуры нострификации является утверждение квалификации, соответствующей принимающей страны или разрешения использования названия этой квалификации. По нашему мнению, процедура нострификации применяется к профессиям, порядок доступа к профессиональной деятельности которых определяется национальным законодательством и требует специальных разрешений (например, медицинский работник, преподаватель, юрист, психолог и т.д.).

Эквивалентность более поздний термин, обозначающий несколько более мягкую процедуру, чем процедура нострификации.

В экономических словарях термин «эквивалентность» происходит от лат. *aequivalens* – равносильный, равнозначный, и употребляется для обозначения возможных отношений типа равенства, то есть отношение, которым свойственны рефлексивность, симметричность, транзитивность [2].

В юридических словарях эквивалентность определяется как достаточность различных результатов оценки соответствия для обеспечения одного и того же уровня подтверждения соответствия в отношении одних и тех же установленных требований [3].

То есть эквивалентность характеризуется степенью смысловой общности, соотношением между отечественными и зарубежными учебными программами, учебными планами и перечнями изученных дисциплин.

Таким образом, можно классифицировать процедуры признания иностранных квалификаций по критерию требования степени схожести на: нострификацию и установление эквивалентности. Так, для нострификации характерно требование более сильной степени сходства, по сути полной идентичности квалификации. В отличие от нострификации, установление эквивалентности осуществляется путем детального сравнительного анализа и предусматривает объем допустимых различий, то есть соответствует меньшей степени сходства.

В пояснительной записке к Лиссабонской конвенции отмечается, что термин «эквивалентность» связан с устаревшими принципами и методологией, где основное внимание при оценке иностранных квалификаций уделялось подробному сопоставлению учебных программ и списков изученных дисциплин («эквивалентности»). Таким образом, с принятием Лиссабонской конвенции процесс оценки стал сводиться к более широкому сравнению квалификаций («признание») [1].

В этом контексте в европейском законодательстве для обозначения процедуры признания документов об образовании стал использоваться термин «recognition procedures» - «признание».

Признание – формальное подтверждение компетентным органом значимости иностранной образовательной квалификации в целях доступа к обучению и (или) осуществления профессиональной деятельности. «Формальное подтверждение» в контексте этого международного документа не означает формальность самой процедуры. Признание повышает шансы профессиональной мобильности для выпускников и представляет определенную меру достигнутой степени сближения и доверия. На уровне Европейского Союза не существует единых требований к профессиональному признанию дипломов, а в каждой стране регулируется самим рынком труда и выполняются работодателями.

Итак, терминологическое разнообразие позволяет сделать вывод, что признание иностранных квалификаций даже в странах Европейского Союза не является автоматическим, а представляет собой результат применения определенных процедур. Процедура признания иностранных квалификаций в странах ЕС не является унифицированной и однозначной. Ее характер и ответственные органы исполнения зависят от типа документа об образовании, страны его происхождения и цели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Резюмирую вышеизложенное, отметим, что необходимо с учетом положительного опыта других стран выработать и ввести оптимальные процедуры экспертной оценки и признания иностранных документов, соответствующих международным нормам и европейским стандартам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (ETS 165) (заключена в г. Лиссабоне 11.04.1997 г.) // <http://www.consultant.ru> // (Дата обращения: 29.05.2018 г.).
2. Кошель П.А. Экономический словарь-справочник: экономика, внешняя торговля, выставки. М., 2012. 286 с.
3. Масликов И.С. Юридический словарь. М.: Дашков и К, 2017. 374 с.
4. Признание документов об образовании (нострификация) // http://old.obrnadzor.gov.ru/ru/activity/main_directions/recognition_of_documents/ (Дата обращения: 11.02.2018 г.)
5. Статистика Российского образования. Численность иностранных студентов в вузах РФ на 2017 год. // <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (Дата обращения: 15.02.2018 г.).

Личный обыск задержанного по подозрению в совершении преступления: проблемы теории, нормативного регулирования и практики производства

Марис Габранс, Mg. iur.,

доцент программы «Юридическая наука»

Даугавпилсского филиала Балтийской Международной Академии

marisgabrans@inbox.lv

АННОТАЦИЯ

В статье предпринимается попытка исследования теоретических и практических проблем личного обыска, осуществляемого при задержании лица по подозрению в совершении преступления, с целью показать, что в теории и на практике применения обыска задержанного лица имеются некоторые проблемные вопросы, которые недостаточно регламентированы или не точны, что требует их более глубокий анализ.

Ключевые слова: задержание; личный обыск; следственные действия.

ABSTRACT

The article makes an attempt to study theoretical, legal and practical problems of a personal search while detaining a person on suspicion of committing a crime, with the aim of demonstrating that there are some issues that are not sufficiently regulated or inaccurate and require in-depth analysis of the personal search of a detainee.

Keywords: detention; personal search; investigative actions.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Основная цель исследования состоит в анализе норм Уголовно-процессуального закона (в дальнейшем – УПЗ) регламентирующих производство обыска задержанного лица по подозрению в совершении преступного деяния. На основе данного анализа выявить проблемы теоретического и практического характера, выдвинуть конкретные предложения по совершенствованию правового регулирования при соблюдении частных и публичных интересов.

В процессе работы применялись методы: сравнительно-правовой, логический, системный, а также социологический, включающий анализ документов.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Личный обыск – это следственное действие, которое может быть произведено при наличии достаточных оснований полагать, что имеющие значение для уголовного процесса предметы или документы находятся в одежде какого-либо человека, в имеющихся при нем вещах, на его теле или в открытых углублениях тела. Личный обыск может производиться только должностным лицом того же пола с приглашением при необходимости медицинского лица независимо от пола.

В практической работе личный обыск задержанного имеет огромное доказательственное значение, что подтверждается материалами следственной и судебной практики.

Вместе с тем анализ специальной литературы позволяет констатировать достаточно слабый научный интерес к проблемам личного обыска при задержании подозреваемого. В криминалистических публикациях исследуются отдельные тактические приемы и рекомендации по производству этого следственного действия, а также особенности фиксации его хода и результатов.

Возможность производства личного обыска задержанного и его процессуальные особенности вытекают из части второй статьи 183 и части второй статьи 265 УПК «при наличии основания полагать, что у задерживаемого лица имеется оружие или что оно может уничтожить, выбросить или спрятать имеющееся у него доказательство, должностное лицо, производящее задержание, при соблюдении положений части второй статьи 183 настоящего Закона может произвести обыск задерживаемого с указанием этого в протоколе задержания лица».[1]

На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, поскольку ни в теории, ни в нормативном регулировании, ни в практике производства личного обыска вроде бы нет никаких ощутимых проблем. [7, 128]

Однако, по нашему мнению, вопросы производства личного обыска имеют определенные аспекты, требующие актуализации дискуссий.

Так, УПК предусматривает, что, для производства личного обыска требуется постановление. Практика применения обыска после задержания показывает, что обыск происходит в неотложном порядке ввиду необходимости изъятия у лица оружия или имеющиеся доказательств, которые лицо может уничтожить, выбросить или спрятать.

При этом особенностям гендерной идентичности лица при производстве личного обыска не уделяется должного внимания, хотя данный вопрос может достаточно глубоко затронуть как нормативное регулирование, так и практику применения личного обыска.

Следует отметить, что пол человека, как правило, определяется при рождении и становится с этого момента социальным и юридическим фактом. Однако у относительно небольшого числа людей возникают проблемы в связи с принадлежностью к тому полу, который был зарегистрирован при их рождении. Это может быть проблемой и для интерсексуальных людей (интерсексуалов), тела которых включают одновременно аспекты все мужской и женской физиологии либо некоторые из них, а иногда это также отражается и в анатомии их половых органов.[2, 3] К примеру, синдром андрогенной нечувствительности, являющийся генетической особенностью, и подразумевает, что мужской организм с Y-хромосомой развивается по женскому типу, в итоге у человека присутствуют признаки обоих полов. Эта патология встречается достаточно редко, примерно 1 раз на 50 000 человек. [3, 19-24]

У других людей возникают проблемы в связи с тем, что их внутреннее восприятие самих себя не соответствует тому полу, который им определен при рождении. Этим людей называют "трансгендерами" или "транссексуалами". [2, 3]

И хотя количество трансгендеров невелико, следует отметить, что сообщество трансгендеров весьма разнообразно. Оно включает лиц до и после операционного вмешательства, а также лиц, которые предпочитают не делать операцию или не имеют доступа к операциям. Они могут определять себя как транс-мужчин (*female-to-male, FtM*) или транс-женщин (*male-to-female, MtF*), причем они могут подвергаться хирургическому вмешательству или гормональной терапии, или не проходить этого. Данное сообщество включает также кроссдрессеров, трансвеститов и других людей, которые не попадают под узкие категории "мужчины" или "женщины". [2, 3]

В свою очередь, нарушение равенства прав и равенства возможностей людей по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности не имеющее разумного обоснования [5, 169], является дискриминацией по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности (Джохьякартские принципы, [6] опубликованные в 2007 году).

И хотя эти принципы не были приняты в качестве международного стандарта, они часто приводятся в органах ООН, национальных судах, а многие правительства сделали их руководящим инструментом для разработки своей политики в данной области. [2, 7]

К примеру, Канадская Федеральная тюремная система изменила свою политику по отношению к заключенным трансгендерам, это означает, что трансгендеры теперь также смогут выбирать себе мужчин или женщин-офицеров для проведения обыска, взятия анализа мочи и наблюдения за камерами. Эти изменения включают конфиденциальность гендерной идентичности заключенного, которая может быть озвучена только в том случае, если это уместно, и только с теми, кто непосредственно участвует в уходе за заключенными. [4]

Тенденция развития международных правовых норм о недопущении дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, указывает о необходимости активизировать в латвийском научном сообществе дискуссии о праве любого лица, имеющее право на защиту, заявить о недопущении дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Исходя из вышесказанного необходимо рассмотреть вопрос дополнения как норм регламентирующих уголовно-процессуальное задержания, так и норм регламентирующих административный досмотр, о возможности сообщения лицом, о своем праве на особое обхождение и тем самым на недопущение дискриминации по сексуальной ориентации или гендерной идентичности, в случае задержания и обыска (досмотра) нетерпящего отлагательства, для того чтобы данные действия либо проводились лицом, с гендерной принадлежностью к которому себя ассоциирует обыскиваемый, либо проводилось медицинским лицом независимо от пола.

В этой связи, УПЗ в пункте 6 части 3¹ статьи 60², предоставляющий подозреваемому и обвиняемому несовершеннолетнему лицу право на особое обхождение в период применения к нему меры процессуального принуждения, связанного с лишением свободы, должно включать в себя, в том числе право на недопущение дискриминации по сексуальной ориентации или гендерной идентичности и должно относиться не только к несовершеннолетним лицам, поэтому право на особое обхождение следует перенести в части 1 статьи 60² УПЗ.

Также, по нашему мнению, следует изменить часть 2 статьи 183 УПЗ, где указать, что личный обыск может производиться только должностным лицом с гендерной принадлежностью к которому себя ассоциирует обыскиваемое лицо либо при необходимости с приглашением медицинского лица независимо от пола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Kriminālprocesa likums ("LV", 74 (3232), 11.05.2005.; Ziņotājs, 11, 09.06.2005.) [stājās spēkā 01.10.2005.]
2. Human Rights and Gender Identity. CommDH/IssuePaper (2009)2. OriginalversionStrasbourg, 29 July 2009, c.3 / <https://rm.coe.int/16806da753>
3. Puzuka A. Vīriešu reproduktīvās patoloģijas ģenētisko riska faktoru izvērtējums Latvijas populācijā. Promocijas darbs. RSU, Rīga, 2011, lpp.19-24.
4. Transgender Procedures - The Coalition for Juvenile Justice. <https://juvjustice.org/sites/default/files/ckfinder/files/SCCPD%20Transgender%20Procedures%20H.pdf>
5. Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Европе — Страсбург: Издательство Совета Европы, 2012. — 169 с. — ISBN 978-92-871-7240-2.

6. Принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности / http://www.yogyakartaprinciples.org/principles_ru.pdf
7. Россинский, С.Б. Личный обыск задержанного по подозрению в совершении преступления: проблемы теории, нормативного регулирования и практики производства /Библиотека криминалиста. -2017. - № 2. - С.128

Некоторые аспекты страхования ответственности в жилищно-коммунальной сфере

mg.iur. **Гончаров Михаил**

Латвийская Республика, Рига

Докторант Балтийской Международной Академии

Программа: Юридическая наука

mihails.goncarovs@riga.lv

Научный руководитель:

Dr.iur. проф. **В.А.Рейнгольд**

АННОТАЦИЯ

В исследовании рассматривается необходимость обязательного страхования гражданско-правовой ответственности обслуживающих жилых дома организаций. Рассмотрено, как один из видов защиты собственников помещений от недобросовестных обслуживающих организаций, страхование финансовых рисков собственников помещений в жилом доме. Целью исследования является всестороннее изучение и системное исследование страхования гражданско-правовой ответственности обслуживающих жилых дома организаций. Проблематика правового регулирования гражданско-правовой ответственности обслуживающих организаций заключается в слабом исследовании этого вопроса, в латвийской жилищно-правовой доктрине.

Ключевые слова: страхование, гражданско-правовая ответственность, обслуживающая организация, собственники квартир, управление жилым домом.

ABSTRACT

In a research need of obligatory insurance of civil responsibility of the organizations serving houses is considered. It is considered how one of types of protection of owners of rooms from the unfair serving organizations, insurance of financial risks of owners of rooms in a house. A research objective is comprehensive study and a system research of insurance of civil responsibility of the organizations serving houses. The perspective of civil responsibility of the serving organizations consists in a weak research of this question, in the Latvian housing legal doctrine.

Keywords: insurance, civil responsibility, the serving organization, owners of apartments, management of a house.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / ADMINISTRATION

В наше время, вопросам страхования уделяется очень много внимания. Страхование жизни, имущества, гражданско-правовой ответственности, стали неотъемлемой частью нашей жизни. Приобретая, посредством банковского кредитования, квартирную собственность, обязательным условием является её страхование. Так же, дополнительно по выбору, собственник может заключить договор страхования жизни и договор страхования своей гражданско-правовой ответственности.

Являясь собственником квартирной собственности в многоквартирном жилом доме (далее – жилой дом), участие в управлении жилым домом является неотъемлемой обязанностью каждого собственника. К сожалению, эта область жилищно-коммунального хозяйства, всё ещё является недостаточно развитой, как в техническом, так и в юридическом аспекте. Управление жилым домом, как вид коммерческой деятельности, подвержено рискам причинения ущерба собственникам помещений в жилом доме, которые, в свою очередь, должны быть застрахованы на случай наступления таких рисков.

В латвийской науке тема исследования изучена слабо. Однако, в последнее время, в латвийских периодических изданиях, сборниках международных научно-практических конференций стали появляться статьи молодых учёных на тему управления жилыми домами. Большим вкладом является диссертационное исследование dr.iur. Элины Станкевич. [1]

Проблематика, как ответственности в целом, так и гражданско-правовой ответственности в частности, обслуживающих организаций управляющих жилыми домами, заключается в слабом исследовании этого вопроса, в латвийской жилищно-правовой доктрине. Нормативно-правовая база, регламентирующая вопросы страхования гражданско-правовой ответственности обслуживающих жилые дома организаций, практически отсутствует.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе управления жилым домом, направленные на защиту интересов собственников помещений от возможного ущерба, посредством страхования гражданско-правовой ответственности обслуживающей организации.

Целью исследования является всестороннее изучение и системное исследование страхования гражданско-правовой ответственности обслуживающих жилые дома организаций.

Предмет исследования составляют нормативно-правовые акты в сфере страхования гражданско-правовой ответственности и нормы жилищного законодательства, регламентирующие управление жилыми домами собственниками помещений.

Научная новизна исследования заключается в том, что автор рассматривает нормативно-правовую регламентацию страхования гражданско-правовой ответственности, как с научно-теоретической точки зрения, так и с практической стороны. Тем самым раскрывая необходимость введения обязательного страхования гражданско-правовой ответственности обслуживающих жилые дома организаций.

Теоретические выводы и практические рекомендации, сделанные в исследовании, могут способствовать совершенствованию правоприменительной практики, а также защитить собственников помещений от недобросовестных обслуживающих организаций.

Методологическую основу исследования составляет гипотетико-дедуктивный подход, в рамках которого использовались методы познания: системный, формально-логический, формально-юридический, эмпирический, сравнительно-правовой, а также метод социального исследования.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Собственник помещения, является главным действующим лицом в процессе управления жилым домом, так, как только собственники помещений имеют право принятия решений в вопросах управления жилым домом.

На основании ч.1 ст.51 Закона «О приватизации государственных жилых домов и жилых домов самоуправления», – «собственникам квартир необходимо, созвать общее собрание собственников квартир многоквартирного дома для создания общества собственников квартир или заключения взаимного договора об управлении находящейся в общей собственности части многоквартирного дома и ведение её хозяйства, не позднее чем в течении шести месяцев после того, как принято решение о начале приватизации соответствующего жилого дома». [2]

Автором ранее было сделано авторское определение понятия управления жилым домом. Управление жилым домом – «это совокупность определённых действий, непрерывно осуществляемых управляющим жилым домом в рамках предоставленных ему полномочий, направленных на сохранение жилого дома, поддержание его в надлежащем состоянии, обеспечение коммунальными услугами проживающих в жилом доме лиц, планирование и обеспечение необходимых мероприятий, ведение делопроизводства и финансового учёта». [3, 43-54]

Следует отметить, что взаимоотношения собственников помещений с обслуживающими организациями, предприятиями, предоставляющими коммунальные услуги, происходят непосредственно через управляющего жилым домом, в лице физического или юридического лица.

Обслуживание жилых домов, как и любой другой вид коммерческой деятельности, подвержен как ряду обычных, так ряду специфических рисков.

Беря во внимание не совсем стабильную экономическую ситуацию, а также постоянно меняющуюся фискальную политику в Латвии, многие небольшие коммерческие организации подвержены риску неплатежеспособности и банкротства. Этим же рискам и могут быть подвержены организации обслуживающие жилые дома. И как следствие этого, может быть причинён ущерб собственникам помещений в жилом доме, по независящим от них причинам.

Также можно отметить, недобросовестность обслуживающих организаций, их халатное отношение к требованиям нормативных актов по сохранению жилого дома, поддержанию его в надлежащем состоянии, обеспечению коммунальными услугами проживающих в жилом доме лиц, планированию и обеспечению необходимых мероприятий, ведению делопроизводства и финансового учёта.

Следовательно, можно выделить две основные проблемы в управлении жилыми домами обслуживающими организациями:

- недобросовестность обслуживающих организаций;
- неплатёжеспособность и банкротство обслуживающих организаций.

Здесь следует обратить внимание, что собственники помещений в жилом доме не являются коммерсантами, которые заключают сделку с контрагентом, с целью получения прибыли, заранее осознавая, что могут быть подвержены риску получения убытка.

Для решения первой проблемы автор предлагает ввести обязательное страхование гражданско-правовой ответственности обслуживающих жилые дома организаций.

В доктрине страхового права сказано, что «страхование ответственности позволяет восстановить имущество, здоровье и состояние третьих лиц, сохранив при этом денежные средства страхователей, так как ущерб случайно пострадавшим по их вине третьим лицам возмещается не ими, а страховщиками»[4, 11].

В соответствии с пунктом 16 ст.1 Закона о договоре страхования, «страхование гражданско-правовой ответственности – страхование, когда страхуется гражданско-правовая ответственность лица за причинённые в результате его действия или бездействия убытки третьему лицу». [5]

Так, например, в соответствии с ч.1 ст.20 Закона о строительстве, «строительные организации обязаны застраховать свою гражданско-правовую ответственность за свои действия или бездействие, в результате которого причинён вред жизни, здоровью, имуществу третьих лиц»[6]. Охранные коммерсанты, в соответствии с ч.1 ст.25 Закона об охранной деятельности, «обязаны застраховать свою гражданско-правовую ответственность за свои действия или бездействие, в результате которого причинён вред жизни, здоровью, имуществу третьих лиц»[7]. А также многие другие виды деятельности, требующие обязательного страхования гражданско-правовой ответственности.

Закон об управлении жилыми домами устанавливает ответственность управляющего, так, в соответствии с ч.1 ст.16 – «управляющий несёт ответственность перед собственником жилого дома о выполнении данной ему задачи управления, согласно положениям Закона об управлении жилыми домами, Гражданского Закона и условиям заключенного договора управления»[8]. Это означает, что причинённый ущерб, в результате своих действий или бездействия, управляющий должен будет возместить, собственникам помещений в жилом доме, в полном объёме.

Следует отметить, что страховые компании уже ввели такой вид страхования, но на добровольной основе, то есть если обслуживающая организация желает себя защитить от возможных рисков, связанных с её деятельностью по обслуживанию жилых домов, то она, соответственно может застраховать свою гражданско-правовую ответственность. Такой вид страхования, например,

предлагает «AAS Balta». Но для защиты прав собственника помещения, необходим не диспозитивный характер волеизъявления обслуживающей организации, а императивное требование правовой нормы об обязанности страхования гражданско-правовой ответственности обслуживающей организации.

Введение обязательного страхования гражданско-правовой ответственности обслуживающих организаций, в свою очередь, позволит улучшить качество предоставляемых услуг со стороны обслуживающих организаций. Ведь, в случае наступления страхового случая, для получения страхового возмещения, деятельность обслуживающей организации должна будет соответствовать перечню строгих требований, что позволит повысить как качество предоставляемых услуг, так и профессионализм обслуживающей организации. Здесь же следует отметить, что чем выше качество услуг, тем меньше риск наступления страхового случая, а, следовательно, и меньше страховая премия.

Исходя из вышесказанного, автор предлагает дополнить Закон об управлении жилыми домами отдельным разделом, который будет регламентировать ответственность и обязательное страхование гражданско-правовой ответственности обслуживающих жилых дома организаций.

Со второй проблемой не всё так просто, как может показаться на первый взгляд. К примеру, обслуживающая организация оказывает услуги по управлению жилыми домами добросовестно, качественно, но ввиду ухудшения финансово-экономического положения организации терпит убытки, становится нерентабельной и как следствие – процесс неплатежеспособности и банкротство. В данной ситуации всё логично и понятно.

Но в последние годы появились случаи мошенничества со стороны обслуживающих организаций. В своё время, в 2013 году, очень большие дебаты происходили вокруг обслуживающей организации «Māju serviss KSA», которая получала от собственников помещений оплату за тепло-энергию, а предприятию «Rīgas Siltums», оплату, измеряющуюся в тысячах лат, не производила. [9]

То есть, обслуживающая организация выписывает собственникам помещений счета за управление и обслуживание жилого дома, за предоставление коммунальных услуг, а со своей стороны полученные средства не перечисляет предприятиям, предоставляющим коммунальные услуги. [10]

В данной публикации собственники помещений указывают, что в результате недобросовестных действий со стороны обслуживающей организации, накапливались долги в десятки тысяч лат, которые в последствие им пришлось погашать. [10] То есть собственники помещений, были вынуждены уплатить за полученные коммунальные услуги двойную плату.

Следует отметить, что в такой сложившейся ситуации, собственники помещений остаются абсолютно незащищёнными со стороны законодателя. И более того, собственники помещений остаются ответственны по обязательствам оплаты платежей за полученные коммунальные услуги, если их доверенное лицо – управляющий/обслуживающая организация не выполняют этих обязательств.

Здесь же, следует подчеркнуть, что такому риску подвержены те собственники помещений, которые на основании положений Закона «О приватизации государственных жилых домов и жилых домов самоуправления» объединились в общества собственников квартир или заключили взаимный договор об управлении находящейся в общей собственности части многоквартирного дома, переняли жилой дом в своё управление, и соответственно делегировали право управления жилым домом обслуживающей организации. Также, собственники помещений в построенных новых домах, жилых комплексах, кондоминиумах, которые находятся в управлении частных обслуживающих организаций.

Ведь управлять жилым домом или делегировать право управления обслуживающей организации, собственники помещений, могут лишь после перехода права управления жилым домом от самоуправления к собственникам помещений.

Следует отметить, что к данной группе риска не относятся те собственники помещений, которые перенеяв жилой дом в своё управление, ведут его обслуживание своими силами, не привлекая стороннюю обслуживающую организацию.

Проведя исследование данной проблемы, автор предлагает, как один из способов защиты собственников помещений от риска неоплаты коммунальных услуг обслуживающей организацией, которой были делегированы права управления жилым домом, ввести такой вид страхования, как страхованию риска невыполнения финансовых обязательств обслуживающей организацией. То есть собственники помещений имеют возможность застраховать предполагаемый риск наступления страхового случая, где страховым случаем – неплатежеспособность и банкротство обслуживающей организации, то есть все возможные случаи неоплаты, полученных собственниками помещений, коммунальных услуг, обслуживающей организацией.

Следует подчеркнуть, что оформлением такого вида страхования, должно заниматься доверенное лицо от имени всех собственников помещений жилого дома, но никак не обслуживающая жилой дом организация. То есть в жилом доме, где учреждено общество собственников квартир, занимается – представитель общества, а где заключен взаимный договор об управлении находящейся в общей собственности части многоквартирного дома – доверенное лицо, представитель собственников помещений.

Важно указать, что страхование финансовых рисков собственников помещений жилого дома может иметь только лишь добровольный характер. То есть, если собственники помещений на общем собрании приняли решение о необходимости такого вида страхования, то, только в таком случае, оно будет иметь обязательный (императивный) характер для всех собственников помещений в жилом доме.

Исходя из вышесказанного, автор предлагает дополнить Закон о квартирной собственности отдельным разделом, который будет регламентировать страхование финансовых рисков собственников помещений жилого дома.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

В результате проведённого исследования автором сделаны следующие выводы:

- взаимоотношения собственников помещений с обслуживающими организациями, предприятиями, предоставляющими коммунальные услуги, происходят непосредственно через управляющего жилым домом, в лице физического или юридического лица.
- обслуживание жилых домов, как и любой другой вид коммерческой деятельности, подвержен как ряду обычных, так ряду специфических рисков.

Автор отмечает, что можно выделить две основные проблемы в управлении жилыми домами обслуживающими организациями:

- недобросовестность обслуживающих организаций;
- неплатёжеспособность и банкротство обслуживающих организаций.

Автор определяет, что для решения первой проблемы, необходимо ввести обязательное страхование гражданско-правовой ответственности обслуживающих жилых дома организаций. Исходя из этого, автор предлагает дополнить Закон об управлении жилыми домами отдельным разделом, который будет регламентировать ответственность и обязательное страхование гражданско-правовой ответственности управляющих жилыми домами организаций.

Автор также выделяет, как один из способов решения второй проблемы – для защиты собственников помещений от риска неоплаты коммунальных услуг обслуживающей организацией, которой были делегированы права управления жилым домом, ввести вид страхования – страхование риска невыполнения финансовых обязательств обслуживающей организацией. Исходя из этого, автор предлагает дополнить Закон о квартирной собственности отдельным разделом, который будет регламентировать страхование финансовых рисков собственников помещений жилого дома.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS /
REFERENCES**

1. Elīna Stankeviča. Īpašuma daudzdzīvokļu dzīvojamā mājā tiesiskā regulējuma problemātika. Turība. 2015.
http://www.turiba.lv/f/E_Stankevica_Doktora_darbs_daudzdzivoklu_dzivojamas_majas_problematika_iesneigts_padomei_19_05_2015_iesiesanai_finiss.pdf / Skatīts: 01.12.2018.
2. Par valsts un pašvaldību dzīvojamo māju privatizāciju. Pieņemts: 21.06.1995. Publicēts: "Latvijas Vēstnesis", 104 (3262), 06.07.2005., "Ziņotājs", 14, 28.07.2005.
3. Гончаров М.А. Управление жилым многоквартирным домом: права и обязанности собственника квартиры // Балтийский Юридический Журнал, 2015, №3. – Рига: Балтийская Международная Академия. 2015.
4. Страхование право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Финансы и кредит» / под ред. В.В. Шахова, В.Н. Григорьева, А.Н. Кузбагарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.
5. Par apdrošināšanas līgumu. Pieņemts: 10.06. 1998. Stājas spēkā: 01.09.1998. Publicēts: "Latvijas Vēstnesis", 188/189 (1249/1250), 30.06.1998., "Ziņotājs", 15, 04.08.1998.
6. Būvniecības likums. Pieņemts: 09.07. 2013. Stājas spēkā: 01.10.2014. Publicēts: "Latvijas Vēstnesis", 146 (4952), 30.07.2013.
7. Apsardzes darbības likums. Pieņemts: 13.02. 2014. Stājas spēkā: 20.03.2014. Publicēts: "Latvijas Vēstnesis", 47 (5107), 06.03.2014.
8. Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likums. Pieņemts: 04.06.2009. Stājas spēkā: 01.01.2010. Publicēts: "Latvijas Vēstnesis", 96 (4082), 19.06.2009., "Ziņotājs", 14, 23.07.2009.
9. Kas pasargās no negodīga pārvaldnieka? "Darīsim KOPĀ!" <http://kopaa.lv/parvalde/kas-pasargas-no-negodiga-parvaldnieka.html> / Skatīts: 01.12.2018.
10. Antra Gabre. Karš pieteikts: dzīvokļu īpašnieki pret apsaimniekotājiem. "Mediju nams". 2013. <http://nra.lv/latvija/riga/89844-kars-pieteikts-dzivoklu-ipasnieki-pret-apsaimniekotajiem.htm?view=comments> / Skatīts: 01.12.2018.

Mantojuma tiesību attīstība un civillikuma modernizācijas nepieciešamība

Agnese Grība, Latvija,

Baltijas Starptautiskā akadēmija, Privāttiesības,

agnese.griba@inbox.lv

mag.iur. lektors Māris Rungulis

ANOTĀCIJA

Mantojuma tiesības ir svarīgas jebkurā sabiedrībā, taču, pieaugot materiālajai labklājībai, pieaug arī mantojuma tiesību nozīme. Darbā ir aprakstīta Civillikuma Mantojuma tiesību rašanās vēsture, kas nosaka to, kāpēc šobrīd Latvijas Civillikuma Mantojuma tiesību daļa ir tieši tāda, kāda tā ir un iemesli tam kāpēc ir nepieciešamas izmaiņas tajā. Pētījuma problēma ir tāda, ka Civillikums tiek dažādi traktēts un pielietots, jo tas ir rakstīts pagājušajā gadsimtā. Darba mērķis ir noskaidrot vai Civillikuma Mantojuma tiesību daļā ir nepieciešama modernizācija.

Darba galvenais secinājums – lai Civillikums neradītu vēlmi to interpretēt dažādi, ir nepieciešami plaši Civillikuma Mantojuma tiesību daļas būtiski grozījumi, kuros ietverti ne tikai problemātisko daļu precizēšana, bet arī vieglas un saprotamas valodas pielietošana satura veidošanai.

Atslēgvārdi: civillikums, interpretācija, izmaiņas, mantojums, pētījumi.

ABSTRACT

In heritage rights are important in any society, but with the increase in material well-being, the importance of inheritance rights also increases. The thesis describes the history of the emergence of the Law on the Civil Law which determines why the current part of the Latvian Civil Law succession law is exactly what it is and why it is necessary to change it. The problem of the research is that the Civil Law is treated differently and applied because it is written in the last century. The aim of the work is to find out whether modernization is required in the part of the Civil Law.

The main conclusion of the work - that the Civil Law does not give rise to a desire to interpret it differently, there is a need for substantial amendments to the Civil Law Heritage Law, which include not only the clarification of problematic parts, but also the use of a light and understandable language for content creation.

Keywords: civil law, interpretation, change, heritage, research.

IEVADS / INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ

Mantojuma tiesības ir svarīgas jebkurā sabiedrībā, taču, pieaugot materiālajai labklājībai, pieaug arī mantojuma tiesību nozīme. Mantojuma tiesības objektīvā nozīmē ir tiesību normu kopums, kas regulē mantas pāreju citām personām tā cilvēka nāves gadījumā, kuram šī manta piederējusi. Personas nāve nozīmē to, ka mirušais vairs neeksistē kā tiesību subjekts. Mantojuma tiesības sniedz atbildi uz jautājumu, kā manta pāriet uz kādu reāli eksistējošu tiesību subjektu, tādējādi nodrošinot mantisko tiesību un pienākumu kontinuitāti.[11;1] Ja nebūtu mantojuma tiesību, tad mirušās personas manta nevienam nepiederētu, mirušā parādniestu atbrīvotos no parādiem, bet kreditori nevarētu īstenot savus prasījumus, kas tiem iepriekš radušies pret mirušo personu.[6;14] Subjektīvā nozīmē mantojuma tiesības ir mantinieka tiesības iestāties mirušā mantisko attiecību kopībā. Šī tiesība rodas tikai ar mantojuma atstājēja nāvi. Līdz tam potenciālajiem mantiniekiem ir tikai iespēja kļūt par mantiniekiem. [5;38]

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Šobrīd pazīstamie mantojuma tiesību institūti radās Senajā Romā un tie ir iekļauti daudzu valstu mantojuma tiesību pamatā. Pateicoties romiešu tiesībām, mūsdienu normatīvais regulējums definē mantojuma jēdzienu, nosakot, ka uz mantinieku pāriet ne tikai mantojuma atstājēja tiesības un pienākumi, bet arī uzlikt atbildību par mantojuma atstājēja parādiem. [9;209]

Sākotnēji Senajā Romā saistības kā personiskās tiesības izbeidzās līdz ar kreditora vai parādnieka nāvi un nepārgāja uz mantiniekiem. Tomēr saimnieciskās apgrozības interesēs romiešu juristi sāka meklēt saistību mantošanas iespējas. Ar laiku uz mantiniekiem sāka pāriet saistību prasības tiesā. Līdz ar to saistību mantošana praktiski īstenojās ar prasībām tiesā. Tomēr visas prasības nebija mantojamas pēc vienādiem principiem. Prasības atšķīrās no deliktu tiesībām un no līgumu tiesībām. Deliktu saistību prasības par labu mantiniekiem pārgāja uz mantinieku, bet mantiniekam nebija jāatbild par mantojuma atstājēja prettiesiskajiem darījumiem. Toties līgumu saistību prasības pārgāja uz mantiniekiem gan kā prasījumi, gan arī parādi. [8;175] Var pamanīt, ka romiešu juristu izstrādātie noteikumi par saistību mantošanas iespējām redzamas arī mūsdienu mantojuma tiesību sistēmā.

Pēc Latvijas valsts dibināšanas 1918.gadā pastāvēja vienots uzskats, ka jāsastāda jauns civillikums. Divdesmitajos gados komisijas darba rezultātā tika izstrādāti vairāki likuma grozījumi. Laikā no 1933. līdz 1937.gadam likuma tekstu kopumā izstrādāja cita komisija. Šis likums panāca tiesisku vienotību ar Latgali un valsts austrumu daļu, kurā līdz šim spēkā bija Krievijas civiltiesības. [10]

Latvijā civiltiesības pirmo reizi universāli tika apkopotas 1937.gada 28. janvāra Civillikumā, kas stājās spēkā 1938.gada 1. janvārī. Tā izstrādāšanā bija ņemti vērā Napoleona kodekss, Vācijas BGB (*Bürgerlichen Gesetzbuch*), Šveices u.c. civilkodeksi. Līdz tam Latvijā bija spēkā novecojis un sadrumstalots regulējums, jo visā valstī nebija viena kopīga kodeksa.

Šajās mantojuma tiesībās bija vērojama tendence sievieti tiesiskā statusa ziņā pielīdzināt vīrietim, atbrīvojot viņu no līdzšinējās pakļautības, ko parāda, piemēram, sievietes līdz šim ierobežotā iespēja būt par liecinieci testamentā taisīšanā.

Kopumā sabiedrība visvairāk gaidīja tieši mantojuma tiesību reformu, jo valdošais vietējais tiesību partikulārisms situāciju padarīja pilnīgi nepanesamu. [3;92] Tāpēc jaunā Latvijas Civillikuma izstrādātāji visvairāk vēlējās sagatavot visai Latvijai vienotu mantošanas sistēmu, kas nešķīrotu pilsētniekus un lauciniekus. Likuma priekšā visiem Latvijas pilsoņiem bija jābūt vienlīdzīgiem. [13;170]

Latvijas 1937.gada 28. janvāra Civillikums stājās spēkā 1938.gada 1. janvārī. Tā bija pirmā privāttiesību kodifikācija 1918.gadā nodibinātajā Latvijas Republikā. 1992.gada 1. septembrī Latvijas Republikas Augstākā padome ar nelieliem grozījumiem atjaunoja 1937.gada Civillikumu, kas bija svarīgs posms to tiesību institūtu atjaunošanā, kas izveidojās un darbojās brīvās Latvijas laikā 30. gados. Viena no atjaunoto mantojuma tiesību būtiskajām iezīmēm bija tā, ka ievērojami paplašinājās mantinieku loks salīdzinājumā ar Latvijas Padomju savienības Republikas 1963.gada Civilkodeksu, kas pamatā rūpējās par valsts interešu aizsardzību. Mantojuma lietas turpmāk vairs nebija jākārtoti pie notāra, bet gan tiesā. [4;276]

Likumdevēja lēmums atjaunot Civillikumu vairāk nekā 50 gadus pēc tā pieņemšanas un piemērošanas pārtraukšanas svarīgākā nozīme – tāpat kā Latvijas Republikas Satversme un citi atjaunotie starpkaru posma Latvijas tiesību akti un institūti, kas apliecina valstisko suverenitāti atguvušās Latvijas kontinuitāti ar 1918.gada 18. novembrī dibināto Latvijas valsti. Tas, ka Civillikums tiek piemērots mūsdienās, ievērojami atšķirīgāk vēsturiskā situācijā nekā tā pieņemšanas un piemērošanas laikā, norāda uz Civillikuma kā normatīvā tiesību akta augsto kvalitāti un nozīmi privāttiesisko attiecību regulēšanā.

Latvijas iestāšanās NATO un Eiropas Savienībā ir būtiski mainījusi visu Latvijas tiesību sistēmu. Tomēr Civillikums, protams, ar grozījumiem turpina darboties un ir neaizvietoājams Latvijas civiltiesību avots. Tomēr pārliecības par to, vai visi Civillikuma institūti un tiesību normas pilnā mērā tiek pareizi izprastas un vienvēidīgi piemērotas, vēl arvien nav. [15;14]

2002.gada 12. decembrī Saeima pieņēma Civillikuma grozījumus Mantojuma tiesību daļā, kas stājās spēkā ar 2003.gada 1. janvāri. [1] Ar šiem grozījumiem atgriezās pie prakses, kas bija padomju gados – mantojuma

lietas atsāka vest zvērināti notāri. Grozījumi Civillikuma Mantojuma tiesību daļā izdarītas arī 2006.gada 7. jūlijā, kas stājās spēkā 2007.gada 1. janvārī. Šie grozījumi veikti saistībā ar Bāriņtiesu likuma grozījumiem. [2] Līdz 2014.gadam Civillikuma mantojuma tiesību daļā grozījumi veikti salīdzinoši maz, kas norādīja uz apstākli, ka mantojuma tiesību tiesiskais regulējums vairs nav aktuāls mūsdienu situācijai. Par to, ka mantojuma tiesību tiesiskajā regulējumā ir trūkumi, 2008.gada veiktajā pētījumā norādīja arī tā autori, secinot, ka problēmjautājumi pastāv testamentārās mantošanas institūtā, neatraidāmo mantinieku institūtā, laulāto daļas nodalīšanā, legāta institūtā u.c. [14] Pēc šī pētījuma tika izdots Ministru kabineta 2009.gada 19. novembra rīkojuma Nr.797 „Par koncepciju par Civillikuma Mantojuma tiesību daļas modernizāciju”. Šīs koncepcijas mērķis bija izvērtēt spēkā esošo Civillikuma Mantojuma tiesību daļas institūtu un piedāvāt risinājumu, kā novērst nepilnības spēkā esošā mantojuma tiesību normatīvajā regulējumā, atvieglojot mantojuma tiesību institūta piemērošanu praksē, kā arī izvērtēt iespēju atteikties no arhaisku un neatbilstošu tiesību normu lietošanas. Informatīvajā ziņojumā par tiesību aktu virzību saistībā ar Koncepcijas par Civillikuma mantojuma tiesību daļas modernizāciju izpildi narādīts, ka ir izstrādāti grozījumi Civillikuma Mantojuma tiesību daļā saistībā ar šādiem problēmjautājumiem – laulāto mantošanā, neatņemamās daļas tiesīgo institūtā, testamenta institūtā, izņemot substitūcijas jautājumu, kas saistīts ar mantojuma pieņemšanas tiesisko regulējumu, līgumiskajā mantošanā un mantojuma aizgādībā. [7]

Mantojuma tiesību regulējumā 2014.gada 8. maijā tika pieņemti grozījumi. Likums šobrīd paredz publiska testamenta sagatavošanas procesā atteikties no lieciniekiem un iespējas to sagatavot pie konsula.

Taču likumi ir pakļauti novecošanas procesam neatkarīgi no ideoloģijas, jo ikdienas sabiedriskās attiecības un kā sekas tam arī uzskati par sociālajām attiecībām nemitīgi attīstās. Likumdevējs nepieciešamības dēļ vienmēr „klibo” sociālajām izmaiņām nopakaļus, jo viņš nevar paredzēt tehnoloģiskās, ekonomiskās un vispārējās sabiedriskās dzīves izmaiņas. Sociālo attiecību izmaiņas ietekmē ne tikai likumdeveju, bet arī pastāvošo likumu iztulkošanu un piemērošanu. [12;52]

Tiesību piemērošanai ir radošs raksturs, jo katra tiesību piemērotāja darbība veido un attīsta tiesības. Jo īpaši tas uzskatāmi redzams gadījumos, kad likumā ir tā mērķim un plānam pretēja nepilnība jeb robs, kas rodas galvenokārt likumdevēja kļūdu, sabiedriskās dzīves izmaiņu un jaunu tehnisko risinājumu dēļ.

Civillikums pats par sevi ir veidots ļoti sen, kad vēl nebija ne tehnoloģiju, ne tās cilvēku sapratnes par lietām. Šis likums ir rakstīts valodā, kuru šobrīd būtu nepieciešams modernizēt, lai nebūtu iespējas likumu interpretēt pa savam, vai to saprast kaut kā savādāk, kā likumdevējs to sākotnēji bija noteicis.

Princips "likuma nezināšana neatbrīvo no atbildības" nāk no romiešu tiesībām, kad tiesības nebija sarežģītas un tās bija katram saprotamas. Šodien likumi tiek rakstīti tik sarežģītā valodā, ka katram likumam ir nepieciešams arī skaidrojums. Bet šie skaidrojumi nenāk uzreiz. Tos raksta tikai tad, ja neskaidrais jautājums nonāk tiesā, vai arī tad, kad cilvēki nesaprot, kā pielietot to vai citu likumā noteikto normu. Ja visiem ir zināms šis princips, tad maz zināms ir teiciens, ka „likums ir jāraksta tā, lai katrs muļķis to saprastu”.

Likumdevējs vēlas, lai iedzīvotāji ievērotu likumus, tāpēc ir nepieciešams rakstīt likumu vienkāršā un saprotamā valodā, lai nebūtu nepieciešami skaidrojumi un nerastos nevajadzīgi pārtraumi un dažādas tiesību normu interpretācijas.

Saistībā ar mantojuma pieņemšanu klusējot, lielākā problēma, kas praksē var rasties, ir tas, ka apstiprinātie mantinieki, kuri ir izpildījuši visas likumā noteiktās procedūras, lai iegūtu mantojuma apliecību, tomēr neiegūst ar to galīgu noteiktību, jo uz Civillikuma 694.panta pamata var veidoties situācija, ka paralēli apstiprinātajiem mantiniekiem var pastāvēt neapstiprinātie mantinieki, kuri ar to, ka uzaicinājuma termiņā ir klusējuši un materiāltiesiski ieguvuši tādas pašas tiesības uz mantojumu kā apstiprinātie mantinieki, var sākt izvirzīt pret tiem savas prasība.

SECINĀJUMI / CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ

Aplūkojot tēmu var secināt, ka, lai arī Civillikums ir izstrādāts 1937.gadā un Mantojuma tiesību daļā ir veikti grozījumi, tomēr joprojām notiek dažāda likuma interpretācija, tāpēc ir nepieciešams:

1. izstrādāt likuma grozījumus tā, lai tas būtu saprotams un viegli uztverams;
2. veikt attiecīgos grozījumus tajās jomās, kur ir veikti pētījumi un sniegti ieteikumi likuma grozījumiem;
3. Grozīt Civillikuma 694.panta redakciju, sašaurinot panta piemērošanas tvērumu, lai nodrošinātu, ka jautājums par Civillikuma 694.pantā minētās prezumpcijas piemērošanu un faktiskā valdījuma konstatēšanu, rastos tikai tajā gadījumā, ja nav tikusi izsludināta mantojuma atklāšanās;
4. jādod regulējums, kādā veidā tiek nodrošināta iespēja nākošajam mantiniekam iegūt informāciju par mantojuma masu.

LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Grozījumi Civillikumā. Pieņemti 12.12.2002. spēkā no 01.01.2003. Latvijas Vēstnesis, Nr.187 (2762), 20.12.2002.
2. Grozījumi Civillikumā. Pieņemti 22.06.2006. spēkā no 01.01.2007. Latvijas Vēstnesis, Nr.107 (3475), 07.07.2006.
3. Apsīts H., (1938) Jaunais civillikums. Grām.: Prezidenta Ulmaņa Civillikums. Rakstu krājums. Rīga: Pagalms
4. Apsītis R., Blūzma, V., Jundzis, T. (2002) Latvijas tiesību vēsture. Rīga: Fonds „Latvijas vēsture”
5. Balodis K. (2007) Ievads Civiltiesībās.Zvaigzne ABC 38.lpp
6. Gencs Z. (2002). Mantošana. Rīga: Tiesu nama aģentūra
7. Informatīvais ziņojums par tiesību aktu virzību saistībā ar Konceptijas par Civillikuma mantojuma tiesību daļas modernizāciju izpildi
8. Kalniņš V. (1977) Romiešu civiltiesību pamati. Rīga: Zvaigzne.
9. Latvijas tiesību sistēma. Biznesa augstskolas Turība Tiesību zinātņu katedras docētāju kolektīvā monogrāfija. (2017) Biznesa augstskola Turība. Rīga
10. Loeber D.A. Par Latvijas Republikas Civillikumu. Pieejams: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/146509>
11. Michalski L. (2001) BGB-Erbrecht. 2. Aufl.Heidelberg: C.F.Müller Verlag, Rn.1.
12. Neimanis J. (2006) Tiesību tālākveidošana. Rīga: Latvijas Vēstnesis
13. Sinaiskis V, (1938) Mūsu pienākumi un tiesības jaunajā Civillikumā. Rīga.
14. Šermukšnis I., Bulavs P., Solovjakovs J. (2008) Identificētie problēmu jautājumi Latvijas Republikas mantojuma tiesību regulējumā.
15. Švarcs F. (2011) Latvijas 1937.gada 28. janvāra Civillikums un tā rašanās vēsture., Tiesu namu aģentūra.

Nepamatoti lēts piedāvājums publiskajā iepirkumā

Dace Gudēna,

Latvija, Baltijas Starptautiskā akadēmija, Liepājas filiāle,
maģistra studiju programma „Privāttiesības”

e-pasts: dace.gudena@inbox.lv

zinātniskais vadītājs: Mg.iur Indulis Jankovskis

ANOTĀCIJA

Zinātniskajā rakstā tiek apskatīta nepamatoti lēta piedāvājuma publiskajā iepirkumā negatīvā ietekme uz godīgu konkurenci, kas ir viens publisko iepirkumu mērķiem. Publiskais iepirkums jāvērtē kā valsts ekonomikas sastāvdaļa, kuras attīstību sekmē brīva, godīga un vienlīdzīga konkurence. Pētījuma mērķis ir izpētīt nepamatoti lēta piedāvājuma tiesiskā regulējuma īpatnības, raksturot problēmas un piedāvāt iespējamus risinājumus. Darba novitāte izpaužas autores secinājumos un izstrādātajos priekšlikumos nepamatoti lēta piedāvājuma tiesiskā regulējuma pilnveidošanai.

Atslēgvārdi: godīga konkurence, nepamatoti lēts piedāvājums, publiskais iepirkums.

ABSTRACT

The negative impact upon fair competition by abnormally low tender in public procurement has been researched in this article. Fair competition is one of the main goals of public procurement. Public procurement needs to be valued as a unit in the economy of the state. Development of economy is provided by independent, fair and equal competition. The goal of the paper is to research the legal frameworks characteristics of the abnormally low tender, characterise problems and offer possible solutions. The novelty of the paper gets depicted in the author's conclusions and resulting propositions to perfect the legal framework of the abnormally low tender.

Keywords: fair competition, unreasonably cheap offer, public procurement.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Pētījuma problēma ir nepamatoti lēta piedāvājuma publiskajā iepirkumā tiesiskās regulējuma nepilnības, kas apdraud ne tikai publikā iepirkuma procesa mērķu - nodrošināt valsts un pašvaldību līdzekļu efektīvu izmantošanu un piegādātāju brīvu konkurenci, sasniegšanu, bet arī valsts ekonomikas nozaru attīstību un Eiropas Savienības mērķa- iekšējā vienotā tirgus izveides sasniegšanu.

Pētījuma aktualitāte: Latvijā nav pietiekami pētīta konkurences loma iepirkumos un faktori, kas to veicina vai kavē. Publiskie iepirkumi jāvērtē kā valsts ekonomiskās sistēmas sastāvdaļa, savukārt spēcīga, brīva un godīga konkurence ir ceļš uz valsts ekonomisko izaugsmi. Pētījuma mērķis ir izpētīt nepamatoti lēta piedāvājuma tiesiskā regulējuma īpatnības un sniegt iespējamus risinājumus. Pētījumā izmantota juridiskās literatūras, normatīvo aktu un judikatūras izpēte, vēsturiskā, analītiskā, gramatiskā, sistēmiskā un teleoloģiskā pētījumu metodes, kā arī autores darba pieredze publisko iepirkumu jomā.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Publisko iepirkumu Direktīvas mērķis ir veicināt efektīvas konkurences veidošanos publisko līgumu jomā.[1] Negodīga konkurence un nepamatoti lēta piedāvājuma iesniegšana publiskajos iepirkumos, kas uzskatāma par vienu no negodīgas konkurences formām, nelabvēlīgi ietekmē ne tikai konkrētā publiskā iepirkuma realizāciju, bet arī ekonomiku kopumā.[2] Zemākas cenas un labākās kvalitātes attiecību publiskajā iepirkumā var iegūt tikai, ja uzņēmumi patiesi konkurē un izvirza savus piedāvājumus godīgi. Pasūtītāja attieksme pret nepamatoti lētiem piedāvājumiem var radīt konkurences izkropļojumus.[3] Uzvarot nekvalificētiem pretendentiem ar nepamatoti lētiem piedāvājumiem, no tirgus tiek izspiesti kvalificētie, kuri nolemj aiziet no iepirkumu tirgus, tā radot šo iepirkumu efektivitātes samazinājumu.[4]

Mazināt nepamatoti lētu piedāvājumu dominanci iepirkumos var tikai ar plašu un visaptverošu saimnieciskā izdevīguma kritēriju iedzīvināšanu publisko iepirkumu vērtēšanas procedūrā, tādējādi veicinot pasūtītāju izvēli par labu kvalitatīviem risinājumiem. Profesionalitāte publiskajos iepirkumos tiešā veidā ietekmē godīgas konkurences veidošanos.[5] Lai noteiktu skaidrus un precīzus saimnieciski izdevīgākā piedāvājuma izvēles kritērijus, kas saistīti ar attiecīgā publiskā līguma priekšmetu, ļoti noderīgas ir nozaru asociāciju un speciālistu sagatavotas vadlīnijas piedāvājumu izvērtēšanai.

Nepamatoti lēta piedāvājuma jēdzienam ir nenoteikta juridiska jēdziena iezīmes, kas, būdams neskaidrs, tomēr ir nosakāms katrā konkrētajā gadījumā, ievērojot konkrētā gadījuma un līguma priekšmeta īpatnības.[6]

Godīgas konkurences princips publiskajā iepirkumā paredz, ka katram pretendētājam ir tiesības saņemt piedāvājuma novērtējumu saskaņā ar līguma slēgšanas tiesību piešķiršanas kritērijiem, šīs tiesības nebeidzas ar lēmuma par līguma slēgšanas tiesību piešķiršanu, tās ir jāaizsargā arī līguma izpildes posmā.[7] Grozījumi, ar kuriem puses pagarina termiņu, maina iepirkuma apjomu vai palielina samaksu, ir būtiskas līguma nosacījumu izmaiņas[8], betbūtiski līguma grozījumi attiecīgajā tirgū var tieši deformēt konkurenci un būtu par labu pasūtītāja līgumslēdzējam partnerim, salīdzinot ar citiem iespējamiem piegādātājiem.[9]

Iepirkuma procedūras norise ir vienots process, tiesiskās attiecības šajā procesā ir secīgas un cieši saistītas, tādējādi pārkāpumi iepirkuma procedūras norisē negatīvi ietekmē ne tikai godīgas konkurences nodrošināšanu, bet arī publiskā iepirkuma procedūras rezultātā noslēgtā līguma tiesiskumu.

Faktiskais konkurences pārkāpuma cēlonis publiskajos iepirkumos ir komersantu vēlme iegūt tiesības slēgt publiskā iepirkuma līgumu un pārsvarā arī iegūt no tā maksimālo peļņu, kas noved pie aizliegto vienošanos jeb tā saukto kartelu izveides, taču nereti cīņā par publisko iepirkuma līgumu komersanti iesaistās ar mērķi noturēt uzņēmuma apgrozījuma līmeni, kas ir iemesls nepamatoti lēta piedāvājuma iesniegšanai.

Pētījuma rezultātā darba autore ir izstrādājusi priekšlikumus nepamatoti lēta piedāvājuma tiesiskā regulējuma pilnveidošanai, kas ļaus publisko iepirkumu pasūtītājiem un pretendentiem un piegādātājiem labāk izprast šī tiesību institūta būtību, atvieglot nepamatoti lētu piedāvājumu konstatēšanu un pārbaudi, kā arī veicinās godīgas konkurences veidošanos publiskajā iepirkumā.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Publisko iepirkumu būtība ir pasūtītāja nepieciešamība pēc konkrētas preces vai pakalpojuma un no šāda viedokļa piedāvājuma izvēles kritērijam - saimnieciski visizdevīgākais piedāvājums ir jāklūst par priekšnosacījumu, lai izvēlētos pasūtītājam vispiemērotāko precī, vai pakalpojumu, kas vienlaikus veicina piegādātāju brīvu konkurenci.

Pasūtītāja pienākums noraidīt nepamatoti lētu piedāvājumu ir ļoti nozīmīgs solis nepamatoti lēta piedāvājuma institūta regulējuma attīstībā, Tomēr, neesot kritērijiem, pēc kuriem identificēt nepamatoti lētu piedāvājumu, Publisko iepirkumu likumā paredzētais pasūtītāja pienākums noraidīt nepamatoti lētu piedāvājumu, var izrādīties iluzors, jo pasūtītājam ir plaša rīcības brīvība, nosakot vai piedāvājums šķiet vai nešķiet nepamatoti lēts un tā izlemjot uzsākt vai neuzsākt nepamatoti lēta piedāvājuma pārbaudi.

Ņemot vērā EST judikatūrā nostiprinātās atziņas par nepamatoti lēta piedāvājuma būtību, kā arī šo jēdzienu skaidrojumu, darba autore piedāvā Publisko iepirkumu likuma 53.panta 1.daļu papildināt ar pirmo teikumu šādā redakcijā: *Nepamatoti lēts piedāvājums ir vienīgi tāds piedāvājums, par kuru pretendents nevar sniegt argumentētus pierādījumus, ka piedāvājums ir īsts, pamatots un uzticams, un par kura piedāvāto cenu vispār nav iespējams izpildīt iepirkuma līguma nosacījumus.*Tālāk kā Publisko iepirkumu likuma 53.panta 1.daļas tekstā.

Latvijā nepamatoti lēta piedāvājuma konstatēšanas pazīmes praksē nostiprinājušās no Iepirkumu uzraudzības biroja iesniegumu izskatīšanas komisijas lēmumiem, tiesu prakses un judikatūras. Par nepamatoti lētu piedāvājumu var liecināt: 1) cena, tajā skaitā atsevišķu pozīciju izmaksas, ir būtiski zemāka nekā citos piedāvājumos piedāvātā cena, 2) cena ir būtiski atšķirīga no pasūtītāja veiktā paredzamās līgumcenas aprēķina, 3) cena, tajā skaitā atsevišķu pozīciju izmaksas, nav iespējama saskaņā ar normatīvo aktu prasībām, vai neatbilst nozaru organizāciju publiskotajiem aprēķiniem, 4) nav aizpildītas visas finanšu piedāvājuma izmaksu pozīcijas. Pamatojoties un pētījuma rezultātā gūtajiem secinājumiem, darba autore

piedāvā Publisko iepirkumu likuma 53.pantā noteikt pazīmes, kuras konstatējot, pasūtītājam ir objektīvs pamats šaubām un no tā izrietošs pienākums veikt nepamatoti lēta piedāvājuma pārbaudes procedūru, izsakot Publisko iepirkumu likuma 53.panta pirmās daļas otro teikumu šādā redakcijā: Ja piedāvājums konkrētam publiskam būvdarbu, publiskam piegādes vai publiskam pakalpojuma līgumam šķiet nepamatoti lēts, pasūtītājs pieprasa skaidrojumu par piedāvāto cenu vai izmaksām 1) ja tiek konstatēts, ka ir iesniegti vismaz trīs piedāvājumi un piedāvātā cena vai izmaksas ir par vairāk nekā 20 % zemākas nekā pārējo piedāvājumu vidējā cena vai izmaksas; vai 2) ja tiek konstatēts, ka ir iesniegti vismaz trīs piedāvājumi un piedāvātā cena vai izmaksas ir par vairāk nekā 20 % zemākas nekā otrā lētākā piedāvājuma cena vai izmaksas; vai 3) ja piedāvātā cena ir par vairāk kā 20% lētāka nekā pasūtītāja noteiktā paredzētā līgumcena; vai 4) ja cena, tajā skaitā atsevišķu pozīciju izmaksas, nav iespējama saskaņā ar normatīvo aktu prasībām, vai neatbilst nozaru organizāciju publiskotajiem aprēķiniem; vai 5) ja piedāvājumā iekļautas pozīcijas, kurās nav norādītas izmaksas.

Būtisku iepirkuma dokumentos un iepirkuma līgumā neparedzētu grozījumu izdarīšana iepirkuma līgumā ir pielīdzināma jauna līguma noslēgšanai, kam būtu piemērojams publisko iepirkumu jomas normatīvajos aktos ietvertais regulējums. Pasūtītājs ir tiesīgs veikt tikai tādus grozījumus iepirkuma līgumā, kuru veikšanas iespējamība, saturs un apjoms, kā arī veikšanas nosacījumi ir bijuši precīzi noteikti iepirkuma dokumentos un noslēgtajā iepirkuma līgumā, vai arī kuri uzskatāmi par nebūtiskiem.

Neskatoties uz iepriekš noteikto un plašo rīcības brīvību, līguma grozījumu veikšanā pasūtītāju joprojām ierobežo vienlīdzīgas un taisnīgas attieksmes princips pret visiem pretendentiem, kuru galvenais mērķis ir gadīgas un atvērtas konkurences nodrošināšana. Proti, pasūtītājs nedrīkst izmantot PIL paredzētās iespējas veikt grozījumus bez jaunas iepirkuma procedūras tikai tādēļ, lai paaugstinātu pretendenta cenas bez jebkādas objektīvas nepieciešamības. Tomēr praksē PIL paredzētās iespējas veikt būtiskus līguma grozījumus tiek izmantotas arī lai risinātu nepamatoti lēta piedāvājuma gadījumā iespējamās līguma neizpildes vai pienācīgas neizpildes riskus, meklējot un atrodot veidus kā līdz pat 50% palielināt sākotnējo līgumcenu.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

- Skrastiņa U. Publiskie iepirkumi. Piedāvājuma izvēles kritēriji un vērtēšana publiskajā iepirkumā.- Rīga: Turība, 2015.- 225.lpp. [2]
- Carpinetti L., Piga G., Zanza M. The Variety of Procurement Practice: Evidence from Public Procurement//Cambridge University Press, 2006., 36.lpp. [3]
- Racca G.M., Perin R.C., Albano G.L. Competition in the execution phase of public procurement, (2011. gada 1. novembris). Public Contrat Law Journal, Vol. 41, Nr.1, p. 89, 2011. Pieejams SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2011114> [7]
- Смирнов В.И. Ошибочные цели – ложный результат эффективности общественных закупок// Журнал "Московские торги" №8 2008 г.[4]
- Eiropas Savienības Tiesas 1989.gada 22.jūnija spriedums lietā C-103/88, 18.punkts, pieejams <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=96045&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1619040>[1]
- Eiropas Savienības Tiesas 2004. gada 29.aprīļa spriedums lietā C-496/99 P, 113-122.punkts, pieejams <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=49126&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=6269912>[8]
- Eiropas Savienības Tiesas ģenerālvokāta Damaso Ruiso – Harabo Kolomera 2007.gada 27.novembra secinājumi apvienotās lietās C-147/06 un C-148/06, pieejams: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=70430&pageIndex=0&doclang=LV&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1272069> [6]
- Ģenerālvokātes Julianas Kokotes [Juliane Kokott] secinājumi, sniegti 2008. gada 13.martā lietā C-454/06, 48.punkts, pieejams <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-454/06>[9]
- Konference „Saimnieciski iepirkumi un godīga konkurence būvniecībā konference”, Liepāja 27.10.2017., konferences materiāli. [5]

Fizisko personu datu aizsardzība darba tiesiskajās attiecībās

Līga Ķiršone

Baltijas Starptautiskā akadēmija Liepājas filiāle

Tiesību zinātnes

ligarugevica@inbox.lv

*Darba vadītājs **Maruta Ozoliņa***

ANOTĀCIJA

Referāta tēma: „Fizisko personu datu aizsardzība darba tiesiskajās attiecībās” ir ļoti aktuāla gan darba tiesiskajās attiecībās, gan informācijas tiesībās, jo piemērojot Latvijas tiesību sistēmu Vispārīgajai datu aizsardzības regulai, 2018.gada 25.maijā stājies spēkā jauns Personas datu apstrādes likums, kas aizstājis Fizisko personu datu aizsardzības likumu.

Atslēgas vārdi: Fiziska persona, informācija, darba līgums, darba tiesiskās attiecības, dati.

ABSTRACT

The topic of the report: "Protection of data of natural persons in labor relations" is very topical both in labor law and in information law, as the application of the legal system of Latvia to the General Data Protection Regulation on May 25, 2018, what entered into force a new Law on Personal Data Processing, which replaced Personal Data Protection Law.

Keywords: Individual, information, employment contract, employment relationship, data.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Līdz ar Eiropas Parlamenta un Padomes regula (ES) 2016/679 (2016. gada 27. aprīlis) par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti (turpmāk tekstā - Vispārīgā datu aizsardzības regula) piemērošanas sākšanu Latvijā no 2018.gada 25. maija tika ieviesta jauna pieeja personas datu aizsardzības jautājumiem. Vispārīgā datu aizsardzības regula piešķir cilvēkam daudz vairāk kontroles pār to, kas notiek ar viņa datiem, tiesības noskaidrot, kādiem nolūkiem tos izmanto, un noteiktos gadījumos lūgt apstrādi pārtraukt un datus dzēst jeb veicot ievērojamu pavērsienu personas datu aizsardzības jomā. Tēmas aktualitāte pamatojas apstākļos, ka datu aizsardzības regulējums attiecas uz visām dzīves jomām, atsevišķi neizvirzot darba tiesiskās attiecības. Referāta mērķis ir izpētīt fizisko personu datu aizsardzība darba tiesiskajās attiecībās, apzinoties problēmjaudājumus un piedāvājot to tiesisko risinājumu. Darbā pamatā tiks pielietotas šādas zinātniskās pētniecības metodes: analītiskā metode, deduktīvā, induktīvā un vēsturiskā.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Personas datu aizsardzība ir svarīgs faktors jebkurā dzīves situācijā, gan privātajā dzīvē, gan darba attiecībās. Var secināt, ka privātums kā personas iekšējā autonomija ir atkarīga gan no ārējās ietekmes, gan no personas pašas gribas. Tikai pastāvot valsts aizsardzībai un personas gribai aizsargāt sevi ir iespējams nodrošināt personas privātuma aizsardzību. Analizējot Vispārējo datu aizsardzības regulu autore secina, ka tai ir jābūt likumīgai, godprātīgai, pārredzamai, ievērojot nolūka ierobežojuma principu, precizitāti un datu minimizēšanas principu. Darba devēji iegūst personas datus no personas dažādiem mērķiem: lai izpildītu likuma prasības, atlasītu darbiniekus, apmācītu un motivētu, nodrošinātu personāla drošību, kvalitātes kontroli, pakalpojumu sniegšanu un īpašuma aizsardzību. Darba devēji izmanto vai viegli var izmantot darba tiesisko attiecību risināšanai jaunāko tehnoloģiju iespējas: profilēšanu, videonovērošanu, personiskas

informācijas ievākšanu, kuru likums aizliedz apkopot. No vienas puses cilvēki grib pasargāt savu privātumu, bet no otras puses nereti paši labprātīgi sniedz datus, kam pamatā ir noteikts mērķis. Vispārīgā datu aizsardzības regula ieviešana Latvijā ir būtisks solis datu aizsardzības tiesību piemērošanai un nostiprināšanai. Kompleksi vērtējot datu drošības jautājumus darba tiesiskajās attiecībās autore secina, ka Vispārīgā datu aizsardzības regula ietvertais regulējums ir ne tikai efektīvi praksējāievieš, bet arī jāpilnveido nacionālais tiesiskais regulējums, kas ļautu precīzi izprast tās prasības, kas jāievēro katram darba devējam. Efektīvas ieviešanas viens no priekšnoteikumiem ir ne tikai tā piemērošana pārraudzības iestādes, vai tiesā jau izskatot problēmjautājumus, bet tā „iedzīvināšana” sabiedrībā un praksē. Datu aizsardzības izaugsme iespējama tikai tad, ja sabiedrība apzināsies riskus un iespējamus draudus, kas var rasties no neatbilstošas, nepamatotas apstrādes, tai skaitā no pašas personas rīcības sekām (neatbildīgi sniedzot šos datus trešajām personām un neinteresējoties par datu apstrādes mērķi). Darba tiesiskajās attiecībās ir jāsamēro abu pušu intereses.

Pēc pētījuma referāta autorei ir atziņas, secinājumi un priekšlikumi. Autore secina, ka Darba likums nedefinē jēdzienu „pretendents”, tādejādi attiecībā uz personu, kura piesakās uz vakanci nav tiesiski aizsargāta. Nav precīzi noteikts, no kura brīža darba devējam var iestāties atbildība attiecībā uz Darba likumā noteiktiem aizliegumiem, piemēram, īstenot diskrimināciju. Tāpat ir neskaidrība par personas datu apstrādes tiesisko pamatu, respektīvi, par kuru personu un no kura brīža darba devējam ir tiesības interesēties un ievākt vismaz minimālās ziņas.

Priekšlikums: Papildināt Darba likumu ar 3.¹ pantu ar nosaukumu „Pretendents”, to izsakot sekojošā redakcijā: „Fiziska persona, kura no publiskiem avotiem ir ieguvusi informāciju par iespējamo vakanci un vēlas pieteikties vai ir pieteikusies pie darba devēja ar mērķi noslēgt darba līgumu.” Tā kā autore izvirza priekšlikumu definēt Darba likumā jēdzienu „pretendents”, tad tam ir jāpiešķir arī tiesiskais regulējums. Vadoties no iepriekš minētā autore izvirza priekšlikumu: Papildināt Darba likuma 29. pants ar 11. daļu sekojošā redakcijā: „Šajā pantā noteiktais atšķirīgas attieksmes aizliegums attiecas arī uz pretendentu.”

Tāpat autore uzskata, ka nepieciešams saskaņot Darba likuma 33. panta otro daļu ar Vispārīgās datu regulā noteiktajiem īpašas kategorijas datu apstrādes specifiku, jo gan īpašas kategorijas datu apstrādes aizlieguma, gan Darba likuma 33. panta otrās daļas mērķis ir kopīgs – preventīvi novērst diskriminācijas iespēju ar aizliegumu ievākt noteikta veida informāciju pardarbinieku. Autores priekšlikums: grozīt Darba likuma 33. panta otro daļu izsakot to sekojošā redakcijā: „Darba intervijā nav pieļaujami tādi darba devēja jautājumi, kas neattiecas uz paredzētā darba veikšanu vai nav saistīti ar pretendenta piemērotību šim darbam, kā arī jautājumi, kas ir tieši vai netieši diskriminējoši, it īpaši jautājumi, kas atklāj pretendenta rasi vai etnisko piederību, politiskos uzskatus, reliģisko vai filozofisko pārliecību vai dalību arodbiedrībās, veselības stāvokli vai ziņas par pretendenta dzimumdzīvi vai seksuālo orientāciju.

Vienlaicīgi autore izvirza priekšlikumu izslēgt no Darba likuma 33. panta tiesības prasīt par iepriekšējo sodāmību. Līdz ar iepriekš minēto grozīt Darba likuma 35. pantu, papildinot ar 1.¹ daļu sekojošā redakcijā: „Sagatavojot darba līgumu ziņas par sodāmību darba devējam ir tiesības pieprasīt tikai gadījumos, ja tam ir likumīgs pamats, t.i. ar likumu noteikti nodarbinātības ierobežojumi saistībā ar sodāmību.” Tikpat būtiska ir ievērot personas tiesības uz sava attēla aizsardzību. Darba likums attiecībā uz fotogrāfijām. Līdz ar to autore izvirza priekšlikumu Darba likuma 35. pantu papildināt ar 1.² daļu sekojošā redakcijā: „Sagatavojot darba līgumu darba devējs ir tiesīgs prasīt pretendenta foto tikai specifiskus gadījumus, kad izskats ir saistīts ar darba veikšanu vai to paredz kādi speciāli normatīvie akti.”. Lai izpildītu Vispārīgā datu aizsardzības regulā noteikto par tiesībām „tikt aizmirstam” Darba likumā ir jāietver nosacījums, kas uzliek par pienākumu darba devējam rakstveidā paziņot par atlases rezultātiem un tiesībām prasīt datu dzēšanu pēc tam, kad vakance vairs nav aktuāla. Autore izvirza priekšlikumu: iestrādāt Darba likumā 33.¹ pantu sekojošā redakcijā: „Darba devēja pienākums ir rakstveidā paziņot pretendentam par izsludināto vakanci un pretendenta tiesībām prasīt savu sniegto dokumentu atgriešanu pretendentam. Ja ar pretendentu darba līgums netiek noslēgts, darba devējam nav tiesiska pamata turpmāk apstrādāt personas datus, ja vien nepastāv cits tiesiskais pamats.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Autore secina, ka darba devējiem nav saistošs tikai Darba likums un Fizisko personu datu apstrādes likums konkrētās prasības, bet arī starptautiskās rekomendācijas, kuras nosaka likuma interpretācijas apjomu attiecībā uz personas datu apstrādi noteiktās nozarēs. Līdz ar to darba devējam noteiktie aizliegumi nav ekskluzīvi noteikti tikai Darba likumā. Ņemot vērā iepriekš minēto, attīstot Darba likuma regulējumu nevajadzētu dublēt prasības, kas jau ietilpst personas datu aizsardzības regulējumā, bet gan sasaistīt tās ar darba tiesiskajām attiecībām.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Latvijas Republikas Satversme. 1992. gada 15. februāris, spēkā no 07.11.1992., Latvijas
2. Eiropas Padomes Konvencija par personu aizsardzību attiecībā uz personas datu automātisku apstrādi. Pieņemta 1981. gada 28. janvāris. Latvijas Vēstnesis Nr. 59 (2446), 12.04.2001.
3. Eiropas Parlamenta un Padomes regulas (ES) 2016/679 (2016. gada 27. aprīlis) par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti un ar ko atceļ Direktīvu 95/46/EK (Vispārīgā datu aizsardzības regula). Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis. L 119/1.
4. Komisijas paziņojums Eiropas Parlamentam un Padomei: „Spēcīgāka aizsardzība, jaunas iespējas — Komisijas norādes par Vispārīgās datu aizsardzības regulas tiešu piemērošanu, sākot ar 2018. gada 25. maiju”, Briselē, 24.1.2018, COM (2018) 43 final.
5. Eiropas parlamenta 2011.gada 22. jūnija ziņojums par vispusīgu pieeju personas datu aizsardzībai Eiropas Savienībā. <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+REPORT+A7-2011-0244+0+DOC+XML+V0//LV#title1>
6. Fizisko personu datu apstrādes likums. Latvijas Republikas likums. 2018.gada 21. jūnijs, spēkā no 05.07.2018., Latvijas Vēstnesis Nr.132 (6218).
7. Personu apliecinošu dokumentu likums. Latvijas Republikas likums. 2012.gada 12. janvāris, spēkā no 15.02.2012., Latvijas Vēstnesis Nr.18 (4621) ar grozījumiem uz 13.07.2017.
8. Darba likums. Latvijas Republikas likums. 2001.gada 20. jūnijs, spēkā no 01.06.2002., Latvijas Vēstnesis Nr.105 (2492) ar grozījumiem uz 27.07.2017.
9. Informācijas atklātības likums. Latvijas Republikas likums. 1998.gada 29. oktobris, spēkā no 20.11.1998., Latvijas Vēstnesis Nr.334/335 (1395/1396) ar grozījumiem uz 03.09.2015.
10. Iedzīvotāju reģistra likums. Latvijas Republikas likums. 1998.gada 27. augusts, spēkā no 24.09.1998., Latvijas Vēstnesis Nr.261/264 (1322/1325) ar grozījumiem uz 14.12.2017.
11. Krimināllikums. Latvijas Republikas likums. 1998.gada 17. jūnijs, spēkā no 01.04.1999., Latvijas Vēstnesis Nr.199/200(1260/1261) ar grozījumiem uz 11.10.2018.
12. Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodekss. Latvijas Republikas likums. 1984.gada 7. decembris, spēkā no 01.07.1985., Ziņotājs Nr.51, ar grozījumiem uz 21.06.2018.
13. Fizisko personu datu aizsardzības likums. Latvijas Republikas likums. 2000.gada 23. marta, spēkā no 20.04.2000., Latvijas Vēstnesis Nr.123/124(2034/2035) ar grozījumiem uz 11.10.2014. Zaudējis spēku 05.07.2018.

Трансформация права: устойчивость системы или смена качества

Андрей Лошкарев, к.ю.н., доцент,

Самарский государственный экономический университет, Россия;

Арсений Шлиньков, студент,

университет Тюбинген, ФРГ

2482337@mail.ru

Алла Павлушина д.ю.н., проф.

АННОТАЦИЯ

Трансформация, по существу, есть термин, опосредующий действие философского закона перехода количественных изменений в качественные. Очевидно, что в современных правовых системах идет активное накопление количественных признаков, которые рано или поздно вызовут к жизни новую стадию в развитии права. Какой интерес является актуальным - обеспечение устойчивости существующей системы или подготовка к означенному переходу и ускорение его? Синергетическим параметром порядка выступают в этом случае принципы права. В статье рассматривается ситуация подобного выбора в современном мире.

Ключевые слова: трансформация в праве, переход количества в качество; принципы права; синкретические параметры порядка.

ABSTRACT

A transformation is per se a term, which mediates an action of the philosophical law of transition from quantity to quality. It is obvious, that in modern law systems is proceeding an active accumulation of quantitative signs, which sooner or later will call a new stage in the evolution of law into being. Which interest is more actual: ensuring of sustainability of the existing system or preparing to designated transfer and acceleration of it? As a synergetic parameter of order in our case serves the principles of law

Key words: transformation of law, transition from quantity to quality, principles of law, syncretic parameters of order.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Трансформация, как понятие, безусловно, многозначный термин. Он широко используется как логико-философская основа в самых разных областях знания - от лингвистики до генной инженерии. В самом общем виде его часто определяют как изменение формы или структуры чего-либо. Представляется, однако, что это слишком узкая трактовка. Является ли „транс“ - „формация“ только изменением формы? Либо этот термин призван обозначить выход за пределы прежнего качества системы и переход ее к новому качеству?

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRAKTICAL PROVISIONS

Очевидно, что при выборе темы мотивами к обозначению происходящих в праве и экономике настоящего времени изменений термином „трансформация“ послужили следующие причины: 1. социальная практика активно указывает на увеличение скорости перемен, период плато в развитии как в области развития социума, так и в реалиях существования правовых систем сменился периодом ускорения перемен, увеличения скорости накопления изменений, не свойственных существующему

качеству систем; 2.ученый не может не задаваться вопросом к чему это ведет - к смене ли только формы правовой системы или к принципиальному изменению ее качества?

Полагаем, термин „ трансформация „ затрагивает не только форму. В своем действительном смысле „транс-формация“ опосредует известный философский закон перехода количественных изменений в новое качество, перехода границы одного качества в другое. Такое обозначение происходящих в праве и обществе процессов означает, что мы стоим на пороге качественной смены систем права, экономических систем мирового и регионального масштаба. Либо, употребляя этот термин, мы утешаем себя тем, что мир находится в затяжном процессе перехода, вновь в „переходном периоде“, в „транс-состоянии“ - состоянии между двух качеств. Как справедливо отмечает Г. Хакен: „ Мы живем в непрерывно меняющемся мире. Постоянно происходит одновременное рождение новых идей и смерть прежних. Перед нами головокружительная картина бесконечных изменений, характеризующаяся собственной динамикой...“ [1]

Интересным и весьма любопытным в этом смысле является документ, о котором подробно сообщали и российские СМИ, а именно - Доклад национального разведывательного Совета США „ Глобальные тренды: парадокс прогресса“, подготовленный офисом директора национальной разведки в январе 2017 года для представления в Конгресс США. [2] Не имея своей целью давать политические оценки названному документу, считаем интересным отметить, что весь он, имея в виду его прогностический характер, не утверждает новое качество мирового порядка, а указывает на количественные изменения в экономике, праве, политике мирового сообщества. Доклад изобилует утверждениями о „ возрастании напряженности“, „ уменьшении прироста производительности труда“, „понижении темпов экономического роста“, „увеличении бедности, увеличении риска возникновения конфликтов, увеличении числа и сложности проблем“ и т.п. Серьезный документ, составленный лучшими прогностическими научными коллективами Америки указывает на нахождение мира в состоянии накопления новых, далеко не позитивных обстоятельств общественной жизни.

Представляется, что в настоящее время очевидным является синергетический эффект улитки. В эволюционных учениях о времени этот эффект называют формулой спирали. В каждом спиральной цикле ход эволюции имеет ускоренный характер на фоне прошлого. Как говорят исследователи соответствующих проблем, „ на этапе Европейского цикла эволюция выжала до отказа педаль скорости“. [3]

Социальные трансформации, произошедшие за последние годы, поистине колоссальны. Это и развал империй, и зарождение новых, происходящие иногда без оглядки на государственные границы и суверенитеты; крушение социальных и экономических систем; качественный скачок в развитии технологий, ставших также во многом над государственными границами и несущими в себе зародыш нового мироустройства.

Вопрос, который стоит в настоящее время перед мировым сообществом, заключается в следующем: что является желательным - закрепление найденных и закреплённых ранее международными договорами и соглашениями параметров порядка или признание, принятие и утверждения новых стандартов, приходящих в право явочным путем? Иными словами- каков господствующий социальных интерес: обеспечивать устойчивость системы, приводя ее правовыми методами к соблюдению параметров порядка или подготовка к обозначенному синергетическому переходу системы в новое качество и, возможно, ускорение его?

Полагаем уместным применение выводов синергетики, как философско- методологической основы, для анализа прогностического развития правовых систем. Как справедливо отмечает основатель синергетики Г. Хакен, определенно указывающий на применимость синергетических моделей к социальной реальности: “ Как показано математически в синергетике, во многих случаях поведение системы, близкое к таким точкам неустойчивости, может зависеть от поведения очень немногих переменных, можно даже сказать, что поведение отдельных частей системы просто определяется этими немногими факторами. Эти факторы называются параметрами порядка...Параметры порядка играют доминирующую роль в концепции синергетики. Они «подчиняют» отдельные части, т. е.

определяют поведение этих частей. Связь между параметрами порядка и отдельными частями системы называется принципом подчинения. С определением параметров порядка практически описывается поведение системы. Вместо того, чтобы описывать поведение системы посредством описания отдельных ее частей, нам нужно иметь дело или описывать поведение только параметров порядка. Другими словами, мы получаем здесь огромное информационное сжатие". [4]

Очевидно, что в праве параметрами порядка призваны выступать и выступают принципы права. Они всегда во всех международных и межгосударственных отношениях, равно как и во внутреннем законодательстве, являются своеобразной кристаллической решеткой, порядком связывания права в систему, они определяли ее основные качества. В настоящее время не существует международного договора о названных категориях, охватывающего все государства мира, как не существует и мирового суверена, способного обеспечить его исполнение, а соответственно и придать существующей системе устойчивость. Однако, договоры такого рода, признаваемые значительным количеством государств, хотя бы декларативно, существуют.

Базовыми, весьма значимыми международно-правовыми актами в этой сфере, зафиксировавшими межгосударственный компромисс по установлению соответствующих параметров в праве, являются Всеобщая декларация прав человека, равно как и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Всеобщая декларация прав человека в окончательной редакции была поддержана 48 странами (из 58 тогдашних членов ООН) на 183-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций в Пале де Шайо (Париж) 10 декабря 1948 г. Европейская конвенция имеет 47 стран-участниц, что очевидно является представительной выборкой в обозначении правовых приоритетов и стандартов в мире. Известно, что Конституции многих стран мира также основаны на соответствующих принципах и называют их. Как справедливо отмечает Фридрих фон Хайек: „Людей ведет к согласию и связывает в устойчивую социальную структуру то, что на непохожие в деталях ситуации они отвечают согласно одним и тем же абстрактным правилам.“ [5]

Складывается впечатление, что политики забыли содержание обоих документов. Очевидно, что в мире в последние десятилетия идет лавинообразно накопление явлений иного качества, чем заложенные в них принципы. Какой из принципов не возьми, в социальной реальности присутствуют массовые нарушения их. Иногда так называемые „отступления от общепризнанных норм и прав человека“ кажутся или представляются частными. Однако, стоит обратить внимание на то, что при их количественном накоплении неизбежным является возникновение нового качества правовых систем, массовые нарушения и отступления от параметров порядка ведут к трансформации правовых систем, к замене старого, признаваемого многими государствами в качестве искомого правопорядка неким новым.

К глубокому сожалению следует констатировать, что новостные рассылки свидетельствуют о плачевном состоянии в части правореализации и соблюдения правовых параметров порядка. Право на жизнь, сформулированное в вышеуказанных документах, как невозможность умышленного лишения жизни, иначе как в установленных законом случаях, очевидно, нарушается любого рода войнами, а они очевидно, хотя часто и с неочевидным составом участников, идут и на территории Сирии, и в целом ряде других регионов. А ведь в соответствии с Статьей 28 Всеобщей Декларации „Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены“. Очевидно, что все они невозможны в условиях войны. Ситуацию в мире в этой части отнюдь нельзя назвать благополучной, а ведь политика при всей ее взаимосвязи с экономикой есть продукт человеческого сознания и человеческого социального и политического поведения.

Многочисленные сообщения СМИ о пытках в судебно-исполнительных системах, убийствах на территории консульств и иностранных государств, множественные акты военной агрессии с человеческими жертвами, неизбежными в таких случаях, со стороны многих (!) государств, участвовавшие сообщения о самоубийствах из-за бедности есть не что иное как массовые нарушения права на жизнь.

Не прекращающаяся информационная война с постоянно появляющимися в СМИ взаимными обвинениями в дезинформации, хакерских атаках, с ее пропагандистскими приемами не уменьшилась, а значительно приросла в последнее десятилетие, наглядно демонстрируя названное спиральной ускорение в увеличении эпизодов нарушения права на свободу мысли.

Противостояние юрисдикций, когда взаимоисключающими являются решения международных и внутригосударственных судов, в частности в сфере спортивного права, делающие возможным „признание лица олимпийским чемпионом на территории России“, [6] являющиеся абсурдными по существу, свидетельствует о коррозии в праве на справедливое судебное разбирательство, так как в сфере признания иностранного судебного решения возможно либо признание и приведение его в исполнении либо отказ в этом.

В соответствии со Ст. 13 Всеобщей Декларации “Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну“. Украина, введя военное положение, запретила выезд Российским мужчинам от 16 до 60 лет.; в России более миллиона человек являются невыездными на основании актов приставов-исполнителей, известна миграционная ситуация на границах США и Мексики, равно как и миграционный кризис в странах Европы. Уровень визовых ограничений и состояние санкционных войн, в том числе в отношении персоналий, очевидно не есть реализация этого принципа. Попытки ограничить интернет государственными границами, массовые блокировки в сети, есть ограничение в действии Статья 19. Всеобщей Декларации, в соответствии с которой „Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ“. Как отмечают обозреватели, „крупные хранилища данных, принадлежащих частным корпорациям-гигантам, - лакомая добыча для хакеров. Они могут украсть информацию для перепродажи или шантажа, а также передать ее другим злоумышленникам. Сами компании бывают нечисты на руку: они обменивают и продают информацию о пользователях, не ставя их в известность.“ [7]

В качестве примера приводят тайную сделку между MasterCard и Google: IT-гигант следил за тратами пользователей для проверки эффективности рекламы. [8] Или совсем свежая информация: Социальный сервис обмена знаниями Quora сообщил на сайте компании о массовой утечке персональных данных. В результате взлома в сеть попала личная информация 100 млн аккаунтов, причел утекли как общедоступные, так и закрытые данные. [9] Налицо не просто массовое, а глобальное нарушение принципов личной тайны, невозможности произвольного вмешательства в нее. И ведь подобных ситуаций фиксируется в мире не штучно. Вряд ли при подобном масштабе можно говорить о полноценном действии принципа в мировых правовых системах. Параметр порядка не работает.

В качестве противовеса обычно звучит утверждение, что названные декларативные установления не могут быть и не являются безграничными, каждый из них может в разумной мере быть ограничен в интересах здоровья и общей безопасности. Представляется, однако, что многие публичные субъекты мировой политики слишком далеко отодвинули границу общечеловеческих ценностей, усиливая режимы противоправными запретами.

В этом смысле следует согласиться с подобным подходом к оценке каркаса права, который был представлен в выступлении главы дипломатии ЕС Федерико Могерини. Фиксируя ситуацию, она отметила: „Боюсь, сегодня мы вынуждены признать, что мировой порядок до сих пор по-настоящему не установлен. Более того, в современных условиях есть реальная опасность господства закона джунглей над верховенством закона. Сомнениям сейчас подвергают те же международные договоры, сто привели к концу холодной войны“. Вместо строительства нового порядка приходится тратить огромные силы на предотвращение демонтажа существующих правил.“ [10]

Если иметь в виду действительный смысл понятия мировой порядок, опуская растиражированный его пропагандистский смысл, речь фактически идет о том, что мы находимся в точке бифуркации, признаки нового качества нарастают, что основополагающие принципы права попираются глобальными общемирового масштаба массовыми нарушениями. Очевидно, что в мире идет активное количественное накопление несоответствующего параметрам порядка нового качества. „Конкуренция параметров порядка и упорядочивание системы за счет доминирования одного из них характерна для многих социальных и психологических процессов — таких, как общественные настроения, мода, принятие правил и обычаев или распознавание образов.“[11] Однако не встает ли исключение выше правила, приобретая тем самым не только самодостаточный характер, но и, будучи убедительно обосновываемое правящими элитами, перерастает таким образом в новый мировой порядок, новое правило, принцип, параметр порядка. Как далеко все мы отстоим от точки бифуркации, когда, невзирая на международные хартии и договоры, мир перейдет в иную, невозвратную по названным показателям стадию?

SECINĀJUMI / CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ

Какова роль в осмыслении всех описанных выше процессов мировой гуманитарной науки? Каково ее предназначение? Показательным в этом смысле представляется социологический вывод, принадлежащий американскому психологу Соломону Э. Элу. Не обращаясь к самому ходу эксперимента, (в нем предлагалось оценить длину трех представленных отрезков группе из непосвященных и посвященных участников, заведомо сообщающих неверный ответ, и направлен он был на выявление самостоятельности суждений его участников), приведем сам вывод. „ Из каждых десяти испытуемых двое не поддавались на провокации и давали ответ, соответствующий их личному восприятию; двое присоединялись к чужому мнению только один-два раза из десяти; шестеро же оставшихся, соглашаясь с большинством, сообщали экспериментатору в качестве собственноразведомо неверные ответы. Это означает, что даже в безобидных вопросах... значительная часть людей предпочитает присоединиться к мнению большинства, даже в тех случаях, когда это мнение очевидно для них ошибочно“.[12]

Какой же выход видится в ситуации политически направленного влияния на нас СМИ? В осмысленном следовании параметрам порядка, заложенным во Всеобщей Декларации. В нашем праве на свободу информации при формировании мнения. В максимально возможном по количеству и спектру источников информации. в профессиональном их восприятии. Не кто иной, как именно научное сообщество есть те два процента, которые более других будучи осведомлены в исследуемой сфере, могут хотя бы пытаться всесторонне получать и анализировать информацию. И относительно самостоятельно оценивать ее. Только юридическое понимание характера нарушений параметров порядка дает возможность указывать общественному мнению на их избыточность, их не необходимый характер. На нарушения, обслуживающие лишь политические и экономические потребности отдельных групп, раскачивающие общепринятые параметры порядка и ведущие нас в мир антиутопии, где в точном соответствии с законами диалектики мы можем столкнуться с их прямой противоположностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATURES UN AVOTU SARAKSTS

1. Г. Хакен Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. М.-Ижевск: Институт компьютерных. 2003.- 320 С.; С. 204
2. Ларина Е., Овчинский В. Преступность, терроризм и технологии будущего (по материалам доклада разведки США) // spkurdumov.ru
3. Николаев А. В. Время. Теория. Часть 1. DirectMedia. X Раздел. Параграф 6. Цифровая спираль// books.google.de.

4. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке?“ /Синергетика и образование. [//spkurdumov.ru](http://spkurdumov.ru)
5. Хайек ф. Ф. Право, законодательство и свобода. М, 2006 -644 С. С.180
6. Зубков А. Из интервью pervonovosti.ru) // pervonovosti.ru2018
7. Кадочникова С.Интернет потерпел крах. В сети бушуют цензура и блокировки, но есть способ спастись. // <https://m.lenta.ru/articles/2018/09/24/dweb/>
8. Там же
9. Масштабная утечка в Quora. /<https://ain.ua/2018/12/04/quora-bolshaya-utechka/>
10. Могерини Ф Из выступления в Университете Гарварда 03.12.18 // mt.360tv.ru
11. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. С. 194
12. Там же

Operatīvās darbības reforma Latvijā

*Andrejs Mažuks, Latvija, Baltijas Starptautiskā akadēmija,
Smiltenes filiāle, Studiju programma "Privāttiesības",*

e-pasts: andrejsmazuks@gmail.com

Zinātniskais vadītājs: Mg.iur.

Baltijas Starptautiskās akadēmijas

Lektore Ligita Vehi

ANOTĀCIJA

Autora referāts skar cilvēktiesību jautājumu operatīvās darbības procesā. Referāta mērķis ir īsumā apskatīt operatīvās darbības regulējuma pārmaiņu procesu, kā arī noskaidrot tiesas un prokuratūras kompetenci cilvēktiesību aizsargmehānismā. Referāta tēma ir aktuāla, jopraksē ir gadījumi, kad operatīvā darbība nenotiek saskaņā ar likuma prasībām, līdz ar ko cilvēktiesību aizskārums nav attaisnojams un tieši tāpēc valstīir nepieciešams nodrošināt augstāku cilvēktiesību ievērošanu operatīvās darbības procesā.

Atslēgas vārdi: Cilvēktiesības, operatīvā darbība, uzraudzība, kontrole.

ABSTRACT

The author's report affects human rights in the process of operational activities. The aim of the report is to briefly review the process of changes in the regulatory framework for operational activities, as well as to clarify the competence of the court and prosecutor's office in the human rights protection mechanism. In practice, there are cases where the operational activity does not comply with the requirements of the law, which makes the violation of human rights unjustified. The topic of the report is actual, because it is necessary to ensure greater human rights in the operational activities process in the country.

Keywords: Human rights, operational activities, monitoring, control.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Kopš Latvija ir kļuvusi par vienu no Eiropas Savienības dalībvalstīm, Latvijai ir uzlikts par pienākumu nodrošināt vienotu cilvēktiesību standartu ievērošanu. Sakarā ar ko, Latvijai ir saistoša arī Eiropas Cilvēktiesību konvencija (turpmāk – konvencija). Konvencijas 8. pantāietvertas tiesības uz privāto dzīvi un tās neaizskaramību, kā arī noteikts, ka šīs tiesības nav absolūtas likumā minētajos gadījumos [1].

Latvijas Republikas Satversmes 96. pants garantē ikviena indivīda tiesības uz privātās dzīves, mājokļa un korespondences neaizskaramību. Turpretī Satversmes 116.pants noteic, ka iepriekš minētās tiesības var tikt ierobežotas tikai likumā paredzētajos gadījumos, lai aizsargātu citu cilvēku tiesības, demokrātisko valsts iekārtu, sabiedrības drošību, labklājību un tikumību [2]. Kā redzams, Eiropas Savienības pamatnostādnes atrodamas arī nacionālajā normatīvajā regulējumā.

1994.gada 13. janvārī Latvijā stājās spēkā Operatīvās darbības likums, kurš šobrīd nosaka operatīvās darbības tiesiskos pamatus, principus, uzdevumus, mērķus un saturu, reglamentē tās procesu, formas un veidus, operatīvās darbības subjektu amatpersonu statusu, tiesības, pienākumus un atbildību, kā arī šīs darbības finansēšanu, uzraudzību un kontroli [3].

Līdz šai dienai Operatīvās darbības likums grozīts desmit reižu, taču, tikai ar pēdējo veikto grozījumu operatīvās darbības regulējumā tika pievērsta īpaša uzmanība cilvēktiesībām. Jāatzīst, ka cilvēktiesību regulējums minētajā likumā sākotnēji ir bijis primitīvs, jo 90. gadu sākumā, kad likums tika rakstīts, bijusi pavisam cita izpratne par cilvēktiesībām.

Neskatoties uz progresu, joprojām ir gadījumi, kad Latvijas drošības, aizsardzības un sabiedriskās kārtības nodrošināšanas iestādes jeb operatīvās darbības subjekti rīkojas patvaļīgi, iejaucoties personu privātajā dzīvē, par ko dažkārt var uzzināt masu mediju informatīvajā telpā. Autoraprāt, minētā problēma ir aktuāla, jo valstī ir nepieciešams nodrošināt pilnīgu cilvēktiesību ievērošanu operatīvās darbības procesā.

Šireferātamērķis ir apskatīt operatīvās darbības regulējuma pārmaiņu procesu, noskaidrot, kuras ir tās valsts iestādes, kas nodrošina uzraudzību pār operatīvo darbību, noskaidrot kālikumdevējs irneregulējis operatīvās darbības uzraudzības mehānismu, kā arī rast priekšlikumus pilnīgākai cilvēktiesību ievērošanai.

Referātā izmantotas pētnieciskās metodes: vēsturiskā, aprakstošā, salīdzinošā un analītiskā.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Operatīvās darbības transformācijas process

Kā jau iepriekš tika minēts ievaddaļā, cilvēktiesību regulējums Operatīvās darbības likuma (turpmāk – ODL) sākotnējā redakcijā ir bijis pavisam primitīvs un tas vairs neatbilda mūsdienu reālajai situācijai. Līdz ar Latvijas iestāšanos Eiropas Savienībā, mainījās Latvijas tiesību sistēmas saturs, taču operatīvās darbības regulējums veselu dekādi netika būtiski mainīts.

Aplūkojot visusODL veiktos grozījumus, konstatējams, ka tikai 2016.gadā veiktie grozījumi paredzēja augstāku cilvēktiesību prasību garantēšanu operatīvās darbības subjektu darbībā, paredzot stingrāku prokuratūras un tiesas priekškontroli konkrētiem pasākumiem. Līdz 2016.gadam ODL veiktos grozījumus ir grūti nosaukt par būtiskiem. Pēdējo grozījumu stūrakmens meklējams 2012.gadā, kad Saeimātika uzsāks operatīvās darbības regulējuma, operatīvās darbības pasākumu, veidu, metožu, paņēmieni, formu un apjoma, kā arī operatīvās darbības subjektu kompetences un savstarpējās sadarbības izvērtēšanas darbs, tādējādi, vērtējot tiesiskā regulējuma atbilstību Eiropas Cilvēktiesību tiesas judikatūrā attīstītajām atziņām. Operatīvās darbības regulēšanā piedalījās vairāki operatīvās darbības subjekti, kā arī citas īpaši pilnvarotas valsts institūcijas [10]. Viens no darba grupas pārstāvjiem pauda viedokli, ka paredzot detalizētākas likuma prasības, mēs panāksim, ka operatīvā darbība tiks veikta atbilstošāk starptautiskajiem cilvēktiesību standartiem un samazināsies iespēja vērsties pret valsti par šo standartu neievērošanu [11]. Kā piemēru šajā kontekstā autors var minēt 2013.gadā Eiropas Cilvēktiesību tiesā pasludināto spriedumu lietā “Baltiņš pret Latviju”, kur tiesa atzina, ka pret iesniedzēju ir bijis vērstas konvencijas pārkāpums, taisnīgas tiesas prasības neievērošanā, izmantojot pierādījumus, kas iegūti uzskūdišanas rezultātā, veicot operatīvo darbību, kā rezultātā Latvijai tika uzlikts par pienākumu atļūdzināt iesniedzējam morālo kaitējumu [5].

Tāpēc, veicinot augstāku cilvēktiesību prasību ievērošanu, ODLtika grozīta vismaz trešā daļalikuma normu, kā arī likums tika papildināts ar septiņām jaunām normām. Grozījumi būtiskākās izmaiņas paredzēja:

- konkrētu operatīvās darbības pasākumu, kā piemēram, operatīvās novērošanas (izsekošanas), operatīvo datu iegūšanas no elektronisko sakaru komersantiem, operatīvo ziņu iegūšanas no kredītiestādēm vai finanšu iestādēm regulējumā, paredzot tiem attiecīgu priekškontroli;
- personu tiesību aizsardzības mehānismā pret operatīvās darbības subjektu patvaļīgu iejaukšanos personas privātajā dzīvē;
- uzraugošo iestāžu kompetenci, konstatējot likuma prasībām neatbilstošu operatīvās darbības subjektu rīcību.

Vienlaikus minētie grozījumi paredzēja arī redakcionālus labojumus normu precīzākai piemērošanai.

Ņemot vērā minēto, jānoskaidro, kuras ir tās iestādes, kas nodrošina uzraudzību pār operatīvo darbību, kādas ir šo iestāžu kompetences, kādi aizsarg rīki ir šo iestāžu rokās un vai tie ir pietiekoši efektīvi.

Operatīvās darbības uzraudzība un kontrole

Autoraprāt, viens no efektīvākajiem veidiem kā panākt vēlamo rezultātu ir pastāvīga notiekošā procesa uzraudzība un kontrole. Minēto var attiecināt arī uz cilvēktiesību ievērošanas nepieciešamību operatīvās darbības procesā.

Kā norādījusi Eiropas Cilvēktiesību tiesa, operatīvās darbības process nav pakļauts ne personas, ne sabiedrības kontrolei un tieši tāpēc tas var radīt operatīvās darbības subjektu pilnvaru ļaunprātīgu izmantošanu. Sakarā ar ko, normatīvajiem aktiem ir jānodrošina tāds aizsargmehānisms, kas ļauj novērst ļaunprātīgu varas izmantošanu [7]. Tāpat arī tiesa ir atzinusi nepieciešamību pēc neatkarīgas institūcijas, kas nodrošina operatīvās darbības pasākumu pirmskontroli [8].

Kā norādījis Ģenerālprokuratūras Īpaši pilnvarotu prokuroru nodaļas prokurors A.Višņakovs - Prokuratūra veic uzraudzību pār operatīvās darbības likumību, savukārt, akceptējot operatīvās darbības pasākumus, prokurors un tiesnesis veic kontroli pār operatīvo darbību [14]. No iepriekš minētā saprotams, ka operatīvās darbības uzraudzību vai kontroli, atkarībā no likumības un/vai lietderības viedokļa, veic Augstākā tiesa vai Prokuratūra un to var iedalīt divās stadijās – 1) pirmskontrolē, kad pirms operatīvās darbības pasākuma uzsākšanas saņemams attiecīgais akcepts; 2) pēckontrolē, kad veicama pārbaude par operatīvās darbības subjekta rīcības likumību. Autoraprāt, minētā kontrole un uzraudzība ir cieši saistītas ar cilvēktiesību ievērošanu, abi pasākumi ir pielīdzināmi daļai no cilvēktiesību aizsargmehānisma, jo tādējādi tiek novērsti iespējami pārkāpumi.

Ne visi operatīvās darbības pasākumi ir pakļauti tiesas vai prokuratūras kontrolei. Tiesas vai prokuratūras kontrole īstenojama tikai attiecībā pret sevišķajā veidā veicamajiem operatīvās darbības pasākumiem, kuri būtiski aizskar personu pamattiesības.

Saskaņā ar Eiropas Cilvēktiesību tiesas judikatūru [6], lai garantētu atbilstošu personu tiesību aizsardzību, gadījumos, kad tiek veikti operatīvās darbības pasākumi, kuru rezultātā notiek būtiska iejaukšanās personas privātajā dzīvē, normatīvajiem aktiem ir jābūt pietiekoši detalizētiem, nepieļaujot operatīvās darbības subjektu pārlietu lielu rīcības brīvību, tāpēc ODL pēdējie grozījumi paredzēja likumu papildināt ar jaunu 23.¹ pantu, paredzot detalizētāku kārtību, kādā saņemams tiesneša vai prokurora akcepts attiecīgo operatīvās darbības pasākumu veikšanai. Pirms ODL grozījumiem, likums arī iepriekš paredzēja tiesas vai prokuratūras kontroli, taču noteica to vispārīgā formā. Turklāt jaunais ODL 23.² pants paredz operatīvās darbības veicēja pienākumu sagatavot pārskatu par operatīvās darbības pasākumu veikšanu pēc to pabeigšanas un nosaka nepieciešamību pārskatu pievienot lietas materiāliem. Turpat ODL 23.² panta trešajā un ceturtajā daļā noteikts, ka prokurors pārbauda veiktās operatīvās darbības vienīgi tad, ja tiek konstatēta atkāpšanās no akceptētā personas tiesību ierobežojuma. Šajā gadījumā, veicot pārbaudi, minētajam pārskatam par operatīvās darbības pasākuma gaitu un rezultātiem ir būtiskākā nozīme, jo tam jāsaturs detalizētas ziņas par atkāpšanās apstākļiem.

Pastāv arī izņēmumi, kad vispārējā veidā veicamie operatīvās darbības pasākumi (ODL 15. panta trešā daļa, 15.¹ panta ceturtnā daļa un 16. panta ceturtnā daļa) ir pakļauti prokuratūras kontrolei, jo šo pasākumu forma un veids robežojas ar iespējamu būtisku pamattiesību aizskārumu. Autoraprāt, arī vispārējā veidā veicamie operatīvās darbības pasākumi, kuri būtiski neaizskar personu pamattiesības, tik un tā ir pakļauti pirmskontrolei, jo pirms šo pasākumu uzsākšanas amatpersonai ir jāsaņem tiešā vadītāja akcepts. Tas nozīmē, ka operatīvās darbības subjekta amatpersona, veicot operatīvo darbību, visu laiku ir pakļauta kontrolei un uzraudzībai, kas vienlaicīgi liedz tai rīkoties patvaļīgi.

Prokuratūras likuma 2. panta 1. punkts un 12. pants [4] nosaka prokuratūras kompetenci operatīvās darbības veikšanas uzraudzībā. Arī ODL 35. panta pirmā daļa paredz prokuratūras lomu operatīvās darbības procesa uzraudzības veikšanā, nosakot, ka uzraudzību pār operatīvās darbības atbilstību likumiem veic ģenerālprokurors un viņa īpaši pilnvaroti prokurori. Prokurors, pildot uzraudzības pienākumus, nelemj par personas vainu noziedzīgā nodarījumā, bet gan uzrauga, vai operatīvā darbība tiek veikta atbilstoši ODL nosacījumiem, kuri paredz cilvēktiesību ievērošanu. Turpat panta otrajā daļā noteikti prokurora pienākumi, konstatējot likumpārkāpumu, kas veicami atbilstoši likumpārkāpuma smaguma raksturam. Pirms ODL pēdējiem grozījumiem likumā nebija pietiekoši detalizēti noteikta prokuratūras rīcība, konstatējot likuma prasībām neatbilstošu operatīvās darbības subjekta rīcību. Savukārt, ODL 36. pants, kas arī ir ieviests ar pēdējiem ODL grozījumiem, paredz prokuratūras pienākumu veikt operatīvās darbības subjekta rīcības pārbaudi jau pēc veikta operatīvā pasākuma.

Aktuāls arī jautājums par to, vai prokuratūra, pildot uzraudzības, kontroles funkciju, ir uzskatāma par efektīvu un objektīvu personas tiesību aizsardzības līdzekli. Pastāv viedoklis, ka prokuratūras likumības uzraudzības funkcija operatīvās darbības procesā nav objektīva, jo prokuratūra darbojas tamdēvētā ar operatīvās darbības subjektiem, vācot pierādījumus personas vainai. Paši sevi pārbauda un paši vērtē savu darbību [13]. Savukārt, kā norādījusi Augstākā tiesa, prokuratūra Latvijā uzskatāma par pieejamu un efektīvu aizsardzības līdzekli, jo prokurora statuss un loma likumības uzraudzībā nodrošina sūdzību neatkarīgu un objektīvu izskatīšanu [9]. Autors vairāk piekrīt tiesas viedoklim, jo uzraudzību pār operatīvo darbību prokuratūrā veic specializēta nodaļa, kas tieši nodarbojas ar operatīvas darbības uzraudzību, nevis pirmstiesas izmeklēšanu, pierādījumu vākšanu un apsūdzības uzturēšanu. Tāpat arī ODL nosaka objektīvu rīcību, gadījumā, ja prokurors, kas pārbauda operatīvās darbības subjekta amatpersonas rīcības atbilstību likumam, iepriekš akceptējis (sniedzis piekrišanu) konkrētu operatīvās darbības pasākuma veikšanu, nosakot, ka tādā gadījumā tiek norīkots cits prokurors pārbaudes veikšanai.

Aplūkojot prokuratūras publiskos gadu pārskatus daļā paruzraudzību pār operatīvās darbības subjektu darba likumību par pēdējiem pieciem gadiem, redzams, ka 2017.gadā prokuratūrā tika saņemts vismazāk sūdzību par operatīvās darbības subjektu rīcības likumību. 2017.gadā tie bija 14 gadījumi, 2016.gadā – 25 gadījumi, 2015.gadā – 34 gadījumi, 2014.gadā – 16 gadījumi, 2013.gadā – 27 gadījumi [12]. To vai iepriekšējā gada skaitliskais rādītājs ir saistīts ar pēdējiem Operatīvās darbības likuma grozījumiem šobrīd ir pārāgri spriest, jo grozījumu reālā ietekme būs saskatāma vien pēc pāris gadiem.

Konvencijas 13. pants nosaka, ka ikvienam ir tiesības uz efektīvu, valsts institūciju nodrošinātu aizsardzību. Tāpēc ODL paredz ne vien prokurora uzraudzību, bet arī tiesas kontroli un personas tiesības aizstāvēt savas likumiskās intereses tiesā. Pasākumi, kuru gaitā tiek būtiski aizskartas personu pamattiesības ir pakļauti tiesas kontrolei. Proti, tiesnešiem tiek uzrādīti dokumenti, kas pamato operatīvā pasākuma veikšanas nepieciešamību un tad tiesnesis lemj par to lietderību un likumību.

Autoraprāt, tiesas kontrole notiek arī krimināllietas iztiesāšanas stadijā, kad par pierādījumiem tiek izmantotas operatīvās darbības gaitā iegūtās ziņas, vērtējot to ticamību, attiecināmību un pieļaujamību, tādā veidā nodrošinot tiesas kontroli pār operatīvās darbības atbilstību likumiem.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Referāta autors sasniedza ievaddaļā noteikto mērķi, nonākot pie secinājumiem un priekšlikuma. Autors secināja, ka:

- Gan starptautiskās, gan nacionālās tiesību normas atzīst un garantē cilvēktiesības.
- Cilvēktiesības nav absolūtas, tās var tikt ierobežotas likumā paredzētajos gadījumos.
- Leģitīma mērķa sasniegšanai operatīvās darbības process paredz cilvēktiesību aizskārumu, taču šajā jomā ir nepieciešams stingrs un nelokāms regulējums.
- Svarīgi, lai tiktu nodrošināta pietiekoša kontrole, uzraudzība pār operatīvo darbību, kuras ietvaros tiek izvērtēts, vai iejaukšanās personas pamattiesībās ir samērīga.
- ODL jaunā redakcijā paredz daudz augstāku cilvēktiesību ievērošanu operatīvās darbības procesā.
- Cilvēktiesību aizsargmehānisms operatīvās darbības procesā uzskatāms par gana efektīvu. ODL paredz tiesas un prokuratūras kompetenci nākotnē iespējama un jau notikuša tiesību pārkāpuma gadījumā, kā arī likums paredz indivīda tiesības pašam aizstāvēt savas pamattiesības, vērstoties gan prokuratūrā, gan tiesā.
- ODL ir pietiekoši detalizēti regulēti nosacījumi un nepieciešamie priekšnoteikumi, kas obligāti izpildāmi pirms operatīvās darbības pasākumu veikšanas.
- Saskaņā ar šī brīža ODL redakciju – prokuratūra veic pārbaudi par atkāpšanos no iepriekš akceptēta pasākuma tikai tad, ja operatīvās darbības subjekta amatpersonas tiešais vadītājs (priekšnieks) par to ir informējis ģenerālprokuroru. Autoraprāt, praksē ir gadījumi, kad ne vienmēr tiek ziņots par šādām atkāpēm, līdz ar ko cilvēktiesību aizskārumus var tikt palikts apslēpts.

Vadoties no referāta satura, autoraprāt, lai veicinātu valstī daudz augstāku cilvēktiesību ievērošanu, būtu jāveic grozījumi ODL, nosakot papildu pienākumu operatīvās darbības subjektiem. Proti, operatīvās

darbības subjektam, pēc tam, kad tas ir pabeidzis operatīvo pārbaudi vai izstrādi, pirms uzskaites lietas nodošanas glabāšanai iestādes arhīvā, ir pienākums nosūtīt lietu uz prokuratūru operatīvās darbības procesa atbilstības likumiem izvērtēšanai.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LĪTERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Eiropas Cilvēktiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencija: Starptautisks dokuments // Latvijas Vēstnesis Nr.143/144, 13.06.1997.
2. Latvijas Republikas Satversme: Latvijas Republikas likums // Latvijas Vēstnesis Nr.43, 01.07.1993.
3. Operatīvās darbības likums: Latvijas Republikas likums // Latvijas Vēstnesis Nr.131, 30.12.1993.
4. Prokuratūras likums: Latvijas Republikas likums // Latvijas Vēstnesis Nr.65, 02.06.1994.
5. Eiropas Cilvēktiesību tiesas 2013.gada 8. janvāra spriedums lietā *Baltiņš pret Latviju*
6. Eiropas Cilvēktiesību tiesas 2010.gada 14. septembra sprieduma 82. punkts lietā *Sanoma Uitgevers B.V. v. The Netherlands*
7. Eiropas Cilvēktiesību tiesas 2009.gada 10. februāra sprieduma 94. punkts lietā *Lordachi and Others v. Moldova*
8. Eiropas Cilvēktiesību tiesas 1978.gada 6. septembra sprieduma 55. punkts lietā *Klass and Others v. Germany*
9. Latvijas Republikas Satversmes tiesas 2011.gada 11. maija spriedums lietā *Nr.2010-55-0106*
10. Likumprojekta „Grozījumi Operatīvās darbības likumā” sākotnējās ietekmes novērtējuma ziņojums (anotācija) // Pieejams:
<http://titania.saeima.lv/LIVS12/SaeimaLIVS12.nsf/0/1567C960EC6B97F7C2257E7300373039?OpenDocument> (aplūkots 25.11.2018.)
11. Likumprojekta „Grozījumi Operatīvās darbības likumā” sagatavotājs - lešlietu ministrijas pārstāvis Vilnis Vītoliņš //
Pieejams:http://www.iem.gov.lv/lat/aktualitates/informacija_medijiem/?doc=30205
12. Latvijas Republikas Prokuratūras gadu pārskati //
Pieejams:<http://www.prokuratura.gov.lv/lv/noderigi/gada-parskati> (aplūkots 25.11.2018.)
13. Vaznis A. Satversme garantē, bet kā ir praksē // Jurista Vārds Nr.13 (608) 30.03.2010.
14. Kas ir operatīvā darbība, Skaidrojums LV portālā //
Pieejams:<https://lvportals.lv/skaidrojumi/295102-kas-ir-operativa-darbiba-2018G>

Bērnu tiesību aizsardzība aizgādības ietvaros

*Alla Medvedjeva, Latvija,
Baltijas Starptautiskās akadēmijas
Smiltenes filiāle, privāttiesības,
e-pasts: allla77@inbox.lv
Zinātniskais vadītājs: Baltijas Starptautiskās akadēmijas
lektors, mg. iur. **Māris Rungulis***

ANOTĀCIJA

Bērnu tiesību nodrošināšana valstī ilgstoši ir aktuāla problēma, jo ģimene un bērni joprojām tiek uzskatīti par sabiedrības pamatvērtību, kuru aizsargā valsts. Darba mērķis – noskaidrot problēmas aizgādības tiesību pārtraukšanā un atjaunošanā un, uz izdarītā vērtējuma pamata sagatavot secinājumus un priekšlikumus bērnu tiesību aizsardzības veicināšanai aizgādību lietās. Novitāte: pastāvošās problēmas, kas neļauj aizgādības tiesībām būt vēl efektīvākām. Darba noslēgumā autore guva pārlicību, ka vecāku darbības vai bezdarbības rezultātā bērnu tiesības un intereses tiek pārkāptas. Bērna izņemšana no ģimenes šīs tiesības ietekmē visradikālākajā veidā.

Atslēgvārdi: aizgādības tiesības, bāriņtiesa, bērnu tiesības, ģimenes tiesības.

АННОТАЦИЯ

Обеспечение прав детей в стране длительно является актуальной проблемой, потому что семья и дети по-прежнему считаются основной ценностью общества, которая находится под защитой государства. Цель дипломной работы – выявить существующие проблемы в связи с прекращением и восстановлением права опеки и на основании сделанной оценки подготовить выводы и предложения для улучшения защиты прав детей в делах, связанных с опекой. **Новинка:** Существующие проблемы, которые не дают прав опек быть более эффективными. В заключении работы автор получила уверенность в том, что в результате действия или бездействия родителей нарушаются права и интересы детей. Изъятие ребенка из семьи наиболее радикально влияет на его право.

Ключевые слова: право опеки, сиродский суд, права детей, семья.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Valstī kopš neatkarības atgūšanas ir veiktas un pārveidotas vairākas bērnu tiesību aizsardzības sistēmas reformas. Ir ietvertas apzinātas pārmaiņas likumdošanā, bērnu tiesību aizsardzības institūciju struktūrā un procesos ar mērķi uzlabot darbību bērnu tiesību aizsardzības jomā, bet neskatoties uz to, bērnu tiesības joprojām tiek pārkāptas. Pētāmā problēma ir aktuāla ar to, ka sabiedrībā joprojām ir ievērojams to bērnu skaits, kuru vecākiem tiek pārtrauktas aizgādības tiesības un tās netiek atjaunotas. Aizgādības tiesības skar ļoti nozīmīgas personas tiesības uz ģimeni. Gadījumos, kad bērna tiesības tiek pārkāptas, valstij ir jāiejaucas un jāaizstāv šīs aizskartās bērna tiesības un intereses. Publikācijas mērķis ir noskaidrot pastāvošās problēmas aizgādības tiesību pārtraukšanā un atjaunošanā un, uz izdarītā vērtējuma pamata sagatavot secinājumus un priekšlikumus bērnu tiesību aizsardzības veicināšanai aizgādību lietās. Veicot pētījumu, autore pamatā izmanto pētījuma, analizējošo un monogrāfisko metodi.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Aizgādības attiecību reglamentācija ir ģimenes tiesībām piederoša joma, kas regulē vecāku un bērnu personiskās attiecības [12,141]. Jēdziena "aizgādība" skaidrojums legāļdefinīcijas veidā ir iekļauts Civillikuma 177. pantā, kurā aizgādība tiek definēta kā vecāku pienākums līdz bērna pilngadības sasniegšanai rūpēties par bērnu un viņa mantu, un pārstāvēt bērnu viņa personiskajās un mantiskajās attiecībās. Civillikums Latvijas Republikā aizgādības tiesību būtībā reglamentē vecāku tiesības un pienākumus. Civillikuma 223. pants nosaka, ka tēvs un māte uz aizgādības tiesību pamata ir sava nepilngadīgā bērna dabiskie aizbildņi. Civillikumā ir skaidri definētas ģimenes locekļu savstarpējās attiecības, kuras pārkāpjot ģimenes loceklim ir jāsaskaras ar attiecīgajām likuma sankcijām. Civillikumā tiek noteikts tiesiskais regulējums, kad aizgādības tiesības vecākiem tiek pārtrauktas un atjaunotas [5].

1989. gada 20. novembrī Apvienoto Nāciju Ģenerālajā Ansambļējā pieņemta Bērnu tiesību Konvencija. Viens no svarīgākajiem starptautiskajiem tiesību aktiem bērnu pamattiesību un brīvību aizsardzības nodrošināšanai. Latvija Konvenciju ir ratificējusi, nodrošinot visas tajā paredzētās tiesības [3]. Konvencijas dalībvalstīm jāuzņemas nodrošināt bērnam tādu aizsardzību un aprūpi, kāda nepieciešama viņa labklājībai, ievērojot bērna vecāku, aizbildņu vai citu likumiski par viņu atbildīgu personu tiesības un pienākumus, un šajā nolūkā tās veic visus pienācīgos likumdošanas un administratīvos pasākumus [7,175]. Konvencijas preambulā tiek uzsvērts ģimenes nozīmīgums, proti, ģimenei kā sabiedrības pamatšūniņai un visu tās locekļu, it īpaši bērnu izaugsmes un labklājības dabiskajai videi jānodrošina nepieciešamā aizsardzība un atbalsts, lai tā varētu pilnīgi uzņemties pienākumus sabiedrības ietvaros [9,89].

Latvijas Republikas Satversmes 110. pants nosaka, ka valsts aizsargā un atbalsta laulību – savienību starp vīrieti un sievieti, ģimeni, vecāku un bērna tiesības [1]. Eiropas Cilvēktiesību un pamatbrīvību konvencijas 8. pants aizsargā tiesības uz privāto un ģimenes dzīvi [2]. Tātad nav pieļaujama nepamatota valsts iejaukšanās ģimenes dzīvē.

Valsts pienākums ir aizsargāt ģimeni, vecāku un bērnu tiesības. Tomēr šīs tiesības nav absolūtas, jo valstij primāri ir jāaizsargā bērna intereses. Absolutizējot šīs tiesības, nebūtu iespējams aizsargāt bērnus no vecāku nelietīgas varas izmantošanas. Valsts patur pilnvaras ierobežot vecāku tiesības, ja to ļaunprātīgā izmantošana aizskar bērnu intereses [10,703].

Kā atzinusi Satversmes tiesa pilnīga valsts aprūpe nonāktu pretrunā ar Satversmes 110. panta pirmo teikumu, jo ne tikai valstij, bet arī vecākiem ir pienākums rūpēties par saviem bērniem un gādāt par viņu vajadzību apmierināšanu [13].

Bērnu tiesību aizsardzības likums ir nozīmīgs tiesību akts, kas Latvijas Republikā reglamentē tieši bērnu tiesības un to aizsardzību. Šis likums regulē pamatnosacījumus, saskaņā ar kuriem kontrolējama bērna uzvedība un nosakāma viņa atbildība, nosaka arī vecāku un citu fizisko vai juridisko personu, kā arī valsts un pašvaldību tiesības, pienākumus un atbildību par bērna tiesību nodrošināšanu, nosaka bērna tiesību aizsardzības sistēmu un tās darbības tiesiskos principus [4].

Bāriņtiesu likumā noteikts, ka bāriņtiesa aizstāv bērna tiesības un mantiskās intereses. Saistībā ar aizgādības tiesībām bāriņtiesa lemj par vecāku kompetenci bērnu aizgādības tiesību jomā un pieņem lēmumus par aizgādības tiesībām. Sniedz tiesai atzinumus par konstatētajiem faktiem vecāku nolaidībā saistībā ar aizgādības tiesību atņemšanu, kā arī sniedz atzinumus, lai vecākiem atjaunotu aizgādības tiesības, ja iepriekš konstatētie fakti par atņemtām aizgādības tiesībām ir zuduši vai novērsti, lai bērns varētu atgriezties ģimenē. Bāriņtiesu likuma regulējums paredz konkrētu bāriņtiesas rīcību gadījumos, kad bāriņtiesa ģimenē konstatē dzīvības un veselības apdraudējumu.

Ja apsekošanas laikā bāriņtiesa konstatē, ka bērns atstāts viņa veselībai vai dzīvībai bīstamos apstākļos, vai ir pamatotas aizdomas, ka bērns cieš no vecāku vardarbības, bāriņtiesas priekšsēdētājs, bāriņtiesas priekšsēdētāja vietnieks vai bāriņtiesas loceklis var vienpersoniski pieņemt lēmumu par aizgādības tiesību pārtraukšanu vecākiem. Bāriņtiesu likuma 24. panta pirmajā daļā noteiktais regulē tālāko bāriņtiesas rīcību – ne vēlāk kā 15 dienu laikā pēc vienpersoniska lēmuma pieņemšanas sasaucama bāriņtiesas sēde, lai

koleģiāli lemtu par pārtraukto aizgādības tiesību atjaunošanu vecākam vai bērna ārpusģimenes aprūpes nodrošināšanu, ja nav iespējams bērna vecākiem atjaunot pārtrauktās aizgādības tiesības [6].

Par veselībai un dzīvībai bīstamiem apstākļiem uzskatāmi: drošas pajumtes, siltuma, apģērba un vecumam un veselības stāvoklim atbilstoša uztura trūkums un vardarbība pret bērnu [11].

Aizgādības tiesību pārtraukšanas iemeslus vecākam jānovērš viena gada laikā. Ja gada laikā no aizgādības tiesību pārtraukšanas nav iespējams tās atjaunot, bāriņtiesa lemj par prasības celšanu tiesā aizgādības tiesību atņemšanai, izņemot gadījumu, kad aizgādības tiesības nevar atjaunot no vecāka neatkarīgu apstākļu dēļ. Bāriņtiesai ir tiesības lemt par prasības celšanu tiesā aizgādības tiesību atņemšanai pirms noteiktā termiņa iestāšanās, ja tas ir bērna interesēs [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Darba izstrādes gaitā autore sagatavoja secinājumus un priekšlikumus bērnu tiesību aizsardzības veicināšanai aizgādību lietās.

1. Atbilstoši Latvijas Republikas Satversmē 110. pantā noteiktajam valsts pienākums ir aizsargāt ģimeni un bērnu tiesības. Apvienoto Nāciju Organizācijas Konvencijas par bērnu tiesībām preambulā teikts, ka bērna tiesības uzaugt ģimenē ir bērna pamattiesības. Šīs tiesības var tikt ierobežotas tikai īpašos, ļoti nopietnos gadījumos un tikai tad, ja situāciju nav iespējams noregulēt ar saudzīgākiem līdzekļiem.
2. Vecāku pienākums un tiesības ir rūpēties par savu bērnu, taču vecākiem to nerealizējot tiek pārkāptas bērnu tiesības un intereses. Civillikumā un Bāriņtiesu likumā ir noteikts, kādos gadījumos tiek pārtrauktas un atjaunotas aizgādības tiesības.
3. Ja bērns atrodas veselībai vai dzīvībai bīstamos apstākļos un bērna turpmākā atrašanās ģimenē var apdraudēt viņa pilnvērtīgu attīstību, bāriņtiesas amatpersonas ir tiesīgas vienpersoniski lemt par aizgādības tiesību pārtraukšanu bērna vecākiem. Bāriņtiesu likuma 24. pants nosaka, ka bāriņtiesa ne vēlāk kā 15 dienu laikā pēc vienpersoniska lēmuma pieņemšanas sasauc sēdi, lai lemtu par turpmāko darbību. Autore uzskata, ka 15 dienu termiņš ir par īsu, lai iestāde iegūtu nepieciešamo informāciju un objektīvi varētu novērtēt lietā esošos materiālus.

Priekšlikums:

Bāriņtiesu likuma 24. panta pirmo daļu izteikt jaunā redakcijā: “Bāriņtiesa ne vēlāk kā 30 dienu laikā pēc vienpersoniska lēmuma pieņemšanas sasauc sēdi, lai lemtu par:

- 1) pārtraukto aizgādības tiesību atjaunošanu bērna vecākiem;
- 2) bērna atgriešanos aizbildņa ģimenē vai aizbildņa atcelšanu, vai atlaišanu no pienākumu pildīšanas;
- 3) bērna atgriešanos audžuģimenē vai uzturēšanās izbeigšanu tajā;
- 4) bērna obligāto ārstēšanu vai sociālās rehabilitācijas pakalpojuma saņemšanu”.

4. Bērnu tiesību aizsardzības jomā ir ļoti svarīga starpinstitucionālā sadarbība, kuras kopīgais mērķis ir palīdzības sniegšana bērniem ar iespējami labāku problēmsituācijas risinājumu un nepieciešamo resursu piesaisti.

Lietās, kurās vecākiem ir pārtrauktas aizgādības tiesības izskatīšanas gaitā bāriņtiesai būtu jārīko starpinstitucionālās sanāksmes ar sociālo dienestu un bērnu vecākiem. Starpinstitucionālai sadarbībai jābūt obligātai un sistemātiskai.

Priekšlikums:

Papildināt Bāriņtiesu likuma 22. pantu ar divi prim daļu šādā redakcijā: “Bāriņtiesa, pieņemot lēmumu par bērna aizgādības tiesību pārtraukšanu vecākam, reizi trijos mēnešos rīko starpinstitucionālu sanāksmi, piedaloties sociālā dienesta pārstāvim un vecākam, lai noskaidrotu apstākļus par aizgādības tiesību pārtraukšanas iemeslu novēršanu”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Latvijas Republikas Satversme. 1992. gada 15. februāris, spēkā no 07.11.1992., Latvijas Vēstnesis Nr. 43, 01.07.1993. ar grozījumiem uz 01.01.2019.
2. Eiropas Cilvēktiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencija. Starptautisks dokuments daudzpusējs, 1950. gada 4. novembris, spēkā no 27.06.1997., Latvijas Vēstnesis Nr. 143/144 (858/859)
3. Bērnu tiesību Konvencija. Starptautisks dokuments daudzpusējs. Apvienoto Nāciju Organizācija: Ņujorka, 1989. gada 20. novembris, spēkā no 02.09.1990.
4. Bērnu tiesību aizsardzības likums. Latvijas Republikas likums. 1998. gada 19. jūnijs, spēkā no 22.07.1998., Latvijas Vēstnesis 199/200 (1260/1261) ar grozījumiem no 01.06.2018.
5. Civillikums. Latvijas Republikas likums. 1937. gada 28. janvāris, spēkā no 01.09.1992., Valdības Vēstnesis Nr. 41, 20.02.1937. ar grozījumiem no 01.01.2017.
6. Bāriņtiesu likums. Latvijas Republikas likums. 2006. gada 22. jūnijs, spēkā no 01.01.2007., Latvijas Vēstnesis Nr. 107 (3475) ar grozījumiem no 01.09.2018.
7. Bojārs J. Upenieks I. (1994). Cilvēka tiesības. Starptautisko līgumu krājums. 1. sējums (pirmā daļa). Universālie līgumi. Ņujorka un Ženēva: Apvienoto Nāciju Organizācijas izdevums.
8. Brante I. Aizgādība – vecāku kopīgās un atsevišķās rūpes par bērnu. Latvijas Vēstneša portāls: Par likumu un valsti. // <http://www.lvportals.lv/mekletajs.php?spp+10&title=aizgādība%20-%20vecāku%20kopīgās%20un%20atsevišķās%20rūpes>
9. Hodginga R., Ņūvels P. (2002). Konvencijas par bērna tiesībām ieviešanas praksē rokasgrāmata. ANO Bērnu fonds.
10. Pleps J., Pastars E., Plakane I. (2004). Konstitucionālās tiesības. Rīga: Latvijas Vēstnesis.
11. Rieksta-Riekstiņa L. Bērnu tiesību aizsardzība administratīvo lietu kontekstā. Latvijas Tiesnešu mācību centrs. <http://www.mis.ltmc.lv/materiali>
12. Zaharova S. (2009). Likumdošana. Rīga: Uzņēmējdarbības un menedžmenta akadēmija.
13. Satversmes tiesas spriedums lietā Nr. 2004-18-0106 10. punkts. 13.05.2005.// <http://www.satv.tiesa.gov.lv?lang=1&mid=19&smode=1>

Правовые аспекты института расторжения брака в Гражданском праве Латвии

Репина Татьяна, Латвия.

Магистрант Балтийской Международной Академии,
программа «Частное право»
tatjana.repina@inbox.lv

mg.iur. Гончаров Михаил, Латвия,
mihails.goncarovs@riga.lv

Научный руководитель: mg.iur. Кристина Яблонская

АННОТАЦИЯ

В исследовании рассматриваются некоторые правовые аспекты регулирования института расторжения брака в Латвии. Рассмотрены вопросы процессуального порядка расторжения брака. Также рассмотрены некоторые проблемные вопросы раздела общего имущества супругов. Обозначены проблемные аспекты и даны рекомендации их усовершенствованию. Целью исследования является всестороннее рассмотрение института расторжения брака и его правовой регламентации, закреплённой в гражданско-правовых нормах. Проблематика гражданско-правового регулирования расторжения брака заключается в недостаточном исследовании этого вопроса, в латвийской гражданско-правовой доктрине, и имеющихся недоработках в его правовой регламентации.

Ключевые слова: брак, расторжение брака, общее имущество супругов, гражданский процесс.

ABSTRACT

In a research some legal aspects of regulation of institute of divorce in Latvia are considered. Questions of a procedural order of divorce are considered. Some problematic issues of the section of a common property of spouses are also considered. Problem aspects are designated, and recommendations are given to their improvement. A research purpose is comprehensive consideration of institute of divorce and its legal regulation fixed in civil regulations. The perspective of civil regulation of divorce consists in an insufficient research of this question, in the Latvian civil doctrine, and the available defects in its legal regulation.

Keywords: marriage, divorce, common property of spouses, civil process.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Актуальность проблемы регулирования брачно-семейных отношений и важность вопросов, связанных с ними, особенно проявляются в современном обществе, где доминирует процесс депопуляции, а также важными факторами являются: низкая рождаемость, отсутствие стремления молодежи к юридическому закреплению супружеского союза, увеличение количества бракоразводных процессов, повышение числа внебрачных детей.

Расторжение брака, стало практически обыденным делом для множества семей. В связи с этим стало появляться много вопросов, нерешённых проблем в практической деятельности юристов, связанных с прекращением брака, а также огромное количество проходящих процессов. Появляющиеся новые проблемные аспекты, требуют систематизации знаний в этом разделе, новых

решений, которые позволили бы на новом, современном, уровне подойти к вопросу о расторжении брака.

Проблематика гражданско-правового регулирования института расторжения брака заключается в недостаточном исследовании этого вопроса, в латвийской гражданско-правовой доктрине. Нормативно-правовая база, регулирующая вопросы расторжения брака, несёт в себе характер обобщённых норм, при этом регулируя не все вытекающие из этого процесса вопросы.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе расторжения брака.

Целью исследования является всестороннее рассмотрение института расторжения брака и его правовой регламентации, закреплённой в гражданско-правовых нормах.

Предметом исследования являются нормативно-правовые акты, регламентирующие общественные отношения, связанные с бракоразводным процессом.

Научная новизна исследования заключается в том, что авторы рассматривают нормативно-правовую регламентацию процесса расторжения брака, как с научно-теоретической точки зрения, так и с практической стороны. Тем самым раскрывая научно-теоретические понятия и практические пробелы нормативно-правового регулирования института расторжения брака.

Теоретические выводы и практические рекомендации, сделанные в исследовании, могут способствовать совершенствованию правоприменительной практики при расторжении брака.

Методологическую основу исследования составляет гипотетико-дедуктивный подход, в рамках которого использовались методы познания: системный, формально-логический, формально-юридический, эмпирический, сравнительно-правовой, а также метод социального исследования.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Расторжение брака в Латвии поставлено под контроль государства и может осуществляться только государственными органами: судом или присяжным нотариусом.

Расторжение брака в судебном порядке регламентируется нормами гражданского процессуального законодательства. Оно производится при условии, которое предполагает наличие двух сторон с противоположными интересами: истца и ответчика. Место подачи иска определяется по общим правилам гражданского процессуального законодательства.

Основная формулировка расторжения брака закреплена в ч.1 ст.69 Гражданского закона, – «брак может быть расторгнут лишь в случае, если брак распался». При этом в соответствии со ст.71 Гражданского закона, «брак считается распавшимся, если супруги не ведут совместной жизни и не ожидается, что супруги её возобновят». Далее на основании ст.72 Гражданского закона предполагается, что «брак считается распавшимся, если супруги ведут раздельную жизнь по меньшей мере в течение трёх лет». Учитывая положения ст.73 Гражданского закона считается, что «супруги ведут раздельную жизнь, если они не ведут общего хозяйства и один из них определённо не желает его возобновлять, отрицая саму возможность ведения совместной жизни. Ведение общего хозяйства может отсутствовать и в том случае, если супруги живут раздельно в общей квартире» [1].

Таким образом, формальное отсутствие ведения совместного хозяйства и совместного проживания супругов более трёх лет (при условии предоставления соответствующих доказательств) может явиться основанием для подачи иска одним из супругов о расторжении брака.

Проблема расторжения браков существовала всегда и везде. Только в прошлом она не имела современных масштабов.

Интересным представляется мнение о том, что «расторжение брака – это добровольная форма прекращения супружеских отношений путем волеизъявления одного или обоих супругов» [2, 340]. Однако одного волеизъявления сторон недостаточно, так как брак регистрируется в отделах записи

актов гражданского состояния, значит и его расторжение должно быть совершено с соблюдением положений, установленных законом.

В доктрине гражданско-процессуального права вопрос рассмотрение дел о расторжении брака в порядке искового производства представляется весьма дискуссионным, поскольку с точки зрения семейного права неясным остается вопрос: почему один из супругов нуждается в защите государством его нарушенного права, тогда как второй становится обязанной стороной в случае, если оба супруга согласны на прекращение брачных отношений?[3]

В нормах семейного права действует принцип диспозитивности, который представляет собой законодательно закреплённую возможность участников семейных правоотношений осуществлять по своему усмотрению, и в соответствии со своими интересами выбирать варианты соответствующего поведения, совершать определённые юридические действия в процессе осуществления субъективных прав, предусмотренных семейным законодательством. Решающим моментом является возможность осуществления права только на основе волеизъявления субъекта – носителя права. При этом волеизъявление может быть взаимным (право на вступление в брак) либо единоличным (право на расторжение брака).

Рассматривая подачу иска в суд, следует отметить, что в большинстве случаев в суд обращаются с уже готовым заявлением (частное заявление), которое составляет истец лично, либо при помощи квалифицированного в этой области специалиста.

Причиной подачи искового заявления следует указать тот факт, что в результате конфликтных отношений, брачные отношения между супругами прекратились, и они определённо не желают их возобновлять.

Здесь необходимо учесть, что в соответствии с положениями ч.1 ст.238 Гражданско-процессуального закона, «по делу о расторжении брака, решения по требованиям, вытекающим из семейных правоотношений, принимаются одновременно. Такими требованиями являются споры:

- о назначении попечительства;
- об использовании права на общение;
- о средствах на содержание ребёнка;
- о средствах на обеспечение прежнего уровня благосостояния или питание супруга;
- о совместном жилье семьи и предметах домашнего хозяйства или личного пользования;
- о разделе имущества супругов (также в том случае, если это касается третьих лиц)»[4].

Следует отметить, что в том случае, если ответчик не возражает против требований, указанных в поданном иске, и не имеет каких-либо претензий со своей стороны, расторжение брака возможно в течение одного судебного слушания. Но на практике такое бывает не так уж часто – обычно у ответчика находится масса претензий и возражений. В подобном случае суд может назначить супругам срок для примирения. Если же истец, несмотря ни на что, продолжает настаивать на расторжении брака, суд переходит к следующему этапу.

В ходе судебного слушания основополагающим является вопрос о согласии супругов на расторжение брака. Если согласие взаимно, то брак расторгается ввиду очевидного и необратимого распада семьи. Иначе заявление одной из сторон о несогласии может стать причиной назначения срока для примирения, составляющего до шести месяцев.

Но в некоторых случаях, в соответствии с требованиями ст.75 Гражданского закона, «если один из супругов требует расторжения брака по причине, не указанной в ч.1 ст.74 Гражданского закона, но второй супруг не согласен с расторжением брака, то суд не расторгает брак до срока трёх лет и для примирения супругов откладывает рассмотрение дела» [1]. Сокращение этого периода возможно только по мотивированной просьбе обеих сторон.

Если истец отказывается обосновать причины расторжения брака в суде, то нередко срок примирения назначается максимальным. Если по окончании этого периода, супруги найдут пути к

примирению, то судебное производство по бракоразводному процессу прекращается. Тем не менее, прекращение дела не является препятствием к подаче одним из супругов повторного иска.

Согласно ч.1 и ч.2 ст.74 Гражданского закона, «если супруги ведут раздельную жизнь менее трёх лет, суд может расторгнуть брак лишь в том случае, если:

- причиной распада брака является физическое, сексуальное, психологическое или экономическое насилие супруга над супругом, требующим расторжения брака, или над его ребёнком или общим ребёнком супругов;
- один супруг согласен с требованием другого супруга о расторжении брака;
- один из супругов начал вести совместную жизнь с другим лицом и в процессе этой совместной жизни родился ребёнок либо рождение ребёнка ожидается.

Если суд считает, что при наличии обстоятельств упомянутых в пунктах 2 и 3 части первой ст.74, есть возможность сохранить брак, то с целью примирения супругов рассмотрение дела может быть отложено на срок до шести месяцев» [1].

По мнению авторов, не совсем понятным является положение, закреплённое в ч.2 ст.74 Гражданского закона, ведь если, второй супруг начал совместную жизнь с другим лицом и более того в этой совместной жизни уже родился ребёнок или ожидается его рождение, то возникает вопрос, о каком сохранении брака может быть речь? Авторы считают, что данная правовая норма несправедливо затягивает расторжение брака супругов, который уже распался. Для более справедливого подхода к возможности расторжения брака в соответствии с п.3 ч.1 ст.74 Гражданского закона, авторы предлагают внести изменения в ч.2 ст.74 Гражданского закона исключив из неё отсылку на третий пункт первой части, и изложить её в следующей редакции:

(2) «если суд считает, что при наличии обстоятельств упомянутых в пункте 2 части первой настоящей статьи, есть возможность сохранить брак, то с целью примирения супругов рассмотрение дела может быть отложено на срок до шести месяцев».

Важным моментом является то, что суд брак не расторгает несмотря на то, что он распался, если к тому же в порядке исключения сохранение брака необходимо по особым причинам в интересах общего несовершеннолетнего ребёнка супругов. Также, суд брак не расторгает, если супруги не пришли к соглашению о попечении общего несовершеннолетнего ребёнка, праве на общение, прожиточных средствах на ребёнка, разделе общего имущества или если соответствующие иски не решены до расторжения брака и не возбуждены вместе с иском о расторжении брака.

Дело о расторжении брака рассматривается при участии обеих сторон. Согласно ст.210 Гражданско-процессуального закона, «суд может отложить рассмотрение дела:

- если истец, извещённый о времени и месте судебного заседания, не является на судебное заседание по неизвестной причине;
- если ответчик, извещённый о времени и месте судебного заседания, не является на судебное заседание по неизвестной причине.

По вышеуказанным причинам суд может отложить рассмотрение дела не более одного раза» [4].

Здесь следует отметить, что в соответствии с ч.1 ст.240 Гражданско-процессуального закона, «суд по собственной инициативе откладывает рассмотрение дела с целью восстановления совместной жизни супругов или содействия мирному разрешению дела. По просьбе стороны рассмотрение дела с этой же целью может быть отложено также повторно» [4].

В данном случае проблемным моментом является то, что нередко встречается такая ситуация, когда ответчик намеренно затягивает бракоразводный процесс, не являясь на судебное заседание и предъявляя документы, которые доказывают уважительную причину его отсутствия.

Таким образом, расторжение брака в суде затягивается на длительное время. Выигрывая время, ответчик может производить различные манипуляции с совместно нажитым имуществом, которые впоследствии доказать будет достаточно сложно. Расторжение брака при таких обстоятельствах вызывает определённые затруднения.

В настоящее время вопросы раздела имущества, нажитого супругами в браке представляют собой достаточно частое явление, а для юристов они одни из наиболее актуальных и сложных как в теории права, так и в правоприменительной практике. Именно в этой области встречаются спорные моменты и пробелы, в недостаточной мере урегулированные действующим законодательством, и при этом требующие правильного разрешения.

Помимо раздела имущества (активов), супруги и бывшие супруги нередко обращаются в суд за разделом их общих долгов (пассивов). Данный вопрос приобретает особую актуальность ввиду распространения в современном обществе ипотеки и потребительского кредита, по которым супруги приобретают не только вещи, но и долговые обязательства.

Одним из наиболее значимых является вопрос об определении места долгов в составе общего имущества супругов. По этой причине некоторые исследователи утверждают, что долги не входят в состав совместно нажитого имущества. Сторонником такой точки зрения является М.Г. Масевич, который утверждает: «в совместную собственность супругов закон включает только имущественные права, но не обязательства (долги)» [5].

Другие исследователи считают, что имущество, в широком смысле этого слова, включает в себя не только права, но и обязательства (долги). Так, по мнению Л.М. Пчелинцевой и М.В. Антокольской, «имущество, принадлежащее супругам во время брака, включает не только вещи и имущественные права, но и требования по обязательствам, где супруги являются должниками. Более того, исследователи убеждены, что общие долги супругов входят в состав общего имущества и могут являться самостоятельным объектом раздела» [6].

Латвийский законодатель в ч.1 ст.96 Гражданского Закона чётко указывает, что «по обязательствам, которые супруги сообща заключили для нужд семьи или совместного домашнего хозяйства, они отвечают общим имуществом и каждый своим отдельным имуществом, если общего имущества недостаточно» [1].

Следовательно, латвийский законодатель определяет место долгов в составе общего имущества супругов, и соответственно, в случае раздела общего имущества супругов, долги также должны быть разделены между супругами в равных долях.

Но здесь следует оговориться, что в регламентации общего имущества супругов, латвийский законодатель в ч.2 ст.89 Гражданского Закона, указывает, что «всё приобретённое супругами во время брака совместно или одним из них, но на средства обоих супругов или при содействии другого супруга, является общим имуществом обоих супругов» [1]. Здесь следует отметить, что в правовой норме не содержится указания на то, что обязательства (долги) также являются общим имуществом (хоть и с отрицательным показателем). По мнению авторов, данная правовая норма недостаточно регламентирует состав общего имущества супругов. Следовательно, для более правильной регламентации состава общей собственности супругов, авторы предлагают дополнить ст.89 Гражданского Закона отдельной ч.2¹, и изложить её в следующей редакции:

Статья 89:

(2¹) «долги по обязательствам, которые супруги сообща заключили для нужд семьи или совместного домашнего хозяйства, входят в состав общего имущества супругов».

Следует отметить, что в соответствии с латвийским законодательством, брак не будет расторгнут до тех пор, пока супруги не договорятся по поводу раздела общего имущества. Если договориться не могут, то они должны подать соответствующий иск в суд и тогда дело о расторжении брака будут рассматривать вместе с этими исками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

В результате проведённого исследования авторами сделаны следующие выводы:

- Не совсем понятным является положение, закреплённое в ч.2 ст.74 Гражданского закона, ведь если, второй супруг начал совместную жизнь с другим лицом и более того в этой совместной жизни уже родился ребёнок или ожидается его рождение, то возникает вопрос, о каком сохранении брака может быть речь? Авторы считают, что данная правовая норма несправедливо затягивает расторжение брака супругов, который уже распался. Для более справедливого подхода к возможности расторжения брака в соответствии с п.3 ч.1 ст.74 Гражданского закона, авторы предлагают внести изменения в ч.2 ст.74 Гражданского закона исключив из неё отсылку на третий пункт первой части, и изложить её в следующей редакции:

(2) «если суд считает, что при наличии обстоятельств упомянутых в пункте 2 части первой настоящей статьи, есть возможность сохранить брак, то с целью примирения супругов рассмотрение дела может быть отложено на срок до шести месяцев».

- Гражданский закон недостаточно регламентирует состав общего имущества супругов. Следовательно, для более правильной регламентации состава общей собственности супругов, авторы предлагают дополнить ст.89 Гражданского Закона отдельной ч.2¹, и изложить её в следующей редакции:

Статья 89:

(2¹) «долги по обязательствам, которые супруги сообща заключили для нужд семьи или совместного домашнего хозяйства, входят в состав общего имущества супругов».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ / IZMANTOTAS LITERATŪRAS UN CITU AVOTU SARAKSTS / REFERENCES

1. Civillikums. Pieņemts: 28.01.1937. Stājas spēkā: 01.09.1992. Publicēts: "Valdības Vēstnesis", 41, 20.02.1937. ar grozījumiem uz 29.10.2015. likums / LV, 227 (5545), 19.11.2015. / Stājas spēkā 03.12.2015.
2. Гражданское право. Учебник. Часть III / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект. 1999.
3. Кощеев А.В. Правовые проблемы процедуры расторжения брака на рубеже XX-XXI вв. // «История государства и права», 2011, №11.
4. Civilprocesa likums. Pieņemts: 14.10.1998. Stājas spēkā: 01.03.1999. Publicēts: "[Latvijas Vēstnesis](#)", 326/330 (1387/1391), 03.11.1998., "Ziņotājs", 23, 03.12.1998. ar grozījumiem uz 25.10.2018. likums / LV, 225 (6311), 14.11.2018. / Stājas spēkā 28.11.2018.
5. Масевич М.Г. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации под ред. И.М. Кузнецовой. М.: 2010.
6. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. 3-е издание, перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2013.

Legal problems arising from the transfer of forest land for geological exploration by digging boreholes

Olena Savchuk, Ukraine,

Yaroslav Mudryi National Law University

Ass. Department of Environmental Law,

Scientific and Research Institute of Providing Legal Framework for the Innovative Development

National Academy of Law Sciences of Ukraine

scientific associate, PhD;

Anna Liubchych

Scientific and Research Institute of Providing Legal Framework for the Innovative Development

National Academy of Law Sciences of Ukraine

Scientific Secretary of Institute, scientific associate, PhD

ANNOTATION

The legal problems of realization of geological surveys, searching, geodesic and other geological survey works by well-drilling on lot forest land are analyzed in the article. A research aim is illumination of the modern state of legislation on conversion of forest land for realization of the indicated works. At consideration of question the method of scientific generalization, logical-legal and comparative-legal methods are used mainly. Taking into account the norms of national and international legislation, among the basic legislatively well-regulated ways of decision some recommendations offer in decision of question of conflict of law on this type for subsoil use as part of environmental management.

Key words: forest land, geological exploration, innovation, land, land use, rules of law.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются правовые проблемы проведения геологоразведочных, поисковых, геодезических и других геологоразведочных работ при бурении скважин на лесных участках. Целью исследования является освещение современного состояния законодательства по переустройству лесных земель для реализации указанных работ. При рассмотрении вопроса используются в основном метод научного обобщения, логико-правовой и сравнительно-правовой методы. Принимая во внимание нормы национального и международного законодательства, среди основных законодательно отрегулированных способов решения некоторые рекомендации предлагают при решении вопроса коллизионного права по этому типу недропользования как части природопользования.

Ключевые слова: лесные угодья, геологоразведка, инновация, земля, землепользование, нормы права.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

In practice, there are cases when gas-producing enterprises carry out their activity on forest land plots that are forest-covered with woody vegetation, which impedes the carrying out of this activity. There is a need for felling of forest plantations. The issue of preservation or felling of trees, in the event of a change in the intended use of the forest land on which they are located, is regulated by Art. 58 of the Forest code of Ukraine [2].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

A practical example of the use of forestry lands, which are in constant use by state forest enterprises, for, among other things, geological survey, search, geodetic and other exploration works, is the resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine dated 19.06.2006 No. 839 "On the seizure, granting in constant use and in renting land for public and other needs, coordinating the location of objects and changing the purpose of land"[5]. According to this regulatory document, public joint-stock company "National joint-stock company "Naftogaz of Ukraine" has been provided with 0.36 hectares of land for permanent use and 2.24 hectares for lease for a period of 2 years for the construction of a gas well No. 120 of the Berezivsky gas condensate field on the territory of Kharkiv region.

In this way, we have three legal conflicts. The first is the divergent discrepancy between the content of Art. 62 of the Land code of Ukraine (hereinafter the LC of Ukraine), Art. 97 of the Criminal Code of Ukraine [2; 3]. The second – Art. 97 of the Criminal Code of Ukraine contradicts (in line with) the requirements of other, above-mentioned articles of the Criminal Code of Ukraine on issues related to the implementation of geological surveying, search, geodetic and other exploration works by digging boreholes. The third is the content of the actual Article 97 of the Criminal Code of Ukraine and consists in the fact that Part 1 does not refer to any use of land and in Part 6 it is allowed to use one and the same land.

In the vast majority of cases, the permanent user of land parcels is the state forest enterprises for which to carry out the aforementioned works. The property of such enterprise, including the land of forestry, is a state property and is secured by him on the right of economic management. The Forestry Enterprise owns, uses land and other natural resources in accordance with the purpose of its activity and the current legislation. In addition, Article 92 of the Law of Ukraine of Ukraine stipulates that the right of permanent use of land is the right of ownership and use of a land plot that is in state or communal ownership, without a time limit. That is, the person, to whom the land plot of state or communal property is provided for permanent use, has no right to freely dispose of this land plot without the adoption of appropriate decisions by the executive authorities. The rights of permanent forest users are defined by the LC of Ukraine, their list is exhaustive. In accordance with Article 19 of the LC of Ukraine, permanent forest managers are not authorized to dispose of forestry lands in any way, they must, among other things, comply with the land use regime established by the legislation. Land for forestry should be used for forestry (Article 57 of the Criminal Code of Ukraine) [3].

According to Art. 96 of the Criminal Code of Ukraine, land users are obliged to ensure the use of land for their intended purpose [3].

According to Art. 9 of the Constitution of Ukraine, legal order in Ukraine is based on the principles under which no one can be compelled to do what is not provided for by law [1].

In accordance with Article 1 of the Law of Ukraine of June 19, 2003 No. 963-GU "On State Control over the Use and Protection of Land" [4], the unauthorized occupation of a land plot - any actions that indicate the actual use of land in the absence a corresponding decision of the executive body or local self-government body on its transfer to the property or provision for use (lease) or in the absence of the commission of the land plot, except for actions that are lawful in accordance with the law. According to Article 164 of the Criminal Code of Ukraine, land protection includes the protection of land from unjustified exclusion for other needs. The use of land not for the intended purpose is the reason for the termination of the right to use the land plot (Article 141 of the Criminal Code of Ukraine) in the manner prescribed by Article 144 of the Criminal Code of Ukraine [3].

In the opinion of A. G. Martin, the special feature of the provision of land during the conduct of intelligence operations should be the possibility of establishing and registering a land servitude without preliminary registration of a land plot on the lands of state and communal property not provided for use. However, the boundaries of the area to which the right of attorney extends must be determined by the relevant technical documentation and registered with the State Land Cadastre [6, p. 27]. But it is right to

agree with the position of the scholars that the right of land servitude and the right to use land plot for conducting intelligence work differ from each other [7, p. 62-63; 8, p. 140-141].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

After analyzing the current legislation on obtaining the right to use or lease land for the purpose of carrying out appropriate geological explorations through drilling, it can be noted that an example of a lawful resolution of the issue is the resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine on the seizure, provision for the permanent use and lease of land plots for public and other needs, coordination of location of objects and change of the purpose of land from April 26, 2007 № 681 [5].

However, in order to eliminate certain legal conflicts on this issue, it is necessary:

a) To bring the content of Article 97 of the Criminal Code of Ukraine in line with the requirements of Articles 66, 93, 116, 122, 123, 125 and 149 of this Code [3].

b) To bring the content of Part 1 and Part 6 of Article 97 of the Criminal Code of Ukraine into compliance.

c) Bring the content of Article 62 of the LC of Ukraine in line with the content of the amended (in the future) Article 97 of the Criminal Code of Ukraine [2; 3].

d) Study the European experience on this issue and, if necessary, take appropriate steps to bring national legislation in line with European land legislation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. The Constitution of Ukraine. Date of update: 30.09.2016. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (Last accessed: 05.11.2018).
2. Forest code of Ukraine. *Date of update: 18.12.2017*. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/3852-12>(Last accessed: 06.08.2018).
3. Land code of Ukraine. *Date of update: 12.10.2018*. URL:<http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2768-14>(Last accessed: 05.11.2018).
4. Ukrainian Act "State control of land use and land conservation". Date of update: 28.12.2015. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/963-15>(Last accessed: 05.11.2018).
5. About an exception, for permanent assignment and lease of lands for public and other necessities, agreeing about places of location of objects and refocusing of land: decision Cabinet of Ministers of Ukraine of 26.05.2007 no 681. URL: <https://www.kmu.gov.ua/ua/npas/77469881> (Last accessed: 05.11.2018).
6. Martyn, A. G. (2013) Nadanniazemelnykh dilianok pry provedennirozvidkyrodovyshchkorysnykh kopalyn: udoskonalennia orhanizatsiino-pravovohomekhanizmu. *Zemleustriikadastr*, 21-28 [in Ukrainian].
7. Zolotarova, D. M. (2017) *The legal basis of land use for exploration*. PhD (Law) Kharkiv [in Ukrainian]. URL: http://nauka.nlu.edu.ua/download/diss/Zolotarova/d_Zolotarova.pdf (Last accessed: 05.11.2018).
8. Barabash, N. P. (2012) *The legal regime of land given for the use by the bowels of land*. PhD (Law) Lviv [in Ukrainian].

Arrest of the ships and its issues under Latvian law

Sofiya Shvelidze, Malta,

IMO International Maritime Law Institute, Malta,

Student of the LL.M. programme,

sofshv@gmail.com

IMLI lecturer Ms. Elda Kazara-Belja

ABSTRACT

The principal idea of the article is to analyze the existing legal regime concerning the arrest of the ships in Latvia and provide for the solutions on how certain issues, which encumber the procedure of arrest, are to be addressed for the most efficient enforcement of the maritime claims. The reference is being made in particular to the conflicting provisions of the Ship Arrest Conventions of 1952 and 1999, both of which were incorporated into Latvian National Law.

Key words: arrest of the ship; conflict of provisions; jurisdiction; maritime claim; security.

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является анализ существующих правил процедуры ареста судов в Латвии и предложение возможных вариантов решения некоторых вопросов, затрудняющих проведение обсуждаемой в статье процедуры. Главным фокусом статьи являются конфликтующие между собой части «Международной Конвенции об Унификации некоторых правил, касающихся Ареста Морских Судов» 1952 года и «Международной Конвенции об Аресте Судов 1999 года», обе из которых, в свою очередь, были ратифицированы Латвией и на данный момент являются действующими.

Ключевые слова: арест судна; противоречие статей; юрисдикция; морские иски; гарантия.

IEVADS / ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Due to the challenging nature of the maritime claims enforcement for both – the ship owners and the claimants of various natures, the option of the security such as arrest of the vessel was introduced centuries ago. The procedure entitles the claimant to arrest the ship in question in order to secure the future claim on the merits. However, the modern conceptual framework for this device is founded on the relatively new conventional law. Latvia, particularly, is a party to the Ship Arrest Convention of 1952 [1]. Yet, it has also acceded The International Convention on Arrest of Ships, 1999 on 7th December of 2001 [2]. Latvia ought to have denounced the 1952 Convention once the latest Convention has entered into force in order to avoid any contradictions between the rights and obligations conferred upon the State by both legislative instruments. Such conflicting provisions are particularly related to the maritime claims in respect of which a vessel may be arrested, due to the expansion of the article concerning such claims under the latter Convention of 1999; it would also be reflected in the number of situations that are satisfactory in order to conduct the arrest, rights and protection given to the demise charterers (bareboat) and the ship owners themselves *inter alia*. The practical approach taken by the Latvian authorities not to denounce the 1952 Convention is claimed to be based on the fear that other neighboring states, who are all parties to it, would not apply the rules prescribed by the document in case of the Latvian ships' arrest. The position is that the application of the particular convention is solely based on the flag under which the vessel in question is operating: if the vessel flies flag of a state member to the 1999 Convention, that Convention is to be applied; if the vessel flies the flag of a State member to the 1952 Convention, that Convention is to be applied; if the vessel flies the flag of a State, which is neither a member of the 1952 Convention nor a member of the 1999

Convention, the Latvian Maritime Code (LMC), in which the provisions of the Convention of 1999 have been incorporated, would apply. In such situation, however, one need not to forget the consequences that a conflict between the provisions of two Conventions will entail – Article 30(4) of the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969 [3].

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

In order to realize what circumstances may give rise to a conflict and how to deal with such situations, it is of vital importance to consider each of the contradictory provisions in detail with the subsequent assessment of the possible outcome.

In most of the maritime claims, (with the exception of those, based on maritime lien), an arrest may be granted as a security only if at the time of the issuance of the warrant for arrest by the court, the vessel to be arrested is owned or demise-chartered by the person, who would also be liable *in personam* for the same claim. Such position of 1999 Convention leaves a little room for the categories of the maritime claims for which the arrest is provided as a means of security. On the other hand, 1952 Convention also permits an arrest of the ship even if the ship in question does not belong to the person liable for the claim. Same rule applies to the arrest of a sister –ship. Hence, the successive treaty has introduced the concept of personal liability and, in the absence of uniformity; Latvian current position on the subject matter may create a difficulty for the implementation purposes.

The Scope of application is another important aspect of every Convention meaning the subjects to be affected by the rules prescribed by it. The 1999 Convention is applicable to any vessel entering the jurisdiction of Latvia, without any distinction made to the fact whether or not she flies the flag of the signatory state (Article 8); with the exception for warships, state-owned and government vessels (Paragraph 2) [2]. The predecessor, 1952 Convention, is only applicable to the ‘sea-going’ vessels that are registered in the States that are parties to the Convention. It is worth to mention the option of the reservation under Article 10 of 1999 Convention to exclude the ships that are either not registered in a signatory States or non-seagoing from the scope of application, however Latvia did not make use of such reservation [7]. In fact the only country that has reserved the right under Article 10 is the Spain. The main idea of such action was to preserve the status quo of the ships flying a flag of non-1999 Convention States.

Furthermore, the amount of the maritime claims available under both Conventions also varies. The 1999 Convention, despite having the exhaustive list of claims in its wording, introduced the environmental claims opening the room for interpretation and extending the existing categories. It has also stretched the wreck removal claim in order to cover the containers involved [8]. Addition of the insurance premiums and mutual insurance calls was also a step forward taken by the drafters in order to favor the P&I clubs, together with the commissions, brokerages and agency fees. Such deviation from the list of the claims available in 1952 Convention may create difficulties and discourage the ship owners to register the vessel in the signatory State.

It should be added that the 1952 Convention requires ownership of the vessel in question ‘at the time when the claim arose...’ – Article 3, Sub-article 1 [1]. On the contrary, 1999 Convention requires the liability of the ship owner to exist both at the time of the action that gives rise to the claim occurred and when the arrest was affected. The only cases when the arrest is not subject to the liability of the owner is the claim being the hypothec or a maritime lien provided by the LMC (rules of the *forum arrestii*).

Lastly, the difference in the approaches taken by two Conventions with regard to the jurisdiction given to the arresting state in order to determine the case on its merits is of vital importance. Under the 1952 Convention the court under which jurisdiction the vessel is placed may only proceed to decide on the merits if: it is subject to its national law granting such jurisdiction; if the claimant is the resident in the arresting States; if the place of the claim is the place where the ship has been arrested; or if the claim deals with the salvage and similar matters [7]. The Convention of 1999 totally disregards such entitlements by replacing it with a valid jurisdiction agreement and a refusal prescribed by law of the arresting State.

SECINĀJUMI / ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS

There is no doubt that both the 1952 and 1999 Arrest Conventions were enforced in order to strike a balance between the diametrical opposite interests of maritime claimants and ship owners, taking into consideration the variety of the approaches adopted by different legal systems. However, the two are contradictory at certain points of its implementation. It leads to a battle between the defensive position in order to restrict the numbers of Latvian vessels' arrests in foreign jurisdictions and the ability to apply the device of arrest to every ship coming into the territory under the jurisdiction of Latvia. The adherence to the 1999 Convention without the renunciation of the 1952' one is clearly a default by the Latvian Authorities in switching from the "pro-shipping" regime to the one that is of the great benefit to a port state. Such position may not be carried for long and actions are required essentially to establish clear and transparent statutory provisions for the substantive law and procedures for ship arrest in the LMC that are in compliance with the Conventions acceded by the Latvian State. As was clearly indicated in the article, such clearness in the settlement of the valid legislative framework may not be reached if the Latvia would continue to be a party to both Conventions on the Arrest of the Ships. Hence, there are only two solutions available in order to reach the consensus between the needs of the State and the available international instrument to meet those needs. First one is to denounce the Convention of 1952 with no additional changes made to the LMC so the national legislation would reflect the position provided by the Convention of 1999. Second option is to denounce subsequent Convention of 1999 in order to safeguard the rights given by the 1952 rules and to abide by the duties prescribed by it. In such scenario, however, the LMC would need to be amended, as the approach taken by the legislators in the statute reflects the position of the 1999 Convention and such denunciation, without subsequent arrangement of the national law, would leave the room for controversies between the two sources.

LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. International Convention Relating to the Arrest of Sea – Going Ships, 10 May 1952, United Nations, *Treaty Series*, vol.439, p. 195, No. 6330 (1962).
2. International Convention on Arrest of Ships, 1999 United Nations, *Treaty Series*, vol. 2797, p. 3; Doc. A/CONF.188.6; C.N.112.2011.TREATIES-2 of 14 March 2011 (Entry into force).
3. Vienna Convention on the Law of Treaties, 23 May 1969, entered into force on 27 January 1980. United Nations, *Treaty Series*, vol. 1155, p. 331.
4. Latvian Maritime Code 2003, Chapter XII
5. Arizon F. Ship Arrests in Practice (*eleventh edition 2018*) SHIPARRESTED.COM NETWORK.
6. Berlingieri F. Arrest of Ships Volume I: A Commentary on the 1952 Arrest Convention. *Lloyd's Shipping Law Library*. Taylor&Francis, 2016. 16-23.
7. Berlingieri F. Arrest of Ships Volume II: A Commentary on the 1999 Arrest Convention. *Lloyd's Shipping Law Library*. Taylor&Francis, 2016. 46.
8. Kofopoulos K. 'Arrest Convention 1999, Detention of ships under article 292 of the UN Convention on the Law of the Sea 1982 and right of safe passage under the UN Convention on the Law of the Sea 1982 ', <http://www.charterwise.co.uk/wp-content/uploads/2013/05/Arrest-and-Detention.pdf> (accessed on 02.12.2018).
9. Kuznetcov E. Ship Arrest in Latvia. MARITIME LEGAL BUREAU, <https://shiparrested.com/wp-content/uploads/2016/04/LatviaSAP.pdf> (accessed on 02.12.2018).

Pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesiskā problemātika

Arina Umjarova

*Latvija, Baltijas Starptautiskā Akadēmija Jēkabpils filiāle, "Privāttiesības",
pokusa.arina@inbox.lv*

*Zinātniskais vadītājs: Mg. iur. Zemgales rajona tiesas tiesnese **Lilita Bārbale***

ANOTĀCIJA

Darba tēma ir pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesiskā problemātika. Darba aktualitāte saistāma ar apstākli, ka vardarbība ģimenē ir pasaules mēroga problēma, kas atkārtojas nepārtraukti, neatkarīgi no personas sociālā slāņa. Tā pastāv neatkarīgi no tā, cik attīstītā valstī tā notiek, cik izglītoti ir tās iedzīvotāji vai cik lieli ir to ienākumi. Vardarbība ģimenē ir fizisko, seksuālo, verbālo, emocionālo un ekonomisko aizskārumu cikls, kas atkārtojas arvien biežāk un kas tiek izmantots pret sievieti no partnera (vīra, drauga) vai citu tuvinieku (pieaugušo bērnu, u.c.) puses ar mērķi iegūt pār viņu kontroli un varu.

Mērķis: Iepazīties un izpētīt problēmas, kuras rodas pagaidu aizsardzības pret vardarbību piemērošanas rezultātā un izstrādāt ieteikumus šo problēmu mazināšanai.

Darba uzdevumi:

- 1) Izzināt, pagaidu aizsardzības pret vardarbību institūtu, tā izveidošanas vēsturi un attīstību Latvijā.
- 2) Noskaidrot, vardarbības veidus, cēloņus un sekas.
- 3) Izpētīt, normatīvajos aktos noteikto pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesisko regulējumu.
- 4) Analizēt, pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesisko problemātiku.
- 5) Analizēt iegūtos rezultātus un noteikt nepieciešamos uzlabojumus.

Pētījuma objekts: tiesiskās attiecības starp pagaidu aizsardzībā pret vardarbību iesaistītajām personām.

Pētījuma priekšmets: pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesiskais regulējums.

Hipotēze: Ja pieteicējas(a) neziņo par noteikto ierobežojumu pārkāpumu vai apzināti to pieļauj, tad tas rada negatīvu ietekmi uz sabiedrības tiesisko apziņu un pagaidu aizsardzības pret vardarbību institūtu kā tādu.

Pētījuma metodes: vēsturiskā, salīdzinošā, sistēmiskā, analīzes, statistiskā.

Pētījumā tika izziņāts pagaidu aizsardzības pret vardarbību institūts. Darbā izpētīts pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesiskais regulējums tiesas, policijas un bāriņtiesas ieskatā. Kā arī izpētīta institūta par pagaidu aizsardzību pret vardarbību pastāvošā problemātika.

Atslēgvārdi: Atbildētājs, lēmums, pagaidu aizsardzība, pieteicējs, policija, tiesa, vardarbība.

ABSTRACT

The theme of the Master's thesis is the legal problem of temporary protection against violence. The actuality of work is linked to the fact that domestic violence is a worldwide problem that is repeated continuously, regardless of the social layer of a person. It exists regardless of how educated people are and what their income is. Family violence is a cycle of physical, sexual, verbal, emotional and economic harassment that is repeatedly repeated and used against a woman.

Aim of the work: To get acquainted with and investigate the problems arising from the application of temporary protection against violence and to develop recommendations for mitigating these problems.

Tasks: 1) To find out the institute of temporary protection against violence, its history and development in Latvia. 2) Find out the types, causes and consequences of violence. 3) To investigate the legal regulation of temporary protection against violence established by regulatory enactments. 4) Analyze the legal problem

of temporary protection against violence. 5) Analyze the results obtained and identify the necessary improvements.

Object of the research: legal relations between persons involved in temporary protection against violence.

The subject of the study: the legal framework for temporary protection against violence. Hypothesis: If the applicant (a) does not report the violation of the established restrictions or knowingly permits it, then it has a negative impact on the public's legal awareness and temporary protection against the violence institute as such.

Research methods: historical, comparative, systemic, analysis, statistic. Research has explored temporary protection against violence Institute; temporary protection against violence law courts and police discretion and the temporary protection against domestic legal problems.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Pētījuma tēma ir pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesiskā problemātika. Darba aktualitāte saistāma ar apstākli, ka vardarbība ģimenē ir pasaules mēroga problēma, kas atkārtojas nepārtraukti, neatkarīgi no personas sociālā slāņa.

Starptautiskajos dokumentos, pētījumos un dažādu valstu normatīvajos aktos vardarbība pret sievietēm ģimenē visai bieži tiek skatīta kā viens novardarbības pret sievietēm veidiem, uzsverot, ka vardarbība ģimenē skar sievietes nesamērīgi vairāk kā vīriešus. Vardarbība ģimenē pret partneri bieživien ir saistīta ar vardarbību pret bērniem. Pieaug pierādījumu skaits, kas parāda, ka vienā ģimenē vienlaicīgi var izpausties dažādas vardarbības formas un ka vienas vardarbības formas esamība kādā ģimenē rada risku tam, ka šajā ģimenē parādīsies arī citas vardarbības formas.³³

Vai pagaidu aizsardzības pret vardarbību piemērošana pret varmāku mazinās personas apdraudējuma risku? Lai mazinātu vardarbību ģimenē, Latvijā 2014.gada 31. martā stājās spēkā jauns regulējums par pagaidu aizsardzību pret vardarbību, saskaņā ar kuru ir iespējama vardarbībā cietušo personu aizsardzība civilprocesuālā un policejiskā kārtībā.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

1.PAGAIDU AIZSARDZĪBAS PRET VARDARBĪBU INSTITŪTS.

49. Pasaules Veselības asamblejā 1996.gadā pieņemta rezolūcija, kas atzina, ka vardarbība ir svarīga un pieaugoša sabiedrības veselības problēma visā pasaulē. No vardarbības cieš bērni, sievietes. Vardarbība var būt gan emocionāla, gan fiziska. Vardarbība ir personas aizskārums ar fizisku spēku (piemēram, nodarot miesas bojājumus, sitot, spīdzinot) vai draudiem, iebiedēšanu (piemēram, aplaupot). Pasaules Veselības organizācija definē vardarbību kā "tīšu iedomāta vai reāla fiziska spēka vai varasp psiholoģisku kaitējumu, attīstības traucējumus vai zaudējumus".³⁴

Cilvēka pamattiesību aizsardzības pienākums ir vispārējs un pieprasa valsts aktīvu rīcību divos virzienos: valstij ir ne vien jāparedz juridiskās atbildības sistēma par jau notikušu aizskārumu, bet arī jānodrošina pamattiesību aizsardzības prevencija – darbība, kas vērsta uz nākotni.

Tiesiskie instrumenti, kas tika radīti, lai ieviestu pagaidu aizsardzību pret vardarbību civilprocesā, pirmkārt saistīti ar vienkāršāku pieteikuma iesniegšanas kārtību un ātrāku tā izskatīšanu tiesā, ko nodrošināja: speciālā pieteikuma forma un īsais izskatīšanas termiņš; pieteicēja atbrīvošana no valsts nodevas samaksas; iesniedzēja tiesības nenorādīt, kāda prasība tiks iesniegta tiesā; pieteicēja tiesība

³³ Informatīvs ziņojums par vardarbības pret sievietēm un vardarbības ģimenē gadījumiem, to izplatību un dinamiku 2016.gadā http://www.lm.gov.lv/upload/vardarbiba_gimene/lmzino_280318_vg.pdf , skatīts 30.11.2018

³⁴ Vardarbība <https://lv.wikipedia.org/wiki/Vardarb%C4%ABba> , skatīts 20.10.2018

pieteikumu iesniegt ar policijas starpniecību; jauns subjektīvais pierādījums – apliecinājums par sniegtu ziņu patiesumu, nosacījums, ka pieteikums nav atstājams bez virzības, un tiesas pienākums izlemt pieteikumu arī tad, ja nav norādītas visas ziņas un iesniegti visi dokumenti, ja šie trūkumi būtiski neietekmē pieteikuma izlemšanas iespējamību. Otrkārt, Civilprocesa likumā tika uzskaitīti vardarbības veidi kā pagaidu aizsardzības pret vardarbību pamats bez likumā ietvertiem definējumiem. Treškārt, tika noteikti pagaidu aizsardzības līdzekļi, kas deva iespēju vardarbīgo personu izolēt no fiziskas saskares ar cietušo, liegt saziņas iespēju un aizliegt izmantot cietušā datus, kā arī noteikt citus aizsardzības līdzekļus pēc cietušās personas lūguma vai tiesas ieskata. Ceturtkārt, lēmuma ievērošanu tika uzdots kontrolēt policijai.

Pagaidu aizsardzības pret vardarbību mērķis ir radīt mehānismu, lai personas personiskās tiesības (tiesības uz dzīvību, brīvību, personas neaizskaramību, veselību, dzimumneaizskaramību, privātās dzīves, mājojļa un korespondences neaizskaramību) būtu iespējams aizsargāt arī ar pagaidu civilprocesuālajiem līdzekļiem – personisko tiesību aizsardzības līdzekļiem, tai nav mērķis sodīt, bet, piemērojot konkrētus procesuālos instrumentus, atturēt vardarbīgo personu no turpmāka cietušās personas apdraudējuma riska.³⁵

Lai mazinātu vardarbību ģimenē, Latvijā tika pieņemts jauns regulējums par pagaidu aizsardzību pret vardarbību, tas ir kopš 2014.gada 31. marta ir iespējama vardarbībā cietušo personu aizsardzība civilprocesuālā un policejiskā kārtībā. Lai nodrošinātu kompleksu vardarbībā cietušo personu aizsardzības mehānismu, spēkā stājās grozījumi vairākos normatīvajos aktos – “Grozījumi Civilprocesa likumā”, “Grozījumi likumā “Par policiju””, “Grozījumi Bērnu tiesību aizsardzības likumā”, “Grozījumi Krimināllikumā” un “Grozījumi Bāriņtiesu likumā”. Salīdzinoši īsā laikā šis regulējums ir pierādījis sevi kā efektīvu instrumentu, jo iepriekš vienīgais risinājums, ja nebija pamata ierosināt krimināllietu par miesas bojājumu nodarīšanu, bija vardarbīgas personas aizturēšana uz trim stundām policijas iecirknī.

Ar minētajiem grozījumiem tika ieviests mehānisms, ar kura starpniecību personas var aizsargāt savas personiskās tiesības – tiesības uz dzīvību, brīvību, personas neaizskaramību, veselību, dzimumneaizskaramību, privātās dzīves, mājojļa un korespondences neaizskaramību, izmantojot pagaidu civilprocesuālus līdzekļus, līdzīgi tam regulējumam, kāds jau pastāv daudzās Eiropas un pasaules valstīs.³⁶

Vardarbība pret sievietēm un vardarbība ģimenē ir ļoti nopietna problēma ar tālejoši negatīvām sekām, kas pasaulē un arī Latvijā skar vidēji katru trešo sievieti un bērnu, un nelabvēlīgi ietekmē visu sabiedrību. Saskaņā ar statistikas datiem pasaulē kopumā pusē no sieviešu slepkavību gadījumiem vainīgais ir kāds no tuvākajiem cilvēkiem - laulātais/ partneris vai cits radnieks. ES dalībvalstīs fizisku un/vai seksuālu vardarbību no esošā vai bijušā partnera savas dzīves laikā vidēji piedzīvojušas 22% sievietes, bet Latvijā - 32% sievietes.

³⁷

Rosība, vardarbības ģimenē novēršanai, ir noritējusi arī kompetentās Eiropas Savienības institūcijās. 2011.gada 18. maijā Eiropas Komisija nāca klājā ar priekšlikumu attiecīgas Regulas pieņemšanai, kas nodrošinātu aizsardzības pasākumu civillietās savstarpēju atzīšanu. Tā 2013.gada 12. jūnijā tika pieņemta Eiropas Parlamenta un Padomes Regula (ES) Nr. 606/2013 par aizsardzības pasākumu savstarpēju atzīšanu civillietās, kas tiek piemērota kopš 2015.gada 11. janvāra.

Kā aizsardzības pret vardarbību regulējuma ieviesēju uzskatāma ASV. Pirmais aizsardzības pret vardarbību regulējums tika ieviests ASV Minesotas štata statūtos 80. gadu beigās, 90. gadu sākumā.

Minesotas štata statūtu 518.nodaļā tika izveidota nodaļa par Vardarbību ģimenē, kurā iekļauti 19 panti, kas galvenokārt regulē vardarbību ģimenes attiecībās. Regulējumu piemēro ASV štata tiesas. Jānorāda, ka dažos ASV štatos regulējums var mainīties, tomēr tam ir jābūt līdzīgam, jo 3. pantā noteiks, ka pieteikumu

³⁵ Celmiņa I. (2017). Pieteikums par pagaidu aizsardzību pret vardarbību: aktuālā prakse. Jurista vārds. 5(959): Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/270059-pieteikums-par-pagaidu-aizsardzibu-pret-vardarbibu-aktuala-prakse/> [Apmeklēts 18.09.2018]

³⁶ Mieriņa A. (2015). Aizsardzība pret vardarbību ģimenē starptautisko un nacionālo tiesību skatījumā. Jurista vārds. 32 (884): Pieejams <http://www.juristavards.lv/doc/267090-aizsardziba-pret-vardarbibu-gimene-starptautisko-un-nacionalo-tiesibu-skatijuma/> [Apmeklēts 15.09.2018]

³⁷Turpat.

par aizsardzību pret vardarbību ir iespējams iesniegt pēc lietas dalībnieku dzīves vietas, nodarījuma vietas, bērna, kas cietis no vardarbības dzīves vietas.³⁸

Vislielākās pārmaiņas sākās ar Eiropas Padomes Konvencijas par vardarbības pret sievietēm un vardarbības ģimenē novēršanu un apkarošanu jeb Stambulas konvencijas³⁹ izveidi.

Stambulas konvencija ir pirmais visaptverošais, detalizētais un tiesiski saistošais instruments Eiropā, kas veltīts vardarbības pret sievietēm un vardarbības ģimenē problemātikai. Uz 2018.gada 31. janvāri konvenciju ir parakstījušas, to neratificējot, 18 Eiropas Padomes valstis. 28 Eiropas Padomes valstis konvenciju ratificējušas. Konvenciju ir parakstījušas visas Eiropas Savienības dalībvalstis, ratificējušas - 17. Latvija konvenciju parakstīja 2016.gada 18. maijā.⁴⁰

Latvijas likumdevējam, ņemot vērā citu valstu pieredzi, bija jāizsecina, kur regulējums strādātu visefektīvāk un varētu palīdzēt personām vispilnīgāk. Aizsardzības pret vardarbību regulējums Latvijā tika ieviests Civilprocesa likumā, kaut arī daudzās citās valstīs izplatītāka bija regulējuma piemērošana kriminālprocesuālā kārtībā.

Latvijā 2014.gada 31. martā spēkā stājās grozījumi Civilprocesa likumā, kas nodrošināja personu, kas cieš no vardarbības, pagaidu aizsardzību procesuālajā kārtībā. Vienlaicīgi ar civilprocesuālajiem grozījumiem izmaiņas tika izdarītas likumā "Par policiju", Bāriņtiesu likumā, Bērnu tiesību aizsardzības likumā un Krimināllikumā, kā arī tika pieņemti Ministru kabineta noteikumi, kas nodrošināja policijas kontroli tiesas pieņemto lēmumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību izpildē.⁴¹

2014. gada 2. martā tika pieņemti un 2014. gada 31. martā stājās spēkā grozījumi Civilprocesa likumā, kur 5 sadaļa tika papildināta ar 30.⁵ nodaļu – "Pagaidu aizsardzība pret vardarbību"⁴², kuru nodrošināšanas kārtība ir atrunāta MK noteikumos Nr. 161 „Kārtība, kādā novērš vardarbības draudus un nodrošina pagaidu aizsardzību pret vardarbību”⁴³

Civilprocesa likuma 30.⁵ nodaļas tiesību normas ir atzīstamas par speciālajām attiecībā pret tiesību normām par prasības celšanas vispārējiem noteikumiem.

Civilprocesuālā aizsardzība pret vardarbību ir piemērojama, ja pret personu ir bijusi vērsta jebkāda fiziska, seksuāla, psiholoģiska vai ekonomiska vardarbība, kas notiek starp bijušajiem vai esošajiem laulātajiem vai citām savstarpēji saistītām personām neatkarīgi no tā, vai aizskārējs dzīvo vai ir dzīvojis vienā mājsaimniecībā ar aizskarto personu. Arī gadījumos, ja pret personu būs vērsta vardarbīga kontrole – tāda darbība vai darbību kopums, kas ietver aizskaršanu, seksuālu piespiešanu, draudus, pazemošanu, iebiedēšanu vai citas vardarbīgas darbības, kuru mērķis ir kaitēt, sodīt vai iebiedēt personu.⁴⁴

Pagaidu aizsardzības pret vardarbību pamats noteikts Civilprocesa likuma 250.⁴⁵ pantā, proti, ja pret personu ir vērsta jebkāda fiziska, seksuāla, psiholoģiska vai ekonomiska vardarbība, kas notiek starp bijušajiem vai esošajiem laulātajiem vai citām savstarpēji saistītām personām neatkarīgi no tā, vai aizskārējs dzīvo vai ir dzīvojis vienā mājsaimniecībā ar aizskarto personu, tiesa vai tiesnesis pēc personas motivēta pieteikuma vai pieteikuma, kas iesniegts ar policijas starpniecību, var pieņemt lēmumu par pagaidu

³⁸ Minnesota Statutes 1985 suppliment. Chapter 518B Domestic Abuse. Pieejams:

<https://www.revisor.mn.gov/statutes/1985/cite/518B/pdf> – 01.09.2018

³⁹ Eiropas Padomes Konvencija par vardarbības pret sievietēm un vardarbības ģimenē novēršanu un apkarošanu. Eiropas Padomes līgumu sērija, Nr. 210. 11.05.2011. Pieejams: <https://rm.coe.int/1680462538>.

⁴⁰Turpat.

⁴¹ Celmiņa I. (2017). Pieteikums par pagaidu aizsardzību pret vardarbību: aktuālā prakse. Jurista vārds. 5(959): Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/270059-pieteikums-par-pagaidu-aizsardzibu-pret-var darbibu-aktuala-prakse/> [Apmeklēts 18.09.2018]

⁴² Grozījumi Civilprocesa likumā: Latvijas Republikas likums. 26.02.2014. Latvijas Vēstnesis. 41.

⁴³Kārtība, kādā novērš vardarbības draudus un novērš vardarbības draudus un nodrošina pagaidu aizsardzību pret vardarbību: Ministru kabineta noteikumi Nr.161. 31.03.2014. Latvijas Vēstnesis. 64.

⁴⁴ Mieriņa A. (2015). Aizsardzība pret vardarbību ģimenē starptautisko un nacionālo tiesību skatījumā. Jurista vārds. 32 (884): Pieejams <http://www.juristavards.lv/doc/267090-aizsardziba-pret-var darbibu-gimene-starptautisko-un-nacionalo-tiesibu-skatijuma/> [Apmeklēts 15.09.2018]

aizsardzību pret vardarbību. Civilprocesa likuma 250.⁴⁵ panta pirmā daļa piemērojama arī gadījumos, ja pret personu ir vērsta vardarbīga kontrole — tāda darbība vai darbību kopums, kas ietver aizskaršanu, seksuālu piespiešanu, draudus, pazemošanu, iebiedēšanu vai citas vardarbīgas darbības, kuru mērķis ir kaitēt, sodīt vai iebiedēt aizskarto personu.

Pieteicējs ir atbrīvots no tiesāšanas izdevumu samaksas, kā arī viņam būtiski ir atvieglots pierādīšanas pienākums. Ja prasības nodrošināšanas gadījumā būtiska loma ir pierādījumiem, tad civilprocesuālās aizsardzības pret vardarbību gadījumā cietušajam (pieteicējam vai prasītājam) bieži vien nav pierādījumu. Ja pierādījumu nav vai arī tie nav pietiekami, tiesa pēc savas iniciatīvas tiesas sēdē var pieprasīt lietas dalībnieku vēlreiz apliecināt savus paskaidrojumus. Tā kā vardarbības upuriem ir atvieglota pierādījumu nasta, vienlaikus normatīvajos aktos ir nostiprināta atbildība par nepatiesas informācijas sniegšanu tiesai.

Pagaidu aizsardzību pret vardarbību ģimenes vardarbībā cietušie var lūgt policijai un tiesai. Jaunais regulējums paredz tiesības policijai (gan valsts policijai, gan pašvaldības policijai), izbraucot uz izsaukumu, nekavējoties pieņemt lēmumu par nošķiršanu – tas ir, uzlikt par pienākumu varmākam pamest mājokli, kā arī aizliegt varmākam tuvuoties mājoklim un sazināties ar cietušo. Policijas lēmums par nošķiršanu tiek izpildīts nekavējoties un ir spēkā līdz 8 dienām.

Ja pirms prasības celšanas policija ir pieņēmusi lēmumu, kas uzliek par pienākumu iespējamam atbildētājam, kurš rada draudus, atstāt mājokli, neatgriezties un neuzturēties tajā vai tā tuvumā vai aizliedz iespējamam atbildētājam kontaktēties ar iespējamo prasītāju (policijas lēmums par nošķiršanu), policija pēc iespējamā prasītāja lūguma nosūta tiesai policijas lēmuma norakstu, iespējamā prasītāja pieteikumu, kurā norādīts, ka iespējamais prasītājs vēlas, lai tiesa izskatītu jautājumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību, kā arī citu informāciju, kas ir policijas rīcībā un attiecas uz jautājumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību.

Tiesas pienākums ir izlemt jautājumu par pagaidu aizsardzību ne vēlāk kā nākamajā darba dienā pēc pieteikuma saņemšanas, ja ir pietiekams pamats (pārsvarā pierādījumi) uzskatīt, ka cietušā dzīvībai, brīvībai vai veselībai draud tūlītējas briesmas.

Ja pierādījumi nav pietiekami vai tie jāpieprasa no pieteikumā norādītajām valsts vai pašvaldību iestādēm vai citām fiziskajām vai juridiskajām personām, tiesa vai tiesnesis pieteikumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību izlemj 20 dienu laikā pēc pieteikuma saņemšanas.

Apmierinot pieteikumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību pirms prasības celšanas, tiesa vai tiesnesis nosaka prasītājam termiņu prasības pieteikuma iesniegšanai tiesā, ne ilgāku par vienu gadu, bet, nosakot pagaidu aizsardzības pret vardarbību līdzekļus, kas minēti Civilprocesa likuma 250.⁴⁷ panta pirmās daļas 1. un 2.punktā, atbildētājam, kas pastāvīgi dzīvo mājoklī kopā ar prasītāju, — ne ilgāku par 30 dienām.⁴⁵

Apmierinot prasību, pagaidu aizsardzība pret vardarbību ir spēkā līdz dienai, kad spriedums stājas likumīgā spēkā.

Noraidot prasību, tiesa spriedumā atceļ pagaidu aizsardzību pret vardarbību. Pagaidu aizsardzība pret vardarbību ir spēkā līdz dienai, kad spriedums stājas likumīgā spēkā.

Ja prasība atstāta bez izskatīšanas vai tiesvedība izbeigta, tiesa ar lēmumu atceļ pagaidu aizsardzību pret vardarbību. Pagaidu aizsardzība pret vardarbību ir spēkā līdz dienai, kad lēmums stājas likumīgā spēkā.

Tiesā vai tiesnesis lēmumā par pagaidu aizsardzību pret vardarbību brīdina atbildētāju, ka policija veiks lēmuma izpildes kontroli un, ja lēmums netiks pildīts labprātīgi, atbildētājs būs atbildīgs saskaņā ar Krimināllikumu.

Pēc lēmuma pieņemšanas tiesa nekavējoties nosūta lēmumu Valsts policijai, kas būs atbildīga par lēmuma izpildes kontroli. Ja tiesas lēmumā ir noteikts varmākam pienākums atstāt kopīgo mājokli, policija sazināsies ar cietušo, lai informētu par policijas darbinieku, kurš kontrolēs tiesas lēmuma izpildi, un noskaidrotu, vai varmāka ir labprātīgi izpildījis lēmumu. Ja varmāka neievēro tiesas lēmumā noteikto, tad cietušais var nekavējoties par to informēt atbildīgo policijas darbinieku. Policijas pienākums ir nekavējoties nodrošināt tiesas lēmuma izpildi, kā arī izvērtēt, vai uzsākt kriminālprocesu pret varmāku par tiesas lēmuma nepildīšanu.

⁴⁵Civilprocesa likums: Latvijas Republikas likums. 03.11.1998. Latvijas Vēstnesis. 326/330.[250.⁵⁸ pants]

Pagaidu aizsardzības pret vardarbību līdzekļus pēc puses pamatota pieteikuma var atcelt tā pati tiesa, kura noteikusi pagaidu aizsardzības pret vardarbību līdzekļus, vai tiesa, kuras lietvedībā atrodas lieta izskatīšanai pēc būtības. Tiesa pēc vienas puses lūguma katru pusi var noklausīties atsevišķā tiesas sēdē. Šo personu neierašanās nav šķērslis pieteikuma izskatīšanai.

Lēmums par pagaidu aizsardzības pret vardarbību līdzekļa aizstāšanu vai atcelšanu ir izpildāms nekavējoties pēc tā pieņemšanas.

Par tiesas lēmumu nepildīšanu ir paredzēta kriminālatbildība – tātad jau iepriekšējs pieņēmums, ka cilvēks izvairīsies no tiesas lēmuma nepildīšanas, baidoties tieši no iespējamā soda.

2014.gada 3.aprīlī stājās spēkā grozījumi Krimināllikumā, ar kuriem tas tika papildināts ar jaunu 168.¹ pantu, kas paredz atbildību par nolēmuma par pagaidu aizsardzību pret vardarbību nepildīšanu. Minētā Krimināllikuma panta aktīva piemērošana un liels notiesāto skaits ir apliecinājums tam, ka likuma grozījumiem ir bijusi arī praktiska nozīme.⁴⁶

Ja tiesa pieņemusi lēmumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību, tad arī kontroli pār šāda lēmuma pildīšanu veic Valsts policija. Tādēļ, ka var būt nepieciešama tūlītēja personas aizsardzība, kā arī var būt nepieciešama spēka lietošana, ko var nodrošināt tikai valsts policijas struktūrvienības. Par ļaunprātīgu nolēmuma par pagaidu aizsardzību pret vardarbību nepildīšanu paredzēts, ka iestāsies kriminālatbildība. Par policijas lēmuma nepildīšanu ir paredzēta šī lēmuma piespiedu izpilde, tai skaitā Administratīvā procesa likumā paredzētajā kārtībā piemērot piespiedu naudu.

Dažas dalībvalstis, piemēram, Austrija, Šveice, Vācija, Lihtenšteina, Luksemburga, Spānija un Polija, ir izstrādājušas tiesību aktus, saskaņā ar kuriem papildus aresta iespējai vietā, kur izdarīta vardarbība ģimenē, policija var veikt vajadzīgos pasākumus, lai neļautu vardarbības izdarītājam atrasties mājā.

Valstīs atšķiras prasības, kas policijai jāievēro, lai veiktu pasākumus. Lielākoties aizsargpasākums ir izlikšana no mājas. Tas policijai ļauj izraidīt vardarbības izdarītāju no kopīgās mājas un tieša tās tuvuma un aizliegt viņam tajā atgriezties – pat gadījumā, ja viņš ir mājas vai dzīvokļa īpašnieks. Šādu rīkojumu var izdot, ja uzskata, ka draud uzbrukums dzīvībai, veselībai vai brīvībai. Var būt prasība, saskaņā ar kuru tiesai vai vietējai iestādei dažu dienu laikā rīkojums ir jāpārskata. Rīkojuma darbības ilgums ir dažāds, parasti robežās no 10 līdz 14 dienām, bet dažreiz ir elastīgs (tiek noteikts, katru gadījumu izskatot atsevišķi).

Vispārīgi uzskata, ka šo pasākumu nolūks ir nodrošināt upurim drošības periodu, kura laikā tā var piekļūt informācijai par iespējamajiem tiesiskajiem un praktiskajiem risinājumiem savai situācijai un apsvērt savas iespējas. Daži tiesību akti uzliek policijai pienākumu kontrolēt, lai rīkojums netiktu pārkāpts, un sniegt upurim informāciju par iespēju pieteikties rīkojumam par civiltiesisku aizsardzību un īpašām konsultācijām.

Ņemot vērā daudzās grūtības, ar kurām saskaras vardarbībā cietušās sievietes, ir izstrādāti pasākumi, lai šo drošības periodu pagarinātu, mijiedarbojoties policijas darbu regulējošajām tiesībām un civiltiesībām. Piemēram, Austrijā upuris nevar ietekmēt aizlieguma tuvoties izdošanu (un tādējādi vardarbīgais partneris nevar viņu piespiest atļaut viņam atgriezties). Kad ir izdots aizliegums tuvoties, upuris desmit dienu laikā civillietu tiesā (ģimenes lietu tiesā) var iesniegt pieteikumu pagaidu izpildraksta izdošanai. Ja šāds pieteikums tiek iesniegts, aizliegums tuvoties automātiski tiek pagarināts līdz 20 dienām. Policijas pienākums ir kontrolēt, lai aizliegums netiktu pārkāpts. Ja sieviete šajā laikā uzsāk laulības šķiršanas vai laulāto atšķiršanas procesu, aizsargpasākuma darbības ilgumu var pagarināt.

Vērtējošā izpēte Austrijā un Vācijā ir parādījusi, ka daudzas sievietes uzskata aizliegumu tuvoties par noderīgu gan, lai tās varētu padzīvot šķirti no vardarbīgā partnera, gan arī, lai pat tiem vardarbības izdarītājiem, kuru pārkāpumi nav ļoti smagi, skaidri paustu, ka to rīcība ir bijusi nepareiza un netiks paciesta. Turklāt Austrijas pārbaudes pētījumā pat tās sievietes, kuras sākotnēji iebilda pret aizliegumu tuvoties, atskatoties pagātnē, atzina, ka šis pasākums ir bijis noderīgs. Tomēr abās šajās valstīs ir konstatēts, ka policija diez vai izdos aizliegumu tuvoties, ja tā pie kādas ģimenes tiks izsaukta otro reizi, lai gan tas patiesībā liecina par vēl smagāku vardarbības pakāpi. Turklāt ir neliela grupa ārkārtīgi vardarbīgu vīriešu, kas neievēro šādus

⁴⁶ Judins A. (2015). Nolēmuma par pagaidu aizsardzību pret vardarbību nepildīšana. Jurista vārds. 41(893): Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/267426-nolemuma-par-pagaidu-aizsardzibu-pret-var darbibu-nepildisana/> [Apmeklēts 10.09.2018]

aizliegumus un nopietni apdraud gan sievieti, gan viņas bērnus, gan sabiedrību. Tādēļ tiek izstrādātas riska novērtēšanas metodes.⁴⁷

Līdz ar pagaidu aizsardzības pret vardarbību institūta ieviešanu Latvijā, radās nepieciešamība paplašināt bērnu tiesību aizsardzības institūcijas, proti bāriņtiesas, kompetenci.

2014.gada 13. februārī Saeima pieņēma likumu „Grozījumi Bāriņtiesu likumā”, papildinot likumu ar 19.¹ pantu „Pieteikums par pagaidu aizsardzību pret vardarbību”. Ir divi procesi pagaidu aizsardzības pret vardarbību veidolā: pirmais ir pirms prasības celšanas tiesā un otrais – prasības ietvaros. Bāriņtiesu likuma 19.¹ pants nosaka: ja bērna vecāks vai aizbildnis objektīvu iemeslu dēļ nav iesniedzis bērna interesēs tiesai pieteikumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību, bāriņtiesa bērna interesēs iesniedz šo pieteikumu, ja pastāv likumā minētās bīstamības.

Šie Bāriņtiesu likuma grozījumi paredz iespēju bāriņtiesai, lemjot tās priekšsēdētājam, vērsties vispārējās jurisdikcijas tiesā, ja bērna vecāks vai aizbildnis objektīvu iemeslu dēļ ir kavēts bērna interesēs iesniegt tiesai pieteikumu par personisko tiesību aizsardzības nodrošināšanu, lai bērns saņemtu atbilstošu aizsardzību⁴⁸. Šādu pieteikumu bērna interesēs tiesai iesniedz tā bāriņtiesa, kuras darbības teritorijā konstatēts pamats pieteikumam par pagaidu aizsardzības pret vardarbību noteikšanu vai kuras darbības teritorijā bērns dzīvo. Šis regulējums attiecināms uz jebkuru bērnu, kas cieš no vardarbības vai vajāšanas⁴⁹.

Attiecībā uz bērnu nošķiršanu no ģimenes tūlītēju vardarbības draudu gadījumā Bērnu tiesību aizsardzības likuma 27.panta pirmās daļas 1.punkts nosaka, ka bērnu var šķirt no ģimenes, ja bērna dzīvība, veselība vai attīstība ir nopietni apdraudēta vardarbības dēļ vai ir pamatotas aizdomas par vardarbību pret bērnu, kā arī aprūpes trūkuma vai mājas apstākļu (sociālās vides) dēļ.⁵⁰

Ja policija ir pieņēmusi lēmumu par nošķiršanu un ģimenē ir bērns, neatkarīgi no tā, vai viņš ir cietusī puse vai nav, policijai ir pienākums dienas laikā par to informēt bāriņtiesu, kas savas kompetences ietvaros jautājumu risina tālāk – vai ir aizskartas bērna tiesības. Bet, ja tiesa pieņem lēmumu par pagaidu aizsardzību, kas nav iesniegts ar policijas starpniecību, tad tiesai nav pienākuma informēt bāriņtiesu. Tātad iznāk, ka vairākos gadījumos ir pieņemts lēmums par pagaidu aizsardzību pret vardarbību un bāriņtiesa par to nav informēta.⁵¹

Kā redzams no Civilprocesa likuma, pašlaik pagaidu aizsardzība pret vardarbību ir saistīta tikai un vienīgi ar civiltiesisku strīdu risinājumu prasības kārtībā. Tomēr ne visās dzīves situācijās ar to ir pietiekami. Tāpat, sasaistot pagaidu aizsardzību pret vardarbību ar civilprocesu, tiek mākslīgi paplašināts iespējamā civiltiesiskā strīda “kaujas” lauks. Visbeidzot, papildus tiek noslogota tiesu sistēma. Proti, lai gan no paša pagaidu aizsardzības pret vardarbību regulējuma Civilprocesa likumā var konstatēt, ka sākotnēji process (vismaz fiziskas vardarbības gadījumos, pret kuru tik tiešām ir jāvēršas nekavējoties) sākas policijā, tāpat arī tiesas lēmuma izpilde atkal nonāk policijā. Faktiski tiesas iesaistīšanai sākotnēji vardarbības gadījumos nav pamata. Cilvēktiesību ievērošanu tāpat nodrošina administratīva lēmuma apstrīdēšanas procedūra.

Ja persona jau ir cietusi no noziedzīga nodarījuma, ko pret personu vai viņas bērniem ir pastrādājis ģimenes loceklis, bijušais laulātais vai cita savstarpēji saistīta persona, un ar savu pieteikumu cietusī persona ir ieradies policijā, tad policija var pieņemt lēmumu par nošķiršanu, ko tūlīt par izpilda Ministru kabineta

⁴⁷ Hāgemane – Vaita K. Pētījums par Eiropas Padomes dalībvalstu veiktajiem pasākumiem un darbībām pret sievietēm vērstas vardarbības apkarošanā. Pieejams:

http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:8P78HB5TChAJ:www.vvc.gov.lv/export/sites/default/docs/LRTA/Citi/Combating_Violence_Against_Women_Stocktaking_study.doc+&cd=13&hl=lv&ct=clnk&gl=lv [Apmeklēts 30.11.2018]

⁴⁸ Grozījumi Bāriņtiesu likumā: likumprojekts. 2013.gada 20.marta Sākotnējās ietekmes novērtējuma ziņojums (anotācija). Pieejams: http://www.lm.gov.lv/upload/tiesibu_aktu_projekti_2/lmanot_170511_btal.pdf [Apmeklēts 15.10.2018]

⁴⁹ Turpat.

⁵⁰ Bērnu tiesību aizsardzības likums: Latvijas Republikas likums. 08.07.1998. Latvijas Vēstnesis. 199/200.

⁵¹ Celmiņa I., Štrausa I., Frolova I., Krasnogolovs A. (2014). Pagaidu aizsardzība pret vardarbību ģimenē: pieredze un secinājumi. Pieejams: <https://lvportals.lv/viedokli/267445-pagaidu-aizsardziba-pret-var darbibu-gimene-pieredze-un-secinajumi-2014> [Apmeklēts 29.09.2018.]

noteikumos Nr. 161 "Kārtība, kādā novērš vardarbības draudus un nodrošina pagaidu aizsardzību pret vardarbību" paredzētajā kārtībā.

Ja pret personu ir vērsta jebkāda fiziska, seksuāla, psiholoģiska vai ekonomiska vardarbība vai vardarbīga kontrole, kas notiek starp bijušajiem vai esošajiem laulātajiem vai citām savstarpēji saistītām personām neatkarīgi no tā, vai aizskārējs dzīvo vai ir dzīvojis vienā mājsaimniecībā ar aizskarto personu, persona bez policijas starpniecības var iesniegt tiesā pamatotu pieteikumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību.

Pēc lēmuma pieņemšanas par pagaidu aizsardzību pret vardarbību neviena iestāde vai persona nevar garantēti nodrošināt, ka atbildētājs ievēros tiesas lēmumā noteikto aizsardzības līdzekli. Diemžēl pagaidām cietušajiem ar saviem spēkiem ir jācīnās, lai nodrošinātu šī līdzekļa ievērošanu. Visos gadījumos, kad cietušais konstatē atbildētāja pārkāpumu, nekavējoties un pierādāmi būtu jāziņo policijai, kā arī pēc iespējas jāfiksē pārkāpums vai nu ar paša rīcībā esošajiem tehniskiem līdzekļiem, vai arī pieaicinot iespējamus lieciniekus.

Darbs ar personām, kuras veikušas vardarbību, uzliekot tām par pienākumu iziet sociālās rehabilitācijas kursu vardarbīgas uzvedības mazināšanai, būtu līdzeklis, kā novērst vai samazinātu turpmāku vardarbības situāciju atkārtošanos.

Kopš 2015.gada personām, kuras ir cietušas no vardarbības, ir paredzētas tiesības saņemt sociālās rehabilitācijas pakalpojumus, kas finansēti no valsts budžeta līdzekļiem. Tāpat speciāli noteikumi paredz, ka no valsts budžeta līdzekļiem finansētus sociālās rehabilitācijas pasākumus var saņemt personas, kuras veikušas vardarbību. Noteikumi paredz iespēju personai brīvprātīgi pieteikties un, ja tā atbilst noteikumos izvirzītajiem kritērijiem, saņemt valsts apmaksātu vardarbīgas uzvedības mazināšanas pakalpojumu. Pakalpojums tiek sniegts divos veidos – persona var pakalpojumu saņemt individuālu psihologa konsultāciju veidā vai arī persona pakalpojumu var saņemt grupu nodarbību veidā. Tieslietu ministrija norāda, ka tiesas vidēji gadā pieņem 960 lēmumus par pagaidu aizsardzības pret vardarbību līdzekļu noteikšanu. Tieslietu ministrija secina, ka gadā vidēji pienākums iziet sociālās rehabilitācijas kursus vardarbīgas uzvedības mazināšanai varētu tikt piemērots 816 personām.⁵²

2018. gada pirmajā pusgadā VP amatpersonas jau ir pieņēmušas 416 policijas lēmumus par nošķiršanu. Kā norāda VP Sabiedrisko attiecību nodaļas vecākā speciāliste **Elīna Sprudzāne**, no visiem šī gada pirmajā pusgadā VP pieņemtajiem lēmumiem par nošķiršanu aizsargājamā persona 388 gadījumos bija sieviete, 28 gadījumos – vīrietis. Vairumā gadījumu varmāka ģimenē ir laulātais vai civilvīrs.⁵³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

- 1) Pasaules veselības organizācijas vardarbības definējums ir visaptverošākais, un proti, tīša iedomāta vai reāla fiziska spēka, vai varas apzināta lietošana pret sevi, citu personu, grupu vai kopienu, kas izraisa vai spēj izraisīt ievainojumu, nāvi, psiholoģisku kaitējumu, attīstības traucējumus vai zaudējumus.
- 2) Pagaidu aizsardzības pret vardarbību tiesiskais regulējums ir attaisnojais savu eksistenci un lieti noder sabiedrības locekļu atvēršanai no pārlieku agresīvas attieksmes pret saviem tuvākajiem.
- 3) Praksē vērojams, ka prasītāji atzīmē vardarbības veidus un visus pagaidu aizsardzības līdzekļus, aizmirstot būtiskāko – strukturālu pierādīšanu par vardarbības esamību un līdzekļa atbilstību vardarbības izpausmei. Regulējuma piemērošana Civilprocesā ir ātrākais veids, kā aizsargāt personas tiesības.
- 4) Pagaidu aizsardzību pret vardarbību var nodrošināt gan Valsts policija pieņemot lēmumu par nošķiršanu, gan tiesa pieņemot lēmumu par pagaidu aizsardzību pret vardarbību, kā arī Pašvaldības policijas darbinieki var lemt jautājumu par nepieciešamību aizsargāt personu no notiekošās vardarbības.
- 5) Atsevišķos gadījumos pieteikums tiek izmantots, lai ierobežotu vai liegtu pretējās puses tiesības, kādas izriet no ģimenes strīda.

⁵² Tieslietu ministrija rosina varmākām uzlikt pienākumu iziet rehabilitāciju vardarbīgas uzvedības mazināšanai. Pieejams: <https://www.tvnet.lv/4525580/tm-rosina-varmakam-uzlikt-par-pienakumu-iziet-socialo-rehabilitaciju> [Apmeklēts 13.11.2018]

⁵³ Balode L., Dambe A. Vardarbība ģimenē ir noziegums:kā palīdzēt upurim? Pieejams: <https://lvportals.lv/skaidrojumi/298100-vardarbiba-gimene-ir-noziegums-ka-palidzet-upurim-2018> [Apmeklēts 05.12.2018]

- 6) Likumā noteiktie pagaidu aizsardzības līdzekļi nav savienojami ar pagaidu lēmumu ģimenes strīdā.
- 7) Procesa dalībnieki nevērtē pieteikuma par pagaidu aizsardzību pret vardarbību nozīmīgumu. Nereti pieteikums tiek iesniegts ilgstošā pušu strīdā, lai izceltu savu viedokli par izskatāmo strīdu un akcentētu savu pozīciju.
- 8) Problēmas galvenokārt saistītas ar to, ka pieteikumam par pagaidu aizsardzību pret vardarbību var nebūt pievienoti pierādījumi tiem apstākļiem, uz kuriem kā sava pieteikuma pamatojumu atsaucās iesniedzējs. Bieži pieteikumā norādītās ziņas ir iesniedzēja subjektīva apstākļu interpretācija.
- 9) Mūsdienu sabiedrība pienācīgi nenovērtē pieteikumā par pagaidu aizsardzību pret vardarbību ietvertā apliecinājuma, kurā lietas dalībnieks apstiprina, ka pieteikumā sniegtās ziņas par faktiem un lietas apstākļiem ir izsmeļošas un patiesas, nopietnību, proti – juridiskās sekas un to atbildību, kāda var iestāties, ja lietas izskatīšana noskaidrosies, ka pieteikumā norādītās ziņas nav patiesas.
- 10) Tāpat ir secinājums, ka šādu pieteikumu iesniegšana dažkārt tiek izmantota negodprātīgos nolūkos, lai tādā veidā “piespiestu” procesa pretējo pusi risināt pavisam citas tiesiskās attiecības, uz kurām Civilprocesa likuma regulējums attiecībā uz pagaidu aizsardzību pret vardarbību vispār nav attiecināms.
- 11) Prasītāji atzīmē vardarbības veidus un visus pagaidu aizsardzības līdzekļus, aizmirstot būtiskāko – strukturālu pierādīšanu par vardarbības esamību un līdzekļa atbilstību vardarbības izpaušmei. Būtu jātiecas uz atbildes iegūšanu, kā piedāvātais aizsardzības līdzeklis palīdzēs novērst konkrēto vardarbības veidu.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

Normatīvie akti

1. Latvijas Republikas Satversme: Latvijas Republikas likums. 30.06.1922. Valdības Vēstnesis, 141.
2. Eiropas Padomes Konvencija par vardarbības pret sievietēm un vardarbības ģimenē novēršanu un apkarošanu. Eiropas Padomes līgumu sērija, Nr. 210. 11.05.2011. Pieejams: <https://rm.coe.int/1680462538>.
3. Administratīvā procesa likums: Latvijas Republikas likums. 14.11.2001. Latvijas vēstnesis. 164.
4. Bērnu tiesību aizsardzības likums: Latvijas Republikas likums. 08.07.1998. Latvijas Vēstnesis. 199/200.
5. Civilprocesa likums: Latvijas Republikas likums. 03.11.1998. Latvijas Vēstnesis. 326/330.
6. Grozījumi Civilprocesa likumā: Latvijas Republikas likums. 26.02.2014. Latvijas Vēstnesis. 41.
7. Grozījumi likumā „Par policiju”: Latvijas Republikas likums. 20.03.2014. Latvijas Vēstnesis. 57.
8. Likums „Par policiju”: Latvijas Republikas likums. 15.08.1991. Ziņotājs. 31/32.
9. Likumprojekta “Vardarbībai un vardarbības riskam pakļauto personu aizsardzības likums” sākotnējās ietekmes novērtējuma ziņojums (anotācija). Pieejams: <http://tap.mk.gov.lv/mk/tap/?pid=40426458>, [Apmeklēts 06.10.2018.]
10. Grozījumi Bāriņtiesu likumā: likumprojekts. 2013.gada 20. marta Sākotnējās ietekmes novērtējuma ziņojums (anotācija). Pieejams: http://www.lm.gov.lv/upload/tiesibu_aktu_projekti_2/lmanot_170511_btal.pdf [Apmeklēts 15.10.2018]
11. Kārtība, kādā novērš vardarbības draudus un novērš vardarbības draudus un nodrošina pagaidu aizsardzību pret vardarbību: Ministru kabineta noteikumi Nr.161. 31.03.2014. Latvijas Vēstnesis. 64.
12. Minnesota Statutes 1985 supplement. Chapter 518B Domestic Abuse. Pieejams: <https://www.revisor.mn.gov/statutes/1985/cite/518B/pdf> – 01.09.2018

Literatūra:

13. Celmiņa I. (2017). Pieteikums par pagaidu aizsardzību pret vardarbību: aktuālā prakse. Jurista vārds. 5(959): Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/270059-pieteikums-par-pagaidu-aizsardzibu-pret-var darbibu-aktuala-prakse/> [Apmeklēts 18.09.2018]
14. Judins A. (2015). Nolēmuma par pagaidu aizsardzību pret vardarbību nepildīšana. Jurista vārds. 41(893): Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/267426-nolemuma-par-pagaidu-aizsardzibu-pret-var darbibu-nepildisana/> [Apmeklēts 10.09.2018]
15. Melbārdis Dz. (2015). Pagaidu aizsardzība pret vardarbību. Jurista vārds. 32(884): Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/267094-pagaidu-aizsardziba-pret-var darbibu/> [Apmeklēts 23.09.2018]
16. Mieriņa A. (2015). Aizsardzība pret vardarbību ģimenē starptautisko un nacionālo tiesību skatījumā. Jurista vārds. 32 (884): Pieejams <http://www.juristavards.lv/doc/267090-aizsardziba-pret-var darbibu-gimene-starptautisko-un-nacionalo-tiesibu-skatijuma/> [Apmeklēts 15.09.2018]

Interneta avoti:

17. Balode L., Dambe A. Vardarbība ģimenē ir noziegums: kā palīdzēt upurim? Pieejams: <https://lvportals.lv/skaidrojumi/298100-var darbiba-gimene-ir-noziegums-ka-palidzet-upurim-2018> [Apmeklēts 05.12.2018]
18. Celmiņa I., Štrausa I., Frolova I., Krasnogolovs A. (2014). Pagaidu aizsardzība pret vardarbību ģimenē: pieredze un secinājumi. Pieejams: <https://lvportals.lv/viedokli/267445-pagaidu-aizsardziba-pret-var darbibu-gimene-pieredze-un-secinajumi-2014> [Apmeklēts 29.09.2018.]
19. Kronberga I., Litvins G., Lešinksa A., Sīle S. (2012). Sabiedriskās drošības piespiedu līdzekļu reglamentējums Eiropas Savienībā. Pieejams: http://at.gov.lv/files/uploads/files/7_Resursi/Petijumi/lv_ministrija_imateriali_peti.pdf [Apmeklēts 18.09.2018.]
20. Hāgemane – Vaita K. Pētījums par Eiropas Padomes dalībvalstu veiktajiem pasākumiem un darbībām pret sievietēm vērstas vardarbības apkarošanā. Pieejams: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:8P78HB5TChAJ:www.vvc.gov.lv/export/sites/default/docs/LRTA/Citi/Combating_Violence_Against_Women_Stocktaking_study.doc+&cd=13&hl=lv&ct=clnk&gl=lv [Apmeklēts 30.11.2018]

Interneta avoti:

21. Informatīvs ziņojums par vardarbības pret sievietēm un vardarbības ģimenē gadījumiem, to izplatību un dinamiku 2016.gadā Pieejams: http://www.lm.gov.lv/upload/var darbiba_gimene/lmzino_280318_vg.pdf [Apmeklēts 30.11.2018]
22. Statistika par kriminālprocesu skaitu, kuri ierosināti par Krimināllikuma 168.¹ pantā paredzēto noziedzīgo nodarījumu. Pieejams <https://www.slideshare.net/mobile/Tieslietas/var darbibas-apkaroana-imen-uncietuo-aizsardzba-pret-var darbibu> [Apmeklēts 10.10.2018]
23. Statistika par tiesas nolēmumiem par pagaidu aizsardzību pret vardarbību, kas nodoti izpildei. Pieejams: <https://www.slideshare.net/mobile/Tieslietas/var darbibas-apkaroana-imen-uncietuo-aizsardzba-pret-var darbibu> [Apmeklēts 27.09.2018]
24. Tieslietu ministrija rosina varmākām uzlikt pienākumu iziet rehabilitāciju vardarbīgas uzvedības mazināšanai. Pieejams: <https://www.tvnet.lv/4525580/tm-rosina-varmakam-uzlikt-par-pienakumu-iziet-socialo-rehabilitaciju> [Apmeklēts 13.11.2018]
25. Vardarbība. Pieejams: <https://lv.wikipedia.org/wiki/Vardarb%C4%ABba> [Apmeklēts 20.10.2018]

Valsts paš aizsardzības tiesību izmantošanas ilgums

*Vita Upeniece, Latvija,
Rīgas Stradiņa universitāte
Doktora studiju programma „Juridiskās zinātnes”
vita_up@yahoo.com
Zinātniskais vadītājs
Dr.iur. Jānis Grasis*

ANOTĀCIJA

Uz jautājumu par to, cik ilgi var turpināties valsts spēka izmantošana paš aizsardzībai, starptautiskajās tiesībās nav rasta viennozīmīgi skaidra atbilde. Viena pētnieku grupa uzstāj, ka, tiklīdz Drošības padome iesaistās jautājuma risināšanā, spēka izmantošana paš aizsardzībai ANO Statūtu 51. panta kontekstā ir aizliegta. Otra pētnieku grupa uzskata, ka 51. pants apstiprina valsts tiesības uz individuālu un kolektīvu paš aizsardzību līdz brīdim, kamēr Drošības padome veiksmīgi neatrisinās jautājumu. Visticamāk, kopš panta rašanās pirmsākumiem, tā mērķis bija nevis ierobežot valsts paš aizsardzības tiesības, padarot tās pilnībā atkarīgas no Drošības padomes darbības, bet uzsvērt šo tiesību izmantošanas iespēju, ka arī piešķirt Drošības padomei, kā kolektīvai institūcijai, tiesības lemt par izmantotās paš aizsardzības pamatotību un miera uzturēšanai vai atjaunošanai nepieciešamo kolektīvo pasākumu veikšanu.

Atslēgvārdi: valsts tiesības uz paš aizsardzību, spēka lietošanas ilgums, Drošības padome.

ABSTRACT

The question about the use of force in self-defense when the Security Council has taken measures is one of the issues of the international law. One group of scholars emphasizes, that the use of force, mentioned in the Article 51 of the UN Charter, is prohibited once the Security Council starts to resolve the situation. The other group argues, that the Article 51 approves the right to self-defence until the Security Council successfully deals with the situation. There are no strong evidences that there was the aim to restrict the right to self – defense and to make it completely dependent from activities of the Security Council. The aim was to emphasise the existence of this right and to give the Security Council, as a collective institution, the right to decide on the validity of the self – defense and the necessity of collective measures to maintain or restore the peace.

Key words: the right to self-defense, the duration of the use of force, the Security Council.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Atbilstoši ANO Statūtu 51. pantam tiesības uz individuālo un kolektīvo paš aizsardzību izmanto līdz tam laikam, kamēr Drošības padome (turpmāk – DP) neveiks pasākumus, kas nepieciešami starptautiskā miera un drošības uzturēšanai.[11] Pētnieku un valstu vidū pastāv vēlme interpretēt šo nosacījumu.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

M.Ndulo, izmantojot M.Glenona, E.V.Rostova, T.Franka un F.Patelas secinājumus, sadalījis trijās grupās atšķirīgus viedokļus par paš aizsardzības tiesības izmantošanas ilgumu:

1) cietusī valsts, tās draugi un sabiedrotie paši lemj par savām individuālām un kolektīvām paš aizsardzības tiesībām, kamēr netiek atjaunots miers vai DP ar savu pozitīvo balsojumu nepieņem lēmumu,

secinot, ka paš aizsardzība ir aizgājusi pārāk tālu un pati kļuvusi par draudiem starptautiskajam mieram (M.Glenons);

2) tad, kad DP uzņemas jurisdikciju, cietušās puses paš aizsardzības tiesības tiek apturētas līdz brīdim, kad DP nolemj, ka pati nespēj efektīvi risināt problēmu (T.Franks un F.Patela);

3) ANO Statūti nekādā veidā neierobežo paražu tiesībās ietilpstošās paš aizsardzības tiesības, kuras paliek neskartas, kamēr DP nav sekmīgi atrisinājusi strīdu. Statūtu 51.pants ir nevis apstiprinošs pamats paš aizsardzības tiesības izmantošanai, bet tādu priekšnosacījumu apraksts, kuriem pastāvot, Statūtu izpratnē ir pieļaujamas neatņemamās tiesības (E.Rostovs).[7]

M.Ndulo uzskata, ka nav svarīgi, kuru no interpretācijām izvēlēsies valsts, jo katram no pieciem DP locekļiem ir *veto* tiesības jebkurā DPbalsojumā. Tādēļ ir gandrīz noteikti zināms, ka attiecībā uz lēmumiem, kuri nesakrīt ar kādas DP pastāvīgas dalībvalsts plāniem, šī valsts izmantos savas *veto* tiesības. Ja DP veiks kādas darbības, jautājums par to, vai šīs darbības ir pietiekamas starptautiskā miera saglabāšanai arī tiks pakļauts tādai pat izskatīšanai.[7]

M.Halberstama arī konstatēja, ka vairāki pētnieki (A.Čeis, O.Čačters un M.Franks) uzstāj, ka, tiklīdz DP iesaistās jautājuma risināšanā, spēka izmantošana paš aizsardzībai 51.panta kontekstā ir aizliegta, neskatoties uz to, vai DP risinājums veicina agresora neitralizēšanu vai uzbrukuma apstādināšanu.[6]

Tā A.Čeis uzstāj, ka ANO Statūtu 51.pants ir nevis paš aizsardzības tiesību apstiprinošs garants, bet paziņojums par situācijām, kad Statūti neaizliedz "neatņemamo tiesību" īstenošanu. Pēc viņa domām, šīs situācijas ir saistītas ar laika ierobežojumu, proti, tās pastāv līdz brīdim, kad DP ir veikusi nepieciešamos pasākumus starptautiskā miera un drošības uzturēšanai. Turklāt šī DP funkcija ir vairāk politiska, nevis juridiska un tā pastiprina Statūtu 2.panta ceturtās daļas un 51.panta mērķi ierobežot līdz iespējami šaurākam diapazonam pieļaujamos spēka izmantošanas gadījumus, kad ir vispārēji skaidrs, ka ir nekavējoties nepieciešama bruņota reakcija. Ir pamatota M.Halberstamas izteiktā kritika par šo A.Čeisa viedokli. Viņa norāda, ka, pastāvot šādai pieejai, valsts var uzbrukt citai valstij, nodot lietu DP, vai sarunāt ar vēl vienu valsti, kas to izdarīs, un šādā veidā ātri bloķēt upura valsts paš aizsardzības tiesības neatkarīgi no DP veiktajiem pasākumiem vai to efektivitātes.[6]

O.Čačters uzsver, ka apgalvojums, ka paš aizsardzība kā neatņemamās tiesības nevar tikt atņemta, neatbilst ANO Statūtu 51.pantam, jo šis pants ne tikai prasa, lai valstis, kurām ir nepieciešami paš aizsardzības pasākumi nekavējoties ziņo DP, bet tas apgalvo, ka šādi pasākumi nekādā veidā neietekmē DP autoritāti un atbildību veikt darbības, kuras tā uzskata par nepieciešamām. Turklāt DP nekad nav apšaubījusi savas tiesības noraidīt prasību pēc paš aizsardzības un aicināt valstis, kuras izsaka šādas prasības, pārtraukt karadarbību. Tādējādi, pēc O.Čačtera domām, būtu absurdi apgalvot, ka DP nevar aizliegt vai atcelt prasību pēc paš aizsardzības, kad konstatē, ka tas ir nepieciešams. Ir pamatots M.Halberstamas viedoklis arī par O.Čačtera secinājumiem, ka šādas interpretācijas gadījumā DP varēs aizliegt paš aizsardzības tiesības, jo tās dalībvalstis godprātīgi uzskatīs, piemēram, ka šoreiz ir vēlamspiemērot ekonomiskās sankcijas, jo pēc DP domām, šāds risinājums būs labāks cietušai valstij vai DP uzskatīs, ka cietušās valsts intereses šoreiz jāupurē visas starptautiskās sabiedrības interešu labā. DP varēs arī aizliegt spēka lietošanu paš aizsardzībai tikai tāpēc, ka agresora valstij ir lielāka politiskā ietekme DP.[6]

V.M.Reismans uzskata, ka ANO Statūtu 51.panta mērķis nav aizliegt valstīm izmantot paš aizsardzību tad, kad DP sāk rīkoties. Viņaprāt no Statūtu 51.panta tapšanas vēstures ir skaidri redzams, ka ierobežojuma sākotnējais nodoms bija rezervēt 51.pantā darbību attiecīgai valstij, nevis padarīt to par pasākumu, kuram ir nepieciešama DP iepriekšējā atļauja. Turpinājumā viņš norāda, ka gandrīz pēc pusgadsimta prakses un būtisku izmaiņu starptautiski politikajā kontekstā tiesību akta tapšanas vēsture nevar būt noteicoša. Interpretācijai, kas balstās uz Statūtu koncepciju kā aizliedzošu veikt vienpusējas paš aizsardzības darbības, kad un, ja DP pievērš uzmanību miera pārkāpumam vai agresijas aktam, ir dokumentāla nepārprotamība, jo liela mēroga un vardarbības paš palīdzības darbības grūti attaisnojamās. Bet šāda interpretācija, pēc viņa domām, jāskata katra reāla gadījuma ietvaros, lai redzētu kā tā darbojas un vai tā darbojas. V.M.Reismans vienlaikus secina, ka 51.panta interpretācija, kas apdraud paš aizsardzību, kad DP sāk rīkoties, ir neproduktīva, jo novērš spiedienu uz agresora valsti un DP. Tādējādi viņš pamatoti norāda – ja agresora valstij jāsaprot, ka

pašaizsardzība atkarīga no ANO lēmuma, tad, piemēram, sešu mēnešu blokādes izraisītās grūtības upura valstij varētu būt pieņemama cena agresoram, lai viņš iegūtu jaunu teritorijas daļu un tajā esošos naftas laukus.[6]

M.Halberstama analizē ANO Statūtu 51.panta tekstu ar gramatiskās un vēsturiskās interpretācijas metodes palīdzību. Viņa secina, ka vārdi "līdz tam laikam, kamēr" ("until") nenosaka "līdz tam laikam, kamēr DP nav sākusī risināt jautājumu" vai "līdz tam laikam, kamēr DP neveiks pasākumus", bet gan "līdz tam laikam, kamēr DP neveiks pasākumus, kas nepieciešami starptautiskā miera un drošības uzturēšanai". Tādējādi ar vārdiem "nepieciešami starptautiskā miera un drošības uzturēšanai" tiek izskaidrota to pasākumu būtība, pēc kuru veikšanas valsts pašaizsardzības tiesības izbeidzas. ANO Statūtu 51.pants prasa nekavējošu DP informēšanu par pašaizsardzības līdzekļu izmantošanu un "tie nekādā veidā nedrīkst skart DP pilnvaras un atbildību ...attiecībā uz tādu jebkurā laikā pieņemtu darbību, kādu tā uzskata par nepieciešamu". M.Halberstama norāda, ka ir mazticams, ka 50 Statūtus ratificējošās valstis, kuras dibināja ANO, un 130 valstis, kuras Statūtus ratificēja vēlāk, piekrita atteikties no savām pašaizsardzības tiesībām, ja DP veic jebkādu darbību, neskatoties uz to, kādu un cik veiksmīgu. Viņa pamatoti uzsver – ja "līdz tam laikam, kamēr" ("until") nozīmētu, ka valsts var izmantot pašaizsardzības tiesības tikai līdz brīdim, kad DP ir veikusi darbības, nebūtu vajadzības apgalvot, ka valsts veiktie pasākumi nedrīkst ietekmēt DP pilnvaras, ja šie pasākumi būtu jāpārtrauc tiklīdz DP ir sākusī rīkoties.[6] Savukārt gadījumos, kad pašaizsardzība tiks izmantota kā aizbildinājums agresijai, DP, ievērojot ANO Ģenerālās asamblejas 1974.gada 14. decembra rezolūcijā Nr. 3314 (XXIX) ierosināto agresijas definīciju un, pamatojoties uz ANO Statūtu 39.pantu, var konstatēt agresijas akta esamību un veikt visas tās novēršanai nepieciešamās darbības.

A.Kaseze uzsver, ka pašaizsardzības tiesību izmantošanu jābeidz tiklīdz DP iesaistās un pārņem uzdevumu izbeigt agresiju. Bet, viņaprāt, tas nenozīmē, ka pašaizsardzība jāpārtrauc, ja DP vienkārši pasludina šo jautājumu par aktuālu. Pašaizsardzība var turpināties līdz brīdim, kad DP ir veikusi efektīvu darbību, kas padara upura valsts bruņotu rīcību par nevajadzīgu un nepiemērotu, un tādēļ par juridiski nepamatotu. Savukārt, ja DP neizdodas strādāt efektīvi, pašaizsardzībai jābeidzas tiklīdz tās mērķis – bruņota uzbrukuma atvairīšana – tiek sasniegts. Proti, 51.pants un attiecīgās starptautisko tiesību normas nepieļauj militāras darbības, kas pārsniedz pretestību un atkārtotu agresiju, it īpaši tās aizliedz paildzinātu militāro okupāciju un agresoram piederošās teritorijas aneksiju.[2] Tādējādi A.Kaseze atbalsta viedokli, ka pašaizsardzības tiesības aptur tikai efektīva DP rīcība. Tomēr viņš nesniedz detalizētāku sava viedokļa pamatojumu.

M.Šovs vēl mazāk iedziļinās šī jautājuma vērtēšanā un tikai norāda, ka ANO Statūtu 51.pants prasa, lai valstis nekavējoties informētu DP par pašaizsardzībai izmantotiem līdzekļiem un šo līdzekļu piemērošana var tikt turpināta līdz tam laikam, kamēr DP neveiks pasākumus, kas nepieciešami starptautiskā miera un drošības uzturēšanai.[8]

J.Dinšteins norāda, ka ANO Statūtu 51.pantā nav teikts, ka neziņošana DP rada neatgriezeniskas sekas pašaizsardzības gadījumā. Statūtu izstrādātāju paredzēta notikumu secība ir tāda, ka sākotnēji valsts rīkojas pašaizsardzības nolūkā un tikai pēc tam tai ir jāiesniedz ziņojums DP. Statūtu 51.panta saturam neatbilst viedoklis, ka nepaziņošana negatīvi ietekmē pašaizsardzības darbību likumību. Turklāt ziņojuma nekavējoša nosūtīšana negarantē, ka DP atbalstīs veiktas darbības. Ziņojuma savlaicīga nenosūtīšana nedzirkst automātiski radīt priekšstatu, ka pašaizsardzības darbības ir prettiesiskas. Pretējā gadījumā agresoru valstu bruņotie uzbrukumi tiktu piedoti tikai tāpēc, ka upura valstis nav sniegušas ziņojumus.[3]

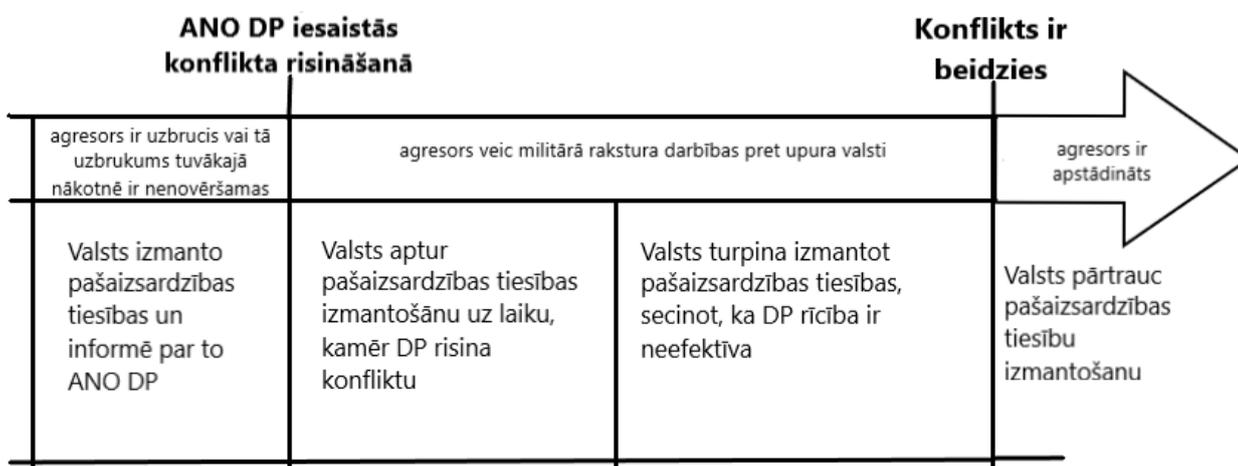
S.A.Aleksandrovs uzsver, ka ANO Statūtu 51.pantā ir iekļauts risinājums gadījumiem, kad ANO mehānisms nevar efektīvi funkcionēt starptautiskā miera un drošības nodrošināšanai. Šādos gadījumos valstis var mobilizēt nacionālo varu individuāli vai kolektīvi. ANO Statūti uzsver pašaizsardzības tiesību īslaicīgu dabu, proti, to lomu kā daļas no starptautiskā miera un drošības atjaunošanas procesa, kā sākotnējo soli pirms citi līdzekļi tiek piemēroti no starptautiskās varas puses. Savu viedokli viņš pamato ar 51.panta vēsturisko interpretāciju un norāda, ka panta projekta apspriežu laikā vārdi "gadījumā, ja DP neizdodas veikt nepieciešamos soļus starptautiskā miera un drošības uzturēšanai vai atjaunošanai" tika aizstāti ar vārdiem "līdz tam laikam, kamēr DP neveiks pasākumus, kas nepieciešami starptautiskā miera un drošības uzturēšanai", lai uzsvērtu neskartu neatņemamo pašaizsardzības tiesību saglabāšanu, ja DP nenodrošina

mieru un drošību un notiek bruņots uzbrukums pret dalībvalsti. Spēka izmantošanai paš aizsardzībai nav nepieciešama DP iepriekšējā autorizācija. Bet tai ir nepieciešams DP apstiprinošs lēmums, ieskaitot pastāvīgo locekļu konkurējošos balsojumus, lai uzdotu pārtraukt aizsardzības pasākumus un valstij jāpārtrauc savu paš aizsardzības tiesību izmantošanu tikai tad, kad DP pieņem juridiski saistošu rezolūciju par to.[1]

K.Greja izmanto teleoloģisko interpretāciju un atzīmē, ka, ņemot vērā to, ka ANO Statūtu mērķis ir ne tikai ierobežot, bet arī centralizēt spēka izmantošanu, pakļaujot to ANO kontrolei, šķiet skaidrs, ka nodoms bija sniegt DP tiesības lemt, vai ir veikti šādi pasākumi, kas izbeidz paš aizsardzības tiesības. Kā spilgtu DP piemēru viņa min 1982.gada Folklendu konfliktu.[4] Pēc Argentīnas iebrukuma Apvienotās Karalistes (turpmāk – AK) koloniālajā teritorijā un tās okupēšanas DP 1982.gada 3.aprīļa rezolūcijā 502 noteica, ka pastāv miera pārkāpums, pieprasīja nekavējošu karadarbības pārtraukšanu, nekavējošu Argentīnas bruņoto spēku izvešanu no Folklendu salām un uzdeva Argentīnai un AK meklēt diplomātiskus risinājumus to strīda risināšanai, kā arī pieprasīja pilnībā respektēt ANO mērķus un principus.[12] K.Greja uzdod jautājumu - vai šī rezolūcija ir pietiekams pamats uzskatīt, ka ir “veikti pasākumi, kas nepieciešami starptautiskā miera un drošības uzturēšanai”, kas izbeidz AK tiesības aizsargāt Folklendu salas? AK apgalvoja, ka ne, jo Argentīna, agresore, saglabāja savu okupāciju.[4] AK apgalvoja, ka tās atbildes rīcība uz Argentīnas iebrukumu bija nepieciešama, jo Argentīna neievēroja DP prasību atsaukt spēkus no salām. Tādējādi AK norādīja, ka tās atbildes reakcija tika veikta kā pēdējā iespēja un tika atzīta par paš aizsardzību, kaut gan savu okupāciju no Argentīnas puses nerādīja būtiskus draudus nedz AK infrastruktūrai, nedz AK pastāvēšanai.[5] AK atcerējās šo gadījumu 1990.gadā, kad DP reaģēja uz Irākas veikto Kuveitas okupāciju. Tādēļ DP 1990.gada 6.augusta rezolūcija 661 vienlaikus noteica Irākai sankcijas un apstiprināja Statūtu 51.pantā paredzētās neatņemamās individuālās vai kolektīvās paš aizsardzības tiesības kā atbildi uz Irākas bruņotiem uzbrukumiem Kuveitai.[13] Kaut gan pēc K.Grejas domām, ASV un AK varēja rīkoties Kuveitas kolektīvās paš aizsardzības ietvaros arī pirms īpašas DP autorizācijas.[4]

R.Varks iezīmē problēmu, noradot, ka prasība par paš aizsardzības turpināšanu tikai līdz brīdim, kad starptautiskā sabiedrība pārņem jautājuma risināšanu ir ideālisms, kas palika uz papīra, bet kurš nav pilnīgi bezjēdzīgs. Norādot, ka valstu vidū nav vienotas pieejas šī jautājuma risināšanai, viņš secina – “mēs nevaram gaidīt no valsts atteikšanos no savām tiesībām uz paš aizsardzību, ja DP nepiedāvā alternatīvus pasākumus ar līdzvērtīgu vai labāku efektu”. [9] Viņš uzsver, ka paš aizsardzības tiesībām nevajadzētu pazust, ja lieta vienkārši ir nodota DP. Vērš uzmanību, ka DP ir vairāk politisks veidojums, kas ne vienmēr pieņem lēmumus, pamatojoties uz juridiskiem apsvērumiem, izmantojot vairāk politiskos argumentus. Un piekrīt viedoklim, ka tiesības uz paš aizsardzību turpinās, kamēr DP nav veikusi efektīvus pasākumus, kas padara upura valsts turpmāku bruņotu reakciju par nevajadzīgu un nepiemērojamu. Pretējā gadījumā paš aizsardzības militārās darbības jāpārtrauc, kad ir sasniegts to mērķis – atvairīt uzbrukumu. [10] Kaut gan Statūtu 51.pants nesatur vārdu “efektīvs” un Statūtu mērķis ir mazināt valstu vienpusējas rīcības iespējas, attiecībā uz uzsāktās paš aizsardzības turpināšanas jautājumu R.Varks atbalsta paplašinātu 51.panta tulkošanu.

Tādējādi paš aizsardzības tiesību izmantošanas ilgumu varētu atspoguļot šādi (skat. attēlu Nr.1):

Attēls Nr.1. Valsts paš aizsardzības tiesību izmantošanas ilgums.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Kopš panta rašanās pirmsākumiem, tā mērķis visticamāk bija nevis ierobežot valstu paš aizsardzības tiesības, padarot tās pilnībā atkarīgas no DP darbības vai bezdarbības, bet uzsvērt šo tiesību izmantošanas iespēju, kā arī piešķirt DP, kā kolektīvai institūcijai, tiesības lemt par izmantotās paš aizsardzības pamatotību un miera uzturēšanai vai atjaunošanai nepieciešamo kolektīvo pasākumu veikšanu. Folklendu salu gadījums norāda uz to, ka lēmumu jautājumā par DP veikto pasākumu efektivitāti un no tā izrietošo paš aizsardzības tiesību izmantošanas pārtraukšanu var būt spiesta pieņemt pati upura valsts.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Alexandrov, S.S. Self-Defense Against the Use of Force in International Law, The Hague/London/Boston: Kluwer Law International, 1996, 89, 294-295 p.
2. Cassese, A. International Law. Second Edition. New York: Oxford University press, 2005, 355 p.
3. Dinstein, Y. War, Aggression and Self – Defence. New York: Cambridge University Press, Fourth edition, 2005, 217-218 p.
4. Gray, C. International Law and the Use of Force. New York: Oxford University Press, 2000, 93 -94 p.
5. Green, J.A. The International Court of Justice and Self - Defense in International Law. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2009, 78-79 p.
6. Halberstam, M. The Right to Self-Defense Once the Security Council Takes Action. Michigan Journal of International Law, 1996, Volume 17, Issue 2, 230 - 240 p. Available from: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1491&context=mjil>
7. Ndulo, M.B. International Law and the Use of Force: American's Response to September. Cornell Law Faculty Publications, 2002, 4-1-2002, paper 56, 8 p. Available from: <https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1055&context=facpub>
8. Shaw, M.N. International Law. Sixth edition. United Kingdom: Cambridge University Press, 2008, 1143 p.
9. Vārķ, R. The Legal Framework of the Use of Armed Force Revisited. Baltic Defence College: Baltic Security and Defence Review, 2013, Volume 15, Issue 1, 77 - 78. Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2692704
10. Vārķ, R. The Use of Force in the Modern World: Recent Developments and Legal Regulations on the Use of Force. Baltic Defence College: Baltic Defence Review, 2003, Volume 2, Issue 10, 32. Available from: <http://www.bdcoll.ee/files/docs/bdreview/bdr-2003-10-section2-article2.pdf>
11. Apvienoto Nāciju Organizācijas Statūti, 1945. Pieejami šeit: <http://www.mfa.gov.lv/arpolitika/starptautiskas-organizācijas/latvija-apvienoto-naciju-organizācija/apvienoto-naciju-organizācijas-statuti>
12. The Security Council 03.04.1982. Resolution S/RES/502 (1982). Available from: <http://unscr.com/en/resolutions/doc/502>
13. The Security Council 06.08.1990. Resolution S/RES/661 (1990). Available from: [https://undocs.org/S/RES/661\(1990\)](https://undocs.org/S/RES/661(1990))

Bāriņtiesas atzinums par saskarsmes tiesības īstenošanas kārtību

*Sandra Ziediņa, Latvijas Republika,
Baltijas Starptautiskā akadēmija, Daugavpils filiāle,
Profesionālā maģistrantūra "Privāttiesības"
Zinātniskais vadītājs: Mg. iur. Solvita Bērziņa*

ANOTĀCIJA

Rakstā analizēts viens no svarīgiem bāriņtiesas pienākumiem - pēc tiesas pieprasījuma sniegt atzinumu par saskarsmes tiesības īstenošanas kārtību ar bērnu. Rakstā autore sniedz skaidrojumu, kādas darbības veic bāriņtiesa, lai sagatavotu atzinumu tiesai, kā arī norāda uz problēmām atzinuma sagatavošanā, un sniedz priekšlikumus to risinājumam.

Atslēgas vārdi: bāriņtiesa, bērns, saskarsmes tiesība, atzinums.

ABSTRACT

The article analyzes one of the important duties of the Orphan's court - at the request of the court to give an opinion on the procedure for the implementation of the right of access with the child. The author gives an explanation of the activities of the Orphan's court in order to prepare an opinion to the court, as well as points to problems in the preparation of the opinion and makes suggestions for their solution.

Key words: Orphan's court, child, right of access, opinion.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Bāriņtiesu un tiesu praksē pašlaik ir aktuālas lietas, kas izriet no saskarsmes tiesībām. Pēc tiesas pieprasījuma sniegtais bāriņtiesas atzinums ir būtisks pierādījums, kas palīdz tiesai noskaidrot lietas faktiskos apstākļus, strīda būtību un bērna viedokli. Autore vēlas izpētīt, kādas problēmas rodas bāriņtiesai atzinuma sniegšanā pēc tiesas pieprasījuma, kā arī, kāda ir bāriņtiesas atzinuma nozīme tiesas nolēmuma pieņemšanā.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Saskaņā ar Civilprocesa likuma 244.⁹ panta otro daļu lietā, kas izriet no aizgādības vai saskarsmes tiesībām, tiesa pēc savas iniciatīvas vai lietas dalībnieka lūguma pieprasa attiecīgās bāriņtiesas atzinumu un uzaicina tās pārstāvi piedalīties tiesas sēdē, kā arī noskaidro bērna viedokli, ja bērns ir spējīgs to formulēt, ņemot vērā viņa vecumu un brieduma pakāpi [1, 5].

Saskaņā ar Bāriņtiesu likuma 58.panta pirmo un otro daļu atzinumu tiesai par saskarsmes tiesību īstenošanas kārtību sniedz bāriņtiesa, kuras darbības teritorijā ir deklarēta bērna vecāku dzīvesvieta. Ja bērna vecāku dzīvesvieta ir deklarēta dažādu pašvaldību administratīvajās teritorijās, atzinumu tiesai sniedz bāriņtiesa, kuras darbības teritorijā ir deklarēta tā vecāka dzīvesvieta, pie kura bērns dzīvo [2, 3].

Situācijā, kad viens no vecākiem faktiski dzīvo vai ilgstoši uzturas ārvalstī, bet otrs vecāks - Latvijas Republikā, tomēr deklarētās dzīvesvietas abiem vecākiem ir Latvijas Republikā vienas pašvaldības administratīvajā teritorijā, tad pēc tiesas pieprasījuma par atzinuma sniegšanu attiecīgajai bāriņtiesai nepieciešams pieprasīt informāciju ārvalsts kompetentajai iestādei, lai saņemtu atzinuma sagatavošanai nepieciešamo informāciju arī par ārvalstī dzīvojošo vecāku. Informācija pieprasāma, pamatojoties uz Padomes Regulu (EK) Nr.1206/2001 (2001.gada 28.maijs) par sadarbību starp dalībvalstu tiesām pierādījumu iegūšanā civillietās

un komerclietās [3, 1], aizpildot veidlapu A un nosūtot to attiecīgās valsts kompetentajai iestādei. Minētā pierādījuma iegūšanas procedūra attiecas uz gadījumiem, ja vecāks dzīvo vai ilgstoši uzturas kādā no Eiropas Savienības valstīm. Tādējādi, gadījumos, kad vecāks uzturas valstī, kas nav Eiropas Savienības valsts, meklējami citi pierādījumu iegūšanas veidi [4, 8].

Saņemot tiesas pieprasījumu sniegt atzinumu, bāriņtiesā tiek ierosināta administratīvā lieta. Administratīvā procesa likuma 59.panta pirmā daļa nosaka, ka pēc administratīvās lietas ierosināšanas iestāde iegūst informāciju, kas saskaņā ar normatīvajiem aktiem ir nepieciešama, lai pieņemtu attiecīgo lēmumu [5, 2].

Bāriņtiesu likuma 16.panta 1.punkts nosaka bāriņtiesas tiesības pieprasīt un bez maksas saņemt no valsts un pašvaldību iestādēm, komercsabiedrībām un organizācijām ziņas, kas nepieciešamas, lai izvērtētu bērna vai aizgādībā esošās personas tiesību ievērošanas likumību vai izlemtu bāriņtiesas kompetencē esošus jautājumus [6, 3].

Bāriņtiesa visos gadījumos, kad jāsniedz atzinums, pieprasa informāciju no sociālā dienesta. Bez tam tiek pieprasīta informācija no bērna ģimenes ārsta, bērna pirmsskolas izglītības iestādes vai skolas, psihiatra, narkologa, Valsts sociālās apdrošināšanas aģentūras, tiek pārbaudītas ziņas Sodu reģistrā. Ja ir aizdomas par iespējamu vardarbību ģimenē, - tiek pieprasīta informācija Valsts policijai. Informācija var tikt pieprasīta arī no vecāku ģimenes ārstiem, ja bāriņtiesai nepieciešams pārliecināties par vecāku garīgo un fizisko veselību. Pieprasījumā par informācijas sniegšanu bāriņtiesa katram adresātam uzdot konkrētus jautājumus, lai varētu individuāli izvērtēt katra vecāka spējas rūpēties par bērnu.

Bāriņtiesa veic sarunas ar abiem vecākiem, ja nepieciešams, – ar citiem bērna radniekiem un citām personām, ar kurām bērns ilgu laiku dzīvojis nedalītā saimniecībā. Bāriņtiesa pārbauda bērna dzīves apstākļus un tā vecāka dzīves apstākļus, kas ikdienā nedzīvo kopā ar bērnu, bet vēlas, lai saskarsme ar bērnu notiek viņa dzīvesvietā. Veicot dzīves apstākļu pārbaudi, bāriņtiesai jāgūst pārliecība, ka dzīves apstākļi atbilst bērna vecumam un vajadzībām.

Bāriņtiesu likuma 16.panta 6.punkts nosaka bāriņtiesas tiesības veikt pārrunas ar bērnu bez citu personu klātbūtnes [7, 3]. Ir svarīgi noskaidrot bērna viedokli, ja vien bērna vecums un briedums atļauj to darīt. Būtiski, lai lēmumu – paust vai nepaust savu viedokli, pieņem pats bērns tad, kad saņēmis no bāriņtiesas darbinieka pietiekamu informāciju.

Latvijas Republikas Augstākās tiesas Administratīvo lietu departaments tiesu prakses vispārīnājumā secinājis, ka, izlemjot jautājumus, kas skar bērna intereses, ņemams vērā bērna viedoklis atbilstoši bērna vecumam un brieduma pakāpei. Ja bērns ir nobrieduša pusaudža vecumā, - viņa viedoklim jābūt noteicošajam. Ja tiesa izlemj pretēji bērna viedoklim, tiesai tas īpaši ir jāmotivē. Gan bāriņtiesai, gan tiesai katrā konkrētajā gadījumā ir jāizvērtē bērna vislabākās intereses, kas, vērtējot objektīvi, var nesakrist ar bērna subjektīvo viedokli. Jebkurā tiesas vai iestādes procesā, kas skar bērna intereses, viņu var uzklaut tieši, vai arī ar pārstāvja starpniecību [8, 11].

Bāriņtiesas ne vienmēr pieprasa psihologa atzinumu lietās, kas izriet no saskarsmes tiesībām. Tas saistīts gan ar īsajiem termiņiem, kādos jāsniedz atzinums, gan ar psihologu, kas atbilstu Bērnu tiesību aizsardzības likuma 5.²pantā noteiktajām prasībām, trūkumu un noslogotību. Bērnu tiesību aizsardzības likuma 5.² panta pirmā daļa nosaka, ka psihologa atzinumu par psiholoģiskās izpētes rezultātiem tiesai, bāriņtiesai, policijai un prokuratūrai lietās, kas saistītas ar bērnu tiesību aizsardzību, ir tiesīga sniegt persona, kas ieguvusi vismaz maģistra grādu psiholoģijā un kuras profesionālā darbība bērnu un ģimenes izpētē sasniedz vismaz piecus gadus [9, 4]. Psihologu likuma 13.panta pirmā daļa nosaka, ka psihologa atzinums ir psihologa sagatavots dokuments, kas izstrādāts, veicot personas psiholoģisko izpēti (novērtēšanu) [10, 7].

Bāriņtiesu likuma 16.panta 7.punktā noteiktas bāriņtiesas tiesības lūgt psihologu veikt personas vai ģimenes psiholoģisko izpēti un saņemt psihologa atzinumu par izpētes rezultātiem [11, 3]. Psiholoģiskā izpēte ir veids, kurā tiek izmantotas dažādas psiholoģiskās izpētes metodikas, lai izzinātu cilvēka intelektu, personību, emocijas, attiecības.

Bāriņtiesas atzinums ir viens no pierādījumiem lietā un vērtējams atbilstoši Civilprocesa likuma 97.panta kritērijiem. Civilprocesa likuma 97.panta pirmā daļa nosaka, ka tiesa novērtē pierādījumus pēc savas iekšējās pārliecības, kas pamatota uz tiesas sēdē vispusīgi, pilnīgi un objektīvi pārbaudītiem pierādījumiem,

vadoties no tiesiskās apziņas, kas balstīta uz loģikas likumiem, zinātnes atziņām un dzīvē gūtiem novērojumiem, savukārt otrā daļa nosaka, ka nekādiem pierādījumiem nav iepriekš noteikta spēka, kas saistītu tiesu [12, 5].

Tiesai jāvērtē, vai lietā esošais bāriņtiesas atzinums atbilst lietas faktiskajiem apstākļiem izskatīšanas laikā. Civillietu departaments savā judikatūrā ir norādījis, ka vairākus gadus veci atzinumi, arī bāriņtiesā sastādītie, nav pietiekoši pierādījumi un apliecinājumi bērna patiesās gribas noskaidrošanai [13, 9].

Bez tam jāatzīmē, ka saskaņā ar Bāriņtiesu likuma 49. panta trešo daļu, bāriņtiesas atzinums par saskarsmes tiesību ar bērnu noteikšanu nav uzskatāms par administratīvo aktu, un līdz ar to nav pārsūdzams [14, 3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

1. Nav vienotu kritēriju bāriņtiesas atzinuma sagatavošanai, tāpēc tie pēc satura ir atšķirīgi, un ne vienmēr ir pietiekoši kvalitatīvi. Autore uzskata, ka Valsts bērnu tiesību aizsardzības inspekcijai būtu jāizstrādāvisām bāriņtiesām saistošus metodiskos norādījumus atzinuma sagatavošanai, nosakot, kāda informācija obligāti jāsniedz atzinumā.
2. Nosakot saskarsmes kārtību ar bērnu, būtu jāņem vērā psihologa atzinums. Lai varētu savlaicīgi nodrošināt bērna un vecāku psiholoģisko izpēti, būtu jāpapildina Bāriņtiesu likuma 7. pants ar piekto daļu, kas noteiktu, ka vismaz vienai personai no bāriņtiesas sastāva jābūt ar maģistra grādu psiholoģijā, un, kuras profesionālā darbība bērnu un ģimenes izpētē sasniedz vismaz piecus gadus.
3. Pēc autores domām, bāriņtiesas atzinums būtu jāpielīdzina administratīvajam aktam, kuru varētu pārsūdzēt atbilstoši Bāriņtiesu likuma 49. panta otrajai daļai.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Padomes Regula (EK) Nr. 1206/2001 (2001. gada 28. maijs) par sadarbību starp dalībvalstu tiesām pierādījumu iegūšanā civillietās un komercietās. [Tiešsaiste] Pieejams: [https://publications.europa.eu/lv/publication-detail/-/publication/351e9171-1412-43e6-9755-
ea2809ad0f9b/language-lv](https://publications.europa.eu/lv/publication-detail/-/publication/351e9171-1412-43e6-9755-
ea2809ad0f9b/language-lv) [Apmeklēts 2018.gada 25.novembrī].
2. Administratīvā procesa likums. 2001.gada 25. oktobris, spēkā no 01.02.2004., Latvijas Vēstnesis Nr.164 (2551), 14.11.2001., ar grozījumiem līdz 01.03.2017.
3. Bāriņtiesu likums. 2006.gada 22. jūnijs, spēkā no 01.01.2007., Latvijas Vēstnesis Nr.107 (3475), 07.07.2006., ar grozījumiem līdz 01.09.2018.
4. Bērnu tiesību aizsardzības likums. Latvijas Republikas likums. 1998.gada 19. jūnijs, spēkā no 22.07.1998., Latvijas Vēstnesis Nr.199/200 (1260/1261), 08.07.1998., ar grozījumiem līdz 01.09.2018.
5. Civilprocesa likums. 1998.gada 14. oktobris, spēkā no 01.03.1999., Latvijas Vēstnesis Nr.326/330 (1387/1391), 03.11.1998., ar grozījumiem līdz 01.03.2018.-30.06.2018.
6. Latvijas Republikas Civillikums. 1937.gada 28. janvāris, spēkā no 01.09.1992., Valdības Vēstnesis Nr.41, 20.02.1937., ar grozījumiem līdz 01.01.2017.
7. Psihologu likums. Latvijas Republikas likums. 2017.gada 30. marts, spēkā no 01.01.2018., Latvijas Vēstnesis Nr.75 (5902), 12.04.2017.
8. Vadlīnijas bāriņtiesām lietu piekritības jautājumos lietās pēc tiesas pieprasījuma. Valsts bērnu tiesību aizsardzības inspekcija. Pieejams: http://www.bti.gov.lv/lat/barintiesas/metodiskie_ieteikumi_/?doc=2475 [Apmeklēts 2018.gada 17.septembrī].
9. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu departamenta 2014.gada 14.februāra spriedums lietā Nr. SKC-1422-14.
10. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu departamenta 2014.gada 15.oktobra spriedums lietā Nr. SKC-2873-14.

11. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Administratīvo lietu departamenta tiesu prakses vispārinājums „Administratīvo tiesu prakse lietās par bāriņtiesu lēmumiem”. (2014).

PSIHOLOGIJA
ПСИХОЛОГИЯ
PSYCHOLOGY

Исследование предпочтений здоровой или вредной пищи с использованием имплицитного ассоциативного теста и само оценочных процедур

Александра Большакова

*Латвия, Даугавпилсский университет, факультет социальных наук,
докторская учебная программа «Психология»,
altar@inbox.lv*

*Научный руководитель: Prof., Dr.Psych. Ирина Плотка,
Балтийская Международная Академия*

АННОТАЦИЯ

Цель: исследование предпочтений здоровой или вредной пищи с использованием имплицитного ассоциативного теста и само оценочных процедур. Метод: участники – 83, возраст 19-35, Mdn=25. Методики: экспериментальная процедура IAT, предназначенная для измерения имплицитного предпочтения здоровой или нездоровой пищи; самооценочные процедуры, направленные на измерение эксплицитных предпочтений, основанные на периоде потребления пищи, критериях вкуса и здоровья и частоте её потребления. Результаты: обнаружены связи между результатами, полученными с помощью IAT и эксплицитными измерениями.

Ключевые слова: **аттитюды** к пище, имплицитный аттитюд, имплицитный ассоциативный тест, эксплицитный аттитюд, эксплицитные измерения.

ABSTRACT

The aim of the research is to study the attitudes towards healthy and unhealthy food, using the implicit association test (IAT) and self-reporting procedures. Method: participants: 83, age 19-35, Mdn=25. Measurements: the experimental procedure of the IAT designed to measure implicit preference for healthy or unhealthy food; self-reporting procedures designed to measure explicit preferences for healthy or unhealthy food, which were based on the period of food use, the criteria of taste and health and the frequency of its consumption Results. The authors found the relationship between the results of measurements by the IAT and explicit measurements.

Keywords: attitudes toward food, implicit attitude, Implicit Associative Test (IAT), explicit attitude, explicit measurements.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

В имплицитном социальном познании проблема изучения аттитюдов к предпочтению пищи (attitudes towards food) является малоразработанной. Существует дефицит измерительных процедур как эксплицитных, так и имплицитных, необходимых для измерения исследуемого конструкта.

Результаты, полученные путем имплицитного и эксплицитного измерений аттитюдов к здоровой и вредной пище, часто отличаются и даже являются противоположными [15], [26]. В этой связи существует проблема соответствия имплицитных и эксплицитных измерений. Необходимость изучения соотношения эксплицитных и имплицитных измерений будет способствовать более глубокому пониманию изучаемого конструкта. Несовпадение между имплицитными и эксплицитными аттитюдами к пище может способствовать изменению поведения в выборе продуктов питания [1]. Взаимодействие же двух процессов (имплицитных и эксплицитных) может помочь

объяснить, почему некоторые потребители придерживаются своей цели следовать здоровому питанию, а другие – нет.

Цель: исследование предпочтений здоровой или вредной пищи с использованием имплицитного ассоциативного теста и само оценочных процедур.

Методики исследования: (1) Двухкатегориальный имплицитный ассоциативный тест в модификации (И. Плотки, Д. Игонина, Н. Блюменау, А. Большаковой и А. Кристасоне, Рутковска Д., Гунькина А., 2016) разработанный на основе более раннего исследования [19];(2) Эксплицитные методы измерения аттитудов к здоровой и вредной пище, разработанные Большаковой А.,Кристасоне А., Рутковской Д., Гунькиной А., Ляхой И., Макаровой И. (2016) на той же основе [19].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

В современной социальной психологии существует проблема как репрезентации аттитудов к пище, так и методов их измерения. Согласно АРА, под аттитудом (attitude) понимается относительноустойчивая и общая оценка объекта, человека, группы, проблемы или концепции по шкале от отрицательного до положительного. Аттитюды обеспечивают итоговую оценку целевого объекта, и как часто предполагается, исходят от конкретных верований, эмоций и прошлого поведения, связанных с этим объектом [3]. Наиболее известные теоретические модели, которые изучают имплицитные и эксплицитные аттитюды основаны на двух различных качественных когнитивных процессах – ассоциативном и пропозициональном. Эксплицитные аттитюды понимаются как продукт, в основном, пропозициональных, логических процессов, а имплицитные – результат ассоциативных [24].

Согласно ассоциативному подходу, аттитюд является формой ментальной репрезентации, хранящейся в памяти [24]. Соответственно существуют имплицитные измерения как косвенные, неосознаваемые и автоматические [23] и эксплицитные как прямые, осознаваемые и контролируемые.

Наиболее известным методом измерения имплицитных аттитудов является имплицитный ассоциативный тест IAT [12] и его разновидности.

Первоначально, многочисленные исследования изучали аттитюды к пище, рассматривая их в качестве важного фактора, способствующего развитию ожирения и в основном, измерялись эксплицитными методами [5], [7], [8], [9], [10], [11].

С использованием эксплицитных измерений было выявлено, что молодые люди, страдающие ожирением, продемонстрировали менее позитивные аттитюды к вредной пище, чем люди с нормальным весом [22], при этом наличие лишнего веса свидетельствует об обратном. Стигматизация, связанная с ожирением, мешает страдающим лишним весом людям признаваться, что они любят и потребляют в больших количествах вредную пищу [25], [29]. Таким образом, эксплицитные измерения не могут позволить исследователям полностью проанализировать и объяснить взаимосвязь между аттитюдами к пище и поведением людей, имеющих лишний вес. Это привело к необходимости исследования имплицитных (скрытых) предпочтений к пище, и дальнейшему сравнению результатов.

Исследования имплицитных и эксплицитных аттитудов к пище, проведенные в последние годы, показали, что в настоящее время, поведение потребителей меняется в сторону приобретения экологически чистых продуктов из-за осознания ухудшения состояния окружающей среды и связанных с этим проблем [4]. Сильными мотиваторами выбора пищи являются вкус и запах, однако, сила этих пищевых сигналов на поведенческом уровне отличается у разных людей и в разных ситуациях. При чувстве голода, данные сигналы наиболее сильны [14]. Современная нейронаука демонстрирует, что вид привлекательной пищи может сильно влиять на мозг, особенно на мозг голодного человека [28]. В целом, исследования показывают, что имплицитные и эксплицитные аттитюды влияют на выбор продуктов питания, не зависимо от возраста [16], [20].

Экспериментальная процедура ИАТ. Для выявления аттитудов к здоровой и вредной пище использовалась двухкатегориальная экспериментальная процедура ИАТ, основанная на времени реакции, которая явилась модификацией имплицитного ассоциативного теста на базе исследования «The spirit is willing, but the flesh is weak: The moderating effect of implicit associations on healthy eating behaviors» [19]. Целевыми категориями двухкатегориального ИАТ являлись визуальные стимулы - картинки с изображением здоровой и вредной пищи. Оценочными атрибутами выступили вербальные стимулы, относящиеся к понятиям «Вкусно» и «Невкусно» с выраженным аффективным значением (таблица 1).

Для вычисления эффекта имплицитных ассоциаций рекомендуется использовать *D* статистику [13]. *D* статистика дает возможность оценить величину эффекта ИАТ: значения *D* статистики 0,15, 0,35 и 0,60 соответствует малой, средней и большой величине эффекта, соответственно (например, [27]). Отрицательные показатели *D* аналогичны. Значения показателя *D* статистики в диапазоне от 0,15 - 0,35 соответствует слабому эффекту, от 0,35 - 0,60 соответствует среднему эффекту, больше 0,60 – высокому.

Таблица 1. Категории и атрибуты двухкатегориального ИАТ

Здоровая пища		Вредная пища		Вкусно	Невкусно
				Вкусный	Нежелательный
				Привлекательный	Непривлекательный
				Объедение	Неприятный
				Ароматный	Банальный
				Аппетитный	Безвкусный
				Приятный	Неаппетитный
				Манящий	Противный
				Хороший	Отвратительный

Эксплицитные методы измерения аттитудов к пище. Для измерения аттитудов к здоровой и вредной пище были разработаны 4 самооценочные процедуры, основанные на более раннем исследовании [19], и направленные на измерение эксплицитных предпочтений, основанные на периоде потребления пищи, критериях вкуса и здоровья, а также частоте потребления пищи. Изображения продуктов питания явились аналогичными ИАТ. Участникам необходимо было оценить, насколько, по их мнению, каждый из предложенных продуктов является «вкусным», «здоровым», когда он употреблялся в пищу в последний раз, и как часто участники предпочитают «здоровое» или «нездоровое» питание. Опросники представлены в виде шкал Likert [17]. Для каждого участника был вычислен индекс массы тела и собраны демографические данные.

Аппаратура: сертифицированное лицензированное программное обеспечение E Prime 2.0 Professional®.

Процедура: эксперимент проводился в 2016 году. Участие в эксперименте было добровольным. Участники проходили процедуру ИАТ на компьютере, после чего заполняли само оценочные опросники, а также указывали демографические данные (пол, возраст, рост, вес, материальный статус в евро), а также указывали примерную сумму, которая тратится на члена семьи в месяц.

РЕЗУЛЬТАТЫ / REZULTĀTI / RESULTS

В таблице 2 представлены переменные, используемые при статистической обработке данных.

Таблица 2. Названия и значения переменных

Название	Значение
<i>D</i>	Переменная эффекта имплицитного предпочтения здоровой или вредной пищи
<i>Usage</i>	Переменная отражает «здоровое» или «нездоровое» питание, основанное на давности потребления продуктов.
<i>Awareness</i>	Переменная отражает осведомлённость о «здоровых» и «вредных» продуктах питания
<i>Taste</i>	Переменная отражает субъективное представление о вкусе продуктов питания
<i>Preference</i>	Переменная отражает предпочтение здоровой или вредной пищи

Помимо упомянутых в таблице, также использовались переменные пол (*Sex*), возраст (*Age*), индекс массы тела (*BMI*) и вес (*Weight*).

Средний показатель индекса массы тела (*BMI*) составил 22.3, что является нормой для людей данного возраста. В целом было выявлено имплицитное предпочтение здоровой пищи (86%), отсутствие предпочтения (13%), имплицитное предпочтение вредной пищи (1%). Для выявления связей между имплицитными и эксплицитными данными, был применен корреляционный критерий Спирмена. Коэффициенты корреляции Спирмена представлены в таблице 3.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции Спирмена

Переменная 1	Переменная 2	Корреляция
<i>Usage</i>	<i>D(IAT)</i>	$r_s(83) = -.24, p = .028$
<i>Awareness</i>	<i>D(IAT)</i>	$r_s(83) = -.19, p = .090$
<i>Taste</i>	<i>D(IAT)</i>	$r_s(83) = -.14, p = .21, ns$
<i>Preference</i>	<i>D(IAT)</i>	$r_s(83) = -.22, p = .044$
<i>BMI</i>	<i>D(IAT)</i>	$r_s(83) = -.23, p = .040$
<i>Weight, kg</i>	<i>D(IAT)</i>	$r_s(83) = -.23, p = .034$

Была обнаружена статистически значимая отрицательная связь между переменными *D(IAT)* и *Usage*. Это означает, что имплицитное предпочтение здорового питания исходит из факта давности: недавнего потребления здоровой пищи, и давнего потребления вредной. Это утверждение отражает «приверженность здоровому питанию». Имплицитное же предпочтение вредной пищи свидетельствует о «приверженности вредному питанию». Статистически значимая отрицательная связь была найдена между переменными *D(IAT)* и *Awareness* - осведомлённостью о «здоровых» и «вредных» продуктах питания. Это означает, что имплицитное предпочтение здорового питания связано с осведомлённостью и знанием о «полезности» и «вредности» продуктов питания, в то время

как незнание об этих свойствах соответствует имплицитному предпочтению вредной пищи. Статистически значимая отрицательная связь была обнаружена между D(IAT) и Preference - предпочтением. Это означает, что имплицитное предпочтение здорового питания соответствует тому факту, что здоровая пища употребляется часто, а вредная редко. Этот факт отражает «эксплицитное предпочтение здоровой пищи». Частое же потребление вредной пищи отражает «эксплицитное предпочтение вредной пищи».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Последние исследования показывают, что имплицитные и эксплицитные аттитюды влияют на выбор продуктов питания как у детей, так и у взрослых [16], [20]. В данном исследовании были обнаружены связи между имплицитными и эксплицитными результатами. Имплицитное предпочтение здоровой пищи зависит от ряда факторов, к которым относятся (1) недавнее потребление здоровой пищи и давнее потребление вредной, (2) осведомлённость о «вредности» и «полезности» продуктов питания, (3) частое употребление в пищу здоровых продуктов питания и редкое потребление вредных.

В целом, латвийские потребители предпочитают здоровую пищу (86%) по сравнению с вредной (1%). Результаты имплицитного предпочтения здоровой пищи подтверждались неоднократно за последние годы [1]. Было доказано, что всё больше молодёжи обеспокоены качеством и безопасностью продуктов питания [2]. Потребители все чаще становятся экологически сознательными и желают внести свой вклад в защиту окружающей среды любыми способами, выбирая здоровые продукты питания [21].

Ограничение исследования. Ограничением исследования видится то, что в нём принимали участие только молодые люди. Также ограничением может быть отсутствие критерия голода участников и поведенческого компонента в исследовании.

Перспективы исследования. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, можно использовать для разработки коррекционных программ по формированию аттитюдов к предпочтению здоровой пищи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAĶSTS

1. Ackermann, C.-L., & Palmer, A. (2014). *The contribution of implicit cognition to the Theory of Reasoned Action Model: a study of food preferences. Journal of Marketing Management*, 30 (5-6). pp. 529-550. ISSN 0267-257X
2. Akabanda, F., Hlortsi, E. H., & Owusu-Kwarteng, J. (2017). Food safety knowledge, attitudes and practices of institutional food-handlers in Ghana. *BMC public health*, 17(1), 40. doi:10.1186/s12889-016-3986-9
3. American Psychological Association (2009). *APA concise dictionary of psychology*. Washington, DC: American Psychological Association.
4. Bilal Basha, M. & Mason, C. & Shamsudin, M. & Iqbal-Hussain, H. & Salem, M. (2015). Consumers Attitude Towards Organic Food. *Procedia Economics and Finance*. 31. 444-452. 10.1016/S2212-5671(15)01219-8.
5. Capaldi, E.D. (1996). Conditioned food preferences. In E.D. Capaldi (ed.), *Why We Eat What We Eat: The Psychology of Eating* (53-80). Washington: American Psychological Association.
6. De Bourdeaudhuij, I., Lefevre, J., Deforche, B., Wijndaele, K., Matton, L., & Philippaerts, R. (2005). Physical activity and psychosocial correlates in normal weight and over-weight 11 to 19 year olds. *Obesity Research*, 13-6, 1097-1105.
7. Drewnowski, A. (1996). The behavioral phenotype in human obesity. E.D. Capaldi (Ed.), *Why we eat what we eat: The psychology of eating* (pp. 291–308). Washington, DC: American Psychological Association.
8. Drewnowski, A. (1997). Taste Preferences and Food Intake. *Annual Review of Nutrition*, 17, 237-253.

9. Drewnowski, A., & Greenwood, M.R. (1983). Cream and sugar: Human preferences for highfat foods. *Physiology & Behavior*, *30*, 629–633.
10. Drewnowski, A., Brunzell, J.D., Sande, K., Iverius, P.H., & Greenwood, M.R. (1985). Sweet tooth reconsidered: Taste responsiveness in human obesity. *Physiology & Behavior*, *35*, 617–622.
11. Drewnowski, A., Kurth, C., Holden-Wiltse, J., & Saari, J. (1992). Food preferences in human obesity: Carbohydrates versus fats. *Appetite*, *18*, 207–221.
12. Greenwald, A.G., McGhee, D.E., & Schwartz, J.L.K. (1998). Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test. *Journal of Personality and Social Psychology*, *74*, 1464–1480.
13. Greenwald, A.G., Nosek, B.A., & Banaji, M.R. (2003). Understanding and using the Implicit Association Test: I. An improved scoring algorithm. *Journal of Personality and Social Psychology*, *85*(2), 197–216.
14. Higgs, S. (2016) Cognitive processing of food rewards. *Appetite*, Volume 104, 2016, Pages 10-17.
15. Hoefling, A., Strack, F., & Fritz, D. (2008). The tempting effect of forbidden foods. High calorie content evokes conflicting implicit and explicit evaluations in restrained eaters. *Appetite*. 51. 681-689. 10.1016/j.appet.2008.06.004.
16. König, L. M., Giese, H., Schupp, H. T., & Renner, B. (2016). The Environment Makes a Difference: The Impact of Explicit and Implicit Attitudes as Precursors in Different Food Choice Tasks. *Frontiers in psychology*, *7*, 1301. doi:10.3389/fpsyg.2016.01301
17. Likert, R. (1931). A technique for the measurement of attitudes. *Archives of Psychology*. New York: Columbia University Press.
18. Lissner, L., & Heitmann, B.L. (1995). Dietary fat and obesity: evidence from epidemiology. *European Journal of Clinical Nutrition*, *49*, 79-90.
19. Mai, R., Hoffmann, S., Hoppert, K., Schwarz, P., & Rohm, H. (2015). The spirit is willing, but the flesh is weak: The moderating effect of implicit associations on healthy eating behaviors. *Food Quality and Preference*. 39. 10.1016/j.foodqual.2014.06.014.
20. Marty, L., Miguët, M., Bournez, M., Nicklaus, S., Chambaron, S., & Monnery-Patris, S. (2017). Do hedonic-versus nutrition-based attitudes toward food predict food choices? across-sectional study of 6-to 11-year-olds. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*, *14*, 1-10.
21. Mohamed, M.A., Chymis, A. and Shelaby, A.A. (2012). Determinants of organic food consumption in Egypt. *International Journal of Economics and Business Modeling*, Vol.3(3), pp.183-191.
22. Perl, M.A., Mandic, M.L., Primorac, L., Klapac, T., & Perl, A. (1998). Adolescent acceptance of different foods by obesity status and by sex. *Physiology and Behavior*, *65*, 241–245.
23. Petty, R. E., Fazio, R. H., & Brinol, P. (2009) *Attitudes: Insights from the new implicit measures*. New York: Psychology Press.
24. Plotka, I., Igonin, D., & Blumenau, N. (2016). Implicit Attitudes and Measurements: Effect of Context. *International Business: Innovations, Psychology, Economics*, *7*, 2(12), 7-150.
25. Puhl, R. M., & Brownell, K. D. (2003). Psychosocial origins of obesity stigma: Toward changing a powerful and pervasive bias. *Obesity Reviews*, *4*, 213-227. doi:10.1046/j.1467-789X.2003.00122.x
26. Ratliff, K. A., Swinkels, B. A. P., Klerx, K., & Nosek, B. A. (2012). Does one bad apple(juice) spoil the bunch? Implicit attitudes toward one product transfer to other products by the same brand. *Psychology & Marketing*, *29*(8), 531-540. DOI: 10.1002/mar.20540
27. Rudman, L. A. (2011). *Implicit Measures for Social and Personality Psychology*. London: Sage.
28. Spence, C., Ki, O., Cheok, A.D., Petit, O., Michel, C. (2016). Eating with our eyes: From visual hunger to digital satiation. *Brain and Cognition*, Volume 110, Pages 53-63, ISSN 0278-2626
29. Teachman, B. A., & Brownell, K. D. (2001). Implicit Anti-Fat Bias among Health Professionals: Is Anyone Immune? *International Journal of Obesity*, *25*, 1525-1531. <https://doi.org/10.1038/sj.ijo.0801745>

Исследование связи между самооценкой своей успешности и личностной тревожностью студентов

Карина Бонекате

*Латвия, Балтийская Международная академия, Рига, магистратура психология,
karina.shilova@inbox.lv*

Научный руководитель: Dr. psych., Людмила Калининкова

Научный консультант: Dr. psych., доцент Алёна Корнышева

АННОТАЦИЯ

Цель: исследование связи между самооценкой своей успешности и личностной тревожностью у студентов. Участники: 60 студентов в возрасте от 18 до 36 лет (Mdn= 27 лет). Метод: шкала измерения самооценки своей успешности; шкала измерения личностной тревожности. Результаты: найдена максимально значимая отрицательная корреляционная связь личностной тревожности с реальной и идеальной самооценкой.

Ключевые слова: личностная тревожность, самооценка своей успешности.

ABSTRACT

The aim: to research the correlation between self-evaluation of one's success and personal anxiety of students. Participants: 60 students aged 18 to 36 years (Mdn=27 years). Method: self-evaluation of one's success scale; personal anxiety assessment scale. Results: the most significant negative correlation of personal anxiety with real and ideal self-esteem was revealed.

Key words: personal anxiety, self-evaluation of one's success.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Исследование связи самооценки и уровня тревожности у студентов 1-го курса связаны с проблемами, которые возникают в начале обучения, вследствие чего уровень тревожности повышается, а самооценка может понижаться. Проблемы возникают в связи с адаптацией студентов к учебному процессу и требованиям в 1-ом семестре обучения в ВУЗе. Исследование низкой самооценки и высокой тревожности могут способствовать в диагностировании стрессовых и депрессивных состояний. Целью данной работы является исследование связи между самооценкой своей успешности и личностной тревожностью у студентов. Гипотеза исследования: «существует связь между самооценкой своей успешности и личностной тревожностью у студентов первого курса». В качестве эмпирического исследования самооценки своей успешности, использована шкала измерения самооценки своей успешности Г. Менестер и Р. Корсини, в качестве эмпирического исследования тревожности, использована шкала измерения личностной тревожности Дж. Тейлор в адаптации Т. А. [2],

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Изучение проблемы самооценки, является одной из важных проблем экспериментальной и практической психологии, как в области психотерапии, так и в области психологического консультирования. Многие исследователи, такие как А. Маслоу, К. Роджерс, В.В. Столин, И.С. Кон, Р. Берне, А. Захарова, Э.Эриксон, У.Джемс считают, что самооценка связана с развитием самосознания

[2, 3, 9, 10, 13, 17], другие рассматривают ее с точки зрения социально-психологического взаимодействия. В рамках основных психологических направлений авторами выделяются различные аспекты самооценки.

В контексте психоанализа З. Фрейд связывает самооценку с функцией Суперэго. Его ученик А. Адлер воспринимал самооценку как инструмент для дальнейшего самосовершенствования и развития. К. Хорни считала, что дети, лишённые родительской любви, притяжения и одобрения, склонны развивать группу ненасыщаемых потребностей - невротическую: любовь. Таким образом, тепло и принятие крайне важны в плане развития высокой самооценки [2, 3, 6, 7].

В контексте теории символического интеракционизма Ч. Кули, самооценка возникает на основе взаимодействия индивида с разнообразными первичными группами, членом которых он является. По мнению американского философа, социолога и социального психолога Дж. Мида, становление самооценки есть не что иное, как происходящий «внутри» индивида социальный процесс: индивид воспринимает себя в соответствии с теми характеристиками и ценностями, которые приписывают ему другие [9].

В рамках гуманистического подхода самооценка определяется как совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой (теория Э. Бернса). А. Маслоу отмечал врожденный и конструктивный потенциал роста личности, и подчёркивал роль благополучного окружения в его реализации [2, 3].

В феноменалистическом подходе, по мнению И. Кона, степень правильности образа «Я» выявляется при изучении одного из важнейших его аспектов – самооценки личности, т.е. оценки личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей [10].

В свою очередь, Б. Скиннер, представитель бихевиорального подхода, считал, что основным формирующим фактором самооценки является опыт индивида, из которого он черпает представления о себе, так как человеческое развитие – это результат взаимодействия индивида с окружающей средой, которое приносит ему положительный или отрицательный опыт, который либо подкрепляет, либо подавляет последующее повторение поведения [6].

Изучая самооценку, многие авторы рассматривали ее в контексте связи с тревожностью. Феномен «тревожность» изучался З. Фрейдом и его учениками, неофрейдистами, такими как К. Хорни, Э. Фроммом. К проблеме тревожности обращались психологи гуманистического направления – К. Роджерс, А. Маслоу и др. В русле общей психологии проблемы тревожности разрабатывались в трудах российских ученых – Б. Ананьева, Л. Выготского, Ф. Василюка, В. К. Виллюнаса, А. Леонтьева, С. Рубинштейна.

В рамках основных психологических направлений авторами выделяются различные аспекты тревожности. В гештальтпсихологии Ф. Перлз (1901) определял тревожность как разрыв, напряжение между «сейчас» и «тогда». Неспособность людей принять это напряжение заставляет их планировать, репетировать, пытаться обеспечить свое будущее.

Последователь гуманистического подхода Дж. Келли определял тревожность как результат осознания, что существующие конструкты не могут быть применены для предвидения всех событий, с которыми сталкивается человек [8].

В теории эмоций К. Изарда тревожность рассматривается не как некий отдельный самостоятельный феномен, а как комбинация состояния страха с одной или несколькими другими эмоциями: гневом, виной, стыдом, интересом [11].

В контексте психоанализа К. Хорни считала, что тревожность является эмоциональной реакцией на опасность. Тревожность характеризуется прежде всего расплывчатостью и неопределенностью. Даже если имеется конкретная опасность, как при землетрясении, тревожность связана с ужасом перед неизвестным.[3].

Дж. Крокер из Мичиганского университета провела исследование влияния самооценки, основанной на внешних ресурсах, на состояние психического здоровья, в том числе, на уровень

тревожности [4]. Из результатов данного исследования можно сделать вывод, что студенты, которые основывают свою самооценку на успеваемости, то есть внешнем факторе, могут испытывать большую тревожность, отвлекаться и испытывать страх неудач, и поэтому их тревожность может понижать способность к обучению, запоминанию и анализу информации.

Группа исследователей из Туниса изучили влияние физической нагрузки на уровень тревожности и самооценки среди студентов первого курса. В начале исследования у студентов был заниженный уровень самооценки и повышенный уровень тревожности. После проведения программы тренингов (в течение 10 дней) были осуществлены повторные измерения, которые улучшили показатели самооценки и тревожности. Уровень тревожности понизился, а уровень самооценки увеличился [1].

В исследовании авторов из Греции проводилось исследование уровня самооценки и тревожности среди студентов Афинского технического университета. Согласно результатам тестов, женщины показали более высокий уровень тревожности при более низком уровне самооценки, но в то же время как в женской, так и в мужской выборке была обнаружена значимая отрицательная связь между низкой самооценкой и высокой тревожностью. Кроме того, результаты оказались различными на каждом факультете, при этом студенты факультета изобразительных искусств и дизайна демонстрировали значительно более низкий уровень самооценки и более высокий уровень тревожности по сравнению со студентами других факультетов.

Методология исследования

Участники: в исследовании приняли участие 60 студентов в возрасте от 18 до 36 лет ($Mdn = 27$ лет).

Метод: шкала измерения личностной тревожности Дж. Тейлор в адаптации Т. А. Немчинова, шкала измерения самооценки своей успешности Г. Менестер и Р. Корсини [2].

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS / REZULTĀTI

В результате проведенного исследования было показано, что показатели низкой самооценки соответствуют показателям высокого уровня тревожности, показателям адекватной (среднему уровню) самооценки соответствует средний или низкий уровень тревожности, а показателям высокой самооценки соответствует низкий уровень тревожности.

Анализ связи между самооценкой своей успешности и тревожности показал наличие максимально значимой отрицательной связи личностной тревожности с реальной и идеальной самооценкой ($r_s = -.0784$; $p < .001$), что означает, что в данной выборке – чем выше уровень тревожности студентов, тем ниже самооценка своей успешности и наоборот.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили результаты теоретического анализа связи самооценки своей успешности и личностной тревожности у студентов.

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

Теоретический обзор концептов самооценки и тревожности, а также анализ результатов исследований их связи, и результатов, позволяет сделать вывод, что самооценка и тревожность являются важными аспектами жизни человека. Уменьшая уровень тревожности у студентов, можно повысить уровень их самооценки и улучшить академическую деятельность и качество жизни в целом.

Исследование связи между самооценкой своей успешности и личностной тревожности у студентов подтвердило гипотезу о существовании связи между самооценкой своей успешности и личностной тревожностью у студентов первого курса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/ LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Baccouche, M.A., Arous, I., Trabelsi, Kh., Masmoudi, L., Elloumi, A. (2013). *IOSR Journal Of Humanities and Social Science*, 8(6), 67-73.
2. Corsini, R.J., Auerbach, A.J. (2003). *Concise Encyclopedia of Psychology* (Second edition). John Wiley & Sons, Inc: 2003
3. Corsini, R.J., Auerbach, A.J. (2006). *Психологическая энциклопедия*, 2-е издание. Питер, 2006
4. Dittmann, M., (2002) Self-esteem that's based on external sources has mental health consequences, study says. *American Psychological Association*, Vol 33, No. 11, 16
5. Ntemsia, S., Triadafyllidou, S., Papageorgiou, E., Roussou, K. (2017). Self-Esteem and Anxiety Level of Students at the Technological Educational Institute of Athens – Planning of Interventions. *Health Science Journal*, 35-39
6. Skinner, B.F. (1974). *About Behaviorism*, 209-221.
7. Психологическая энциклопедия. [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/963]
8. Александров, А.А. (2008) *Психодиагностика и психокоррекция*. Питер: 2008.
9. Бернс Р. (1986). *Развитие Я-концепции и воспитание*. М. Прогресс: 1986.
10. Кон И. (1998). *В поисках себя*. М. Политиздат: 1998.
11. Изард К.Э. (1999). *Психология эмоций*. СПб.: Питер: 1999.
12. Молчанова О.Н. (2006). Самооценка: Стабильность или изменчивость? *Психология. Журнал ВШЭ*, Т. 3, No 2, с. 23-51
13. Прихожан А.М. (2000) *Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика*. Воронеж, НПО «МОДЭК»: 2000.
14. Рубинштейн С. (1973). *Проблемы общей психологии*. Педагогика: 1973.
15. Роджерс К. (1980). *Наука о личности / История зарубежной психологии*. Москва: 1980.
16. Роджерс К. (1993). *О групповой психотерапии*. Москва, Гиль-Эстель: 1993.
17. Шапарь, В.Б. (2004). *Словарь практического психолога*. Москва, АСТ: 2004.

Исследование связи субъективного ощущения одиночества и депрессивных состояний у женщин 30-45 лет

Дворянчук Виктор,

Латвия, Балтийская Международная академия, Рига,

магистратура психология,

victor54@gmail.com

Научный консультант: доктор психологии,

*профессор **Ирина Плотка***

АННОТАЦИЯ

Цель: исследовать связь между уровнем субъективного ощущения одиночества и уровнем депрессивных состояний. Участники: 90 женщин, 30-45 лет, (Mdn=40). Метод: Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества; диагностика депрессивных состояний. Результаты: существует связь между переменной "субъективного ощущения одиночества" и переменной "депрессивных состояний."

Ключевые слова: депрессивные состояния, одиночество, переживания, эмоции.

ABSTRACT

Objective: research of the relationship between the level of subjective feelings of loneliness and depression levels. Selection: 90 women, 30-45 years old, (Mdn=40). Method: diagnosis the level of subjective feelings of loneliness; diagnosis of depression. Results: there is a relationship between the level of the subjective feeling of loneliness and the level of depressive states with a low level of depression and the subjective feeling of loneliness.

Key words: depressive states, distresses, emotions, loneliness.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Актуальность проблемы изучения одиночества и депрессивных состояний обусловлена тем, что психологическое одиночество может порождать опасные для личности острые эмоциональные реакции на ситуацию, а в случае хронического одиночества – снижать качество психологической и социальной жизни человека, возможности его самореализации. Феномен одиночества не только связан с физической социальной изоляцией или отсутствием коммуникации, одиночество можно себя ощущать в мегаполисе, в котором человек включен в сложную сеть коммуникации. Психика, сознание современного человека формируется и развивается в условиях все более нарастающего информационного потока в процессе взаимодействия с различными группами людей. Все это побуждает личность находиться в состоянии перманентной готовности к многочисленным социальным взаимодействиям. Поэтому появление все большего количества людей, испытывающих разрушительное воздействие одиночества, может показаться парадоксальным. Анализ исследований феномена одиночества указывает на то, что данный концепт является сложным многогранным явлением и связан с такими конструктами, как самоуважение, антисоциальное поведение, депрессивные состояния. Цель работы - исследовать связь между уровнем субъективного ощущения одиночества и уровнем депрессивных состояний. Гипотеза: «Существует связь депрессивных состояний и субъективного состояния одиночества». Метод исследования: **методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества (UCLA) Д. Рассела, Л. Пепло, М. Фергюсона (Loneliness**

Scale) в адаптации Балашовой; методика диагностики депрессивных состояний В. Зунга в адаптации Балашовой.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

В теоретическом обзоре основное внимание уделяется концепту субъективного переживания одиночества и близлежащих понятий. Некоторые исследователи обсуждают различия понятий “одиночество” и “уединение”. Первое рассматривается как эмоциональное переживание, а второе, как жизненная ситуация. В основном субъективные переживания одиночества рассматриваются как негативный феномен. [13] Существует позитивный взгляд относительно феномена уединения, выступающего ресурсом рефлексии, творческой деятельности и способом переработки и интеграции полученных впечатлений. Однако, уединение может проявляться не только как эмоционально-позитивный опыт, но, как и негативный опыт. [10] Анализируя концепт “одиночество” и “уединение” было обнаружено, что способность принимать одиночество, как экзистенциальный факт и готовность создавать ситуации уединения в своей собственной жизни, связаны с такими позитивными явлениями, например, эффективность творческой деятельности. [1, 2, 11, 12, 13] Данная тенденция согласуется с другими исследованиями констатирующими, что ситуацию уединения некоторые участники могут использовать как ресурс для саморазвития и связи с другими людьми. Однако другие участники, переживая одиночество в ситуациях уединения демонстрируют низкую самооценку, неудовлетворенность жизнью, предрасположенность к депрессивным состояниям, эмоциональную неустойчивость. [2] Другие исследования также, показывают, что способность и готовность личности к принятию и продуктивному использованию ситуаций уединения и одиночества выступают аспектом позитивного функционирования- “позитивное одиночество.” Однако проблема связи уединения с личностным развитием пока остается неизученной. [13,17] В основном рассматривая проблему одиночества и уединения, ученые анализируют разные возрасты. Наибольшее количество работ посвящено изучению одиночества и уединения подростковому периоду. Было установлено, что имеется много причин одиночества, которые связаны с другими людьми, с воспитанием, образом обстоятельства жизни и их личностными качествами. Все причины и факторы одиночества влияют не только на характер и восприятие жизни подростка, но и на его отношение к окружающим и поведения в целом. [3, 14] На основании исследования взаимосвязи девиантного поведения было доказано, что подростки очень тяжело переносят одиночество, это доставляет ряд негативных эмоций, которые плохо сказываются как на психологическом, так и физическом состоянии, и поведении подростков.

Также пережитое одиночество может отразиться на восприятие и переживание одиночества уже во взрослой жизни. [5,18]

Интересным является исследование на выборке одиноких пожилых женщин, переживающих состояние одиночества в контексте адаптации к пост трудовому периоду, который характеризуется сокращением социальных связей. В пожилом возрасте снижается возможность социального взаимодействия, но те пожилые люди, которые получают поддержку от своих детей в меньшей степени испытывают чувство одиночества. [16] Интересным исследованием является изучение факторов, типов переживания одиночества и стратегий его преодоления, в котором переживание одиночества рассматривается на этапе становления профессионального сознания молодого человека и профессиональной стабильности. Результаты исследования обнаружили такие конструктивные стратегии поведения как «Социальная поддержка», «Высокая активность», «Социальная отстраненность», «Принятие себя и своего состояния» и «Религия», так как в данных стратегиях имеется позитивная динамика переживания одиночества. Данные стратегии требуют психологических ресурсов, связанных с самореализацией и отношениями с близкими. [7] Другие исследователи, изучая связь между депрессией, одиночеством, общительностью у пожилых людей выявили положительную корреляция между одиночеством и депрессией, но не обнаружена связь с общительностью как для

мужчин, так и для женщин. Возможное объяснение этого может заключаться в том, что чувство одиночества зависит не только от количества связей с другими, но и от того, удовлетворен ли он его жизненным стилем. Выраженная неудовлетворенность доступными отношениями является более мощным показателем одиночества. [4, 15] Выше приведенный теоретический анализ указывает на значимость изучения феномена субъективного переживания одиночества с такими переменными как, самоуважение, копинг стратегиями, коммуникабельностью. В большинстве случаев встречаются исследования субъективного переживания одиночества и его корреляты на выборках подростков, пожилых людей, и значительно меньше работ встречалось на выборке работающих молодых людей находящиеся на стадии профессионального становления и профессиональной стабильности. Однако следует указать на недостаточность исследований, направленных на изучение связи субъективного ощущения одиночества с депрессивным состоянием участников в возрасте 30-45 лет, что и обусловило цель настоящего исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ / REZULTĀTI / RESULTS

Результаты исследования показали, что существует корреляционная положительная связь между переменной “одиночества” и “депрессивных состояний.”

Результаты исследования показали, что существует корреляционная положительная связь между переменной одиночество и депрессивным состоянием ($r_s = 0,257$; $p \leq 0,01$) при использовании критерия Спирмена; существует корреляционная положительная связь между переменной одиночество и депрессивным состоянием ($\tau = 0,171$; $p \leq 0,05$) при использовании критерия Тау – Кендалла. Подтвердилась гипотеза о существовании связи депрессивных состояний и субъективного состояния одиночества.

ВЫВОДЫ / SECINĀJUMI / CONCLUSIONS

В результате данного исследования была реализована основная цель. Были определены концепты субъективного ощущения одиночества и депрессии.

Теоретический анализ и эмпирических указывает на неоднозначность психологического конструкта одиночества и его связь с различными переменными такими, как самоуважение, копинг стратегии, коммуникабельность. Были подобраны адекватные самооценочные методики для измерения уровня одиночества и депрессивных состояний. Участниками исследования были женщины возраста 30-45 лет.

Полученные результаты настоящего исследования о существовании связи между субъективным ощущением одиночества и депрессивным состоянием согласуются с данными других ученых. Высокий уровень субъективного ощущения одиночества характеризуется тем, что человек часто чувствует себя несчастливым, занимаясь многими вещами в одиночку, ощущает дефицит общения. Не чувствует взаимопонимания со стороны близких людей. Высокий уровень субъективного ощущения одиночества связан с высоким уровнем депрессивных состояний, который характеризуется чувством подавленности, повышенной слезливостью, повышенной утомляемостью, беспокойством, раздражительностью.

Ограничением исследования является не случайность выборки.

Перспектива исследования заключается в рассмотрении концепта одиночества с самоуважением, копинг стратегиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES

1. Coplan R.J., Bowker J.C. (2014) All Alone Multiple Perspectives on the Study of Solitude // the Handbook of Solitude. Psychological Perspectives on Social Isolation, Social Withdrawal, and Being Alone. Chichester, UK: Blackwell Publishing Ltd, 2014. P. 3—14. doi: 10.1002/9781118427378.ch1

2. Long C.R., Seburn M., Averill J.R., More T.A. (2003) Solitude experiences: Varieties, settings, and individual differences // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29(5). P. 578—583. doi: 10.1177/0146167203029005003
3. Rokach A. (2004) Giving Life: Loneliness, Pregnancy and Motherhood // Social Behavior & Personality. — 2004. — Vol. 32. — Issue 7.
4. Singh, A., Misra, N., Ind Psychiatry J. (2009) Jan-Jun; 18(1): 51–55. doi: [10.4103/0972-6748.57861]
5. Uruk A.C., Demir A. (2003) The Role of Peers and Families in Predicting the Loneliness Level of Adolescents // Journal of Psychology. March 2003. Vol. 137. Issue 2
6. Zung WW (1965) A self-rating depression scale. Archives of General Psychiatry 12: 63-70 PMID 14221692
7. Вербицкая С.Л. (2002) Социально-психологические факторы переживания одиночества: Дисс. канд. пед. наук. — СПб., 2002
8. Заворотных, Е. Н., (2009) Социально-психологические особенности одиночества как субъективного переживания: Автореф. дисс. .к.п.н. 19.00.05/ Е.Н.Заворотных. СПб.: СПбГУ, 2009.-182 стр.
9. Ишанов, Е.Н. Осин, В.Ю. Костенко, (2018) Культурно-историческая психология. Т. 14. № 1. С. 30-40 doi:10.17759/chp.2018140104 С.А.
10. Леонтьев Д.А. (2011) Экзистенциальное одиночество // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2011. № 2. С. 101-108
11. Мельник Л.В. (2004) Переживание чувства экзистенциального одиночества у юношей с высоким уровнем креативности // Известия ТулГУ. Серия: Психология. 2004. Вып. 4. С. 330-335.
12. Неумоева Е.В. (2005) Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте: автореф. дисс. канд. психол. наук. Самара, 2005, С. 24
13. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. (2013) Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55—81
14. Перешеина Н.В. (1999) Психология одиночества у законопослушных и криминальных подростков: Дисс. ... канд. пед. наук. - М., 1999
15. Пузанова Ж.В. (2008) Философия одиночества и одиночество философа // Вестник РУДН, серия «Социология». № 4-5. С. 47-59
16. Романова И.В. (2002) Адаптация одиноких женщин к посттрудовому периоду в условиях современного общества: Дисс. ... канд. социол. наук. - Улан-Удэ, 2002.
17. Слободчиков И.М. (2007) Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 27-35.
18. Шмелев Р.В. (2004) Исследование взаимосвязи девиантного поведения и состояния одиночества в подростковом обществе: Дисс. канд. пед. наук. - Самара, 2004

Влияние различных форм обучения на умения регулировать эмоции у детей младшего школьного возраста

Алёна Фальковская

Германия, Балтийская Международная академия, психология,

afalkovski@gmail.com

канд. фил.наук, доц. Байсара Л.И,

Днепропетровский Национальный Институт, Днепр

научный консультант Др. Психологии,

проф. И.Д. Плотка,

Балтийская Международная Академия, Рига

АННОТАЦИЯ

Традиционные и неформальные формы обучения имеют влияние на возможность регулирования эмоций у детей младшего школьного возраста. Цель: изучение влияния различных форм обучения на умения регулировать эмоции у детей младшего школьного возраста. Метод. Участники- 30, возраст 7-9: самооценочные измерения: шкалы эмоционального интеллекта (Н.Холл, 2001), исследования социального интеллекта (Дж. Гилфорда и М. Салливен, 1977); квазиэкспериментальный план до после. Результаты. Существуют статистически значимые различия по шкалам: самомотивация, распознавание эмоций других людей и по субтестам «истории с завершением» и «группы экспрессии» «до» и «после» воздействия.

Ключевые слова: младший школьный возраст, обучение, регулирование эмоций, социальный интеллект, эмоциональный интеллект.

ABSTRACT

Traditional and informal forms of education have their impact on emotion regulation ability of children in primary school age. Goal: research the impact of different forms of education on emotions regulation skills of children in primary school age. Method. Participants – 30, age 7-9: self-assessment measurements: emotional intelligence scales (J.N.Hall, 2001), social intelligence research (J.Guilford and M.Sullivan, 1977), quasi-experimental plan before and after. Results. There exist statistically meaningful differences by scales: self-motivation, others' emotions recognition and by subtests "stories with endings" and "expression groups" "before" and "after" the impact.

Keywords: education, emotional intelligence, emotions regulation, primary school age, social intelligence.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Целью данного исследования, является изучение влияния различных форм обучения на умения регулировать эмоции у детей младшего школьного возраста. В настоящее время существует большое количество программ для развития эмоционального интеллекта взрослых в системе неформального обучения. Однако, проблема более актуальна для детей младшего школьного возраста, поскольку большинство образовательных программ не учитывают развитие эмоциональных факторов младших школьников. Методом исследования являются самооценочные измерения: шкалы эмоционального интеллекта (Н.Холл, 2001[21]), исследования социального интеллекта (Дж. Гилфорда и М. Салливен, 1977 [16]). Существуют статистически значимые различия по шкалам: самомотивация, распознавание эмоций других людей и по субтестам «истории с завершением» и «группы экспрессии» «до» и «после» воздействия. Существует потребность в дальнейшем исследовании этого феномена. Развитие

эмоционального интеллекта может рассматриваться как значимый фактор повышения психологической культуры общества в целом. Развитие эмоционального интеллекта у детей младшего школьного возраста при неформальных методах обучения способствует не только нравственному развитию детей, но и их академическим успехам.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ /

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

В настоящее время все больше вызывает интерес проблема связи чувств и разума, эмоционального и рационального, их взаимодействия и взаимовлияния. В младшем школьном возрасте эмоциональное развитие опережает интеллектуальное. Именно поэтому одним из самых острых вопросов обучения младших школьников является проблема нравственных представлений личности и развития гуманных чувств.

В психологии выделяют несколько ведущих моделей эмоционального интеллекта (ЭИ): модель эмоционально-интеллектуальных способностей Майера Дж., Сэловея П., Карузо Д.; модель эмоциональной компетентности Гоулмена Д.; некогнитивная модель эмоционального интеллекта Бар-Она Р.; двухкомпонентная модель эмоционального интеллекта Люсина Д. Содержательной [8] характеристикой эмоционального интеллекта, которая объединяет перечисленные модели, является совокупность способностей к пониманию и управлению собственными эмоциями, пониманию и управлению эмоциями других людей.

Развитие эмоционального интеллекта рассматривается в основном в двух аспектах: изучение онтогенетических изменений в способности к пониманию и управлению эмоциями и, в контексте целенаправленного (неформальное обучение) действия на развитие отдельных сторон ЭИ. К наиболее перспективным сферам развития способностей эмоционального интеллекта относятся образование, организационная психология, геронтопсихология, современные информационные технологии. [3]

В младшем школьном возрасте эмоциональный интеллект возникает на основе отношений детей между собой и со взрослыми. Общеизвестно, отношение «Я-Ты» является генезису личности, а чувства дают начальную целостность человеческого существа [15]. Первые социальные формы личности — это сентиментальные (чувственные) формы. Эти формы становятся регуляторами действия. Таким образом, становление человека возможно только во взаимодействии с другим людьми, где развитие социальных и индивидуальных тенденций осуществляется параллельно. Следует отметить, что в этом развитии акцент делается на эмоциональное и интеллектуальное восприятие людьми друг друга, и затем, на доминанту человека по образу другого. Все это возможно в младшем школьном возрасте благодаря развитию социальных эмоций, сопереживания и сочувствия. Именно в этом возрасте складываются основные этические инстанции, оформляются и укрепляются индивидуальные варианты отношения к себе и к другому. Это позволяет ребенку младшего школьного возраста принимать и воспринимать чужие трудности и радости как свои.

Внедрение программ по развитию эмоциональной компетентности в школьную практику сталкивается со скептицизмом педагогов, которые считают, что основная цель школы - давать академические знания. Однако в настоящее время идея развития эмоциональной компетентности у детей находит все больше сторонников.

При проведении исследования было выдвинуто предположение, что формирование навыков регулирования эмоций, начиная в младшем школьном возрасте в системе неформального образования, способствует нравственному развитию ребенка, его успехам в учебе и влияет на дальнейшее жизни.

Метод.

Участники исследования. Выборку составили 30 детей младшего школьного возраста (7-9 лет), в течение семестра проводились дополнительные занятия на принципах неформального обучения.

Методики: методика определение уровня эмоционального интеллекта (Н.Холл, русскоязычная адаптация Ильин 2001 г[21]).

Степень согласия с каждым из утверждений оценивалась от полностью не согласен (-3 балла) до полностью согласен (+3 балла).

Методика является опросной, состоит из 5 шкал, в каждую шкалу входит по 6 вопросов.

«Эмоциональная осведомленность». Например, «Я способен наблюдать изменение своих чувств»;

«Управление своими эмоциями» - «Я слежу за тем, как я себя чувствую»;

«Самомотивация»- «Я могу легко отбросить негативные чувства, когда необходимо действовать»;

«Эмпатия» - «Я способен выслушивать проблемы других людей»;

«Распознавание эмоций других людей» -«Я способен улучшить настроение других людей».

Вторая методика: исследование социального интеллекта Дж.Гилфорда и М. Салливен (Русскоязычная адаптация выполнена Е. С. Михайловой (Алешиной) на основе французской адаптации 1977 года[12]).Методика представляет собой стандартизированные тесты, направленные на диагностику социального интеллекта различных аспектов, способности понимать и прогнозировать поведение людей в разных житейских ситуациях, распознавать намерения, чувства и эмоциональные состояния человека по невербальной и вербальной экспрессии.Методика включает четыре субтеста:

«Истории с завершением» -В субтесте используются история, основанная на первой картинке, изображающей действия персонажей в определенной ситуации. Необходимо найти среди трех других картинок ту, которая показывает, что должно произойти после ситуации, изображенной на первой картинке, учитывая чувства и намерения действующих лиц.

«Группы экспрессии» - состоит из картинок, изображающих невербальную экспрессию: мимику, позы, жесты. Испытуемый должен среди четырех картинок, расположенных справа, найти ту, которая выражает такие же мысли, чувства, состояния человека, что и картинки слева.

«Вербальная экспрессия»- предьявляется фраза, которую один человек говорит другому в определенной ситуации. Испытуемый должен среди других трех заданных ситуаций общения найти ту, в которой данная фраза приобретет другое значение, будет произнесена с другим намерением.

«Истории с дополнением» - В субтесте появляются персонажи с историями, каждая состоит из четырех картинок, одна из них всегда пропущена. Необходимо понять логику развития, сюжет истории и среди четырех других картинок, предлагаемых для ответа, найти пропущенную.

Методом подсчета и обработки статистических данных использовался t-критерий Стюдента, а также программа STATISTICA 6.0.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Результаты исследования. Существуют статистические значимые различия по шкалам: самомотивация, распознавание эмоций других людей и по субтестам «истории с завершением» и «группы экспрессии» «до» и «после» воздействия.

По подсчетам полученных данных можно отметить статистические различия между выборкой до проведения неформальной формы обучения и после нее.

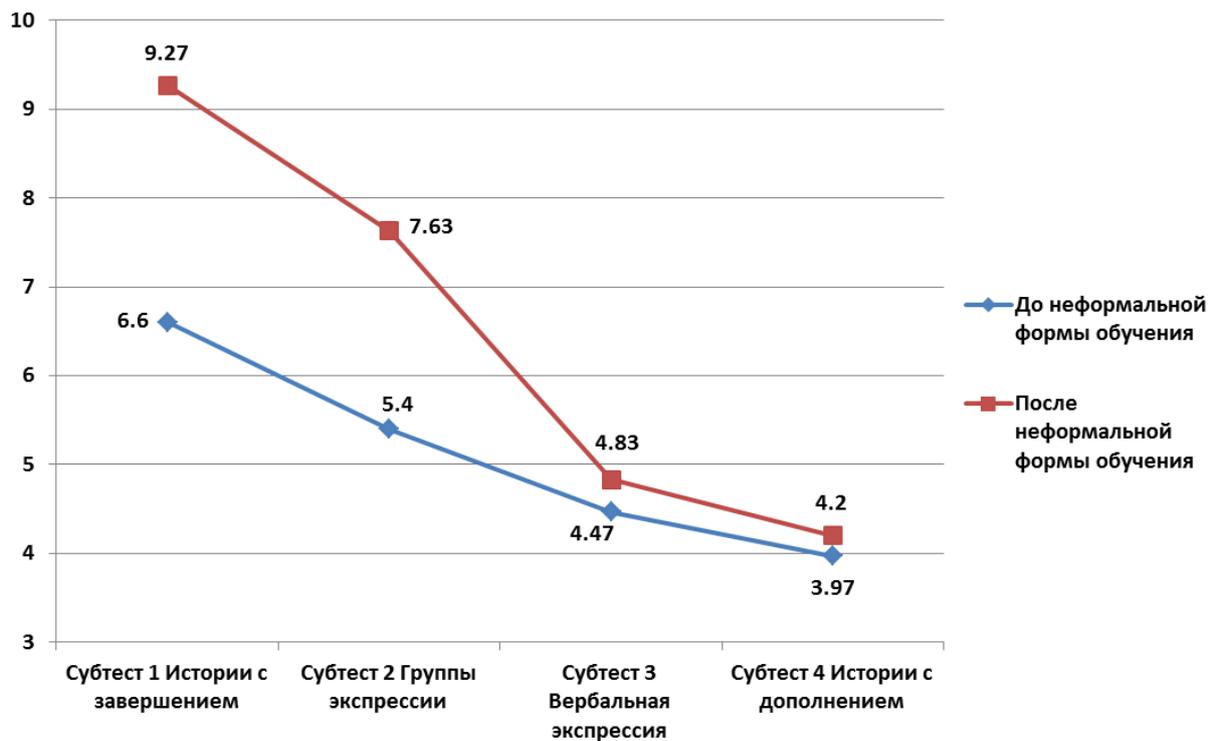

График 1. Общий показатель по 4 субтестам, методики Гилфорда

Таб. 1. Показатели исследования по методике Гилфорда по двум шкалам (субтеста): "Истории с завершением" и "Группы экспрессии".

	Среднее до неформальной формы обучения	Среднее после неформальной формы обучения	Значение t-критерия студента	Уровень значимости
Субтест 1 Истории с завершением	6,60	9,27	-5,22	0,0000
Субтест 2 Группы экспрессии	5,40	7,63	2,53	0,0079
Субтест 3 Вербальная экспрессия	4,47	4,83	-0,96	0,3424
Субтест 4 Истории с дополнением	3,97	4,20	0,46	0,6486
Общий показатель	20,90	26,37	-2,56	0,0051

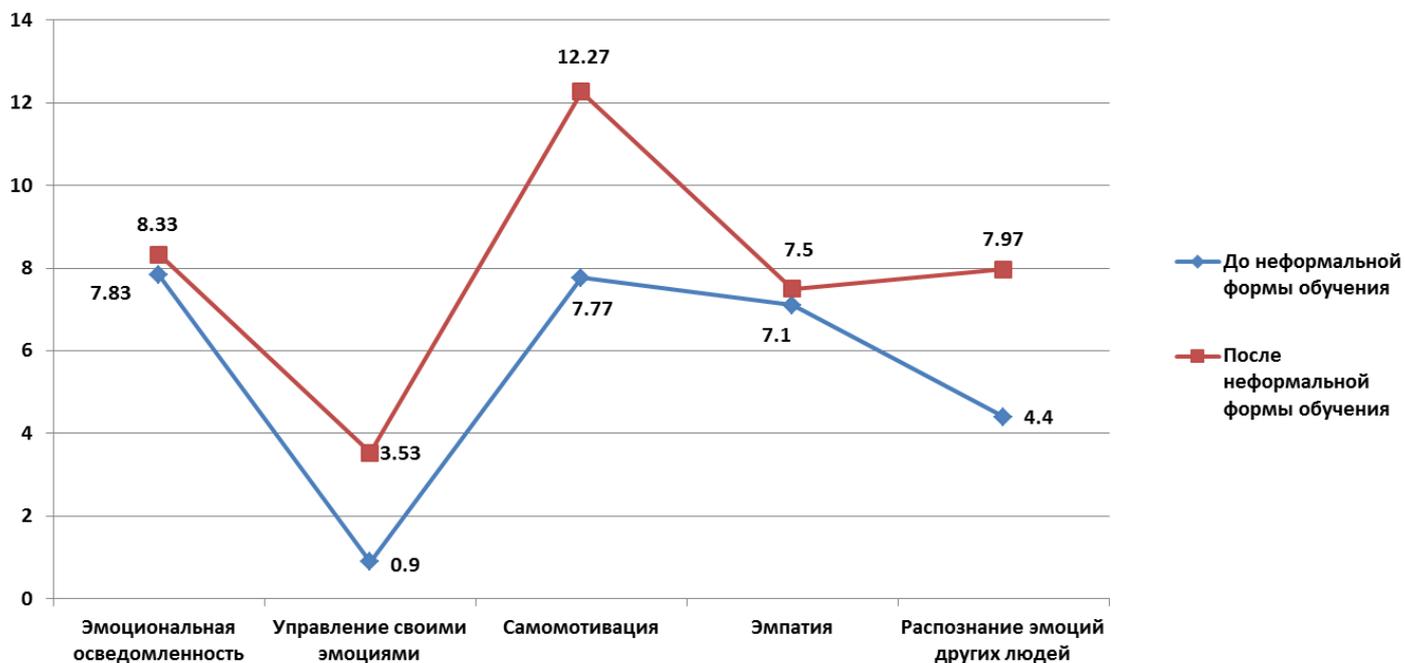

График 2. Общий показатель по 4 субтестам, методики Гилфорда

Общий показатель по всем четырем субтестам говорит, что только 2 субтеста имеют более или менее большое количество баллов. Это Субтесты «истории с завершением» и «группы экспрессии». С точки зрения выполнения регулирующей функцию в межличностном общении, все показатели показывают социальную адаптацию личности, «гладкость в отношениях с людьми». Уровень развития социального интеллекта в большей степени определяет успешность адаптации к различным ситуациям.

	Среднее до неформальной формы обучения	Среднее после неформальной формы обучения	Значение t-критерия студента	Уровень значимости
Эмоциональная осведомленность	7,83	8,33	-0,34	0,7337
Управление своими эмоциями	0,90	3,53	1,52	0,1330
Самотивация	7,77	12,27	-2,09	0,0285
Эмпатия	7,10	7,50	0,26	0,7985
Распознавание эмоций других людей	4,40	7,97	2,04	0,0352
Основной показатель	30,60	37,00	2,07	0,0264

По данной методике две шкалы из пяти изменились по показателям после проведения неформальной формы обучения. Значительные различия получили шкалы «самотивации» и «распознавание эмоций других людей».

Распознавание эмоций других людей и самотивация имеют высокий показатель. Такое различие показывает, что при регулировании и объяснении ребенку различных ситуаций он учится распознавать различные эмоции, анализировать их. Распознавание эмоций других людей помогает в налаживании контактов, особенно с детьми в таком возрасте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

В данной работе исследовалась возможность формирования навыков регулирования эмоций у детей в системе традиционных и неформальных формах обучения. Как независимая переменная регулирования была выбрана неформальная форма обучения для детей по определенным видам деятельности. Было предположено, что признаки эмоционального интеллекта будут меняться под влиянием проведенной неформальной учебы.

Ссылаясь на результаты исследования, можно отметить, что в школе и других учебных заведениях необходимо проводить обучение, направленное на развитие эмоционального интеллекта. Такое эмоциональное образование может осуществляться через неформальное обучение, создание определенного психологического климата, привлечение учащихся, учителей и родителей в совместную деятельность. Понимание себя и других, умение использовать эти знания для решения проблем, является основой успешного обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Балакирева Т.С. *Эмоции и дети – комплексные занятия педагога-психолога // Дошкольное воспитание*. 2005.
2. Белобрыкина О.А. Психологическая диагностика самооценки детей старшего дошкольного возраста. – Новосибирск: ГЦРО, 2000.
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Прогресс, 1986.
4. Вимонас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М., 1984.
5. Выготский Л.С. Эмоции и их развитие в детском возрасте // Собр. соч., т. 2. – М., 1982.
6. Данилина Т.А. В мире детских эмоций: Пособие для практических работников ДОУ, – М.: Айрис-пресс, 2004.
7. Деятельность и взаимоотношения дошкольников / под ред. Т.А. Репиной. – М., 1988.
8. Загвоздкин В.К. Эмоциональный интеллект и его развитие в условиях семейного воспитания // Управление ДОУ. 2008. № 4.
9. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М., 1986.
10. Изард К. Эмоции человека: [Пер. с англ.] /Под ред. Л.Я. Гозмана, М.С.Егоровой; Вступительная статья А.Е. Ольшанниковой. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
11. Костина Л.М. Игровая терапия с тревожными детьми. – СПб.: Речь, 2001.
12. Котова Е.В. В мире друзей: Программа эмоционально-личностного развития детей. – М.: ТЦ СФЕРА, 2007.
13. Лебеденко Е.Н. Развитие самосознания и индивидуальности. Выпуск 1. Какой Я? Методическое руководство. – М.: Прометей; Книголюб, 2003.
14. Лидак Л. Сюжетно-ролевые игры в развитии навыков общения ребенка со сверстниками // Дошкольное воспитание, № 7, 1990.
15. Минаева В.М. Развитие эмоций дошкольников. Занятия. Игры. Пособие для практических работников дошкольных учреждений. – М.: АРКТИ, 2001. – 48с.
16. Михайлова Е.С. Методика исследования социального (Адаптация теста Дж.Гилфорда и М. Салливан) [Текст] / Михайлова Е.С.: — СПб., 1996. — 53 с.

17. Нгуен М.А. Психологические предпосылки возникновения эмоционального интеллекта в старшем дошкольном возрасте // Культурно-историческая психология. 2007. №3.
18. Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка. С-Пб, 2002.
19. Общение детей в детском саду и семье / Под ред. Т.А. Репиной, Р.В. Стеркиной. – М., 1990.
20. Орме Г. Эмоциональное мышление как инструмент достижения успеха. М., 2003.
21. Фетискин Н.П., Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп [Текст]/ Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. - М., Изд. Институт Психотерапии, 2002. — 359с.

Связь между удовлетворенностью жизнью, здоровьем и патологическими личностными чертами

Светлана Евлампиева,

Латвия, Балтийская Международная академия,

Рига, магистратура психология,

svetlana.evlampieva@inbox.lv

Научный руководитель: доктор психологии Елена Колесникова

АННОТАЦИЯ

Цель: исследовать связь между характерными патологическими чертами личности, удовлетворенностью жизнью и состоянием здоровья у наркозависимых людей. Участники: 30 человек, 26-49 лет (M=35). Методика: Клинический многофакторный личностный опросник. Результаты: получены статистически значимые связи между характерными патологическими чертами личности, удовлетворенностью жизнью и состоянием здоровья у людей, зависимых от ПАВ.

Ключевые слова: наркотическая зависимость, удовлетворенность жизнью, черты личности.

ABSTRACT

The aim: research of the relationship between the characteristic pathological personality traits, life satisfaction and the state of health of people addicted to psychoactive substances. Participants: 30, aged 26-49 years (M=35). Method: Clinical multivariate personal questionnaire. Results: found the statistically significant relationships between the characteristic pathological personality traits, life satisfaction, and health statement.

Keywords: drug addiction, life satisfaction, personality traits.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Актуальность исследования обусловлена важностью проблемы наркотической зависимости в современном мире и Латвии в частности. По сведениям Госполиции Латвии, с начала 1990-х годов более чем в 10 раз увеличилось число преступлений, связанных с наркотическими средствами. Около 60% людей, отбывающих наказание в тюрьмах Латвии – зависимые от наркотиков [4]. Наркотическая зависимость непосредственным образом связана с качеством жизни и удовлетворенностью жизни [7], что проявляется во многих сферах: в частности, в состоянии их здоровья [14], в их личной и семейной жизни [8,10,11]. Цель данной работы: исследовать связь между характерными патологическими чертами личности, удовлетворенностью жизнью и состоянием здоровья у людей, зависимых от психоактивных веществ. Исследовательские вопросы: «Какие черты личности связаны с показателями удовлетворенности собственной жизнью у людей, зависимых от психоактивных веществ» и «Как и в какой степени патологические черты личности связаны с показателями удовлетворенности человека состоянием собственного здоровья?» Метод: "Клинический многофакторный личностный опросник" ("Klīniskā personības daudzfaktoru aptauja", Dr.psych. V. Perepjolkina; Dr.psych. J. Koļesņikova; Dr. psych., K. Mārtinsons; Dr.med. A. Stepens).

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ

Теоретическим обоснованием данного исследования явились психологические подходы к пониманию патологических черт личности, удовлетворенностью жизнью и состоянием здоровья у людей, зависимых от психоактивных веществ (ПАВ). Исследования показывают, что наркотическо-зависимые люди ниже оценивают качество собственной жизни, включая состояние собственного здоровья [7,16]. Психологические исследования личности зависимых людей охватывают различные направления, среди которых: особенности их черт характера [1,3], исследования, посвященные изучению расстройств личности зависимых, влияние психогенных факторов [6,] особенности межличностных отношений [6,] исследования, посвященные вопросу изменений личности зависимых после реабилитации [4, 13].

В большинстве случаев у зависимых от психоактивных веществ людей вне зависимости от их возраста выявляются симптомы, которые можно отнести к личностным расстройствам [4,]; личностные расстройства и проявления патологических черт у наркозависимых оказывают влияние на всю их жизнедеятельность, разрушая важнейшие сферы, в том числе влияют на отношения с близкими, где проявляется насилие и жестокость [3,8,11]. В свою очередь у людей, живущих с зависимым, наблюдается созависимое поведение и потеря индивидуальности [15]; наблюдается динамика выраженности определенных расстройств личности (в первую очередь, антисоциального и десоциализации) по мере продолжительности приема психоактивных веществ. Чем дольше индивид является зависимым, тем более выраженными являются патологические черты [2];

Зависимость от ПАВ непосредственным образом связано с качеством жизни [7]. Качество жизни и удовлетворенность жизнью у зависимых людей проявляется во многих сферах: в профессиональной, в семейной жизни, в состоянии их здоровья [14]. В сравнительном исследовании М. Хоссейнбор с коллегами [10] на выборке 228 человек показано, что в семьях людей, страдающих зависимостью, наблюдается низкая способность решать проблемы, чаще возникают трудности коммуникации (деструктивные формы общения), происходит смешение ролей, снижено эмоциональное участие, наблюдается повышенный поведенческий контроль [10]. При этом, учитывая факторы формирования зависимости трудно определить, что первично – зависимость одного из членов семьи, выступающая проблемой, и нарушающая функционирование семьи как системы, или напротив, деструктивные паттерны семейной коммуникации, изначальное смешение ролей, созависимое поведение других членов семьи и пр. ведут к развитию и укреплению зависимого поведения. Опираясь на проведенный анализ научных материалов, можно сделать вывод о существовании взаимосвязи [5,9].

Удовлетворенность жизнью часто связывают с психологическим (или субъективным благополучием) и рассматривают в качестве важного условия психологического и психического здоровья, а также имеющего связь с физическим здоровьем [5,9,10]. И хотя в короткой перспективе не всегда негативное эмоциональное состояние проявляется в проблемах со здоровьем, и напротив, позитивное состояние отражается на позитивном изменении физического состояния человека, в длительной перспективе жизненная неудовлетворенность является важным фактором повышения риска заболеваемости, нетрудоспособности и смертности [12].

Де Маейре с коллегами на выборке из 159 человек показали, что наркотическо-зависимые люди имеют более низкий показатель качества жизни по сравнению со здоровыми людьми, а также с людьми, имеющими иные заболевания [7]. К таким же выводам пришли в своем недавнем исследовании М. Салмади с коллегами [16], которые на выборке n=200 человек выявили значимые различия в их психологическом благополучии и оценке качества жизни. Таким образом, патологические черты личности у зависимых людей непосредственным образом влияют на качество их жизни и удовлетворенность ею.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS / REZULTĀTI

Анализ результатов исследования установил отрицательные статистически значимые связи людей между удовлетворенностью здоровьем и некоторыми чертами характера зависимых от ПАВ людей. Результаты показали, что удовлетворенность здоровьем имеет отрицательную значимую связь с лживостью ($r = -.43; p < 0,05$), недостатком упорства ($r = -.52; p < 0,01$), нерешительностью ($r = -.40; p < 0,05$), эмоциональной скупостью ($r = -.37; p < 0,05$), негативизмом ($r = -.48; p < 0,01$), эмоциональной лабильностью ($r = -.43; p < 0,05$), склонностью к диссоциации ($r = -.52; p < 0,01$), агрессивностью ($r = -.45; p < 0,05$), подозрительностью ($r = -.43; p < 0,05$), психотизмом ($r = -.51; p < 0,01$), замкнутостью ($r = -.40; p < 0,05$), покорностью ($r = -.45; p < 0,05$), интроверсией ($r = -.51; p < 0,01$), избеганием близости ($r = -.40; p < 0,05$), ранимостью ($r = -.41; p < 0,05$), импульсивностью ($r = -.42; p < 0,05$), необычностью восприятия ($r = -.40; p < 0,05$). Чем выше удовлетворенность здоровьем, тем в меньшей степени выражены данные черты.

Установлены отрицательные статистически значимые связи у зависимых от психоактивных веществ людей между удовлетворенностью жизнью и некоторыми личностными чертами. Определено, что удовлетворенность жизнью имеет значимую отрицательную связь с необычностью восприятия ($r = -.42; p < 0,05$), что значит, чем больше выражена удовлетворенность жизнью у зависимых от психоактивных веществ людей, тем меньше необычность восприятия; а также удовлетворенность жизнью имеет значимую связь с ограниченной эмоциональностью ($r = -.38; p < 0,05$), что значит, чем больше выражена удовлетворенность жизнью у зависимых от психоактивных веществ людей, тем меньше ограниченная эмоциональность.

Данные результаты созвучны с исследованиями, которые проводились в других странах, где патологические черты личности у зависимых людей связаны с качеством их жизни и удовлетворенностью [7]. Удовлетворенность жизнью рассматривают в качестве важного условия психологического, психического и физического здоровья. Жизненная неудовлетворенность так же может стать риска фактором заболеваемости и смертности [12].

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

Проведенное исследование позволило изучить связь между характерными патологическими чертами личности, удовлетворенностью жизнью и состоянием здоровья у людей, зависимых от психоактивных веществ. Такие личностные черты как: необычность восприятия и ограниченная эмоциональность имеют значимую отрицательную связь (на уровне $p < 0,05$) с удовлетворенностью жизнью у зависимых от психоактивных веществ людей. Такие личностные черты как: поспешность, лживость, недостаток упорства, негативизм, ранимость, нерешительность, склонность к диссоциации, агрессивность, импульсивность, эмоциональная лабильность, бессердечность, эмоциональная лабильность, депрессивность, тревожность, несдержанность, ограниченная эмоциональность, покорность, зависимость, замкнутость, избегание близости, интроверсия, необычность восприятия, подозрительность и психотизм имеют значимую отрицательную связь (на уровне $p < 0,01$ и $p < 0,05$) с удовлетворенностью здоровьем у зависимых от психоактивных веществ людей.

Полученные результаты позволяют сформулировать практические рекомендации, которые в первую очередь могут быть адресованы психологам и социальным работникам, работающим с зависимыми людьми (в клиниках, реабилитационных и кризисных центрах). Основываясь на проведенном исследовании, можно рекомендовать использование для диагностики клиентов "Клинический многофакторный личностный опросник", позволяющий обратить внимание на выраженность тех черт характера, которые способствуют развитию зависимости и снижают личностные ресурсы для преодоления зависимого поведения. Профилактическая и коррекционная работа может быть направлена на повышение личной ответственности клиентов, их уровня осознанности, снижения стремления к риску (и саморазрушению), повышение их удовлетворенности жизнью в целом, обретения жизненного смысла (как фактора удовлетворенности) и более осознанное и внимательное отношение к своему здоровью. Такая работа может включать как

индивидуальную, так и групповую форму, а также вовлечение клиентов в мероприятия, направленные на поддержания их физического здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS SARAKSTS UN AVOTU SARAKSTS

1. Albein-Urios, N., Pilatti, A., Lozano, Ó., Martínez-González, J. M. Verdejo-García, A. (2014). The value of impulsivity to define subgroups of addicted individuals differing in personality dysfunction, craving, psychosocial adjustment, and wellbeing: A latent class analysis. *Archives of Clinical Neuropsychology*, Vol 29(1), Feb, 2014 pp. 38-46.
2. Angres, D., Bologeorges, S., Chou, J. (2013). A two year longitudinal outcome study of addicted health care professionals: an investigation of the role of personality variables. *Substance Abuse: Research And Treatment [Subst Abuse]*, ISSN: 1178-2218, 2013; Vol. 7, pp. 49-60
3. Arteaga, A., López-Goñi, José J.; Fernández-Montalvo, J. (2015). Differential profiles of drug-addicted patients according to gender and the perpetration of intimate partner violence. *Drug and Alcohol Dependence*, Vol 155, Oct 1, 2015 pp. 183-189. Publisher: Elsevier Science; [Journal Article], Database: PsycINFO
4. Centrālā Statistiska Pārvalde. - <http://www.csb.gov.lv> [дата обращения: 02.05.17].
5. Bray I, Gunnell D. (2006) Suicide rates, life satisfaction and happiness as markers for population mental health, *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol*. Vol. 41 (pg. 333-7)
6. Brents, L. K., Tripathi, S. P., Young, J. J., Kilts, C. D. (2015). The role of childhood maltreatment in the altered trait and global expression of personality in cocaine addiction. *Journal of Psychiatric Research*, Vol 64, May, 2015 pp. 23-31.
7. De Maeyer, J., Vanderplasschen, W., & Broekaert, E. (2010). Quality of life among opiate-dependent individuals: A review of the literature. *International Journal Of Drug Policy*, 21(5), 364-380. doi:10.1016/j.drugpo.2010.01.010
8. Fernandez-Montalvo, J., Lopez-Goni, J. J., Arteaga, A. (2012). Violent Behaviors in Drug Addiction: Differential Profiles of Drug-Addicted Patients with and without Violence Problems. *Journal of Interpersonal Violence*, v27 n1 p142-157 Jan 2012.
9. Horley J. (2004) Life satisfaction, happiness and morale: two problems with the use of subjective well-being indicators, *Gerontologist*. Vol. 24 (pg. 124-7)
10. Hosseinbor, M., Bakhshani, N.M., Shakiba, M, (2012) Family functioning of addicted and non-addicted individuals: a comparative study. *International Journal Of High Risk Behaviors & Addiction [Int J High Risk Behav Addict]*, ISSN: 2251-8711. Vol. 1 (3), pp. 109-14
11. Karow, A., Verthein, U., Krausz, M., Schäfer, I. (2008). Association of personality disorders, family conflicts and treatment with quality of life in opiate addiction. *European Addiction Research*, Vol 14(1), Jan, 2008 pp. 38-46.
12. Koivumaa-Honkanen, H., Koskenvuo, M., Honkanen, R. (2004). Life dissatisfaction and subsequent work disability pension in an 11-year follow-up, *Psychol Med*. Vol. 34 (pg. 221-8)
13. Kolesnikova, J., Miežitis, S., Osis, G. (2013). Relationship of drug-addicted patients' personality disorders to social problem-solving changes during the rehabilitation process. *Nordic Journal of Psychiatry*, Vol 67(4), Aug, 2013 pp. 282-288.
14. Morgan, T.J., Morgenstern, J., Blanchard, A.K., Labouvie, E., Bux, A.D. (2003). Health-related Quality of Life for Adults Participating in Outpatient Substance Abuse Treatment. *The American Journal on Addictions*. ISSN: 1055-0496 Vol. 12, 2003 pp. 198-210
15. Panaghi, L., Ahmadabadi, Z., Khosravi, N., Sadeghi, M.S., Madanipour, A. (2016). Living with Addicted Men and Codependency: The Moderating Effect of Personality Traits. *Addiction & Health [Addict Health]*, ISSN: 2008-4633, 2016 Apr; Vol. 8 (2), pp. 98-106.

16. Salmabadi, M., Sadeghbojd, M., Farshad, M., Zolfaghari, S. (2016). Comparing the Spiritual Health and Quality of Life in Addicted and Non-Addicted Patients in the City of Birjand, Iran. *International Journal Of High Risk Behaviors & Addiction [Int J High Risk Behav Addict]*, ISSN: 2251-8711, 2016 Jan 30; Vol. 5 (1), pp. e23208

Attieksmes pret kriminālo vardarbību un piesaistes stilu sakarības izpēte

Rita Kalniņa, Ilze Skrinda, Latvija

Baltijas Starptautiskā Akadēmija,

Augstākās profesionālās izglītības studiju programma

«Psiholoģija» maģistrantūra 2. kurss,

redaktors@strops.lv

Mag.psych. Laura Šimane-Vīgante

ANOTĀCIJA

Kriminālā vardarbība ir aktuāla problēma, neskatoties uz to, ir salīdzinoši maz pētījumu, kas aplūkotu attieksmes pret kriminālo vardarbību un piesaistes stilu saiknes izpēti. Pastāv daudz pētījumu, kas apliecina implicīto un eksplicīto attieksmju ietekmi uz uzvedību, piemēram- kriminālo, kā arī ir salīdzinoši nedaudz pētījumu par nedrošo piesaistes stilu saistību ar kriminālo vardarbību. Pētījumos konstatēts, ka indivīdi ar nedrošu piesaistes stilu biežāk kļūst par vardarbības upuriem, kā arī biežāk iesaistās vardarbīgā uzvedībā, nespējot kontrolēt savas emocijas, risināt konfliktus un izjust emocionālu tuvību ar citiem. Arī attieksmes pret kriminālo vardarbību spēlē nozīmīgu lomu vardarbīgas uzvedības realizēšanā. Implicītās attieksmes ir automātiskas, nekontrolētas un neapzinātas, un ir impulsīvas uzvedības pamatā. Implicītais Asociatīvais tests ir viena no efektīvākajām metodēm, ar kuras palīdzību var konstatēt implicīto attieksmju pret vardarbību spēku un izmērīt notiesāto resocializāciju programmu efektivitāti. Šī raksta mērķis ir analizēt psiholoģijas teorijas un zinātniskos pētījumus, kas ir veltīti attieksmes pret kriminālo vardarbību un piesaistes stilu sakarības izpētei.

Atslēgas vārdi: Attieksme, implicītā attieksme, kriminālā vardarbība, piesaistes stils.

ABSTRACT

Criminal violence is an important problem, yet there are not many researches investigating attitudes towards Criminal violence with connection to Attachment styles. Many researches has been executed studying impact of implicite and explicite attitudes on behavior, for example, Criminal behavior, and too few studies has highlited connection between attachment style and Criminal violence. Results of the researches has showed, that individuals with unsecure attachment style are more likely to express violent behavior in close relationships, unable to control emotions, manage conflicts and are incapable of emotional intimacy. These individuals are inclined to become victims of violence. Attitudes play significant part in violent behavior. Implicite attitudes are automatic, uncontrolled and unconscious and will manifest in impulsive behavior. Implicite Associative test is one of the most effective methods to define the strenght of implicite attitudes towards violence, and measure the effectiveness of resocialisation programmes of convicts. This article aimed to analyse Psychology theories and scientific researches regarding connection between Criminal violence and Attachment style.

Key words: Attitude, implicite attitude, criminal violence, attachment style.

IEVADS / INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ

Neskatoties uz tehnoloģisko progresu un dzīves līmeņa celšanos attīstītajās valstīs, tai skaitā arī Latvijā, vardarbības problēma un tās aktualitāte nav zudusi.

Vardarbības līmeni var samazināt, samazinot recidīva (atkārtoti izdarītu noziegumu) skaitu, ko varētu panākt attīstot un pilnveidojot resocializācijas programmas. Programmas efektivitātes mērīšanai nepieciešami efektīvi un validi instrumenti. Šajā rakstā ir analizēta literatūra, kas izskaidro kriminālās vardarbības, attieksmju (implicītās un eksplīcītās) un piesaistes stilu jēdzienu nozīmi, veidošanos un saikni.

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Literatūrā ir atrodamas dažādas vardarbības klasifikācijas. Vardarbība tiek definēta kā visnopietnākā fiziskā vai nefiziskā agresija, ar mērķi radīt nopietnu fizisku vai psiholoģisku kaitējumu (APA Dictionary of Psychology, 2015).

Kriminālā vardarbība ir tāda vardarbība, kas ir pretrunā likumdošanai. Ja nepastāvētu likumdošana, tad vardarbību varētu būt klasificēta kā amorāla, ievainojoša, demoralizēta, bet tā nebūtu krimināla (Riedel & Welsh, 2011).

Vardarbības teorijas pamatā iedalās divās kategorijās,

- vardarbība kā indivīdabības stāvoklis (ieskaitot psihobioloģiskās (smadzeņu traumas, hormonālas novirzes utml.) un temperamenta noslieces un predispozīciju; un vardarbību kā instinktu);
- vardarbība kā bojātas psihs konsekvence (ieskaitot piecus savstarpēji saistītus procesus: pašregulācija, piesaiste un attiecības, kauna loma, sevis koncepts un pašcieņa; kognitīvi – biheiviorālā apstrāde)(King B., 2012).

Attieksmes ir objekta novērtējums, tās var izpausties plašā spektrā - sākot no galējinegatīvas līdz ļoti pozitīvai. Attieksme ir asociācija starp psiholoģisku objektu un šī objekta novērtējumu (Fazio, 2013). Ir konstatēts, ka cilvēkiem var būt savstarpēji konfliktējošas attieksmes, vienlaicīgi esot gan pozitīvai, gan negatīvai attieksmei pret vienu un to pašu objektu. (Wood, 2000). Klasiskais trīspusējais skats, ko piedāvā Rosenbergs un Hovland (1960), ir tāds, ka attieksme ietver sekojošas sastāvdaļas - kognitīvās, afektīvas un uzvedības komponentes. Attieksmes sastāv no tā, ko cilvēks jūt pret attieksmes objektu, ko par to domā un ko grasās darīt attiecībā uz objektu.

Eksplīcītā attieksme, savukārt, ir apzināti un prāta kontrolēti vērtējumi pret attieksmes objektu, sevi vai kādu konceptu. Šīs attieksmes cilvēks var apzināti veidot un izpaust, sevi izglītojot un adaptējot situācijām. Eksplīcītās attieksmes izpaudīsies apdomātas uzvedības pamatā, turpretī Implicītās attieksmes izpaudīsies spontānas, neapdomātas rīcības pamatā (Gawronski; Hofmann; Wilbur, 2006).

Implicītās attieksmes - introspektīvi neidentificētas (vai kļūdaini identificētas) iepriekšējās pieredzes pēdas, kas veicina labvēlīgu vai nelabvēlīgu sajūtu, domāšanu vai rīcību pret sociāliem objektiem (Greenwald & Banaji, 1995) Šīs domas, jūtas vai darbības ietekmē indivīda uzvedību, turklāt indivīds var to neapzināties (Gawronski, et. al. 2006). Pētot attieksmes zinātnieki konstatēja, ka bieži vien implicīto pētījumu rezultātos iegūtie attieksmju mērījumi atšķirās no tiem, kurus dalībnieki sniedza pašvērtējumu testos (Petty, Fazio, & Briñol, 2009). Kā vienu no piemērotākajām un ticamākajām metodēm, lai pētītu attieksmes, atzīst Implicīto Asociāciju testu (IAT) (Greenwald et al., 1998); šī metode ir spējīga izmērīt procesus, kas netiek atspoguļoti parastos (pašvērtēšanas) testos, pierādot ļoti augstu paredzēšanas koeficientu (Greenwald et al, 2002).

Pro- kriminālās attieksmes (attieksmes, kas atbalsta kriminālu rīcību), vērtības un pārliecības ir tās, kas formē uzvedības standartus, un vērtējot indivīda uzvedību var konstatēt vai šie standarti ir noziegumam labvēlīgi vai nelabvēlīgi. Pro-noziedzīga uztvere arī ietver tādas negatīvus emocionālus stāvokļus kā aizvainojums un pāridarījums, kam ir ietekme uz paškontroli un var rezultēties kriminālā uzvedībā. Kad attieksmes, vērtības un pārliecības attiecībā pret noziegumiem ir izteikti labvēlīgas, viņu ietekme uz uzvedību kļūst relatīvi automātiska, neiesaistoties pašregulācijai, bez piepūles. Kriminālas uzvedības vēsture pastiprina

pašefektivitātes pārliecības par labu noziegumiem. Tā ir par pamatu tam, lai veidotots ieraduma (automātiska) noziedzīga atbilde uz ierosinājumu. Par labu noziedzīgai aktivitātei kalpo arī vāja paškontrolē (Bonta, Andrews, 2010).

Piesaistes teorija ir uzvedības sistēma, kas regulē piesaistes, bailes un izpēti. Bowlby (1984), definēja pieķeršanos kā jebkuru rīcību, kuras rezultātā persona panāk un uztur tuvumu ar subjektīvi nozīmīgu individu (Renn, 2006). Rens izvērš šo teoriju, apgalvojot, ka mīlestības un drošības kvalitāte, ko sniedz vecāks vai aprūpētājs, arī ir svarīga, lai palīdzētu kontrolēt konfliktu starp mīlestību un naidu. Viņš teoretizē, ka traumatisms zīdaiņa un aprūpētāja attiecībās var izraisīt agresiju, it īpaši emocionālu vardarbību (vardarbību, ko izraisa nespēja kontrolēt vai regulēt emocijas vai ietekmēt), kuru, pēc viņa domām, izraisa neregulēta nepareiza reakcija uz uztvertajiem draudiem pret sevi. Antisociālas personības iezīmes ir viens no kriminālās uzvedības priekšnosacījumiem (Cohen, 1955).

Nedrošas piesaistes stils arī var izraisīt vardarbību, it īpaši, ja pieredz to, ka piesaistes figūra pamet (kā tas ir vardarbības gadījumos ar intīmu partneri). Brauns (Brown, 2004) apgalvo, ka stresa izraisītājs var būt ne tikai pamešana, bet arī varmākas subjektīvā pieredze par piesaistes figūras nejutību, nereaģēšanu vai atbalsta trūkumu. Faktiskais noraidījums, neatkarīgi no tā, vai tas ir vecāku noraidījums, starppersonu noraidījums vai sociāls noraidījums, pamatojoties uz rasi vai seksuālo identitāti, ir saprasts kā savas identitātes noliegums. Atraidījums ģenerē kaunu un rada "trauksmi par psihisko iznīcināšanu", un vardarbība ir veids, kā pierādīt un atkārtoti apliecināt savu pastāvēšanu (Garbarino & Haslam, 2005, p. 449).

Latvijā nedaudz vairāk kā pirms 10 gadiem sāka pielietot implicīto mērijumu metodes, dr.psych., prof. Irina Plotka, dr.sc.ing., as.prof. Nina Blumenau and dr.psych. Dmitrijs Igoņins kopā ar saviem studentiem pētīja tādas attieksmes kā etniskās, pret spēļu atkarībām, brendu lojalitāti, agresīvu braukšanu, kā arī attieksmi pret vardarbību.

Šīmane-Vīgante ar kolēģiem 2014. gadā pētījumā izstrādāja instrumentāriju, kurš ļauj izpētīt attieksmi pret vardarbību implicītā līmenī, tika veikta arī pirmā lingvistiskā adaptācija analogiskajai metodes versijai eksplīcītās kriminālās attieksmes izmērīšanai "Kriminālās attieksmes pret vardarbību skala" (The Criminal Attitudes to Violence Scale, CAVs; (Polaschek D.L.L, Collie R.M., & Walkey F.H., 2004). un 3 neatkarīgas skalas antisociālu attieksmju diagnostikai. Implicītās attieksmes mērīšanai izmantoja izstrādāto eksperimentālo procedūru IAT - "Pašvardarbības skala" (SVS) un "Emocionālās reakcijas pārvaldīšanas skala" (WCER). Tika konstatēts, ka pastāv saikne starp pašvardarbību un sodāmību – pašvardarbība pieaug pēc nosodīšanas un pieaug ar katru nākamo nosodīšanu (Šīmane-Vīgante, Plotka & Blumenau, 2014).

2016. gadā Šīmane-Vīgante, Plotka un Blumenau veica pētījumu ar mērķi izziņāt attieksmi pret vardarbību noziedzniekiem. Kriminālās attieksmes pētīšanai tika izmantota speciāli izstrādātai IAT, kā arī "Kriminālās attieksmes pret vardarbību skala" (Polaschek et al 2004). Rezultātā pētījums parādīja atšķirību attieksmes pakāpē pret vardarbību ieslodzīto vidū, bijušo ieslodzīto un nekad nebijušu ieslodzījumā vīriešu vidū, kā eksplīcītā, tā arī implicītā līmenī. Ieslodzītajiem tika konstatēta nozīmīgi augstāka attieksme pret vardarbību nekā pārējiem grupas pētāmajiem. (Šīmane- Vīgante, Plotka, & Blumenau, 2016).

2017. gadā pētījumā Šīmane et al. pētīja kriminālās vardarbības, pieaugušo piesaistes stilu un personības iezīmju saistību par vardarbīgiem noziegumiem sodītiem vīriešiem, izmantojot IAT, lai mērītu attieksmes pret vardarbību un "Kriminālās attieksmes pret vardarbību skala", lai mērītu personības iezīmes – Aizenka Personības aptauja pārskatīta (Eysenck Personality Questionnaire Revised (EPQR-A)) un Nedrošā piesaistes stila aptauja (Vulnerable Attachment Style Questionnaire (VASQ)). Tika konstatēts, ka vardarbīgajiem ieslodzītajiem pārsvarā piemīt trauksmaini-ambivalentais tips. Tāpat tika konstatēts, ka pastāv saikne starp nedrošību un attieksmi pret vardarbību un neirotizmu un attieksmi pret vardarbību (Šīmane-Vīgante, Plotka, & Blumenau, 2017).

SECINĀJUMI / CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ

Lai izprastu procesus, kā tieši piesaistes stils var ietekmēt attieksmes pret kriminālo vardarbību, tika apskatītas piesaistes stila teorijas un tika konstatēts, ka piesaistes stils formē attieksmi pret sevi un nosaka to, kā indivīds turpmāk veidos savstarpējās attiecības, tai skaitā partnerattiecības un reaģēs

konfliktsituācijās. Pētījumos tika konstatēts, ka pastāv saikne starp nedrošu piesaistes stilu un kriminālo vardarbību, tai skaitā partneratiecībās (Fonagy et al., 1997; Higginbotham et al., 2007). Simourd un Olver (2002) skatījumā termina kriminālā attieksme ir krimināli orientētu attieksmju, vērtību, pārliecību un racionalizācijas kopums. Respektīvi - noziedzīgās pārliecības kalpo par pamatu kriminālās attieksmes izveidei (Simourd & Olver, 2002). Pastāv vēl pētījumi, kas norāda, ka attieksmes pret vardarbību, tai skaitā antisociāla attieksme var būt saistītas ar kriminālu uzvedību. Ir konstatēta saikne nedrošās piesaistes stilam ar antisociālu personību (Andrews, Bonta, 2010; Gendreau, Little, 1996; Mills, Kroner & Forth, 2002). Izmainot attieksmes ir iespējams izmainīt uzvedību, tai skaitā koriģēt kriminālo uzvedību (Andrews, Bonta, 2010).

Kā vienu no piemērotākajām un ticamākajām metodēm, lai pētītu attieksmes, atzīst Implicīto Asociāciju testu (IAT) (Greenwald et al., 1998); šī metode ir spējīga izmērīt procesus, kas netiek atspoguļoti parastos (pašnovērtēšanas) testos, pierādot ļoti augstu paredzēšanas koeficientu (Greenwald et al, 2002). Ar IAT iespējams ticami izmērīt resocializācijas programmas efektivitāti, konstatējot vai ir notikušas izmaiņas implicītajās attieksmēs pret kriminālo vardarbību programmu noslēdzot (Polaschek et al. 2004).

LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. APA Dictionary of Psychology, 2015.
2. Ainsworth, M. D. S., & Wittig, B. A. (1969). Attachment and exploratory behavior of one-year-olds in a strange situation. In B. M. Foss (Ed.), *Determinants of infant behavior* (Vol. 4, pp. 111-136). London: Methuen.
3. Ajzen, I. & Fishbein, M. (1980). *Understanding attitude and predicting social behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
4. Ajzen, I. (1991) The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50, 179–211.
5. Andrews D. A., Bonta J. (2010). *The psychology of criminal conduct* (5th ed.), Newark, NJ: LexisNexis, p.699.
6. Bowlby J. (1984). Violence in the Family as a Disorder as the Attachment and Caregiving Systems, *American Journal of Psychology*, 44(1), 9-27.
7. Bowlby J. (1988). *A Secure Base: Parent-child Attachment and Healthy Human Development*. New York: Basic Books.
8. Brown G.W., Bifulco A.T., Andrews B. (1990). Self-esteem and Depression: III. Aetiological Issues. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 25(5), 235–243.
9. Cohen A. K., (1955). *Delinquent boys; The culture of the gang*. New York, NY, US: Free Press.
10. Fazio, R. H., Olson M.A., 2013. "The MODE model: Attitude-Behavior Processes as a Function of Motivation and Opportunity." Chapter to appear in: Sherman, J. W., Gawronski, B., & Trope, Y. (Eds.) (in press). "Dual process theories of the social mind". New York: Guilford Press.
11. Fonagy P., Target M., Steele M., Steele H. (1997). The Development of Violence and Crime as it Relates to Security of Attachment. In J. D. Osofsky (Ed.), *Children in a Violent Society*. New York: Guilford Press, 150-177.
12. Garbarino J., Haslam R., (2005). Lost boys: Why our sons turn violent and how we can save them. Article in *Paediatrics & Child Health*. November. p. 449.
13. Gawronski, B.; Hofmann, W.; Wilbur, C. (2006). "Are "implicit" attitudes unconscious?". *Consciousness & Cognition*. 15: 485–499.
14. Gendreau P, Little T, Goggin C (1996) A meta-analysis of the predictors of adult offender recidivism: what works, *Criminology*, Vol. 34, pp. 575–607. Greenwald & Banaji, 1995.
15. Greenwald, Anthony G.; McGhee, Debbie E.; Schwartz, Jordan L.K. (1998), "Measuring Individual Differences in Implicit Cognition: The Implicit Association Test", *Journal of Personality and Social Psychology*, 74 (6): 1464–1480, doi:10.1037/0022-3514.74.6.1464, PMID 9654756 Greenwald et al, 2002).

16. Higginbotham B.J., Ketring S.A., Hibbert J., Wright D.W., Guarino A. (2007). Relationship Religiosity, Adult Attachment Styles, and Courtship Violence Experienced by Females. *Journal of Family Violence*, 22, 55-62.
17. Bryn King (2012) Psychological Theories of Violence, *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 22:5, 553-571, DOI: 10.1080/10911359.2011.598742.
18. Mills J.F., Kroner D.G., Forth, A.E. (2002). Measures of Criminal Attitudes and Associates (MCAA): Development, factor structure, reliability, and validity, *Assessment*, Vol. 9, pp. 240- 253
19. R. E. Petty, R. H. Fazio, & P. Brinol (Eds.) (2009), *Attitudes: Insights from the new implicit measures*. New York: Psychology Press.
20. Polaschek D.L.L., Collie R.M., Walkey F.H. (2004). Criminal Attitudes to Violence: Development and Preliminary Validation of a Scale for Male Prisoners. *Aggressive behaviour*, 30(6), 484–503.
21. Ortwin Renn O., Klink A (2002). A New Approach to Risk Evaluation and Management: Risk-Based, Precaution-Based, and Discourse-Based Strategies. *Risk Analysis: An International Journal*, 1071-1094.
22. Riedel, M., Welsh W.N., (2002). *Criminal Violence: Patterns, Causes, and Prevention*. Roxbury. Rosenbergs un Hovland (1960).
23. Simourd, D. J., & Olver, M. E. (2002). The future of criminal attitudes research and practice. *Criminal Justice and Behavior*, 29(4), 427-446.
24. Simane L., Plotka I., Blumenau N., Igonins D. (2013). The Link Between Implicitly Measured Antisocial Attitudes, Previous Convictions and Number of Imprisonment for Prisoners in Latvia, *Proceedings of the 2nd Virtual International Conference on Advanced Research in Scientific Fields*, pp.270-274.
25. Simane-Vigante L., Plotka I., Blumenau N. (2015). Research of Attitudes towards Criminal Violence with Implicit and Explicit Measures of Cognition. *Journal of Education, Psychology and Social Sciences*, 3(2), 72-77. Retrieved from https://www.academia.edu/19778700/Research_of_Attitudes_Towards_Criminal_Violence_with_Implicit_and_Explicit_Measures_of_Cognition.
26. Simane-Vigante L, Chuzhuyeva J., Plotka I. & Blumenau N. (2017). Study of Criminal Attitude towards Violence and Personality Traits in Males). *RURAL ENVIRONMENT. EDUCATION. PERSONALITY*. ISSN 2255-808X. Retrieved from http://lufb.ltu.lv/conference/REEP/2017/Latvia-Univ-Agricult-REEP-2017_proceedings-166-174.pdf.
27. Wood W., (2000). ATTITUDE CHANGE: Persuasion and Social Influence. *Annu. Rev. Psychol.* 2000. 51:539–570. Retrieved from <http://www3.psych.purdue.edu/~willia55/392F-'06/Wood-Influence.pdf>.

Vidēja ranga vadītāju vadības stila un psiholoģiskā klimata kolektīvā saikne organizācijā

Rita Kalniņa

*Latvija, Baltijas Starptautiskā Akadēmija,
Augstākās profesionālās izglītības mācību programma*

«Psiholoģija» maģistrantūra 2. kurss,

redaktors@strops.lv

g.sc.soc. Larisa Ābelīte

ANOTĀCIJA

Rakstā ir izklāstīts pētījums par vidēja līmeņa vadītāju vadības stila ietekmi uz kolektīva psiholoģisko klimatu ceļubūves firmā. Pētījuma mērķis ir noskaidrot vai pastāv statistiski nozīmīga saikne starp vidēja līmeņa vadītāju vadības stilu un kolektīva psiholoģisko klimatu. Tika izmantota Vadības stila diagnostikas aptauja (R.Blake, J. Mouton, adaptēts V. Praude, J. Beļčikovs, 2001); Psiholoģiskā klimata grupā noteikšanas aptauja (F.E. Fidler, adaptēts T. Kollarik, I. Millers, 1983). Tika noskaidrots, ka ceļubūves firmā vidēja līmeņa vadītāju vadības stils ir vairāk orientēts uz uzdevumu, nekā uz personālu, kā arī aptaujas Psiholoģiskā klimata grupā rezultāti uzrādīja vidēji apmierinošu klimatu. Izvirzītā hipotēze par vidēja līmeņa vadības stila saistību ar psiholoģisko klimatu neapstiprinājās.

Atslēgas vārdi: vadības stili, psiholoģiskais klimats.

ABSTRACT

This degree work aimed to investigate leadership styles, organizational psychological climate, and correlation between them in road construction company. Executed research aimed to investigate whether there are statistically significant correlations between medium level manager leadership style and psychological climate. After processing the results of methods, data revealed following information – manager leadership style was characterized as mainly orientated to the task, than to personnel. Psychological climate in group diagnostic data revealed medium disposed psychological climate. By comparing data in two respondent groups no significant differences appeared.

Key words: leadership styles, psychological climate.

IEVADS / INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ

Joprojām Latvijā ir novērojama vadītāju nekompetence cilvēkresursu nozīmīguma jomā. Kā dažas no organizācijas problēmām ar kurām sastopas daudzi uzņēmumi ir augsts kadru mainības līmenis un zema darba efektivitāte. Lai palīdzētu organizāciju vadītājiem paaugstināt darba efektivitāti, saglabāt kompetentu un zinošu personālu un novērst darbinieku neapmierinātību, kas izraisa arvien jaunu darba vietu meklējumus, ir būtiski uzlabot darba apstākļus, vidi un nodrošināt labvēlīgu organizācijas klimatu. Lai to veiksmīgāk īstenotu ir jāveicina izpratne par psiholoģisko klimatu un tā nozīmīgumu.

Izpētes metodes: Vadības stila diagnostikas aptauja (R.Blake, J. Mouton, adaptēts V. Praude, J. Beļčikovs 2001); Psiholoģiskā klimata grupā noteikšanas aptauja (F.E. Fidler, adaptēts T. Kollarik, I. Millers, 1983.).

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Lai paaugstinātu darba efektivitāti, kā viens no nosacījumiem ir labvēlīgs organizācijas psiholoģiskais klimats, šis klimats norāda darbinieku apmierinātību ar darbu un kolektīvu [1]. Pētot teorētiskās literatūras datu analīzi par psiholoģisko klimatu kolektīvā ir svarīgi atzīmēt, ka pastāv daudzi faktori, no kuriem ir atkarīgs psiholoģiskā klimata labvēlīgums vai nelabvēlīgums. Kā galvenais uzdevums darbā tika noteikts praktiskā pētījuma veikšana, nosakot gan vadības stilu kolektīvā, gan to kāds psiholoģiskais klimats tajā valda un vai starp šiem abiem rādītājiem pastāv sakarība. Kā teorētiskā bāze pētījumam tika izskatītas vairākas vadības stila un klasifikāciju teorijas, kā arī organizācijas psiholoģiskā klimata kolektīvā teorijas.

Teorētiskajā izpētē autors izskata dažādas vadības teorijas - Situācijas vadīšanas stila teorijas – vadīšanas stila izvēles pamatā ir mainīgi apstākļi dažādās situācijās, tāpēc, tos ievērojot, var nodrošināt vadīšanas efektivitātes paaugstināšanu.

Populārākās situācijas vadīšanas stila teorijas ir:

F. E. Fidlera modelis [2.] - pirmais, kas puda ideju par konkrētās situācijas nozīmi vadīšanas efektivitātes paaugstināšanā. Viņš koncentrēja uzmanību uz trijiem faktoriem, kuri ietekmē vadītāja uzvedību:

- savstarpējās attiecības starp vadītāju un padotajiem;
- uzdevuma struktūra (precīzi formulēts uzdevums vieš uzticību vadītājam);
- vadītāja pilnvaras.

Visas trīs minēto faktoru kombinācijas var izpausties astoņos potenciālos vadīšanas stilos.

T. Mičela un R. Hauza modelis [2.] Amerikāņu zinātnieki R. Hauzs, M. Evanss un T. Mičels [2.] iesaka vadīšanas stilus izvēlēties atbilstoši situācijai. Lai īstenotu mērķus, vadītājam ir jāiedarbojas uz mērķu sasniegšanas līdzekļiem, ņemot vērā konkrētu situāciju. Šajā teorijā zinātnieki izdalīja 4 vadīšanas stilus.

V. Vruma un F. Etona modelis, šī modeļa pamatā ir situācijas pieejas vadīšanas stils. Viņi koncentrē uzmanību uz lēmumu pieņemšanas procesu. Saskaņā ar V. Vruma un F. Etona teoriju pastāv pieci vadīšanas stili, kurus vadītājs var izmantot atkarībā no padoto līdzdalības lēmumu pieņemšanā. [3.]

Kurta Levina [3] un Duglasa Makgregora [4] teorijas par Vadības stila ietekmi uz psiholoģisko klimatu kolektīvā. Vadības stila ietekme uz psiholoģisko klimatu organizācijā un ar to saistīto darbinieku attieksmi pret darbu un vienu pret otru, nodarbināja daudzus pētniekus, kā viens no pirmajiem K. Levins [3] 1939. gadā kopā ar saviem līdzstrādniekiem R. Lipitu un R. Vaitu veica sekojošu eksperimentu, lai izpētītu līderības stila ietekmi uz darba grupu. Balstoties uz šī eksperimenta rezultātiem tika likts pamatstradicionālajam līderības dalījumam trijos stilos: autokrātiskajā, demokrātiskajā un „neiejaukšanās“, jeb liberālajā stilā. Demokrātiskais stils, pēc K. Levina domām ir tas, kurš rada vislabāko psiholoģisko klimatu darba vidē, līdz ar to nodrošinot efektīvu darbu un augstus rezultātus, savukārt autokrātiskais stils rada spriedzi, un nelabvēlīgu psiholoģisko klimatu. Otra no populārākajām pieejām ir Duglasa Makgregora [4] pieeja, kura tika izstrādāta 50. gadu beigās. Saskaņā ar šo pieeju, pastāv divas vadītāja subjektīvo darbinieka uztveres raksturojošās teorijas "X" un "Y". Katra no šīm teorijām patiesībā ir vadītāja subjektīvo pieņēmumu sistēma. Izejot no tā tiek veidota darbstimulēšanas sistēma organizācijā, kā arī ietekmēts organizācijas klimats. Saskaņā ar šo teoriju vadītāji ir tendēti uztvert darbiniekus vienā vai otrā veidā: Ja vadītājs uztver savus darbiniekus atbilstoši teorijai "X", tad viņa vadības stils ir autoritārs, teorijai "Y" atbilst demokrātiskais vadības stils.

Teorētiskā apskatā tika aplūkots arī psiholoģiskā klimata jēdziens psiholoģijā. Par psiholoģisko klimatu sauc cilvēku vispārējo emocionālo noskaņojumu grupā. Reizēm to apzīmē arī kā grupas atmosfēru, mikroklimatu. Tas var būt labvēlīgs vai nelabvēlīgs. Labvēlīgu psiholoģisko klimatu raksturo cilvēku savstarpējā uzticēšanās, atvērtība, gatavība sadarboties, apmierinātība ar piederību grupai. Nelabvēlīga psiholoģiskā klimata gadījumā attiecībās grupā valda sasprindzinātība, noslēgtība, piesardzība, izvairīšanās no savstarpējiem kontaktiem, neapmierinātība ar piederību grupai. [4] Savukārt G. Šekins [8] min, ka organizācijas klimats ir viens no tiem faktoriem, kas ietekmē kadru mainību. Kolektīvam ar neveselīgu, jeb nelabvēlīgu psiholoģisko klimatu ir raksturīga strauja kadru mainība un zems darba ražīgums. Pozitīvā psiholoģiskā klimata apstākļos uzņēmumā katrs zina savu bāzes vērtību un uzskatus. Negatīva psiholoģiskā klimata viens no svarīgākajiem kritērijiem ir uzņēmuma darbinieku negatīva reakcija uz notikumiem.

Izvirzītā hipotēze: Darba kolektīvā pastāv statistiski nozīmīga sakarība starp vidēja ranga vadītāju vadības stilu un psiholoģisko klimatu kolektīvā. Hipotēzes operacionalizācija: K. Levina teorija. Vienaldzīgam un Autoritāram vadības stilam vairāk raksturīgs nelabvēlīgs organizācijas klimats kolektīvā. Sabalansētam, labvēlīgas gaisotnes un Komandas Vadībasstilam – labvēlīgspsiholoģiskais klimats.

SECINĀJUMI / CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ

Dotajā pētījumā izvirzītā hipotēze neapstiprinājās un netika konstatētas statistiski nozīmīga sakarība starp vidēja ranga vadītāju vadības stilu un psiholoģisko klimatu kolektīvā. Vidēja līmeņa vadītāju vadībasstilam dotajā organizācijā piemīt galvenokārt autoritārais vadīšanas stils, taču ir manāmas arī komandas veidošanas un sabalansētas vadīšanas iezīmes, kas nozīmē to, ka vadītāji ir vairāk tendēti uz uzdevumu un kā primārās netiek izvirzītas darbinieku vajadzības un viedokļi un vispārejamais mikroklimats. Tomēr, lai arī darbinieku vajadzības ir pakārtotas plānotajai darbības jomai, dotajā organizācijā tiek arī domāts par darbinieku interesēm, par ko liecina iezīmes par komandas veidošanas un sabalansēta vadības stila iezīmēm.

Psiholoģiskā mikroklimata veidošanās un pastāvēšana organizācijā ir atkarīga no daudziem iekšējiem faktoriem, tādiem kā apmierinātība ar atalgojumu, novērtējumu darbā, personāla mainības, darba drošības un ārējiem faktoriem, ekonomiskā stāvokļa, organizācijas konkurētspējas, organizatoriskā struktūras, u.c.

Grupās attīstības dinamika ir viens no neatkarīgākajiem noteikumiem, nosakot psiholoģisko klimatu, vadītāja lomu un uzdevumu šajā procesā. Pastāv daudzi faktori, no kuriem ir atkarīgs psiholoģiskā klimata labvēlīgums vai nelabvēlīgums un šos faktorus ir vairāk vai mazāk vadītāju spēkos mainīt.

LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Forands I. Personāla vadība. - Rīga: Latvijas izglītības fonds, 2002. - 145.lpp.
2. Kehre M. Personālmēdžments uzņēmumā. - Rīga: Biznesa augstskola "Turība", 2004. - 138.lpp.
3. Praude V., Beļčikovs J. Mēdžments. - Rīga: Vaidelote, 2001. - 426-430lpp.
4. Reņģe V. Organizāciju psiholoģija. - Rīga: Kamene, 1999. - 112.lpp.
5. Peļše G., Ruperte I. Mazā biznesa kurss. – Rīga: Jumava, 2006. – 197.lpp.
6. Miner, J. B. "Organizational Behavior: Behavior 1: Essential Theories of Motivation and Leadership, 2005.
7. Daniel Goleman, Richard E. Boyatzis, Annie McKee, "The New Leaders: Transforming the Art of Leadership", 2003.
8. (<http://blocins.lv/note/read/42/beerna-attiistiiba-beerna-attiistiiba-5-eriksona-teorijas-turpinaajums.html>)
9. Obama vs. Clinton: Leadership Styles. By: O'Toole, James, Business Week Online, 00077135, 2/11/2008 <http://web.ebscohost.com/ehost/detail?vid=7&hid=103&sid=e33e1d6e-f244-426b-b4ec-bd8b47635f35%40sessionmgr108>
10. Janel B. Bray article „Change Leaders Key to Success Techniques“ <http://web.ebscohost.com/ehost/pdf?vid=9&hid=103&sid=e33e1d6e-f244-426b-b4ec-bd8b47635f35%40sessionmgr108>
11. Занковский А.Н. Организационная психология.- Флинта, Москва, 2000.
12. Кочетков А. Психологические основы современного управления персоналом.- Москва, 1999 г.
13. Парыгин Б. Д. Социально-психологический климат коллектива. - Москва: Наука, 1981 г.
14. Щекин Г. Организация и психология управления персоналом: Учебно-методическое пособие. Киев 2002 г.
15. Шейнис М. Ю. Рабочая книга психолога организации. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2001. -224 с.
16. Шепель В.Н., Управленческая психология. Москва, 1984.

Исследование связи проактивного копинг - поведения и самоэффективности у студентов

Вячеслав Крегерс

Латвия, Балтийская Международная академия, Рига,

магистратура психология,

kregersv@inbox.lv

Научный руководитель: доцент,

*доктор биологии **Ирина Казановская***

АННОТАЦИЯ

Цель: исследование связи самоэффективности с проактивным копинг-поведением у студентов. Участники: 100 студентов. Возраст: 20-40 лет (Me=21,5). Метод: Шкала общей самоэффективности; опросник проактивного копинг - поведения. Результаты: установлена значимая положительная связь между переменными “Самоэффективность” и “Проактивное преодоление”, а также между переменными “Самоэффективность” и “Превентивное преодоление”.

Ключевые слова: копинг, проактивное копинг–поведение, самоэффективность.

ABSTRACT

The aim: relationship of proactive coping behavior and self-efficacy in students. Participants: 100 students. Age: 20-40 years (Me=21,5). Method: General self-efficacy Scale; proactive Coping Inventory (PCI). Results: found the maximally significant positive correlation between the variables “Self-efficacy” and “Proactive overcoming”, and between the variables “Self-efficacy” and “Preventive overcome”.

Key words: coping, proactive coping behavior self-efficacy.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Проблема совладающего поведения (coping) – одно из наиболее актуальных и перспективных направлений исследования в современной психологии.

В ситуации глобальных изменений в экономической, политической, социальной сферах человеку практически ежедневно необходимо решать различные жизненные проблемы, преодолевать стрессовые ситуации; от того, насколько успешно человек справится с жизненными трудностями, зависит его психологическое благополучие и социальное здоровье [10]. Теоретические и прикладные знания по проблеме самоэффективности и проактивного копинг - поведения могут быть использованы в практической деятельности психолога и педагогов, направленной на повышение конструктивности проактивного совладающего поведения у студентов. Целью данной работы является исследование связи самоэффективности с проактивным копинг-поведением у студентов. исследовательский вопрос: “Существует ли связь между проактивным совладающим поведением и самоэффективностью у студентов?” В качестве эмпирического исследования самоэффективности использована методика - Опросник проактивного копинг - поведения (Proactive Coping Inventory, сокр. PCI)[7], для эмпирического исследования самоэффективности использована методика - Шкала общей самоэффективности (GSES), которая базируется на теории самоэффективности А. Бандуры и разработана Шварцером Ральфом и Маттиасом Ерусалемом, в адаптации В. Г. Ромека [12].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ

Самоэффективность – субъективное восприятие индивидом своей способности действовать в связи с поставленными задачами или достигать желаемых результатов, предложенное Альбертом Бандурой в качестве основного детерминанта эмоциональных и мотивационных состояний и поведенческих изменений [1].

Самоэффективность является одной из важных составляющих в достижении целей человека и его деятельности в повседневности. Благодаря самоэффективности человеку удаётся реализовать свои желания испытывая меньше стресса и сомнений, что позитивно сказывается на затратах энергии, сил и использовании ресурса для преодоления тревоги, чувства неуверенности и сомнений. Изучение связи самоэффективности с механизмами преодоления стресса является актуальным в аспекте поиска личностных ресурсов адаптации, что подтверждается и теоретическими положениями теории самоэффективности А. Бандуры, теории копинг – стратегий Р.Лазаруса, С. Фолкман [8,9].

Копинг - стратегии – это действие, комплекс действий, или мыслительный процесс, который используется при встрече со стрессогенной или затруднительной ситуацией, а так же преобразование своей реакции в соответствие с данной ситуацией. Копинг – стратегии, как правило, включают в себя осознанный и прямой подход к проблеме, в отличие от защитных механизмов[1].

Копинг-стратегии - широкое понятие с длинной и сложной историей. Понятие копингов впервые было введено Р.Лазарусом и С.Фолкман в рамках транзактной модели стресса. Согласно этой модели, стресс и переживаемые эмоции являются результатом взаимодействия средовых процессов и человека. Относительный смысл эмоции (угроза, потеря, брошенный вызов, выгода) зависит как от контекста, так и от оценки ситуации человеком и взаимодействия этих двух факторов, так называемого «потока действий и реакций». Под копингом понимаются «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие способы преодоления специфических внешних и внутренних требований, которые оцениваются человеком как значительные или превосходящие его возможности» [9].

Проактивность — представление о природе психики человека, свойственное, в первую очередь, гуманистической психологии. Согласно ему, между воздействующими на человека раздражителями и его реакцией на них лежит свободная независимая воля. Способность самим выбирать свою реакцию на внешние раздражители и есть проактивность [11].

Методология исследования

Участники. В исследовании принимали участие 132 Латвийских студента в возрасте от 20-40 лет, допущенные к обработке данные – 100. Медиана возраста – 21,5. 64 участника исследования - женщины, 36 участников исследования – мужчины.

Метод. Опросник проактивного совладающего поведения (копинга) (англ. ProactiveCopingInventory, (PCI)) [7]. Адаптирована Старченковой Е.С. в 2009 году. Методика направлена на выявление уровня проактивного совладающего поведения учащегося. Ученикам предлагается прослушать или прочитать 52 утверждения и оценить степень своего согласия с их содержанием. Шкала общей самоэффективности (Schwarzer & Jerusalem, 1981). На русском языке переведена и стандартизирована Ромеком В.Г. в 1996 году. Методика направлена на выявление уровня самоэффективности личности учащегося. Ученикам предлагается прослушать или прочитать 10 утверждений и оценить степень своего согласия с их содержанием. Методика представляет собой самоопросник, ненаправленный на измерение субъективного ощущения личностной эффективности [12].

Процедура. Исследование проводилось среди студентов в групповой и индивидуальной форме в свободное от занятий время. Участие в исследовании было добровольным. Каждый студент был ознакомлен с целями исследования. Для процедуры исследования было выбрано удобное время для каждого участника исследования. Каждому испытуемому выдавались стандартные бланки для ответов, а также письменные инструкции к двум методикам.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

В ходе настоящего исследования были установлены статистически значимые связи разного уровня значимости между переменными:

Найдена положительная корреляционная связь между переменными «Самоэффективность» и «Проактивное преодоление». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r_s(100) = 0.54; p < 0.001$.

Найдена положительная корреляционная связь между переменными «Самоэффективность» и «Превентивное преодоление». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r_s(100) = 0.33; p = 0.001$.

Была обнаружена тенденция к связи между переменными «Самоэффективность» и «Стратегическое планирование» ($r_s(100) = 0.16; p = 0.102$). Размер эффекта маленький. Связь слабая, линейная, положительная.

Была обнаружена тенденция к связи между переменными «Самоэффективность» и «Поиск инструментальной поддержки» ($r_s(100) = -0.17; p = 0.089$). Размер эффекта маленький. Связь слабая, линейная, отрицательная.

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

На основании результатов теоретического анализа концептов самоэффективности и проактивного совладающего поведения, а также на основании результатов обзора предыдущих исследований по данной теме был поставлен исследовательский вопрос: существует ли связь между проактивным совладающим поведением и самоэффективностью у студентов?

В ходе настоящего исследования были установлены статистически значимые связи разного уровня значимости между переменными:

Установлена положительная корреляционная связь между переменными «Самоэффективность» и «Проактивное преодоление». Чем выше самоэффективность, тем выше склонность выбирать проактивное преодоление для преодоления стрессовой ситуации, целеполаганию и продвижению к важным для личности целям, т. е. постановка важным для личности целей, а также саморегуляции по достижению этих целей, включающий когнитивную и поведенческую составляющие. Суть проактивного преодоления заключается в усилиях по формированию общих ресурсов, которые облегчают достижение важных целей и способствуют личностному росту.

Найдена положительная корреляционная связь между переменными «Самоэффективность» и «Превентивное преодоление». Чем выше самоэффективность, тем выше склонность выбирать превентивное преодоление в качестве предвосхищения потенциальных стрессоров и подготовку действий по нейтрализации негативных последствий до того, как наступит возможное стрессовое событие. Такая неопределенность стимулирует человека использовать широкий спектр копинг поведения (накопление денежных средств, страхование, поддержание здорового образа жизни).

Была обнаружена тенденция к связи между переменными «Самоэффективность» и «Стратегическое планирование». Размер эффекта маленький. Связь слабая, линейная, положительная. Чем выше самоэффективность, тем выше склонность выбирать в качестве проактивного совладающего поведения стратегическое планирование в качестве процесса создания четко продуманного, целеориентированного плана действий, в котором наиболее масштабные цели разделяются на подцели, управление достижением которых становится более доступным.

Была обнаружена тенденция к связи между переменными «Самоэффективность» и «Поиск инструментальной поддержки». Размер эффекта маленький. Связь слабая, линейная, отрицательная. Чем выше самоэффективность, тем ниже склонность выбирать в качестве проактивного совладающего поиск инструментальной поддержки, т.е. получение информации, советов и обратной связи от непосредственного социального окружения человека в период совладания со стрессами.

Установленные в работе закономерности могут быть полезны при подготовке семинарских занятий со студентами по проблематике личностных ресурсов человека в стрессовых ситуациях и разработке тренинговых занятий в аспекте стресс-менеджмента, например, развития личностного потенциала в аспекте повышения личностной адаптивности.

Цель исследования достигнута. Изучена связь между самоэффективностью и проактивным совладающим поведением у студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. APA Dictionary of Psychology. Editor Vandenbosg.r. - American Psychological Association, 2006, 1008 pages.
2. Cramer P. (1998). Coping and defensive mechanisms: What's the difference? *Journal of Personality*. 1998. Vol. 66. P. 919–946.
3. Cunningham E., & Smothers W. (2010). The Effect of Self-efficacy and Psychosocial Development on Major- Changing Behavior. *NACADA Journal*, 30(2), 65-71.
4. Ergeneli A., & Camgoz S.M., & Karapinar P.B. (2010). The relationship between self-efficacy and conflict-handling styles in terms of relative authority positions of the two parties. *Social Behavior & Personality*, 38(1), 13-28.
5. Esen B.K., & Özcan H., & Sezgin M. (2017). High school students' cognitive flexibility is predicted by self-efficacy and achievement. *European Journal of Education Studies*. 3(2), 143-151.
6. Frager R., & Fadiman J. (2002). *Glossary of "Personality & Personal Growth"*. New York, London, 5th ed.
7. Greenglass E. R. (2002). *Proactive coping. Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges*. ed. by E. Frydenberg. London.
8. Бандура А. (2000). *Теория социального научения*. Евразия.
9. Лазарус Р.С. (1989). Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу. *Психологические факторы на работе и охрана здоровья*. М.-Женева, с. 121-126.
10. Старченкова Е.С. (2009). Концепция проактивного совладающего поведения. *Вестник Санкт-петербургского университета*. 12(2). 198-205.
11. Франкл В. (1990). *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.
12. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В., (1996). Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // *Иностранная психология*. (7), 71–76.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ГИПЕРАКТИВНОСТИ

Илона Кудрявцева,

Латвия, Балтийская Международная академия, Рига,

магистратура психология,

ilona.kudriavceva@gmail.com

Научный руководитель: д-р. психологии, профессор, Ирина Плотка

АННОТАЦИЯ

Цель: теоретический анализ феномена гиперактивности у детей. В статье рассмотрены концепции, определяющие гиперактивность детей с точки зрения социально-психологических, нейропсихологических, нейрофизиологических и генетических предпосылок данного явления. Результаты: механизмы формирования СДВГ носят комбинированный характер, при доминирующей роли нейрофизиологической и нейропсихологической концепций.

Ключевые слова: гиперактивность, генетическая концепция, нейропсихологическая концепция, нейрофизиологическая концепция, социально-психологическая концепция.

ABSTRACT

Goal: the theoretical analysis of the phenomenon of children hyperactivity. There are reviewed concepts that define children hyperactivity from the social-psychological, neurophysiological, neuropsychological and genetic background points of view. Results: mechanism of ADHD formation is combined subject to dominant role of neurophysiological and neuropsychological concepts.

Keywords: hyperactivity, genetic concept, neuropsychological concept, neurophysiological concept, social-psychological concept.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

В последние годы всё больше внимания стали уделять проблеме гиперактивности у детей. Об этом свидетельствует растущее число публикаций по данной теме. Изучение проблемы гиперактивности имеет особое значение, так как число детей с данным заболеванием увеличивается с каждым годом. Особенности развития гиперактивных детей включают в себя неврологические, психологические, генетические и социальные аспекты. Своевременная профессиональная помощь может обеспечить детям с гиперактивностью нормальную и полноценную жизнь, что будет способствовать снижению асоциального поведения, профилактику внутрисемейных проблем. Целью данной работы является теоретическое исследование особенностей гиперактивности у детей. Исследовать представленные в научной литературе концепции, определяющих гиперактивность детей с точки зрения социально-психологических, нейропсихологических, психофизиологических и генетических предпосылок данного явления. Результат теоретического исследования: рассмотреть и проанализировать различные концепции подходов к формированию гиперактивности у детей. Выделить основные причины проявления гиперактивности у детей.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ /

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Большинство исследователей отмечают, рассматривая симптоматику синдрома гиперактивности, не только импульсивность, повышенную двигательную активность, но так же и дефицит внимания [16]. В настоящее время синдром гиперактивности рассматривают в тесной связи с синдромом дефицита внимания (F90 по Международной классификации болезней) [16].

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) - психическое расстройство, относящееся к категории гиперкинетических расстройств [3]. Данный синдром включен в основные системы классификации психических расстройств: Женевской «Международной классификации болезней» - МКБ-10 (1994), а также в американском «Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств» (DSM-IV) (1994) [3].

СДВГ - одна из форм минимальных мозговых дисфункций, снижающая не только качество познавательных процессов ребенка, но и приводящая к нарушению эмоционально-волевой сферы, нарушению межличностных отношений с близкими людьми и сверстниками, проявлению школьной дезадаптации [3].

По данным эпидемиологических исследований, частота синдрома дефицита внимания с гиперактивностью среди детей дошкольного и школьного возраста растет и составляет от 4,0 до 9,5% [4]. Так в США гиперактивных детей - 4-20%, Великобритании - 1-3%, Италии - 3-10%, Австралии - 7-10%, России - 4-18% [15]. Проявляется данный синдром к семи годам, и в большинстве случаев симптомы ослабевают в подростковом возрасте. В настоящее время есть исследования, в которых утверждается, что у 50-80% детей, страдающих СДВГ, симптоматика сохраняется и в подростковом возрасте [1, 4]. Другие отмечают значительную редукцию симптомов СДВГ, но в то же время указывают, что распространенность СДВГ во взрослой популяции колеблется в диапазоне 1-6% [1].

По данным исследований синдром гиперактивности имеет гендерные различия, так как проявляется у мальчиков чаще чем у девочек. Данные варьируются от 3:1 до 9:1 [4, 10]. Это объясняется тем, что одним из факторов гиперактивности является раннее органическое повреждение ЦНС. Преобладание данной патологии среди мальчиков связывается с более высокой уязвимостью их мозга под влиянием пренатальных и перинатальных патологических факторов [13]. У девочек большие полушария головного мозга менее специализированы, поэтому имеют больший резерв компенсаторных функций по сравнению с мальчиками [1].

Дети с синдромом гиперактивности входят в группу риска. Психологические проблемы детей с синдромом гиперактивности носят системный характер и сохраняются практически на всю жизнь [11]. У них отмечаются специфические особенности развития когнитивных функций, нарушения в эмоциональной сфере, социальная дезадаптация, трудности в обучении [2, 3].

Несмотря на достаточно большое количество исследований, этиология и патогенез синдрома дефицита внимания и гиперактивности окончательно не выяснены. Формирование гиперактивности рассматривается со стороны различных концепций: социально-психологической, нейропсихологической концепция, нейрофизиологической и генетической концепций.

В социально-психологической концепции [7, 16] одну из существенных ролей в развитии гиперактивности у детей отводят семье и социальной среде, в которой развивается ребенок. Положительный психологический климат в семье, терпеливость в воспитании, грамотное и своевременное оказание поддержки оказывают влияние на снижение гиперактивности к моменту поступления в школу. Взросление ребенка в негативной социально – психологической среде, включающей не только бедность, но и криминальное окружение, психические расстройства у родителей, включая алкоголизм, воспитание в неполной семье и детских учреждениях-вносят значительный вклад в формирование и развитие синдрома гиперактивности [13]. Негативные социально-психологические факторы усугубляют влияние генетических, пренатальных, перинатальных и постнатальных патологических факторов, но не являются самостоятельной причиной формирования СДВГ. Но в то же время нужно отметить, что в семьях, где воспитываются дети с СДВГ,

ухудшается психологический климат, чаще возникают конфликты, что, в свою очередь, влияет на развитие ребенка.

Нейропсихологическая концепция определяет причины возникновения синдрома на нейропсихологическом и биологическом уровнях, подразумевающих снижение процессов метаболической активности в определенных участках мозга, дефицитарность нейромедиаторных сетей, обеспечивающих функциональные взаимосвязи на уровне среднего мозга и лимбической системы, а также дисфункцию неспецифических активационных механизмов [1, 15]. Как следствие СДВГ сопутствуют отклонения в развитии высших психических функций, отвечающих за моторный контроль, саморегуляцию, внутреннюю речь, внимание и оперативную память, что вызывает специфические трудности обучения [1, 15]. У детей с СДВГ наблюдаются трудности в планировании и организации сложных видов деятельности. Большинству из них свойственна слабая психоэмоциональная устойчивость при неудачах, низкая самооценка, упрямство, лживость, вспыльчивость, агрессивность. Кроме того, у них возникает неуверенность в себе и проблемы в коммуникациях [15].

Особое влияние при гиперактивности оказывает нарушение внимания. Так как многие психические процессы могут быть полноценно сформированы только при условии сформированности внимания. Л.С. Выготский писал, что направленное внимание играет огромную роль для процессов абстракции, мышления, мотивации, направленной активности [6]. Н.Н. Заваденко [7] отмечает, что для 66% детей с диагнозом СДВГ характерны дислексия и дисграфия, для 61% детей — признаки дискалькулии.

Нейрофизиологическая концепция указывает на клинические проявления СДВГ, которые обусловлены дисбалансом и нарушениями в функционировании основных медиаторных систем головного мозга (серотониновой, дофаминовой, норадреналиновой) [4, 9].

В научных трудах [4] имеются указания на патологические изменения, регистрируемые в самых различных участках мозга — префронтальных зонах, в области таламуса, стриопаллидарной системы, проводящих путей.

Так же на развитие СДВГ могут влиять неблагоприятные пренатальные факторы: недоношенность, задержка внутриутробного развития, токсикозы и угроза прерывания беременности на разных сроках, родовые травмы, гипоксия плода, внутриутробные интоксикации и инфекции и др., т.е. по сути, факторы, характеризующиеся выраженным, полиморфным негативным воздействием [1, 7, 12].

Генетическая концепция базируется на данных генетических исследований, позволивших установить высокую созависимость между клиническими проявлениями СДВГ и рядом генетических аномалий. По данным исследований, проведенных по всему миру за последние годы [7, 15] выявлена связь СДВГ с резус-конфликтом, возрастом родителей, аномалиями беременности и родов, недостаточным и избыточным весом при рождении, курением матери, психическими травмами матери в период беременности, приемом некоторых пищевых добавок и другими, самыми различными негативными факторами, что подчеркивает неспецифичность СДВГ, как патологического состояния.

Одним из доказательств генетической предрасположенности является наличие симптоматики СДВГ в детстве у родителей. Высокая частота заболевания установлена среди братьев и сестер детей с СДВГ, а риск развития СДВГ выше, если у матери или обоих родителей имеются указания на синдром в анамнезе [5, 13]. Согласно исследованиям о области генетики коэффициент наследуемости, по разным данным, от 60 до 90 % [5, 15].

По результатам исследования Н.Н. Заваденко [7], возникновение СДВГ из-за раннего повреждения центральной нервной системы в период беременности и родов встречается в 84% случаев, из-за генетических причин — в 57%, негативное действие внутрисемейных факторов прослеживается в 63%.

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

В результате теоретического анализа феномена гиперактивности у детей можно отметить, что основным фактором проявления гиперактивности у детей является минимальная мозговая дисфункция, с преобладанием гиперактивности и импульсивности.

Анализ теоретических исследований по проблеме изучения феномена гиперактивности показал, что механизмы формирования СДВГ носят комбинированный характер с учётом разных концепций: нейрофизиологической, нейропсихологической, генетической и социально – психологической концепции. При доминирующей роли нейрофизиологической и нейропсихологической концепций.

Нейрофизиологическая концепция указывает на клинические проявления гиперактивности, которые обусловлены дисбалансом и нарушениями в функционировании основных медиаторных систем головного мозга (серотониновой, дофаминовой, норадреналиновой). Нейропсихологическая концепция определяет гиперактивность снижением процессов метаболической активности в определенных участках мозга как следствие, отклонения в развитии высших психических функций. Генетическая концепция предполагает наличие наследственности для развития заболевания. Социально-психологическая концепция рассматривает формирование гиперактивности в контексте внутрисемейных и социальных отношений. Данная концепция влияет на синдром гиперактивности, но не являются самостоятельной причиной формирования СДВГ.

Синдрому дефицита внимания и гиперактивности сопутствуют запаздывание процессов созревания высших психических функций и, как следствие специфические трудности обучения. В связи с этим, необходимо раннее выявление гиперактивного расстройства с дефицитом внимания и организация комплексного подхода к помощи детям с СДВГ.

Дальнейшая перспектива исследования темы заключается в проведении эмперического исследования, направленного на изучение проявления гиперактивности у детей школьного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/ LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Barkley R.A. Behavioral inhibition, sustained attention and executive functions: constructing a unifying theory of attention deficit hyperactivity disorder // *Psychopharm. Bull.* - 1997. - v. 121. - № 1. - P. 65-94.
2. Bruce B., Thernlund G., Nettelbladt U. ADHD and language impairment a study of the parent questionnaire FTF (Five to Fifteen) / Barbro Bruce, Gunilla Thernlund, Ulrika Nettelbladt // *European Child & Adolescent Psychiatry.* 2006. Vol. 15. № 1. P. 52—60.
3. Seidman L. J. Neuropsychological functioning in people with ADHD across the lifespan / Larry J. Seidman // *Clinical Psychology Review.* 2006. Vol. 26. № 4. P. 466—485. 23.
4. Spencer, T., Biederman, J., Wilens, T. Pharmacotherapy of attention deficit hyperactivity disorder across the life cycle. *J. Am. Acad. Child Adolesc. Psychiatry.* 1996; 35: 409-432.
5. Агрис, А.Р. Нейропсихологические и нейрофизиологические исследования вариантов синдрома дефицита внимания с гиперактивностью / А.Р. Агрис, О.И. Егорова, Е.Ю. Матвеева, А.А. Романова // *Современная зарубежная психология.* — 2012. — № 1. — С. 39-46.
6. Выготский Л.В. Мышление и речь. Изд. 5, испр. — Издательство "Лабиринт", М., 1999. — 352 с.
7. Заваденко Н. Н. 3. Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте. — М.: Академия, 2005. — 256 с
8. Зверева Н. В., Горячева Т. Г. 4. Клиническая психология детей и подростков. — М.: Академия, 2013. — 272с.

9. Зиновьева ОЕ, Роговина ЕГ, Тыринова ЕА. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью у детей. //Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика.- 2014-№1.-4 - 8.
10. Емельянцева Т.А., Игумнов С.А. Скрининговое исследование синдрома дефицита внимания и гиперактивности в белорусской популяции детей // Молодое поколение XXI века: Актуальные проблемы социально-психологического здоровья: материалы V Международного Конгресса / под ред. А.А. Северного, Ю.С. Шевченко. – Москва, 24–27 сентября 2013 г. – М.: ООО ONEBOOK.RU, 2013. – С. 173–174. Романчук О. И. Синдром дефицита внимания и гиперактивности у детей / Пер. с укр. – М.: Генезис, 2010. 336 с.
11. Кузнецова Л. Э., Гладько В. В. Психологические особенности детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, условия их психокоррекции // Молодой ученый. — 2016. — №7. — С. 327-331.
12. Морозова Е.А., Зайкова Ф.М., Карпова Е.О., Мадякина А.А., Калимуллина Р.Р. Клиническая эволюция перинатальной патологии головного мозга: синдром дефицита внимания с гиперактивностью и эпилепсии у детей. — Казанский медицинский журнал, 2010. — Т ХСІ. — № 4, С. 449-455.
13. Панков М.Н., Старцева Л.Ф. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью: распространенность, механизмы формирования// Успехи современного естествознания. – 2015. – № 9-2. – С. 226-230
14. Романчук О. И. Синдром дефицита внимания и гиперактивности у детей / Пер. с укр. – М.: Генезис, 2010. 336 с
15. Сиротюк А. Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения.. — М.: ТЦ СФЕРА, 2003. — 288 С.
16. Шевченко Ю.С. Коррекция поведения детей с гиперактивностью и психопатоподобным синдромом: Практическое руководство для врачей, психологов и педагогов . -- 2-ое изд. – М.: Вита-Пресс 1997.-52 с.

Исследование эмоционального интеллекта в различных возрастных группах

Дмитрий Максименко,

Латвия, Балтийская Международная академия, Рига,

магистратура психология,

antarktida.2006@inbox.lv

Научный руководитель: магистр психологии,

*доцент **Виктория Петляк***

АННОТАЦИЯ

Цель: изучить различия эмоционального интеллекта в различных возрастных группах. Метод: методика «ЭМИн» Д. В. Люсина. Участники: 60 человек. Возраст: 18-19 и 35-38 лет. Результаты: не обнаружены различия в эмоциональном интеллекте разных возрастных групп, за исключением шкалы межличностного интеллекта, уровень которого выше в группе участников 35-38 лет.

Ключевые слова: межличностный интеллект, эмоциональный интеллект.

ABSTRACT

The aim: to study the differences in emotional intelligence in different age groups. Method: "EmIn" technique developed by D.V. Lyusin. Participants: 60 people. Age: 18-19 and 35-38 years. Results: no differences were found in the emotional intelligence of different age groups, with the exception of the interpersonal intelligence scale, which is higher in the group of participants aged 35-38.

Key words: [interpersonal intelligence](#), emotional intelligence.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Недооценка важности эмоциональной стороны жизни, ее игнорирование ведут к возрастанию числа аффективных расстройств, тяжелых душевных состояний, эмоциональных взрывов и конфликтов, к гнетущему состоянию неудовлетворенности собой и жизнью. С особой силой эмоциональные проблемы проявляются у людей с нарушениями самоконтроля. Выйдя из-под контроля сознания, эмоции препятствуют осуществлению намерений, нарушают межличностные отношения, не позволяют надлежащим образом выполнять служебные и семейные обязанности, затрудняют отдых и ухудшают здоровье. Развитая эмоциональность способствует более эффективной ориентации в мире и адаптации в социуме. Изучение эмоционального интеллекта имеет огромное практическое значение, хорошее понимание эмоций и управление ими позволяют людям находиться в гармонии с самими собой, преуспевать в профессиональной деятельности и быть счастливыми в личной жизни. Целью работы является изучение эмоционального интеллекта в различных возрастных группах. Гипотеза исследования: уровень эмоционального интеллекта различен в группах 18-19 и 35-38 лет. В качестве инструментария эмпирического исследования эмоционального интеллекта в различных возрастных группах использована методика «ЭМИн» Д. В. Люсина[10].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ

Эмоциональный интеллект по принятому определению – способность человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических

задач. Предполагается, что именно эмоциональный интеллект был ключевым для выживания человека в доисторические времена. Этому аспекту в 1872 году коснулся Чарльз Дарвин в своем труде «Выражение эмоций у людей и животных» [8].

Проблемой эмоций и контроля над эмоциями много занимался также основатель психоанализа Зигмунд Фрейд [11].

В 1920 году профессор Эдвард Торндайк впервые ввел понятие социального интеллекта, который он описал как «способность понимать людей, мужчин и женщин, мальчиков и девочек, умение обращаться с людьми и разумно действовать в отношениях с людьми». А в 1926 году был создан первый, получивший широкое распространение тест-анкета для измерения социального интеллекта – George Washington Social Intelligence Test.

Важный вклад в исследование интеллекта внес Дэвид Уэкслер, который рассматривал его как «совокупную способность индивидуума действовать целенаправленно, рационально мыслить и эффективно взаимодействовать с окружающим миром». В 1940 году он представил публикацию [6], в которой разделил способности человека на «интеллектуальные» и «неинтеллектуальные», к числу последних он отнес аффективные, личностные и социальные и заключил, что именно «неинтеллектуальные» способности являются ключевыми при предсказании жизненного успеха человека. В 1960-х впервые стало фигурировать понятие именно эмоционального интеллекта. В 1964 году оно появилось в работе Beldoch M. Sensitivity to expression of emotional meaning in three modes of communication [4], а в 1966-м – в работе Leuner B. Emotional intelligence and emancipation [5].

В 1983 году Howard Gardner опубликовал свою известную модель интеллекта, в которой разделил интеллект на внутриличностный и межличностный. В 1985 году Leon Payne опубликовал работу A Study of Emotion: Developing Emotional Intelligence (A Study of Emotion), посвященную развитию эмоционального интеллекта. Наконец, в 1990 году вышла влиятельнейшая статья Salovey & Maye «Эмоциональный интеллект» (англ. Emotional Intelligence), фактически определившая все современное понимание эмоционального интеллекта [1].

Разнообразие появившихся в последнее десятилетие моделей эмоционального интеллекта вызвало необходимость их классификации. В наибольшей степени заслуживают внимания две попытки такого рода. Дж. Мэйер, Д. Карузо и П. Сэловей предложили различать модели способностей и смешанные модели. К первому типу относится их собственная модель, трактующая эмоциональный интеллект как когнитивную способность, а ко второму типу – модели, трактующие эмоциональный интеллект как сочетание когнитивных способностей и личностных характеристик. К. В. Петридис и Э. Фернхем провели несколько иное различие: эмоциональный интеллект как способность (ability EI или information processing EI) и эмоциональный интеллект как черта (trait EI). По их утверждению, характер модели определяется не столько теорией, сколько используемыми методами измерения конструкта. Рассматривая эмоциональный интеллект как черту, мы должны связывать его с оценкой устойчивости поведения в различных ситуациях, поэтому для его измерения следует применять опросники [10].

В результате эмпирического исследования Э. Л. Носенко и Н. В. Коврига описали иерархическую структуру уровней сформированности эмоционального интеллекта, которая определяется в зависимости от характера его внутренних опосредующих компонентов [10] и подразделяется на наиболее низкий, средний и наиболее высокий уровни. Установлено, что различия в уровнях сформированности эмоционального интеллекта наиболее контрастно проявляются в показателях, которые характеризуют отношение человека к себе как к субъекту жизнедеятельности. Второе место в этой своеобразной иерархии занимают различия, проявляющиеся в отношении субъекта к другим людям как к партнерам в общении и взаимодействии. И наконец, наименее существенные различия обнаруживаются в отношении к миру и оценкам внешних событий [7].

Для измерения эмоционального интеллекта используется ряд способов, наиболее популярными из них являются методика SelfReport Emotional Intelligence Test (SREIT), сконструированная Н. Шутте с коллегами на базе ранней модели Дж. Мэйера и П. Сэловея (состоит из

33 утверждений, разбивающихся на 3 шкалы), созданный в России тест «Эмоциональный интеллект – 2» (состоит из 66 вопросов, сгруппированных в 6 шкал) и методика «ЭМИн» Д. В. Люсина (опросник включает в себя 40 вопросов, сгруппированных в 6 факторов).

Методология исследования

Участники. Для проверки гипотезы было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие ученики одной из средних школ г. Риги в количестве 30 человек (возраст 18-19 лет) и сотрудники телефонной компании в количестве 30 человек (возраст 35-38 лет).

Метод. Использовался опросник «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина [10]. Испытуемые должны выбрать для каждого утверждения, предложенного в бланке, один из пунктов: «совсем не согласен», «скорее не согласен», «скорее согласен», «полностью согласен». Какие-то пункты обрабатываются с помощью прямого ключа, какие-то – с помощью обратного. Автор работы считает правомерным использование данной методики, т. к. она измеряет выделенные компетенции эмоционального интеллекта: определение наличия эмоционального переживания у себя (шкала ВП); определение наличия эмоционального переживания у другого человека (шкала МП); идентификация своих эмоций (шкала ВП); идентификация эмоций других людей (шкала МП); понимание причин, которые вызвали эмоцию (шкала ВП); способность контролировать интенсивность своих эмоций (шкала ВУ); способность контролировать интенсивность эмоций других людей (шкала МУ); способность контролировать внешнее выражение эмоций (шкала ВЭ); способность произвольно вызвать у себя ту или иную эмоцию (шкала ВУ); способность произвольно вызвать ту или иную эмоцию у других людей (шкала МУ). Также опросник «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина является надежным инструментарием.

Процедура. В опросе приняли участие все респонденты, и каждый из них был проинформирован о цели исследования и соблюдении конфиденциальности. Процедура была одинаково стандартизирована для всех участников; до опроса каждый мог задавать уточняющие вопросы; была возможность получить результаты исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS / REZULTĀTI

В ходе эмпирического исследования были найдены значимые различия в межличностном эмоциональном интеллекте в группах 18-19 и 35-38 лет, межличностный интеллект более развит у людей в возрасте ($U=0.500$, $p \leq 0.05$). По шкалам управление чужими эмоциями (МУ), понимание своих эмоций (ВП), управление своими эмоциями (ВУ), контроль экспрессии (ВЭ), межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), внутриличностный эмоциональный интеллект (ЭИ), понимание эмоций (ПЭ) и управление эмоциями (УЭ) различия между возрастными группами не обнаружены.

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

В результате осуществленного исследования была реализована её основная цель, которая заключалась в изучении эмоционального интеллекта в различных возрастных группах.

Было показано, что эмоциональный интеллект необходим человеку, чтобы распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также, чтобы управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач.

Измерение шкалы «Эмоциональный интеллект» (ЭМИн) Д. В. Люсина показало различия только в межличностном эмоциональном интеллекте в возрастных группах [10].

Таким образом, выдвинутая гипотеза: «уровень эмоционального интеллекта различен в группах 18-19 и 35-38 лет» в ходе работы нашла свое подтверждение, а именно: межличностный интеллект более развит у людей в возрасте 35-38 лет, поскольку этому способствует наличие большего жизненного опыта. По другим показателям не было обнаружено значимых различий между возрастными группами.

Результаты исследования могут быть использованы психологами и педагогами в своей практической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Ackerman P. L. A theory of adult intellectual development: process, personality interests, and knowledge / P. L. Ackerman // *Intelligence*. – 1996. – 22. P. 227
2. Alloy L. B. Judgement of contingency in depressed and nondepressed students: Sadder but wiser? / L. B. Alloy, L. Y. Abramson // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 1979. – 108. – P. 441
3. Affect, accessibility of material in memory, and behavior: A cognitive loop? / A. M. Isen [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1978. – 36. – P. 1 – 12
4. Beldoch M. (1964), Sensitivity to expression of emotional meaning in three modes of communication, in J. R. Davitz et al., *The Communication of Emotional Meaning*, McGraw-Hill, pp. 31
5. *PraxKinderpsycholKinderpsychiatr.* 1966, Aug-Sep; 15(6): 196-203 [Emotional intelligence and emancipation. A psychodynamic study on women].
6. Wechsler D. (1940). Non-intellective factors in general intelligence. *Psychological Bulletin*, 1940, 37
7. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И. Н. Андреева. – Новополец: ПГУ, 2011
8. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. – СПб.: Питер, 2001. – С. 112
9. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // *Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования* / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004.
10. Люсин Д. В. Способность к пониманию эмоций: психометрический и когнитивный аспекты // *Социальное познание в эпоху быстрых политических и экономических перемен. Материалы международной научно-практической конференции. 20-24 октября 1999 г.* / Под ред. Г. А. Емельянова. – М.: ИП РАН, 2000. – С. 25-35.
11. Фрейд З. Недовольство культурой. Психоаналитические этюды. – М.: Издательство АСТ, 2004. – С. 107

Исследование различий в способности распознавать эмоции подростками, из семей с разным типом родительских отношений

Ирина Маркевич

Латвия, Балтийская Международная Академия, профессиональная магистерская программа «Психология»

e-mail: iro4ka0509@rambler.ru

Научный руководитель: Dr. Psih., Doc. Psih. Л.Калинникова

АННОТАЦИЯ

Цель исследовать различия в способности распознавать эмоции подростками, живущих в семьях с разным типом родительских отношений. Участники: родители – 60 чел., подростки 10-11 лет – 60 чел. (Mdn = 11 лет).

Методики: рисуночный тест и самооценочный тест для определения родительского отношения к ребенку.

В результате чего, было выявлено, что подростки воспринимают лучше те эмоции, которые встречаются им чаще, в зависимости от родительского отношения. Ключевые слова: детско-родительские отношения, лицезвая экспрессия, эмоции.

ANOTĀCIJA

Merķis: izpētīt atšķirības spēju atpazīt emocijas pusaudžiem kuri dzīvo ģimenēs ar dažāu veāku attieksmi. Dļībnieki: vecāki – 60 cilvēki, pusauži 10-11 gadi – 60 cilvēki (Mdn=11 g.) Metodikas: zīmēšanas tests un pašvertējuma tests kurš nosaka vecāku attieksmi pret bērnu. Rezultāta tiek konstatēts, ka pusaudži labāk uztvēr tas emocijas kurus visbiežāk satiek, atkarīgi no vecāku attieksmi pret bērnu. Atslēgvārdi: bērnu-vecāku attiecības, emoijas, sējas ekspressija.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRADUCTION

Актуальность темы, обусловлена, значимостью способности к распознаванию эмоциональных состояний ребенком. К старшему дошкольному возрасту у детей возникает потребность во взаимопонимании и сопереживании [2]. Цель исследования: теоретический анализ проблемы распознавания эмоций, по фотографиям, подростками из семей с разным типом родительских отношений, а также эмпирическая проверка данных. Гипотеза исследования: существуют различия в способности распознавать эмоции у подростков из семей с разным типом родительских отношений. Гипотеза сформулирована на основании исследований Пола Экмана. В качестве эмпирического исследования использован тест опросник А.Я.Варги и В.В.Столина и «тест на распознавание выражения лица» П.Экмана.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Успешное распознавание эмоциональных состояний других людей воспринимается многими родителями как способность, необходимая для адаптации в детских коллективах, умение взаимодействовать со сверстниками.

В то же время проведенный анализ научной литературы позволяет констатировать, что особенности восприятия и понимания эмоциональных состояний человека детьми школьного

возраста еще недостаточно изучены.

Существуют многочисленные данные о том, что полученный в детстве опыт (в неблагополучных семьях, при нарушении взаимоотношений детей с родителями и родителей между собой) отражается на общем эмоциональном развитии ребенка, ведет к и нарушениям взаимоотношений с окружающими и, кроме того, связан с трудностями в вербализации собственных переживаний. [1;]

Развитие и формирование ребенка школьного возраста следует рассматривать через призму внутрисемейных отношений. Именно семья формирует предпосылки для развития физических, эмоциональных и познавательных особенностей личности ребенка. Все развитие ребенка опосредуется общением с взрослым [4;5]. В общении формируется способность к психологическому «прочтению» невербального поведения.

Для развития человека необходимо не только удовлетворение витальных потребностей. Ему нужно эмоциональное тепло, безопасность, терпеливое внимание его родителей и контакты с другими, окружающими его людьми. В процессе общения с близкими взрослыми ребенок учится улавливать их эмоциональные состояния, распознавать их и реагировать на них. Первым объектом познания для ребенка становится лицо его матери. Лицо, как отмечал А.А. Болдаев, важнейший инструмент общения. Большинство людей в процессе общения чаще всего концентрируют свое внимание на лицах партнеров. [2] Эмоции, проявляемые матерью, сигнализируют ребенку о ее состоянии.

Способность к пониманию эмоциональных состояний другого человека формируется в школьном возрасте в процессе взаимодействия ребенка с близкими взрослыми, затем со сверстниками. Умение ребенка распознавать эмоциональное состояние партнера является одной из важных характеристик, необходимых в общении.

Методология исследования

Участники. Выборку составили: родители - 60 чел. и подростки 10-11 лет – 60 чел. (Mdn = 11 лет).

Метод. Для определения родительского отношения тест опросник А.Я.Варги и В.В.Столина [3]. Выявляет различия между распознаванием эмоций у подростков из семей с положительным отношением и у подростков из семей с негативным отношением к ребенку. В соответствии с авторский интерпретацией, высокие баллы свидетельствуют о значительной развитости указанных выше видов родительских отношений, а низкие баллы — о том, что они сравнительно слабо развиты. В соответствии с ключом, для каждого респондента был определен суммарный балл по всем шкалам.

«Тест на распознавание выражения лица» П.Экмана [7]. Методика позволяет определить, насколько хорошо подросток распознает эмоции. Каждому из респондентов необходимо было определить выражаемую эмоцию по представленным фотографиям. Ответы записывались на отдельном бланке.

Процедура. Исследование проводилось с 20 по 24 апреля 2015 года, в одной из школ города Лиепаи. Исследование проводилось анонимно. Всем участникам были розданы анкеты с прописанной инструкцией, помимо этого инструкция была дана и в устной форме. Участники были информированы о неразглашении данных и использовании результатов исключительно в научных целях.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS / REZULTĀTI

Были выявлены связи между компонентами родительского отношения и способностью к распознаванию эмоций, применен непараметрический критерий Спирмена.

В группе подростков из семей с негативным типом отношения к ребенку выявлено, что: чем выше уровень родительского принятия\отвержения, тем ниже способность распознавать эмоцию

печали ($r = -0,453$, $p < 0,05$); чем выше уровень родительского принятия\отвержения, тем ниже общая способность к распознаванию эмоций по фотографиям ($r = -0,456$, $p < 0,05$); чем выше уровень кооперации со стороны родителей, тем выше способность распознавать эмоцию печали ($r = 0,510$, $p < 0,05$); чем выше уровень кооперации со стороны родителей, тем ниже способность распознавать эмоцию гнева ($r = -0,412$, $p < 0,05$); чем выше уровень кооперации со стороны родителей, тем выше общая способность к распознаванию эмоций по фотографиям ($r = 0,560$, $p \leq 0,001$); чем выше уровень симбиоза, тем ниже способность к распознаванию эмоции печали ($r = -0,481$, $p < 0,05$); чем выше уровень родительского контроля, тем ниже способность распознавать эмоцию печали ($r = -0,516$, $p < 0,05$); чем выше уровень родительского стремления инфантилизировать ребенка (шкала «Отношение к неудачам»), тем ниже способность распознавать эмоцию печали ($r = -0,526$, $p < 0,05$); чем выше общий балл родительского отношения (чем оно лучше), тем ниже способность распознавать эмоцию печали ($r = -0,420$, $p < 0,05$);

В группе подростков из семей с позитивным типом отношения к ребенку выявлено, что: чем выше общий балл родительского отношения (чем оно лучше), тем выше способность к распознаванию эмоции удовольствия ($r = 0,516$, $p < 0,05$); чем выше общий балл родительского отношения (чем оно лучше), тем ниже способность к распознаванию эмоции презрения ($r = -0,636$, $p < 0,001$).

В исследуемой выборке способность к распознаванию эмоций, по фотографиям, в целом больше развита у подростков из семей с негативным отношением к ребенку. Такой результат обуславливается тем, что в тесте на распознавание эмоций по выражению лица П.Экмана преимущественно встречаются негативные эмоции.

ВЫВОДЫ / SECINĀJUMI/ CONCLUSIONS

Согласно ряду исследователей успешность распознавания эмоций определяется мерой сложности мимического рисунка, с одной стороны, и доступностью данной конкретной эмоции для понимания, в силу эмоционального опыта испытуемого, с другой [6].

Распознавание эмоций включает не только понимание чужих эмоций, но и осознание собственных, а также возможность управления ими.

Изучение детско-родительских отношений является чрезвычайно важным, взаимоотношения родителей и ребенка рассматриваются, как один из основных источников детского развития и включает в себя субъективно-оценочное, сознательно-избирательное представление о ребенке, которое определяет особенности родительского восприятия, способ общения с ребенком, характер приемов воздействия на него.

На основании анализа результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы: подростки распознают эмоции окружающих людей по внешним проявлениям: мимике и позе, изменению речи и голоса, поведения. Подростки воспринимают лучше те эмоции, которые встречаются им чаще, в зависимости от типа родительского отношения.

Определены различия в распознавании эмоции подростками, воспитывающихся в семьях с разным отношением, при помощи математической статистики.

Значимость работы состоит в том, что знание об особенностях субъективного оценивания детьми эмоциональных проявлений позволит более эффективно организовать обучение социоперцептивным умениям и навыкам, как важнейшим факторам успешного взаимодействия в процессе общения.

Гипотеза о наличии различий между группами подтвердилась частично. В перспективе, данное исследование должно продолжаться с увеличением выборки.

СПИСОКЛИТЕРАТУРЫ / LĪTERATŪRAS SARAKSTS / REFERENCES

1. Ridgeway C.L. Nonverbal behavior, dominance and the basis of status in task groups // American sociological review. 1987. - V. 5. - p. 683 – 684
2. Бодалев А.А. (1982) Восприятие и понимание человека человеком. М.: МГУ, Бурменской Г.В.(1996) Хрестоматия по детской психологии. под ред. - М., с. 213 – 228
3. Варга А.Я. (2000) Структура и типы родительского отношения. / Дис. канд. псих. наук. – М., – 100-163с.
4. Выготский Л.С (1982). Собрание сочинений в 6 томах. т 3, М.,
5. Ильин Е. П. (2001) Эмоции и чувства. — СПб: Питер, с.241- 266, 400 –453
- 6.Лисина М.И.(1985) Общение и речь: Развитие речи у детей в общении со взрослыми. М.
7. Экман П. (2010) Психология эмоций — СПб.: Питер,— с. 336

Исследование связи жизнестойкости и копинг – стратегий у людей, имеющих профессии, связанные с риском

Александр Никитин,

Латвия, Балтийская Международная Академия,

Рига, магистратура психология,

alexnikitins@gmail.com

Научный руководитель: доктор психологии,

профессор Ирина Плотка

АННОТАЦИЯ

Цель: изучить связь жизнестойкости и копинг-стратегий у людей, чья профессия связана с риском. Участники: 51 мужчина, 8 женщин (Mdn=25). Метод: Диспозиционная шкала жизнестойкости; шкала стратегии преодоления стрессовых ситуаций. Результаты: обнаружена положительная связь между общей шкалой жизнестойкости и копинг – стратегиями «уверенными действиями», и отрицательная связь между жизнестойкостью и копинг – стратегиями «антисоциальными действиями».

Ключевые слова: жизнестойкость, копинг – стратегии, профессии, связанные с риском.

ABSTRACT

Objective: To study the relationship of resilience and coping strategies among people whose profession is associated with risk. Participants: 51 men, 8 women. (Mdn=25). Method: Disposition scale of viability; scale strategies to overcome stressful situations. Results: found a positive correlation between the general scale of resilience and coping strategies “confident actions”, and negative correlation between resilience and coping - strategies of “antisocial actions”.

Key words: resilience, coping strategies, military personnel.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Профессиональная деятельность многих людей связана со стрессами, для того, чтобы успешно их преодолевать необходимо иметь такое качество личности как жизнестойкость. Человек с высоким показателем жизнестойкости может совладать со стрессовыми ситуациями, не впадая в панику. Он контролирует себя и свои действия, поэтому такие люди, особенно важны в профессиях, связанных с риском. Актуальность данной темы породила множество исследований, связанных с жизнестойкостью и другими психологическими переменными, такими как мотивация достижений, толерантность к неопределенности, а также стратегиями преодоления стрессовой ситуации. Целью работы являлось выявление связи между жизнестойкостью и копинг – стратегиями. Гипотеза: «существует ли связь между жизнестойкостью и копинг-стратегиями?» В качестве эмпирического исследования жизнестойкости использована методика - диспозиционная шкала жизнестойкости П.Бартона, адаптированная на русский и латышский языки Е.Шаплавской и И.Плоткой [15], для эмпирического исследования копинг-стратегий использована методика - шкала SACS (Strategic Approach to Coping Scale - Стратегии преодоления стрессовых ситуаций) С.Хобфолла, адаптированная на русский и латышский языки Е.Шаплавской и И.Плоткой [15].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Исследование жизнестойкости представлена в работах таких авторов как С. Мадди и его коллег: Кошаба [2], Бартон [1] и т.д. В свою очередь изучению копинг - стратегии посвящены следующие работы С. Хобфолла [5] и Р.С. Лазаруса [8]. В Латвии исследования жизнестойкости представлены в работах Шаплавской и Плотки [12, 15].

Согласно Мадди жизнестойкость включает в себя три компонента: вовлеченность, контроль и вызов. **Вовлеченность** (*commitment*), как компонент жизнестойкости, является важной характеристикой личности, которая формируется в процессе ее взаимодействия с окружающей средой, мотивирует человека к самореализации, лидерству, здоровому образу мыслей и поведению. Наличие этой черты дает возможность человеку чувствовать себя значимым и достаточно ценным, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на наличие стрессовых ситуаций [44, 45]. **Контроль** (*control*), как компонент жизнестойкости, выражается в ее способности контролировать действия и события происходящего, проявляется в поиске активных способов влияния на стрессовые воздействия, в противовес беспомощности и пассивности. Наличие этой способности мотивирует человека превращать все стрессы из потенциальных катастроф в возможности его личностного роста. Именно стремление к действию, борьбе позволяет влиять на результат происходящего, несмотря на то, что это влияние может быть не абсолютным и успех не гарантирован [45] ссылка 2017. **Вызов** (*challenge*) определяет открытость и восприимчивость человека к переменам, происходящим в его жизни, которые рассматриваются как новые возможности (противоположно страху перемен). Если человек способен воспринимать жизненные ситуации как вызов, то он достигает чувства удовлетворенности, используя стресс как возможность для развития. Такие люди уверены, что учиться можно как на ошибках, так и на достижениях [10] - Лингвистическая адаптация Шаплавской и Плотки 2014 года [15]. **Копинг – стратегии**. Впервые термин «coping» был использован Л. Мерфи в 1962 году при исследовании способов преодоления детьми требований, выдвигаемых кризисами развития. К ним относились активные усилия личности, направленные на овладение трудной ситуацией или проблемой. В последующем понимание копинг-механизмов и механизмов совладания было тесно связано с исследованиями психологического стресса. Р.С. Лазарус [41] определял эти механизмы как стратегии действий, принимаемые человеком в ситуациях психологической угрозы, в частности в условиях приспособления к болезни как угрозе физическому, личностному и социальному благополучию. По мнению С. Хобфолла [5] (лингвистическая адаптация Шаплавской и Плотки 2014 года) [15] модели поведения могут способствовать или препятствовать успешности преодоления стрессов в зависимости от степени конструктивности стратегии, а также оказывать влияние на сохранение здоровья субъекта общения и труда.

В одном из своих первых исследований С. Мадди [11] обнаружил четкую обратную зависимость между выраженностью компонентов жизнестойкости и вероятностью серьезного заболевания в течение года после возникновения стрессовой ситуации у менеджеров компании [11]. Исследования И. Солковой и П. Томанека [40] были посвящены роли качества жизнестойкость в преодолении повседневного стресса. В работе рассматриваются возможные направления, на которых жизнестойкость может выступать буфером против стресса. Их исследование показало, что жизнестойкость воздействует на ресурсы совладания через повышение самоэффективности. Люди, имеющие высокие показатели жизнестойкости, имеют большее ощущение компетентности, более высокую когнитивную оценку, более развитые стратегии совладания и испытывают меньше стрессов в повседневной жизни. В. Флориан, М. Микулинчер и О. Таубман [4] в своем исследовании задались вопросом, способствует ли высокий уровень " жизнестойкость " сохранению психического здоровья в напряженной ситуации. Они рассматривали в этом контексте роль оценки и копинг-стратегий. Исследование показало, что компоненты " жизнестойкость " (включенность и контроль) оказались прогностическими в отношении психического здоровья. Это подтвердили и результаты исследования К. Ханг [6]. В проведенной нами работе была выдвинута исследовательская гипотеза: Существует ли связь между жизнестойкостью и копинг-стратегиями? В работе использованы следующие

переменные и факторы: жизнестойкость (вовлечённость, контроль, вызов), копинг-стратегии (ассертивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия, импульсивные действия, избегание, манипулятивные действия, асоциальные действия, агрессивные действия).

Методология исследования:

Участники: количество 59 человека из них 51 мужчины и 8 женщины, 33 человека русские и 26, в возрасте 18-41год (Mdn 25).

Метод: Диспозиционная шкала жизнестойкости (психологической устойчивости) (hardiness - resilience) П. Бартона - «Dispositional Resilience Scale» (DRS-15), в адаптации на русский и латышский языки Е.Шаплавской и И.Плотки (2014) [15]. Она включает в себя три компонент– вовлеченность, контроль и вызов. Субшкала вовлеченности определяет, насколько активно человек вовлечен в жизнь (противоположно невовлеченности). Контроль определяет, в какой степени человек, может повлиять на происходящее (противоположно чувству бессилия). Вызов определяет открытость и восприимчивость к переменам в жизни, которые рассматриваются как новые возможности (противоположно страху перемен). Данная шкала широко используется в исследованиях военных, так и среди гражданского населения [1]. Общий показатель жизнестойкости (Hardiness- Resilience) рассчитывается по сумме всех трех субшкал опросника - вовлеченности, контроля и вызова. Альфа-коэффициент Кронбаха $\alpha = 0.700$ является удовлетворительным. Методика шкалы стратегии преодоления стресса, (Strategic Approach to Coping Scale, SACS) С. Хобфоллом. Лингвистическая адаптация на русский и латышский языки Е.Шаплавской и И.Плоткой [12]. В данной модели преодолевающее поведение рассматривается как стратегии (тенденции) поведения, а не как отдельные типы поведения. Данный опросник включает в себя следующие субшкалы: уверенные действия (ассертивные действия); вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, инстинктивные действия, избегание, манипулятивные действия, антисоциальные действия, агрессивные действия, осторожные действия. Альфа-коэффициент Кронбаха $\alpha = 0.748$ является удовлетворительным.

Процедура: Тестирование проводилось в комнате отдыха индивидуально, во время рабочего перерыва между дежурствами на протяжении двух недель. Время их заполнения составляло 20 – 40 мин. Была соблюдена конфиденциальность.

РЕЗУЛЬТАТЫ / REZULTĀTI/ RESULTS

Статистические расчёты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Office Excel 2007 и пакета статистического анализа SPSS 17.0 for Windows XP 2007. Данные были проверены на нормальность распределения и соответственно были выбраны непараметрические корреляционные коэффициенты Спирмена и «Тау» - Кендалла. На основании полученной корреляционной матрицы были выявлены монотонные (линейные) корреляционные связи. Были обнаружены положительные корреляционные связи между «вовлеченностью» ($r = 0,426, p \leq 0,001$), «контролем» ($r = 0,313, p \leq 0,05$), «общей шкалой жизнестойкости» ($r = 0,438, p \leq 0,001$), «вызовом» ($r = 0,273, p \leq 0,05$) и стратегией «уверенные действия». Отрицательные связи обнаружены: между «контроль» и избеганием ($r = -0,362, p \leq 0,01$), поиском социальной поддержки ($r = -0,328, p \leq 0,01$), инстинктивными действиями ($r = -0,297, p \leq 0,05$). Существует связь между общей шкалой жизнестойкостью и антисоциальными действиями ($r = -0,262, p \leq 0,05$). Данные результаты согласуются с результатами исследования Е.Шаплавской и И.Плотки [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

В результате проведенного исследования была реализована основная цель. Были рассмотрены основные психологические конструкторы, такие как жизнестойкость, ее основные компоненты и стратегии преодоления стресса, такие как уверенные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, инстинктивные действия и антисоциальные действия. Исследование

основывалось на многочисленных исследованиях, направленных на изучение связи жизнестойкости с другими психологическими переменными. В соответствии с гипотезой исследования был подобран адекватный инструментарий. Исследовательская гипотеза подтвердилась, выявлены связи между жизнестойкостью, её факторами и копинг-стратегиями. Полученные эмпирические данные соответствуют результатам исследования других исследователей. Ограничения исследования – не случайная выборка. Перспектива исследования: в дальнейшем в измерение конструкта жизнестойкости будут измеряться имплицитными методами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES

1. Bartone, P.T., Roland, R.R., Picano J.J., & Williams T.J. (2008). Psychological hardiness predicts success in US Army Special Forces candidates. *International Journal of Selection and Assessment*, 16, 78-81 p.
2. Khoshaba, D., & Maddi, S. (1999). Early Antecedents of Hardiness. *Consulting Psychology Journal*. Spring. Vol. 51. N 2. 106 – 117 p.
3. Maddi, S.R., & Khoshaba, D.M. (1994). Hardiness and Mental Health. *Journal of Personality Assessment*. Oct. Vol. 63. N 2. 265 – 274 p.
4. Florian, V., Mikulincer, M., & Taubman, O. (1995). Does hardiness contribute to mental health during a stressful real-life situation? The roles of appraisal and coping. *Journal of Personality and Social Psychology*. Apr. 68. 4. 687 – 695 p.
5. Hobfoll, S.E. (1996). Social Support: Will you be there when I need you? In N. Vanzetti and S. Duck (eds.). *A lifetime of relationships*. California: Brooks. Cole Publishing Co.
6. Huang, C. (1995). Hardiness and stress: A critical review. *Maternal-Child Nursing Journal*. Jul-Sep. Vol.23. N 3. 82 – 89 p.
7. Khoshaba, D., & Maddi, S. (1999). Early Antecedents of Hardiness. *Consulting Psychology Journal*. Spring. Vol. 51. N 2. 106 – 117 p.
8. Lazarus, R.S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal and coping*. New York. Springer. Lazarus, R.S. (1993). *Coping Theory and Research: Past, Present, and Future*. *Psychosomatic Medicine*. 55. 234-247 p.
9. Maddi, S.R., & Khoshaba, D.M. (1994). Hardiness and Mental Health. *Journal of Personality Assessment*. Oct. Vol. 63. N 2. 265 – 274 p.
10. Maddi, S. R. (1994). The Hardiness Enhancing Lifestyle Program (HELP) for improving physical, mental, and social wellness. In C. Hopper (Ed.), *Wellness lecture series* (pp. 1–16). Oakland: University of California/HealthNet.
11. Maddi, S.R. (1987). Hardiness training at Illinois Bell Telephone. In J.P. Opatz (Ed.), *Health promotion evaluation* (pp. 101-115). Stevens Point, WI: National Wellness Institute.
12. Plotka, I., Igonin, D., Shaplavska, J., Kruzite, D., & Blumenau, N. (2017). Long-distance truck drivers coping strategies and hardiness: self-assessment procedure implicit association test. In V. Lubkina, S. Usca, & A. Zvaigzne (Eds.), *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference May 26th-27th, 2017, V.I* (pp. 617-638). Rezekne: Rezeknes Academy of Technologies. Thomson Reuters Web of Science database, OpenAIRE, WordCat databases. ISSN 2256-0637.
13. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2009, oktobris). Research of hardiness in relation to stress coping agenda. Uzstāšanās ar referātu 5.ikgadējā starptautiskajā zinātniskajā konferencē „Jaunas dimensijas sabiedrības attīstība”, Jelgava, Latvija.
14. Shaplavska, J., & Plotka, I., (2009). „Dzīves izturība kā viens no cilvēka personības potenciālaattīstības aspektiem XIV starptautiskajā kreativitātes konferencē „Kreativitāte individualitātes dzīves gaitā|| (inpress 11.lpp) RPIVA Rīga, Latvija drukāšanā.
15. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2014). Research of hardiness using explicit and implicit measures (on the basis of professions related to risk). *International Business: Innovations, Psychology, Economics*, 5(1), 27-41.

16. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2009). Research of the correlation between Hardiness, its components and students strategies of overcoming the stressful situations. *Professional Studies: Theory and Practice, Index Copernicus Master Journal List*. 5. 149-154 p.
17. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2010). Dzīves izturība un personības izvēle. Teorija Praksei Mūsdienu Sabiedrības Izglītībā. V Starptautiskā Zinātniskā Konference. Zinātniskie Raksti un Konferences Referāti. Rīga, RPIVA, 25. – 27. marts, 2010 (lpp.331-336). Rīga: RPIVA. ISBN 978-9934-8060-5-6.
18. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2010, May). Research of a hardiness connection to an achievement motivation among students. Poster presentation at the 12th Biennial Conference of the European Association for Research on Adolescence (EARA 2010), Vilnius, Lithuania.
19. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2010, aprīlis). Исследование жизнестойкости в контексте социальной экологии: поиск смысложизненных ориентаций студенческой молодежи. Uzstāšanas ar referātu 52. starptautiskajā zinātniskajā konferencē,
20. Shaplavska, J., Plotka, I., & Vidnere, M. (2009). Research of hardship in relation to stress coping agenda. Proceedings of 5th International Scientific Conference “New Dimensions in the Development of Society”, Latvijas Lauksaimniecības Universitāte, (pp. 20-27). Jelgava, Latvia. ISBN 978-9984-48-005-3 (CD).
21. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2011, December). Hardiness as an aspect of development of student's personal potential. *Oral presentation at the 2nd CITEM, Conference on International Trade, Education and Marketing”, University of South Bohemia, Czech Republic and the School of Economics and Finance at Victoria University, Melbourne, Australia, Tabor, Czech Republic.*
22. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2011, November). Features of hardiness and selection strategies of behavior by military land forces of Latvia in stressful situations. Oral presentation at the 4th Annual Conference on Coping with Extreme Situations”, Prague, Czech Republic.
23. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2011, October). Study of hardiness of personality, whose profession is associated with risk. Uzstāšanās ar referātu 5. ikgadējā Baltijas Militāro psihologu konferencē “Pēc traumatiskais stresa sindroms karavīriem. Karavīra sadarbība ar psihiskās veselības speciālistiem”, Rīga, Latvija.
24. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2011, July). The Research of Coping-strategies and Ambiguity Tolerance as Indicators of Coping with a Hard Life Situation. Poster presentation at the 12th European Congress of Psychology, Istanbul, Turkey.
25. Šaplavska, J., & Plotka, I. (2011, maijs). Pedagogu dzīves izturības un stresa saiknes izpēte. Uzstāšanās ar referātu 14. starptautiskajā zinātniskajā konferencē „Sabiedrība un kultūra: Robežas un jauni apvārsņi”, Liepāja, Latvija.
26. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2011, aprīlis). Исследование жизнестойкости у работников службы спасения. Uzstāšanās ar referātu 53. starptautiskajā zinātniskajā konferencē, Daugavpils, Latvija.
27. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2011, februāris). Research vitality components, tolerance uncertainty and stress situation management strategy of rescue officers. Oral presentation at the 4th International scientific-practical conference „Business, Studies and Me”, Siauliai, Lithuania.
28. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2011, janvāris). Исследование связи жизнестойкости и стратегий копинг- поведения у студентов полицейского колледжа. Uzstāšanās ar referātu I starptautiskajā zinātniskajā konferencē „Cilvēkdrošības tiesiskie, socioloģiskie un psiholoģiskie aspekti”, Rīga, Latvija.
29. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2012, December). The study of connection between hardiness and coping strategies among psychology students. Oral presentation at the 3rd CITEM conference on International Trade, Education and Marketing, Trebon, the Czech Republic.
30. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2012, June). Study of Connection of Hardiness and Social Psychological Adaptation of Students. Poster presentation at the International Journal of Arts & Sciences (IJAS) Conference, Prague, Czech Republic.
31. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2012, aprīlis). The study of connection between hardiness and achievement motivation of students. Uzstāšanās ar referātu Starptautiskajā zinātniskajā konferencē „Higher education – challenges and opportunities”, Siauliai, Lithuania

32. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2012, aprīlis). Dzīves izturības un uzvedības koping - stratēģijas sakarību pētījums Policijas koledžas studentiem. Uzstāšanās ar referātu 54. Starptautiskajā zinātniskajā konferencē, Daugavpils, Latvija.
33. Shaplavska, J., Plotka, I. (2013) Dzīves izturības un uzvedības koping-stratēģijas saskārību pētījums policijas koledžas studentiem. Daugavpils Universitātes 54 starptautiskās zinātniskās konferences krājums, 708-716 p.
34. Shaplavska, J., & Plotka, I., Blumenau, N., & Kruzite, D. (2013, December). Research of hardiness of people whose professions are associated with risk by implicit and explicit measurements. Oral presentation at the 4rd CITEM conference on International Trade, Education and Marketing, Cesky Krumlov, the Czech Republic.
35. Shaplavska, J., Plotka, I., Blumenau, N., Igonin, D., & Kunavin, J. (2013, October). The study of Hardiness with Implicit – Association Test and Self- assessment procedure in risky professions. Oral presentation at the International Scientific and Practice Conference “Business. Society. Human”, National Research University – Higher School of Economics, Russia, Moscow.
36. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2013, July). Study of connection between hardiness and coping strategies among ground troop militaries in Latvia. Poster presentation at the 13th European Congress of Psychology, Stockholm, Sweden.
37. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2013, May). Hardiness as a basis for resilience in professional activities of the military in Latvia. Poster presentation at the International Applied Military Psychology Symposium. IAMPS 2013, Bern, Switzerland.
38. Shaplavska, J., & Plotka, I. (2013, Marts). Study of relationship between hardiness-resilience and coping strategies among Latvian military. Oral presentation at the 5th International scientific-practical conference „Business, Studies and Me”, Siauliai, Lithuania.
39. Solcava, I., & Sykora, J. (1995). Relation between psychological Hardiness and Physiological Response. Homeostasis in Health & Disease. Feb. Vol. 36. N 1. 30 – 34 p.
40. Solcava, I., & Tomanek, P. (1994). Daily stress coping strategies: An effect of Hardiness. Studia Psychologica. Vol 36. N 5. 390 – 392 p.
41. Лазарус Р.С. (1989). Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу. Психологические факторы на работе и охрана здоровья. М.-Женева. 121-126 с.
42. Леонтьев Д.А. (2002). Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации. Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Вып. 1. Под ред. Б.С.Братуся, Д.А.Леонтьева. М.: Смысл. 56 – 65 с.
43. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. (2006). Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психо-логической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. М.: Смысл. 63 с.
44. Мадди, С.Р. (2005). Смыслообразование в процессе принятия решений. Психологический журнал. Т. 26. № 6. 87 – 101 с.
45. Мадди С. (2002). Теории личности: сравнительный анализ. СПб.
46. Маклаков, А.Г. (2001). Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях. Психологический журнал. Т. 22. № 1. 16 – 24 с.
47. Шаплавская Е., Плотка И. (2008). Исследование жизнестойкости в контексте проблематики совладания со стрессом. Starptautiska Zinātniska konference, ŅLatvija un Eiropa: reģionālas attīstības iespējas, risinājumi un perspektīvas:. 28.-29. martā 2008. gada tēzes. 626. lpp. Daugavpils BSA, Latvia.
48. Шаплавская Е., И. Плотка (2009). Исследование связи жизнестойкости, ее компонентов и стратегий кoping-поведения у студентов. Международная научная конференция. The Third International, scientific-practical conference for lecturers, students and social partners. Business, studies and me. 2009. February, 27. Šiauliu kolegija. Литва (впечати).

49. Шаплавская Е., Плотка И. (2010). Жизнестойкость студентов-медиков в ситуации неопределенности. *Professional Studies: Theory and Practice*, (7), pp.121-127. Siauliai: Siauliai Collage.

Sasniegumu motivācijas un pašvērtējuma saikne pusaudžiem

Uldis Ozoliņš

Baltijas Starptautiskā Akadēmija, Rīga, Latvija, maģistratūra psiholoģija, ozolinsuldis@inbox.lv

Darba vadītājs: docente, psiholoģijas doktore J.Šaplavska

ANOTĀCIJA

Raksts atspoguļo sasniegumu motivācijas un pašnovērtējuma fenomena aktualitāti pusaudžu vecumā. Tajā tiek izskatīti sasniegumu motivācijas un pašnovērtējuma teorētiskie aspekti, kā arī agrāk veikto pētījumu analīze, saistībā ar doto tēmu. Rezultāti atspoguļo, ka pusaudžu sasniegumu motivācija un pašnovērtējuma faktori ir pozitīvi saistīti savā starpā.

Atslēgas vārdi: sasniegumu motivācija, pašnovērtējums, pusaudži.

ABSTRACT

The article reflects the topicality of the achievement motivation and self-evaluation phenomenon in adolescents. It examines the theoretical aspects of motivation and self-assessment of achievements, as well as analysis of previous studies in relation to the given topic. The results show that the motivation of adolescent achievements and self-evaluation factors are positively related to each other.

Keywords: achievement motivation, self-esteem, adolescents.

IEVADS / INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ

Teorētiskās atziņas liecina, ka personības tiekšanās uz sasniegumiem, kā arī viņa personīgo sasniegumu kvalitatīva paaugstināšanās, ir viens no galvenajiem nosacījumiem sasniegumu motivācijas attīstībai. Cilvēki ar augstu sasniegumu motivācijas līmeni izvērtē savas iespējas, nosakot mērķus un uzdevumus, tiecas pārvarēt grūtības un šķēršļus, galarezultātā sasniedzot augstus rezultātus. Jautājums par iespējami pilnīgāku sevis pašrealizāciju ir īpaši aktuāls pusaudžu vecumā, jo adekvāti vērtējoša attieksme pret sevi ir psiholoģisks nosacījums optimālai personības funkcionēšanai un pašaktualizācijai. Turklāt pusaudžu vecumā jau ir iespējams runāt par pietiekami izveidojušos Es konceptu. Šajā laikā notiek bioloģiskā, psiholoģiskā un sociālā nobriešana. Ir jāatzīmē, ka, mūsdienās sasniegumu motivācija ir viena no aktuālākajām izpētes problēmām gan psiholoģijā, gan pedagoģijā.

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Pusaudžu periods veido pāreju no bērnības uz jauniešu vecumu un aptver laika posmu no 12 – 18 gadiem. Šī perioda īpašā nozīme ir saistīta ar pubertāti un sociālo attīstību, kā arī ar identitātes un pašvērtējuma meklēšanu un nostiprināšanos.

Psiholoģiskajos pētījumos, kas saistīti ar pusaudžu attīstības īpatnībām, galvenais akcents tiek vērsts uz pašapziņas attīstības izpēti. Šajā vecuma posmā indivīdam veidojas savs pasaules uzskats, sociālais intelekts, sava „Es” identitātes apzināšanās. Pusaudža vecumposmā veidojas indivīda personības pamatiezīmes un kvalitātes, kā arī atklājas visos iepriekšējos periodos izveidojušās ietekmes emocionālajā, kognitīvajā un sociālajā sfērā. Jo lielākas audzināšanas kļūdas ir bijušas pieļautas iepriekšējos attīstības posmos, jo lielākas problēmas ar pusaudzi būs pubertātes laikā. To apliecina arī teorētiskās atziņas kurās atzīts, ka pusaudžu vecuma periods ir pašapziņas attīstības krīzes periods. [1]

No vienas puses pusaudža pašapziņa kļūst arvien stabilākā, no otras puses pakļauta noteiktām izmaiņām, ko nosaka vesela virkne iemeslu.[2]

Pirmkārt, fizioloģiskās un psiholoģiskās izmaiņas tiek saistītas ar pusaudžu dzimumbriedumu, kas manāmi ietekmē sava ārējā tēla uztveri. Otrkārt, izziņas un intelektuālo iespēju attīstība rada sarežģījumus spējā atšķirt reālās un hipotētiskās iespējas. Treškārt, sociālā vide - vecāki, vienaudži, skolotāji var izrādīties abpusēji pretrunīgi. Pusaudža pašapziņas attīstībā dzimumbrieduma procesi, fiziskā attīstība raksturojas, kā sociālie simboli, kuriem īpašu uzmanību pievērš gan pusaudži, gan pieaugušie. [2]

Pusaudžu attīstības periodā liela nozīme ir kolektīvajām, t.i grupas saskarsmes formām, bet tai pašā laikā pieaug individuālo kontaktu un pieķeršanās nozīme. Iesaistīšanās vienaudžu sabiedrībā paplašina pašapliecināšanās iespējas, dod jaunas lomas apguves iespējas, dod sevis vērtējuma kritērijus. Pētījumi parāda, ka vairāk nekā 50% pusaudžu laiku pavada vienaudžu vidū.[3]

Šajā vecuma posmā, viens no iekšējās pasaules pašizziņas mehānismiem izvirzās refleksija - gaidas, ko izprot, kā cilvēka priekšstatu, ko par viņu domā citi cilvēki, kas sastāda viņa saskarsmes vidi. Pusaudzis vienmēr sevi salīdzina ar grupas „Mēs” tēlu, tipisku sava vecuma vienaudzi, jo izzināt, saprast un novērtēt sevi var tikai redzot savu atspoguļojumu otra cilvēka personības spogulī. [4]

Pusaudžu periodā par svarīgāko sevis vērtējuma kritēriju kļūst efektivitāte un kompetence. Šajā laika periodā, pusaudzim izvirzās jautājumi: „Kas es esmu?” (savas identitātes apzināšanās); “Kas es gribu būt?” (profesionālā pašnoteikšanās) un “Kāds es gribu būt?” (morālā pašnoteikšanās).[5]

Identitātes formēšanās ir ilgstošs un sarežģīts pašnoteikšanās process. Palīdzot cilvēkam izprast savu vietu sabiedrībā, tā dod pamatu sociālai salīdzināšanai. Tas nosaka vērtību sistēmu, ideālus, dzīves plānus, sociālās lomas, vajadzības un to realizācijas veidus. Pozitīvais jaunveidojums pēc pārvarētas identitātes krīzes ir stabila identitātes izjūta, skaidra pārlicība par to, kas tu esi un kas gribi būt. Izklidēta identitāte veidojas smagas krīzes rezultātā, kad jaunieši nespēj atrast savu nišu un diezgan haotiski uztver sevi un sociālās attiecības. Krīzes laikā rodas iekšējas pretrunas, kuras būtu jāpārvar, lai notiktu izaugsme. Ja tas nenotiek, pretrunas pārņem indivīdu, un tad, lai gūtu apmierinājumu pastāv regresijas risks uz iepriekšējās stadijas fiksētajām formām.[6]

Pusaudžiem atrodoties moratorija statusā, viena no galvenajām pazīmēm ir trauksme. Pusaudži cīnās ar konfliktējošām vērtībām un priekšrocībām, pastāvīgi saduras ar domstarpībām. Tā kā pusaudži nav pārliecināti savā identitātē, viņi jūtīgi reaģē uz citu cilvēku viedokli.[7]

Pusaudžu vecuma posmā kā galveno psiholoģisko jaunveidojumu ir jāuzskata psiholoģisko gatavību pašnoteikties, kuru zināmā mērā ietekmē pašvērtējums, kurš atkarīgs no pašapziņas attīstības līmeņa; morāles principiem, vērtību orientācijas un individualitātes priekšnosacījumu izveides, kā savu spēju un interešu attīstības un apzināšanās rezultāts.

Pētījumi parāda, ka pastāv saikne starp pašvērtējumu un sasniegumu motivāciju. Rezultāti liecina, ka indivīda pašvērtējuma līmenis rada ietekmi uz sasniegumu motivācijas attīstību. Pie tam sasniegumu motivācija, tās līmeņa paaugstināšanās nav atkarīga no indivīda vecuma.[8]

Pusaudžu vecumā zemi pašvērtējuma rādītāji ir biežāk sastopami nekā augsti. Tas atbilst Konroja veiktajiem pētījuma rezultātiem, kuros atzīts, ka zemi pašvērtējuma rādītāji ir saistīti ar indivīda psiho sociāliem un psiho fizioloģiskiem aspektiem. Rezultāti parāda, ka pusaudžiem ar zemu pašvērtējuma līmeni sasniegumu motivācija ir zemāka nekā pusaudžiem ar augstu pašvērtējuma līmeni.[9]

Pazīstamākās no motivāciju teorijām ir Maslova vajadzību hierarhija, Kleitona Alderfera *ERG* teorija(Existence, Relatedness, Growth), Deivida Maklelanda pieredzes – vajadzību teorija, Frederika Hercberga divfaktoru teorija.

Jēdzienā „pašvērtējums” tiek ietverti divi galvenie procesi: vērtējums un emocijas. Pašvērtējums izpaužas divos veidos, kā personības pašapmierinātība vai neapmierinātība ar sevi. Pašsajūta mainās un ir atkarīga no veismēm vai neveismēm, ko zināmā mērā ietekmē „Es” tēla attīstības spēcīgākās puses. Šajā gadījumā neveiksmes var izsaukt neapmierinātību ar sevi, apmulsumu, kaunu, bet veiksmes – prieku un

apmierinātību. Eksistē noteikts atskaites punkts subjektīvajām veismēm un neveismēm, pretenziju un pašcieņas savstarpējā saistība, ko attēlo sekojošā vienādībā: Pašcieņa = panākumi/ pretenzijas. [10]

Psihoanalītiskā novirziena pārstāvi pašvērtējuma izpētē galveno uzmanību vērš uz personības iekšējiem faktoriem (rakstura īpašības, interpersonālie konflikti), kas ietekmē pašvērtējuma veidošanās procesu un izpausmi. Personības modeli varētu raksturot kā triju struktūru mijsakari – „Es” (apzinātais), „Super-Es” (Es-ideāls) un „Id” (bezapziņa). [11]

Motivācija ir saistīta ar noteiktām vajadzībām, interesēm un apstākļiem. Katram cilvēkam pilnvērtīgai un harmoniskai dzīvei nākas apmierināt visas vajadzības, bet kāda no tām ir dominējošā. Tās apmierināšana vairumā gadījumu nosaka rīcības motīvu. Kādam dominējošā ir vajadzība pēc drošības, citam – pēc sasniegumiem, bet vēl citiem pēc materiālajām vērtībām. Atbilstoši, manipulējot ar cilvēka tieksmi apmierināt savas vajadzības, iespējams veidot motivējošas sistēmas, ar kuru palīdzību tiek kāpināta vajadzība sasniegt pēc iespējas augstākus rezultātus.[12]

Par to, ka realizējot savas spējas saskaņā ar iespējām, cilvēks realizē savas dzīves jēgu, runā praktiski, visu psiholoģisko novirzienu teorētiski. Maslovs pašrealizāciju raksturo, kā cilvēka vēlmi un nepieciešamību kļūt par to, par ko viņam ir iespējams kļūt atkarībā no savām spējām un iespējām. Tas paredz pilnu sava potenciāla izmantošanu. Pašaktualizācija ne vienmēr nozīmē savu iekšējo resursu īstenošanu noteiktās, radošās darbībās. Maslovs uzskatīja, ka pašrealizācija nozīmē maksimāli izmantot savas spējas jebkurā, subjektīvi nozīmīgā dzīves jomā. Specifiskās pašaktualizācijas formas ir ļoti dažādas. Teši šī, vajadzību hierarhijas augstākā pakāpe, cilvēkus dara tik atšķirīgus citu no cita. Atšķirībā no sasniegumu motivācijas pašrealizācijas vajadzību diktē nevis vēlme gūt atzinību un cieņu, bet gan vajadzība pašapliecināties.[13]

SECINĀJUMI / CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ

Augsti vērtējuma faktora rādītāji liecina, ka indivīds sevi pieņem kā personību, apzinās sevi, kā pozitīvu, radošu, sociāli vēlamu īpašību nesēju, apmierināts ar sevi, ar saviem panākumiem. Teorētiskās atziņas tiek atzīts, ka šajā vecuma periodā īpašas izmaiņas notiek personības kognitīvā struktūrā un pašapziņas struktūrā. Viena no pašapziņas struktūras komponentēm ir tieksme uz atzišanu. Līdz ar to, daudziem pusaudžiem īpaši izvirzās tiekšanās uz panākumiem mācību jomā, kuros ir iespēja profesionāli pašapliecināties.

Zemi pašvērtējuma faktora rādītāji liecina par indivīda kritisku attieksmi pret sevi, neapmierinātību ar savu uzvedību, sasniegumu līmeni, personības raksturīpatnībām, sevis pieņemšanas nepietiekamo līmeni. Īpaši zemi šī faktora rādītāji liecina par iespējamiem neirotiskiem traucējumiem, vai citām problēmām, kas saistītas ar savas personības zemā vērtējuma izjūtu.

Palielinoties sasniegumu motivācijas līmenim, pusaudžiem paaugstinās sevis vērtējums, radošums, aktivitāte, mērķtiecīgums, apmierinātība ar saviem sasniegumiem. Savukārt, zemi sasniegumu motivācijas rādītāji liecina par sevis apzināšanās nepietiekamu līmeni, zemu paškontroli, nespēju sasniegt vēlamu, pastāvēt uz saviem principiem, raksturīga atkarība no ārējiem apstākļiem un citu cilvēku vērtējuma.

LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS/ REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- 1 - Svence, G. (1999). *Attīstības psiholoģija*. Rīga: Zvaigzne ABC, 156 lpp., Kons, I. (1985). *Vecāko klašu skolēnu psiholoģija*. Rīga, 196 lpp., Burns, R.B. (1986). *The self-concept in theory, measurement, development and behaviour*. London: Longman. Рубинштейн, С. Л. (1989). *Основы общей психологии*. Москва: Педагогика. Выготский, Л.С. (1983). *Собрание сочинений. Проблемы развития психики*. Москва: Педагогика, 368 с.
- 2 - Burns, R.B. (1986). *The self-concept in theory, measurement, development and behaviour*. London: Longman.
- 3 –Рубинштейн,С. Л. (1989). *Основы общей психологии*. Москва: Педагогика.
- 4 - Kons, I. (1985). *Vecāko klašu skolēnu psiholoģija*. Rīga, 196 lpp.
- 5 - Eriksons, E. (1998). *Identitāte: jaunība un krīze*. Rīga: Jumava, 272 lpp.

- 6 - Erikson, E. H. (1963). *Childhood and society*. New York: Norton Erikson
- 7 - Elkind, D. (1967). Egocentrism in Adolescence. *Child Development. Journal of Child Development*, 38, 1025-1033.
- 8 - Guay, F., Marsh, H. W., & Boivin, M. (2003). Academic self-concept and academic achievement: Developmental perspectives on their causal ordering. *Journal of Educational Psychology*, 95(1), 124-136.
- 9 - Kohlberg, L. (1984). *Moral Stages and Moralization: The Cognitive –developmental Approach*. *The Psychology of Moral Development: The Nature and Validity of Moral stages*. Sanfrancisko: Harper and Row.
- 10 - Джеймс, У. (1991). *Психология*. Москва, 367 с.
- 11 - Фрейд, З. (1991). *Введение в психоанализ: Лекции*. Москва: Наука, 455 с.
- 12 - Garleja, R., & Vidnere, M. (2000.) *Psiholoģijas un sociālās uzvedības aspekti ekonomikā*. R.: Raka, 263 lpp.
- 13 - Маслоу, А. (1997). *Мотивация и Личность*. СПб.: Издательство.: Евразия, 400 с.

Sakarību izpēte starp mobingu un stresa pārvarēšanas veidiem medicīnas personāla darbiniekiem

Ieva Pelīte

Latvija, Baltijas Starptautiskā akadēmija, Profesionālās maģistra studijas psiholoģijā

e-pasts: ievapelite@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs: Mg. psych., Jelena Kovzeļeva

Zinātniskais konsultants: Dr. psych., prof. Irina Plotka

ANOTĀCIJA

Hipotēze: pastāv sakarība starp mobingu un stresa pārvarēšanas stratēģijām medicīniskā personāladarbā. Pētījumā piedalījās 60 dalībnieki, 4 vīrieši un 56 sievietes, no 21 līdz 62 gadiem (*Mdn* = 41.5 gadi). Pētījuma metodikas ir H.Leimana LIPT un R.S.Lazarusa un S.Folkmanes stresa pārvarēšanas stratēģiju tests. Rezultāti: pastāv sakarības starp mobingu un stresa pārvarēšanas veidiem medicīniskajam personālam.

Atslēgas vārdi: mobings, stresa pārvarēšanas stratēģijas, medicīniskais personāls.

ABSTRACT

The research hypothesis is that there is a mobbing effect on stress coping ways among medical staff . The study was attended by 60 respondents, 4 men and 56 women aged 21 to 62 years (*Mdn* = 41.5 gadi). The study methodology is the H.Leiman mobbing test and R.S. Lazarus and S. Folkman stress testing. The results of the research show that there is a correlation between the mobbing relationship with stress coping ways among medical staff.

Keywords: medical staff, mobbing, ways of coping stress.

IEVADS / ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Veselības aprūpes kvalitātes līmeni veido attiecības starp veselības aprūpes personālu, pakalpojuma saņēmēju un veselības aprūpes pārvaldes struktūrām [1]. Veselības aprūpes galvenis uzdevums ir veicināt sabiedrības veselības līmeņa paaugstināšanos. Pastāv noteiktas sakarības starp veselības aprūpē strādājošo darbinieku profesionalitāti un starppersonu saskarsmi, kas ir būtisks darba kvalitātes faktors. [2]. Medicīnas māsas kā arī ārsta palīgi, kuri tiek ietverti vidējā medicīniskā personālā, ir tās personas medicīnas aprūpes sistēmā, kuras nonāk visciešākā saskarē ar pacientiem, gan neatliekamajā medicīniskajā palīdzībā gan primārajā un sekundārajā medicīniskajā palīdzībā. Līdz ar to vidējā medicīniskā personāla katra indivīda psiholoģiskā spēja tikt galā ar stresa apstākļiem un mobingu gan no vadības gan no kolēģu puses, veido visas medicīnas sistēmas spēju veikt pilnvērtīgu aprūpi ikvienam pacientam. Kā savos pētījumos norāda Parks, augstāks risks ciest no mobinga veselības aprūpes organizācijās ir medicīnas māsām, jo viņām var trūkt atbalsta no vadības, kā arī viņu darbā ir vērojams augsts stresa līmenis, ko var izskaidrot ar darba atbildību, un lēmuma pieņemšanas sarežģītības pakāpi. [10] Veiktā pētījuma mērķis ir izpētīt sakarības starp mobingu un stresa pārvarēšanas veidiem vidējā medicīniskā personāla darbā. Darbā izmantotas 2 metodikas.-H. Leimana mobinga tests (Leymann Inventory of Psychological Terror (LIPT); Leymann, 1990) E. Antonijas adaptācijā.

R.S. Lazarusa un S.Folkmanes stresa pārvarēšanas veidu tests (The Ways of Coping scale; Folkman & Lazarus, 1985). H. Leimana mobinga testam tiek izdalītas 5 skalas (Izolētība darba vietā, uzbrukums profesionālajai kompetencei, uzbrukums profesionālajam statusam, uzbrukums individualitātei un reputācijai, fiziskā ietekme). R.S. Lazarusa un S.Folkmanes stresa pārvarēšanas veidu tests sastāv no 8 skalām- konfrontējošā pārvarēšana (confrontive coping), distancēšanās (distancing), paškontrolē (self-controlling), sociālā atbalsta meklēšana (seeking social support), atbildības uzņemšanās (accepting responsibility, bēgšana-izvairīšanās (escapeavoidance) ,plānveida problēmu-risināšana (planful problem-solving), pozitīvā pārvērtēšana (positive reappraisal).

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Mobings ir viens no psiholoģiskās vardarbības veidiem, kurš izpaužas kā darbinieku psiholoģiskais terors pret kādu no kolēģiem. Mobings ir ilgstošs (2-6 mēneši) psiholoģiskais terors pret kādu no darbiniekiem. [7] Psiholoģijā un medicīnā stresa jēdzienu lieto, lai apzīmētu stāvokli, kurā cilvēks ir pakļauts neierastām situācijām. Selje to skaidrojis kā psihiskās spriedzes stāvokli un organisma nespēciskas reakcijas uz jebkādu nelabvēlīgu iedarbību. [12] Pētot literatūru par mobingu un ietekmi ir redzams, ka mobinga rezultātā zaudētājs ir ne tikai darbinieks uz kuru tiek veiktas darbības, kas raksturojamas kā mobings, bet būtisku ietekmi šis fenomens atstāj uz visu organizāciju kopumā. Mobinga ietekmē pieaug darba nespējas gadījumi un darba kavējumi, palielinās darbinieku mainīgums- līdz ar to darbinieku izmaksas, mazinās darbinieku motivācija pildīt savus darba pienākumus, no darba aiziet pieredzējuši darbinieki, ja pret viņiem tiek vērsti mobings, darbinieki jūtas bezpalīdzīgi un iebiedēti savā darba vietā, kopējā darba vide kļūst stresaina un neproduktīva, tādejādi kavējot organizācijas mērķu sasniegšanu un radot arī finansiāli negatīvus rādītājus organizācijai. Ženija Roja, aroda veselības ārste un veselības zinātnu maģistre norāda, ka stress un vardarbība mūsdienās ir kļuvusi par nopietniem draudiem uzņēmumiem, darba videi un sabiedrībai kopumā. [11] Mobinga un stresa sakarībai ir apļveida konstrukcija, jo viens faktors var izsaukt otru un otrādi. Ilgstoša mobinga faktoru ietekme var rezultēties dažādās stresa reakcijās. Kā norāda H. Leimans [8], slikti psihosociālie apstākļi darba vietā var veicināt stresa reakcijas, kas savukārt veicina iekšējo darbinieku frustrāciju un tā rezultātā darbinieki var sākt meklēt vainīgo, vainojot viens otru, kas savukārt var veicināt mobinga rašanos un attīstību darba kolektīvā. [3] Darba dzīves institūts Zviedrijā ir izpētījis, ka negatīvais stress ir augstāks gadījumos, kad draudi cilvēkam ir lielāki, bet rīcības iespējamība ir zemāka. Un tajā pašā laikā pētnieki ir secinājuši, ka augstāka ranga darbiniekiem stresa līmenis ir augstāks, bet arī rīcības brīvība ir augstāka, savukārt zemāka ranga darbiniekiem rīcības brīvība ir zema, biežāk veidojot bezpalīdzības sajūtu. [11] Tiek atzīmēts, ka lielāka iespējamība kļūt par mobinga upuri ir cilvēkiem, kuri ir jūtīgāki uz stresa situācijām. Liela nozīme ir arī organizācijas kopējam stresa līmenim, jo tiek saskatītas sakarības starp augstu stresa līmeni organizācijā un mobinga iespējamību pret darbiniekiem. [6] Stresa pārvarēšanas veidu stratēģijas ir individuālas un tās ietekmē daudz faktoru, tajā skaitā iedzimtība, iepriekšējā stresa pārvarēšanas pieredze u.c. [4] Tādēļ būtiski pētot mobingu un stresa pārvarēšanas veidus ir pievērsties arī indivīda psiholoģiskajām atšķirībām un īpatnībām. Mobings var būt kā stressors darba vietā. [11] Kas savukārt var izraisīt gan individuālas problēmu situācijas, gan kaitējumu organizācijai kā arī sabiedrībai kopumā. [5]

PĒTĪJUMA REZULTĀTI / РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS

Pētījuma dati tika apstrādāti izmantojot statistikas programmu SPSS 22. Iegūto datu analīzei tika izmantots Spīrmena ranga korelācijas kritērijs r_s . H. Leimana mobinga testa skalas ticamības pārbaudei tika izmantots Kronbaha α kritērijs. Iegūtie dati parāda, ka skalas ticamība ir ļoti laba $\alpha = .94$ ($N = 33$). R.S. Lazarusa un S. Folkmanes stresa pārvarēšanas stratēģiju testa (The Ways of Coping scale Folkman & Lazarus, 1985) ticamība ir $\alpha = .92$ ($N = 66$). Pētījumā iegūtie dati parāda, ka veidojās korelācijas starp izolētību darba vietā un bēgšanas-izvairīšanās stresa pārvarēšanas stratēģiju ($r = .26$, $p = .46$). Korelācija pozitīva. Starp uzbrukumiem profesionālajai kompetencei un plānveida problēmu risināšanas stratēģiju ($r = -.32$, $p = .02$) un pozitīvo pārvērtēšanu ($r = -.27$, $p = .04$) korelācija negatīva. Sakarība starp uzbrukumiem individualitātei un reputācijai un plānveida problēmu-risināšanas stratēģiju ($r = -.27$, $p = .04$) korelācija negatīva. Starp fizisko ietekmi un distancēšanos ($r = -.29$, $p = .03$), sociālā atbalsta meklēšanu ($r = -.37$, $p = .01$), plānveida problēmu-risināšanas stratēģiju ($r = -.47$, $p = .001$) un pozitīvo pārvērtēšanu ($r = -.53$, $p = .001$) visas korelācijas negatīvas.

SECINĀJUMI / ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS

Pētījuma gaitā tika analizētas sakarības starp mobingu un stresa pārvarēšanas stratēģijām vidējam medicīniskajam personālam.

Pētījuma mērķis - izpētīt sakarības starp mobingu un stresa pārvarēšanas stratēģijām vidējam medicīniskajam personālam, tika realizēts.

Pētījumā izvirzītā hipotēze, ka pastāv sakarība starp mobingu un stresa pārvarēšanas stratēģijām vidējam medicīniskajam personālam tika apstiprināta.

Turpmāk būtu noderīgi veikt plašākus pētījumus, lai specifiskāk noteiktu problēmu jautājumus vidējā medicīniskā personāla darbā, kas ir saistīti ar cilvēka apmierinātību ar darbu, spēju risināt konfliktus, spēju noteikt problēmu cēloņus un to risinājumus.

Darba praktiskā nozīme - mobinga izpēte vidējā medicīniskā personāla vidū būtiski var uzlabot medicīniskās aprūpes kvalitāti organizācijās, jo tiek aktualizēta mobinga problēma un korelācija ar stresa noturību, kas ir viens no būtiskākajiem faktoriem cilvēkiem, kuru darbs saistīts ar apkalpošanu.

IZMANTOTĀ LITERATŪRA / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Bļodniece R. (2000) *Par medicīniskās aprūpes kvalitātes kontroli*. Latvijas ārsts, Nr. 6, lpp12-13.
2. Buiķe I., Baķe M.A. (2006) *Latvijas veselības aprūpes darbinieku darbaspēju pašvērtējums un tā saistība ar darba vides riska faktoriem pēc 2002. gada un 2006. gada aptauju datiem*. Medicīnas bāzes zinātnes. RSU Zinātniskie raksti.
3. Cristian Balducci, (2009) *Aggressive behavior at work: Investigating and integrating the target's and actor's perspectives*, Università degli Studi di Trento Dipartimento di Scienze della Cognizione e della Formazione Dottorato di ricerca (PhD) XXII ciclo
4. Deklava L., (2012), *Praktizējošo māsu personību raksturojošie faktori un profesionāli – relevantā uzvedība*. RSU zinātniskie raksti, Rīga
5. Hassard J. (uzdevuma vadītājs), Kevin Teoh, Tom Cox un Philip Dewe, (2014) Marlen Cosmar, Robert Gründler un Danny Flemming, Brigit Cosemans un Karla Van den Broek, , (2014), *Ar darbu saistīta stresa un psihosociālo risku radītu izmaksu aprēķināšana.*, Eiropas Riska observatorijas literatūras pārskats., Eiropas Darba drošības un veselības aizsardzības aģentūra. International conference of scientific paper afases 2014 brasov, 22-24 may 2014, mobbing: psychological terror in the workplace.
6. Knipše S. (2015). *Dienas bizness*, Nr. 4- 11lpp
7. Leymann H., Ph.D, (1990), *Mobbing and Psychological Terror at Workplaces*, University of Stockholm, and National Institute of Occupational Health Stockholm, Sweden 119-125 pg., skat.: [http://mobbingportal.com/LeymannV&V1990\(2\).pdf](http://mobbingportal.com/LeymannV&V1990(2).pdf)
8. Leiman, H. (1996.) *The Content and Development of Mobbing at Work*, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 5(2), , p. 68.
9. Leymann H., & Gustafsson A. (1996). *Mobbing at work and the development of post-traumatic stress disorders*. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 5, 251–275.
10. Park E-Y., PhD, RN, 1Mikyung Lee, PhD, RN, 2Myungsook Park, PhD, RN (2017)., *Instruments and Taxonomy of Workplace Bullying in Health Care Organizations* skat: <https://reader.elsevier.com/reader/sd/>
11. Roja I., Roja Ž. (2004) *Stress un vardarbība darbā*. - Latvijas Ārsts. 2004. Nr.11 32-37 lpp
12. Seljē H. (1983) *Mana mūža stress*. Rīga: Zinātne.

Исследование связи негативных черт личности с самомониторингом у менеджеров по продажам

Olga Rimkus,

Латвия, Балтийская Международная академия, Рига, магистратура психология

novella_olga@mail.ru

Научный руководитель: доцент, доктор психологии Людмила Калининкова

АННОТАЦИЯ

Цель: исследование связи негативных черт личности с самомониторингом у менеджеров по продажам. Участники: 98 человек. Возраст: 22-46 лет (Mdn=34 года). Метод: Краткий опросник - Темная Триада; шкала самомониторинга. Результаты: установлены как положительные, так и отрицательные значимые связи между показателями макиавеллизма и самомониторинга; нарциссизма и самомониторинга.

Ключевые слова: макиавеллизм, нарциссизм, негативные черты личности, психопатия, самомониторинг.

ABSTRACT

Objective: to study the relationship of negative personality traits with self-monitoring in sales managers. Participants: 98 persons. Age: 22-46 years (Mdn = 34 years). Method: A Short Measure - The Dark Triad; the Self-monitoring Scale. Results: it was found positive and negative statistically significant relation between of Machiavellianism and self-monitoring; narcissism and self-monitoring.

Key words: machiavellianism, narcissism, negative personality traits, psychopathy, self-monitoring.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Деятельность менеджера по продажам заключается в активных продажах и работе с людьми. Эффективные менеджеры нацелены на достижение высокого уровня продаж, им нравятся проблемные ситуации, ответственность за найденные решения, которые приводят их к успеху. Организации, занимающиеся сбытом продукции и предоставлением услуг, к личностным качествам и уровню профессиональной компетенции менеджера по продажам предъявляют высокие требования. Функциональные обязанности предполагают наличие у профессионала стремления быть активным, креативности, гибкости, умения отвечать за свои решения, умения рисковать, производить благоприятное впечатление. Аборина и Саблина [20] считают, что одним из основных профессионально значимых качеств личности менеджера является макиавеллизм. Целью данной работы является исследование связи негативных черт личности с самомониторингом у менеджеров по продажам. Исследовательский вопрос: «Существует ли связь негативных черт личности с самомониторингом у менеджеров по продажам?». Данное исследование базируется на теоретических положениях модели негативных черт личности «Темная Триада» Furnham, Richards & Paulhus, а также на теоретических положениях о природе и сути самомониторинга Gangestad & Snyder.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ

Исследования Paulhus & Williams продемонстрировали, что три психологические черты – неклинический нарциссизм, неклиническая психопатия и макиавеллизм – образуют своеобразный

синдром свойств, перспективный для исследования негативной стороны личности [22]. Данные черты личности являются взаимосвязанными, но независимыми от других черт конструктами. Их проявления в норме во многом похожи, но выявлена многовариантность поведения. В обзоре исследований связи между показателями шкал «Темной Триады» Furnham et al. указали, что значимая связь между ее составляющими обнаруживается практически всегда [5]. Найдены наиболее значимые коэффициенты корреляции между психопатией и макиавеллизмом, наименьшие – между психопатией и нарциссизмом.

Егорова и Ситникова отмечают противоречивое поведение как характерную особенность нарциссизма: умение завоевывать симпатию и восхищение, осуществлять самомониторинг, создавать благоприятное первое впечатление [3, 19], с другой стороны – агрессивность, демонстративность, использование других, присвоение прав, что приводит к социальной дезадаптации. Шкала психопатии характеризует «социально-аверсивных» личностей, способных к нормальному функционированию [12]. Большинство исследователей к характеристикам психопатии относят: низкую тревожность и бесстрашие, импульсивность, безответственность и безрассудность [22]. Выделяется склонность к обману и манипуляции, неудовлетворенность жизнью. Макиавеллизм как составляющая «Темной Триады», в отличие от нарциссизма и психопатии, не имеет аналогов в психиатрии. В качестве основных черт макиавеллизма отмечают эмоциональную холодность [11, 17], негативизм, повышенную враждебность, экстернальный локус контроля функционированию [23, 15], склонность манипулировать другими людьми.

Paulhus & Williams отмечают, что высокие показатели по шкалам триады указывают на способность ловко маневрировать в социальных ситуациях, сохраняя собственные интересы, ради которых обладатели данных черт манипулируют и эксплуатируют других людей [12]. Выявлено, что показатели «Темной Триады» отрицательно коррелируют с показателями возраста, самоконтроля и импульсивности [8]. Проведено мало исследований с целью выявления действия ситуативных факторов на индивидуальное проявление черт, которые при определенных обстоятельствах могут проявляться эффективно.

Современный концепт самомониторинга описан как характеристика индивидуальных различий, определяющих способность и стремление отслеживать через самонаблюдение и самоконтроль свое экспрессивное поведение и самопрезентацию в социальных ситуациях, а также реализацию этой способности. Что свидетельствует о наличии или отсутствии у субъекта тенденций к управлению впечатлением о себе, которое включает конструирование и усовершенствование своего социального образа. Gangestad & Snyder считают самомониторинг неоднородным конструктом, который обладает сложной структурой связей с психологическими характеристиками и является типобразующим [6]. Полежаева отмечает, что место самомониторинга в структуре личности недостаточно исследовано [24]. Считают, что высокий уровень самомониторинга, как и стремление к достижению цели и карьерному росту, присущи макиавеллистам [16]. *Для высокого самомониторинга типично быть в согласии с требованиями ситуации, тогда как низкий самомониторинг означает тенденцию быть в согласии с внутренними чувствами» [2].* Исследования самомониторинга в большинстве базируются на теоретических положениях Gangestad & Snyder [6]. Эмпирические исследования самомониторинга в основном относятся к сфере коммуникативной компетенции в процессе межличностных отношений, а также организационного поведения и поведения потребителя.

Большинство авторов в качестве доминанты социального поведения личности выделяют манипулятивное поведение «социального хамелеона», которое потенциально объединяет самомониторинг с чертами «Темной Триады» [14]. Исследователями выявлена позитивная связь самомониторинга с чертами «Темной Триады»: макиавеллизмом, нарциссизмом и психопатией [9]. Эмпирических исследований связи черт «Темной Триады» с уровнями самомониторинга у менеджеров по продажам не найдено.

Методология исследования

Участники. Для реализации цели исследования была сформирована выборка - невероятностная, по возможности. В исследовании принимали участие менеджеры по продажам. Объем выборки - 98 человек. Все участники – мужчины в возрасте от 22 до 46 лет ($M = 33.3$, $SD = .63$). 50% участников не старше $Mdn = 34$ года. Выборка по возможности. Объем выборки достаточен для получения надежных результатов.

Метод. Dark Triad of Personality - D3-Short (Paulhus) [13], в адаптации Егоровой с коллегами [21]; 18-Item Self-Monitoring Scale (Snyder & Gangestad) [18], в адаптации Полежаевой [24].

Процедура. Исследование обеспечило добровольность участия, анонимность и конфиденциальность данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS / REZULTĀTI

По результатам исследования выявлено, что большинство участников имеет высокий уровень выраженности показателей всех составляющих «Темной Триады», но одинаковую выраженность разных уровней самомониторинга, что объясняется неоднородностью выборки по возрасту.

Установлены положительные статистически максимально значимые связи ($p < 0.001$) между показателями макиавеллизма и самомониторинга ($r_s = .90$) и между показателями нарциссизма и самомониторинга ($r_s = .79$). Полученные данные согласуются с теоретическими объяснениями поведения людей с высоким уровнем макиавеллизма и нарциссизма, связанных с самомониторингом [24]. Найдена отрицательная статистически максимально значимая связь ($p < 0.001$) между показателями психопатии и самомониторинга ($r_s = -.44$), что объясняется защитными функциями самомониторинга как проявления саморегуляции поведения для неклинической формы психопатии. Найдена сильная отрицательная статистически максимально значимая связь между показателями психопатии и самомониторинга.

На основе частотного анализа установлено статистически значимое распределение участников исследования по группам в соответствии с уровнем составляющих «Темной Триады» и самомониторинга, что объясняется описаниями самомониторинга разного уровня в характеристиках шкал «Темной Триады».

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

В результате исследования получен положительный ответ на исследовательский вопрос: «Существует ли связь негативных черт личности «Темная Триада» с самомониторингом у менеджеров по продажам». Данный результат согласуется с предположениями Rauthmann & Franzens [14] о позитивной корреляции черт «Темной Триады» с высоким самомониторингом, а также теоретическим объяснением проявлений характерных особенностей, составляющих «Темной Триады», в число которых входит высокий самомониторинг [21; 1; 4; 3; 19]. Полученную связь можно объяснить совпадением проявлений черт «Темной Триады» и самомониторинга. Определенное сочетание негативных черт личности, оставляющих комплекс «Темной Триады», позволяет активно привлекать клиентов, производить благоприятное впечатление [3], использовать техники влияния и манипулировать клиентом для достижения профессиональной цели, контролировать свое поведение [10]. Jonason, P.K., Li, N.P. & Teicher E.A. [7] отмечают, что ради реализации собственных интересов обладатели черт «Темной Триады» нуждаются в навыках контроля и управления социальным восприятием и своим поведением.

Анализ предшествующих эмпирических исследований не выявил исследований связи самомониторинга и негативных черт «Темной Триады» у менеджеров по продажам. Переменные исследования относятся к личностным конструктам. Установлена неоднородность распределения менеджеров в выборке по возрасту и уровням составляющих «Темной Триады» и самомониторинга.

Установлено статистически значимое распределение участников исследования по группам в соответствии с уровнем составляющих «Темной Триады» и самомониторинга, что объясняется описаниями самомониторинга разного уровня в характеристиках шкал «Темной Триады». Результаты согласуются с исследованиями, показывающими наличие самомониторинга разного уровня в характеристике шкал «Темной Триады»

Полученные результаты дают возможность прогнозировать эффективность деятельности менеджеров по продажам. Актуальным является проведение исследования на большей по объему выборке, принимая во внимание профессиональную успешность менеджеров по продажам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Abell, L. & Brewer, G. (2014). Machiavellianism, self-monitoring, self-promotion and relational aggression on Facebook. In: *Computers in Human Behavior*. July 2014, Volume 36. 258–262.
2. *APA Dictionary of Psychology (2007)*. American Psychological Association. 832
3. Back, M.D., Schmukle, S.C. & Egloff, B. (2010). Why Are Narcissists so Charming at First Sight? Decoding the Narcissism–Popularity Link at Zero Acquaintance. In: *Journal of Personality and Social Psychology*. 98(1), 132–145. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.1037/a0016338>.
4. Campbell, W.K., Hoffman, D.J., Campbell, S.M. & Marchisio, G.(2011). Narcissism in organizational contexts. In: *Human Resource Management Review*. 21(4). 268–284.
5. Furnham, A., Richards, S.C. & Paulhus, D.L.(2013). The Dark Triad of Personality: a 10 year review. In: *Social and Personality Psychology Compass*. V. 7(3).199–216.
6. Gangestad, S. & Snyder, M. (2000). Self-Monitoring: Appraisal and Reappraisal. In: *Psychological Bulletin*. Vol.126.Nr.4.530-555.
7. Jonason, P.K., Li, N.P. & Teicher E.A. (2010). Who is James Bond? The Dark Triad as an agentic social style. In: *Indiv. Diff. Research*.V. 8. 111–120.
8. Jonason, P.K., & Tost, J. (2010). I just cannot control myself: The Dark Triad and self-control. In: *Personality and Individual Differences*. 49 (2010) 611–615.
9. Kowalski, C.M., Rogoza, R., Vernonc, F.A.& Schermerd J.A.(2018) The Dark Triad and the self-presentation variables of socially desirable responding and self-monitoring.In: *Personality and Individual Differences*. Vol.120 (1), 234-237.
10. Maccoby, M. (2004). Narcissistic leaders: The incredible pros, the inevitable cons.In: *Harvard Business Review*, 3-7.
11. Maples, J.L., Lamkin, J. & Miller, J.D. (2014). A test of two brief measures of the Dark triad: the Dirty Dozen and short Dark triad. In:*Psychological Assessment*.V. 26(1),326–331.
12. Paulhus, D.L. & Williams, K.M. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Research in Personality*. 36, 6(6), 556–563.
13. Paulhus, D.L. (2013) . Dark Triad of Personality(D3-Short). Measurement Instrument Database forthe Social Science. Retrieved from www.midss.ie.
14. Rauthmann, J.F. & Franzens, L. (2011). Acquisitive or protective self-presentation of dark personalities? Associations among the Dark Triad and self-monitoring. In: *Personality and Individual Differences*. 51(4). 502–508.
15. Sakalaki, M., Kanellaki, S. & Richardson, C.(2009). Is a Manipulator’s Externality Paradoxical? The Relationship Between Machiavellianism, Economic Opportunism, and Economic Locus of Control. In: *Journal of Applied Social Psychology*. V. 39(11). 2591–2603.
16. Scandura, T. (2018). *Essentials of Organizational Behavior*. Second ed. SAGE publications. Chapter 2.7.
17. Shepperd, J.A. & Socherman, R.E.(1997). On the Manipulative Behavior of Low Machiavellians Feigning Incompetence to “Sandbag” on Opponent. In: *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 72 (6). 1448–1459.
18. Snyder, M. & Gangestad, S. (1986). On the Nature of Self-Monitoring: Matters of Assessment, Matters of Validity. In *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol.51. Nr.1. 125-139 pp.

19. Young, S.M., Pinsky, D. (2006). Narcissism and celebrity. In: *Journal of Research in Personality*. 40, 463–471
20. Аборина, М.В., и Саблина, М.Ю. (2010). Социально-психологические характеристики успешности профессиональной деятельности менеджера. В ж. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-samarskoy-gumanitarnoy-akademii-serija-psihologija>
21. Егорова, М.С., Ситникова, М.А. и Паршикова О.В.(2015). Адаптация Короткого опросника Темной триады. Психологические исследования. Т.8. №43. 1. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html>.
22. Егорова, М.С., Ситникова, М.А. (2014). Темная триада. *Психологические исследования*. Том 7. № 38. 12. Retrieved from <http://psystudy.ru>.
23. Корнилова, Т.В. и Чигринова, И.А. (2012). Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регулировании личностных выборов. *Психологический журнал*. Т.33. №2. 69-87..
24. Полежаева, Е. А. (2009). Место самомониторинга в структуре личностных характеристик. Диссертация на соиск. уч.степ.канд.психол.наук. М. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/mesto-samomonitoringa-v-strukture-lichnostnykh-kharakteristik#ixzz4gtV6nvvo>

Исследование связи профессионального выгорания с эмпатией у учителей средней школы

Илья Семёнов,

Латвия, Балтийская Международная академия, Рига, магистратура психология,

iillja@inbox.lv

Научный руководитель: Dr. psych., доц. Л. Калининкова, Латвия

Консультант: Prof., Dr. psych. И. Плотка, Латвия

АННОТАЦИЯ

Цель: исследование связи профессионального выгорания с эмпатией у учителей средней школы. Метод: Диагностика уровня эмпатии; Диагностика профессионального выгорания. Участники: 93 человека. Возраст: Mdn=51 год. Результаты: статистически значимая связь эмпатии и профессионального выгорания у учителей средней школы не найдена.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, учителя, эмпатия.

ABSTRACT

The aim: research of the relationship between professional burnout and empathy in secondary school teachers. Method: Diagnosis of the level of empathy; Diagnosis of professional burnout. Participants: 93 people. Age: Mdn=51 years. Results: A statistically significant connection between empathy and professional burnout among secondary school teachers was not found.

Key words: empathy, professional burnout, teachers.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Учитель — это профессия с высоким риском профессионального выгорания [13]. Основными факторами риска выгорания для учителей являются требования к работе, связанные с трудностями обучения учеников, агрессивным поведением учеников, двусмысленностью ситуаций и конфликтом между коллегами, проблемными отношениями с родителями, дефицитом времени [4]. Ситуации профессиональной деятельности требуют от учителей способности контролировать возникающее эмоциональное напряжение, относиться к ученикам с теплотой и состраданием и подавлять любые чувства нетерпеливости или гнева [2]. Учителя, выбирают профессию учителя, имея высокие моральные ценности и развитую способность к эмпатии. К сожалению, опыт работы в школах учит подавлять способность выражать свои чувства заботы, направленные на учеников. Целью данной работы является исследование связи профессионального выгорания с эмпатией у учителей средней школы. Исследовательский вопрос: «Существует ли связь профессионального выгорания с уровнем эмпатии у учителей средних школ?». В качестве эмпирического исследования эмпатии использована методика диагностики уровня эмпатических способностей Бойко [19], для эмпирического исследования профессионального выгорания использована методика диагностики профессионального выгорания Опросник "Профессиональное (эмоциональное) выгорание" разработанный на основе трехфакторной модели Maslach and Jackson и адаптирован Водопьяновой и Старченковой [12].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UNPRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Профессиональное выгорание - физическое, эмоциональное или умственное истощение, сопровождающееся сниженной мотивацией, худшими результатами и негативным отношением к

себе и другим. Выгорание происходит, когда человек действует на пределе своих возможностей, в то время как на него оказывают отрицательное влияние стресс и напряжение, в частности, чрезмерное и продолжительное физическое и умственное усилие или чрезмерная нагрузка. Выгорание чаще всего наблюдается у специалистов, которые вынуждены много и интенсивно общаться с людьми (такие как социальные работники, работники исправительных учреждений, педагоги, психологи и т.д.) и имеющих высокий уровень напряженности [1].

Maslach&Jackson описывают эмоциональное выгорание как трехмерный конструкт, включающий в себя все компоненты: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений [12].

Эмоциональное истощение рассматривается как основная составляющая выгорания. Проявляется оно в сниженном эмоциональном фоне, равнодушии, в ощущениях эмоционального перенапряжения и в чувстве опустошенности, истощенности собственных эмоциональных ресурсов.

Деперсонализация сказывается в деформации отношений с другими людьми (тенденция к развитию негативного, бездушного, циничного отношения). Контакты становятся обезличенными и формальными.

Редукция личностных достижений может проявляться либо в тенденции негативно оценивать себя, занижать свои профессиональные достижения и успехи, негативизме по отношению к служебным достоинствам и возможностям, либо в преуменьшении собственного достоинства, ограничении своих возможностей, обязанностей по отношению к другим.

Отличительной особенностью позиции Maslach и ее коллег является акцентирование внимания на профессиональном характере синдрома выгорания, трактовке его «как результата профессиональных проблем, а не как психиатрического синдрома» [12].

Анализ теоретических и экспериментальных исследований эмпатии, позволяет сделать вывод об отсутствии единого понимания сущности и структуры данного феномена. Особенно проблемным выглядит чрезвычайно высокий уровень многозначности, неопределенности понятия «эмпатия» [22].

Понятие эмпатия имеет много определений. Авторы не дают однозначного определения этого феномена, некоторые исследователи понимают эмпатию как вчувствование, сопереживание, понимание психологических состояний других людей. Исследователи считают, что эмпатия как социально-психологическое свойство личности состоит из ряда способностей: 1) способности эмоционально реагировать и откликаться на переживания другого, 2) способности распознавать эмоциональные состояния другого и мысленно переносить себя в его мысли, чувства и действия, 3) способности выбирать адекватный эмпатический ответ (вербального и невербального типа) на переживания другого, использовать способы взаимодействия, облегчающие страдания другого.

Бойко рассматривает феномен эмпатии как: «...форму рационально- эмоционально-интуитивного отражения другого человека, которая позволяет преодолеть его психологическую защиту и постичь причины и следствия самопроявлений – свойств, состояний, реакций – в целях прогнозирования и адекватного воздействия на его поведение» [20].

Методология исследования

Участники. 93 человека, 87 женщин и 6 мужчин - учителя средних школ города Риги. Выборка реальная, по возможности. Возраст участников 30-68 лет (Mdn=51 год). Стаж участников 6-45 лет (Mdn=28 лет). Все участники имеют высшее образование.

Метод. Методика диагностики уровня эмпатических способностей Бойко. Автор методики [19]. Опросник позволяет выявить уровни эмпатических способностей. Опросник содержит 36 утверждений, которые охватывают 6 параметров: рациональный канал эмпатии; эмоциональный канал; интуитивный канал; установки, способствующие или препятствующие эмпатии; проникающая способность в эмпатии, идентификация в эмпатии. и имеют шкалы "да" для утвердительного ответа, и "нет" для отрицательного. Коэффициент альфа-Кронбаха $\alpha = .55$ соответствует малоприспособной для анализа согласованности пунктов опросника [23]. После анализа пункты опросника, нарушающие

внутреннюю согласованность, были удалены. Новый коэффициент альфа-Кронбаха $\alpha = .67$ говорит о том, что, хотя согласованность шкалы еще сомнительная, но она уже близка к приемлемой. На основе анализа было принято решение работать только с одной, суммарной шкалой эмпатии, не деля ее на подшкалы. Коэффициент альфа-Кронбаха $\alpha = .67$

Методика диагностики профессионального выгорания [12] опросник "Профессиональное (эмоциональное) выгорание" был разработан на основе трехфакторной модели Maslach and Jackson и адаптирован Водопьяновой и Старченковой. Тест содержит 22 утверждения, и имеет 6-ти уровневую шкалу. При обработке результатов выделяется три субшкалы: «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация» и «Редукция профессионализма». Коэффициент альфа-Кронбаха для всей шкалы методики равен $\alpha = .67$ почти приемлем для анализа. После исследования общих статистик были удалены некоторые вопросы, и коэффициент альфа – Кронбаха стал равным $\alpha = .86$ что говорит о хорошей внутренней согласованности вопросов.

РЕЗУЛЬТАТЫ / REZULTĀTI / RESULTS

По результатам исследования не было обнаружено статистически значимой связи между эмпатией и профессиональным выгоранием. Результат настоящего исследования подтверждается исследованием Водопьяновой, где выявлено, что способность «вчувствования» и сопереживания выступает в качестве некоторого буфера, препятствующего выгоранию [21]. Согласно данному объяснению у учителей в выборке проведенного исследования такой буфер отсутствует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

В результате осуществленного исследования была реализована её основная цель, которая заключалась в исследовании связи профессионального выгорания с эмпатией у учителей средней школы.

Было показано, что профессиональное выгорание – это физическое, эмоциональное или умственное истощение, сопровождающееся сниженной мотивацией, худшими результатами и негативным отношением к себе и другим. В свою очередь определено, что эмпатия – это вчувствование, сопереживание, понимание психологических состояний других людей.

В результате измерения шкал эмпатических способностей и профессионального выгорания статистически значимая связь эмпатии и профессионального выгорания не выявлена. Получен отрицательный ответ на исследовательский вопрос данного исследования: «Существует ли связь профессионального выгорания с уровнем эмпатии у учителей средних школ?» Полученные результаты исследования совпадают с результатами исследований [18] Wilkinson, Whittington, Perry & Eames, [24] Медведская & Шерягина, где статистически значимой связи между профессиональным выгоранием и эмпатией не обнаружено. Отсутствие статистически значимой связи эмпатии с профессиональным выгоранием в выборке можно объяснить отмеченными особенностями проявления профессионального выгорания у учителей, а именно - «авторитаризм» в отношении к учащимся и низкий уровень эмпатии.

Ограничения в исследовании: Все данные были получены от учителей нескольких школ. Поскольку выборка реальная по возможности, это могло повлиять на результаты исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES

1. APA Dictionary of Psychology// Editor Vandenberg, R. - American Psychological Association, 2007.
2. Beatty, B. (2000). The emotions of educators of educational leadership: breaking the silence. *International Journal of Leadership in Education*, 3(4), 331-335.
3. Benevene, P. & Fiorilli, C. (2015) Burnout Syndrome at School: A Comparison Study with Lay and Consecrated Italian Teachers. *Mediterranean Journal of Social Sciences* MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6 No 1 January 2015

4. Chan, D. W. (2003). Dimensions of emotional intelligence and their relationships with social coping among gifted adolescents in Hong Kong. *Journal of Youth and Adolescence*, 32, 409-418.
5. Cooper, B. (2004) Empathy, Interaction and Caring: Teachers' Roles in a Constrained Environment. *Pastoral Care in Education*. Vol. 22, Issue 3 September 2004 .Pages 12-21.
6. Figley CR. Compassion fatigue: psychotherapists' chronic lack of self care. *J Clin Psychol*. 2002 Nov;58(11):1433-41. PubMed PMID: 12412153.
7. Goroshit, M. & Hen, M. (2014) Does Emotional Self-efficacy Predict Teachers' Self-efficacy and Empathy? *Journal of Education and Training Studies* Vol. 2, No. 3; July 2014
8. Greenson. R.R. (1960). Empathy and its Vicissitudes. // *International Journal of Psychoanalysis*, 41, 418-424.
9. Hoffman, M. L. (2000). Empathy and moral development: Implications for caring and justice. New York : Cambridge University Press.
10. Kaya, B. (2016) An evaluation of the empathy levels of pre-service social studies teachers. *Academic Journal*. Vol. 11(6), pp. 229-237, 23 March, 2016
11. Lee H., Song R., Cho Y.S., Lee G.Z., Daly B. A comprehensive model for predicting burnout in Korean nurses. *Journal of Advanced Nursing*. 2003;44(5):534-545.
12. Maslach, C., Jackson S.E. & Leiter M.P. (1996) *Maslach Burnout Inventory Manual (Third Edition)*. Palo Alto, California: Consulting Psychological Press.
13. Maslach, C. & Leiter, M.P. (1997). The truth about burnout: How organization cause personal stress and what to do about in. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
14. Peterson, R. & Leonhardt, J. (2015) The complementary effects of empathy and nonverbal communication training on persuasion capabilities. *Administrative Issues Journal: Connecting Education, Practice, and Research*, Vol. 5, No. 1: 77-88, DOI: 10.5929/2015.5.1.5
15. Rogers, C. (1988) Client-centered therapy. *Comprehensive Textbook on Psychiatry*. 5 ed. / Kaplan H.I., Sadock B.J. (ed). Baltimore Williams & Wilkins/P. 3-40.
16. Schaufeli, W.B., Leiter, M.P., & Maslach, C. (2008). Burnout: 35 years of research and practice. *Career Development International*, Vol. 14 Issue: 3, pp. 204-220.
17. Vignemont, F., Singer T. (2006) The empathic brain: how, when and why? / *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 10(10). P. 435-441.
18. Wilkinson H., Whittington R., Perry L., Eames C. Examining the relationship between burnout and empathy in healthcare professionals: A systematic review: *Burnout Research* 6 (2017) 18-29
19. Wrobel, M. (2013). Can empathy lead to emotional exhaustion in teachers? The mediating role of emotional label. *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*. <http://link.springer.com/article/10.2478/s13382-013-0123-1#/page-1>
20. Бойко, В. (1996) Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. Москва: Фитиль.
21. Водопьянова, Н. & Старченкова, Е. (2008) Синдром выгорания Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. Спб.: Питер.
22. Карягина, Т. (2013) Эволюция понятия «Эмпатия» в психологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор Василюк Ф.Е. Москва.
23. Наследов А. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб., 2007
24. Медведская Е.И., Шерягина Е.В. Особенности эмпатии и профессионального выгорания белорусских и российских педагогов // *Консультативная психология и психотерапия*. 2017. Т. 25. № 2. С. 59-74

Formation and main aspects of social policy and support for socially vulnerable families in the world practice (based on examples from EU countries and Kazakhstan)

*Sholpan Zhanalina, Kazakhstan,
Kokshetau State University,
Social work program postgraduate,
sholpa111@mail.ru,
Doctor of Psychology, Prof. Plotka Irina*

ABSTRACTS

The purpose of this article is to analyse the process of development and the formation of social work from religious duty to public policy. The research's objectives are to consider the economic, informational, palliative, psychological and pedagogical support of socially vulnerable families on the example of some EU countries and Kazakhstan. Conclusions: an effective system of allowances and tax quotas stimulates an increase in the birth rate and helps parents maintain a balance between work and raising children in large families; a developed system of social assistance centres increases the effectiveness of palliative and counselling assistance when working with large families; non-governmental organizations can provide significant support for the development of the family potential of vulnerable families. The article will be useful for students, teachers, as well as representatives of social management, especially in those countries where this area is relatively young.

Keywords: social security system, family policy, social work and socially vulnerable families.

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является анализ процесса развития и становления социальной работы от религиозного долга до государственной политики. Задачи исследования - рассмотреть на примере некоторых стран ЕС и Казахстана экономическую, информационную, паллиативную, психолого-педагогическую поддержку социально-уязвимых семей. Выводы: эффективная система пособий и налоговых квот стимулирует повышение рождаемости и помогает родителям сохранять баланс между работой и воспитанием детей в многодетных семьях; развитая система центров социальной помощи повышает эффективность паллиативной и консультативной помощи при работе с многодетными семьями; негосударственные организации могут оказывать значительную поддержку развитию семейного потенциала уязвимых семей. Статья будет полезной для студентов, преподавателей, а также представителей менеджмента социальной сферы, особенно в тех странах, где это направление является сравнительно молодым.

Ключевые слова: система социального обеспечения, семейная политика, социальная работа, социально-уязвимые семьи.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Social work is an internationally accepted term denoting, in the broadest sense, a manifestation of a humane attitude towards a person. It originated in Biblical Times as charity, religious duty of a person, as a system of humanitarian services to people in need. In the last century, social work was recognized as an independent profession requiring special training. Group work as an independent and theoretically sound method of social work was introduced into the training programs for social workers only in the 1940s.

At present, in many countries from the post-Soviet era, social policy is in its infancy. Therefore, the experience from developed countries and countries where this area is just being formed is of interest.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

What caused the need for the training of professional social workers and the development of social work as a component of state policy? The rapidity of industrial development in Europe and the USA, urbanization, which increased the share of marginalized people poorly adapted to life in the city, the dissolution of traditional social ties between people, between man and society led to the emergence of such social problems that could not be solved by methods tested in traditional society [1].

The question of custody for the poor, mentally handicapped and social outcasts was acute. Volunteer organizations and child care agencies have emerged in the public sector. They included famous philanthropists, volunteers, educated people of that time and their activities were not paid for [2].

Now social work has become an integral part of the social structure of not only industrially developed, but also of developing countries. One of the main directions of social work is the support of large and low-income families. The experience from many countries shows that these two categories are often combined into one: socially vulnerable families, because a large family face both natural problems, characteristic of each family and specific ones, relevant only to this category of families. Most of the social problems of a large family stem from its financial situation. Large families are the least well-off, with a low average monthly income per family member, because with the birth of each child, family income decreases sharply (all other things being equal) and leads to increased costs for food, clothing, etc.

Numerous studies show a close relationship between the number of children living in a family and the income per family member. In such families, the share of foodstuff costs is higher, and the structure of nutrition is less diverse. About 70% of the family budget is spent on food, which is typical for the poor, socially unprotected categories of the population. Due to the difficult financial situation, a difficult problem for large families is the organization of recreation for children during the holidays and the additional education of children [3].

Therefore, in developed countries, social work is represented in several areas: finance (benefits), information (legal protection of low-income and large families), palliative (child care in the community), psychology and pedagogy (children's camps and centres for the development of social skills) and rehabilitation (social care and social rehabilitation services for children affected by violence; children with addiction problems; children with disabilities, etc.)

Interesting is the experience from France, which is among the countries with the most developed and large-scale family policy, the most important part of which is an extensive system of family benefits and support for large families. 43-46% of all payments are to families with many children. Family policy is designed to help parents find a balance between work and family-life. The combination of measures taken by state authorities in the field of family support has proven its effectiveness: France is one of the European Union member states with the highest birth rate and the employment rate of women with children. A welfare assistance organization is called "Caisses d'Allocations Familiales", CAF ("Family Benefit Fund") [4]. An active demographic policy is aimed at increasing the birth rate: there are various allowances for children, free kindergartens for children from three-to-six-year olds, family quotas have been introduced to reduce the taxable base (the so-called family coefficient is used - the average total income per family member, a tool for determining tax amounts). Local governments play a role in the implementation of family policy, providing assistance in investment and the functioning of childcare structures.

Involving fathers in the process of caring for and raising a child, as well as providing a real choice for a woman - to work or raise children - are key aspects of French family policy. Fathers are entitled to 11 days of parental leave without loss of pay [5].

For large families in France there is a government program that offers large families benefits and subsidies as part of a general government policy to stimulate fertility. Large families enjoy tax breaks, and each new-

born reduces the taxable base. Thus a family raising four children is practically exempted from paying taxes [6].

Another European country, Slovenia, has a family policy aimed at creating a supporting environment for both the implementation of their professional life and family responsibilities of parents, and the horizontal redistribution of income in favour of families with children. Throughout the territory of Slovenia, there are 62 regional social work centres (centrizasocialnodelo) [7]. The centres of social work provide the following types of services: determine benefits for parents, help with childbirth, childcare allowance, allowances for large families, additional allowance if the parent fully or partially leaves work to raise children. The right to receive benefits for large families is determined by social work centres at the time of processing applications for child support [8].

In Latvia the establishment of the status of a poor or low-income family is done by the Law and the mandatory rules. A family (person) is deemed to be poor, if the average income per family member per month during the last three months does not exceed EUR 128.06. The status of a family as poor (a poor person) is assigned for a period of three to six months. [9]. In addition to benefits, the following work is planned with this category of the population of Latvia: social service specialists inform and advise on social services available and the procedure for obtaining them; assess the need for a social service; if necessary, make an individual social rehabilitation plan. All services of social workers are free and confidential.

Individual counselling is also provided by the social worker for families with children in conflict and crisis situations, as well as for raising children, including families with a child with special needs: guardians, foster families, support families [10].

In addition, in Riga, there are six hot food distribution points (open all days) for socially vulnerable residents who receive support within the social safety net in the area of welfare, including families with children, retired people and the unemployed. [11].

An equally important problem for a large family is the psychological and pedagogical difficulties of a decent upbringing and education of children. In such families, due to the workload of the parents, especially the mother, children often receive less attention and educational stimulation and support, since there are less “educational resources” for each child in a large family.

In this regard, the experience of the BOTA Foundation, which was founded in 2008 by the governments of Kazakhstan, the United States and Switzerland is interesting (its assets of more than \$ 115 million come from corruption).

The mission of the Foundation was to improve the lives of vulnerable children and young people suffering from poverty in Kazakhstan through investments in their health, education and social welfare by several programs. The unique feature of this program was due to:

Participation in one of the programs named Conditional Cash Transfers (CCT) was based on the interest and motivation of Kazakhstanis who met the criteria for taking part in the program. These terms included the use of health and education services as well as participation in training and support meetings, depending on the category. If a receiver did not meet the terms, transfers were suspended until the receiver continued to participate. In order to support participation, CCT provided training, support, and contact through an extensive volunteer network.

As part of the conditional cash benefit program (CAP), the foundation helped more than 150,000 people living in the six poorest regions of the country and helped to improve the attendance of preschool institutions by children from low-income households, the organization of allowances and training for parents on the upbringing and development of disable children [12].

The main goal of the Tuition Assistance Program (TAP) was to break the cycle of poverty for tuition assistance recipients by providing students with higher education, which in turn, would lead to jobs. TAP allowed students to attend any college or university in Kazakhstan that accepted them and pursue any area of study. TAP monitoring data reveal that 87% of TAP students are the first in their household to obtain higher education (including parents) and they believed that the BOTA educational grant had increased their child's economic and personal growth potential [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Thus, the article examines the history of the formation of social policy as a purposeful activity of a legal state. As a result of comparing the experience of various countries in the development of support programs for socially vulnerable families, some conclusions can be drawn: The most effective mix is a developed extensive system of family benefits and family tax quotas, reducing the taxable base of each family with children; an active population policy to increase fertility is effective if it helps parents find a balance between work and family life (c.f. the example of France); assistance is provided in a timely and effective manner if there is a sufficient number of specialized social centres providing free palliative and counselling assistance to families (c.f. the example of Slovenia and Latvia); significant assistance at the national level in supporting and developing family capacities can be provided by non-governmental organizations. As a purposeful activity of the state to harmonize social relations, as well as to ensure the provision and fair satisfaction of the material and spiritual needs of citizens, social policy contributes to the effective development of any legal state.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Субъекты социальной работы, их характеристика. [интернет ресурс] Ссылка: https://studopedia.net/1_52854_sub-ekti-sotsialnoy-raboti-ih-harakteristika.html
2. Основные направления социальной работы с участием женщин. [интернет ресурс] Ссылка: <https://works.doklad.ru/view/grddyRDogKI.html>
3. Особенности социальной работы с многодетной семьей [интернет -ресурс] Ссылка: <https://studopedia.org/3-87683.html>
4. Опыт поддержки многодетных семей за рубежом. [интернет -ресурс] Ссылка: <http://katehon.com/ru/article/opyt-podderzhki-mnogodetnyh-semey-za-rubezhom>
5. Опыт поддержки многодетных семей за рубежом. [интернет- ресурс] Ссылка: <https://www.geopolitica.ru/article/opyt-podderzhki-mnogodetnyh-semey-za-rubezhom>
6. Пособия многодетным матерям в разных странах. [интернет -ресурс] Ссылка: <https://puzkarapuz.ru/content/1596>
7. Опыт поддержки многодетных семей за рубежом. [интернет -ресурс] Ссылка: <http://katehon.com/ru/article/opyt-podderzhki-mnogodetnyh-semey-za-rubezhom>
8. Опыт поддержки многодетных семей за рубежом. [интернет -ресурс] Ссылка: <http://katehon.com/ru/article/opyt-podderzhki-mnogodetnyh-semey-za-rubezhom>
9. Социальная помощь. [интернет -ресурс] Ссылка: <http://www.ld.riga.lv/ru/socialie-pekalaprojumi.html>
10. Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ "Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по работе с семьей" (подготовлен Минтрудом России 11.07.2017) [интернет- ресурс] Ссылка: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56619742/>
11. Помогая себе. Ты помогаешь и другим [интернет- ресурс] Ссылка: <http://ultralat.wixsite.com/helpi/socinfo>
12. Анализ современных моделей повышения доступности услуг дошкольного образования и содержания детей. [книга, Москва 2009, "ФондЭкономикиГорода", стр 6] http://www.urbanecomomics.ru/download.php?dl_id=3060
13. The BOTA Foundation: Final Summative Report [интернет-ресурс] Ссылка: <file:///C:/Users/sz/Desktop/disser/pres%20work%20place/bota-foundation-final-report.pdf>

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ЛИЧНОСТНОЙ КРЕАТИВНОСТИ У ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ

Илона Шаргова,

Латвия, Балтийская Международная академия, Рига, магистратура психология,

shargilona@gmail.com

Научный руководитель: доцент, доктор биологии Ирина Казановская

АННОТАЦИЯ

Цель: исследование связи психологического благополучия и личностной креативности. Участники: 90 человек. Возраст: 35–54 лет, Mdn=37. Метод: Диагностика психологического благополучия личности, Тест личностных творческих характеристик. Результаты: найдена связь между отдельными компонентами психологического благополучия и личностной креативности: между «Личностным ростом», «Психологическим благополучием», «Креативностью» и т.д.

Ключевые слова: креативность, личностный рост, психологическое благополучие.

ABSTRACT

The aim: research the relationship between well-being and personal creativity. Participants: 90 people. Age: 35-54 years, Mdn=37. Method: the scale of psychological well-being and personal creativity test. Results: found the correlation between some components of the psychological well-being and personal creativity: between "Personal growth", "Psychological well-being", "Creativity", etc.

Key words: creativity, personal growth, well-being.

ВВЕДЕНИЕ / IEVADS / INTRODUCTION

Внимание психологов все больше обращено на необходимость определения того, что служит фундаментом для развития гармоничной личности. Этот набор качеств, личностный потенциал [17], позволяет личности быть автономной, успешной, сочетать в себе как устойчивость к воздействиям среды, так и гибко реагировать на изменения и адаптироваться. Потенциал личности выступает как многомерный конструкт, в который входят: жизнестойкость, рефлексивность, психологическое благополучие, адаптивность, креативность и др. Отдельные конструкты взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга. Проблемой является недостаточно изученная их взаимосвязь. Одной из актуальных тенденций нашего времени является стремление человека достичь целостного переживания удовлетворенности своей жизни и собой, ощущения счастья, тесно связанного с базовыми потребностями и ценностями, то есть речь идет о психологическом благополучии [21]. Еще одним конструктом, недостаточно и трудно исследуемым, но тем не менее, обретающим все большую популярность, является креативность. Взаимосвязь психологического благополучия и креативности привлекает внимание исследователей, как аспект, способствующий улучшению функционирования личности в современном, стремительно развивающемся мире.

Целью данной работы является исследование связи психологического благополучия и личностной креативности у взрослых людей на этапе средней зрелости.

Гипотеза: существует связь между психологическим благополучием и личностной креативностью.

Для исследования были применены методика К. Рифф «The scales of psychological well-being» [10] диагностики психологического благополучия личности в авторской модификации Т. Шевеленковой и П. Фесенко [21] и тест личностных творческих характеристик (Creativity Assessment Packet (CAP) Williams [13] в адаптации Туник [20].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / SVARĪGĀKĀSATZIŅASTEORIĀ UNPRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION

Феномен психологического благополучия издавна вызывает интерес как у философов, так и у психологов. Немалое количество определений дано этому термину, но нет четкой и единой формулировки.

В психологическом словаре APA [1] психологическое благополучие определяется как «psychological well-being» – a state of happiness, contentment, low levels of distress; overall good psychical and mental health and outlook, or good quality of life .

В 1969 году в работе Н. Брэдбурна [3] впервые появляется определение психологического благополучия. Оно описывается как баланс между двумя комплексами эмоций: позитивным и негативным.

Э. Динер (1996) ввел понятие «субъективное благополучие», которое выступает как переживание счастья, когнитивное и эмоциональное самопринятие [4]. Субъективное благополучие должно демонстрировать насколько один человек счастливее другого.

М. Селигман (2006), рассматривал благополучие человека как положительную аффективность, сочетающуюся с деятельностью [18].

Психологическое благополучие рассматривается с позиции двух подходов: гедонистического и эвдемонистического. Гедонистический подход рассматривает психологическое благополучие главным образом с позиции удовлетворенности – неудовлетворенности. Эвдемонистический подход рассматривает личностный рост, самореализацию, как необходимую составляющую благополучия.

Объединив более ранние работы в области психологии развития, клинической, гуманистической и экзистенциальной психологии, Кэрол Рифф (1995) заложила основы представления о психологическом благополучии как понятии комплексном [10].

Creativity - the ability to generate ideas or products that are both novel and appropriate to the circumstances [1].

Креативность — творческие способности человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом и ее отдельные стороны. Креативность рассматривают как важнейший и относительно независимый фактор одаренности, который редко отражается в тестах интеллекта и академических достижений.

Согласно американскому психологу А. Маслоу [7], креативность – творческая направленность, врожденная, но теряемая большинством в течение жизни под воздействием образования, системы воспитания, социальной практики.

П. Торренс [12] определил креативность как процесс появления чувствительности к проблемам, к дефициту или дисгармонии имеющихся знаний; определения этих проблем; поиска их решений; и наконец, формулирования и сообщения результата решения.

Ф. Вильямс [13] рассматривает креативность как интегративную личностную характеристику, состоящую из взаимодействующих когнитивно-интеллектуальных и личностно-индивидуальных компонентов, и предлагает методiku, производящую оценку и самооценку творческих способностей, учитывающую индивидуально-личностные творческие факторы.

Начиная с 1980-х годов развивается многофакторный подход к креативности. Креативность выступает как синтез индивидуальных факторов и средовых факторов.

В 21 веке исследовательский интерес к проблеме соотношения креативности и психологического благополучия связан с тем, что для продуктивной самореализации и адаптации в постоянно изменяющемся мире нужен ресурс. Креативность является источником адаптации, следовательно, повышает степень удовлетворенности жизнью.

В 2015 году в Иране в университете Payame Noor было проведено исследование взаимосвязи психологического благополучия с познавательной и эмоциональной креативностью [6]. В результате исследования было выявлено, что беглость мышления может являться предиктом для психологического благополучия.

В 2016 году в Удмуртском государственном университете было проведено исследование, выявляющее взаимосвязь психологического благополучия и факторов креативности студентов [19]. Была выявлена закономерность: у студентов с низкой креативностью, на низком уровне выражено психологическое благополучие, одним из наиболее важных факторов креативности, с которым связано общее психологическое благополучие человека, является «воображение».

Вышеизложенный материал позволяет выдвинуть гипотезу, что существует связь между психологическим благополучием и личностной креативностью.

Методология исследования

Участники. 90 человек 13 мужчин и 77 женщин в возрасте 35 – 54 лет на этапе средней зрелости [5] с высшим образованием, $Mdn = 37$, $SD = 4.3$, $Range = 19$. Возрастная категория обосновывалась возрастной периодизацией стадий развития личности по Э. Эриксону [5]. Была выбрана стадия средней зрелости (24 - 64 года).

Метод. Для исследования были применены методика К. Рифф «The scales of psychological well-being» [10] диагностики психологического благополучия личности в авторской модификации Т. Шевеленковой и П. Фесенко [21]. Основной причиной создания данной методики являлась необходимость получения опросника, который, с одной стороны, позволил бы подвергнуть эмпирической проверке основные положения вышеозначенной теории, а с другой — являлся бы надежным и практичным методом, который можно было бы применять для различных исследований в рамках данной концепции. Шкалы: положительные отношения с другими, автономия, управление окружением, личностный рост, цель в жизни, самопринятие. Для исследования так же был применен тест личностных творческих характеристик (Creativity Assessment Packet (CAP) Williams [13], в адаптации Туник [20]. Данная методика позволяет определить четыре особенности творческой личности: любознательность; воображение; сложность и склонность к риску.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS / REZULTĀTI

Шкала «Сложность» коррелирует со шкалой «Личностного роста» ($r(90) = .21$, $p = .050$). Индивид направленный на выполнение сложных задач, открыт новому опыту, самореализовывается, изменяется в соответствии со своими достижениями.

Шкала «Сложность» коррелирует со шкалой «Психологического благополучия» ($r(90) = .22$, $p = .042$). Индивид, не боящийся трудных заданий и настойчивый, ощущает себя более благополучным.

Шкала «Склонность к риску» коррелирует со шкалой «Самопринятия» ($r(90) = .21$, $p = .048$). Личность, допускающая для себя ошибки и провалы, ставящая перед собой высокие цели, склонна к принятию себя, различных своих сторон.

Шкала «Склонность к риску» коррелирует со шкалой «Психологического благополучия» ($r(90) = .21$, $p = .043$). Отстаивающий свою позицию, ставящий перед собой высокие цели, неконформный, внутренне чувствует себя более удовлетворенным.

Шкала «Любознательность» коррелирует со шкалой «Личностного роста» ($r(90) = .23$, $p = .027$). Индивид, ищущий новые способы решений и мышления, открытый для нового опыта, испытывает чувство реализации собственного потенциала.

Шкала «Креативность» коррелирует со шкалой «Личностного роста» ($r(90) = .25$, $p = .016$). Личность, которая мыслит нестандартно, ищет различные способы решения, открыта для движения вперед, готова развиваться и не останавливаться на достигнутом.

Шкала «Креативность» коррелирует со шкалой «Психологического благополучия» ($r(90) = .23$, $p = .028$). Способность генерировать новые идеи, обозначать проблему, находить новые решения ведут к повышению ощущения собственной удовлетворенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / KOPSAVILKUMS / CONCLUSION

Выдвинутая гипотеза исследования относительно наличия связи между психологическим благополучием и личностной креативностью, была подтверждена.

Ограничениями данного исследования являются: относительно небольшая выборка, наличие побочных переменных – представленность разных профессий в исследуемой группе, разный стаж работы и прочие демографические характеристики.

Актуальным представляется исследование связи психологического благополучия с личностной креативностью в разных возрастных группах, выявление различий во взаимосвязи между психологическим благополучием и личностной креативностью в аспекте гендерных и кросскультурных исследований.

Исследования взаимосвязи психологического благополучия и личностной креативности могут быть полезными в первую очередь для понимания того, какие именно личностные особенности способствуют психологическому благополучию. Понимание этого может помочь в работе, направленной на формирование личностного потенциала, определению его индивидуальных ресурсов, поможет личности развиваться гармонично, быть адаптированной, и одновременно устойчивой к неблагоприятным условиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES

1. APA (ENG): <http://www.apa.org>
2. Amabile, T. M., (1996). Creativity in context. B: Westview.
3. Bradburn, N., (1969). The Structure of Psychological Well-Being. Chicago, IL: Aldine.
4. Diener, E., & Diener, C., (1996). Most people are happy. Psychological Science, 7, 181-185.
5. Erikson, E., (1950). Childhood and Society. New York: W. W. Norton & Co.
6. Ghorbani, M., & Kazemi-Zahrani, H., (2015). Psychological Well-Being and Creativity. International Journal of Advances in Science, Engineering and Technology, 3, 20-23.
7. Maslow, A., (1976). The Farther Reaches of Human Nature. Bradford: Lewis Pub Co. Limited.
8. Messick, S., Jackson, P. W., (1965). The person, the product, and the response: conceptual problems in the assessment of creativity. Journal of Personality, 9, 309-329.
9. Moneta, G., (1993). A model of scientist's creative potential. Philosophical Psychology. 6 (1), 2337.
10. Ryff, C. D., & Keyes, C. L., (1995). The Structure of Psychological Well-Being Revisited. Journal of Personality and Social Psychology, 69(4), 719-727.
11. Torrance, E. P., (1964). Guiding creative talent. New York: Prentice-Hall.
12. Torrance, E. P., (1974). The Torrance Test of creative thinking: Technical norm manual. UK: Cambridge.
13. Williams, F. E., (1980). Creativity Assessment Packet (CAP). NY: D.O.K. Publishers.
14. Блюменау, Н. Ф., (2011). Обработка, анализ и интерпретация данных исследования в психологии и социальных науках. Р.: БПМА.
15. Дружинин, В. Н. (ред.), (2001). Психология. Учебник для гуманитарных вузов. СПб.: Питер.
16. Ильин, Е. П., (2013). Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер.
17. Леонтьев, Д. А., (2011). Личностный потенциал: структура и диагностика. М.:Смысл.
18. Селигман, М., (2006). Новая позитивная психология. Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.:София.
19. Сунцова, Я.С., Авдышева, М.В., & Бурдыко, Е.В., (2016). Взаимосвязь психологического благополучия и креативности студентов. У.: УГУ.

20. Туник, Е. Е., (2003). Модифицированные креативные тесты Вильямса. СПб.:Речь.
21. Шевеленкова, Т. Д., & Фесенко, П. П., (2005). Психологическое благополучие личности. Психологическая диагностика, 3, стр. 95-121. М.:Московский гуманитарный университет.
22. Фесенко, П. П., (2005). Что такое психологическое благополучие? Краткий обзор основных концепций. Научные труды аспирантов и докторантов, 46. С. 35-48. М.: Московский гуманитарный университет.

Исследование связи копинг-стратегий и самооффективности у безработных

Наталья Волкова,

Латвия, Балтийская Международная академия, Рига, магистратура психология,
natalja_volkova@inbox.lv

Научный руководитель: доцент, доктор биологии **Ирина Казановская**

АННОТАЦИЯ

Цель: исследование связи копинг-стратегий и самооффективности у безработных. Метод: Шкала общей самооффективности; Способы совладающего поведения. Участники: 102. Возраст: 22-35 лет (Mdn=27). Результаты: найдена положительная связь между самооффективностью и копинг-стратегиями «Конфронтация», «Положительная переоценка» и «Планирование решения проблемы», и отрицательная связь с «Бегством избеганием» и «Принятием ответственности».

Ключевые слова: безработные, копинг-стратегии, самооффективность.

ABSTRACT

The aim: research of the relationship of coping strategies and self-efficacy of unemployed. Method: Generalized self-efficacy scale; Ways of Coping Questionnaire. Participants: 102. Age: 22-35 years (Mdn=27). Results: found the positive connection between self-efficacy and such coping strategies as "Confrontation", "Positive reappraisal" and "Problem solving", and negative connection with "Escape-avoidance" and "Accepting responsibility".

Key words: coping strategies, self-efficacy, unemployed.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Безработица искажает жизненное пространство человека и снижает уровень удовлетворения потребностей. Социально-психологический анализ копинг-стратегий и самооффективности и вытекающие из нее виды и формы реагирования имеют большое значение для понимания социального поведения, поскольку они необходимы для поддержания нормального функционирования психики личности и выступают важнейшим ресурсом совладания со стрессом. Целью данной работы является исследование связи копинг-стратегий и самооффективности у безработных. Гипотеза исследования: «существует связь между копинг-стратегиями и самооффективностью у безработных». В качестве эмпирического исследования самооффективности использована методика - Шкала общей самооффективности (GSES), которая базируется на теории самооффективности А. Бандуры и разработана Шварцером Ральфом и Маттиасом Ерусалемом, в адаптации В. Г. Ромека [15], для эмпирического исследования копинг-стратегий использована методика представителя ситуативного подхода Р. Лазаруса «Способы совладающего поведения» (WOC), в адаптации Л.И. Вассермана [7].

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIĀ UN PRAKSĒ

Эффективность адаптации человека в ситуации вынужденной незанятости во многом будет определяться успешностью функционирования личностных компонентов регуляции, которые предполагают включение защитных и компенсаторных механизмов, помогающих сохранить самооценку. Копинг-стратегии как раз и выступают в качестве таких механизмов [9].

По данным Американской Ассоциации Психологов (АРА), копинг-стратегии определяются как действие, ряд действий или мыслительный процесс, используемый для устранения стрессовой или неприятной ситуации, или для изменения своей реакции на такую ситуацию [1].

Согласно мнению Лазаруса и Фолкмана в ситуации стресса у человека может быть различная стратегия помощи самому себе. К ним относятся: конфронтация - агрессивные усилия для изменения ситуации; дистанцирование - когнитивные усилия отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость; самоконтроль - усилия по регулированию своих эмоций и действий; поиск социальной поддержки - обращение к помощи окружающих; принятие ответственности - признание своей роли в возникновении проблемы и попытки ее решения; бегство-избегание - желание и усилия, направленные к бегству от проблемы; планирование решения проблемы - предполагающее усилия по изменению ситуации; положительная переоценка - усилия по поиску достоинств существующего положения дел [4].

Каждый человек сам выбирает какие копинг-стратегии использовать в определенных условиях, в свою очередь каждая из стратегий может быть, как адаптивной, так и не адаптивной. Наиболее эффективным считается использование всех стратегий, в зависимости от ситуации ресурсов личности [5]

По данным многих исследований одним из факторов выбора копинг-стратегий является самоэффективность. Считается, что выраженное чувство самоэффективности усиливает производительность человека и его личное благополучие [2,11,4].

По определению АРА, самоэффективность – это субъективное восприятие индивидом желаемых результатов, как основной детерминант эмоциональных и мотивационных состояний и поведенческих изменений [1].

Самоэффективность, ввиду своей ситуативной специфичности, является субъективной характеристикой на формирование и развитие которой оказывают влияние социальные убеждения, личный и косвенный опыт, физическое и психическое состояние индивида. Это важный личностный фактор оценки стрессовой ситуации, сложный конструкт, оказывающий влияние на цели, мотивацию, усилия и эффективность работы личности [2].

Р. Смит, проводя исследования в академических группах американских колледжей, отмечает, что активное и успешное совладающее поведение, в свою очередь, повышает самоэффективность личности, что позволяет ей с новой для себя трудной ситуацией справляться более успешно [6].

В исследовании Гычёва проводился анализ результатов исследования копинг-стратегий американского и российского общества, который показал, что если при переживании стресса наиболее распространенной реакцией преодоления для американцев является “подход” и прямое преодоление, то для россиян - “избегание” и не прямое (внутриличностное) преодоление [8].

Безработица в Латвии по-прежнему на высоком уровне в 2017 году в государственном агентстве занятости было зарегистрировано 85,4 тыс. безработных. Ввиду того, что условия для безработных в стране очень близки с условиями для российского общества, автор ожидал схожих результатов.

Методология исследования

Участники. 102 человека (50 мужчин и 52 женщины), безработные. Возраст участников от 22-35 лет, такой возрастной диапазон был выбран исходя из теоретического обоснования Эриксона, который писал, что в этот период среднего возраста потребность в труде становится основной жизненной потребностью [3].

Метод. В опросник были включены две методики. Опросник «Стратегии совладающего поведения» (WCQ) разработанная Р. Лазарусом и С. Фолкманом, в адаптации Л.И. Вассермана [7], включает 50 утверждений, каждое из которых отражает определенный вариант поведения в трудной или проблемной ситуации. Пункты опросника объединены в восемь шкал, соответствующих основным видами копинг-стратегий, выделенных авторами: «конфронтация», «дистанцирование»,

«самоконтроль», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «бегство-избегание», «планирование решения проблемы» и «положительная переоценка». Вторая методика - «Шкала общей самооценки» (GSES) разработанная Шварцером Ральфом и Маттиасом Ерусалемом, в адаптации В.Г. Ромека [15], создана для оценки собственной эффективности, то есть убеждения в том, что действия человека отвечают за успешные результаты. Методика включает в себя 10 утверждений. По шкале формируется единственный балл, отражающий общий показатель субъективной оценки личностной эффективности

Процедура. Данное исследование проводилось на бирже труда, где участники анонимно заполняли анкеты, не указывая свое имя и фамилию, а только пол, возраст, образование, место жительства, семейное положение, наличие детей, рабочий стаж до потери работы, вид увольнения и длительность пребывания без работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS / REZULTĀTI

По результатам исследования была найдена положительная связь между самооценкой и такими копинг стратегиями как «Конфронтация» ($r_s = .22; p < 0,05$), «Положительная переоценка» ($r_s = .33; p < 0,001$) и «Планирование решения проблемы» ($r_s = .59; p < 0,001$), и отрицательная связь между самооценкой и копинг-стратегиями «Бегство избегание» ($r_s = -.31; p < 0,01$), и «Принятие ответственности» ($r_s = -.27; p < 0,01$).

Таким результатам мог способствовать важный фактор, а именно длительность нахождения без работы, которая условно определялась по срокам учета в Центре занятости населения. Кростылева, писала, что безработные, проходят три стадии реакции в ситуации безработицы, первая из которых, стадия шока, которая сопровождается активным поиском работы при этом индивид сохраняет оптимизм и надежду, что при высокой самооценке снижает возможность необоснованной самокритики и принятия чрезмерной ответственности, а также не способствует отказу от активного изменения ситуации или своего состояния [10]. Можно предположить, что большинство группы исследования как раз и находятся в данной стадии, так как состоят на учете в центре занятости менее года.

По другим показателям не было обнаружено значимых связей между самооценкой и копинг-стратегиями, причиной чего может быть количество участников.

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

В результате осуществленного исследования была реализована её основная цель, которая, заключалась в исследовании связи самооценки и копинг-стратегий у безработных.

Было показано, что копинг-стратегий и самооценка необходимы для поддержания нормального функционирования психики личности и выступают важнейшим ресурсом совладания со стрессом. Безработица, искажающая жизненное пространство человека, и снижает уровень удовлетворения потребностей, рассматривалась в качестве такого стресса.

Измерение шкалы общей самооценки (GSES) [15] и Способов совладающего поведения (WOC) [7] показало положительную связь между самооценкой и такими копинг-стратегиями как «Конфронтация», «Положительная переоценка» и «Планирование решения проблемы», и отрицательная связь с «Бегством избеганием» и «Принятием ответственности». Выдвинутая гипотеза: «Существует связь между самооценкой и копинг-стратегиями у безработных» подтверждена.

В отличие от ранее проведённых исследований других авторов, отмечающих, что стратегия Конфронтация обычно свойственна людям с низкой самооценкой, в проведенном исследовании стратегия Конфронтация присуща безработным с высоким уровнем самооценки. Можно предположить, что такого рода связь возникает из-за невозможности реализации потенциала; в ситуации незанятости, безработные с более высоким уровнем самооценки чаще других способны к активному и даже агрессивному противостоянию стрессовой ситуации, проявляя

способность произвольно анализировать проблему, стремиться к ее активному разрешению даже агрессивными методами [12, 13, 14].

Данное исследование отличается от других и тем, что копинг-стратегия «Принятие ответственности» отрицательно коррелирует с самооффективностью, то есть, при повышении самооффективности уровень данной стратегии понижается, что можно объяснить тем, что, находясь в активном поиске работы индивид сохраняет оптимизм и надежду, что при высокой самооффективности снижает возможность необоснованной самокритики и принятия чрезмерной ответственности.

Показанные в данном исследовании закономерности можно учитывать в практической деятельности психологов, работающих с безработными. Психокоррекционная работа на базе Службы занятости с безработными, будет способствовать их более успешному трудоустройству, сохранению их личностных ресурсов и дальнейшей эффективной профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES/ LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. American psychological association (2009). APA concise dictionary of psychology, Washington, DC: *American psychological association*.
2. Bandura A., (1977). Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological review*, 84, 191-215.
3. Erikson E.H., (1968). *Identity: Youth and crisis*. New York: Norton.
4. Lazarus R., Folkman S., (2013). Stress: Appraisal and coping. *Encyclopedia of behavioral medicine*, 1913-1915.
5. Moos R., & Schaefer J., (1993). Coping resources and processes: Current concepts and measures. *Handbook of stress*, (2), 127-14).
6. Smith R. E., (1989). effects of coping skills training on generalized self-efficacy and locus of Control. *Journal of personality and social psychology*, 56, 228-233.
7. Вассерман Л.И., (2009). Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессом и проблемными для личности ситуациями СПб.: Изд-во НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 40.
8. Гычев А., Грицкевич Н., Кононова М., (2010). Особенности психологических защитных механизмов и совладающего поведения у безработных (гендерный аспект). *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2(92), 98-101.
9. Гычев А., Овчинникова Ю., (2013). Особенности совладающего поведения у безработных. *Психология стресса и совладающего поведения*, 1(1), 18-22.
10. Коростылева Л. А., (2005). Психология самореализации личности: Затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Изд-во Речь, 161-170.
11. Крюкова Т. Л., (2010). Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. - *Кострома*.
12. Осипович Т. А., (2013). Особенности совладающего поведения в ситуации потери работы. *Кыргызско-Российский Славянский университет*.
13. Селезнёва Е., (2016). Взаимосвязь самооффективности и стратегий разрешения затруднений в деятельности кадров управления. *Акмеология*, 4, 35-41.
14. Шагарова И.В., (2008). Личностные детерминанты и типы копинг-поведения в ситуации потери работы. *Ярославль*, 228.
15. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В., (1996). Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // *Иностранная психология*. (7), 71–76.

Studentu-vīriešu orientācijas uz nākotni saistība ar akadēmiskajiem sasniegumiem

Jūlija Zalgaucka

Latvija, Baltijas Starptautiskā Akadēmija, psiholoģijas fakultāte

julija.zalgaucka@gmail.com

Zinātniskais vadītājs: Dr.psych., prof. Irina Plotka

ANOTĀCIJA

Šis raksts iepazīstina ar pētījumu, kurā tika noskaidrots, vai studentu-vīriešu orientācija uz nākotni ir saistīta ar akadēmiskajiem sasniegumiem.

Pētījumā piedalījās 121 students vecumā no 17 līdz 31 gadam ($M=20,8$ gadi). Tika izmantota Zimbardo laika perspektīvas aptaujas (ZTPI) adaptācija latviešu valodā [8].

Rezultātā tika secināts, ka dotajā studentu izlasē orientācija uz nākotni pozitīvi korelē ar studentu akadēmiskajiem sasniegumiem.

Atslēgas vārdi: akadēmiskie sasniegumi, orientācija uz nākotni.

ABSTRACT

This article describes the study, which examined, whether future orientation of male students relate to their academic performance.

One hundred twenty-one male students has participated in this study (aged from 17 to 31 years, $M=20,8$ years). Zimbardo Time Perspective Inventory's Latvian language adaptation [8] has been used.

Results of this study show, that in this particular group of students, future orientation positively correlate with their academic performance.

Key words: academic performance, future orientation.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION / IEVADS

Kā zināms, augstskolas absolvē daudz mazāks studentu skaits, nekā tas, kas uzsāk mācības 1.kursā. Šī pētījuma lietišķa problēma ir atrast līdzekli, kas palīdzētu noturēt studentus mācību iestādēs līdz absolvēšanas brīdim.

Šajā rakstā tiek izskatīts viens no iespējamajiem līdzekļiem – orientācija uz nākotni, kuras veicināšana teorētiski varētu paaugstināt studentu akadēmiskas sekmes, un līdz ar to palielināt studentu motivāciju veiksmīgi absolvēt augstskolu.

Šī pētījuma pētnieciskā problēma ir studentu orientācijas uz nākotni (kā ikdienas plānošanas un neatlaidības mērķu sasniegšanā kopums) izpēte. Šī pētījuma mērķis ir noskaidrot, izmantojot statistisko analīzi, vai studentu-vīriešu orientācija uz nākotni ir saistīta ar akadēmiskajiem sasniegumiem.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ

Nākotne ir viena no laika perspektīvas dimensijām. Jēdzienu "laika perspektīva" ir ieviesis Kurts Levins [9](kā citēts [12]), kas savā dzīves lauka modelī definēja to kā "indivīda uzskatu kopumu par savu psiholoģisko nākotni un pagātņi, kas pastāv dotajā brīdī", papildinot, ka šis uzskatu kopums ietekmē cilvēka tagadējo uzvedību.

Laika perspektīva dinamiski ietekmē lēmumu pieņemšanas procesu trijās laika dimensijās: pagātnē, tagadnē un nākotnē. Tendence izcelt vienu no laika dimensijām lēmumu pieņemšanas procesā nosaka cilvēka laika orientāciju (piem., uz nākotni, tagadni, vai pagātņi). Ar laiku šī tendence pārtop par dispozicionālo stilu un ļauj prognozēt individuālās atbildes reakcijas uz vides ietekmi cilvēka dzīves laikā. Kopumā, tendenci paļauties uz noteikto laika dimensijunosaka vairāki faktori (piem., kultūra, izglītība, pieredze noteiktam sociālām slānim, ģimenes paraugs [12]).

Orientācija uz nākotni atspoguļo tieksmi pēc mērķiem un atlīdzības, spēju pārvarēt šī brīža kārdinājumus, lai sasniegtu iecerēto. Šajā dimensijā, saskaņā ar Zimbardo datiem [12], sievietes parādīja nozīmīgi augstākus rezultātus, nekā vīrieši. Papildus, šis faktors korelē ar apzinīgumu, attālināto seku apsvēršanas tendenci, un tieksmi pēc pastāvīguma; tika atrasta negatīva korelācija ar tieksmi pēc piedzīvojumiem. Pētot universitātes studentus, tika atklāts, ka orientētie uz nākotni studenti ir labāk organizēti, efektīvāk plāno laiku, kā arī ir ambiciozāki par pārējiem. Viņu nākotnes mērķi bija skaidrāk definēti.

Šādi pētījumu rezultāti ļāva izvirzīt hipotēzi, ka orientācijai uz nākotni ir jābūt cieši saistītai ar cilvēku sasniegumiem. Studentu un pusaudžu vidū tika veikti vairāki pētījumi, kuros iegūti pietiekami pretrunīgi rezultāti. Tā Detrisa Adelabu [2] secināja, ka orientācija uz nākotni ir pozitīvi saistīta ar akadēmiskajiem sasniegumiem sievietēm, bet ne vīriešiem. Larissa Barbera ar kolēģiem [4] atklāja, ka orientācija uz nākotni ir pozitīvi saistīta ar akadēmiskajiem sasniegumiem, bet tikai studentiem ar zemu paškontrolēti. Frenks Vorels ar kolēģi [13], pētot akadēmiski talantīgo pusaudžu laika perspektīvu, konstatēja, ka akadēmiskie sasniegumi nav saistīti ne ar vienu no laika perspektīvas dimensijām (t.sk. ar orientāciju uz nākotni).

Jūlija Zalgaucka [10], pētot pieaugošu vīriešu (jūrnieru) izlasi, tāpat kā Vorels, secināja, ka viņu sasniegumi (darbā) nav saistīti ne ar vienu no laika perspektīvas dimensijām. Korelācijas trūkumu starp sasniegumiem un orientāciju uz nākotni varētu izskaidrot ar paša Vorela un kolēģu [13] atklājumiem: tikai astoņi no trīspadsmit apgalvojumiem, kas veido skalu "orientācija uz nākotni" (pēc ZTPI, [12]), spēcīgi korelē savā starpā, un, līdz ar to varētu būt tieši pieskaitāmi pie orientāciju uz nākotni veidojošiem (šie apgalvojumi dalās divās apakšskalās: "Motivācija un neatlaidība" un "Ikdienas plānošana"). Ņemot vērā šos atklājumus, Jūlija Zalgaucka [11], veica studentu izlases ($N=65$, $M=20,4$ gadi) izpēti, bet diemžēl korelācija starp studentu akadēmiskajiem sasniegumiem un orientāciju uz nākotni (kā arī apakšskalām "Motivācija un neatlaidība" un "Ikdienas plānošana") netika atrasta.

Spriežot pēc visu šo pētījumu rezultātiem, varētu secināt, ka vairs nav vērts pētīt saistību starp sasniegumiem un orientāciju uz nākotni. Un tomēr, šogad ir tapis jauns pētījums – ar priekšnosacījumiem kontrolēt vienu mainīgo (dzimumu) un palielināt dalībnieku skaitu (jo patveiksmīgā Detrisas Adelabu [3] pētījumā, statistiski nozīmīga korelācija ir tik vāja ($r=0,12$, $p < 0,01$), ka to varēja pamanīt tikai pie liela dalībnieku skaita ($N=661$)).

МЕТОДЫ / METHODS / METODE

Pētījumā piedalījās 121 students-vīrietis vecumā no 17 līdz 31 gadam ($M=20,8$ gadi).

Lai novērtētu studentu orientāciju uz nākotni, tika izmantota Zimbardo laika perspektīvas aptauja (Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI), [12]) latviešu valodā. Latvijā aptauju ir adaptējis Aleksandrs Koļesovs [8]. Studentu sasniegumi tiek definēti kāgada (t.i. divu semestru) vidējā atzīme.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS / REZULTĀTI

Pētījuma rezultāti parādīja, ka dotajā studentu izlasē akadēmiskie sasniegumi vāji korelē gan ar orientāciju uz nākotni ($r_s=0,24$, $p < 0,01$), gan ar orientācijas ar nākotni apakšskalu "Motivācija un neatlaidība" ($r_s=0,22$, $p < 0,05$).

ВЫВОДЫ / CONCLUSIONS / SECINĀJUMI

Studentu-vīriešu izlases pētījums liek secināt, ka studentu akadēmiskie sasniegumi tomēr varētu būt saistīti ar orientāciju uz nākotni (un ar tās komponentu "Motivācija un neatlaidība").

Šī pētījuma rezultāti ir pretrunā ar iepriekšējo pētījumu rezultātiem [2, 3, 13, 4, 11], kā arī ar pētnieku skaidrojumiem, kāpēc saistība starp orientāciju uz nākotni un akadēmiskajiem sasniegumiem netika atrasta citās studējošo vīriešu izlasēs. Tā Detrisa Adelabu [1, 7] (kā citēts [3]) pieņem, ka neveiksme varētu būt izskaidrota ar to, ka vīrieši skatās uz nākotni drīzāk negatīvi, un līdz ar to dod priekšroku īstermiņa plānošanai. Savukārt, Hallgeirs Halvari un kolēģi [6] (kā citēts [5]) pieņem, ka studenti-vīrieši retāk uzskata akadēmiskus uzdevumus kā instrumentus nākotnes mērķu sasniegšanai (un līdz ar to viņiem nav tendences tiekties pēc augstākiem rezultātiem).

Kaut iemesls, kāpēc šī pētījuma rezultāti ir pretrunā ar iepriekšējo pētījumu rezultātiem, nav acīmredzams, varētu pieņemt, ka tos ir ietekmējis vairāku faktoru kopums, tai skaitā tas, kā šīs izlases studenti pārsvarā mācās budžeta programmās (tātad, lai saņemtu valsts finansējumu mācībām, viņiem ir jānopelna pēc iespējas augstākās atzīmes), kā arī tas, ka akadēmiskie sasniegumi drīzāk ir saistīti ar motivāciju un neatlaidību mērķu sasniegšanā, nekā ar ikdienas plānošanu. Savu lomu spēlē arī izlases lielums. Un tomēr noteicošais faktors vēl ir jāatklāj. Par hipotēzi tālākiem pētījumiem varētu izvirzīt pieņēmumu, ka saistību starp orientāciju uz nākotni un akadēmiskajiem sasniegumiem ietekmē studentu vecums un/vai studiju ilgums.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES / LITERATŪRAS UN AVOTU SARAKSTS

1. Adelabu, D. H. (2006). Future outlook among African American students. *Academic Exchange Quarterly*, 10(2), 44-50.
2. Adelabu, D. H. (2007). Time perspective and school membership as correlates to academic achievement among African American adolescents. *Adolescence*, 167, 525-538.
3. Adelabu, D. H. (2008). Future time perspective, hope, and ethnic identity among African American adolescents. *Urban Education*, Vol.43-3, 347-360.
4. Barber, L. K., Munz, D. C., Bagsby, P. G., & Grawitch, M. J. (2009). When does time perspective matter? Self-control as a moderator between time perspective and academic achievement. *Personality and Individual Differences*, 46 (2), 250–253.
5. Greene, B.A., & DeBacker, T.K. (2004). Gender and Orientation Toward the Future: Links to Motivation. *Educational Psychology Review*, 16 (2), 91- 120.
6. Halvari, H., & Thomassen, T.O. (1997). Achievement motivation, sports-related future orientation, and sporting career. *Genet., Soc., Gen. Psychol. Monogr.*, 123, 343–365.
7. Honora, D. (2002). The relationship of gender and achievement to future outlook among African American adolescents. *Adolescence*, 37, 301-316.
8. Kolesovs, A. (2002). The relation between time perspective and locus of control in high school students. *Baltic Journal of Psychology*, 3(2), 7-19.
9. Lewin, K. (1951). *Field theory in the social sciences: Selected theoretical papers*. New York: Harper.
10. Zalgaucka, J. (2017). Jūrnieku laika perspektīvas uztvere un sasniegumi darbā. *Kursa darbs (nepublicēts materiāls)*, Latvijas Universitāte, Rīga.
11. Zalgaucka, J. (2018). Orientācija uz nākotni un pretenziju līmenis kā studentu akadēmiskos sasniegumus prognozējoši faktori. *Bakalaura darbs (nepublicēts materiāls)*, Latvijas Universitāte, Rīga.
12. Zimbardo, P.G., & Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of personality and social psychology*, 77 (6), 1271-1288.
13. Worrell, F.C., & Mello, Z.R. (2007). The reliability and validity of Zimbardo Time Perspective Inventory scores in academically talented adolescents. *Educational and Psychological Measurement*, 67(3), 487 – 504.

Laulāto personības vērtības izvēles sakarības ar apmierinātību laulībā

Iveta Pastva,

Latvija, Baltijas starptautiskā akadēmija, Studiju programma "Psiholoģija" (maģistratūra),

ivetapastva@inbox.lv

Darba vadītāja: Doc., Dr. psych. **Ludmila Kaļiņņikova**

ANOTĀCIJA

Mērķis: izpētīt atšķirību personības vērtību izvēlē apmierinātu un neapmierinātu ar laulību cilvēku grupās. Dalībnieki 124 cilvēki (M=37.63 gadi) – 62 laulātie pāri, esoši laulībā uz izpēti brīdi ne mazāk kā 7 gadus. Metodika: aptaujas „Vērtību orientācija” un „Apmierinātība ar laulību”. Rezultāti: abās grupās tika atrastas nozīmīgas atšķirības personību vērtībās.

Atslēgu vārdi: apmierinātība ar laulību, personības vērtības.

ABSTRACT

Goal: to examine the difference of personal core values in two groups of people: satisfied and dissatisfied with marriage. Participants: 124 people (M = 37.63 years) - 62 married couples, which, at the time of the study, have been married at least 7 years. Method: "Value Orientation" and "Satisfaction with Marriage" inventories. Results: both groups are significantly different in their personal core values.

Key words: personal core values, satisfaction with marriage.

IEVADS / INTRODUCTION / ВВЕДЕНИЕ

Pētījuma problēma – šķirto laulību skaita palielināšanās Latvijā. Problēmas aktualitāti pastiprina mūsdienu ekonomiskās spriedzes stāvoklis Latvijā. Daudzas ģimenes nespēj nodrošināt sev nepieciešamās pamat prasības. No tā izrietošā fiziskā un psiholoģiskā iespējamā negatīvā spriedze, neapmierinātība, kā laulātajos, tā arī ik katrā personībā, kas ir nonākusi nelabvēlīgos apstākļos. Samazinās laulāto pāru skaits. Laulāto statistikas dati latvijā ir uztraucoši: no 9 290 laulībām 2010. gadā līdz 13 617 laulībām 2015. gadā, taču 2016. gadā to skaits samazinājās – 13 002, savukārt pērn noslēgto laulību skaits, salīdzinot ar 2016. gadu, palielinājās par 148 jeb 1,1 %. 2017. gadā tika šķirtas 5 943 laulības, kas ir par 21 % vairāk nekā 2010 [12]. Pētījuma mērķis izpētīt saistību starp personības vērtībām apmierinātiem un neapmierinātiem laulībā. Hipotēze: „Eksistē sakarība starp personības vērtības izvēli un apmierinātību laulībā”. Tika izmantotas „Vērtību orientācija” Rokičs, M.[4] paredzēta personīgās vērtības sistēmas izpētei un ” Aptauja „apmierinātība ar laulību” V.V.Stojins, T.L.Romanova, G.P.Butenko[11].

SVARĪGĀKĀS ATZIŅAS TEORIJĀ UN PRAKSĒ / BASIC THEORETICAL AND PRACTICAL PROVISION / ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Šoloma Švarca H. ([angļu](#): Schwartz Values Inventory) Švarca vērtību modelis ir universālo vērtību teorijas daļa, kas sākotnēji definēta šī pētnieka darbā Universalitāte vērtību saturā un struktūrā (Universals in the Content and Structure of Values)[8]. Modeļa pilnveidošanas gaitā ar pētījumiem vairāk kā 70 pasaules valstīs (līdz 2009.g.) ir empīriski pamatots tā universālisms[7,5,6]. Šī metodoloģija ir viena no atzītākajām un plašāk izmantotajām personības sociālo vērtību pētījumos [3,2,1].

Švarca definīcijā vērtības ir indivīdu izmantotie kritēriji rīcības izvēlei un notikumu vērtēšanai. Švarca skatījumā vērtības nav konkrēti specifiski mērķi, bet [motivācijas](#) un spriedumu pamats indivīda rīcībai plašāku, abstraktu mērķu sasniegšanā [8].

Atšķirībā no [Miltona Rokiča](#) vērtību teorijas, kas vērtības iedalīja terminālās (raksturo indivīdam vēlamā eksistences gala stāvokli) un instrumentālās (raksturo vēlamā rīcību terminālo vērtību īstenošanai) [4], Švarca viedoklis, ka šādam vērtību iedalījumam nav nozīmes. Modeļa attīstības gaitā tika identificētas 57 vērtības, kas veido 10 universālu pamatvērtību grupas [8,9].

Saskaņā ar Švarca iedalījumu:[6]. Pētījums parasti tiek veikts tiešās intervijas formā. Atšķirībā no [Rokiča vērtību aptaujas](#) kurā respondentu uzdevums bija visas terminālās un instrumentālās vērtības ranžēt katras grupas ietvaros, Švarca aptaujas metodoloģija paredz vērtību grupēšanu pēc to nozīmīguma respondentam.

Iegūtā informācija datu apstrādes gaitā ļauj segmentēt respondentus grupās pēc to dominējošajām vērtībām, tādējādi ļaujot pētniekam interpretēt atsevišķu grupu attieksmi pret dažādiem aptaujā ietvertiem jautājumiem un vēlāk novērtēt iegūto rezultātu statistisko nozīmīgumu salīdzinājumā ar citām grupām.

Pētījumā tika salīdzinātas divas grupas un viņu izvēlētās vērtības. Savukārt priekšstats par personību vērtību orientāciju sistēmu kā hierarhiju pārliecību izplatību ieguva Amerikāņu sociālā psiholoģija. Tā M. Rokič nosaka, ka vērtība ir „ stabila pārliecība tajā, ka, noteikts uzvedības eksistēšanas veids vai gala mērķis, priekšnosacījums no personīgā vai sociālā viedokļa, nekā pretstata, vai pretējais uzvedības veids, vai gala mērķis eksistēšanā” [4].

Pēc viņa viedokļa, personības vērtības raksturo ar sekojošām iezīmēm: kultūra, vērtību izcelsme izriet no sabiedrības un personības;vērtību ietekme izceļas visos sociālajos fenomenos, pelnījušas izpēti; kopīgais vērtību skaits, kas ir cilvēku īpašumā, salīdzinoši neliels;visiem cilvēkiem piemīt vienas un tās pašas vērtības, kaut arī dažādās pakāpēs;vērtības organizētas sistēmā;Š. Švarc un U. Bilski dod analogisku konceptuālu vērtību noteikšanu, ietverošas sekojošas formālās pazīmes:vērtības, tās ir sapratne vai pārliecība;vērtībām piemīt attieksme uz vēlamā gala stāvokli, vai uzvedību;vērtībām piemīt virssituatīvs raksturs; vērtības regulē izvēli, uzvedības vērtību un notikumus;vērtības sakārtotas pēc svarīguma nosacījuma[2].

Tādā veidā vērtības orientācijas sevi parāda kā sevišķu psiholoģisku izglītību, vienmēr sastāvošu hierarhijas sistēmā un eksistējošie cilvēka struktūrā ir tikai tās elements. Nav iespējams sev iedomāties personības orientāciju uz to vai citu vērtību kā kādu izolētu veidojumu, nerēķinoties ar viņu prioritāti, subjektīvu svarīgumu attiecībā uz citām vērtībām, kas ir neieslēgtas sistēmā. Dotā pētījuma bāzes nosacījums ir M. Rokiča vērtību raksturojums, kas saskan ar pētījuma tēmu un atbilst izvēlētām metodikām. M. Rokič nosaka vērtības kā „ noturīga pārliecība tajā, ka, noteikts uzvedības veids, vai gala eksistēšanas mērķis ir vēlamāks no personīgā vai sociālā viedokļa, nekā pretstata, vai pretējs uzvedības veids, vai eksistēšanas gala mērķis [4].

Rokič vērtības dala uz divām lielām klasēm: a) terminālās vērtības – pārliecība tajā, ka gala mērķis individuālajā eksistēšanā ar personīgo, vai sabiedrības viedoklis ir tā vērts, lai pēc tā tiektos; b) instrumentālās vērtības – pārliecība tajā, ka kaut kāds uzvedības veids no personīgā un sabiedrības viedokļa ir pieņemamāks jebkurā situācijā. Terminālām vērtībām ir noturīgāks raksturs, nekā instrumentālajām, pie kam priekš viņām ir zīmīga mazāka starpindividuālā variācijā. Empīriskie pētījumi personību vērtību izvēlē tika veikti M. Rokiča [4], S. Švarca un V. Bilski, T. Rokičs saprata hierarhisku priekšroku struktūras, izdalot viņā divas vērtību klases: Terminālo un instrumentālo. M.Rokičs [4] katrā profesijā, atbilstoši tās specifikai, izdala 3 vērtību pamatveidus: profesionālās afektīvās jeb jūtu vērtības - savas profesijas cienīšana, lepošanās ar to; profesionālās kognitīvās vērtības - profesionālās zināšanas, zināšanas saskarsmē u.c.; profesionālās psihomotorās vērtības - profesionālās praktiskās un teorētiskās iemaņas kā vērtības, kuras var izkopt tikai praktiskā darbībā.

Nesaskaņas starp personiskajām un profesionālajām vērtībām ir reālas, lai gan profesiju iespējams brīvi izvēlēties. Varbūt cilvēks strādā darbu, kurš viņam nav tīkams, bet atalgojums ir izšķirošais eksistencei. Pretrunās starp personiskajām un profesionālajām vērtībām regulē socializācijas process, integrējot sevī profesionālās vērtības.

Vērtības veidojas saskarsmē ar: citiem cilvēkiem, sevi pašu, darbu, vidi. Ievēriību pelna M.Rokiča pieeja, kurā tiek akcentēta personības vērtību attiecību, sociālo ieviržu kompleksā struktūra. Sociālās ievirzes iedalās vērtībās ar ilgstošu iedarbību un situatīvajās vērtībās, kas attiecināmas uz darbības aktu objektiem un panākumiem. Viņš daļa vērtības terminālajās un instrumentālajās [4].

Metodika „Vērtību orientācija” Rokičs, M.[4]. Paredzēta personīgās vērtības sistēmas izpētei un Aptauja „Apmierinātība ar laulību” kuru izstrādājuši Stoļins, V. V. Romanova, T. L. Butenko, G. P[11]. Paredzēta ekspress – diagnostikas laulības apmierinātības līmeņa noteikšanai. Praktiskā pētījuma nozīme ir iegūto rezultātu pielietojumā psihologu konsultācijās.: pirmslaulību konsultācijās, konsultācijās pāriem šķiršanās stadijā. Matemātiskai datu apstrādei tika izmantota: SPSS11.5programma.

REZULTĀTI / RESULTS / РЕЗУЛЬТАТЫ

Tika atrasta saistība starp apmierinātību laulībā un terminālām vērtībām $\chi^2(13; 302) = 33.736, p < .001$.

Par vairāk izteiktām var uzskatīt tās vērtības, kuru izvēles skaits pārsniedz trešo kvartili. Ja skatīt visas izvēles, tad $Q_3=0.094$.

Nozīmīgās terminālās vērtības apmierinātiem laulībā: veselība, mīlestība, materiāli nodrošināta dzīve, labu un uzticamu draugu esamība un brīvība.

Nozīmīgās terminālās vērtības neapmierinātiem laulībā: mīlestība, materiāli nodrošināta dzīve, labu un uzticamu draugu esamība, brīvība.

Ir atklāta saistība starp apmierinātību laulībā un instrumentālām vērtībām $\chi^2(17; 277) = 27.045, p < .05$.

Par vairāk izteiktām var uzskatīt tās vērtības, kuru izvēles skaits pārsniedz trešo kvartili. Ja skatīt visas izvēles, tad $Q_3=0.069$.

Nozīmīgās instrumentālās vērtības apmierinātiem laulībā: dzīvesprieks, atbildība, stingra griba, taisnība.

Nozīmīgās instrumentālās vērtības neapmierinātiem laulībā: audzināšana, dzīvesprieks, neatkarība, atbildība, iecietība, plašredzesloks, jūtīgums.

Svarīgās vērtības apmierinātiem laulībā un neapmierinātiem laulībā atšķiras.

Tādejādi terminālo un instrumentālo vērtību izvēle ir saistīta ar apmierinātību laulībā.

SECINĀJUMI / CONCLUSIONS / ВЫВОДЫ

Pētījuma izvirzītā hipotēze apstiprinājās: „Eksistē sakarība starp personības vērtības izvēli un apmierinātību laulībā”. Svarīgās vērtības apmierinātiem laulībā un neapmierinātiem laulībā atšķiras. Pēc pētījuma autores domām pētījuma rezultāti apstiprina domu, ka partnera izvēles laikā un arī visas dzīves periodā ir jāstrādā katram indivīdam pie savas vērtību skalas analizēšanas, jo no tās izveides ir atkarīga katra indivīda apmierinātība, vai neapmierinātība ar laulību. „Pētījuma rezultāti var būt izmantoti psihologu konsultācijās neapmierinātiem laulātajiem ar iespēju uzlabot laulāto apmierinātību laulībā un psiholoģiskās palīdzībassniegšanai laulāto attiecību un savstarpējās saziņas uzlabošanai.” Pētījuma rezultātu praktiskais pielietojums, laulāto pāru izpratnes veicināšanu pie speciālistiem (psihologiem), kādēļ kādas no apmierinātības, vai neapmierinātības sajūtām ir radušās. Pēc pētījuma autores domām katrs cilvēks tīri individuāli tiecās pēc savas otrās pusītes savu tikai viņam zināmu iemeslu dēļ. Kāds to dara cenšoties izvairīties no vientulības, cits simpātiju vai mīlestības vadīts, vēl kāds dēļ finansiāla vai mantiskā aprēķina vadīts. Ir vēl daudz un dažādi savādi iemesli, kāpēc cilvēki vienojās kopdzīvei, bet tā vai savādi, agrāk vai vēlāk tie sāk saprast, ka ir vēl pēc kā tiekties un ir labi ja tie apzinās, ka tā vērtība pēc kuras vajadzētu tiekties ir harmonija sevī, harmonija ap sevi un harmonija laulībā, jo vairāk tādēļ, ka arvien vairāk un vairāk pieaug to laulību un ģimeņu skaits, kas ir neapmierināti ar savām attiecībām un nolemj tās pārtraukt (šķirās).

LITERATŪRAS SARAKSTS UN AVOTU SARAKSTS / REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Austers, I. (2002). Attribution of value stereotypes as a consequence of group membership: Latvian and Russian students living in Latvia compared. *International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 26, No. 3, 273-285.
2. Bilsky, W. & Koch, M. (1996). On the Content and Structure of Values: Universals or Methodological Artefacts? Fifth International Conference on Logic and Methodology. Cologne, Germany.
3. Lee, J.A. & Soutar G. (2009). Is Schwartz's Value Survey an Interval Scale, and Does It Really Matter? *Journal of Cross-Cultural Psychology Online*, 07/10/2009, doi:10.1177/0022022109348920. Apskatīts 10.01.2010.
4. Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.
5. Schwartz, S.H. & Bardi A. (2001). Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology* 32;268.
6. Schwartz, S.H. (2009). Basic Human Values. Cross-National Comparison Seminar on the Quality and Comparability of Measures for Constructs in Comparative Research. Bolzano, Italy.
7. Schwartz, S.H. & Melech, G. & Lehmann, A. & Burgess, S. & Harris, M. (2001). Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32, 519–542
8. Schwartz, S.H. (1992). Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65.
9. Schwartz, S.H. (1994). Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*, 50, 19–45.
10. Наследов, А.Д. (2004). Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных. Санкт–Петербург : Речь, 392.
11. Intrenetresurs <https://www.atlants.lv/konspekts/aptauja-apmierinatiba-ar-laulibu/773524/>
12. Intrenetresurs <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/laulibas/galvenie-raditaji/noslegto-un-skirto-laulibu-skaiti>